Талкотт Парсонс

О социальных системах

Под общей редакцией
В. Ф. Чесноковой
и С. А. Белановского

УДК 316.3
ББК 60.5
П18

Данное издание выпущено в рамках проекта «Books for Civil Society» при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия и Института «Откртое общество» — Будапешт.

Парсонс Т.

П18 О социальных системах / Под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. — М.: Академический Проект, 2002. — 832 с.

ISBN 5-8291-0242-0 (Академический Проект)

Книга Талкотта Парсонса – крупнейшего теоретика социологии XX века – посвящена изложению точки зрения ученого на ключевые понятия его социологической теории - понятие социальной системы и способов ее изучения. Наиболее отчетливо в книге дано разделение понятий социальной и культурной систем, а также социальной системы и системы личности.

Теоретические концепции и методологические подходы Т. Парсонса не устарели и имеют большую ценность, в особенности для макросоциальных исследований.

Материалы книги представляют интерес не только для профессиональных социологов, но и для студентов-гуманитариев, так как системный подход к изучению явлений общественной жизни, безусловно, выходом за рамки чистой социологии.

УДК 811
ББК 81.2

© В. Чеснокова, предисловие
© Е. Молодцова, В. Степанов, Г. Беляева, В. Тапилина, В. Герчиков, Н. Осипова, В. Чеснокова, И. Бакштейн, А. Харраш, перевод
© Академический Проект, оригинал-макет, оформление, 2002

ISBN 5-8291-0242-0

Предисловие

С первых страниц этого тома и до самого его конца читатель будет иметь дело с понятием социальной системы. Слово «система» встречается, по-видимому, без всякого преувеличения на каждой странице данного издания. Что так сильно привлекало в этом понятии автора?

Действительно, это понятие, которое употребляет уже Кант, утверждая, что научное знание есть система, в которой целое главенствует над частями, к которому обращались Шеллинг и Гегель, трактуя системность познания как важнейшее требование диалектического мышления, в область социальных наук пришло в середине XX века. Лишь к этому времени социальные науки достигли, наконец, той ступени развития, когда стало возможно говорить о системах и структурах в изучаемом предмете. К этому времени общая методология также взяла эти понятия на вооружение и занялась ими по-настоящему, сделав их ключевыми в своих исследованиях. В 1950–1960-е гг. выражение «системный подход» стало девизом в социологии: его следовало применять и к организации исследования, и к обработке данных, и к интерпретации материала. Системный подход сделался модой в науке. (Надо сказать, что эта мода оказала благотворное влияние на развитие науки, в том числе и социологической. Мода постепенно ушла, а наработанные методы

системных исследований остались). Но для Т. Парсонса системный подход не был веянием времени и чем-то открываемым заново. Он всегда мыслил системно, а методологический бум просто помог ему облечь свой способ мышления в соответствующие слова. Он всегда видел общество как систему (что, кстати, свойственно было и другим крупным социологам-теоретикам), а к тому времени получил терминологический набор для описания своего видения.

Итак, в чем же преимущество понятие системы в применении к обществу? Словарь объясняет нам, что *«система»* — это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют определенное целостное единство» (1). Это понятие «целостности» несет в себе чрезвычайно важный смысл. «Целостность — это принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов, и невыводимость из свойств последних целого; зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функции и т. д. внутри целого» (1). Всякая система обладает структурой, т. е. определенной моделью своих связей и отношений; иерархичностью, т. е. свойством каждого элемента образовывать из себя также систему; так что внутри целого может оказаться несколько уровней таких подсистем, кроме того система как единое целое способна взаимодействовать со своей средой и даже является в этом взаимодействии активной стороной.

Одним из важнейших свойств системы является то, что она обладает поведением. Сложные системы — организмы, личности и общества — обладают способностью накапливать и передавать информацию и в них возникают процессы управления и самоорганизации. Такая система, подвергнувшись разрушительному воздействию, способна возвращать себе равновесие.

Именно это свойство, восстановление равновесия, самоорганизация, и является для Т. Парсонса наиболее важным в социальной системе. Важно понять не то, какие воздействия выводят из равновесия общество, не то, как разлаживается связь отдельных элементов и подсистем между собой, а именно то, как система устраняет результаты этих нежелательных вмешательств в процесс ее функционирования, как она умудряется «выживать» в этих сложных обстоятельствах. Как возникают те силы, которые эти результаты устраняют, и до какого предела социальная система сохраняет свою способность к самовосстановлению. Парсонс считал, что понятие системы настолько значительно для науки, что на уровнях высокой теоретической общности без этого понятия наука существовать не может. Если во взаимозависимости компонентов не существует единообразия, то не существует никакой научной теории. Далее, всегда следует проводить строгое различение между аналитически формулируемыми отношениями переменных, т. е. тем, что большинство методологов называют «законами» и эмпирической взаимозависимостью операционально выделяемых компонентов. Равновесие, на мой взгляд, это понятие, определяющее отношение между этими двумя уровнями... Если не делать никакого различения между условиями, благоприятствующими стабильности и условиями, толкающими к изменению состояния в сторону, противоположную стабильности, ...то не может существовать такой вещи, как систематический эмпирический анализ» (2, стр. 44).

В верности этому подходу и заключается знаменитая «консервативность» Парсонса, его отказ пристально заниматься революциями, классовой борьбой, отношениями личности с государством и проч. Он работает на совершенно другом уровне — на уровне внутренних системных механизмов, обеспечивающих возможность существования социальной системы. Он строит идеальную модель этих механизмов. «Процесс, — пишет он, — это тот способ или тот метод, которым данное состояние системы, или части системы, превращается в другое ее состояние... В некоторых случаях следует рассматривать процесс, о котором идет речь в исследовании, как часть более широкой системы. Когда мы делаем это таким образом, что наш интерес сосредоточивается на ***альтернативных следствиях этого процесса для системы*** в целом, или какой-то части этой системы, такой процесс можно назвать *«механизмом»* (2, стр. 304).

Если мы возьмем для примера механизм социального контроля, исследуемый Парсонсом в главе 7 его работы «Социальная система», то увидим, что он заключается в том, что акторы мотивируются таким образом, чтобы в них не возникало желания к отклонению от выполнений ролевых ожиданий. Другими словами, это процесс, противодейству-

ющий тенденциям к отклонениям в системе, а следовательно, «это механизм восстановления равновесия» (2, стр. 309). Можно предположить, что просто люди, осознающие опасность такого отклонения, «принимают меры» и создают эти самые механизмы, а процессы, как бы самовозникающие в системе, тут ни при чем. Но возьмем более близкий всякому человеку пример: защитные механизмы личности. Это такое глубоко укорененное образование в психике человека, о котором он даже не знает до того момента, когда наступает критическая ситуация, и они вдруг начинают действовать и побуждать человека к поступкам, которые он заранее не планировал.

Как увидит в дальнейшем читатель, весь анализ общества выводится Т. Парсонсом именно из такого представления о нем. Предметом рассмотрения будет общество, определенное как социальная система, самовосстанавливающаяся в потенции или в принципе (2, стр. 197).

В другой своей работе «Общества» он берет за исходную точку анализа определение, восходящее, по его словам, к Аристотелю: «Общество есть такой тип социальной системы во всей совокупности социальных систем, которая достигла высшей степени самодостаточности в отношениям со своим окружением» (2, стр. 791). Важно отметить здесь, что в понятие «самодостаточности», по Парсонсу, входит способность контролировать не только внутренние процессы, но и свои взаимоотношения с окружением, вернее с окружениями, т. к. сложная социальная система действует в окружении других систем, и каждая из них имеет свои способы поддержания равновесия.

«При таком понимании критерий самодостаточности можно разложить на пять субкритериев, так что каждый их них окажется связанным с одним из пяти окружений социальной системы: «конечной реальностью», культурными системами, системами личности, организмами, обладающими поведением, и физико-органическим окружением. Самодостаточность общества зависит от гармоничной ***комбинации*** контроля этого общества за его отношениями со всеми его пятью окружениями и состояния его внутренней интеграции» (2, стр. 792–793).

Реализуя это представление о функционировании самодостаточной социальной системы — «общество» — в своей работе начала 50-х гг. Т. Парсонс предпринимает чрезвычайно тщательный и углубленный анализ этих «окружающих» систем. Возникают необычайной сложности построения, описывающие движение от того уровня данной системы, которым она «входит» в социальную, ко все более высоким (в смысле обобщенности) уровням, которые управляют этим, нижележащим уровнем. Не разобрав способов построения и закономерностей функционирования этих «окружающих» общество систем, невозможно, по мнению Парсонса, понять и способов их взаимодействия друг с другом, а самое главное, непонятными остаются те «ответы» на изменения, а точнее: ответы на воздействия на социальную среду условий ее существования, которые требуют изменений и адаптации к себе. Особенно сложными оказываются построения смысловых и культурных систем. Общая схема процесса такова: социальная система, встретившись с трудностями, начинает адаптироваться к ним, процесс изменений при этом захватывает и область взаимного пересечения социальной и культурной систем (точно то же воздействие оказывается и на прочие окружающие системы). Тогда и культурная система также должна адаптироваться к изменению в своих нижних этажах. Импульсы проходят через все слои, до самых верхних, и культурная система реагирует на «навязанные ей изменения, перестраиваясь соответствующим образом, поскольку, будучи системой, она также обладает свойством саморегуляции. В принципе изменения принимаются, но только до того предела, за которым началось рассогласование в самой системе культуры. Какие-то изменения, следовательно, не принимаются. Таким образом, теперь — социальная система оказывается перед необходимостью адаптироваться уже к системе культуры. В результате процесс адаптации принимает многоступенчатый характер. Произведенные «поправки» на требования культурной системы в свою очередь вызывают необходимость делать поправки и в отношения с другими окружающими системами. Процесс адаптации усложняется, как бы расходится кругами по всей социальной системе, вновь возвращающиеся импульсы от окружающих систем вызывают новые волны попыток наладить взаимодействие. Невероятная сложность парсоновских построений, таким образом, лишь отражает сложность процессов адаптации внутри социальной системы.

В действительности парсоновская сложность лишь упрощенное отражение колоссальной сложности реально идущих процессов в социальной системе, потому что только на модельном уровне можно проследить процесс адаптации в его изолированном виде. В реальности же воздействия, которые получает система, накладываются друг на друга, — когда процесс адаптации к одному воздействию еще не закончился и система не пришла еще в полное равновесие, возникают новые воздействия, требующие новых «усилий» социальной системы. На парсоновской модели видно, каких трудов стоит социальной системе сохранять равновесие и какое-то внутреннее единство в ситуации, когда изменения «сваливаются» на нее одно за другим с той интенсивностью, с которой в наше время все убыстряющегося развития возникают перед социальной системой все новые проблемы и трудности.

Этот системный подход, присущий, как мы упомянули выше, Парсонсу изначально (потому что системный подход — это не просто метод, но вдобавок еще и способ мышления), и сделал его столь чувствительным к равновесию социальной системы. Он как бы изнутри ощущает ее жизнь, ее проблемы, и самое главное — пределы, за которыми это динамическое равновесие может быть утрачено и пойдут процессы распада, которые невозможно уже будет блокировать.

«Эмпирически-теоретической проблемой, — пишет он, — оказавшейся в фокусе моего внимания в момент теоретического старта была проблема основ социального порядка... Оказывается, что рассмотрение проблемы порядка... ведет прямо к самому главному и основному в структуре систем действия, особенно социальных систем, а сама структура не что иное, как категория, относящаяся к стабильным аспектам системы» (2, стр. 42). И далее, отвечая на постоянную критику его концепций со стороны «левых» направлений: «Конечно, существует тесная связь между настойчивой критикой предвзятости статического характера... и приписыванием мне «предвзятости консерватизма» в политическом смысле. Отделение научного теоретизирования от формулировки политических установок и от политики кажется мне существенным моментом для развития науки, особенно важным в социальных ее областях» (2, стр. 55).

«Дело в том, — объясняет он свою научную позицию, — что основа социального порядка проблематична по сути своей, поэтому и пришлось сделать его центром внимания социологической теории, как это было сделано и группой европейских теоретиков, о которых я писал в «Структуре социального действия», ...связывать теоретический интерес к проблеме порядка с конформизмом или склонностью к анализу статического аспекта, как я уже указывал, грубое извращение» (2, стр. 56).

В этом же причина постоянных претензий к моделям Парсонса, в которых подчеркивается значение нормативной структуры. «Социологический подход к изучению проблемы порядка состоит, как я говорил выше, в анализе той роли, которую в социальных системах играют институциолизированные стандарты нормативной культуры» (2, стр. 56). Критикам кажется, что Парсонс слишком переоценивает значение норм в социальной жизни. Какой толк пристально изучать их и даже ставить в центр общей теории, если они «постоянно нарушаются». Норма — это какое-то эфемерное образование в густом потоке нашей реальности, которая ежедневно обрушивает на нас массы материальных вещей, проблем и действий, в потоке которых социальная норма находится где-то на заднем плане. Она вообще-то и не настоящая реальность, а чистое представление. Разве может представление что-то регулировать, стабилизировать и т. д? Однако Парсонс утверждает, что именно эта эфемерная реальность и регулирует всю социальную систему. Ибо человек действует сообразно своему представлению: и вся эта плотная и густая реальность вещей и человеческих поступков упорядочивается в его сознании именно благодаря тем представлениям, которые он усвоил и превратил в свои убеждения, именно этими представлениями определяется процесс мотивации человека. А социально правильно мотивированный человек всегда «работает», в конечном счете, на поддержание равновесия социальной системы, начиная от равновесия интерактивных процессов.

«Главная функциональная проблема касается отношения социальной системы к системе личности, включая обучение, развитие и сохранение на протяжении всего жизненного цикла адекватной мотивации участия в социально признанных и контролируемых моделях действия»

(2, стр. 796). И опять: «Первая необходимость, которую испытывает общество по отношению к личности члена данного общества — это мотивация его участия, включая сюда также и его согласие с требованиями нормативного порядка данного общества» (2, стр. 801), поскольку ***«тенденция процесса взаимодействия к самосохранению есть первый закон социальных процессов»*** (2, стр. 307).

Единообразие социальных мотиваций, а, следовательно, исправность протекания коллективных действий обеспечивают не те социально-нормативные системы, которые руководят самими действиями, а те, которые формируют и передают человеку социальные представления, в которых содержится смысл действий и систем коллективных действий и объяснение связи их с устойчивостью социальной системы.

В реальности, утверждает Парсонс, ни одна система не бывает в состоянии полной интеграции и совершенного равновесия. В каждой системе, и в частности в каждой социальной системе, постоянно действуют деструктивные факторы. Наиболее очевидным это становится при изучении девиантного поведения, для того, чтобы не зажимать все социальные процессы в жесткие рамки (что привело бы со временем к стагнации), необходимо обеспечить и определенную свободу маневра актора и возможность постепенных социальных изменений, нормативные системы, определяющие коллективные действия должны быть с «люфтом», — в них должна быть предусмотрена эта свобода движения. Но это же качество социальных систем взаимодействия постоянно порождает и поддерживает девиантные тенденции. Следовательно, необходим социальный контроль и другие корректирующие механизмы, «благодаря которым данные (деструктивные) процессы могу быть остановлены и вся система возвращена в прежнее состояние равновесия». Естественно, это равновесие довольно условное, поскольку «факторы, мотивирующие девиацию, действуют всегда, и они настолько стабильны, что их невозможно устранить из мотивационной системы акторов... Механизмы социального контроля имеют в виду не элиминирование этих факторов, а ограничение последствий их действия и предотвращение распространения этих последствии за пределы отведанных для них рамок» (2, стр. 417).

Здесь мы видим, как и в примере взаимодействия социальной системы с культурой, процесс многоуровневого и многоэтапного приспособления систем друг к другу: один этап приспособления порождает новую необходимость приспособления. И действительно, настоящего равновесия никогда не бывает: система — в постоянном движении и приспособлении живет и пульсирует, это — процесс развития, ставящий социальную систему, как правило, между состоянием упрочения и состоянием деструкции. Парсонс периода написания своих работ о социальных системах — это человек, как бы постоянно ощущающий не только непрерывное движение, но и врожденную нестабильность указанных систем и потому глубоко озабоченный этой проблемой — поддержанием равновесия, самоорганизации и саморегулирования общества (в котором мы, между прочим, живем и развал которого непосредственно отражается на нашей жизни и деятельности). Это динамическое равновесие социальной системы, которое несет в себе то тенденцию к стабильности, то тенденцию к распаду, и проследить эти тенденции можно только на теоретическом уровне, — только на этом уровне может быть дано объяснение воздействующих сил, а тем самым и какие-то практические предположения возможности преодоления деструктивных тенденций (имеется в виду, конечно, более или менее исчерпывающее объяснение, т. е. принимающее во внимание состояние системы в целом).

Но поскольку знания наши о системах в целом на данный момент довольно ограничены, то мы по существу вынуждены на более конкретном уровне оперировать не системами в целом, а их структурами. Если под системой понимается все целое со всеми входящими в него объектами и связями между ними, то под структурой — определенная схема устойчивых элементов этого целого, извлеченная из него. Вся сложность живущих и действующих на данный момент элементов и связей между ними фактически опускается, остается то, что устойчиво сохраняется во времени.

Словарь определяет структуру как «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т. е. сохранение основных свойств при различии внешних и внутренних изменений» (3). Этим понятием Парсонс пользуется на более конкретном

уровне исследований, при анализе определенных социальных объектов. Методология, предложенная им для такого анализа, называется структурно-функциональным анализом. Приступая к изучению не полностью нам известного или же вовсе неизвестного объекта, мы предполагаем, что для его существования и сохранения «в целости» должны выполняться определенные функции (Парсонс дает приблизительный список функций для социального объекта), и затем уже определяем те части объекта, которые за эти функции «отвечают», — так получается структура объекта. В частности, в «Социальной системе» автор устанавливает, что «дифференцированными единицами (исследуемой Парсонсом структуры являются... роли плюс значения объекта для актора, а также модели его ориентации» (2, стр. 198).

Устойчивый инвариантный набор функциональных проблем, который создал Парсонс для анализа социальных объектов — это адаптация, целедостижение, воспроизводство структуры и снятие напряжений, а также интеграция системы.

Добавим еще здесь о структурализме в XX веке. Это очень интересная и весьма разработанная концепция зародилась в 20-х гг. XX века в лингвистике, а затей распространился на литературоведение, этнографию и некоторые другие области знания. Разработка применения структурного метода привела в 60-х гг. к оформлению целого комплекса философских и научных идей, связанных с именами Леви-Строса, Фуко, Дерриды и ряда других ученых. Они пришли к выводу, что понятие структуры характеризуется не только и не столько устойчивым соотношением элементов целого, но совокупностью правил, по которым из одного объекта можно получить второй, третий и т. д. путем перестановки элементов и некоторых других симметричных преобразований. И тогда, чтобы получить единую структурную закономерность некоторого множества объектов, достаточно описания их различий как превращающихся друг в друга конкретных вариантов единого абстрактного инварианта. Внимание должно быть перенесено при этом с природных свойств изучаемых объектов на отношения между элементами и зависящие от них реляционные, т. е. системно приобретенные свойства. Структуралисты называли этот принцип: методологический примат отношений над элементами в структуре.

Структуралисты считали, что за сознательным манипулированием знаками, словами, образами, символами можно обнаружить неосознаваемые глубинные структуры, скрытые механизмы знаковых систем. И именно переход к изучению таких структур бессознательного обеспечивает научную объективность исследования. Эти скрытые закономерности, которым бессознательно подчиняется человек, соответствуют каким-то глубинным пластам культуры. И они-то опосредуют отношения человеческого сознания и мира. Получается что сознание и самосознание человека, игнорирующие это опосредованно глубинными, бессознательными структурами, оказываются источником иллюзий относительно свободной и суверенной деятельности человеческого Я. Радикальные перестройки глубинных структур одни способны обеспечить качественные преобразования культуры (3).

Так обстояли дела в области структурализма в период активной работы Парсонса над проблемами социальных систем. Как видно о его текстам, он не увлекался вскрытием таких бессознательных пластов. Подход Парсонса к понятию структуры более традиционен, что видно из того, как он исследует структуру социального объекта, выделяя в нем блоки элементов с помощью заданных им самим наборов функций. Тем не менее концепции структуралистов были ему знакомы. Парсонс вообще был широко компетентен в сфере современных ему методологий и во всех новых тенденциях в этой области.

* * *

В заключение, как нам кажется, справедливо воздать дань уважения и благодарности нашим первым российским «парсонианцам», в трудных условиях строгого идеологического контроля и отрицательного отношения ко всем «западным учениям» принявших на себя бескорыстный труд по введению в наш научный оборот теории Парсонса. Здесь имеются в виду не только переводчики попавших в наше издание работ, но и все, кто активно интересовался концепцией Парсонса, прилагал усилия к ее объяснению, обсуждению и распространению. Это, конечно, прежде всего семинар В.А.Левады, много занимавшийся Парсонсом, это также и семинар О.И.Генисаретского и отчасти

также семинары Э.Ю.Юдина и Г.П.Щедровицкого, проявлявшие интерес к данному учению.

Действительно, распространение оказалось не таким уж широким и переведенные материалы пролежали под спудом не менее четверти века. Но они, тем не менее, по нашему убеждению, не устарели. Концепция Парсонса дана нам на будущее. Мы еще очень многому можем научиться у этого ученого. Более того, хочется сказать, что концепция Парсонса все еще остается данной на будущее также и мировой социологии. Хотя прошло много лет, появились новые школы и направления, тем не менее солидных работ, развивающих концепцию Парсонса или как-то ее замещающих, пока не видно. Дело в том, что сфера макросоциологии, — главная сфера работы Парсонса, — как бы временно оставлена социологами. Интерес ученых переместился в сферу микросоциологии, а также сфер, пограничных для социологии с другими науками. Новые направления также дают много интересного материала, но сфера макросоциологии остается весьма важной областью получения знаний об обществе как целого. Как следует из материалов нашего «круглого стола», помещенного в книге «О структуре социального действия», знакомство с теориями Парсонса хорошо «ставит теоретическое и методологическое мышление» в сфере социальных наук. Пожелаем нашим новым «парсонцам» успехов на тернистых путях освоения и, может быть, в дальнейшем также развития сложных, многосторонних, многоуровневых построений парсоновских концепций.

В.Ф. Чеснокова
14.07.02.

Примечания

(1) *Садовский В.Н.* Система // Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 610
(2) Настоящее издание (№ стр. указана в ссылке).
(3) Структурализм // Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 657.

Точка зрения автора

(из книги: «The Social Theories of Talcott Parsons»., Ed. M.Black, N.Y., 1961)

Автору доставляет глубокое удовлетворение тот факт, что его работа привлекла к себе серьезное и компетентное внимание, результатом чего и явился настоящий том. Источником этого удовлетворения является не только признание личных заслуг автора (за что он, впрочем, крайне благодарен), но, главным образом, прогресс общего дела — дальнейшая разработка научной теории человеческого поведения. Само появление данного тома служит важным показателем все более зрелого состояния социальных дисциплин.

Девять очерков, предшествовавших этому, написанных весьма серьезно и на высоком критическом уровне, вместе с тем отличаются отсутствием в них единой критической точки зрения. Конечно, их объединяет то, что все они относятся к одной и той же совершенно определенной совокупности работ. Однако авторы затронули много разнообразных аспектов этих работ и одновременно оказались увлечены или обеспокоены таким количеством различных деталей в них, что в качестве общего знаменателя этих статей остался, пожалуй, лишь глубокий интерес к проблемам социальной науки, а рассматриваемая совокупность работ послужила лишь поводом для обнаружения этого интереса.

Знакомство автора с этими очерками, естественно, натолкнуло его на размышление как о соответствующих аспектах его собственной интеллектуальной истории, так и о месте обсуждаемого предмета (социологии) в культурной ситуации эпохи. Вероятно, следует начать с некоторых соображений по поводу последней темы, затем перейти к первому вопросу и уже отсюда к некоторым существенным проблемам.

Одним из характерных признаков интеллектуальной ситуации нашей эпохи является преобладающее стремление дать себе отчет о происходящем; пример этого, тесно связанный с нашей сферой — возрастающий интерес к такой дисциплине, как социология знания. Последняя показывает, что существует громадное разнообразие вариантов того, как концептуальные схемы, признанные со временем научно значимыми, впервые были встречены профессиональными кругами и широкой общественностью.

Стал уже почти тривиальным тот факт, что идеи, вызывающие коренную перестройку способов мышления в своих областях, встречают жестокое противодействие. Видимо, в наибольшей степени это относится к идеям, непосредственно касающимся структуры общества и культуры, в которых и благодаря которым живут творцы этих идей. Возможно, именно поэтому в социо-культурной области подлинная наука стала развиваться так поздно и в настоящее время пребывает в дискуссионной стадии развития.

Впрочем, в некоторых случаях научные нововведения сразу же получают одобрение, по крайней мере, в профессиональных кругах; наиболее яркие примеры — теории Ньютона и Эйнштейна. Случается и по-другому: например, работы Менделя по генетике длительное время просто никого не интересовали. Другие же, например, теория Пастера о роли инфекции при заболевании встретила яростные возражения и была резко отвергнута большей частью специалистов.

Встретит ли новая теория оппозицию или поддержку — зависит не только от научных, но и от идеологических причин. Особенно это относится к социальной науке, т. к. она наиболее тесно связана с приверженностью к определенным ценностям (value commitments) и другим закрепленным в культуре интересам современных групп.

Вероятно, не все исследователи согласятся со мной, но мне кажется, что в общих чертах правильными будут три положения относительно ситуации в социальных науках.

1. Основы развития современной социальной науки были заложены так называемым утилитаристским направлением в Англии XVIII–XIX вв., имевшим влияние и на континенте, особенно во Франции. Заслугой этого направления является не только окончательное оформление экономической науки и развитие *бентамовской* традиции в политической науке, но также основание Тейлором современной антропологии и разработка Спенсером важных социологических подходов.

2. Однако главное для развития *поведенческих наук* было сделано не в Англии, а на континенте, и важнейшими фигурами здесь были, с одной стороны, Дюркгейм и Макс Вебер, а с другой — Фрейд. Возник контакт с *идеалистическими* и *коллективистскими* традициями западной мысли, которые в целом не были свойственны британскому складу ума. Важным, но вторым по значению было возникновение в Соединенных Штатах *социальной психологии* и появление на арене таких фигур, как Кули, Мид и Томас. Большую роль сыграло и дальнейшее развитие утилитарного образа мышления, приведшее в начале века к большим достижениям в области экспериментальной психологии.

Чрезвычайно показателен тот факт, что именно в Соединенных Штатах, как в фокусе, сошлись основные линии развития. Это, в первую очередь, выразилось в том, что именно здесь поведенческие науки были подняты до профессионального уровня и лишь совсем недавно это повторилось в Европе, и то под сильным американским влиянием. Самым важным здесь было то, что такие дисциплины, как социология, антропология и психология в академической иерархии заняли место рядом с экономическими и политическими науками. Эти дисциплины полностью утвердились в структуре университетов, увеличилось и количество специалистов по данным отраслям знания (1*).

С интеллектуальной точки зрения это развитие было типично американским, *прагматическим* настолько, что часто казалось эклектичным. *Школы*, подобные бихевиоризму в психологии и культу Самнера-Келлера в социологии, оказались недолговечными. Акцент делался на эмпиризм, что объясняло первоочередной интерес к поискам новых методик исследования в описываемых областях.

Положение с общей теорией было весьма сложным. Американская интеллектуальная сцена характеризовалась заметной открытостью и восприимчивостью. Это весьма резко контрастировало с тем, что, по крайней мере до после-

* Здесь и далее см. Примечания в конце главы

днего времени, называлось *британским традиционализмом*, согласно которому ни одна *новомодная* теория не может представлять ничего значительного, а также с распространенной в Европе тенденцией формулировать проблемы главным образом в идеологических терминах, что ставит непреодолимые препятствия на пути подлинно теоретической дискуссии. Несмотря на это, в процессе исследования было разработано довольно много отдельных принципов нового теоретического кодекса: например, концепция Дюркгейма об органической солидарности и аномии; учение Вебера о бюрократии; многие работы Фрейда, включая выходы из них в социологию и антропологию.

Далее, американскую открытость характеризуют еще два момента: относительный иммунитет к идеологическому давлению, т. е. готовность браться за любые проблемы социальных наук, и тесно связанное с этим умение оценить по достоинству решения частных и ограниченных задач без особой заботы о стоящих за ними *глобальных* проблемах. Например, при таком подходе можно было рассматривать аномию Дюркгейма в связи с самоубийством, не слишком заботясь, в отличие от континентальных интеллектуалов, о более общих следствиях его варианта позитивистской философии.

Оборотной стороной медали всегда был общий для американцев скептицизм по отношению к высоким уровням обобщения. Отсюда неблагоприятная интеллектуальная атмосфера для развития и распространения общих концептуальных схем, поскольку все время возникал вопрос, являются ли такие схемы необходимыми или хотя бы желательными. В Америке появилась тенденция оказывать сопротивление всяким попыткам работать на уровне общей теории. В настоящих очерках такая точка зрения наиболее ясно высказана профессором Морзе в его недвусмысленном заявлении, что твердо установленные общие схемы, преобладающие в настоящее время в экономической науке в нашей стране, да и повсюду, создали четкие барьеры, препятствующие постановке пограничных теоретических вопросов. Аналогичные взгляды можно найти в *ортодоксальной* теории психоанализа и в некоторых пунктах антропологической *культурной* теории.

В свете этой чрезвычайно общей характеристики положения социальной науки в Соединенных Штатах мне бы и хотелось в нескольких словах определить свою собственную ориентацию (2). Без сомнения, главной моей *целью* было развитие и распространение *общей теории* в той области, которую я постепенно стал понимать как область науки о *действии*. Вероятно, темперамент и образование способствовали постановке такой цели, но все-таки непосредственно эта идея возникла благодаря моему знакомству с работами сначала Макса Вебера, затем Дюркгейма и, наконец, Парето. Это, далее, произошло в контексте основной интересовавшей меня проблемы — соотношения между основными традициями экономической теории и объяснением многих характерных особенностей современного индустриального общества.

Этот основной интерес выкристаллизовался у меня уже в докторской диссертации, над которой я работал в Гейдельберге, по проблеме понятия капитализма в работах Зомбарта и Макса Вебера. Я довольно рано четко разграничил научный и идеологический аспекты проблемы и основное внимание уделил первому. В этом контексте стало совершенно ясно, что проблему эмпирической интерпретации или *диагноза* нельзя адекватно разработать, если не попытаться создать более широкую, чем обычно, сверхэкономическую теоретическую рамку, внутри которой должна работать экономическая теория. При правильном подходе можно увидеть, что это было главной темой работ Макса Вебера, Дюркгейма и особенно Парето. Выявив эту тему в работах указанных авторов, не упуская из вида и Маркса, я попытался нащупать ее и в работах самого влиятельного экономиста-теоретика рубежа двух столетий Альфреда Маршалла. Все это было собрано в работе «Структура социального действия» (впервые опубликована в 1937 году), которая стала отправным пунктом для всей моей дальнейшей теоретической работы. (Об этом авторы предыдущих очерков упоминают вскользь; исключением являются только очерк Деверье).

Я возвращаюсь здесь к своей первой крупной работе, поскольку она является для меня поворотным пунктом не только с точки зрения содержания, но также и с точки зрения стратегии построения теории. В этом исследовании мне удалось продемонстрировать конвергенцию основных концептуальных схем этих четырех авторов, и она образовала первый уровень интегрированной общей теории в моей соб-

ственной работе. Очевидно, это еще не было логико-дедуктивный теоретической системой, как об этом говорит профессор Блэк, но ясно также, что это было нечто гораздо большее, чем эклектическое собрание не связанных между собой теоретических идей.

На том уровне, которого достиг Маршалл, экономическая теория была, несомненно, наиболее утонченной из всех до сих пор разработанных теоретических схем, созданных для анализа какой-то области человеческого поведения, конечно, на микроскопическом уровне. По-моему, наиболее значительным теоретическим достижением «Структуры социального действия» было то, что она продемонстрировала систематический ряд проблем, находящихся на границах этой теории, а также разработала конвергентную систему понятий, ориентированных на работу с этими проблемами. Я думаю, что наиболее фундаментальной из них была проблема порядка. Она включала в себя проблему *рациональности*, а также выяснение двух основных аспектов этого понятия: 1) *психологическое* значение мотивационных компонентов, объясняющее отклонение от рациональных норм; 2) *культурные* понятия ценностей, *конечных целей* и т. д., которые оказались скорее нерациональными, чем иррациональными. Все это было положено в основу концепции нормативного порядка таких институтов как контракт, собственность, власть и т. д., а также были реконструированы взаимоотношения между этими институтами и *эгоизмом*, который был фокусом мотивационных понятий в экономической традиции. Сюда же относится объяснение *морального авторитета* нормативных образцов через религиозные обязательства, как это дается в понятиях *священного* и *харизмы* у Дюркгейма и Вебера.

Вероятно, можно было бы довести упомянутый уровень конвергенции до уровня логически замкнутой теоретической системы, но я склонен сомневаться в том, что это могло бы быть плодотворным при любых обстоятельствах; и уж если профессор Блэк считает преждевременными мои последние попытки систематизации, то тогда это было бы еще более преждевременным. Во всяком случае, на деле был выбран не этот путь. Напротив, я, верный американскому духу, следовал прагматическим путем. Он состоял в том, чтобы брать целые серии специальных проблем, относящихся к аспектам более общей схемы, и разрабатывать их одновременно с двух сторон: с точки зрения их логической и теоретической структуры и с позиций наличного эмпирического опыта.

На первом месте стояла проблема некоторых следствий экономической доктрины эгоизма. В экономической литературе о *капитализме*, как радикальной, так и консервативной по своей идеологии, совершенно упускалась из виду проблема структурного несоответствия между предпринимательством и свободной профессией в современном обществе. В свою очередь, это вело к постановке таких вопросов, которые я теперь сформулировал бы как проблемы соотношений между личностью и ролью, в частности, включающие то, что выше было названо психологическим аспектом исторической проблемы рациональности. Далее путь шел через изучение медицинской практики к проблеме социального контроля в целом и, в конечном итоге, к проблеме генезиса нерациональной мотивации. Именно в этой связи мною впервые было предпринято интенсивное изучение Фрейда, и теория личности приобрела для меня как социолога серьезное значение. В результате сильно укрепилось мое убеждение в том, что социология как один из аспектов теории социальных систем не может успешно решить многих своих пограничных проблем без систематического теоретического осмысления многих смежных вопросов психологии. То, что я сделал, состояло в применении к социологии той же самой логики, которую я раньше применил к экономике. И только много позднее эта логика получила систематическое применение к культурным областям, граничащим с социальными системами (3).

На одном из этапов моей карьеры, естественно, возник вопрос о полном уходе в сферу эмпирических исследований. Изучение медицинской практики, а позднее социальной мобильности было известным движением в этом направлении. Я чувствую, что некоторые из критиков, представленных в этом томе, а также множество других профессионалов, не представленных в нем, считают, что мой отказ от дальнейшей эмпирической работы был роковым шагом, поскольку для того, чтобы теория была плодотворной, весьма важно сделать ее *операциональной* в смысле пригодности для детального исследования. Может быть, они

правы, но я избрал другой путь, надеюсь, мне поверят, что я питаю глубочайшее уважение к компетентному эмпирическому исследованию, убежден, что оно занимает центральное место и, вероятно, является совершенно необходимым при построении науки. Однако в то же время я выступаю за специализацию в области теории. Для специалиста-теоретика работа с эмпирическим материалом сводится к уяснению **теоретического** значения этого материала и скорее к кодификации его в отношении теоретических проблем, чем к его непосредственному производству. В настоящее время я убежден, что даже если отвлечься от темперамента и от серьезных пробелов в технике исследования, разработку основных программ эмпирического изучения в общепринятом смысле невозможно совместить с созданием широкой программы построения общей теории. Я рассматриваю эту проблему как проблему дифференциации функций в сложной системе культурно-ориентированного взаимодействия.

Во всяком случае, мои эмпирические интересы были весьма разнообразны, и то, что я сделал, находилось скорее на уровне суммирующих и объяснительных очерков, нежели на уровне *исследования*. Тем не менее я берусь утверждать, то такой вклад может быть подлинно эмпирическим. Не существует четкой границы между *точными данными* и более общими заявлениями о факте, которые могут быть получены и без применения технических процедур исследования или лишь с частичным их применением путем более или менее прямого использования находок других или же путем объединения данных из различных источников.

Работа такого типа носит характер эмпирического описания *случайных* проблем. Я имел склонность к прагматизму, надеясь найти интересные теоретические применения и выводы в разнообразных проблемах, поднимавшихся на конференциях, в изданных материалах симпозиумов и т.п. В последние годы появилась тенденция подчеркивать важность различных аспектов американского или вообще современного индустриального общества и выделять в качестве первоочередного теоретического интереса анализ крупномасштабной социальной системы как системы (4).

Мне кажется вполне естественным, что в рамках этой стратегии, если она заслуживает такого названия, время от времени появляются попытки достичь более высоких уровней обобщенной теоретической кодификации и формулировок. К таким попыткам относятся: первое частичное опубликование схемы стандартных переменных (1939), создание кодификационной программы в книге «К общей теории действия» (1951), где эта схема переменных была обобщена с позиций более широкой системы координат действия, написание в сотрудничестве с Бэйлсом и Шилзом «Рабочих тетрадей» (1953), где делался одновременный акцент на функциональные *системные проблемы* и фазы процесса во времени. Развитие этих положений в схеме входов-выходов в «Экономике и обществе» и, наконец, недавняя попытка более систематической разработки и переформулировки схемы стандартных переменных (5).

Оглядываясь назад, я полагаю, что в строго теоретическом смысле каждая из этих попыток представляла собой важный шаг вперед. Однако это не было в прямом смысле *однонаправленным прогрессом*, а согласно прагматической традиции, в каждой попытке использовалась возможность для прояснения и расширения анализа частных теоретических сфер и последующей увязки нового материала с развивающейся общей схемой. Увязывание в таком смысле было двусторонним процессом; сюда входило не только распространение общей схемы на новые области проблем, но также и необходимая модификация предшествующих формулировок общей схемы и возможностей ее применения в свете вновь возникающих соображений. Так как все это происходило на прагматическом уровне, то, естественно, сбивало с толку тех, кто пытался следить за этим развитием, не будучи при этом тесно связан с теми конкретными этапами, над которыми шли интенсивные размышления в тот момент.

Возможно, именно в природе этого типа прагматического развития, который здесь описан, заложено то, что он должен быть таким теоретическим предприятием, которое вызывает существенные возражения даже в отношении своего чисто научного содержания, и то, что он в наибольшей степени подвержен критическим суждениям соответствующих профессиональных групп. Последнее обстоятельство особенно существенно вследствие отсутствия защиты со стороны какой-либо твердой идеологической позиции, что так характерно для социальной науки в континентальной Европе. По меньшей мере соблазнительно думать, что именно такая ситуация до некото-

рой степени помогает объяснять жалобы, повторяющиеся в течение многих лет, на то, что меня очень трудно понять. Я надеюсь, что уже достиг *возраста скромности* и вовсе не собираюсь полностью опровергать тот взгляд, что в моих произведениях имеются специфические и порой неоправданные неясности. В то же время я немало поднаторел в социологии познания, а следовательно, понимаю природу сопротивления определенным типам интеллектуальных нововведений. Под этим углом зрения я не могу полностью исключить возможность того, что некоторые жалобы могли быть проявлениями такого сопротивления. В любом случае автор не может совершенно объективно оценивать восприятие его собственных работ, окончательное суждение следует отложить до завершения процесса естественного отбора через профессиональную критику, благодаря которой научная репутация складывается окончательно.

В этом разделе я попытаюсь представить интерпретацию природы такого предприятия, как *общая теория действия*, в качестве альтернативы критическому подходу профессора Блэка. Несмотря на некоторые мои прежние утверждения, в настоящее время я убежден, что мой подход, хотя он и представляет собой движение в сторону логико-дедуктивной системы, еще не привел к построению таковой, а скорее является серией предварительных и исторически преходящих вкладов в развитие такой системы. Прежде всего, я должен отвергнуть грубую альтернативу: или полностью интегрированная дедуктивная система, или скопище несвязанных концептуализаций и обобщений. Я могу со всей уверенностью утверждать, что уровень, достигнутый в «Структуре социального действия», представляет собой истинную систематизацию, правда, еще на довольно элементарном, но все же выходящем за рамки прежних попыток уровне. Дальнейшие попытки систематизации в основном отправлялись от этой точки и вели в сторону все большей детализации путем расширения и прояснения определений, аналитического усовершенствования и большей теоретической интеграции.

Быть может, соблюдая должную осторожность, допустимо провести аналогию между процессом построения теории, развивающей научную сферу, и процессом развития правовой системы. В этом смысле более общая теория так относится к области науки, как более общие правовые принципы относятся к правовой системе. Конечно, многие философы права думали об идеальной правовой системе, в которой даже самые детальные правила могли бы быть логически выведены из первоначальных принципов. Весьма сомнительно, была ли хоть одна существующая система законов реально развита таким путем, и меньше всего это можно утверждать относительно англо-американского обычного права, которое строилось кусок за куском из различных прецедентов, постепенно расширяясь в сторону обобщения. Здесь функцию теоретика науки можно уподобить функции апелляционного судьи, чьей первостепенной задачей относительно системы является не решение конкретных дел, а скорее интерпретация правил на более высоких уровнях обобщения, их кодификация относительно общих принципов, проверка их логической последовательности и т. п.

Такой процесс не может быть плодотворным, если он эклектичен, как это утверждают некоторые *юридические реалисты*. Здесь должна быть относительно определенная фундаментальная ориентация, в случае с обычным правом можно сказать, что она появилась в XVI и XVII веках. Но я думаю, что внутри этой ориентации юридическое развитие было разновидностью прагматического процесса, который я только что обрисовал.

С моей точки зрения, элемент прагматизма в новых науках более значителен, чем в старых. Он также весьма значителен в таких отраслях знания, как поведенческие науки, где определение теоретически значимых переменных (на многих системно-подсистемных уровнях) представляет очень серьезные трудности, где относящиеся к системе проблемы являются более сложными, чем обычно, и где, вероятно, действие вненаучных соображений в процессе построения науки служит более серьезным источником разногласий и заблуждений, чем в физических науках. Но как раз в силу этих причин определенная фундаментальная ориентация имеет первостепенное значение.

Выше я утверждал, что общий контур фундаментальной ориентации наук о действии фактически присутствовал в основных западных интеллектуальных традициях уже с конца XIX века, что их наиболее важный компонент был взят из утилитарной традиции и что совершенно необходимыми оказались вклады таких более *коллективистских* источников, как французский *руссоизм* и немецкий идеализм (6). Эта об-

щая ориентация проявилась в конвергенции, сформулированной в *ССД [Структуре социального действия]*. Представленные в этом труде авторы, каждый по-своему, занимались построением общей теории. Этот великий исторический факт конвергенции их теоретических схем открыл для меня путь к новой, значительно более усовершенствованной и технически зрелой фазе процесса создания общей теории, который шел, набирая скорость, на протяжении жизни поколения ученых, последовавшего за этими авторами.

Общая теория, которой я занимался, представляется мне лежащей в верхней части пирамиды уровней обобщения, из которых неизбежно складывается теоретическая структура развивающейся традиции, подобной той, о которой идет речь. В этом плане верхний уровень во многих пунктах перекрещивается с предпочитаемым Мертоном средним уровнем, куда относятся такие вещи, как теория референтных групп. На еще более низком уровне (в смысле логического обобщения, а не общенаучной важности) находятся более технические *операциональные* проблемы, о которых упоминает Вильямс. Все это (хотя, конечно, можно провести более тонкие различения) составляет существенные ингредиенты развивающейся науки. Ни один из этих уровней не служит простой предпосылкой для другого, но все они развиваются одновременно. В ходе развития неизбежно возникают серьезные недостатки в их координации, для устранения которых требуется большая критическая работа. Мне кажется, что настоящий симпозиум, помимо всего прочего, явится важным вкладом в решение этой задачи.

2

А теперь обратимся к некоторым более конкретным вещам. Основная ориентация, о которой я говорил, если она действительно является таковой, должна обладать определенной относительной стабильностью. Возможно, она является своего рода неписаной конституцией для данной области науки. Однако это вовсе не означает, что ее формулировка не подлежит улучшению с точки зрения строгости и логической последовательности. Я думаю, что профессор Блэк осуществил такую попытку улучшить формулировку, перечислив в своей статье восемь *постулатов* общей теории действия. Его формулировка представляет удобную отправную точку для некоторых последующих рассуждений на этом уровне. Ради экономии места позвольте мне просто перечислить эти постулаты в сокращенной форме:

1) всякое действие целенаправленно;
2) всякое действие происходит в контексте отношений;
3) всякая человеческая реакция на стимулы имеет два измерения: *когнитивное* и *катектическое*;
4) всякое действие предполагает выбор альтернативы;
5) выбор предполагает использование стандартов;
6) всякое взаимодействие предполагает взаимодополнительность ожиданий;
7) ориентация и действия организуются в системы;
8) вышеуказанные принципы применимы к социальным системам на всех уровнях сложности.

Такова сформулированная Блэком версия того, что я назвал бы *системой координат* теории действия. Сам я в различных случаях выдвигаю разные формулировки, ни одна из которых точно не совпадает с формулировкой Блэка. Попытка критически сопоставить эти формулировки друг с другом и с формулировкой Блэка завела бы нас слишком далеко, поэтому я ограничусь здесь новым кратким заявлением, которое читатель может сравнить с утверждением Блэка. Мое заявление основано на некоторых новых результатах, о которых сообщалось в указанной выше статье.

Можно сказать, что исходным принципом является принцип двоичности (duality), который, вероятно, выражен у Блэка в положении о контексте отношений (пункт 2), а также в сформулированной им посылке (пункт 3).

Прежде всего, этот принцип касается отношений между актором* и ситуацией; нельзя говорить о действии иначе, как об отношении между тем и другим; оно не является *свойством каждого из них в отдельности или взятых вместе.* У нас не будет отношения, если нет как минимум двух его членов. (С этим можно сопоставить субъект и объект в гносеологии или парные понятия наследственности и среды.)

Во-вторых, связь в паре можно расчленять в двух главных направлениях. Первое — это нормативный контроль

* Понятие «актор» (с ударением на первом слоге) в теории социального действия Т.Парсонса означает действующее лицо, собственно субъекта этого самого социального действия, носителем мотивации, ожиданий, оценок и ценностей, включенных в процесс действия *(прим. Чесноковой В.)*.

(в кибернетическом смысле) или контроль более высоко организованной сущности над сущностью менее организованной, стоящей к первой в отношении *условия*. Это внутренне-внешнее измерение расчленения. Второе измерение — это измерение временного процесса осуществления *потребности* или *образца* (оба термина одинаково употребительны), т. е. переход во времени из состояния *потенциального* в состояние *актуальное* (или неудачное осуществление такого перехода). Здесь двоичность касается, с одной стороны, элементов, в которых концептуализированы устойчивые свойства, обеспечивающие потенциальность, и с другой стороны, способности актора реагировать на острые ситуационные требования, рассматриваемые либо как угрожающие, либо как благоприятные.

За всем этим лежит представление о важности культурного уровня категоризаций в терминах значений. Это предполагает, что существенным элементом теории должны быть постулируемые в качестве аналитических единиц *знающие* и *чувствующие* (посылка Блэка) *акторы*, для которых объекты их ситуации имеют значения. Это и есть знаменитая *субъективная* точка зрения (Verstehen — понимание) Вебера, которая, как правильно отмечает Деверье, составляет существенный момент нашей схемы.

Вполне мыслимы ориентации изолированно действующего актора в ситуациях, однако это является предельным случаем и представляет для нас лишь второстепенный теоретический интерес. В общем случае имеется много акторов, причем они так взаимодействуют друг с другом, что каждый конкретный актор-единица становится ситуацией для другого: согласно моей терминологии, каждая единица является как актором, так и социальным объектом. Они, таким образом, представляют собой не категории конкретных сущностей, а аналитически выделенные аспекты этих сущностей. Это и есть понятие системы (Блэк, 7), которое представляет непосредственный интерес для теории действия; таким образом, систему можно рассматривать как две или более взаимодействующие единицы, которые одновременно являются друг для друга акторами и социальными объектами.

Если принять постулат иерархии нормативного контроля, из него вытекает, что в качестве условия минимальной интеграции в такой системе непременно должны в определенной степени присутствовать взаимодополнительные ожидания (Блэк, 6). Альтернативами являются беспорядочность взаимных ориентаций или прямой конфликт, несовместимый с устойчивостью системы. Понятие сохранения границ в качестве критерия такой системы также вытекает из комбинации нормативного контроля и взаимности ориентаций.

Каждая такая система должна, по определению, иметь среду, которая является для нее внешней, отделенной от нее границей (граница может быть и сложной), и относительно которой встает проблема *контроля*, т. е. сохранения структуры системы в условиях изменяющихся характеристик среды. Внутренняя возможность существования множества включенных друг в друга систем и их дифференциации на подсистемы, видимо, относится к общей логике науки. Но то, что по меньшей мере два таких уровня необходимо включить в анализ действия, следует из того, что я назвал субъективной точкой зрения. Речь идет о том, что наблюдатель системы действия в качестве ученого должен сам в некотором отношении мыслиться как актор. Система, которую он наблюдает, или ее единицы, которыми могут быть отдельные личности или их организованные коллективы, должны также состоять из акторов, т. е. они принадлежат к той же общей категории объектов, которая охватывает и ученых-наблюдателей. В этом смысле в поле действия акт научного наблюдения есть процесс действия во взаимодействии с наблюдаемыми объектами, поэтому наблюдатель и наблюдаемое, взятые вместе, образуют систему действия. Если, например, в этой системе нет *общей культуры*, то нет и способа *проинтерпретировать*, что же обозначали наблюдаемые действия для действующего лица внутри его системы. Поэтому в каком-то смысле наблюдаемая система должна быть подсистемой большой системы, для которой отношение «наблюдатель — наблюдаемые» является частью. Следовательно, пункт 8 Блэка является необходимой частью схемы на некотором ее уровне (хотя могут понадобится, помимо социальной, и другие подсистемы действия).

Оставшиеся три посылки Блэка (1, 4, 5), как мне кажется, являются прямыми следствиями разнообразного прин-

ципа двоичности в сочетании с культурной соотнесенностью. Нормативный контроль безусловно предполагает, что отношение систем высшего порядка к являющимся для них внешними условиями системам низшего порядка должно быть избирательным; неупорядоченная восприимчивость к воздействиям ситуационного окружения была бы несовместима с требованием сохранения организации, т. е. порядка. Если принять постулат субъективности, то это означает, что механизм, осуществляющий подобную избирательность, должен включать в себя такой компонент, который имел бы нормативное значение как для актора в системе, так и для наблюдателя. Стандарт можно представить себе как избирательный принцип, который имеет нормативное значение для соответствующего актора. Наконец, в своих взаимоотношениях с внешней ситуацией система действия должна, в некотором смысле, стремится к *оптимизации* отношений между ее внутренними *потребностями* и значимыми компонентами ситуации. Вследствие того, что природа внешнего окружения (связанного с системой действия) постоянно изменяется, оптимальное отношение является ограниченным во времени и в пространстве; это относительно оптимальное сегментарное состояние я и называю целевым состоянием, а под способностью стремиться к цели я понимаю тенденцию действовать в направлении достижения такого состояния. Это существенное, хотя и не самое фундаментальное свойство систем действия. Я бы не назвал его первым в моем собственном перечне посылок.

Следует упомянуть еще одну важную посылку, не включенную в перечень Блэка, а именно, что теория действия касается различных аспектов поведения живых организмов, особенно той его фазы, которая предполагает контроль и управление этим поведением при помощи символических систем на уровне культуры и организации, этот контроль осуществляющей. Существенной эта предпосылка является по двум соображениям. Первое заключается в том, что она устанавливает неразрывную преемственность между миром человека и биологическим миром. Действие, в сущности, является особым уровнем организации феномена жизни, который, как можно предположить, возник в ходе эволюции. Во-вторых, она определяет границы между действием и физическим поведением. Последнее само по себе, не является действием в аналитическом смысле, однако оно контролируется процессами действия. Так, я мог бы ответить на замечания Уайта о том, что в «теории действия нет действия», сказав, что он пытается отыскать действие не на том уровне целостной организации живых поведенческих систем. По существу, он имеет в виду физическое поведение организмов.

Это допущение лежит в основе самого центрального пункта, который Блэк не обсуждает и который состоит в том, что имеется множественная иерархия подсистем действия, иная, нежели внутри социальных систем, а именно: поведенческий организм, личность индивидуума, социальная система, созданная взаимодействием, и культурная система, организованная вокруг стандартного значения (7). Этот ряд подсистем организован, как иерархия контроля в указанном смысле: от низшего в порядке их перечисления.

Эта система координат позволяет делать определенные общие утверждения относительно природы систем действия. Во-первых, можно сказать, что понятие иерархически упорядоченной (в смысле контроля), сохраняющей свои границы системы, предполагает понятие **функции** как действия, отвечающего на ряд важнейших требований, иными словами, на ряд внешних и внутренних для данной системы условий, которые можно рассматривать как пределы изменения, не нарушающего интегрированность и эффективность системы. Существуют пределы, за которыми уже начинают действовать процессы фундаментальных изменений, вплоть до распада системы. Понятие функции, употребляемое здесь, совпадает с таким понятием, используемым в биологических науках, как оно определено, например, Кэнноном (8).

Для наиболее общих теоретических целей вполне достаточно указать четыре пункта, вытекающие из двух измерений, в которых рассматривается отмеченная выше фундаментальная двоичность действия в соотношении с контекстом. Мы можем установить, что самое элементарное понятие действия предполагает два функциональных момента: 1) поддержание стандарта ориентации; 2) определение значения или смысла одного или более объектов ситуации. Существенно то, что хотя, по определению, оба эти отношения **всегда** наличествуют одновременно, **аналитически** они различны и не сводимы друг к другу; сведение их

одного к другому предполагало бы, как во многих направлениях *идеалистической* мысли, что ситуации не являются независимыми от ориентаций действия, а представляют собой *эманации*, или, наоборот, как у *материалистов*, ориентации выступают эпифеноменами ситуаций. Эти моменты названы нами соответственно *ориентационным* аспектом функции и аспектом *модальности* (см. статью «Еще раз о стандартных переменных»).

Когда мы имеем систему, состоящую из двух или более взаимодействующих деятелей в окружающей среде, нужно принимать во внимание два других требования, не сводимых ни к только что рассмотренным компонентам элементарной пары, ни к их комбинации. Это, во-первых, требование обеспечить внутренне устойчивое взаимодействие единиц действия по отношению друг к другу, и, во-вторых, требование обеспечить обобщенное отношение между системой и внешней ситуацией, выступающей как набор средств и условий функционирования системы. Эти требования есть функциональные моменты соответственно интеграции и адаптации. Мы утверждаем, что для системы это минимальный набор требований. Для целей общей теории действия системы можно адекватно проанализировать только используя параметры не менее чем четырех взаимно независимых шкал переменных, хотя, конечно, частные проблемы могут быть разрешены с помощью аналитически менее сложных параметров.

Эта функциональная схема может быть затем применена в связи с различением между структурой и процессом, характерным для всякого научного рассмотрения системы. (Я думаю, что эти понятия здесь можно не объяснять.) Каждое их этих понятий, в свою очередь, можно разделить на категории *отношения* и *единицы*. В случае структуры, единицами в системе действия являются, с одной стороны, акторы, с другой стороны, социальные объекты; в наиболее известном случае в качестве единицы в структуре социальных систем выступают личности в ролях, однако в более сложных социальных системах коллективы тоже являются единицами, равно как комплексы норм и ценностей (9). Релациональными компонентами структуры выступают в этом случае устойчивые элементы в отношениях между единицами. Существование нормативного контроля в системе действия предполагает, что в некотором смысле эти компоненты можно толковать как определения *правильного* или *надлежащего* стандарта отношений. Ясно, что в функциональном смысле они имеют прежде всего интегрирующее значение.

Когда мы имеем дело с процессом, то компонентами, параллельными единицам в структурном смысле, являются категории входа и выхода, соответствующие уровню системы отнесения, представленной либо как взаимодействие между системой и окружением, либо как взаимодействие между подсистемами (единицами). Таким образом, на одном уровне процесс может быть представлен как *передача* или обмен на входах и выходах между системами и подсистемами. Ввиду указанного символико-культурного аспекта действия можно сказать, что фундаментальные категории входа-выхода являются *информационными* и что основной процесс действия всегда является в каком-то смысле *коммуникацией*.

Очень простые взаимообмены на входе-выходе могут осуществляться непосредственно, подобно натуральному обмену в сфере экономики. Но для более сложных систем необходимы обобщенные средства, которые, с одной стороны, уходят корнями в структуру системы, а с другой — могут *циркулировать* в качестве регуляторов процесса взаимного обмена. Эти посредники определяют отношения в контексте процесса. На самом общем человеческом уровне прототипом такого обобщенного посредника является язык; в сложных социальных системах такое средство легче всего увидеть в деньгах. Представляется вероятным, что во взаимодействии поведенческого организма с личностью таким обобщенным посредником выступает удовольствие.

Мы утверждали, что внутри нормативно-контрольного и субъективно-культурного аспектов системы координат действия важнейшее значение имеет принцип двоичности отношения. Мне кажется, что именно здесь работает схема стандартных переменных. Эти переменные образуют минимально дифференцированное выражение указанной основополагающей двоичности, которая в сочетании с только что намеченными функциональными принципами является необходимой для определения существенных функциональных проблем и, следовательно, условий стабильности сис-

темы действия. Это касается поднятых профессором Блэком вопросов о стабильности и исчерпывающем характере перечня переменных, а также о смысле дихотомичности их структуры.

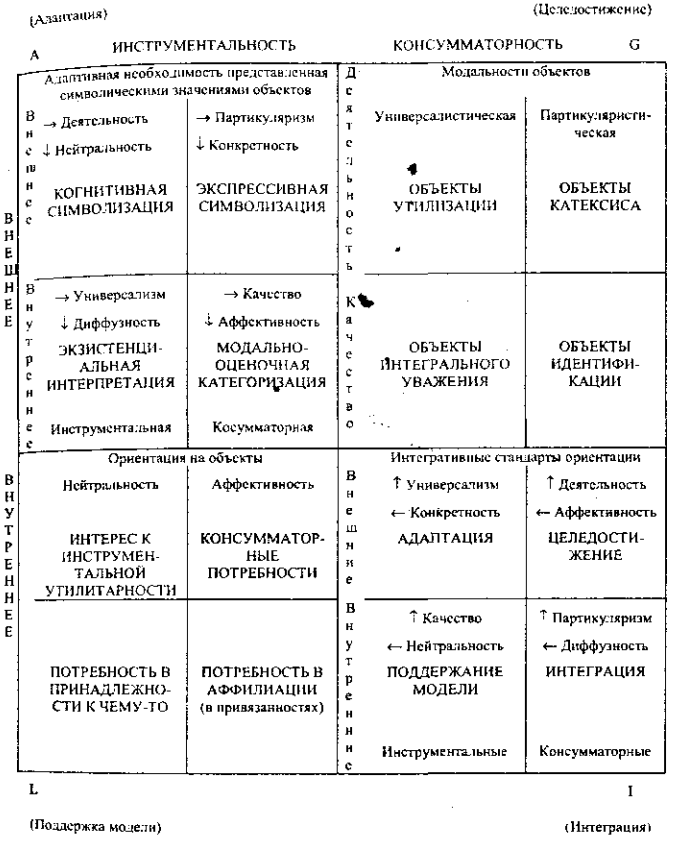
Относительно их числа я должен сказать, что тут должно быть четыре или шесть пар, и выбор зависит от определения. Четыре основные пары, в свою очередь подразделяющиеся на *ряд ориентации: конкретность — диффузность* и *аффективность — аффективная нейтральность* — и на *ряд модальности: универсализм — партикуляризм* и *достижение — аскрипция*, являются, очевидно, способом классификации основных структурных и процессуальных компонентов системы действия, упомянутых выше. Здесь (как показано в таблице 1, взятой из статьи «Еще раз о стандартных переменных») они служат для того, чтобы провести элементарные различия: а) между двумя сторонами фундаментальной ориентационной двоичности, а именно, между ориентациями действующих лиц и модальностями объектов в ситуации и б) между четырьмя основными функциональными значениями, которые порождаются перекрестной классификацией каждой из двух пар переменных внутри каждого ряда. Затем для определения релациональных (связанных с отношениями) компонентов системы, то есть интегративных стандартов, с одной стороны, и адаптивных средств, с другой, используются два ряда перекрестной классификации накладываемых на компоненты стандартных переменных, извлеченных из каждого из двух элементарных рядов.

Как я показал в упоминавшейся работе, в пределах указанных посылок и на данном уровне набор четырех стандартных переменных и их классификационных комбинаций фактически является исчерпывающим. По моему теперешнему мнению, их статус не является ни произвольным, ни независимым от понятия системы в принятой здесь системе координат. Они образуют неотъемлемую часть системы действия в том ее виде, в каком она выкристаллизовалась к настоящему времени.

Это означает, что одна из пяти переменных, которые были сформулированы нами в 1951 г., а именно: ось *ориентация на себя — ориентация на коллектив*, представляет собой частный случай. Как было отмечено уже в то время,

Таблица 1

Компоненты систем действия



она не принадлежит ни к одному из двух элементарных рядов, но находится на более общем логическом уровне.

Мне представляется теперь, что это особый случай одного из двух проявлений начальной дихотомичности, более общая формула которого в последних работах представлена в виде дихотомии *внутреннего — внешнего*. Если ее вообще можно назвать стандартной переменной, то ей должна соответствовать некая вторая переменная, которую я и обозначил выше как *инструментально-консумматорное* различие. Как мне теперь представляется, элементарные

ряды определяют **компоненты** системы действия и те из их комбинаций, которые определяют основные взаимоотношения этих компонентов; дополнительные пары не делают этого, скорее, они обозначают оси дифференциации системы действия в отношении к внешнему окружению системы. Мне кажется существенным сохранить различие этих двух категориальных уровней, и на этом основании я намерен сохранить термин *стандартная переменная* для категорий, классифицирующих компоненты, и употреблять другой термин для обозначения осей дифференциации; впрочем, само понятие *ось дифференциации* как раз и может служить таким термином.

Классификации, введенные **внутри** каждого ряда типовых переменных, выражаются в терминах только что рассмотренной схемы четырех основных функциональных потребностей системы. Ориентационный ряд в таком случае характеризует единицу системы действия, рассматриваемую как действующее лицо, в то время как модальный ряд характеризует единицу, рассматриваемую как объект; нелишним будет напомнить, что в системах действия любую конкретную единицу можно рассматривать и тем и другим способом, различие здесь чисто аналитическое. Рассмотрение каждого из этих аспектов единицы в терминах четырех возможных комбинаций элементарных компонентов даже внутри ряда становится необходимым благодаря тому факту, что каждая единица системы действия может посредством изменения уровня системы соотнесения сама быть представлена как система, т. е. на нее распространяются все требования, присущие любой системе этого класса. Приписывание этих свойств системы любому заданному уровню в пределах макроскопически-микроскопического или системно-подсистемного диапазона является делом эмпирической постановки проблемы и не имеет онтологического значения (эта точка зрения особенно подчеркнута в «Рабочих тетрадях»).

В таком контексте дихотомическая логическая структура схемы стандартных переменных является, как было замечено, следствием исходной двоичности системы координат, расчлененной в контексте понятия **систем** действия не на один, а минимум на два уровня системы в целом и подсистем. Формулу «актор — ситуация» как выражение этой двоичности в определенном контексте можно рассматривать как логически наиболее общую, которая в терминах расчленения систем действия на четыре главных типа подсистем имеет следующие четыре более специальные формы: «организм-среда» (для поведенческого организма); «актор — ситуация» в более специфическом смысле (для личностной системы как актора); «система — среда», тоже в более специфическом смысле (для социальной системы как актора); «субъект — объект» (в отнесении к культурной системе).

Здесь имеется очевидная терминологическая трудность, весьма распространенная в истории науки. Она заключается в том, что понятие или пара понятий, выражающих логическое различие, должно использоваться по меньшей мере на двух различных уровнях логической общности по отношению к более общей системе координат. Процесс логической дифференциации теоретической схемы ставит нас таким образом перед необходимостью различать уровни, тогда как раньше в этом не было необходимости. В таком случае часто не существует готовых терминов, пригодных для обозначения этого двойного различия, а приспосабливание существующих терминов выглядит насилием по отношению ко многим значениям, закрепившимся за ними в обиходной речи. К сожалению, у меня нет готового рецепта для разрешения нынешних терминологических трудностей, но я надеюсь, что **логическая** ситуация достаточно ясна (10).

Однако, возвращаясь к наиболее общему уровню, мы можем использовать понятия актора и ситуации для обозначения самой изначальной двоичности схемы. В терминах стандартных переменных она приобретает форму различия между двумя их **рядами**. Следующий шаг к *конструированию* системы в этих терминах состоит во введении различия на обоих *сторонах* схемы отношений между двумя обсуждавшимися выше направлениями *расчленения*, а именно: 1) по иерархии контроля (внутренне-внешняя ось) и 2) по развертыванию во времени (инструментально-консумматорная ось). Это дает схему в виде таблицы 2. В этой схеме каждый из двух элементарных рядов стандартных переменных дифференцирован в терминах общей функциональной системы координат: сами ряды, в свою очередь, трактуются как соотносимые с проблемой *поддержания образца* и проблемой *достижения цели*. Таким образом, стандартные перемен-

ные непосредственно включены в минимум концептуального анализа любого процесса действия.

Однако когда мы делаем шаг к анализу систем, как это разъяснялось выше, становится необходимым рассмотреть две следующие функциональные потребности, которые были названы интеграцией и адаптацией. Они категоризованы (см. статью «Еще раз о стандартных переменных») в терминах комбинаций компонентов стандартных переменных, которые извлекаются из обоих элементарных рядов, в одном случае характеризуя интегративные стандарты (Блэк, 5), а в другом случае — обобщенные механизмы или средства адаптивной функции, т. е. для взаимодействия с *представителями* внешнего окружения внутри системы. В пределах ряда правил, сформулированных в этой работе, комбинации переменных, вовлеченных в эти четыре функциональные проблемы систем действия, являются исчерпывающими, и с точки зрения требований логической схемы они покрывают все, что на соответствующем уровне логической общности названо основными функциональными аспектами, как структурными, так и процессуальными. Это последнее утверждение сформулировано в терминах трансформации абстрактно функционального способа представления комбинаций (табл.1) в структурно-процессуальный способ (табл. 2) (11).

Вышеприведенные соображения, которые, как следует пояснить, не могли быть сформулированы на том уровне мышления, на котором я находился в 1951 году — а к этому году относятся последние материалы, рассматриваемые Блэком, — и являются моими ответами на его вопросы о природе посылок, на которых основана теория действия как концептуальная схема, о природе стандартных переменных и о том, является ли их перечень исчерпывающим и являются ли они *необходимыми* внутри схемы. Что касается характера посылок, я думаю, что дал адекватное объяснение всех восьми сформулированных Блэком пунктов, но я расположил их в несколько ином порядке и более точно связал их друг с другом и с другими посылками, незамеченными Блэком. Среди них наиболее существенной является лежащая в основе теории культурная отнесенность. Особое место здесь занимает иерархия контроля и момент временного развертывания как главнейшие параметры расчленения основной релациональной схемы.

Таблица 2

Система действия в ее отношениях со средой

← Направление контроля

Направление ограничительных условий →

	СТРУКТУРНЫЕ КАТЕГОРИИ		ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ	
	Единицы ориентации на объекты (L)	Интегративные стандарты (I)	Символическая репрезентация внешних объектов (A)	Внутренние значения объектов (G)
L	Нейтральность Диффузность НОРМАТИВНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА Аффективность Диффузность	Качественность Нейтральность ЗАКРЕПЛЕННОСТЬ ОСНОВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ Партикуляризм Диффузность	Диффузность Универсализм ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Аффективность Качественность	Универсализм Качественность "УВАЖЕНИЕ"
I	Аффилиации (привязанности)	Разнообразие опционных выборов ИНТЕГРАЦИЯ Аллокативный выбор	МОРАЛЬНОЕ ОЦЕНИВАНИЕ	Партикуляризм Качественность ИДЕНТИФИКАЦИЯ
G	Аффективность Конкретность КОНСУММАТОРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ Нейтральность Конкретность	Степень выбора Деятельность действия Аффективность ВЫБОР ЦЕЛИ (достижение) Универсальность Конкретность	Конкретность Партикуляризм ЭКСПРЕССИВНАЯ СИМВОЛИЗАЦИЯ Нейтральность Деятельность	Деятельность Партикуляризм КАТЕКСИС Деятельность Универсализм УТИЛИТАРИЗМ
A	ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА Эмпирико- когнитивная область АДАПТАЦИЯ (выбор знаний)	КОГНИТИВНАЯ СИМВОЛИЗАЦИЯ		

Ответное действие

Экспрессивное действие

Инструментальное действие

Направление воздействия на среду →

← Направление стимулов от среды

На вопрос о стандартных переменных, мне кажется, теперь можно ответить, что они являются содержательными (12) и исчерпывающими, хотя в формулировке 1951 г. они таковыми не являлись. Связь между системой координат, или посылками, с одной стороны, и стандартными переменными — с другой, ясно выражена в концепции соответствия систем четырем функциональным требованиям. Блэк не принимает в расчет эту концепцию, хотя она и была сформулирована достаточно подробно уже в 1953 г. в «Рабочих тетрадях».

Инструментально-консуматорное отличие, интерпретируемое как основа для очерчивания структуры и процесса в зависимости от того или иного терминологического выбора, может быть либо шестой переменной, либо категорией иного уровня (как я сам склонен считать). Это составляет, я думаю, основной ответ на возражение, которое среди многих других выдвигает Блэк, утверждая, что данной схеме внутренне присуща *статичность*. Здесь, я полагаю, важно провести фундаментальное различие между конкретными процессами развития, с помощью которых строится концептуальная схема, и логикой этой схемы, рассматриваемой в более общих терминах в каждый данный момент ее развития. В первом контексте оснований для такого обвинения, на мой взгляд, больше, чем во втором.

Совершенно справедливо, что эмпирико-теоретической проблемой, оказавшейся в фокусе моего внимания в момент теоретического *старта*, была проблема основ социального порядка; это была проблема, как совершенно правильно указывает Деверье, уже давно поставленная Гоббсом. И именно из-за того, что на вопрос Гоббса не нашлось никакого удовлетворительного ответа в рамках утилитарной традиции, пришлось прибегнуть к интеллектуальным возможностям идеалистическо-коллективистских традиций, особенно к тем из них, которые были разработаны Дюркгеймом и Вебером. Я считаю, что из *брачного союза* этих двух традиций и родилась современная социологическая теория. Оказывается, что рассмотрение проблемы порядка в терминах этих традиций ведет прямо к самому главному и основному в структуре систем действия, особенно социальных систем, а сама структура — не что иное, как категория, относящаяся к стабильным аспектам системы.

Профессор Блэк делает интересное утверждение, что понятие ориентации, которое для личности выступает как установка, фактически есть структурное понятие и обозначает относительно стабильный аспект системы. В этом, по-моему, он прав, а не прав в том, что считает, будто из-за огромного значения, придаваемого понятию ориентации, теория действия вообще не способна к динамическому анализу. Блэк здесь не прав, так как в общей схеме ориентационный компонент является всего лишь одним из четырех в равной степени фундаментальных аспектов систем. Совершенно правильно, что он последовательно рассматривается как самый стабильный из четырех, но из этого не следует, что существует какая-то тенденция исключать из рассмотрения три других. Отсюда, однако, вытекает, что процессы, вызывающие изменения в факторах ориентации (см. табл.1), существенно отличаются от процессов, происходящих в трех других функциональных компонентах, и уж, разумеется, нет никакой *предвзятости* в утверждении, что в системе из четырех факторов один из них может иметь свойства, не разделяемые с тремя другими.

Отсюда прямой путь к столь же спорному понятию равновесия. По-моему, это преимущественно идеологический, а не теоретический вопрос. С теоретической точки зрения, понятие равновесия — это просто продолжение понятия системы как взаимозависимости компонентов, связанных друг с другом. В свою очередь, понятие системы настолько значительно для науки, что на уровнях высокой теоретической общности без этого понятия наука существовать не может. Если во взаимозависимости компонентов не существует единообразия, то не существует никакой научной теории. Далее, следует всегда проводить строгое различение между аналитически формулируемыми отношениями переменных, т. е. тем, что большинство методологов считает законами, и эмпирической взаимозависимостью операционально выделяемых компонентов. Равновесие, на мой взгляд, — это понятие, определяющее отношение между этими двумя уровнями. Оно указывает на то, что если принять понятие эмпирической системы, то должны иметь место эмпирические условия ее стабильности, будь то стабильность *статики* или подвижная стабильность изменения. Если не делать никакого различия между условиями, бла-

гоприятствующими стабильности, и условиями, толкающими к изменению состояния в сторону, противоположную *стабильности* в любом из этих двух смыслов, то не может существовать такой вещи, как систематический эмпирический анализ.

Эти чрезвычайно общие соображения приобретают дополнительные значения для систем, определяемых через понятие кибернетического контроля и тесно с ним связанное понятие поддержания границ. Так, в случае двигателя внутреннего сгорания должна быть разница между последствиями: а) существования стабильного отношения между положением дросселя и скоростью поступления горючего в камеру сгорания и б) ситуации, в которой поступление горючего и положение дросселя полностью не связаны. Летчика, который попытается использовать дроссель второго типа в качестве основного органа управления, несомненно ждет катастрофа.

Понятие равновесия, короче, адекватно понятию упорядоченности при специфических условиях применения последнего к внутреннему состоянию эмпирической системы, взаимодействующей со своим окружением. Эта упорядоченность, конечно, должна всегда рассматриваться скорее как относительная, нежели как абсолютная. Действительно, она обычно предполагает значительные диапазоны толерантности, и, конечно, сохранение ее никоим образом не является неизбежным. Напротив, если условия, от которых она зависит, изменяются дальше определенных пределов, она исчезает, сменяясь другими типами упорядоченности, а не чистой произвольностью. Таким образом, я считаю, что это понятие является существенной частью логики науки и имеет важность, пропорциональную искомому уровню теоретического обобщения. Отрицание его законности в понятийном арсенале социальной науки, по моему, возможно не совсем скромному мнению, по меньшей мере, равноценно отрицанию законности или возможности реального существования самой социальной науки. Поэтому в данном вопросе на меня не производит никакого впечатления заградительный огонь настойчивой критики.

Следует ясно понять, что исход уравновешивающих процессов часто бывает сомнительным. Поэтому нарушение равновесия, с научной точки зрения, представляет из себя такое же важное явление, как и сохранение его (но, конечно, не в любом случае более важное). Не менее существенно и то, что равновесие не может быть достигнуто или сохранено при помощи одного лишь *статического* фактора. *Нечто*, например *стандарт ориентации*, должно оставаться без изменений. Это представляется мне необходимым компонентом в состоянии равновесия. Но в связи с предположением об изменчивости окружения системы не менее важно и то, что некоторые вещи изменяются, что является условием поддержания равновесия. Это кардинальное положение биологической теории, о которой говорилось выше. Так, для того, чтобы организм млекопитающего поддерживал относительно постоянную температуру тела, должна, очевидно, быть некоторая тенденция к изменению в связи с температурой окружающей среды. Если бы в организме человека (мы абстрагируемся от наличия среды) ничего не менялось при изменении температуры внешней среды в диапазоне от + 45 градусов до – 15 градусов, то поддержание постоянной внутренней температуры было бы, очевидно невозможно. В этом суть знаменитого понятия *гомеостазиса* у Кэннона, которое я считаю частным случаем понятия равновесия. Говорить, что такой образец анализа является просто проявлением *статической предвзятости*, представляется мне грубым искажением.

От этого положения удобно перейти к двум последним поднятым Блэком вопросам, по поводу которых я бы хотел сделать краткие замечания. Это вопросы о степени эмпирической обоснованности теории действия и о возможности получить важные обобщенные гипотезы (или теоремы) из данной схемы.

Я уже указывал на связь между понятиями равновесия и порядка. Порядок в эмпирических системах действия является фактом, сколь бы он ни был неустойчивым и каковы бы ни были его границы. То, что он проблематичен, доказывается тем, что он сравнительно часто отсутствует (относительно). Общество не является гоббсовской войной всех против всех; этот факт был центральным пунктом великих теорий порядка, особенно теории Дюркгейма. Но несомненно также и то, что существует социальный беспорядок, например, состояние вышедшего из-под власти Бельгии Конго в конце лета 1960 года. Т. е. порядок — очень ре-

альное явление, но и он проблематичен, как правильно указывают Деверье и Вильямс.

То, что порядок в системах действия основан на нормативном контроле, представляет из себя самое основное эмпирическое обобщение, которое на протяжении жизни прошлого поколения обрастало все новыми аргументами и иллюстрациями, особенно благодаря новым открытиям в области, пограничной между биологическими и социальными науками. Старые *механические* теории достаточно дискредитировали себя, начиная уже с теории управления физическими системами. Кибернетическая и информационная теория на этом общем уровне связывается с такого рода вещами, которые в психологии поведения представлены Толмэном как «целенаправленное поведение животных и людей», а в последнее время фигурируют в работах по функционированию мозга (см. работы Олдса и Прибрама). Сформулированная Блэком предпосылка о целенаправленности является частным случаем этого широкого обобщения, но роль селективности и стандартов также относится к этому контексту. Если вообще в современных *науках о жизни* есть какие-либо основные эмпирические обобщения, то приписывание живым системам нормативного контролируемого порядка и постулирование иерархии уровней порядка и являются, по-моему, такими в высшей степени фундаментальными обобщениями. Затем можно с полной определенностью сказать, что важность для науки таких категорий, как *символические процессы*, *коммуникация* и т. д., полностью подтвердилась. В этом немалую роль сыграло развитие лингвистики. Язык не может быть явлением, достойным изучения, до тех пор, пока он не рассматривается в плане коммуникации. Это подводит нас непосредственно к вопросу об эмпирическом статусе посылки, которую, к сожалению, Блэк не объяснил. Она состоит в том, что теория действия ориентируется, главным образом, на проблемы значения в символико-культурном смысле.

Такие вещи, как дополнительность ожиданий, до некоторой степени менее общи, но всякому человеку, глубоко погруженному в современную социальную науку, трудно понять, почему такой *посылке* следует отказать в статусе эмпирического обобщения. Например, без этой посылки вся аргументация статей Болдуина и Бронфенбреннера, безотносительно к тому, согласны они со мной или нет, оказывается бесплодной.

Безусловно, одним из самых главных достижений в социальной науке последнего поколения была ролевая теория, а для нее дополнительность ожиданий является основополагающим понятием. Здесь нужно, конечно, предупредить об одной возможной ошибке, а именно: о тенденции рассматривать дополнительность, как открытое или закрытое явление. Напротив, она является особым случаем равновесия; относительно полная дополнительность ожиданий является одним из главных условий стабильности процессов взаимодействия. Реализуется она или нет в действительности — это уже эмпирический вопрос для каждого данного случая. Однако не будь оно и эмпирически достаточно распространенным явлением, не было бы ни социальных систем, ни собственно личностной.

Вообще говоря, как я понимаю, профессор Блэк скептически относится к эмпирическому статусу предпосылок теории действия. По моему мнению, они были бы для него более очевидными, если бы он глубоко проник в достижения социальной науки последних лет. Многие из указанных пунктов исторически были спорными. Но радикальное отрицание какого бы то ни было основного из них кажется мне при теперешнем состоянии анахронизмом. Например, позиция старомодного бихевиориста, отрицающего научную правомерность *субъективных* данных, или сторонника *механической* теории, отрицающего какой бы то ни было *нормативный* контроль в эмпирическом мире, уже более никем всерьез не отстаивается. По сути дела, я считаю, что эти вопросы уже не являются действительно спорными. Конечно, из правомерности этих посылок на самом общем уровне не следует необходимость принятия моего способа включения таковых в относительно подробную концептуальную схему. Тут требуется сделать несколько дальнейших шагов.

Я считаю, что концептуальная схема достигла теперь такой стадии развития, когда основная трудность заключается не в создании обобщенных гипотез, а в формулировании их на том уровне обобщения и в той системе отсчета, которые имеют наибольший смысл для конкретных задач; сложность схемы такова, что подробно рассмотреть ее здесь невозможно. К счастью, Блэк ясно дает понять, что он и не

ждет от общей теории прямого эмпирически пригодного ответа на вопросы относительно проблем практического плана в конкретных ситуациях.

Существует множество таких планов для огромного числа практических задач, и, как я уже говорил, для одного человека развивать общую теорию, как это делаю я, и в то же время давать ответы на практические вопросы по поводу бесчисленного множества покрываемых схемой частных проблем, является непосильным делом.

Здесь мне хотелось бы попытаться изложить в самых общих терминах несколько гипотез и затем привести ряд иллюстраций, освещающих более конкретные уровни частных типов систем. Большинство терминов, которыми я буду пользоваться, было определено или употреблено выше, но я надеюсь, что читатель не станет судить меня по критериям строжайшего технического совершенства, а вникнет в смысл системы моих утверждений, на базе которых можно разработать более строгие формулировки и заключения (13).

Основная теорема теории действия гласит, что структура систем действия состоит из институционализированных (в социальных и культурных системах) и/или интернализованных (в личностях и организмах) стандартов культурных значений. То, что это положение не представляется очевидным здравому смыслу, доказывается долгой и сложной историей бихевиористических и прочих редукционистских теорий человеческого поведения. Возьмем, например, недавнее приписывание Фрейду (с моей точки зрения, незаконное) чисто биологической теории инстинктивного детерминизма.

Как уже указывалось выше, формулировка соответствующих культурных стандартных компонентов должна быть различной для различных подсистем действия, а именно: для социальных систем компоненты выступают в виде ценностей, норм, целей коллективов и стандартов ролевых ожиданий для индивидов; для культурных систем они являются стандартами обоснования значений, оценки, экспрессивной символизации и эмпирически когнитивного упорядочивания опыта; для систем личности интернализованными (в широком фрейдистском смысле) ценностными стандартами, социальными объектами и мотивационными ориентациями *(потребностными предрасположенностями)*, наконец, для поведенческого организма они являются заученными стандартами ориентации поведения, хранящимися в памяти. С этой точки зрения, все случаи обучения, которые имеют результатом создание упорядоченных *когнитивных карт* (термин Толмена), являются в данном смысле случаями интернализации.

Существуют, далее, два основных условия относительно стабильной институционализации или интернационализации. Для случая институционализации первое из этих положений было сформулировано как теорема *институциональной интеграции мотивации* («Социальная система», глава 2). Это означает, что цели единиц социальной системы, в том важном смысле, в каком они предстают в *конечном анализе* индивидуальных личностей в ролях, должны иметь значение вкладов в функционирование социальной или культурной системы, частями которых эти единицы являются. Подобно другим таким утверждениям, это утверждение не дает нам абсолютного «да» или абсолютного «нет» при эмпирическом соотнесении. Все социальные системы допускают определенную, совместимую со стабильностью систем величину отклонений от нормативных ожиданий и конфликтов, выражающих в виде бунта или пассивного неприятия. Мы включаем в понятие системы и упорядоченные процессы изменения. Эти пределы допустимых отклонений в каждом данном случае определяются эмпирически, но наше общее утверждение не только сообщает этому определению осмысленность, но также и указывает на вероятность того, что относительно высокая степень такой мотивационной интеграции окажется функционально необходимой и доминирующей в мире эмпирической реальности.

Для *индивида* как организма и/или личности соответствующее утверждение касается интеграции особых потребностей или *мотивов* с необходимостью поддержания главных ориентационных стандартов поведенческой системы, независимо от того, формулируются ли они как *жизненные цели*, *ценности* или *типы характера*.

В рамках нашей более общей теоретической схемы эта теорема касается связи между аспектами ориентации и модальности, с учетом данной в понятии структуры посылки, что аспект модальности будет связан с фактами окружающей среды (удовлетворение или фрустрация), в

то время как к аспекту ориентации это относится в меньшей мере.

Следуя Дюркгейму, в отношении социальной системы это можно назвать «законом механической солидарности». Это означает, что даже на самых элементарных уровнях потребность поддержания структурного образца и потребность *суметь справиться* с изменяющейся ситуацией должны быть каким-то образом сбалансированы, и поэтому жесткое преобладание того или иного давления несовместимо с функционированием системы.

По мере того, как сложность системы возрастает, а следовательно увеличивается ее дифференциация, это уже не может считаться достаточным (14). При разложении системы на различные типы единиц, по-разному отвечающих функциональным потребностям системы, должен возникнуть новый порядок механизмов интеграции и адаптации. В противном случае происходит распад системы и ее стабилизация в недифференцированном состоянии. Теорема первостепенной важности, которая в случае социальной системы может (снова следуя Дюркгейму) называться «законом органической солидарности», заключается в следующем. По мере дифференциализации системы действия осуществляется баланс: с одной стороны, определенность стандартизации отношений между единицами (согласно *правилам* или нормам в нормативном контексте) и, с другой стороны, гибкость наряду с устойчивостью в выборе механизмов адаптации по отношению к меняющимся требованиям ситуации, как в системе по отношению к ее окружающей среде, так и в любой единице по отношению к ее ситуации внутри системы. *Решение* этой дилеммы лежит в институционализации обобщенных нормативных стандартов, совместимых с адаптивной гибкостью в частных ситуациях; хорошим примером могут послужить здесь обобщенные правовые системы.

Эти утверждения могут быть названы тремя основными динамическим теоремами теории действия. Первая теорема в динамических терминах выражает *закон инерции*. На следующем, более низком уровне обобщенности, имеющем функциональную значимость, я бы поставил четыре добавочных положения относительно прямых взаимообменов (в отличие от диагоналей в парадигме) между четырьмя первичными функциональными подсистемами системы действия. Важные частные случаи на уровне сложных социальных систем, касающихся взаимоотношений экономики и остального общества, частью которого она является (см. «Экономика и общество», особенно гл. 2), представляют собой балансы рынков труда и товара, с одной стороны, и рынков капитала — с другой. Хорошим примером теоремного характера этих утверждений может послужить утверждение о том, что равновесие такой частичной социальной системы зависит от баланса потоков рабочей силы, предметов потребления и покупательной способности. Классическим примером этого является формулировка Кейнсом непосредственных (в отличие от *денежных*) условий поддержания полной занятости. Вхождение в тонкости даже одного примера при его полном разборе завело бы нас слишком далеко. Ясно, что логика, стоящая за этими формулировками, является логикой взаимообмена между подсистемами действия на входе и выходе. Единицы взаимообмена классифицируются как: а) *ресурсы*, возникающие и употребляемые в ходе системного процесса, и б) средства *обращения*, подобные деньгам. Ресурсы имеют два основных значения: потребляемых в процессе материалов, с одной стороны, и вознаграждений — с другой. Это еще один пример принципа двоичности, охватывающего всю схему.

Общий принцип состоит, с одной стороны, в определении условий баланса между течениями в обоих направлениях, т. е. в определении пределов сохранения соответствующих равновесий, и, с другой стороны, в выяснении последствий превышения этих пределов в том или в другом направлении и на обеих сторонах отношения взаимообмена. Нечего и говорить, что для того, чтобы сформулировать такие обобщения в операционально-проверяемых терминах, необходимо определить с достаточной ясностью категории входа и выхода, так же, как и относящиеся к ним средства и факторы условий на том уровне действия системы и ее организации, который соответствует данной проблеме. Обширностью этой задачи объясняются в еще большей мере, чем примитивным состоянием теории на ее самом общем уровне, трудности с отысканием конкретных операциональных критериев для ее проверки.

Наиболее успешный подход к решению этой задачи, как мне кажется, был достигнут благодаря кодификации

установленных фактов, которые первоначально не были связаны с гипотезами, вытекающими из этой схемы. Уже приводился пример, касающийся некоторых экономических рыночных процессов. Подобными же случаями на макросоциальном уровне являются баланс между руководством, принятием решений и политической поддержкой (15), а также между элементами социального статуса и культурными стандартами в области идеологии. Существенную роль в развитии этой схемы сыграли и самостоятельные исследования (16).

Особенно хорошим примером взаимообмена между двумя первичными системами действия — личностью и социальной системой — является процесс социализации ребенка, который рассматривается в статьях Болдуина и Бронфенреннера. Анализируется случай, когда система социализации, например, система взаимодействия матери и ребенка, структурируется так, что производит серьезное нарушение равновесия в личности ребенка. Новое равновесие может быть достигнуто лишь благодаря процессу структурного изменения в этой системе, одним из наиболее важных аспектов которого, очевидно, является дифференциация.

Один важный тип операционального применения некоторых из тех теорем, которым я с недавнего времени занимаюсь, касается интерпретации определенных широких тенденций в обществе крупного масштаба, например, американском. В ряде областей оказалось возможным благодаря интерпретации доступных данных (на нескольких уровнях) в относительно строгих теоретических терминах придти к определенному выбору между альтернативными интерпретациями тенденций. Например, относительно тенденций в американской семье: выбор сделан в пользу гипотезы дифференциации, в отличие от гипотезы дезорганизации (17). В религиозной организации опять-таки признана гипотеза дифференциации в противоположность *секуляризации* в смысле упадка уровня религиозной приверженности (18). В сфере отношений индивида к группе сделан выбор в пользу гипотезы новых уровней структурной интеграции (так называемая гипотеза *институционализированного индивидуализма*) (19). Отдано предпочтение предоставлению о позитивно интегративной роли средств массовой коммуникации в противоположность преобладающих теорий природы *массовой культуры* в *массовом обществе* (20).

Возможно, самый важный случай — это проблема постоянства ценностей, противостоящая изменению ценностей в американском обществе. Доктор Уинстон Уайт и я уделили большое внимание этой проблеме и сформулировали положение о постоянстве ценностей, как нам кажется, с достаточной теоретической ясностью и эмпирической обоснованностью. Наше позиция относительно этой проблемы находится в резком контрасте с мнениями, преобладающим среди американских социологов. К ней нельзя было бы придти и защищать ее без существенного элемента технического теоретического анализа (21). С.М.Липсет, наряду с другими, занимает позицию, подобную нашей.

Я высказываюсь столь пространно относительно статьи профессора Блэка в настоящем томе потому, что, с одной стороны, в отличие от профессора Деверье, он не столько излагает мои взгляды, сколько критикует их, а также потому, что среди других критических статей его статья самым непосредственным образом поднимает ряд существенных проблем относительно статуса теории действия как общей теории. Я благодарен Блэку за высокий уровень рассмотрения этих проблем и за его ясность в ряде отдельных пунктов, по поводу которых было много недоразумений, таких, как неправомерное ожидание немедленного и легкого перевода общей теории в операциональные термины. В то же время совершенно ясно, что я не могу разделить его негативную оценку всей работы в целом, в том числе и его мнение о ее преждевременности при существующем состоянии социальной науки. Я указал, что Блэк не принимает во внимание дальнейшую разработку схемы со времени публикации материала в 1951 году. Я не считаю его суждение полностью справедливым и для того уровня, на котором она находилась в то время, но я думаю также, что с тех пор произошел большой прогресс, прогресс настолько важный, что он опровергает суждение, высказанное относительно ситуации десятилетней давности. Я полностью признаю, однако, трудности положения критика, не только из-за значительного объема литературы, но и из-за того, что ситуация фактически в корне изменилась, хотя, мне думается, скорее в направлении улучшения и расширения теории, нежели изменения основной позиции. Мне кажется, что это был сложный, но не ошибочный путь. Кроме того, по-пре-

жнему имеется значительное количество неопубликованных материалов, которые находятся в процессе публикации. Большая часть не существует даже в виде рукописей, а доступна лишь в заметках, табличных классификациях и т. п., расшифровать которые может только сам автор. Некоторые из последних важных публикаций появились слишком поздно и не могли быть использованы ни одним из авторов сборника. При всех этих трудностях, однако, я полагаю, что сейчас есть нечто большее, чем просто достаточно глубокие и широкие наметки теоретической системы.

Нечего и говорить, что развитие теоретической системы далеко не окончено, и, полагаясь на личный опыт, я ожидаю, что перемены, которые наступят в следующем десятилетии, будут не менее велики, чем происходившие в прошлые десять лет. Процесс также продолжает носить прагматический характер, о котором я говорил в начале этой статьи. Продукты такого процесса подвергаются тщательному критическому анализу и кодификации, прежде чем образуется окончательное суждение об их месте в работе над общей теорией. Лишь немногие работы, подобно статье «Еще раз о стандартных переменных», могут быть прямым вкладом в общую теорию как таковую.

3

Рассмотрим несколько проблем, поднятых другими авторами. Вначале, пожалуй, следует указать, что наряду с проявлениями отличного понимания и правильной оценки проблем, в этих статьях содержаться случаи серьезного недопонимания. Мне хотелось бы начать с тех высказываний, где такое понимание есть, подразделив их на методические и содержательные.

Что касается первых, я выражаю благодарность Блэку за то, что он указал на необходимость определенной интеллектуальной смелости в таком серьезном предприятии. Это совпадает с моими собственными настроениями на этот счет, и я воспринимаю его заявление не просто как дань мне лично, но и как выражение того общего взгляда, что социальной науке необходимо проявлять большую смелость в теоретических областях. Каковы бы ни были достоинства или недостатки моей собственной работы, я продолжаю сохранять непоколебимую уверенность относительно колоссальной важности общей теории в этой области, так же, как и в других областях науки. Мы не созреем научно до тех пор, пока не сконструируем такую теорию, а этого нельзя достигнуть одним только эмпирическим исследованием, «позволяя фактам говорить самим за себя». Это может быть достигнуто лишь ценою упорной, полной воображения, неудач и дерзаний интеллектуальной работы на уровне самой теории.

Второе методическое соображение, указанное Деверье, я тоже воспринимаю как комплимент. Он отметил, что я не создал себе *учеников*. Мне посчастливилось сотрудничать с рядом очень способных людей и быть знакомым с работами других — тех, кто использовал эту концептуальную схему, работал с ней, видоизменял ее, расширял и улучшал, а в некоторых местах пускался в такие области, где я не мог следовать за ним. Это кажется мне абсолютно нормальным и желательным. Научная теория не есть то, на что можно *подписаться*. Это то, что используют, развивают, испытывают, видоизменяют. Надеюсь, можно привести ясное различие между компетентным пониманием сделанного, что в конце концов является необходимой базой для здоровой критики, позитивной или негативной, и приверженностью к доктринам, неизбежно основанной не на познавательных мотивах. Мне кажется, что именно это последнее отношение характеризует ученика в том смысле, как это понимает Деверье, а таких учеников мне не надо. В самом деле, отсутствие такой зависимости, характерной для американцев, кажется мне важным показателем научной зрелости.

Это связано с третьим методическим замечанием, сделанным профессором Хаккером, за которое я ему также благодарен. Конечно, существует тесная связь между настойчивой критикой *предвзятости статического характера*, обсуждавшейся выше в связи со статьей Блэка, и приписыванием мне *предвзятости консерватизма* в политическом смысле. Отделение научного теоретизирования от формулировки политических установок и от политики кажется мне существенным моментом для развития науки, особенно важным в социальных ее областях. Хаккер правильно указывает, что я лично был всю мою зрелую жизнь довольно типичным американским *яйцеголовым* интеллектуалом, сторонником «Нового курса» и «Справедливого

курса», вообще склонным поддерживать демократическую партию, ее *либеральное* крыло. В терминах американского политического спектра это близко к левому направлению и, конечно, не является консервативным в том смысле, в каком были консерваторами какой-нибудь Роберт Тафт или Герберт Гувер, или даже Эйзенхауэр. Очевидно, для Хаккера это слишком консервативно, так же, как и для многих других американских интеллектуалов, особенно тех, кто рассуждает более или менее по-марксистски, но это уже другой вопрос.

Оба, Деверье и Вильямс, как я уже указывал, прямо и без экивоков представляют, на мой взгляд, правильную интерпретацию того, насколько значима в моей работе проблема порядка, и моего отношения к этой проблеме. Дело в том, что основа социального порядка проблематична по своей сути, поэтому и пришлось сделать его изучение центром внимания социологической теории, как это было сделано группой европейских теоретиков, о которых я писал в «Структуре социального действия». Более всего это применимо к позиции Дюркгейма. Связывать теоретический интерес к проблеме порядка с конформизмом или склонностью к анализу статического аспекта, как я уже указывал, грубое извращение. Я по-настоящему благодарен этим двум авторам за то, что они внесли ясность в этот чрезвычайно важный вопрос.

Социологический подход к изучению проблемы порядка состоит, как я говорил выше, в анализе роли, которую в социальных системах играют институционализированные стандарты нормативной культуры. Институционализация здесь есть нечто большее, чем власть гоббсовского монарха; под ней подразумевается, насколько это касается власти, законность в веберовском смысле и целый ряд механизмов, включающих в себе поддержание и действие ценностей и норм во всех сферах социальной жизни, а не только в политической. Институционализация, однако, была бы невозможна, если бы отношение институциональной структуры общества к другим структурам и *интересам* индивидов было либо случайным, либо основанным на принудительном контроле через негативные санкции. Профессоры Морзе, Болдуин и Ландсбергер внесли фундаментальный вклад в различные фазы решения этой кардинальной проблемы.

У Морзе это касается проблемы социальной среды экономики, взятой как дифференцированная подсистема сложного общества. Конечно, в некотором смысле каждый экономист понимал, что такая среда существует, поскольку, в конце концов, экономическая теория не есть теория общества в целом, и, следовательно, осознавал, что эта окружающая среда структурирована. В то же время очевидным пробелом в основных традициях экономической теории было то, что она, по сути, не сделала серьезной попытки рассмотреть эту проблему в подлинно теоретических терминах. Напротив, типичная процедура экономистов состояла в том, чтобы до конца следовать логике экономической теории, а затем перескакивать к ряду основанных на здравом смысле случайных ограничений экономической схемы, зная, конечно, что эти ограничения не есть адекватное отражение всех неэкономических факторов.

Молчаливая посылка экономистов состоит в том, что неэкономические факторы нельзя анализировать на столь же теоретически специализированном уровне, как уровень экономической теории, и даже если бы это было возможно, нельзя было бы установить никакого специфически теоретического сочленения между экономическими и неэкономическими схемами (22).

Именно для того, чтобы попытаться выбраться из этого научного тупика, я осмелюсь обратить внимание читателя на работу, написанную в соавторстве со Смелсером, посвященную этой проблеме. Частичный и поэтому далеко не удовлетворительный подход к ней был разработан много лет тому назад в «Структуре социального действия». «Экономика и общество» представляет, однако, на мой взгляд, довольно значительный шаг вперед.

Существенным в этой книге является рассмотрение исторически сложившихся в экономической науке понятий факторов производства — земли, труда, капитала и организации — и соответствующих долей дохода как особых случаев категорий входов и выходов, интерпретируемых как входы и выходы подсистем тотального общества. Приняв эту ориентацию, можно проинтерпретировать источники и предназначения этих входов и выходов как специфичные для данной теории. Таким образом, например, граница потребления труда в экономике будет проинтерпретирована

как граница между экономикой и подсистемой поддержания образца, первичной функциональной ячейкой которой является отдельная семья.

Если такой взаимообмен действует между подсистемой с преобладанием экономической, т. е. в технико-экономическом смысле *производственной*, функции и подсистемой, где преобладает неэкономическая общественная функция, то, исходя из указанных выше принципов, стабильность этого взаимообмена должна зависеть от баланса условий, важных для обеих сторон. Так, во взаимообменах между фирмами и семьей преобладание экономической функции в фирме, которая в дифференцированной экономике организуется на основе критерия платежеспособности в принятом в экономике смысле, должно уравновешиваться и вкусами потребителей, и интересами семей, связанными с устойчивостью их положения. Разумеется, на семьи тоже распространяется стандарт платежеспособности в том смысле, что денежные расходы нормальной семьи в типичном случае покрываются денежным доходом ее членов. Но в случае фирмы условием платежеспособности является производственная эффективность, в то время как в семье она зависит от того, что может быть названо правильностью жизненного уклада.

Наиболее существенное положение Морзе заключается, как я понимаю, в том, что исторически сложившаяся экономическая теория не учитывает важности этого баланса. Она стремится рассматривать всякий взаимообмен, являющийся в каком-то смысле экономическим, либо как *управляемый* принципами экономической рациональности, либо как *отклоняющийся* от этих принципов, либо как сочетание того и другого. Поэтому в тех областях, которые были упомянуты для иллюстрации, существует трудность теоретического рассмотрения проблемы потребления и стандартов жизни, с одной стороны, и структуры рынка труда, роли профсоюзов и т. д., с другой стороны.

Из позиции, занятой Смелсером и мною, следует, что понятия экономической теории адекватно описывают внутренние взаимообмены экономики. По мере того, как анализ будет выходит за границы экономической подсистемы, становится необходимым видоизменить всю теоретическую схему. Ясное понимание этого и является основной заслугой анализа Морзе, который полностью отдает себе отчет в том, что для достижения более высокого уровня теоретического обобщения и для теоретической интеграции экономической теории с другими отраслями теории социальных систем, необходимо существенно изменить экономическую теорию.

Болдуин подчеркивает другой частный случай того же основного теоретического положения, но уже в иной эмпирической области. Он обращает внимание на тот факт, что психологам в общем не удалось эксплицитно выявить структуру ситуации, в которой функционируют личности индивидов. Они скорее были склонны трактовать стимулы как заданные, и поэтому в принципе дискретные, характеристики ситуации, а затем пытаться проследить последствия воздействия на индивида разных классов стимулов при разных состояниях личностной системы. Затем он говорит о моем вкладе в эту область как важном, поскольку я делаю очень большой упор на структуру ситуации.

Это справедливая и приятная для меня оценка. Для человеческой личности наиболее важная *стимулирующая ситуация* — социальное и культурное окружение, в котором личность функционирует. Именно оно и является решающим моментом процесса социализации, начиная с самых ранних его этапов. Именно в этом вопросе Фрейд, на мой взгляд, достиг глубокого понимания. Особенно ясно это становится тогда, когда его *принцип реальности* в области связей между объектами на практике интерпретировался как реальность социального взаимодействия. Но это означает, что, в свою очередь, структура этого окружения — это гнездо расположенных сериями социальных и культурных систем, в которых находится индивид, и что если ее рассматривать только в технико-теоретическом смысле, то это можно сделать только посредством анализа этих систем, начиная, в случае социализации, например, с ядерной семьи (23).

Теория действия, рассматривающая социальные и личностные системы как подсистемы все той же более общей системы действия, на мой взгляд, более соответствует такому пониманию, чем предыдущие концептуальные схемы. Надеюсь, читателю ясно, что природа этой теоретической проблемы подобна природе только что обсуждавшейся проблемы границ в экономике. Прежде существовала тенден-

ция рассматривать теорию личности как совершенно независимую схему в теоретическом смысле, не связанную ни с социальной теорией, ни с теорией культурной системы, хотя в последнем случае школа *культуры и личности* сделала некоторые, на мой взгляд, весьма неудовлетворительные попытки в этом направлении. Но если личность в действительности является подсистемой более объемлющей системы, то для удовлетворительного анализа необходимо разработать ее специфические связи с другими подсистемами, с которыми она приходит в столкновение и с которыми она осуществляет взаимообмены входов и выходов. Техническое рассмотрение структуры окружения личности — первый важный шаг в подобной программе, но, по-моему, только первый. Дальнейшие шаги ведут к проблеме, которую Болдуин называет проблемой *изоморфизма* социальных систем и личностей. Ее-то я и коснусь ниже.

Когда дело касается рассмотрения формальных организаций подсистем общества, возникают проблемы того же порядка. Особенно, если принять во внимание интерес к проблемам соотношения между формальной и неформальной организациями, характерный для работы американских социологов в этой области, то вполне естественно, что они в первую очередь обращаются к внутренним проблемам организаций, таким, как проблема отношения линейного и штабного управления (line-staff problem), проблема клик и др. Логика этой тенденции соответствует психологической логике личности; социальное окружение организации рассматривается как нечто непроблематичное (позиция, полностью противоположная *чистой* экономической теории фирмы как места, где денежный доход и расход сбалансированы или не сбалансированы). Величайшая заслуга статьи Ландсбергера состоит в том, что автор подчеркнул важность социального окружения организации как основной позиции, с которой следует подходить к анализу внутренней дифференциации ее структуры и функций. В его статье и в статье Уайта имеются упреки по поводу того, что у меня недостаточно говорится относительно внутренней функции или организации. Но ведь главное состоит в том, чтобы признать важность рассмотрения этой пренебрегаемой исследователями проблемной сферы и определить место отмеченных проблем в более широкой теоретической схеме. Я имею в виду различие между тем, что я называю техническими, управленческими, *институциональными* и публично-правовыми компонентами в функциях организации, и то, как это различие сказывается на отношениях организации с окружающей средой (24).

Таким образом, становится ясным, что общим для трех проблем является их связь с определенным *атомизмом* теоретической традиции социальных наук, что я интерпретирую как наследие, полученное от утилитаризма. Те же проблемы возникают снова на уровне *поведенческой* психологии в Гуллианской традиции, изучающей дискретные единицы *стимул-реакция* и пр. Противостоящий этому акцент на структуру окружения прямо связан с постановкой проблемы на уровнях организаций и их кибернетического контроля. В связи с этим подчеркнем как важный момент то, что в окружениях каждой из трех систем, рассмотренных в этих статьях, имеется ряд компонентов, которые иерархически возвышаются над самой системой. Хотя то, что я называю политической подсистемой, находится в такой именно более высокой иерархической связи с экономикой, наибольший социологический интерес представляет интегрированная подсистема общества со своей сетью институционализированных норм. В случае экономики эта сеть включает прежде всего институциональные комплексы, имеющие дело с правами владения и со структурой рынков, а именно: контракт, наем и собственность («Экономика и общество», глава 3), а также, конечно, и с другими компонентами. Например, если рассматривать фирму как организацию, то таким компонентом будет система полномочий.

Для системы личности решающим моментом является то, что в общей иерархии действия как социальные, так и культурные системы стоят над личностью в том смысле, который следует тщательно интерпретировать, но который явно не является несовместимым с **ценностным комплексом индивидуализма**. Точно таким же образом окружение формальных организаций включает в себя, конечно, источники средств и каналы освобождения от излишков, но оно включает в себя также институционализированные нормативные и ценностные рамки, которые связывают организации посредством того, что я назвал институциональным, или публично-правовым, комплексом.

Следовательно, мне кажется справедливым утверждать, что понятие институционализации и/или интернационализации структуры более высоких в иерархии контроля систем — в смысле, специфическом для системы действия — представляется кардинально важной чертой отношения каждой системы или подсистемы действия к их окружению (25).

Это соотношение — основа изложенного выше фундаментального положения, заключающегося в том, что **структура** систем действия состоит в институционализированных и интернационализированных образцах нормативной культуры. **Значение** в культурном смысле является доминирующей категорией структуры систем действия, что и выражается в расположении культурной системы на вершине кибернетической иерархии действия в целом. Тогда основное условие интеграции систем действия в этом иерархическом направлении сводится к тому, что каждая система в серии должна перевести на свой язык, или *актуализировать* для своих специфических условий, содержание значений, институционализированных (или интернализированных) в системе более высокого уровня. В случае социальных систем мы говорим об этом как о **конкретизации** культурных ценностей до уровня функционирования социальной системы.

Проблема *изоморфизма* личности и социальных систем, которая так серьезно беспокоит Болдуина, — особый случай этой общей проблемы систем действия. Для меня термин *изоморфизм* сомнителен, потому что, на мой взгляд, он претендует на слишком многое. Я утверждаю лишь то, что существенный набор компонентов является общим для систем, которые, подобно личности и социальной системе, являются смежными в иерархическом ряду. Именно эту проблему я и формулировал по разным поводам (26) как проблему взаимопроникновения систем. Она касается элемента общности структуры, который в генетической истории был приобретен системой более низкого порядка в ходе ее взаимодействия с системой более высокого порядка, типичным примером чего может служить социализация индивида. В этом смысле основной костяк структуры человеческих личностей **состоит** из социальных объектных систем, которые были интернализованы на протяжении их индивидуальной жизни. Я сознаю, что положение это радикально и для Болдуина неприемлемо, но мне оно кажется существенным (27).

Другая сторона вопроса, в которой кроется причина сомнительности термина *изоморфизм*, состоит в том, что каждая из этих двух систем, подобно всякой дифференцированной паре, основана на разных потребностях, так что даже при наличии **одинаковых** структурных компонентов их эмпирические и динамические проблемы, как правило, отличаются друг от друга. В рассматриваемом случае социальные системы основаны на потребностях, связанных с взаимодействием множества лиц. Их цели должны в конечном счете ориентироваться на мотивационные нужды и интересы индивидов; их адаптивные интересы должны быть связаны с окружением, общим для индивидов и групп, в которых культурный аспект занимает не последнее место; их же интегративные проблемы являются, по определению, **межличностными**. У личностей, с другой стороны, потребности совершенно другие. Их цели должны быть организованы относительно структуры социальной окружающей среды, общими по отношению к социальным системам и личностям, хотя и выступают в разных контекстах. Но их интегративные потребности являются внутриличностными. Наконец, личность индивида имеет прямое отношение к биологическому организму, которое в случае социальной системы является скорее косвенным, чем прямым. Это отношение было, на мой взгляд, наиболее убедительно сформулировано в современной психологии Фрейдом в понятии *id* в его отношении к принципу удовольствия. Каков бы ни был *биологический* фактор в конкретном функционировании обществ, ясно , что это не *id* во фрейдистском смысле.

В аргументации Болдуина меня беспокоит то, что теория личности будет каким-то образом *сведена* к терминам социальной системы и что тогда социологи вытеснят психологов. Беспокойство это, конечно, не имеет оснований. Действительно, Дюркгейм под давлением необходимости во что бы то ни стало доказать первостепенную важность *социального* компонента иногда вроде бы утверждал: то, что не является социальным, есть *чисто* биологическое. Но мы ушли в этом отношении дальше Дюркгейма. Болдуин не сомневается в том, что большая часть психологической традиции грубо пренебрегла социальным компонентом. И поскольку это историческое несоответствие (я утверждаю, что в основных традициях психологии оно было несоответстви-

ем) устранено, я не вижу никакой особенной трудности в том, чтобы идти к широкому определению компонентов, которое было бы приемлемым для всех заинтересованных профессиональных групп. И что еще более важно, это определение может обеспечить базу, исходя из которой каждая группа сможет заниматься не только своей областью, но и становящимися все более важными областями связей и взаимопроникновений, не увязая при этом в спорах, которые с профессиональной точки зрения, являются, по существу, идеологическими. Во всяком случае, мне представляется, что сфера, оставленная для теоретика личности внутри психологической традиции, не только не сужается теорией действия, но, напротив, остается огромной сферой запутанных и ждущих разрешения проблем. Социологам достаточно работы в других областях, им незачем узурпировать еще одну область.

Нечего и говорить, что те же принципы, применяемые в случае социальной системы и личности, действуют в случаях взаимопроникновения любых смежных систем. На мой взгляд, факт взаимопроникновения является решающим, но настолько же решающей является **независимость** систем друг от друга в аналитическом смысле этого слова. Подобно знаменитому случаю с наследственностью и средой, здесь не возникает проблемы выбора между тем и другим. Тут встает другая проблема — уяснение сложных способов, с помощью которых то и другое взаимосвязано и взаимодействует.

Существует множество проблем, обсуждаемых в других статьях, которые, если бы не ограниченность места, можно было плодотворно обсудить. Однако, как уже отмечалось, мне казалось более важным использовать место, предоставленное мне в этой книге, главным образом для того, чтобы попытаться разъяснить некоторые центральные проблемы статуса схемы действия на уровне общей теории, пусть даже ценой относительного невнимания к ряду более специфических проблем, которые авторами некоторых статей представлялись самыми важными. Основное оправдание этой тактики можно выразить в двух пунктах. Во-первых, как теоретик в данной области, я всегда особенно подчеркивал важность общей теории и в этом направлении прилагал больше усилий, чем другие. Поэтому я, возможно, более всего компетентен говорить на этом уровне. Во-вторых, мне кажется, что если некоторые из основных поставленных здесь вопросов разъяснить на уровне общей теории, то это окажет грандиозную помощь в прояснении проблем, с которыми приходится встречаться на *среднем уровне*, обеспечив критерии подхода ко многим из них. Я попытался проиллюстрировать это на предыдущих страницах, рассмотрев отношение проблемы структуры подсистемы среды к столь жизненно важной и всеобъемлющей проблеме порядка и к статусу иерархии контроля. Надеюсь, я сумел убедить читателя, что именно на уровне общей теории эта проблема в сущности однозначна для экономики в ее отношении к институциональному порядку общества, для личности в ее отношении к социальным и объектным системам и для формальной организации в ее отношении к социальному окружению. Морзе, Болдуин и Ландсбергер стремятся рассматривать эти проблемы как дискретные, и, конечно, как таковые, они находятся полностью в компетенции специалистов соответствующих наук. Но в настоящем контексте решающее значение имеет общий элемент, поскольку лишь показав наличие и важность таких общих элементов, можно разработать предлагаемый здесь тип кодификации многих наук в рамках единой теоретически интегрированной концептуальной схемы.

В то же время я прекрасно сознаю, что многие авторы не удовлетворены по многим вопросам. Например, Уайт по вопросу о том, «где действие в действии?»; Бронфенбреннер — проблемой психологии идентификации, особенно на специфических операциональных уровнях, а Хаккер — проблемой места и масштабов конфликта в американском обществе. Моим единственным оправданием того, что я не пошел дальше в попытках удовлетворить их, а также и прочих, по другим пунктам, является невозможность охватить все в границах одного, пусть даже большого, очерка. Мой выбор был сделан в свете моего собственного суждения относительно того, что является стратегически важным, но, конечно, это суждение может быть ошибочным. Во всяком случае, все это кажется мне отличным примером трудностей на пути интеграции такой многосторонней области, как та, что рассматривается в настоящем томе. Совершенно ясно, что конечная цель, каковой является создание единой концептуальной схемы, принятой как само собой разумеющееся соответствующими специалистами и, конечно, использу-

емой как база для вторжения в новые области знания, по-прежнему еще далеко впереди. Каково бы ни было окончательное суждение по поводу моего собственного вклада, я глубоко убежден, что завершение разработки такой схемы существенно важно и что общая тенденция интеллектуальной истории лежит в этом направлении.

В заключении я попытаюсь обосновать это убеждение, вкратце рассмотрев несколько вопросов относительно этой главной тенденции. Выше я уже говорил, что *современный* уровень социологического мышления возник из интеллектуального *брака* между утилитарными и коллективистскими элементами в основных западных традициях социальной мысли. Эту общую тему можно обобщить до рассмотрения действия в целом, и даже еще более широко — до явлений жизни, включающих физический мир.

Мне кажется, что из всего этого следует дальнейшая непригодность старомодного *атомизма*, некоторых смыслов термина *индивидуализм* и старомодного *идеализма*. В силу определенных особенностей американской культурной истории мало вероятно, что идеалистические теории получат преобладание, хотя определенный уклон такого рода прослеживается в американской антропологии боасовского толка. Однако имеются три основных случая атомистической ориентации, сыгравшие очень важную роль. Это, во-первых, теория *экономического индивидуализма*, включая сюда и ее обобщение в духе спенсеровского индивидуалистического рационализма; во-вторых, индивидуализм, ориентированный на личность, с сильным подозрением относящийся к какому бы то ни было независимому интегративному значению, приписываемому обществу или культуре (Флойд Олпорт, «Институциональное поведение» — главный документ этого направления); в-третьих, то, что может быть названо *бихевиоральным атомизмом*, образчиком которого может считаться гипостазирование Халлом и его последователями компонента *стимул-реакция*.

Я полагаю, что этот старомодный утилитарный атомизм не пригоден более ни на одном их этих уровней; он, как я уже отмечал, не может объяснить основные явления организации. Говоря схематично, на уровне бихевиорального организма, несостоятельность этого взгляда была доказана *экологами*, теорией толмэновского типа и, в немалой степени, последними работами по функционированию мозга. На уровне личности его несостоятельность была показана прежде всего Фрейдом, а также Куртом Левиным, Мюрреем, Эриксоном и др. На уровне социальных систем гибель утилитарного атомизма предугадывалась в 1848 году, когда опубликование последнего великого утилитаристского документа — «Принципов политической экономии» Джона Стюарта Милля — совпало с появлением «Коммунистического манифеста».

Не случайно в конце XIX века на Западе проблема социализма не только политически, но и интеллектуально оказалась в центре всеобщего внимания. Для меня нет сомнения в том, что Маркс был, вероятно, самым важным оригинальным «посредником» в «браке» двух основных традиций, которые мы сейчас обсуждаем. Но «брак» этот был осуществлен не в работе Маркса, а в работах представителей поколения, следующего за ним, главным образом Дюркгейма, Вебера и Фрейда. Тот факт, что все трое были более учеными, чем политиками, скрыл от глаз читателей их большую по сравнению с Марксом значимость.

Я очень рад признать, что на социологическом уровне Маркс является одним из символических *дедов* теории действия. Однако Маркс, как ясно показал Шумпетер в работе «Капитализм, социализм и демократия», был одновременно социальным ученым и революционным лидером. Прежде чем он мог стать отцом науки, эти два компонента должны были быть отдифференцированы, что произошло лишь в следующем поколении. Несмотря на амбивалентность утверждения, три великие фигуры, перечисленные выше, в отличие от Маркса, были учеными в первую очередь.

Для меня то, что я называю теорией действия, было в своей основе (а основа, на мой взгляд — социальная система в ее отношении к личности индивида) рождено поколением Дюркгейма, Вебера и Фрейда при сложном комплексе других влияний, некоторые из которых были упомянуты здесь. При заметном уменьшении влияния старого экономического индивидуализма личности поразительным фактом является то, что общие ориентации в этой области за последние годы все с большей силой стремились поляризоваться на недогматическую и неполитическую *марксистскую* позицию и позицию, которую в широком смысле можно назвать той или иной версией теории действия (28). Вероятно, самое важное исключение здесь представляет влияние школы *культуры и*

личности, которая непосредственно попыталась создать сплав атомистической и идеалистической тенденций (29), в отличие от того, что я выразил символом «брак».

Интеллектуальная история последних лет делает, мне кажется, неизбежным следующий вывод: отношение между марксистским типом мышления и типом мышления, представленным сторонниками теории действия, стоящими на рубеже двадцатого столетия, имеет характер стадиальной последовательности в определенном процессе развития. По отношению к своим предшественникам марксистская тенденция несомненно является более передовой в смысле уровня общей теории. Однако для моих целей не столь важна ее *материалистическая интерпретация*, сколько то, что она является менее дифференцированной основой анализа крупных проблем культуры, личности и социальной системы в том их виде, в каком они предстают перед социальными учеными в наши дни.

Такова основная перспектива, в которой, как я надеюсь, становится ясно место концептуальной схемы, обсуждавшейся здесь в качестве *теории действия*. Я глубоко убежден в том, что обсуждаемые в этом томе научные процессы имеют глубокие корни в основных тенденциях интеллектуального развития нашего века. Их основа — великий синтез, достигнутый поколением, предшествующим нашему, в период примерно с 1890 по 1935 г. Этот синтез обеспечил совершенно новую ориентацию для общей теории, рассматривающей широкий диапазон аспектов человеческого поведения, причем новый акцент, даже в случае Фрейда, был сделан на **социальные** измерения организации поведения.

Развитие на этой основе должно, как мне представляется, следовать чему-то вроде прагматического образца, который я обрисовал в первом разделе этой статьи. Попытка перепрыгнуть к дедуктивной системе противоречила бы основному духу великой традиции, в которой эта схема должна занять место. Но внутри этой системы координат она стремится сделать теорию более интегрированной, более точной, более ясной, с более широким диапазоном по отношению к эмпирическим данным. Существенная часть этой задачи состоит в систематической кодификации эмпирического знания и интеграции полученных таким образом эмпирических обобщений с положениями общей теории.

Если принять это как истинную традицию современного интеллектуального развития и признать, что теория действия внесла важный вклад в прояснение, обобщение и кодификацию в рамках этой традиции, то из этого следует, что в результате нашей работы, при всех оговорках, мы сделали шаг к более научному пониманию условий человеческого существования. Такой вывод был бы щедрой наградой за все проделанные усилия. Работа группы Корнельского университета, итогом которой явился этот том, помогла поставить более остро, чем это было раньше, вопрос о том, заслуживает ли наша работа такой награды.

Примечания

(1) Я попытаюсь изобразить эту картину в подробностях в работе «Некоторые проблемы, стоящие перед социологией как профессией»: *Parsons T.* Some Problems confronting Sociology as a Profession // ASR, vol. 24. August, 1959. № 4.

(2) В этих замечаниях следует видеть скорее в каком-то смысле «ретроспективную телеологию», чем чисто исторический отчет. Это те рамки, в которых возможно проинтерпретировать некоторые аспекты «значения» моей работы, и в мои намерения не входит давать обстоятельный ответ на то, «как» все это получилось. Читатель, которого интересует интерпретация генезиса и «стратегии» теории действия, может познакомиться с работой «Подход к психологической теории с позиции теории действия»: *Parsons T.* An approach to Psychological Theory in Terms of the Theory of action // Psychology: a Science, vol. 3 / ed. by J.Koch.— N.Y.: McGroow Hill, 1959.

(3) См. «Культура и социальная система» — предисловие Т.Парсонса к IV части «Theories of Society» (русский перевод см. в данном издании).

(4) См. мою монографию «Структура и процесс в современных обществах» — *Parsons T.* Structure and Processes in Modern Society. Glencoe, 1960.

(5) См. «Еще раз о стандартных переменных»: *Parsons T.* Patterns Variables Revised. A Response to Professor Dubin's Stimulus // ASR. August, 1960. Русский перевод см. в издании Т.Парсонса этой серии: «О структуре социального действия».

(6) См. «The General Interpretation of Action», введение к части I «Theories of Society», vol. I, 1961.

(7) Эта схема четырех основных подсистем действия наиболее полно развита в очерке «Подход к психологической

теории с позиций теории действия» (см. прим. 2), а также во введении к части IV «Theories of Society», 1961.

(8) *Cannon W.B.* The Wisdom of Body. N.Y., 1932.

(9) Термин «единица» используется здесь в том же смысле, в каком частица является единицей в физической системе или клетка — в организме, а не в смысле единицы измерения.

(10) Трудности такого же рода появились в других различных пунктах этой области. Так, весьма подходящей иллюстрацией настоящей дилеммы является проблема, выражающаяся в конфликте между употреблениями терминов «культура» и «социальная система». Широко распространенная в Америке антропологическая традиция понимает под культурой нечто такое, что включает в себя то, что социологи, следующие дюркгеймовской традиции, понимают под социальной системой. Тот или иной способ аналитического различения теперь стал просто необходим (см. статью А. Кребера и Т. Парсонса «Понятия культуры и социальной системы», перевод которой помещен в данном томе). Подобная же дилемма возникла применительно к формуле «поведение организма», которую все еще предпочитает большинство американских психологов. Здесь не различаются уровни, о которых я говорил: с одной стороны, поведенческого организма, с другой — личности.

(11) Приведенное изложение проблемы переменных и способа их включения в общую схему действия, по необходимости, с целью экономии места, столь сжато, что многим читателям оно может показаться головоломным. К сожалению, просто невозможно дать здесь полную экспозицию, не принося в жертву многих других вещей, которые должны войти в этот очерк. Поэтому лучшее, что я могу сделать, это отослать читателя, встретившего трудности, к работе «Еще раз о стандартных переменных» (см. прим. 5).

(12) Если бы использовались не они, то были бы введены, по существу, те же самые понятия, но под другими именами.

(13) Примененный здесь подход несколько отличен от принятого в конце статьи «Еще раз о стандартных переменных». Теоретический пирог можно разрезать для получения гипотез разными способами, и в этот раз мне представилось полезным расчленить его в соответствии с парадигмой обмена на входах-выходах, которая еще не публиковалась в ее полном виде, но наиболее детально была сформулирована в книге: *Parsons T., Smelser N.* Economy and Society. Glencoe, 1956.

(14) Агрегаты многих сегментированных единиц, не дифференцированных друг от друга, теоретически, конечно, возможны, но нетрудно показать, что такие агрегаты, по всей вероятности, относительно нестабильны и что под давлением таких факторов как «рост», обнаруживается тенденция к возрастающей дифференциации.

(15) См. *Parsons T.* Voting and the Equilibrium of the American Political System // American Voying Behavior/By eds. E.Burdick, A.Brodbeck. Glencoe, 1959.

(16) Возможно, лучшие примеры этого могут быть найдены в книгах: *Smelser N.J.* Social Change in the Industrial Revolution. Chicago, 1959; *Whyte W.R.* Ideology of the Intellection (Dissertation). Harvard Un., 1960.

(17) См. *Parsons T.* Family, Socialization and Interaction Professor, ch. I. Glencoe, 1955.

(18) *Parsons T.* The Pattern of Religions Organization in the Contemporary United States. ch. 10, op.at; *Parsons T.* Structure and Process in Modern Societies, ch.10, op.cit.

(19) *Parsons T., White W.* The Link Between Character and Society // Continuities of Social Research, III. The work of D. Riesvan, gl., unpubliched.

(20) *Parsons T., Whyte W.* The Mass Media and the Structure of American Society//Jobrnal of Social Issues. January, 1961.

(21) На наш взгляд, самым сильным сторонником тезиса о резкой смене ценностей был покойный Клайд Клакхон (см. Have There Been Discernible Shifts in American Values During the Past Generation? //The America Style /Ed by E.Morrison. N.Y., 1958; Shifts in American Values //World Politics, vol. XI. January, 1959. №2. Мои собственные взгляды на эту проблему я берегу для отдельной книги об американском обществе. Частичное их изложение будет опубликовано в материалах конференции по вопросам науки, религии и философии 1960 года под заголовком «Культурная основа американских религиозных организаций».

(22) Хотя «Природа и значение экономики» — старая книга, в ней Лайонел Роббинс все же выходит за рамки основной традиции экономической науки с ее эксплицитным представлением о том, что «среда» экономического поведения должна рассматриваться как теоретически произвольная. См. мою критику этой работы в статье *Parsons T.* Some Reflections on «The Nature and Significance of Economics» //Quarterly Journal of Economics. XLVIII, 1934.

(23) Я признаю, что в книге «Семья, социализация и т. д.» (см. прим. 17) анализ послеэдиповских этапов социализации и социальных структур, с которыми они соотносятся, был отрывочным и неполным. Этот пробел был частично восполнен двумя поздними статьями (см. прим. 19), а также *Parsons T.* The School Class as a Social System //Harvard Education Review. Fall, 1959.

(24) См. ch. II in Structure and Process in Modern Societies (см. прим. 4) и Социология сегодня /Под ред. Мертона и др. Гл. 16. М., 1965.

(25) То, что я называю системой культуры, является в этом отношении предельным случаем. См. «Культура и социальная система» (русский перевод помещен в данном томе).

(26) Например, «An Approach to Psychological Theory...» (см. прим. 2).

(27) Это положение было наиболее полно раскрыто мною в статье «Социальная структура и развитие личности» в журнале «Psychiatry» (November, 1958). Меня несколько удивляет, что ни Болдуин, ни Бронфенбреннер не учли этой статьи, с моей точки зрения, представляющей важный шаг вперед по сравнению с позицией, изложенной в кн. «Семья, социализация...» (см. прим. 17).

(28) См. обзор Липсета работы Мура-младшего: Political Power and Social Theory // ASR. April, 1960.

(29) Полное обоснование этого суждения потребовало бы развернутого очерка интеллектуальной истории. Самым поразительным свидетельством является забавная близость боасовской «культурой» теории, идущей от версии конфигураций к версии черт, с гуллиановской теорией, с ее чрезвычайно селективным использованием психоаналитической теории для доказательства некоторых, якобы особых, эффектов при применении очень специфических методов воспитания ребенка. Сходство логической структуры этой школы мысли с немецкой идеалистической мыслью конца XIX в. просто поразительно. См. *Parsons T.* The Structure of Social Action, ch. XIII, XVI. N.Y., 1937.

Социальная система

(Talkott Parsons. The Social System,
The Free Press of Glencoe.
1964, fifth printing.
Первое издание — 1951 г.
Пятое издание — 1964 г.)

Глава I
Система координат действия и общая теория систем **действия**: культура, личность и место социальных **систем**

Предметом настоящей книги является концептуальная схема, разработанная для анализа социальных систем с точки зрения специфической системы координат действия. Книга задумана как теоретический труд в строгом смысле этого слова. В ней не будут специально рассматриваться вопросы, связанные с эмпирическими обобщениями или с методологией, хотя и тем и другим в содержании книги будет отведено значительное место. Естественно, что ценность предложенной здесь концептуальной схемы в конечном счете должна быть проверена использованием ее в эмпирическом исследовании. Но тем не менее мы не пытаемся здесь излагать в систематическом виде эмпирические знания, что было бы необходимо для работы по общей социологии. В центре данного исследования стоит именно разработка теоретической схемы. Систематическое рассмотрение ее эмпирического использования будет предпринято отдельно.

Главным отправным пунктом является понятие социальных систем действия. Имеется в виду, что взаимодействие индивидов происходит таким образом, что этот процесс можно рассматривать как систему в научном смысле и подвергать ее теоретическому анализу, успешно применяемому к различным типам систем в других науках.

Основные положения системы координат действия подробно излагались ранее, и здесь дается лишь краткое резюме. Система координат описывает *ориентацию* одного или многих действующих лиц — в исходном случае биологических организмов — в ситуации, включающей в себя других

действующих лиц. Данная схема, описывающая таким образом элементы действия и взаимодействия, является схемой отношений. При помощи нее анализируется структура и процессы систем, состоящих из отношений действующих элементов, в которые включены другие им подобные элементы. Эта схема касается внутренней структуры элементов только в той мере, в которой данная структура затрагивается непосредственно в системах отношений.

Ситуация определяется здесь как то, что состоит из объектов ориентации. Тогда ориентации данного субъекта действия дифференцируются по отношению к различным объектам и их классам, составляющим его (объекта) ситуацию. С точки зрения действия удобно разделить все объекты на три класса: *социальные*, *физические* и *культурные*. Социальным объектом является деятель, которым может быть любой индивид (*другой*); субъект действия, который принимается за центр системы (*эго*); или некоторый коллектив, который при анализе ориентации рассматривается как нечто единое. Эмпирические сущности, не *взаимодействующие* или не *реагирующие* на *эго*, представляют собой физические объекты. Они являются средствами и условиями действия *эго*. Культурными объектами являются символические элементы культурной традиции, идеи или убеждения, экспрессивные символы или ценностные стандарты в той степени, в которой они не *интернализованы* как элементы, вошедшие в структуру личности, а рассматриваются как объекты ситуации со стороны *эго*.

Действие — это некоторый процесс в системе «субъект — действие — ситуация, имеющий мотивационное значение с точки зрения мотивации действующего индивида или, в случае коллектива, мотивации составляющих его индивидов. Это значит, что соответствующие процессы действия будут ориентированы на достижение удовлетворения или уклонение от неприятностей со стороны соответствующего субъекта действия независимо от конкретного проявления этих ориентаций в структуре данной личности. Лишь поскольку отношение к ситуации со стороны субъекта действия будет мотивировано в описанном смысле, действие его будет рассматриваться в данной работе как действие в строгом смысле. Предполагается, что, поскольку источник энергии или *усилия* в процессах действия в конечном счете находится в организме, то всякое удовлетворение и неудовлетворение имеют органическую значимость. Но в теории действия конкретная организация мотивации не может анализироваться в терминах потребностей организма, хотя корни мотивации находятся именно там. Организация элементов действия зависит прежде всего от отношения действующего лица к ситуации, а также истории этого отношения, или — *опыта*.

Фундаментальное свойство действия, определенного таким образом, заключается в том, что оно состоит не только из *реакций* на частные *стимулы* ситуации. Действующее лицо развивает систему *ожиданий*, относящихся к различным объектам ситуации. Эти ожидания могут быть организованы (structured) только относительно его собственных потребностей-установок (need-dispositions), а также вероятности удовлетворения или неудовлетворения в зависимости от альтернатив действия, которые может осуществить данное действующее лицо. Но в случае взаимодействия с социальными объектами добавляются новые параметры *эго*. Часть ожиданий *эго*, во многих случаях наиболее значительная часть, сводится к вероятным реакциям *другого* на возможное действие *эго*. Эта реакция прогнозируется и таким образом влияет на собственные выборы *эго*.

Однако и на том, и на другом уровне различные элементы ситуации несут специальные *значения* в качестве *знаков* или *символов*, важных для организации системы ожиданий *эго*. Знаки и символы, особенно там, где существует социальное взаимодействие, становятся общезначимыми и могут служить средством коммуникации для действующих лиц. Когда возникают такие символические системы, способные стать посредниками в коммуникации, мы говорим о началах *культуры*, которая для носителей ее — действующих лиц — становится частью систем их действия.

Здесь мы будем рассматривать лишь системы взаимодействия, достигшие культурного уровня. Хотя термин социальная система может быть использован в более элементарном смысле, в данной работе речь будет идти о системах взаимодействия множества действующих лиц, ориентирующихся на ситуацию, где социальная система включает общепризнанную систему культурных символов.

Таким образом, сведенная к самым простым понятиям социальная система состоит из множества индивидуальных

действующих лиц, взаимодействующих друг с другом в ситуации, которая обладает по меньшей мере физическим аспектом, т. е. находится в некоторой среде действующих лиц, мотивации которых определяются тенденцией к *оптимизации удовлетворения*, а их отношения к ситуации, включая также отношение друг к другу, определяются и опосредуются системой общепринятых символов, являющихся элементами культуры.

Понимаемая таким образом социальная система является всего лишь одним их трех аспектов сложной конкретной системы действия. Два других аспекта представляют собой системы личности отдельных действующих лиц и культурную систему, на основе которой строятся их действия. Каждая из этих систем должна рассматриваться как независимая ось организации элементов системы действия, когда ни одна из них теоретически не может быть сведена к другой или к их комбинации. Каждая из систем необходимо предполагает существование других, ибо без личностей и культуры не может быть социальной системы. Но эта взаимозависимость и взаимопроникновение существенным образом отличаются от простой редукции, которая означает, что значимые свойства и процессы одного класса систем могут быть аналитически **выведены** из теоретического знания об одной или двух других системах. Система координат действия является общей для всех трех областей, благодаря чему оказываются возможным определенные *трансформации*. Но на принятом здесь теоретическом уровне эти системы не могут быть объединены в одну, хотя это может быть допустимо на каком-то другом теоретическом уровне.

Можно придти к тому же, утверждая, что на современном уровне теоретической систематизации наше динамическое знание о процессах действия весьма фрагментарно. Поэтому мы вынуждены пользоваться типами эмпирической системы, описательно представленными в понятиях системы координат, в качестве необходимой точки отсчета. В соответствии с этой позицией мы понимаем динамические процессы как *механизмы*, влияющие на *функционирование* системы. Описательное представление эмпирической системы должно быть осуществлено под углом зрения *структурных* категорий, которым соответствуют определенные *мотивационные* образования, необходимые для того, чтобы создать адекватное знание о механизмах.

Прежде чем приступить к дальнейшему обсуждению общих методологических проблем анализа систем действия, особенно, социальной системы, целесообразно остановиться несколько подробнее на основных компонентах действия вообще. В самом общем смысле система *потребностей-установок* индивидуального действующего лица, по-видимому, состоит из двух первичных или элементарных аспектов, которые можно назвать аспектом *удовлетворения* и аспектом *ориентации*. Первый из них относится к *содержанию* взаимообмена действующего лица с миром объектов, к тому, *что* он получает из этого взаимодействия, и к тому, чего это *стóит* ему. Второй аспект относится к тому, *каково* его отношение к миру объектов, а также к способам, с помощью которых организуется его отношение к данному миру.

Первый аспект можно рассматривать как *катектическую* ориентацию, в которой учитываются связи *эго* с рассматриваемым объектом или объектами для поддержания баланса удовлетворения-неудовлетворения его личности. С другой стороны, наиболее элементарной и фундаментальной категорией *ориентации*, по-видимому, является *когнитивность*, которая в самом широком смысле может трактоваться как *определение* соответствующих аспектов ситуации в их отношении к интересам действующего лица. Это — когнитивный аспект ориентации, или познавательное схематизирование по Толмену. Оба этих аспекта представляют собой единицу системы действия, *элементарное действие* (unit act).

Но действия не бывают единичными и дискретными, они организованы в системы. Этот момент даже на самом элементарном системном уровне заставляет рассматривать компонент *системной ориентации*. С точки зрения системы координат действия, такая интеграция является упорядочиванием возможностей ориентации при помощи отбора.

Потребности удовлетворения направлены на альтернативные объекты, имеющиеся в ситуации. Познавательное определение связано с альтернативными суждениями или интерпретациями относительно того, чем данный объект является или что он *значит*. К этим альтернативам должен применяться определенный порядок выбора. Этот процесс

может быть назван *оцениванием*. Следовательно, оценочный аспект существует в любой конкретной ориентации действия. Элементарные компоненты любой системы действия могут быть отнесены к действующему лицу и его ситуации. Что касается действующего лица, то наши интересы будут сосредоточены на когнитивном, катектическом и оценочном видах ориентации; в ситуации будут выделены объекты и их классы.

Элементы действия на самом общем уровне разделяются по категориям на три основные вида мотивационной ориентации. Все три вида подразумеваются в структуре того, что названо *ожиданьем*. Кроме катектических интересов, когнитивного определения ситуации и оценочного отбора, в ожидание входит временной аспект ориентации относительно будущего развития системы «*действующее лицо — ситуация*» и памяти о прошлых действиях. Ориентация в ситуации обладает некоторой структурой, т. е. она соотнесена со своими стандартами развития. Действующее лицо делает *вклад* в определенные возможности развития. Для него важно, как они осуществляются, поскольку одни возможности могут быть реализованы скорее, чем другие.

Эта временная характеристика отношения действующего лица к развитию ситуации может быть расположена на оси активность-пассивность. На одном полюсе действующее лицо может просто *ожидать развития* и не предпринимать никаких активных действий. В другом случае оно может активно пытаться контролировать ситуацию в соответствии со своими желаниями или интересами. Будущее состояние системы «*действующее лицо — ситуация*», в которой действующее лицо занимает пассивную позицию, можно назвать *предвосхищением*. То же будущее состояние системы в случае активного вмешательства (включая сюда предотвращение нежелательных событий) может быть названо *целью*. Целенаправленность действия, как мы увидим, в частности при обсуждении нормативной ориентации, является основным свойством всех систем действия. Однако, с аналитической точки зрения, эта целенаправленность кажется стоящей на *более низком* уровне, по сравнению с понятием ожиданий, из-за логической возможности пассивной предвосхищающей ориентации. Оба типа должны быть отделены от понятия «*стимул — реакция*», поскольку в последнем нет явной ориентации на будущее развитие ситуации. Стимулы можно рассматривать как непосредственно данные, не применяя теоретического анализа.

Понятие *инструментального* аспекта действия может употребляться только в случаях, когда действие позитивно целенаправленно. Здесь присутствуют соображения о ситуации и отношения к ней действующего лица, разбираются наличные альтернативы и их возможные последствия, имеющие значение для достижения цели.

Коротко остановимся на исходной структуре *удовлетворение потребностей*. Конечно, общая теория действия в конце концов должна придти к решению вопроса о единстве или качественной множественности исходных генетически данных потребностей, их классификации и организации. В частности, в работе, касающейся социальной системы на уровне теории действия, в таких противоречивых сферах в высшей степени целесообразно исходить из принципа экономии. Необходимо допустить, однако, сильную поляризацию той структуры потребностей, которая объединяется в понятии баланса удовлетворения—неудовлетворения и которая имеет свои производные в антитезе стремление—отталкивание. Помимо сказанного выше и определенных общих положений о связи удовлетворения потребностей с другими аспектами действия, нет необходимости, по-видимому, включать другие общие понятия.

Причина в том, что в своей значимой для социологии форме *мотивации* принимаются как организованные на уровне личности. Т. е. мы имеем дело с более конкретными структурами, понимаемыми как продукты взаимодействия генетически данных компонентов потребностей с социальным опытом. Единообразие именно на этом уровне является значимым для эмпирического анализа социологических проблем. Для того чтобы пользоваться знанием об этом, вовсе не обязательно вскрывать генетические и опытные компоненты, их определяющие. Главное исключение здесь возникает в связи с проблемами пределов социальной вариабельности в структуре социальных систем, которые могут быть заданы биологической организацией соответствующей популяции. Конечно, при возникновении подобных проблем необходимо мобилизовать весь наличный материал, чтобы

сформулировать суждение относительно специфических потребностей удовлетворения.

Эта проблема связана не только с потребностями удовлетворения, но и со способностями. Любой эмпирический анализ действия предполагает биологически заданные способности. Известно, что между индивидами они распределены в высшей степени неравномерно. Но с точки зрения самых общих теоретических целей здесь может быть применен тот же принцип экономии. Обоснованность данной процедуры подтверждена знанием того, что индивидуальные различия, вероятно, более важны, чем различия между большими популяциями, а потому маловероятно, чтобы наиболее важные различия крупных социальных систем обусловливались прежде всего биологическими различиями в способностях населения. Для большинства социологических задач влияние генов и жизненного опыта можно учитывать, не выделяя их в виде самостоятельных факторов.

Было отмечено, что самая элементарная ориентация действия у животных предполагает наличие знаков, являющихся, по крайней мере, началом символизации. Это внутренне присуще понятию ожидания, включающему определенное *отвлечение* от частностей непосредственно существующей стимулирующей ситуации. Без знаков весь *ориентационный* аспект действия был бы бессмысленным, включая понятия **селекции** и лежащих в основе него *альтернатив*. На уровне человека сделан определенный шаг от знаковой ориентации к подлинной символизации. Это — необходимое условие для возникновения культуры.

В основной схеме действия символизация включена как в когнитивную ориентацию, так и в понятие оценивания. Дальнейшая разработка роли и структуры систем символов в действии связана с рассмотрением дифференциации различных аспектов системы действия и с аспектом значения и отношения к коммуникации и культуре. Прежде всего нужно иметь в виду последнее.

Как бы ни были важны **неврологические** предпосылки, по-видимому, невозможно, чтобы истинная символизация в отличие от использования знаков могла возникнуть или функционировать без взаимодействия действующих лиц и чтобы отдельное действующее лицо могло усваивать символические системы только посредством взаимодействия с социальными объектами. Этот факт хорошо увязывается с элементом *двойного совпадения* в процессе взаимодействия. В классических ситуациях, когда животное обучается, оно имеет альтернативы для выбора и развертывает ожидания, для которых «спусковым крючком» могут стать знаки или *ключи*. Знак — часть ситуации, которая является стабильной независимо от того, что делает животное; единственная *проблема*, стоящая перед ним, сводится к умению правильно интерпретировать эту ситуацию, т. е. заучить, что черная дощечка означает пищу, а белая — нет. Но в социальном взаимодействии возможные *реакции другого* могут давать большую амплитуду, выбор внутри которой влияет на действия *эго*. Итак, для того чтобы процесс взаимодействия оформился структурно, смысл знака должен быть еще больше абстрагирован от частностей ситуации. Это значит, что смысл знаков должен оставаться постоянным для весьма широкой совокупности обстоятельств, которая включает альтернативы действия не только *эго*, но и *другого*, а также возможные изменения и комбинации отношений между ними.

Независимо от происхождения и развития символических систем очевидно, что сложность систем человеческой деятельности невозможна без относительно стабильных систем, символическое значение которых, как правило, не зависит от частных ситуаций. Самым важным следствием из этого обобщения является возможность коммуникации, поскольку ситуации двух действующих лиц никогда не бывают идентичными, и без способности к абстрагированию значений от отдельных частных ситуаций коммуникация была бы невозможной. Но в свою очередь стабилизация символических систем, распространяющаяся на всех индивидов в течение всего времени, вероятно, не могла бы поддерживаться, если бы она не функционировала в процессе коммуникации, во взаимодействии множества действующих лиц. Именно такая общепринятая символическая система, которая функционирует во взаимодействии, и будет называться здесь **культурной традицией**.

Между этим аспектом и *нормативной ориентацией* действия существует глубокая связь. Символическая система значений является элементом порядка, как бы «накладывающегося» на реальную ситуацию. Даже самая элемен-

тарная коммуникация невозможна без некоторой степени согласия с *условностями* символической системы. Иначе говоря, взаимная зависимость ожиданий ориентируется на общепринятый порядок символических значений. Поскольку удовлетворение *эго* зависит от реакции *другого*, то условный стандарт устанавливает зависимость от тех условий, которые будут или не будут вызывать реакцию *удовлетворения*, и отношение между этими условиями и реакциями становятся частью значимой системы ориентации *эго* на ситуацию. Поэтому ориентация на нормативный порядок и взаимная соотнесенность ожиданий и санкций — что является основным для нашего анализа социальных систем — коренятся в основах системы координат действия.

Это основное отношение, оно является общим для всех типов и видов ориентации взаимодействия. Но тем не менее важно выявить и определенные различия с точки зрения относительной важности трех очерченных выше модальных элементов: катектического, когнитивного и оценочного. Элемент общепринятой символической системы, используемый в качестве некоторого критерия или стандарта для выбора из имеющихся альтернатив ориентации, может быть назван *ценностью*.

В каком-то смысле *мотивация* — это ориентация на улучшение баланса удовлетворенности — неудовлетворенности действующего лица. Но поскольку действие не может быть понято без когнитивного и оценочного компонентов ориентации, с точки зрения системы координат действия, постольку понятие мотивации будет употребляться здесь как включающее все три аспекта, а не только катектический. Но, имея в виду роль символических систем, необходимо от этого аспекта мотивационной ориентации отличать аспект *ценностной ориентации*. Этот аспект касается не значения предполагаемого состояния дел для действующего лица с точки зрения баланса удовлетворенности—неудовлетворенности, а содержания самих стандартов выбора. В этом смысле понятие ценностной ориентации является логическим средством для формулировки какого-либо значимого аспекта выражения культурной традиции в системе действий.

Из определения нормативной ориентации и роли ценностей в действии следует, что все ценности включают момент социального значения. Поскольку ценности являются скорее культурными, а не личностными характеристиками, постольку они оказываются общепринятыми. Даже если они не принимаются индивидом, то все же благодаря своему происхождению они определяются в связи с культурной традицией; а их своеобразие состоит в специфических отклонениях от общей традиции.

Однако ценностные стандарты могут быть определены не только по своему социальному значению, но и с точки зрения их функциональных связей с действием индивида. Все ценностные стандарты, рассматриваемые в связи с мотивацией, имеют оценочный характер. Но все же в своем **первичном** значении стандарты связаны с когнитивным определением ситуации, с катектическим «выражением» или с интеграцией системы действия в некоторую систему или ее часть. Следовательно, ценностная ориентация может быть в свою очередь расчленена на три *вида*: **когнитивные, оценочные** (appreciative) и **моральные** стандарты ценностной ориентации.

Теперь несколько слов для объяснения этой терминологии. Как уже отмечалось, данная классификация связана с видами мотивационной ориентации. Катектический аспект ориентации не вызывает больших трудностей. В познавательном интересе к ситуации и ее объектам точка зрения мотивации заключается в познавательном определении ситуации. Ценностная же ориентация направлена на стандарты, при помощи которых определяется обоснованность когнитивных суждений. Некоторые из них, подобно самым элементарным законам логики или правилам наблюдения, могут являться культурными универсалиями, в то время как на другие элементы влияют изменения в культуре. В любом случае суть — в избирательном оценивании, т. е. выборе стандартов, определяющих предпочтения для отбора из альтернативных решений проблем или из альтернативных интерпретаций явлений и объектов.

Нормативный аспект когнитивной ориентации считается очевидным. С катектической ориентацией вопрос обстоит сложнее. Независимо от того, что отношение к объекту может приносить или не приносить удовлетворение действующему лицу, не следует забывать, что удовлетворение является всего лишь частью системы действий, в которой действующие лица ориентированы нормативно. Не подле-

жит сомнению, следовательно, что этот аспект не должен рассматриваться вне связи с нормативными стандартами оценки. Он всегда связан с вопросом правильности и уместности ориентации в отношении выбора объекта и установки относительно него. Поэтому сюда включаются всегда стандарты, посредством которых может быть осуществлен выбор из возможностей, имеющих катектическое значение.

Наконец оценочный аспект мотивационной ориентации также имеет соответствие в ценностной ориентации. Оценивание касается проблемы интеграции элементов системы действия, суть которой выражена в пословице: «Нельзя съесть пирог и сохранить его». И когнитивный, и оценивающий ценностные стандарты имеют к этому прямое отношение. Но ведь любое действие имеет как когнитивный, так и катектический аспекты. Следовательно, первичность когнитивных интересов еще не снимает проблему интеграции конкретного действия с точки зрения катектических интересов и наоборот. Поэтому в системе действия центр тяжести должен быть сосредоточен на оценочных стандартах, которые не являются ни когнитивными, ни катектическими, а представляют собой их синтез. По-видимому, их удобнее всего назвать *моральными стандартами*. В некотором смысле они устанавливают стандарты, с точки зрения которых рассматриваются более частные оценки.

Из общего характера систем действия с очевидностью следует, что моральные стандарты в принятом здесь смысле несут большое социальное содержание. Это объясняется тем, что любая система действия при конкретном рассмотрении является в каком-то аспекте социальной системой, что не и исключает важность проблем личности. Моральное содержание не сводится целиком к социальному, хотя без социального аспекта невозможно представить себе конкретную систему действий, интегрированную во всех отношениях. В частности, с точки зрения любого действующего лица, определение типов взаимных прав и обязанностей, а также стандартов, определяющих взаимодействие данного лица с другими, является решающим аспектом общей ориентации его в ситуации. Благодаря такому отношению к социальной системе, моральные стандарты становятся таким аспектом ценностной ориентации, который, с точки зрения социологии, приобретает величайшую важность. Этот вопрос обсуждается в последующих главах.

Несмотря на существование прямой параллели между классификациями типов ценностной и мотивационной ориентаций, очень важно подчеркнуть, что эти два исходных аспекта или компонента системы действия логически независимы в том смысле, что содержание этих классификаций может независимо изменяться. Из данного *психологического* катектического значения объекта нельзя вывести конкретных оценочных стандартов, в соответствии с которыми происходит оценка объекта, и наоборот. Классификация видов мотивационной ориентации составляет основу для анализа *проблем*, которые связаны с *интересом* действующего лица. С другой стороны, ценностная ориентация представляет стандартную основу, обеспечивающую удовлетворительное *решение* этих проблем. Ясное сознание независимой изменяемости этих типов или уровней ориентации чрезвычайно важно для построения удовлетворительной теории в области *культуры* и *личности*. Можно сказать, что недостаточное понимание данного момента приводит ко многим трудностям, в частности, именно этим объясняется постоянное колебание многих общественных наук между *психологическим* и *культурным детерминизмом*. Действительно, независимая изменяемость логически обосновывает самостоятельное значение теории социальной системы и отличие ее от теории личности, с одной стороны, и теории культуры — с другой.

Вероятно, это положение лучше всего рассмотреть на проблеме культуры. В антропологической теории не существует единодушия в определении понятия культуры. Здесь можно выделить три основных момента этого определения: во-первых, культура **передается**, она составляет наследство или социальную традицию; во-вторых, это то, чему **обучаются**, что не является проявлением генетической природы человека; и, в-третьих, она является **общепринятой**. Таким образом, культура, с одной стороны, является продуктом, а с другой стороны — детерминантой систем человеческого социального взаимодействия.

Первый пункт определения, передаваемость, служит наиболее важным критерием для различения культуры и социальной системы, поскольку культура может распрост-

раняться (передаваться) из одной социальной системы в другую. По отношению к частной социальной системе она является *стандартным* элементом, аналитически и эмпирически абстрагируемым от этой социальной системы. Существует чрезвычайно важная взаимозависимость между культурными стандартами и другими элементами социальной системы, но эти элементы *не совпадают* полностью ни с культурой, ни друг с другом.

Такой подход к проблеме культуры открывает широкие возможности для рассмотрения всех этих проблем. Символическая система обладает своими собственными видами интеграции, которые можно назвать *стандартами устойчивости*. Наиболее общий пример — логическая устойчивость когнитивной системы, но и стили в искусстве и системы ценностной ориентации подлежат аналогичным стандартам интеграции. Примерами таких символических систем могут служить философские трактаты или произведения искусства.

В качестве интегрирующей части конкретной системы социального взаимодействия подобная норма интеграции культурной системы через стандарты устойчивости реализуется только приблизительно. Это происходит из-за напряжений, возникающих по причине взаимозависимости ее с ситуационными и мотивационными элементами конкретного действия. К этой проблеме можно подойти, рассматривая процесс *обучения* культурными стандартами.

Это наиболее общее понятие в антропологической литературе, по-видимому, связано по своему происхождению с моделью усвоения интеллектуального содержания. Но далее оно было использовано для обозначения процессов интеграции элементов культуры в конкретном действии индивида. Под этим углом зрения следует рассматривать обучение языку и решению математических задач с помощью дифференциального исчисления. Таким образом происходит усвоение и норм поведения, и ценностей искусства. Следовательно, обучение в этом широком смысле означает введение стандартных элементов культуры в систему действия отдельного индивида.

При анализе способности к обучению возникает проблема: как система личности может осваивать элементы культуры. Один аспект этой проблемы — условия совместимости данного элемента культуры с другими ее элементами, которые могут быть или уже усвоены индивидом. Но кроме этого существуют и другие аспекты. Каждое действующее лицо — биологический организм, действующий в некоторой среде. Как генетическая природа организма, так и среда, выходящая за рамки культуры, накладывают на это усвоение определенные ограничения, хотя эти ограничения очень трудно вычленить. И наконец, каждое действующее лицо ограничено пределами взаимодействия в социальной системе. Последнее соображение особенно важно при рассмотрении проблем культуры, поскольку оно затрагивает аспект общепринятой культурной традиции. Такая традиция должна быть «порождена» одной или несколькими конкретными социальными системами, и эту традицию можно признать *функционирующей* лишь тогда, когда она становится частью реальной системы действия.

С точки зрения теории действия эта проблема может быть выражена так: каким образом вполне устойчивая культурная система может быть связана с характеристиками как личности, так и социальной системы, чтобы обеспечивалось полное *соответствие* между стандартами культурной системы и мотивацией отдельных действующих лиц данной системы? Можно утверждать без дополнительного доказательства, что такой крайний случай не совместим с основными функциональными требованиями как личностей, так и социальных систем. Интеграция ценностной системы действия, какой бы частичной и несовершенной она ни была, является своего рода *компромиссом* между *стремлениями к устойчивости* личностных, социальных и культурных компонентов, так что ни один из них не достигает *совершенной* интеграции. Проблема отношения культуры и социальной системы будет обсуждаться ниже. Самое главное здесь состоит в том, что *обучение* системе культурных стандартов действующего лица и ее *существование* не могут быть поняты без анализа мотивации в конкретных ситуациях не только на уровне теории личности, но и на уровне механизмов социальной системы.

Существует определенный элемент логической симметрии в отношениях социальной системы и культуры, с одной стороны, и социальной системы и личности — с другой. Но не стоит слишком сильно настаивать на следствиях этого

тезиса. Более глубокая симметрия основана на том факте, что и личность, и социальная система являются типами эмпирической системы действия, в которой соединены как мотивационный, так и культурный элементы. В этом смысле можно говорить об их параллельности друг другу. Основа интеграции культурной системы, как уже было замечено, лежит в стандартах устойчивости. Основа этой интеграции — в структурных стандартах устойчивости и функционального соответствия мотивационного баланса и конкретной ситуации. Не являясь частью конкретной системы действия, культурная система не *функционирует*, она просто *существует*.

Должно быть совершенно ясно, что взаимодействие не является тем, что отделяет социальную систему от системы личности. Напротив, взаимодействие образует как личность, так и социальную систему. Главное различие между личностью и социальной системой состоит скорее в функциональных центрах организации и интеграции. Личность — это система отношений живого организма, взаимодействующего с некоторой ситуацией. Ее интегрирующим центром является единица организм-личность в качестве некоторой эмпирической данности. Механизмы личности должны пониматься и формулироваться в связи с функциональными проблемами этой единицы. Система социальных отношений, в которую включено действующее лицо, не просто имеет ситуационное значение, а непосредственно формирует саму личность. Но даже тот факт, что эти отношения имеют единообразную социальную структуру, не означает, что каждая личность определяется этими единообразными *ролями* одинаковым образом. Каждая из этих ролей включена в иную личностную систему, и поэтому она, строго говоря, не одинакова ни для каких двух индивидов. Эта связь личности с единообразной ролевой структурой является взаимозависимой и взаимопроникающей, но не существует такого *включения*, при котором свойства личности целиком определяются теми ролями, в которых она участвует.

Как мы увидим, между личностью и социальной системой существуют важные соответствия. Но они гомологического порядка, а не отношения макро- и микрокосмоса. Между этими системами имеется существенное различие. Недостаточное понимание этих вещей приводит ко многим теоретическим трудностям в социальной психологии, особенно при попытках *экстраполировать* психологию индивида на мотивационную интерпретацию массовых явлений или при постулировании *группового сознания*.

Из этих соображений следует, что и структура социальных систем, и мотивационные механизмы их функционирования должны быть выражены в категориях, находящихся на уровне, не зависящем ни от личности, ни от культуры. Однако было бы неправильно пытаться трактовать социальную структуру либо как часть культуры, либо рассматривать *социальную мотивацию* как прикладную психологию или непосредственное приложение теории личности.

Правильный путь иной. Он определяется тем, что краеугольные камни теории социальных систем, теории личности и культуры общи для всех наук о действии. Это справедливо не для некоторых из них, а для всех. Но способы, при помощи которых эти понятия должны быть введены в теоретические структуры, не будут идентичными для всех трех областей теории действия. Психология, как наука о личности, таким образом, не является *основанием* теории социальных систем, а является всего лишь одной из ветвей большого дерева теории действия, в которой теория социальных систем оказывается другой ветвью. Общим основанием является не теория индивида, как единицы общества, а теория действия, как тот «материал», из которого строятся как личностные, так и социальные системы. Задача последующих глав как раз и будет состоять в том, чтобы подтвердить это утверждение результатами анализа определенных аспектов связи социальных систем как с личностными, так и с культурными системами.

Таким образом, основное внимание в данной работе уделяется теории социальных систем, рассматриваемых с позиций системы координат действия. Речь идет также и о личности в структуре и в функционировании социальных систем. Среди систем действия социальная система, как было замечено, является независимым центром реальной эмпирической организации действия и теоретического анализа.

Поскольку эмпирическая организация является главной осью системы действия, а внутри нее — эмпирически самообеспечивающейся социальной системы, если мы учтем к тому же длительность ее существования, достаточно

продолжительную, чтобы превзойти срок жизни индивида, то ее возобновление путем биологического воспроизводства и социализации новых поколений становится существенным аспектом такой социальной системы. Социальную систему такого типа, которая удовлетворяет все существенные функциональные требования за счет собственных ресурсов, мы будем называться **обществом**. Для понятия общества существенно не то, будет ли оно каким бы то ни было образом взаимосвязано эмпирически с другими объектами, а то, что оно должно содержать в себе все структурные и функциональные основания, необходимые для того, чтобы быть независимо существующей системой.

Любая другая социальная система будет называться *частной* социальной системой. Очевидно, большинство социологических эмпирических исследований относится скорее к такому типу социальных систем, а не к обществу в целом. Это совершенно законно. Но использование понятия общества как некоторой «нормы» в теории социальных систем обеспечивает разработку такой концептуальной схемы, благодаря которой будет найдено место исследуемой частной социальной системы в том обществе, частью которого она является. Иначе в исследовании невозможно учесть черты общества, которые находятся вне пределов данной частной социальной системы и предопределяют ее свойства. Отсюда ясно, насколько важно определить для той системы, которая является объектом социологического анализа, составляет ли она общество, а если нет, то какое место в обществе занимает, являясь частичной социальной системой, т. е. его частью.

Несколько раз уже отмечалось, что мы не готовы разрабатывать законченную динамическую теорию в области действия и что поэтому систематизация теории на современном уровне знания должна быть осуществлена в *структурно-функциональных* терминах. Было бы целесообразно кратко осветить значение и следствия этого положения, прежде чем приступить к его анализу по существу.

Можно принять как аксиому, что вся научная теория касается анализа единообразных элементов в эмпирических процессах. Это обычно считают *динамической* точкой зрения в теории. Проблема состоит в том, чтобы установить, насколько разработана теория, чтобы позволить осуществлять дедуктивные переходы от одного аспекта или состояния системы к другому так, чтобы можно было сказать, что если в секторе A имеются факты Y и X, то в секторе B должны быть факты Y и Z. В некоторых частях физики и химии можно широко применять эмпирическую зону действия такой дедуктивной системы. Но в науках о действии динамическое знание такого характера довольно фрагментарно, хотя нельзя говорить о его полном отсутствии.

В такой ситуации существует опасность утратить все преимущества систематической теории. Но тем не менее оказывается возможным сохранить некоторые из этих преимуществ и в то же время обеспечить основу для упорядоченного роста динамического знания. Это обеспечивает наилучшим образом тот тип теории, который представлен и использован на структурно-функциональном уровне теоретической систематизации.

Прежде всего следует преодолеть узкий эмпиризм путем описания явлений как частей или процессов внутри систематически представленных эмпирических систем. Используемые здесь дескриптивные категории не являются ни случайно выбранными, ни сконструированными на основании здравого смысла. Они составляют тщательно разработанную систему понятий, которую можно применять ко всем соответствующим частям или аспектам любой конкретной системы.

Это позволяет сравнивать аспекты любой конкретной системы, а также переходить от одной части и (или) состояния системы к другой части и от системы к системе и сравнивать их. При этом необходимо, чтобы этот ряд дескриптивных категорий был таким, в котором динамические обобщения, объясняющие процессы, являлись бы непосредственной частью теоретической схемы. Это как раз и осуществляется благодаря *мотивационному* аспекту системы координат действия. Представление процессов социальной системы как процессов действия в вышеуказанном конкретном смысле делает возможным обращение к существующим теориям мотивации, развитым в современной психологии, и тем самым — к огромному резерву знаний.

Особенно важным аспектом нашей системы категорий является ее *структурный аспект*. Мы не в состоянии «схватить» закономерности динамического процесса в социаль-

ной системе целиком и полностью. Для того чтобы осуществить это, мы должны получить картину той системы, которой они соответствуют, и если там имеются изменения, мы должны проследить все промежуточные стадии. Система структурных категорий является такой концептуальной схемой, которая обеспечивает упорядочение динамического анализа. С расширением динамического знания исчезает независимая переменная, объясняющая значимость структурных категорий. Но тем не менее кардинальная важность их научной функции не уменьшается.

Поэтому прежде всего в данной работе необходимо представить категории структуры социальных систем, видов структурной дифференциации внутри таких систем и степеней вариабельности каждой структурной категории в разных системах. Из-за фрагментарного характера нашего динамического знания тщательное и систематическое внимание к этим проблемам в высшей степени необходимо для социологии. Но в то же время должно быть совершено ясно, что такой морфологический интерес сам по себе не является целью — его продукты составляют незаменимые инструменты для решения других задач.

Если у нас есть достаточно обобщенная система категорий для систематического описания и сравнения структуры систем, то мы имеем тот уровень, который делает возможным мобилизовать наше динамическое знание о мотивационных процессах с максимальной эффективностью. Но в связи с проблемами, которые являются содержательными с точки зрения социальной системы, знание, которым мы обладаем, является по своим аналитическим достоинствам фрагментарным, очень неровным и неадекватным. Самым эффективным способом организации этого знания для наших целей является приведение его в связь со схемой категорий, описывающих социальную систему. Именно здесь вступает в силу столь много обсуждавшееся понятие *функции*. Конечно, динамический процесс в социальной системе мы должны «расположить» структурно. Но помимо этого мы должны проверить значение соответствующих обобщений. Эта проверка значимости принимает форму изучения *функциональных* аспектов процесса. Проверка состоит в том, чтобы ответить на вопрос, какими будут для системы последствия двух или более альтернативных результатов динамического процесса. Такие последствия будут выражены в понятиях поддержания стабильности или изменения, интеграции или разрушения системы.

Определение места мотивационных процессов в этом контексте функционального значения его для системы обеспечивает основу для формулировки введенного выше понятия механизма. Мотивационная динамика в социологической теории прежде всего должна выступать в определении механизмов, которые «отвечают» за функционирование социальных систем, за поддержание или разрушение данных структурных типов, в определении типичного процесса перехода от одного структурного типа к другому.

Такие механизмы выявляются в ходе эмпирического обобщения действия мотивационных *сил* в данных условиях. Однако аналитическая основа таких обобщений может быть весьма различна. Иногда мы только эмпирически знаем, что это происходит таким-то образом, в других случаях могут быть более глубокие основания для обобщения, как например, применение установленных уже законов обучения или защитных механизмов на уровне личности.

Выражение мотивационных проблем через понятие механизма необходимо для того, чтобы установить, в какой мере наше знание мотивов является существенным для понимания функционирования социальной системы, ибо для научной плодотворности некоторого обобщения это определение существенности столь же важно, как правильность самого этого обобщения.

Глава 2
Главные точки отсчета и структурные компоненты теории социальных систем

Как мы видели в предыдущей главе, социальная система — это способ организации элементов действия с точки зрения устойчивости упорядоченного изменения моделей взаимодействия множества индивидуальных акторов. Поскольку существует бесконечное разнообразие степеней стабильности и структурной интегрированности этих моделей взаимодействия, их статичности, а также включенности в процессы структурного развития или изменения, то для того, чтобы осуществить данный тип теоретического исследования, необходимо сконструировать схему, пригодную для эксплицитного анализа структуры таких систем. Эта схема должна обеспечить нам основные точки отсчета для анализа мотивационных процессов (1).

В предыдущей главе мы очертили общий характер систем действия и их главные компоненты. Теперь мы должны изложить теорию действия в применении к социальным системам как таковым. В данной главе мы сосредоточимся на основных проблемах конструирования социальных систем и на основах их социальной структуры, поскольку они связаны с проблемами структурной дифференциации и вариабельности.

Во-первых, следует сказать о единицах социальной системы. В наиболее элементарном смысле такой единицей является акт. И это верно, как будет показано в последней главе, для всех систем действия. Акт, следовательно, превращается в единицу социальной системы в той мере, в которой он является частью процесса взаимодействия между акторами.

Во-вторых, с точки зрения макроскопического анализа социальной системы удобнее, однако, использовать единицу более высокого порядка, чем акт, а именно — статус-роль, как мы ее здесь будем называть. Поскольку социальная система — это система процессов взаимодействия акторов, она представляет собою структуру отношений между акторами, включенными в процессы взаимодействия, которая по существу и есть структура социальной системы. Указанная система — не что иное как сеть таких отношений.

Каждый отдельный актор включен во множество таких отношений взаимодействия, каждое из которых совершается с одним или несколькими партнерами в комплементарных (взаимодополнительных) ролях. Здесь мы имеем, следовательно, **участие** актора в нормированных отношениях взаимодействия, которое со многих точек зрения представляется наиболее значимой единицей социальной системы.

Это участие, в свою очередь, имеет два принципиальных аспекта. С одной стороны — это позиционный аспект, т. е. вопрос о том, каким образом актор *размещен* в социальной системе относительно других акторов. Это то, что мы будем называть его **статусом**, который представляет собой место в системе отношений, рассматриваемой структурно, т. е. как модель системы отдельных частей. С другой стороны, существует процессуальный аспект, т. е. вопрос о том, что актор, рассматриваемый в контексте его функционального значения для социальной системы, делает по отношению к другим. Это то, что мы будем называть здесь **ролью**.

Отличие статуса от роли корнями своими уходит очень глубоко в различие двух взаимодополняющих точек зрения на взаимодействие. С одной стороны, каждый актор — это **объект** ориентации других акторов (и его самого). И поскольку это объектное значение вытекает из его положения в системе социальных отношений, это значение статусное. С другой стороны, каждый актор ориентирован на других акторов. И в этом своем качестве он действует, а не служит объектом (для чьих-то ориентаций); это то, что мы понимаем под играním им своей роли.

Нужно совершенно ясно осознавать, что статусы и роли, или узел статус-роль, — это не неизменные атрибуты актора, но единицы социальной системы, хотя наличие конкретного статуса иногда и может рассматриваться как атрибут.

Но статус-роль — это аналог именно частицы в механике, а не массы и не скорости.

В-третьих, следует уточнить еще тот смысл, в котором сам актор является единицей социальной системы. Как **точка отсчета**, как тот, кто обладает статусом или выполняет роль, отдельный актор — всегда значимая единица, однако в целях анализа социальной системы его следует рассматривать как единицу более высокого порядка, чем статус-роль. Актор в таком смысле — это сложный **узел** статусов и ролей. Но и этот социальный актор должен рассматриваться как отличный от личности, которая, взятая сама по себе, есть система действия, как это изложено в последней главе.

Мы имеем перед собой, следовательно, три различных единицы социальной системы, связанные с отдельным актором и ранжируемые от наиболее элементарной до наиболее сложной. Первая — это социальный акт, осуществляемый актором и ориентированный на одного или нескольких акторов как на объекты; вторая — это статус-роль, организованная как субсистема актов актора или акторов, занимающих определенные взаимодополняющие статусы и действующих по отношению друг к другу в соответствии с определенными взаимными ориентациями; третья — это сам актор как социальная единица, организованная система всех статусов и ролей, относящихся к нему как к социальному объекту и как к *автору* системы ролевых действий.

Наконец, пересекаясь с отдельным актором как составляющей единицей, существует коллектив как актор и как объект. Здесь отдельные части систем действий, релевантных индивидуальным акторам абстрагируются от их остальных статусов-ролей и рассматриваются все вместе. Отчасти значение статуса-роли как единицы вытекает из того факта, что это — именно единица, которая в качестве таковой характерна как для системы действия индивида, так и для системы действия коллектива. Она, таким образом, служит для выявления этих двух взаимно пересекающихся способов организации социальных систем.

Естественно, что исключительно важно ясно осознавать, какая из этих четырех единиц имеется в виду, когда приступаешь к разложению социальной системы на единицы.

I. Функциональные предпосылки социальных систем

Отношения взаимодействия, анализируемые с точки зрения статусов и ролей, имеют, как мы показали, место в системе. Если такая система формирует устойчивый порядок или в состоянии поддерживать упорядоченный (2) процесс изменений, направленных к развитию, то для этого внутри нее должны существовать определенные функциональные предпосылки. Краткое рассмотрение таких функциональных предпосылок необходимо, поскольку оно дает основание для более широкого анализа отправных точек изучения структуры социальной системы.

Проблема функциональных предпосылок — это проблема очень многогранная, поскольку существует множество разнообразных уровней, на которых она может возникать. Мы намерены здесь начать с наиболее общего, а следовательно, формального уровня теории действия и далее, шаг за шагом, постепенно вводить все новые конкретизации.

Наиболее широкие рамки подобного анализа дедуцируются из рассмотрения действия в целом, которое мы предложили в предыдущей главе. Основа для этого — утверждение, что системы действия структурированы в соответствии с тремя интегративными исходными пунктами: индивидуальным актором, системой взаимодействия и системой культурных эталонов (3). Каждый из них предполагает наличие других, и, следовательно, изменчивость каждого лимитируется необходимостью соответствовать определенному минимуму условий для функционирования каждого из двух остальных.

Если смотреть с точки зрения любого из этих пунктов интеграции действия, например, социальной системы, то можно выделить два аспекта дополнительных взаимосвязей его с каждым из двух других. Во-первых, социальная система не может быть структурирована способом, радикально не совместимым с условиями функционирования ее компонентов, индивидуальных акторов как биологических организмов и как личностей, или с условиями поддержания относительно стабильной интеграции культурной системы. Во-вторых, социальная система требует необходимого ей

минимума «поддержки» от каждой из остальных систем. Она должна, другими словами, иметь достаточное количество своих компонентов, акторов, адекватно мотивированными на действие в соответствии с требованиями ее ролевой системы, настроенными позитивно относительно выполнения ожиданий, и негативно — к слишком деструктивному, т. е. девиантному поведению. Она должна, с другой стороны, поддерживать согласие с культурными эталонами, которые в противном случае либо окажутся неспособными обеспечить необходимый минимум порядка, либо будут предъявлять невыполнимые требования к людям и тем самым вызывать отклонения и конфликты в степени, которая будет несовместимой с минимальными условиями стабильности или упорядоченного изменения. Все эти проблемы, в свою очередь, могут быть кратко рассмотрены.

Мы попытаемся сделать очевидным, что между личностями и социальными системами существует совсем не простая связь. На современном уровне знания невозможно изложить с достаточной точностью то, что касается минимальных потребностей индивидуального актора, об этом можно говорить только в общем смысле. С точки зрения функционирования социальной системы нет необходимости учитывать ни потребности всех участвующих в ней акторов, ни все потребности каждого из них, а только удовлетворенность достаточной части их для достаточного количества акторов. Это действительно очень важно, поскольку социальные силы, прямо ответственные за причинение несправедливости и разрушительно действующие на некоторых индивидов, а также на некоторые стремления и потребности всех, хотя и могут быть редуцированы, но, по всей вероятности, реально не могут быть элиминированы полностью. Простейший пример тому: война не может быть выиграна без раненых и убитых, а акцептация войны иногда бывает жизненно важной для социальной системы как таковой.

Элементы такого вида функциональных предпосылок могут перечисляться, начиная с биологических предпосылок индивидуальной жизни, таких как питание и физическая защита. Это же относится и к более сложным проблемам условий, обеспечивающих минимум стабильности личности. Достаточно хорошо, как нам кажется, обосновано, что существует определенный минимум условий социализации с учетом, например, связи между аффективной поддержкой и чувством безопасности, без чего не может развиться функционирующая личность. Наша задача — не анализ такого рода пограничных проблем, а прояснение, где именно они касаются теории социальной системы. Минимум потребностей индивидуального актора образует ряд условий, к которым социальная система должна адаптироваться. Если изменчивость последней зайдет слишком далеко в этом отношении, то может возникнуть «отдача», которая породит девиантное поведение акторов, в нее входящих, поведение, которое будет либо прямо разрушительным, либо выразится в избегании функционально важных видов деятельности. Такая неизбежность, как функциональная предпосылка, может возникнуть скачкообразно. Последний вид поведения избегания возникает в условиях увеличивающегося «давления» в пользу реализации определенных стандартов социального действия, что ограничивает использовании энергии для других целей. В определенный момент для некоторых индивидов или классов индивидов это давление может оказаться слишком сильным, и тогда возможен разрушительный сдвиг: эти люди перестанут участвовать во взаимодействии с социальной системой (4).

Оборотной стороной выполнения функциональной предпосылки, состоящей в удовлетворении необходимого минимума потребностей индивидуальных акторов, должно быть обеспечение адекватного участия достаточно большой пропорции этих акторов в социальной системе, т. е. мотивации их к адекватным видам деятельности, которые могут быть необходимыми для поддержания или развития ее. Это действительно необходимо, потому что это — условие всего; достаточный минимум потребностей акторов — это предпосылка всего.

Предпосылка адекватной мотивации, в свою очередь, имеет два основных аспекта: позитивный и негативный. Негативный аспект — это минимум контроля за потенциально разрушительным поведением. Здесь имеется в виду действие, которое мешает другим людям выполнять их роли внутри социальной системы. Сюда может включаться агрессивное действие против других либо действие, которое совершено без каких бы то ни было агрессивных намерений, но имеет вредные последствия как для других, так и для какого-то аспекта системы.

С точки зрения функционального значения для социальной системы, в первую очередь заслуживает специального упоминания смысл действия или виды действий, которые следует оценивать не прямо и в терминах их мотивации, но по их действительным или возможным последствиям для данной системы. В этом смысле нацеленность на *свободные интересы* может быть в высшей степени деструктивна, независимо даже от содержания самих этих интересов, хотя, например, с точки зрения религии, такие интересы могут быть в целом одобряемы этически. И подобный конфликт интересов может оказаться в высшей степени разрушительным. Когда он становится достаточно глубоким, то для системы функциональной проблемой становится контроль за конфликтами как таковыми. И в такой ситуации оценка той или иной противоборствующей стороны по существу дела начинает становиться второстепенной.

Функциональная проблема для социальной системы, минимизирующей потенциально деструктивное поведение и его мотивацию, в общем смысле может быть сформулирована как *проблема мотивации порядка*. По этой причине некоторые черты социальной системы, которые мы будем анализировать в следующих главах данной работы, должны привести нас к рассмотрению определенных относительно специфических видов возможностей деструкции, в особенности таких, как проблема возможностей, проблема размещения престижа и проблема власти (power). Существует, надо сказать, бесчисленное множество конкретных актов, которые деструктивны, поскольку вторгаются в сферу осуществления ролей одного или нескольких других акторов. Но пока они остаются случайными, они могут понижать эффективность системы, воздействуя отрицательно на уровень выполнения ролей, но не представлять опасности для ее стабильности. Опасность может возникнуть, когда деструктивные тенденции начинают организовываться в субсистемы таким образом, что эти субсистемы приходят в столкновение в стратегически важных пунктах с самой социальной системой. И именно такими стратегически важными точками являются проблемы возможностей, престижа и власти, которые будут рассмотрены ниже (5).

Различие негативных и позитивных аспектов проблемы адекватной мотивации относительно и зависит от степени. Тот и другой аспект представляют функциональную проблему с точки зрения действия социальной системы, концентрируя внимание на механизмах, встроенных в релевантный контекст. Но, в отличие от этого, относительного, существует еще важное различение между действием, которое прямо деструктивно для действующей системы социальных отношений, и простым уклонением индивида от выполнения своих обязанностей. Принципиальным критерием здесь могло бы служить то, что в последнем случае столкновение с другими выразилось бы в принуждении их действовать, не ожидая вознаграждения действиями от указанного лица. Возможность уклонения в действительности представляет собой не что иное, как определение наиболее значимых направлений девиантного поведения, и это вводит нас, как мы уже видели, в самую суть проблем и механизмов социального контроля. Болезнь, например, — один из наиболее ярких видов уклоняющегося поведения в нашем обществе, о чем мы будем более подробно говорить ниже.

Говоря об уклонении как виде отсутствия мотивации адекватного выполнения своей роли, следует подчеркнуть, что негативный аспект уклонения **не определяется** с точки зрения мотивации, он определяется функционально по отношению к социальной системе. Точнее говоря, поскольку люди зависят от действий друг друга, простое уклонение от выполнения ожиданий других может, с точки зрения мотивации, оказаться в высшей степени агрессивным актом и может фактически оказаться несправедливостью по отношению к другим. Но в той части, в которой это не связано с мотивационным определением, огромное значение приобретает определение функциональное, как мы это попытаемся показать в дальнейшем. Оно обеспечивает точку отсчета для анализа направлений девиантного поведения и, следовательно, помещает это поведение в связь с проблемами механизмов функционирования социальной системы.

Предпосылка адекватной мотивации дает нам одну из первичных исходных точек для построения понятий роли и институционализации. Основная проблема в том, что касается личности, сложившейся внутри социальной системы: будет ли она и на какой стадии своего жизненного цикла «спонтанно» действовать таким способом, чтобы выполнять функциональные предпосылки социальной системы, частью

которой она является, или необходимо предусмотреть конкретные механизмы, т. е. способы организации мотивационных систем личности, которые должны состоять в прямой связи с социально-структурным уровнем и ролевым поведением. Старая *психологическая* точка зрения утверждала, что общества — это результирующие независимо детерминированных *черт* индивидов. Это первая альтернатива. Современная социологическая точка зрения стремится представить другую альтернативу.

Постановка проблемы адекватной мотивации не только формулирует в общем виде проблемы социализации и социального контроля, а также и связи с динамикой социальной системы, но и обеспечивает подход к анализу соответствующих механизмов. Психология личности, как мы видим, все более ориентируется на систему отношений актора, т. е. на его ориентацию по отношению к объектам. Если этот факт объединить с важнейшим значением понятия ожиданий в теории действия, станет очевидным, что один из центральных аспектов общей и в частности катектической ориентации актора — это ряд его диспозиций потребностей в выполнении ролевых ожиданий, в первую очередь, другого значимого актора, но также и его собственных. Другими словами, в структуре личности индивидуального актора существует измерение *конформности—отчуждения* в смысле предрасположенности к конформности с ожиданиями других или отчуждения от них. Если эти соответствующие ожидания связаны с выполнением ролевых обязанностей, то равновесие комфортности — отчуждения, в общем или в частичных ролевых контекстах, превращается в главную точку сочленения мотивационной структуры личности со структурой социальной системы.

В настоящем контексте проблемы адекватной мотивации к выполнению ролевых ожиданий следует далее кратко рассмотреть значение для социальной системы двух фундаментальных свойств биологической *человеческой природы*. Первое из них — это бурно дискутируемая *пластичность* человеческого организма, его свойство обучаться любому из многочисленных стандартов поведения, не будучи связанным по своей генетической конституции лишь с ограниченным числом альтернатив. Разумеется, только в пределах этой пластичности может иметь значение независимо детерминируемое действие культурных и социальных факторов. Это ярко демонстрирует обусловленность генами автоматического сужения круга релевантных факторов, которые представляют интерес для наук о действии, ограничивая его только теми, которые связаны с проблемами возможных их сочетаний, влияющих на процессы возрастания и уменьшения генетических напряжений. Пределы пластичности, по большей части, пока еще не выяснены (6).

Другая характеристика человеческой природы в биологическом смысле — это то, что может быть названо *сенситивностью*. Под сенситивностью понимают восприимчивость человеческого индивида к влиянию установок других в процессе социального взаимодействия и как результат — зависимость его от воспринимаемых отдельных конкретных реакций. Это по существу и обеспечивает мотивационную основу для чувствительности к реакциям в процессе обучения. Таким образом, установки *других* имеют, вероятно, первоочередное значение для любого обучения индивида, но особенно они важны в мотивировании усвоения ценностно-ориентационных моделей с включенным в них узаконенным самоотречением, которым по существу и достигается интеграция личности на основе дисциплины. Без такой дисциплины не была бы возможна никакая стабильность ожиданий по отношению к выполнению ею своих обязанностей, которые являются существенными для функционирования социальной системы. В высшей степени вероятно, что одно из принципиальных ограничений на социальные возможности животных, основанных не на базе инстинктов, заключается в отсутствии или слабости у них именно этого уровня. Психологическая зависимость человеческого ребенка связана с его способностью к развитию эмоциональной зависимости, которая, в свою очередь, представляет существенное условие большинства видов социального обучения.

В обсуждение функциональных предпосылок социальных систем не принято включать явную постановку вопросов о культурных предпосылках, но необходимость этого следует из главного положения теории действия, изложенного выше. Интеграция культурных стандартов, так же, как и их специфическое содержание, приводит в действие факторы, которые в любой данный момент времени являются независимыми от других элементов системы действия,

а следовательно, должны быть соотнесены с ними. Такая интеграция предполагает «императивы», предъявляемые ими к другим элементам, так же, как и другие элементы предъявляют требования им. Эта главная функциональная проблемная сфера социальной системы может быть подразделена таким же образом, как и сфера мотивационных проблем.

Во-первых, существует минимум социальных условий, необходимых для возникновения, поддержания и развития культурных систем в целом и отдельных типов культурных систем. Можно предположить, что деструкция коммуникативной системы общества представляет столь же колоссальную опасность для мотивационной интеграции, как и деструкция системы его порядка в описанном выше смысле. Существует аспект *аномии*, который требует гораздо более эксплицитного анализа, чем тот, которого он до сих пор удостаивался. Вероятно, наиболее яркий пример — это роль языка. Мы знаем совершенно определенно, что индивид приобретает язык спонтанно в процессе социально структурированного обучения, хотя и проводимого подсознательно, в отношениях с другими людьми. Совершенно очевидно, что такой процесс должен представлять собой часть системы социальных отношений, упорядоченной в определенных пределах, однако может оказаться трудным конкретизировать эти пределы в деталях. Можно предположить также, что многие дочеловеческие группы не смогли осуществить переход на человеческий социо-культурный уровень действия, поскольку не смогли обеспечить предпосылки для возникновения языка или некоторых других функционально важных аспектов культуры.

Таким образом, социальная система в данном смысле вообще невозможна без языка и без некоторого минимума стандартов культуры, таких, как эмпирическое знание, необходимое, чтобы справиться с требованиями, предъявляемыми ситуацией, а также достаточно интегрированные эталоны экспрессивного символизма и ценностной ориентации. Социальная система, которая допускает слишком глубокое разрушение своей культуры, например, посредством блокирования процессов ее обновления, была бы обречена на социальную и культурную деинтеграцию.

Мы не знаем культурных пределов *человеческого общества* настолько точно, чтобы можно было определить указанные выше ограничения. Учитывая, однако, некоторые более конкретные виды культурных моделей, которые мы знаем несколько детальнее, мы можем, например, рассматривать современную науку с этой точки зрения, что мы и сделаем ниже. В любом случае определение подобных условий — важное поле для социологических исследований.

Одно из последних замечаний для ориентации в проблеме в целом. Культура, разумеется, может быть *воплощена* в материальную форму, независимую от отдельных акторов, например, знание — в книги, но важнейшим принципом теории действия является тот факт, что культура не просто *ситуационна* по отношению к действию, но непосредственно конститутивна для личности как таковой, благодаря тому, что психологи личности называют теперь все чаще *интернализацией*. Минимум культурных предпосылок социальной системы, таким образом, может быть определен как действующий, по крайней мере частично, через те функции, которые осуществляются в личности культурой. Если необходимые культурные ресурсы не будут ассимилироваться посредством интернализации, невозможно будет достижение определенного уровня личности, а следовательно, развитие соответствующего типа социальной системы.

Другой аспект проблемы заключается в наличии адекватных культурных ресурсов и организации их для поддержания социальной системы. Этого мы уже касались выше, но можно сделать некоторые дополнительные замечания. Вероятно, наиболее яркий пример — инструментальное знание. Без какого-то минимума знаний, который позволяет иметь дело с физической средой и с другими человеческими существами, ни одно общество не может существовать. Это, в свою очередь, предполагает наличие языка. Но подобный подход применим также и к другим сферам культуры — к неэмпирическим экзистенциальным идеям, к системам экспрессивных символов, и прежде всего — к стандартам ценностной ориентации, о которых мы будем говорить в дальнейшем.

Мы уже говорили, что тенденции к отклоняющемуся поведению со стороны отдельных акторов создают функциональные *проблемы* для социальной системы, в том смысле, что им следует противопоставлять *механизмы контроля*, чтобы устранить их дисфункциональные последствия. На культурном уровне параллелью этому является положение, когда поддер-

жание определенных культурных стандартов как составных частей *работающей* системы действия порождает некоторые напряжения. Это может происходить как по линии личности, так и по линии социальной системы. Наиболее яркий пример тому — ценностно-ориентационные стандарты и когнитивные убеждения, конформность с которыми оказывается трудна с мотивационной точки зрения. И эта трудность может оказаться причиной конфликта с реальностью. Так, в сфере прочно устоявшейся медицинской науки поддержание некоторых убеждений христианского знания и действие в соответствии с ними может вызвать серьезные напряжения в акторе, в особенности, если он не может отказаться от своих медицинских взглядов. Либо могут возникнуть сложности в достижении мотивации, как это бывает в случае, когда некоторые типы социализации имеют тенденцию воспитывать глубоко укорененные антиавторитарные чувства так, что по крайней мере некоторые виды власти оказываются непереносимыми для отдельных людей. В частности, утопические идеалы, когда они признаются и институцианализируются, вызывают напряжения в социальной системе.

Хотя границы действия этих других факторов в целом нам не известны, тем не менее можно сказать с уверенностью, что не только социальная система должна быть способна к поддержанию минимума культурного действия, но и наоборот, любая данная культура должна быть совместима с социальной системой в какой-то минимальной степени так, чтобы ее стандарты не «затухали», а продолжали функционировать неизменно. Анализ механизмов, связывающих между собой культурные стандарты и конкретные системы действия, в их мотивационном аспекте составляет одну из наиболее важных проблемных сфер теории действия, и специально — теории социальных систем. Этот предмет будет изложен далее в главе 8.

2. Институциональная интеграция элементов действия

Конкретная система действия представляет собой интегрированную (7) структуру элементов действия по отношению к ситуации. Речь идет здесь по существу об интеграции мотивационных, культурных, а также символических элементов, объединенных в упорядоченную систему какого-то вида.

Анализ обобщенных характеристик действия в предыдущей главе, дополненный только что проведенным анализом функциональных предпосылок социальной системы, обеспечивает определенную конкретизацию, которая поможет нам подойти к важнейшим характеристикам этой упорядоченной структуры.

Системе действия присуще то, что можно выразить в краткой формуле: она *нормативно ориентирована*. Это следует, как мы видели, из понятия ожиданий и их значения в теории действия, особенно в его *активной* фазе, в которой актор добивается осуществления целей. Ожидания вместе с *двойной случайностью* процесса взаимодействия, если можно употребить здесь такое выражение, порождают чрезвычайно насущную проблему порядка. В свою очередь, можно выделить два аспекта проблемы порядка: порядок в символических системах, которые делают возможной коммуникацию, и порядок во взаимной мотивационной ориентации на нормативный аспект ожиданий — *гоббсовская* проблема порядка.

Эта проблема порядка, а следовательно, характер интеграции стабильной системы социального взаимодействия, т. е. социальной структуры, таким образом, концентрируется вокруг мотивации акторов нормативными культурными стандартами, которые интегрируют систему действия, в нашем случае — межличностную. Эти стандарты, если говорить в понятиях, использованных нами в предыдущей главе, суть модели ценностной ориентации, и как таковые занимают важное место в культурной традиции социальной системы (8).

Ориентация отдельного актора на непредвиденное действие *другого* обязательно включает в себя оценочную ориентацию, поскольку элемент случайности предполагает соответствующую систему альтернатив. Стабильность взаимодействия, напротив, зависит от того, что отдельные акты оценки с обеих сторон должны ориентироваться на общие стандарты, поскольку только с точки зрения таких стандартов возможен *порядок* как в коммуникативном, так и в мотивационном контексте.

Существует сфера возможных видов мотивационных ориентаций на стандарт оценки. По-видимому, наиболее

важное различение здесь — различение между установками на *целесообразность* на одном полюсе, где конформизм и нонконформизм подчинены инструментальным интересам актора; и — на *интернализацию стандарта*, когда действие в соответствии с ним превращается уже в потребность личностной структуры самого актора, относительно независимую от любых инструментально значимых последствий такой конформности, — на другом полюсе. Последнее можно рассматривать как основной тип мотивации на интеграцию со структурно-нормативными ценностями.

Для того чтобы обосновать это последнее предположение, необходимо несколько углубиться в саму природу процесса взаимодействия. Когда дан определенный актор, *эго*, то существует уже и оформившаяся система ожиданий по отношению к данному другому актору — *другому*. С учетом действий этого *другого* для *эго* возникают надежды и тревоги, т. е. какие-то возможные реакции *другого* могут быть с точки зрения *эго* благоприятны, другие же — неблагоприятны. В общем и целом, используя психологические обоснования, мы можем утверждать, что ориентация *эго* будет балансироваться так, чтобы направляться на стимулирование благоприятных, содержащих вознаграждение реакций *другого* и избегать провоцирования этого *другого* на реакции неблагоприятные, несущие неприятные последствия.

В целом, поскольку нормативные стандарты, по которым взаимодействуют *эго* и *другой*, ясны и признаются ими обоими, благоприятные реакции *другого* имеют тенденцию стимулировать *эго* к действиям, конформным с указанными стандартами, а неблагоприятные — к отклонению от них (и наоборот). Результат такой балансировки приводит к совпадению (с той и другой стороны) по оси конформность — девиантность и по оси благожелательность — неблагожелательность или вознаграждение — лишение. Другими словами, основное условие, при котором система взаимодействия может быть стабилизирована, — конформность актора с общепризнанной системой стандартов ценностной ориентации.

Существует также двухчастная структура такой *закономерности*. Во-первых, благодаря интернационализации стандарта, конформность к нему обладает личным, экспрессивным и (или) инструментальным значением для *эго*. Во-вторых, структурирование реакций *другого* на действия *эго* как санкций для *эго* зависит от его конформности к стандарту. Тем самым конформность как прямой способ удовлетворения собственной диспозиции потребностей имеет тенденцию совпадать с конформностью как условием вызывания благожелательных и избегания неблагожелательных реакций *других*. И насколько конформность к ценностно-ориентированным стандартам для действий большинства акторов объединяет **оба** эти критерия (с точки зрения любого актора в данной системе), насколько, следовательно, она представляет собою как способ удовлетворения собственной диспозиции потребностей актора, так и условие *оптимизации* реакций других значимых для него акторов, настолько этот стандарт **институционализирован**.

Стандарт ценности, в этом смысле, институционализирован всегда в контексте **взаимодействия**. Поэтому здесь всегда существует два аспекта системы ожиданий, интегрированных по отношению к нему. С одной стороны, это ожидания, которые составляют часть стандартов поведения актора, *эго*, который принимается за точку отсчета, — его ролевые ожидания. С другой стороны, существует ряд его же ожиданий по отношению к возможным случайным реакциям других *(других)* — их можно назвать **санкциями**, и они, в свою очередь, подразделяются на позитивные и негативные в соответствии с тем, содержат ли эти реакции *другого* для *эго* удовлетворения-преимущества или лишения чего-то. Следовательно, такая связь между ролевыми ожиданиями и санкциями, очевидно, является взаимодополнительной. То, что является санкцией по отношению к *эго*, по отношению к *другому* — его ролевое ожидание, и наоборот.

Роль, тем самым, представляет часть всей системы ориентаций индивидуального актора, которая организована относительно ожиданий в связи с отдельным контекстом взаимодействия, т. е. интегрируется отдельным рядом ценностных стандартов, которые управляют взаимодействием с одним или более *другими* в дополнительных ролях. Эти *другие* не обязательно должны представлять определенную группу индивидов, в них может входить любой *другой*, если и когда он вступает в определенные комплементарные отношения взаимодействия с его *эго*, включающие взаимодо-

полнительные ожидания с учетом общепризнанных стандартов ценностной ориентации.

Институционализация ряда ролевых ожиданий и соответствующих им санкций, очевидно, всегда совершается до определенной степени. Эта степень зависит от двух рядов переменных: с одной стороны, это переживание актуальной общепризнанности ценностно-ориентационных стандартов, с другой — обеспеченность мотивационной ориентации или включенности в выполнение релевантных ожиданий. Как мы уже видели, на степень институционализации могут влиять различные факторы через любой из этих каналов. Полярная антитеза **полной институционализации — аномия**, отсутствие структурированного комплементарного процесса взаимодействия или, что то же самое, полное распадение нормативного порядка в обоих смыслах.

Эго-исполнитель должен действовать по отношению к другим, и эти определения структурированы по оси конформности — девиантности. Вопрос о том, насколько **преднамеренно** санкции применяются актором, который стремится повлиять таким образом на поведение другого (либо *завоевать* его конформность, либо *наказать* его отклонение) может остаться на данный момент открытым. Важно, что такое намерение не является **критерием** для понятия *санкции*, как мы его здесь используем. Критерием здесь является представление о *санкциях* как сознательных реакциях *другого* на то, что делает *эго*.

По-видимому, нам удалось установить некоторые эмпирические обобщения, которые помогут нам двинуться дальше в интерпретации динамического значения взаимной интеграции ролевых ожиданий. Первый вывод из того, что выше мы назвали *сенситивностью* человеческой личности, — установки на других. Из этого следует, что только в ограниченных случаях значение санкций может быть чисто инструментальным, т. е. будет существовать вероятность, что данные реакции будут иметь значение только для ожидаемых условий в ситуации, которые должны создать возможность успешного достижения конкретной цели или послужить платой за ее достижение. Конформность к ролевым ожиданиям всегда в большей или меньшей степени включает мотивационные элементы характера, определяемые в дискуссиях психологов как составные части *эго-идеала* или супер-эго, элементы *самоуважения*, адекватности или *защищенности* в психологическом смысле. Такие элементы, разумеется, не обязательно являются центральными для каждого конкретного актора в каждой ситуации, которая связана с рядом институционализированных ролевых ожиданий. Отдельный индивид или категория их могут включаться в ситуации взаимодействия, в которых их собственные *чувства* задействованы весьма отдаленно. Но в целом в социальных ситуациях условия социализации и другие факторы препятствуют доминированию таких ситуаций в устойчивых социальных системах, которые дозволяли бы в качестве главного компонента мотивацию интересов участвующих акторов. Основной случай здесь — актор, *наблюдающий*, как другие на него реагируют, и обеспокоенный этим более, чем чисто инструментальным значением его реакций.

Из того, что мы уже говорили выше об условиях относительно стабильного взаимодействия в социальной системе, следует, что ценностные стандарты, определяющие институционализированные ролевые ожидания, как предполагается, имеют в большей или меньшей степени моральное значение. Конформность к ним становится, следовательно, до некоторой степени, вопросом выполнения своих обязанностей, которые *эго* имеет, по отношению к интересам более широкой системы, в которую он включен, т. е. системы социальной. Признание этих общих ценностных моделей, чувство ответственности относительно исполнения своих обязанностей, таким образом, формирует единство этих взаимно ориентированных общих ценностей. Относительно же акторов можно сказать, что они образуют в сфере релевантности данных ценностей **сообщество**.

Для некоторых участников значение их членства в таком сообществе может определяться его полезностью в инструментальном контексте их *частных* целей. Но такая ориентация не может быть конструктивной для самого сообщества, и в той мере, в какой она доминирует, существует тенденция к разрушению солидарности сообщества. Не будет слишком сильным утверждение, что участие в солидарном сообществе в целом имеет тенденцию приходить в противоречие с достижением частных целей индивида, а без стремления к достижению общих ценностей в сообществе

начинает возникать тенденция к распаду. Когда же такая направленность дана, возникает пространство и для осуществления приватных интересов.

Достижение общих ценностей означает, с мотивационной точки зрения, что акторы имеют общие *чувства* (9), направленные к поддержанию ценностных моделей, которые могут быть определены как утверждающие, что конформность к соответствующим ожиданиям рассматривается как *нечто хорошее* в определенной степени независимо от конкретной инструментальной *выгоды*, получаемой от такой конформности (например, избежания негативных санкций). Более того, осуществление общих ценностей, даже когда оно включает в себя непосредственное удовлетворение потребностей актора, содержит всегда также и *моральный* аспект, в котором, до некоторой степени, такая конформность определяется *ответственностью* актора в более широкой, т. е. социальной системе действия, в которой он участвует. Очевидно, что конкретный центр этой ответственности — сообщество, которое исповедует конкретную общепризнанную ценностную ориентацию.

И наконец, совершенно ясно, что *чувства*, поддерживающие такие общепризнанные ценности, не являются обычно проявлением конституционально заложенных в организме склонностей. Они обычно выучиваются или усваиваются. Более того, то место, которое они занимают в ориентации действия — это по преимуществу не место культурных объектов, которые познаются и адаптируются, но место культурных стандартов, которые должны быть интернализованы; они составляют часть структуры личностной системы самого актора. Такие *чувства* или ценностные установки, как можно их еще назвать, входят, следовательно, в присущую личности диспозицию потребностей. Только благодаря интернализации институционализированных ценностей имеет место подлинная мотивационная интеграция поведения в социальной структуре: очень *глубоко залегающие* слои мотивации начинают работать на выполнение ролевых ожиданий. И только когда это имеет место в достаточно большой степени, можно сказать, что социальная система в достаточной степени интегрирована и что интересы сообщества и частные интересы отдельных составляющих его членов достигли согласованности (10).

Такая интеграция ряда общепризнанных ценностных стандартов с интегрированной структурой потребностных диспозиций, образующих коллектив личностей, входящих в сообщество, — центральный феномен динамики социальной системы. То, что стабильность любой социальной системы, за исключением наиболее мимолетных процессов взаимодействия, зависит от степени такой интеграции, можно назвать фундаментальной динамической теоремой социологии. Это главная точка отсчета для любого анализа, который может претендовать на то, чтобы называться динамическим анализом социального процесса.

Именно это значение институциональной интеграции, в том смысле, который обусловливает роль собственно социологической теории в науках о действии, и является причиной того, что экономическая теория и другие разновидности концептуальных схем, которые отдают преимущество рациональной инструментальной ориентации на цели, не могут развить адекватную модель для динамического анализа социальной системы в целом. Уже неоднократно было показано, что сведение мотивационной динамики к рациональной, инструментальной точке зрения, приводит прямо к гоббсовском тезису, который есть reduction ad absurdum понятия социальной системы. Эта редукция была выявлена в классической форме Дюркгеймом в его «Разделении общественного труда». Но его блестящий функциональный анализ с тех пор был очень сильно подкреплен выводами из современного психологического знания с учетом условий социализации и основ психологической защищенности, а также стабильности личности, и продвинут далее эмпирическим и теоретическим анализом социальной системы как таковой.

Теория институционального поведения, которая является по преимуществу социологической теорией, имеет наибольшее значение в социальной науке, поскольку благодаря постановке проблем социальной динамики в контексте институциональной структуры и выводам, которые можно сделать из теоремы институциональной интеграции, эта теория оказалась способной использовать и расширить знание современной психологии о нерациональном и иррациональном аспектах мотивации для анализа социальных процессов. Отсюда следует также, что любая концептуальная

схема, которая использует только мотивационные элементы рационально-инструментальной ориентации на цели, может считаться адекватной теорией только по отношению к некоторым довольно специфическим процессам в рамках институционально структурированной социальной системы.

Основная теорема институциональной интеграции, подобно всем общим теоремам такого рода, объясняет очень мало деталей. Она дает скорее точку отсчета, по отношению к которой возможно упорядоченным способом вводить последовательно все более детальные различения, которые необходимы для проведения адекватного анализа сложных процессов поведения. В настоящем изложении был выбран дедуктивный подход. Отсюда должно быть ясно, что эмпирическое применение такой концептуальной схемы возможно только на гораздо более продвинутой стадии ее разработки.

Существует, прежде всего, два главных направления, в которых должна проводиться эта дальнейшая разработка. Во-первых, институционализированное ролевое поведение должно быть определено как поведение, принимающее во внимание ценностно-ориентационный стандарт или систему таких стандартов. Но существует множество различных видов таких стандартов и множество различных способов, которыми ролевые ожидания могут быть структурированы по отношению к ним. Место такой крайне обобщенной формулы, следовательно, должен занять дифференцированный учет по крайней мере нескольких из числа наиболее важных возможностей. Во-вторых, это сверхупрощенный *идеальный случай*, предполагающий полную интеграцию мотивации с данным ценностным стандартом, в том смысле, что этот стандарт, будучи интернализованным, начинает формировать диспозицию потребностей в конформности с ним, которая и обеспечивает адекватную мотивацию конформного поведения. Это, разумеется, в высшей степени упрощенная модель. Для того, чтобы она достигла реалистического уровня, необходимо проанализировать сложности, порождаемые возможностью наличия диспозиций потребностей как в конформности, так и в отчуждении, конфликте, амбивалентности и т. п. Интродукцию к разработке культурных аспектов этой проблемы представляет последний раздел настоящей главы.

Однако прежде чем приступить к этому разбору, необходимо краткое обсуждение некоторых выводов из теоремы об институциональной интеграции, сочленяющей социальную ролевую структуру со структурой личности. Исходным пунктом здесь является тот, который представлен выше, — что ролевое ожидание структурировано в конкретном контексте взаимодействия. Для того, чтобы была достигнута достаточно адекватная мотивация к выполнению таких ожиданий, ряд ожиданий к исполнению одних и тех же ролей должен быть унифицирован, и здесь существуют веские причины, почему с точки зрения личности мотивационное значение таким образом унифицированного поведения не может быть одним и тем же для всех личностей, имеющих с ним дело. Три основные причины можно привести для объяснения этого положения. Первая: роль, о которой идет речь в данном случае, — лишь одна из нескольких, в которые включен каждый индивид. Хотя ожидания к каждой из них могут быть идентичны с точки зрения данной роли, для всей системы ролей такая идентичность будет крайне редким случаем. В каждом случае, следовательно, каждая отдельная роль может оказаться связанной с различными ценностными системами ролевых ожиданий. Поскольку все разнообразные роли, в которых индивид задействован, взаимосвязаны своей мотивационной системой, комбинация мотивационных элементов, которые должны формировать унифицированное поведение, будет различна для разных личностей.

Во-вторых, ролевая включенность не исчерпывает систему ориентаций и интересов любой личности. Личность имеет еще внутренний, *нарциссический* и индивидуально-креативный фокус интересов, а также ориентации на несоциальные аспекты своей ситуации. Даже для двух разных людей только в крайнем случае эти несоциальные аспекты в общей системе ориентаций могут оказаться идентичными. Поскольку эта несоциальная сфера личности взаимосвязана с социальной сферой, ее особенности должны отражаться и на социальной мотивации. Наконец, в-третьих, есть все основания утверждать, что распределение конституциональных особенностей в популяции большой социальной системы не может прямо соответствовать распределению ролей. По причине того, что соотношение между конститу-

циональной основой ролевого поведения и реальным поведением различно для различных индивидов в одной и той же роли, осуществление данного ряда ожиданий потребует от одного актора больше *усилий*, чем от другого.

По всем этим причинам, а также и по некоторым другим, нельзя, исходя из персональной структуры, прямо делать выводы о ролевом поведении, и наоборот. Сходства в ролевом поведении, точно так же как и различия, представляют проблему, даже когда даны знания о структуре личностей участников социальной системы. Анализ мотивационной динамики ролевого поведения, следовательно, требует определения механизмов непосредственно на социологическом проблемном уровне. Невозможно делать прямую *экстраполяцию* от одного участника на всех других участников данной социальной системы. Это условие приводит к усложнению задачи социолога, но, к сожалению, этого нельзя избежать.

Из всего сказанного, однако, не вытекает, что понятия, обычно называемые *психологическими*, не релевантны для социологической теории. Масштабы же применения психологической терминологии — это вопрос, рассмотрению которого будет посвящена последняя глава. Но мотивационные категории должны играть центральную роль в социологической теории. По существу динамические элементы личности и социальной системы «сделаны» из одного и того же «материала». Этот материал должен быть, однако, концептуально по-разному организован для анализа этих двух различных систем.

3. Точки отсчета для классификации институциональных моделей

В этом разделе мы должны разобрать две важные темы. В первой части были описаны основные функциональные проблемы упорядоченной системы социальных отношений. Определен ряд *императивов*, которые предполагают вариабельность социальных систем, когда соблюден минимум условий их стабильности. Именно это имеет главное значение при анализе степени изменения социальных структур и оснований их внутренней дифференциации. В предыдущем разделе мы проанализировали природу наиболее важной структурной единицы социальной системы — статус-роли, и показали характер интеграции элементарных составных частей действия, которые входят в нее.

Следующий шаг начинается с подведения основания под систематическое исследование дифференциации ролей. Сюда входит тщательный анализ переменных, по отношению к которым определяют дифференциацию. Только при систематическом анализе этих переменных становятся возможными какие бы то ни было упорядоченные выводы относительно оснований и степеней дифференциации. Определение этих переменных следует проводить в несколько этапов, мы будем разворачивать его в этой, а также в следующих двух главах.

Из характера ролей, как единиц, должно быть очевидно, что наиболее значимая структурная основа дифференциации ролевых типов может быть найдена в дифференциации культурных моделей, которые институционализированы в ролях. Но классификация культурных моделей в соответствующих отношениях не может быть осуществлена без опоры на общую систему координат, которая существует внутри структуры действия. Следовательно, данный раздел будет иметь дело с общей системой координат в связи со структурированием ролей, т. е. социальными отношениями. Когда этот фундамент будет заложен, анализ перейдет в стадию рассмотрения релевантных различий между типами культурных моделей самих по себе. Наконец, отсюда будет выводиться классификация типов ролей и институционализации в целом, т. е. того, что различает компоненты, которые входят в ролевую структуру любой социальной системы, но это еще не попытка подойти к проблеме детерминации конкретных комбинаций, в которых эти элементы образуют отдельные системы или типы систем.

Во-первых, как мы показали в первой части, то, что мы называли первичными координатами для организации ориентаций действия, содержит, с одной стороны, три вида мотивационной ориентации — когнитивный, катектический и оценочный, — и главные их различия в структуре ситуации. Из последних наибольшее значение для наших целей имеет отличие социальных объектов от несоциальных, а также социальная сущность тех, с которыми *эго* взаимодействует, в конкретном социальном смысле. В несоциальной

сфере на данный момент важно то, что называется физическими объектами, поскольку культурные сейчас «выведены» нами и помещены в специальную сферу. Главная причина такого специального подхода в том, что культурные модели имеют двойную связь с действием: они могут быть объектами ситуации и могут быть интернализованы, тогда они становятся компонентами ориентационной модели актора. Эта особенность культуры и является главной причиной для помещения ее в особую категорию и рассмотрения актора, ситуации и культурной модели, а не только первых двух.

Поскольку культурные стандарты могут превращаться в интернализованные и становиться частью системы ориентаций актора, первая основа для их дифференциации, которая здесь релевантна, — соответствие их связям с тремя основными видами ориентаций. Существуют такие культурные модели, которые функционируют преимущественно как символические формы для формирования когнитивной ориентации актора; такие, которые выполняют простейшую функцию по отношению к катектическому аспекту его ориентации; и, наконец, такие, которые опосредуют или структурируют его оценочную ориентацию. Следует помнить, что это — аналитически разделяемые виды, и что все три вида можно найти в любой конкретной ориентации на любой объект. Не существует такой вещи, как «чистая» когнитивная или катектическая ориентация, как если бы в первом случае не было бы никакого катексиса от объекта, а во втором — никакого когнитивного определения ситуации.

Однако, существует такая вещь, как относительное **преобладание** тех или иных видов. Действительно, культурный аспект для такого преобладания особенно важен, поскольку он определяет порядок приоритетов по отношению к критериям выбора в каждом из преобладающих типов ориентации. Такое основание классификации дает три основных типа ориентации, отличающихся от модальных аспектов всех ориентаций. В первом типе преобладают когнитивные **интересы**, главная проблема ориентации — это проблема когнитивная, а катексис и оценка вторичны по сравнению с этим когнитивным интересом. *Вознаграждение* состоит в решении когнитивной проблемы, в приобретении знания. Во втором типе преобладают катектические интересы, проблема заключается в организации достижения соответствующего удовлетворения в связи с объектом. Когнитивный и оценочный подходы — вторичны и инструментальны. Удовлетворение измеряется аффективно или *эмоционально*. Наконец, в третьем типе преобладают оценочные интересы. Проблема здесь заключается в **интеграции** когнитивных и катектических факторов. Удовлетворение содержится в достижении интеграции, которая разрешает или минимизирует конфликт, актуальный или предвосхищаемый.

Каждый тип характеризуется **комбинацией** с преобладанием одного из трех видов мотивационной ориентации и одного типа культурного стандарта. Таким образом, из одного и того же основания мы выводим типологию как ориентаций действия или интересов, так и культурных моделей. Три типа культурных уровней: 1) системы когнитивных идей или убеждений; 2) системы регулятивных стандартов или экспрессивных символов и 3) системы интегрированных ценностно-ориентационных стандартов.

Объекты, на которые все эти три типа интересов могут быть ориентированы и в связи с которыми культурный стандарт соответствующего типа **определяет ситуацию**, могут быть любого вида, включая культурные. Все три основных типа объектов представляют когнитивные проблемы для решения, создают основные возможности для катексиса со своими проблемами, которые моделируются соответствующими регуляторами, а также проблемы оценки. Социальные объекты, однако, особенно важны в этом отношении в силу комплементарного характера процесса ориентации и стандартизирования. Вероятно, это особое значение социальных объектов может отличаться первостепенной важностью оценки, а следовательно, преимуществом процесса оценивания, который присутствует как в мотивационной, так и в культурной ориентации в контексте социальных отношений. Это, в свою очередь, следует из удвоенной взаимной непредвиденности взаимодействия, которую мы обсуждали выше. По существу именно эта удвоенная непредсказуемость приводит к особой остроте конфликта, что делает строгое соблюдение конкретных оценочных стандартов важнейшим условием упорядоченности.

Дальнейшая дифференциация организации действия имеет место, когда во внимание принимается временно́е измерение. Действие может быть ориентировано на достиже-

ние цели, которая есть не что иное, как предвидимое будущее положение вещей, достижение которого рассматривается как удовлетворение; положение вещей, которое может не наступить, если актор не вмешается в ход событий. Такая инструментальная и целевая ориентация вносит элемент дисциплины, отказа от некоторых непосредственно возможных удовлетворений, что привело бы к пассивному «дрейфу» и отказу от результата. Эти непосредственные удовлетворения отвергаются в интересах большего выигрыша в будущем, который будет выражен в достижении намеченной цели, и вот ее-то достижение побуждает соблюдать определенные условия на отдельных стадиях процесса достижения.

С точки зрения инструментальной ориентации могут быть интерпретированы и конкретные случаи преобладания оценки, а следовательно, действия, относящегося к третьему типу ориентаций. Оно включает в себя **заданность** цели, но, задавая цель, оценочный выбор отдает преимущество когнитивному подходу, т. е. знанию об условиях, необходимых для достижения цели, по сравнению с непосредственными интересами катексиса, который определяется как заинтересованность в наличии возможностей получения непосредственного удовлетворения на промежуточных этапах, даже в том случае, когда они могут помешать достижению заданной цели. Но в отличие от когнитивного преобладания инструментальной ориентации, эта ориентация не предполагает преобладание когнитивных интересов как таковых, так как в **дополнение** к интересам когнитивным здесь существуют также и интересы достижения цели.

Существует соответствующий тип и по линии упорядочивающей ориентации, который может быть назван ориентацией **экспрессивной**. Здесь основная ориентация — не достижение цели, предвидимой в будущем, а организация *потока* удовлетворений (и, разумеется, защиты от возможных неудовольствий). Это также вариант преобладания оценки, но с обратным размещением двух элементарных компонентов. **Дано** когнитивное определение ситуации с преобладанием катексиса. Должно быть продумано утверждение, что данное удовлетворение **может** нарушить экспрессивный порядок, тогда как в инструментальном случае все происходит совершенно иным образом — «бремя доказательств» возлагается на утверждение, что данное удовлетворение **не может** помешать достижению цели. Этот второй тип отличается от типа с преобладанием катектического интереса как такового в первичном определении тем, что это — ориентация не на конкретную проблему упорядочения, как таковую, но на более высоком уровне организации действия — на оцениваемый **порядок** возможностей удовлетворения.

Следовательно, может существовать как аутентичная система инструментальных ценностей, точно так же может существовать и аутентичная система экспрессивных ценностей, определяющих порядок, в котором преобладают интересы удовлетворения потребностей. Тем не менее это все-таки порядок, в котором организуются различные составные части ориентаций действия в определенных отношениях друг к другу.

Существует и третья логическая возможность структурирования порядка, в которой преобладают не когнитивные и не катектические интересы, но оценочные как таковые. Поскольку такой случай возникает, то центр тяжести переносится на саму систему порядка, не на цели, трансцендентные ей, и не на интересы актора по удовлетворению потребностей. Этот аспект можно назвать *моральным* аспектом упорядочения действия, а культурные ценности, которые в связи с ним получают преобладание, — моральными ценностями. Этот интеграционный центр тяжести связан с проблемами интеграции любой системы или субсистемы действия. В целом, однако, важно различать эти два центра тяжести: интегративный аспект личности и таковой же аспект социальной системы. Центром тяжести социальной системы (а также, конечно, субсистемы, т. е. коллектива) можно назвать ориентацию действия, *связанную с отношениями (релациональную)*, в то время как ориентацию, которая связана с интеграцией личности, можно назвать *эго-интегративной*. Она, безусловно, имеет огромное значение для системы социальных отношений в силу безусловной важности элемента порядка, на что указывалось уже несколько раз.

Именно здесь, в *логическом* смысле, возникают элемент оценки и элемент культурной модели ценностей, которые входят в игру через институционализацию. Институционализация вносит *добавочный* элемент в дополнение к преоб-

ладающим ценностным ориентациям актора, и он является интеграционным для конкретно-социального аспекта упорядочения действия. В силу комплементарности ожиданий значение действия актора не может быть оценено только с точки зрения его *личных* ценностей, независимо от систем отношений, в которых оно существует. Ориентации его действия, т. е. те выборы, которые он делает из альтернатив, неизбежно затрагивают *личные* интересы других акторов, с которыми он взаимодействует, а также групп, членом которых он является, поскольку все эти интересы не могут быть достаточно отчетливо отделены друг от друга. В той мере, в которой его *ответственность* за эти интересы других и группы в целом оценена, актор стоит перед лицом *моральной* проблемы. Модели ценностной ориентации, которые определяют его общую ориентацию, — это моральные ценности. Тип действия, в котором моральный подход получает преобладание в социальном контексте, это действие, в котором актор находится в роли конкретно-ответственного за интересы группы. Но даже и вне рамок такого специального случая моральный аспект оказывается в высшей степени важным аспектом или компонентом ориентации актора в социальной роли вообще, поскольку он определяет институциональные пределы допустимые для действия.

4. Типы институционализации, связанные с социальной системой

Как мы видели, существуют некоторые черты в феноменах институционализации культурных моделей, благодаря которым эти модели связываются с мотивационными интересами индивидуальных акторов. Различения, которые были сделаны в предыдущем разделе, тем не менее дают нам основание для разделения институционализации на три главных вида или типа с точки зрения отношения их к структуре социальной системы как таковой.

Выше было объяснено, что сама институционализация по своей природе — феномен оценочный, способ организации системы действия. Поэтому модели, которые институционализируются по природе своей включают элемент ценностной ориентации на социально-системном уровне, т. е. они включают моральную заинтересованность со стороны актора в смысле системно-интегративном, отличном от эго-интегративного. Но институционализация ценностных моделей может определяться и с точки зрения различных способов связи этой заинтересованности с самой системой социальных отношений.

Социальная система, как мы уже показали, — это сеть отношений взаимодействия. Самыми главными институтами поэтому являются те, которые непосредственно формируют сами эти отношения, определяя статусы и роли сторон в процессе взаимодействия. Эта первая категория, следовательно, может быть названа институтами **отношений** (релациональными институтами). Во-вторых, отдельные акторы, индивиды или группы действуют с точки зрения интересов, которые могут быть в большей или меньшей степени независимы от морально-интегративных моделей социальной системы, т. е. выходить за рамки группы как таковой. Следовательно, для интеграции коллектива функциональной проблемой с точки зрения социальной системы будет **регулирование** реализации этих интересов, а не позитивное определение целей и средств.

Инструментальные, экспрессивные и эго-интеграционные интересы могут входить в любые комбинации. Но в этой сфере существуют особые проблемы институционализации. Этот тип институционализации можно назвать **регулятивным**. И наконец, существует третий тип, еще более периферийный по отношению к структуре социальных отношений. Это случай, когда в содержание институтов входят только модели культурной ориентации, но не те, которые имеют дело с внешней стороной действия. Они касаются убеждений, отдельных систем экспрессивных символов и даже моделей моральной ценностной ориентации, когда в игру входит только *признание*, а не включенность в действие. Их можно назвать **культурными** институтами. Каждый из этих трех типов будет конкретнее охарактеризован ниже.

Природа и значение институтов отношений должны интерпретироваться с точки зрения главной парадигмы социального взаимодействия и того способа, которым данная теорема институционального взаимодействия «выводится» из нее. Мы уже видели, что такая институциональная интеграция в терминах общепризнанных ценностных моделей — условие стабильности процесса взаимодействия. Но даль-

нейшая конкретизация этого условия позволяет нам увидеть, что **содержание** этих общепризнанных моделей ценностной ориентации должно быть таким, чтобы взаимные ориентации взаимодействующих акторов могли «сцепляться» друг с другом. Существует большое разнообразие моделей, в соответствии с которыми возможно такое сцепление, но **в любой данной** системе отношений взаимодействия эти модели должны быть отобраны из всех существующих таким образом, чтобы они были совместимы со стабильностью данного процесса взаимодействия.

Содержание этих ценностно-ориентационных моделей будет обсуждаться нами в следующем разделе. Оно сосредоточивается вокруг основных возможностей организации взаимных установок акторов друг на друга, что предполагает по существу отбор из наличных возможностей взаимной ориентации.

Эти релациональные институты, разумеется, различаются как по разнообразию ролей внутри одной и той же социальной системы, так и по разнообразию самих этих систем: эти различия будут анализироваться в дальнейших главах. Но важно, что они образуют ядро социальной системы, и институционализация, касающаяся моделей ценностной ориентации, — это первичный механизм стабилизации самой социальной системы.

Благодаря интернализации этих первичных моделей ценностной ориентации детерминируются некоторые основные компоненты структуры диспозиций потребностей, а следовательно, интересов актора в социальной системе. Но эти диспозиции потребностей, большей частью непосредственно интегрированные со структурой отношений, не исчерпывают потребностей и интересов отдельного актора. Последний имеет интересы, которые в определенных пределах могут варьировать независимо от структуры отношений как таковой, и поэтому основные институциональные модели социальной системы не могут быть постулированы, они обусловлены. Это, как указывалось выше, верно для всех основных типов интересов: инструментальных, экспрессивных и эго-интегративных.

Оборотная сторона условного значения таких моделей для действия индивида (или субгруппы) — их регулятивное значение с точки зрения социальной системы. Существует два первичных аспекта этой регулятивной функции институтов. Первая касается определения ценностных стандартов, в соответствии с которыми намечаются направления допустимой активности в достижении *частных* интересов. Они образуют элемент в определении ценностных ориентаций. Второй аспект касается определения границ допустимого выбора средств или других процедур действия на пути к реализации целей и ценностей.

Здесь можно сначала привести иллюстрацию инструментального случая. В современном американском обществе достижение финансовой прибыли санкционировано как один из типов цели, приемлемый как для индивидов, так и для некоторых видов групп, например, деловых фирм. С другой стороны, в соответствии с ценностями социализма, это не рассматривается как законное направление интересов, или, если признается, то в очень узких рамках. Но и в пределах «капиталистической экономики» существует конкретизация с ценностной точки зрения технически-производственных целей, с которыми связывается интерес к прибыли. Многие вещи, которые могли бы быть с прибылью проданы, либо вообще не дозволяется продавать ради прибыли, например, некоторые морально цензурируемые развлечения, либо они могут производиться только в условиях различной степени регуляции, как в случае с производством оружия и некоторых видов публичных услуг. Таким образом, в смысле выбора целей внутри сферы активности, ориентированной на *частные* интересы, существует ряд институциональных ограничений на осуществление целей и условий, при которых они могут быть осуществлены. По существу, тот же самый подход принимается и в связи с выбором средств для достижения частных целей. Наиболее значительные ограничения, касающиеся выбора средств, возникают, когда осуществление этих интересов задевает *других*. Наиболее общее положение связано здесь с исключением или сильным ограничением попыток достижения целей при помощи силы или обмана по отношению к другим. Но во многих обществах еще существуют радикальные ограничения индивидуальной *свободы*, которое в американском обществе, например, выражается запрещением кому бы то ни было при наличии договорных отношений нарушать не только личную свободу *других*, но и свою собственную: незави-

симо от того, какие преимущества обещает «сделка», человек не может сам себя продать в рабство. Существует ряд регулятивных институтов, связанных с экспрессивными интересами. Экспрессивные виды деятельности, как мы увидим, не отливаются прямо в форму целей-средств, как это имеет место с интересами инструментальными. Следовательно, различение между целями и средствами здесь не так важно. Но такие институты регулируют экспрессивную активность посредством определения узаконенных отношений и контекстов, в которых они осуществляются. Так, в случае эротической активности инцест и гомусексуализм сурово запрещаются (табуируются) в большей части обществ, а нормальная гетеросексуальная активность регулируется как посредством выбора партнеров (например в браке), так и через условия (например, требование интимности). Простые агрессивные чувства по отношению к другим могут быть выражаемы, как правило, лишь в строго определенных рамках, а многие виды агрессии полностью запрещены. Очевидно, что убийство члена собственной группы должно быть запрещено и сурово наказуемо в любом обществе, во всех случаях, за исключением некоторых очень специфических обстоятельств.

Наконец то же самое можно сказать и об эго-интегративной ориентации. Один из наиболее известных примеров в нашем обществе — институт религиозной толерантности, регулирующий осуществление религиозно обоснованных моральных интересов, когда они не являются общепризнанными в данном обществе как целом. Члены сектантских групп могут действовать по своим религиозным убеждениям лишь в той мере, в которой они не нарушают регулятивных норм в других отношениях (например, норм, определяющих стандарты приличия, — следовательно, трудны для толерантности некоторые вероисповедания), а также в той мере, в которой они не нарушают прав других на свободу исповедания ими признанной религии, например, присвоением себе роли учителей в общеобразовательных школах, чтобы попытаться внушить детям специфическую религиозную точку зрения.

В социальной системе между ее релациональными и регулятивными институтами не существует жесткой границы, а лишь постепенный переход. Каждое социальное действие включает в себя и отношение, и взаимную ориентацию. Более того, функциональным требованием для культурной интеграции социальной системы является наличие определенной степени согласованности в ценностных моделях, которые должны быть институционализированы как в той, так и в другой сфере. Отличия важны с точки зрения функциональной связи с интеграцией социальной системы. Чем больше степень независимости интересов по отношению к главной институционализированной системе ценностей, тем больше значение регулятивных функций в институциональной структуре. Это отличие между сферой допустимости частных интересов и сферой обязанностей по отношению к группе настолько важно, что оно должно быть концептуализировано как составная часть основной модели ценностей самой системы. Значение такого различения будет выявлено в следующем разделе. Регулятивные институты приобретают особое значение там, где частные интересы *экологически* структурируются в рыночные системы и системы власти. Это будет проанализировано далее — в главах 3, 4 и 5.

Отличие между моделями ценностной ориентации и другими компонентами культурной традиции — это отчасти различие степени общепризнанности тех последствий, которые влечет за собой моделирование действия тем или иным способом. Оценка интегрирует компоненты ориентации в функционирующее целое. Это функционирующее целое должно **включать** в себя внешнее действие. От этого в значительной степени зависит значение того, что в предыдущем разделе мы назвали оценочным уровнем организации компонентов ориентации действия, типами действия. На уровне требований такая оценочная интеграция, однако, как мы видели, становится в высшей степени моральной, поскольку рамки оценочной интеграции в данном случае самые широкие.

Этот моральный уровень интеграции ограничивается, однако, видом оценочного интереса в культурных моделях, который мы можем назвать **признанием** в отличие от включенности. Он, по-видимому, наиболее очевиден в случае системы убеждений. Мы можем признавать убеждение «правильным», не интегрируя его, однако, в систему действия ни в каких других отношениях. Здесь можно было бы привести

в пример популяризацию многих видов научных знаний для *непрофессионалов*, которые не являются ни научными работниками и никак не связаны со сферой применения этих знаний. То же относится и к моделям экспрессивного символизма. Мы можем соглашаться относительно валидности некоторых канонов хорошего вкуса, не проявляя к ним конформности в нашем собственном образе жизни. Таким образом, мы можем *оценивать* произведения искусства. Отсутствие включенности в данную сферу сигнализируется принятием различных видов произведений искусства, которые созданы по несовместимым друг с другом стандартам.

Более специфический случай — институционализированное признание моральных стандартов. Важно здесь то, что эти стандарты в силу встроенности в сферу, где действуют социальные санкции (в смысле пределов дозволенности), являются *личной* моралью. Наиболее показателен случай с тем, что можно назвать *утопическими* стандартами, которые часто получают распространение в обществе. Они, как правило, задают более высокие стандарты, чем те, которые функционируют в обществе, и люди, живущие в соответствии с ними, не могут быть удовлетворены, хотя бы они и не были ни враждебными, ни амбивалентными. Но очевидно, что такие стандарты не могут быть институционализированы в том смысле, что от человека повседневно не ожидается буквальный конформизм, и в том смысле, что человеку, не «подставляющему другую щеку», но настраивающемуся агрессивно по отношению к ударившему, предъявлялись бы суровые негативные санкции, пока его отклонение находится в определенных пределах. Действительно, признание такой модели входит в конфликт с другими элементами нашей ценностной системы, такими как обязанность *защищать чьи-то права*, так что в результате возникает ситуация довольно непростая. Нам же важно отметить, что возможно признание моральных ценностных моделей без полной их институционализации.

Отношения между системами убеждений и экспрессивных символов, с одной стороны, и социальной системой — с другой, более подробно будут рассматриваться в главах 8 и 9. Здесь же достаточно отметить, что хотя само по себе признание тех или иных убеждений не обязательно предполагает прямое включение их в действие, но при определенных условиях благодаря институционализации такое включение может возникнуть. Наиболее яркий пример — институционализация убеждения, когда подчинение определенной системе убеждений становится критерием лояльности по отношению к такому сообществу, как религиозная группа. Существует большое разнообразие степеней наличия такой ситуации и способов, которыми это осуществляется. На одном полюсе мы можем встретить принуждение к конформности с доктриной во всех ее подробностях под угрозой изгнания из сообщества, как это имеет место в Католической церкви. На другом — с ситуацией «либерального» общества, в котором не институционализировано никаких конкретных убеждений. Но и здесь все-таки институционализированы ценности, связанные с системой убеждений. Например, существует обязанность делать свое убеждение насколько возможно рациональным, быть открытым к доказательствам и проч. В рамках общенационального коллектива неприемлемо признание чего-либо «исключительно ради удовольствия». Например, престиж образования был бы совершенно непонятен, если бы не была институционализирована установка на убеждение.

В отношении эксперессивных символов ситуация более проста. В некоторых социальных системах четко конкретизированные экспрессивные символы позитивно институционализируются только внутри субколлективов, например, конкретные ритуалы — в конкретных религиозных группах, а конкретные эстетические взгляды — в кругах энтузиастов искусства, связанных с конкретными направлениями. Но несмотря на отсутствие институционализации специфических экспрессивных символов в нашем обществе на самом широком уровне, существует все-таки широко распространенное признание канонов «хорошего вкуса», которые интегрируются с общей системой экспрессивного символизма, а следовательно, и с системой вознаграждений.

Таким образом, всегда имеются в наличии культурные институты социальной системы, хотя в одних социальных системах они определены гораздо более конкретно и более обязательны к исполнению, чем в других. Различение этих главных функциональных категорий институционализации мы будем использовать в дальнейшем анализе.

Этот ряд отличий в уровне включенности и в связи с интеграцией и институционализацией, рассмотренный нами в последних двух разделах, достаточно сложен. Представляем схему основных категорий в «справочном» выражении.

Схема способов и типов ориентации действия, культурных моделей и институтов:

А. Модели мотивационной ориентации действия

1. Когнитивная.
2. Катектическая.
3. Оценочная.

Б. Способы ценностной ориентации действия

1. Когнитивная.
2. Ценностно-оценочная (appreciative).
3. Моральная (системно-интегративная):
   а) эго-интегративная (личностная);
   б) коллективно-интегративная (относящаяся к социальным отношениям).

В. Типы культурной модели

1. Система убеждений (с преобладанием когнитивных значений).
2. Система экспрессивного символизма (преимущественно катектическая).
3. Система стандартов ценностной ориентации (по преимуществу оценочная).

Г. Типы интересов действия (по преимуществу каким-либо мотивационным способом объединяемые с соответствующим типом культурной модели)

1. Когнитивные интересы (к тому, чтобы *знать*).
2. Регулятивные интересы (обеспечение удовлетворения объектами).
3. Интегративные интересы (минимизация и разрешение конфликтов).

Д. Типы оценочной ориентации действия (оценочный или интегративный синтез с преобладанием какого-то одного типа интересов)

1. Инструментальный (при данном катексисе цели, когнитивное преобладание):
   а) исследовательский (решение когнитивных проблем как цель);
   б) креативный (новые экспрессивные символические формы как цель);
   в) прикладной (использование знаний — следовательно, преобладание когнитивных интересов, заинтересованность в любой цели, не определенной в пп. а) и б).
2. Экспрессивный (выявление диспозиций потребностей с точки зрения модели экспрессивного символизма).
3. Моральный:
   а) эго-интегративный;
   б) коллективно-интегративный.

Е. Типы институтов, воплощающих модели ориентаций

1. Институты отношений (релациональные), определяющие взаимные ролевые ожидания как таковые, независимо от содержания интересов.
2. Регулятивные институты (определяющее границы законности осуществления *частных* интересов с учетом целей и средств):
   а) инструментальные (интеграция частных целей с общепризнанными и определение узаконенных средств);
   б) экспрессивные (регулирование допустимых экспрессивных действий, ситуаций, лиц, условий и канонов вкуса);
   в) моральные (определяющие дозволенные сферы моральной ответственности для кодекса личности или для субгруппы).
3. Культурные институты (определяющие обязательные для признания культурные модели — обращающие частное признание в институциональную включенность):
   а) когнитивные убеждения;
   б) системы экспрессивных символов;
   в) частные моральные обязанности.

5. Стандартные альтернативы ценностных ориентаций как определений моделей ролевых ожиданий в отношениях

Ролевой партнер в социальных отношениях — это социальный объект. Чтобы построить последовательную схему точек отсчета для анализа ориентаций в ролях, в первую очередь, важно проанализировать те базовые альтернативы выбора, которые имеют особое значение при определении ха-

рактера отношений к такому социальному объекту и которые формируют характер модели отношений как таковой, а не ее *содержание* с точки зрения интересов, т. е. ее культурные и мотивационные аспекты в любом смысле, кроме того, который конституирует модели отношений. Другими словами, анализ дифференциации социальной структуры следует начинать с тех моделей, которые входят в ее релациональные институты. Дальнейшее рассмотрение основывается на точке зрения, что на данном уровне обобщения существует строго ограниченный и определенный ряд таких альтернатив и что относительное преобладание, проявляющееся в выборе между ними, можно рассматривать как основание для моделирования институтов отношений (11).

Поясним положение, которое будет предметом дальнейшего обсуждения. Мы сконцентрируем внимание на моделировании коллективно-интегративного подтипа в моральном типе оценочной ориентации действия (Д, 3б — в списке на стр. 133). Внутри же него мы сосредоточимся на анализе структуры отношений актора с социальными объектами для того, чтобы идентифицировать точки отсчета, которые определяют стратегически важные пределы вариабельности этой категории ориентаций. Мы укажем ограниченное число таких рангов, которые, в простейшей форме, могут быть определены как полярные альтернативы в возможном выборе ориентаций. Эти альтернативы можно описать с точки зрения относительного преобладания возможных типов ориентации, которые уже рассматривались в предыдущих разделах.

Следует также еще раз подчеркнуть, что мы здесь имеем дело с теми центрами, вокруг которых моделируются институты отношений. Поэтому мы и будем иметь дело с преобладанием отношений в возможных оценочных ориентациях действия и с соответствующими видами ценностной ориентации, а не с типами интересов или культурных моделей как таковых. Первая проблема, следовательно, — это проблема преобладающих связей между инструментальной, экспрессивной и моральной ориентациями (включая подтипы последней). С точки зрения мотивации можно предположить, что «коренным» интересом любого актора будет оптимизация удовлетворения. Наиболее прямой путь к удовлетворению в организованной системе действия идет через экспрессивные ориентации, следовательно, по отношению к экспрессивным как инструментальный, так и моральный виды ориентации будут подвергаться самоограничению или дисциплине. Социальный объект всегда, в действительности или потенциально, в определенной степени — объект катексиса. Следовательно, при моделировании ориентации на этот объект всегда существует проблема: будет ли, в некоторых релевантных аспектах, экспрессивная ориентация, т. е. связанная с непосредственным осуществлением интересов, допустимой или она будет ограничиваться в пользу инструментальной либо моральной, т. е. предпочтение будет отдаваться определенным видам оценочных интересов. Первая альтернатива может быть определена как альтернатива **аффективности**, вторая — **аффективной нейтральности**. Эта главная альтернатива основывается на природе системы действия. Никакой актор не может существовать без удовлетворения, и в то же время никакая система действия не может быть организована или интегрирована без отказа от некоторых удовлетворений, возможных в данной ситуации. **Полярность**, сформулированная *аффективностью — аффективной нейтральностью* моделирует действие с учетом этой основной альтернативы, в ориентации на социальный объект, с которым актор взаимодействует в роли и в соответствии со структурой ожиданий для действия в данной роли.

Эта первая пара альтернатив фокусируется на допустимости — недопустимости удовлетворения актором своих непосредственных интересов с помощью экспрессивной активности. Вторая сосредоточивается на той же самой внутренней проблеме, но подходит к ней с другой стороны, а именно со стороны допустимости преследования им любых интересов, *частных* для него (12), т. е. не общих ему с другими членами данной группы, в которой он играет роль. Таким образом, не только его экспрессивные, но и инструментальные и эго-экспрессивные ориентации, а также соответствующие им интересы определяются как *частные*, если они не могут быть совмещены с ориентациями и интересами, признанными группой коллективными. Роль, следовательно, может определить некоторые сферы осуществления частных интересов как узаконенные, а в других сферах обязать актора осуществлять общеколлективные интересы.

Преобладание первой альтернативы может быть названо **ориентацией на себя**, а второй — **ориентацией на коллектив**.

Обе эти пары альтернатив ставят важную проблему интерпретации. Может быть, правильнее было бы сказать, что раз каждый актор должен иметь непосредственное удовлетворение и соблюдать дисциплину, значит, каждая роль должна и способствовать осуществлению частных интересов, и соблюдать интересы сообщества в целом. Это условие не парадокс, поскольку, будучи определены как вопросы о преобладании ориентации в ролевых ожиданиях, эти альтернативы применяются в конкретных контекстах выбора, не обязательно в каждом конкретном акте внутри роли. Таким образом, там где институционализировано, как часть роли, эффективное инструментальное достижение некоторого вида целей, удовлетворение **только** экспрессивных интересов, которые могут войти в противоречие с достижением этих целей, должно быть отодвинуто на второй план; такая роль определяется как аффективно-нейтральная в **этом** контексте, но не обязательно также во всех других. При соответствующей дилемме выбора предписана одна альтернатива. Но это предписание всегда относительно, связано с конкретным контекстом, в котором данная дилемма возникает. Можно просто говорить о роли как коллективно-ориентированной, если осуществление **некоторых** частных интересов, соответствующих возможностям, возникающим в ситуациях того или иного рода, подчинено коллективным интересам. Так, политический деятель заинтересован в создании себе финансового благосостояния, которое, например, он мог бы составить себе за счет выбора занятий, но от него ожидается, что он не будет принимать во внимание этот мотив в процессе решений, касающихся социальной политики, там, где эти два принципа могли бы потенциально вступить в конфликт. В этом заключается подчиненность инструментальной (эго-интегративной) личностной ценности.

Первые две пары альтернатив имеют дело с проблемой экспрессии-дисциплины, которая возникает во всех системах действия на двух уровнях: во-первых, как обязанность признавать дисциплину, когда индивидуальный актор имеет перед собой собственные экспрессивные интересы, удовлетворение которых в его ролевом контексте могло бы оказаться деструктивным; во-вторых, та же самая дилемма воспроизводится в связи с достижением любого вида частных интересов, независимо от того, насколько сильно дисциплинировано в личности чувство к определению своих обязанностей по отношению к сообществу. Действительно, в таком контексте часто наиболее сильно выдержанное осуществление частных интересов может быть наиболее дисфункциональным по отношению к сообществу. Третья пара альтернатив имеет дело не с подчинением или свободой относительно каких-то ценностных стандартов, каковы бы они ни были по своему содержанию, а с **типом** ценностного стандарта, определенным в соответствии с ролевыми ожиданиями. Здесь предпочтение должно отдаваться связям между видами ценностной ориентации как таковыми, поскольку они определяют типы стандартов, посредством которых оцениваются ориентации действия. Для этой цели моральными категориями можно пренебречь, поскольку они *не автономный* тип, но касаются ориентации на интеграцию системы действия, **обеспечивая** включенность актора во входящие в нее стандарты. Следовательно, основная альтернатива здесь между преобладанием когнитивных или ценностно-оценочных стандартов. Что это может означать в данном контексте?

Когнитивная ориентация — это ориентация на элемент обобщения в объективном мире. Катектическая ориентация, с другой стороны, в основном партикуляризирующая, — на частные объекты и упорядоченные их комбинации. Если генерализация есть главное в когнитивной ориентации, то стандарты, характеризующиеся когнитивным преобладанием, не могут быть партикулярными по отношению к конкретным релациональным системам (как с несоциальными, так и с социальными объектами), в которые включен актор. Они выходят за пределы такого релационального контекста. Нормальная ориентация для них — на универсальные критерии валидности.

В случае же катектической ориентации и родственных ей видов ориентации действия и ценностной ориентации существует внутренняя *субъективная* связь со значением удовлетворения. Но ориентация на удовлетворение не может никогда выходить за пределы частной релациональной

системы, частью которой она является. Стандарт должен быть представлен с точки зрения значения его **для данного актора в его частных связях с данным отдельным объектом**. Преобладание когнитивных ценностей, следовательно, предполагает **универсалистский** стандарт ролевого ожидания, в то время как ценностно-оценочный предполагает **партикуляристский** стандарт (13). В первом случае стандарт выводится из валидности ряда экзистенциональных идей либо из обобщения нормативного правила, во втором — из катектического значения для данного лица объекта или статуса объекта в системе отношений. Таким образом, определение ролевых ожиданий с точки зрения универсальной валидности моральной заповеди, т. е. обязанности выполнять взаимные договоренности, эмпирического когнитивного обобщения или выбора для исполнения по убеждению, что техническая компетентность в соответствующих отношениях увеличивает эффективность ролевых достижений, — это именно универсалистские определения ролей. С другой стороны, определения в таких выражениях, как: «Я должен постараться помочь ему, потому что он — мой друг» — или через обязанности родства, соседства, членства в любой солидарной группе, **в силу членства как такового** — партикуляристичны.

Существует один общий источник ошибок в этой сфере, который следует выявить сразу. Партикуляристская ролевая обязанность может быть сформулирована в выражениях общего правила, в том смысле, что формулировка эта будет устанавливать партикуляристические обязанности целого класса ролей в **обобщающих терминах**. Так, «честь твоего отца и твоей матери» представляет общее правило морали. Но общее в нем — его форма. **Содержание** обязанности партикуляристично, а именно — это обязанность каждого сына или дочери по отношению к **его собственным** родителям. Если бы это правило звучало бы другим образом: «Отстаивай честь родителей, просто потому что они — родители, независимо от того, чьими родителями они являются», — это была бы универсалистская норма. **Все** нормы имеют свойство обобщать формулировку и ее применение (хотя степени этого обобщения очень различны). Вопрос заключается в том, возможно ли **различить** те объекты, с которыми *эго* состоит в партикуляристических отношениях, **от других объектов, обладающих теми же самыми атрибутами**. Если имеется такое различие, то формулировка, имея общую форму, тем не менее несовместима с концепцией универсалистских норм. Если релевантный атрибут — быть родителем, то норма, для того чтобы быть универсалистской, должна быть применима ко всем объектам, обладающим таким атрибутом.

Первые три пары альтернатив были определены с точки зрения относительного преобладания связей компонентов ориентации действия, т. е. с точки зрения *эго* как актора. С точки зрения первичного функционального значения для моделирования ролевых ориентаций эти три пары исчерпывают большую часть возможностей **на одном и том же уровне обобщения**. Но они не принимают во внимание всю систему отсчета целиком. Остальные альтернативы принимают в расчет **характеристики** социальных объектов как таковых, т. е. *других* с точки зрения *эго* в структуре дополнительных ролевых ожиданий или же самого *эго* как объекта, а также учитывают релевантность *другого* как объекта. В этом контексте возникают две другие пары альтернатив.

Как для одной, так и для другой существенно правильно задать уровень обобщения, который должен соотноситься с уровнем, релевантным для первых трех пар. Применяя этот критерий мы, по-видимому, столкнемся с дилеммой, которая имеет наибольшее значение во всех контекстах. Она заключается в том, что для характеристик объектов точка отсчета, соответствующая их качествам или атрибутам, не совпадает с точкой отсчета, принимающей во внимание их деятельность. *Деятельность* (performance) — это характеристика, которую, по определению, мы должны применять и к категории социальных объектов. Тогда *другой*, являясь взаимодополнительным членом системы взаимных ролевых ориентаций, является также, по определению, социальным объектом и, следовательно, должен характеризоваться также и деятельностью.

Ориентация на деятельность актора (которым может быть как *эго*, так и *другой*, и оба они вместе) означает, что критерий перенесен на его достижения. Ожидается, что актор включен в достижение какой-то цели (или целей) или в экспрессивные виды деятельности, и ожидания эти ориентированы на его **эффективность** или **успех** в достижении

их, и следовательно, позитивные санкции должны быть вознаграждением за такой успех, а негативные — сопровождать неудачу в достижении. Здесь возникают, разумеется всякого рода сложности, например, с определением, когда требуется «смягчение обстоятельств», но это — главные оси структуры ожиданий.

С другой стороны, даже когда актор может и действует в вышеуказанном смысле, центр тяжести партикуляристского ролевого ожидания не обязательно лежит в этой деятельности. Все объекты обладают атрибутами, и они не только **делают** что-то, но они еще и являются такими-то. Они обладают атрибутами пола, возраста, интеллекта, физических характеристик, статусов в системе отношений и членством в группе. Центр тяжести ориентации, следовательно, может переноситься на то, чем объект **является** в этом смысле, например, что он является отцом *эго*, или что он врач, или что он имеет такой-то рост. Такие атрибуты или комплексы качеств могут представлять условия различного вида деятельностей по физическим или социальным причинам, но даже и в этом случае центр тяжести ориентации может лежать **на самом качестве как таковом**. Оно может становиться критерием для дифференциации отношений и ожиданий к поведению объекта.

Это различение было введено в социологическую литературу Линтоном посредством терминов *достижительного* и *аскриптивного* статусов, и поэтому нам кажется удобным ввести эти термины. Достижительно-ориентированные роли — это роли, в которых акцент делается на деятельности их исполнителя, аскриптивные — в которых он делается на его качествах или атрибутах, независимо от конкретной ожидаемой деятельности.

Сфера действия альтернативы **качества — деятельность** включает дальнейший ряд ответвлений, выходящий уже за рамки аскриптивно-достижительных различий с учетом ролевых ожиданий, которые, в силу их огромной важности в теории действия, должны быть приняты во внимание. Это касается их применения к определению идеального положения дел по сравнению с тем, которое дано на начальной стадии. Там, где деятельность является центром ценностной ориентации, ударение может быть сделано на цели как *выражении* (*экспрессии*), как это бывает при оценке процесса достижения. С другой стороны, ценность состояния как такового может перемещать центр тяжести на его качества, независимо от процесса достижения. Мы увидим в дальнейшем, что это различение имеет большое значение при определении различных моделей ориентации на *идеальное* положение вещей.

Альтернативная пара **достижение — аскрипция** имеет дело с характеристиками такого объекта, который может быть избран в качестве центра ориентации. Здесь остается вопрос о степени *заинтересованности эго* в объекте. Выше мы уже говорили о том, какое исключительное значение имеет различение способов ориентации действия и соответствующего ему различения типов ориентаций с точки зрения преобладания в них того или иного элемента. Но это различение рассматривалось с точки зрения ориентации актора, взятого за исходный пункт без учета того, сегрегированы ли различные способы ориентации в отношениях с различными объектами и могут ли они комбинироваться в отношении к одному и тому же объекту. Этот вопрос об относительных сферах *смешения* и *разделения* типов ориентации действия следует признать имеющим огромное значение при анализе социальной структуры.

Когда принято во внимание множество эмпирических различений, то возникает возможность производить очень сложные перестановки и комбинации из них. Но на данном уровне обобщения исходным пунктом опять-таки будет оценочный тип ориентации действия как таковой. Здесь отдельная инструментальная или экспрессивная ориентация или интерес обладают определенной конкретностью, так что можно сделать четкое аналитическое отделение их от других или их от моральных ориентаций. Так, на одном полюсе дилеммы будет определение роли как ориентированной на социальный объект с **конкретной** точки зрения, т. е. с точки зрения конкретного инструментального или экспрессивного интереса, и это (следует подчеркнуть этот момент) — определение степени значения данного *другого* для *эго*. Поскольку это определяется с точки зрения моральной модели ценностей, то, значит, *эго* дано право или даже ему вменено в обязанность соответствовать этому отдельному объекту или же целому классу в данных рамках. А следовательно, и бремя доказательства возлагается на того, кто

предположил бы, что *эго* имеет обязанности по отношению к этому объекту, которые «выходят за рамки» этого конкретного соответствия.

Эта альтернатива рассматривает объект как значимый в бесконечном множестве конкретных контекстов ориентации. Это всегда предполагает моральный элемент, потому что проблема оценочной интеграции различных компонентов общей ориентации на данный объект включается сюда по определению. И наоборот, связь воедино множества таких конкретных интересов в общем отношении к объекту всегда предполагает наличие морального компонента в ориентации (следует отметить, что он может быть только *эго-интегративным*, а не релациональным). Он не предполагает в своем рассмотрении направленность на благо объекта, т. е. всего ранга вариаций, которые концептуализированы в терминах ориентации на себя — ориентации на коллектив. Следовательно, отчетливым антитезисом данной конкретной ориентации типа, в котором интересы дифференцированы, служит **диффузный** способ, где бремя доказательства возлагается на сторону, пытающуюся исключить какой-то интерес или способ ориентации из сферы обязанностей, определенных ролевыми ожиданиями. Это бремя может быть возложено и на того, кто пытается уклониться от обязанности, каковая расположена еще выше по шкале преобладания оценочного критерия.

Как и в случае второй пары альтернатив, здесь существенно важно иметь в виду относительность данной концептуализации. Как и другие критерии, она применяет в качестве точки отсчета **направления** ориентации. Этот вопрос об исходном пункте признания релевантности, а следовательно, обязанности по отношению к конкретному интересу (определенному на различных уровнях обобщенности) или же признания **возможной** релевантности с точки зрения интегрирующей оценки и подчинения ее шкале приоритетности, а также это учет тех или иных обстоятельств, которые могут при этом возникнуть.

Если выведение этих пяти пар альтернатив из возможного комбинирования основных компонентов системы действия сделано нами корректно, и если они действительно находятся на одном и том же уровне обобщенности и исчерпывают все соответствующие логические возможности данного уровня, они могут считаться системообразующими. Тогда, на соответствующем уровне, который, как мы увидим, является **только одним** из необходимых для рассмотрения вопроса, перестановки и комбинации их сформируют систему типов возможных моделей ролевых отношений, и именно они определят модель ориентации на актора в ролевых отношениях. Такая система может состоять из 32-х типов, которые, в свою очередь, могут быть сгруппированы в меньшее число более фундаментальных типов. Эту проблему мы поднимем в следующей главе.

Для удобства читателя эти пять пар понятий, которые нами были названы моделями (стандартами) переменных для определения ролей, схематично могут быть очерчены следующим образом:

I. Дилемма: удовлетворение — дисциплина. **Аффективность — аффективная нейтральность.**

II. Дилемма: частные — коллективные интересы. **Ориентация на себя — ориентация на коллектив.**

III. Выбор между типами ценностно-ориентационного стандарта: **универсализм — партикуляризм.**

IV. Выбор между *модальностями* социального объекта: **достижение — аскрипция.**

V. Определение степени заинтересованности в объекте: **конкретность — диффузность.**

То, что эти стандартные переменные сконцентрированы на релациональном аспекте ролевой структуры социальной системы, не означает, что они иррелевантны определению стандартов регулятивных или культурных институтов. Они не могут существовать, если не будет в наличии консистентности модели, которая должна проходить в культурной традиции сквозь всю систему ценностных ориентаций. Но для нас эта система релациональных институтов — ядро социальной структуры, и она будет подробно разобрана в нашем анализе, начиная с ее ядра, и разработана от этого исходного пункта.

Главное содержание данной книги, таким образом, распадается на две основные части. После основных компонентов социальной системы, схематично описанных нами во второй главе, следующие три главы, 3-5, будут посвящены разработке анализа социальной структуры, который мы

намереваемся довести до довольно детального рассмотрения. Глава 6, о механизмах социализации, возвращает нас затем к основной парадигме взаимодействия. Здесь и в следующих трех главах мы будем рассматривать главным образом элементы этой парадигмы, как они описаны во второй главе. При развитии анализа социальной структуры в главах 3-5 эти элементы большей частью прямо не используются.

Все это предполагает, что читатель будет иметь в виду и постоянно возвращаться к основным концептуальным элементам второй главы. И если окажется, что он сочтет разработку, осуществленную в главах 3-5, непонятной, он может опустить ее и перейти к внимательному чтению главы 6, а потом снова вернуться к главам 3-5, по окончании главы 10.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

(1) Об общей проблеме функциональных предпосылок социальной системы см.: The Functional Prerequisites of Society/ Aberle, Cohen, Davis, Levy, Sutton // Ethics, IX. Janury, 1950. P. 100–111. Наше рассмотрение обязано многим данной статье, но оно довольно радикально отклоняется от нее.

(2) Упорядоченный процесс, как он здесь понимается, — это нечто противоположное дезинтеграции системы. Дезинтеграция в этом смысле означает распадение связей между системой и ее окружением. См.: Values, Motives and Systems of Action, ch. I. // Toward a General Theory of Action. Cambridge: Harvard Univ. Press. 1951.

(3) А также, в несколько ином смысле, с окружением (физическими аспектами ситуации), которое не является действием.

(4) Конечно, весьма важно не изобретать произвольно генерализаций, касающихся этих предпосылок, на которые можно было бы ссылаться для объяснения тех или иных классов социальных феноменов. Эта процедура представляет большой соблазн, поскольку такого рода произвольные гипотезы могут оправдать отсутствие трудоемкого анализа внутреннего равновесия и процессов социальной системы как таковой. В своих еще незрелых формах процедура эта играла весьма важную роль в истории социальной мысли, например, в обосновании теорий, в которых все социальные феномены рассматривались как обусловленные генетической конституцией популяций или же географическим окружением. Показателем все возрастающей зрелости нашей науки является тот факт, что подобные широковещательные формулы больше уже не признаются достойными столько-нибудь серьезной дискуссии. Как позитивная роль таких обусловливающих факторов, так и роль внутренних социальных процессов в целом твердо определена. Но обобщающие формулы не способны разрешать конкретные проблемы. Задача заключается в том, чтобы разобрать сложные модели взаимодействия между двумя видами факторов.

(5) В такого рода контексте становится значимым различение между явной и латентной функциями. В целом только в ограниченных пределах и в ограниченной степени проявляются последствия, постоянные значения которых социолог может учитывать при анализе действий, осуществляемых с явным намерением актором, индивидом или группой. Существуют также непреднамеренные последствия, которые представляют собой латентную функцию или дисфункцию данных действий. См.: *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Бюллетень ССА №6.

(6) С точки зрения теории действия, и в частности социальной системы, можно сказать, что «бремя доказательств» лежит на том, кто выскажет предположение, что рассматриваемые в теории действия проблемы были бы адекватно разрешены с учетом роли таких детерминант поведения, лежащих ниже уровня действия. Противоположный расклад часто имеет место, но обращение на этом уровне к таким произвольным гипотезам, которые даже невозможно подвергнуть критике и дальнейшему исследованию, занимает столько места в истории социальной мысли, что мы вынуждены максимально настаивать именно на таком распределении «бремени доказательств».

(7) Мы имеем здесь дело с тем, что обычно называют типом систем, «сохраняющихся в определенных границах» (см.: Values, Motives and Systems of Action, op. cit.). Для такого типа системы, как здесь показано, понятие интеграции имеет двойной смысл: а) совместимости компонентов системы друг с другом так, чтобы не было необходимости в изменении, пока не нарушено равновесие; и б) поддержания обособленности системы внутри своих границ от ее окружения. Интеграция может быть связана и с подвижным равновесием, т. е. упорядоченным процессом изменения системы, но также и со статическим равновесием.

(8) Другие компоненты культурной традиции связаны с некоторыми другими проблемами, которые будут отмечены нами в последующих разделах.

(9) Термин «чувства» (sentiments) использован здесь для обозначения культурно организованного катексиса и (или) способов оценки любой модели ориентации по отношению к отдельным объектам или видам объектов. Чувство, следовательно, возникает при интернализации культурных моделей.

(10) Точное совпадение можно рассматривать как крайний случай, подобно абсолютному механизму. Хотя полная интеграция мотивации социальной системы в совершенстве согласованным рядом культурных эталонов эмпирически неизвестна, понятие такой интегрированной социальной системы имеет огромное теоретическое значение.

(11) Более подробное рассмотрение следующей концептуальной схемы можно найти в работе: Values, Motives and Systems of Action, ch. I. (См. прим. 2.)

(12) Сюда включаются интересы субгрупп как сравнительно более близких коллективов для актора.

(13) Преобладание ценностно-оценочного стандарта над когнитивным в партикуляризме означает, что обобщение связывается с отдельной системой отношений (релациональной системой).

Глава 3
Структура **социальной** системы: организация компонентов в **субсистемы**

Две предыдущие главы были задуманы с тем, чтобы подготовить основу для вопросов, поставленных в данной главе. Первая представила в обобщенном виде основные системы координат действия и описала характер этих компонентов и типы систем, в которые они могут быть организованы. Вторая глава продолжает изложение этой темы с особым учетом тех характеристик действия, которые наиболее релевантны социальной системе. В ней анализируются основные функциональные проблемы и предпосылки социальных систем, точки отсчета, относительно которых должны анализироваться их компоненты, а также природа и место в схеме действия самих этих компонентов; типы ориентации действия в ролях; институты и их ценностные стандарты. Таким образом, мы в настоящий момент способны уже сделать большой шаг вперед в объяснении, как эти компоненты организуются в социальную систему.

Начнем с анализа некоторых характеристик, которые могут быть названы *релациональным* контекстом типов ориентации действия, относительно которых эти действия должны быть институционализированы. Мы имеем, таким образом, дело лишь с этими главными типами ценностных ориентаций действия в контексте некоторых ролей, а не с их комбинациями в различных взаимодействующих системах. Это шаг, который в настоящее время должен быть сделан. После этого мы сможем двигаться далее, детализируя наш анализ тех систем координат, которые дифференцируют объекты. Иными словами, мы имеем в виду дифференциацию по комплексам их аскриптивных качеств, которые яв-

ляются значимыми для ролевой структуры, а также по типам стандартов достижений.

Затем, в следующей главе, учитывая результаты данного анализа, мы поднимаем главные функциональные проблемы фокусирования социальной системы, которые будут определены как проблемы размещения и интеграции и потом будут дифференцироваться далее. В конце концов, мы сможем поднять вопрос действительной конструкции систематически дифференцированной ролевой структуры, которая адекватна функциональным требованиям общества. Исходной точкой для этого будет рассмотрение комбинаций значений стандартных переменных, которые были выдвинуты в последнем параграфе предыдущей главы. Эти главные стандартные элементы ролевой структуры будут рассмотрены как неравномерно распределенные в различных частях одной и той же социальной системы. В конце концов, главные стандарты будут связаны с дальнейшими — «адаптивными» — структурами, которые заполняют разрыв между наиболее абстрактным формализмом главных стандартов и более специфическими адаптивными проблемами действия в конкретных ситуациях внутри соответствующего сектора социальной системы. Будет также показано, что с одних и тех же исходных позиций возможен анализ как основ внутренней дифференциации в рамках структуры данной социальной системы, так и определение рангов различий между социальными системами.

I. Структура контекста отношений ценностных ориентаций действия

Ориентации действия, как мы помним, могут быть инструментального, эксперессивного и морального типа. В последней главе мы рассматривали их только в терминах их соответствия структуре конкретной роли, а не системы ролей. Теперь мы это продолжим. Мы упростим вопрос, взяв системы каждого из первых двух типов изолированно, сами по себе, прежде чем мы рассмотрим их вместе в сложной системе. Начнем мы с инструментального типа.

К счастью, с давних времен мысль традиционно работала над большинством данных проблем, остается только взять результаты и разместить их в соответствующих аспектах. Основное понятие здесь — *разделение труда*, как развил его Адам Смит и его последователи в утилитарной, особенно экономической, теории. Исходным понятием является концепция данного актора, *эго*, как инструментально ориентированного на достижение цели; цели, которая может быть в любой степени конкретна или абстрактна. Проблемы отношений возникают, когда *другой* приобретает значение не только пассивное, как средство или условие достижения цели *эго*, но когда его реакции становятся важной частью системы, в которую входят собственные цели *эго*.

Чтобы представить систему такого инструментально ориентированного взаимодействия возьмем простейший случай взаимодействия ценностных ориентаций — а именно: классический случай экономического обмена, когда действия *другого* являются средством достижения цели *эго* и, напротив, *эго* является средством достижения цели *другого*. Обмен в этом смысле может быть ограничен просто частным действием, но может превратиться и в высоко организованное взаимодействие. Как оказывается, *эго* может специализировать процесс достижения собственных целей путем производства средств к достижению целей того или другого типа и наоборот — достижение его целей заложено в ожидания *других*, которые рассчитывают на инструментально значительный результат его действий для себя.

Таким образом, достижение целей *эго* оказывается в двойной зависимости от контекста отношений. То, чего он достигает, зависит не только от того, что он *производит* сам (то есть независимо от того, что делают *другие*), но и от обмена, то есть от моделирования в некоторых аспектах его отношений с соответствующими *другими*. Есть два аспекта таких отношений: первый — регуляция структурирования процессов «выхода» (через установление временного равновесия), как может быть названо предоставление продукта собственных усилий в «распоряжение» некоторых *других*; а второй — регуляция процессов «входа» (установление временного равновесия), в результате чего *эго* присваивает вклад *других* в своих собственных целях, что может быть названо **вознаграждением**. Несомненно, в единичном случайном взаимодействии эти два аспекта будут совпадать. Они могут продолжать совпадать даже в сложном взаимодействии между двумя акторами. Но чрезвычайно важной ха-

рактеристикой для дальнейшей дифференциации системы действия является то, что они не обязательно будут совпадать; реципиенты, в распоряжение которых предоставляется продукт *эго*, могут быть совершенно не обязаны его вознаграждать. Если это имеет место, безусловно, следует предполагать, что существует некоторый механизм, с помощью которого эти два аспекта системы взаимодействия, включающей *эго*, адаптированы один относительно другого. Наиболее ярко такой механизм проявляется в развитии системы денежного обмена. Для того, чтобы учесть этот механизм, нужно пойти еще дальше в дифференциации системы, но на данном этапе нашего анализа мы не будем этого делать.

Предыдущим рассмотрением выдвинуты два важных момента проблемы порядка социальных систем. Первый, наиболее значимый, — установление временного равновесия в обмене. По некоторым причинам то, что делает один человек, может быть средством (или помехой) для достижения целей каждым другим человеком. Для концепции рассматриваемого здесь социального порядка важно выявить механизм, с помощью которого устанавливаются уровни, где *эго* будет (или не будет) делать **усилия** в пользу *другого*. Подобный механизм формируется таким образом, чтобы соблюдалось условие стабильности системы. Это известный постулат, сформулированный Гоббсом при рассмотрении проблемы порядка.

Второй (менее очевидный) момент: для того чтобы происходил обмен, должен быть некий «предмет», который поступает в процесс трансакции; «предмет», который «отдан в распоряжение» и «принят». Таким «предметом» может быть контроль над физическим объектом в определенных аспектах, включая возможность уничтожить его (например, *потребление* через питание). Это может быть договоренность сделать в будущем нечто позитивное для целей *других* или негативное, мешающее этим целям. Это «нечто» будет названо владением (**объектом владения**). Существуют убедительные доводы, объясняющие, почему структура **правил**, определяющих условия, согласно которым владение не является «захватом» и считается возможным в социальной системе, складывается стихийно в ходе обменного взаимодействия. Стабильная система обмена предполагает систему возможных выборов или путей определения таких правил, т. е. их институциональные способы. Институционализированные правила определяют владение в одном из основных его аспектов, который мы называем институтом собственности.

Это наиболее элементарная характеристика комплекса отношений инструментальной ориентации, но два дальнейших аспекта этой дифференциации столь важны, что необходимо их также определить. Во-первых, это некоторая система континуума специализированной, инструментально ориентированной деятельности, особенно на высокой ступени специализации, которая не принимает во внимание самопотребление. Поэтому она оказывается неизбежно включенной в систему отношений, что предполагает заложенные в ее основание некоторые **льготы**, рассчитанные на характеристики ситуации и устойчивые во времени. «Льготы» («возможности»), т. е. материалы, оборудование, предрасположенность и склонности, являются объектами владения, имеющими особое значение для действия; это — объекты владения, касающиеся **производства** для удовлетворения дальнейших **потребностей**, т. е. предназначенные для использования в качестве средств достижения будущих целей, а не в качестве объектов непосредственного удовлетворения. Регулирование распределения льгот или доступа к ним и возможность установления такого распределения путем обмена является, таким образом, другой функциональной проблемой, находящейся в центре системы отношений, связанной с инструментальной ориентацией.

Наконец парадигма элементов предлагает такой тип инструментальной активности, который *эго* не может выполнить в рамках обмена исключительно сам. Пригодность для обмена какого-то предмета, **продукта** или **владения** есть результат активности не единственного актора, а кооперации многочисленных индивидуальных акторов. Кооперация является открытым способом интеграции инструментальных активностей и достигается через обмен. Существуют такие средства объединения активностей или **вкладов**, когда потребление входит в процесс обмена. (Конечно, схема включения в этот процесс кооперации отношений может быть определена и как обменное взаимодействие, **контракт**.) Согласованность с характером общих целей, **потребление**

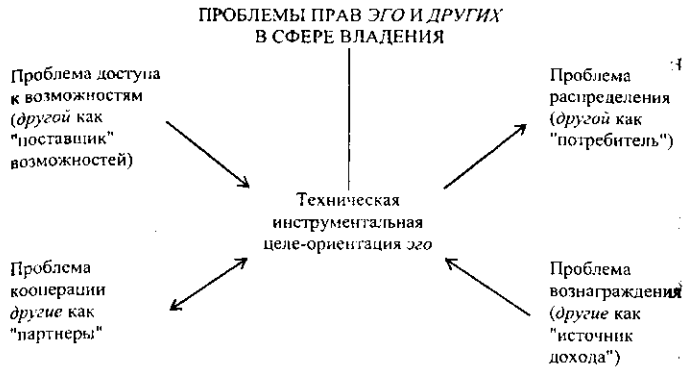
продукта и другие характеристики системы кооперативной активности (например, число включенных лиц), а также условия функционирования процесса кооперативной активности будут далее дифференцироваться. Но из всех признанных за такой системой обмена отношений они наиболее определены. Такая система кооперативных отношений может быть названа **организацией**.

Актор, *эго*, в том случае когда у него нет того, что можно назвать «инструментальным комплексом», оказывается перед лицом четырех основных типов проблем, связанных с упорядочением его отношений к другим акторам. Это, во-первых, проблема **размещения**, упорядочения схемы, согласно которой имеющийся в наличии его (актора) продукт потребления превращается в доступный для *других*. Во-вторых, это проблема **вознаграждения**, упорядочения рамок, в которых он получает важные для него результаты активности других акторов или организаций (индивидуально или коллективно). В-третьих, это проблема его **доступа к льготам** и регулирования его отношений с конкурентами, действительными или потенциальными, для использования этих льгот. Предыдущие три проблемы обмена являются определением правил в сфере владений и ограничений на них, а также их дифференциации согласно видам таких владений. Наконец существует проблема взаимоотношений актора с другими лицами кооперации в ходе самого «производственного» процесса, что может включать присвоение себе власти над *другими*, а также признание своей зависимости от *других*. Эти элементы и их взаимосвязь представлены на следующей схеме (см. схему 1).

Данный контекст проблем, связанных с отношениями, может быть объединен с каждым *другим*, а также может оставаться изолированным. В упомянутые отношения входят различные связи с различными *другими* в различных ролях *эго*. Случаи, когда такие различия имеют место или отсутствуют, поскольку это является основой весьма важных критериев классификации различных типов социальных структур, проанализированы нами ниже.

Эта модель обеспечивает важнейшие понятия для анализа организации и динамики комплекса социальных систем. Доступ к «рынкам» и возможностям является одним из важнейших условий развития некоторого типа весьма специализированной инструментально ориентированной активности и **вознаграждение**, получаемое через такую систему отношений, имеет несомненно решающее значение в мотивации такой активности.

Схема 1



Выше на примере множества ролей *эго*, объединенных понятием **компетенции**, нами дано описание основного контура структуры **дифференцированной** системы инструментально ориентированной активности, вовлекающей во взаимодействие неопределенное число акторов. Таким образом, когда возникает такая система, то институциональные стандарты, входящие в роли, должны не только описать ценностные компоненты ориентации акторов, но они должны также образовать набор стандартов, определяющих ценностные ориентации относительно специфически структурированной ситуации взаимодействий. Они определяют ожидания, входящие в действия *эго* в следующих аспектах:

1) в том, что касается осуществления его собственных технических целей;
2) в отношении обмена с *другими* по поводу размещения вознаграждений и льгот;
3) в отношении кооперации его с *другими*.

(Каждый из перечисленных пунктов можно дифференцировать и далее). В такой системе обязательно существуют компоненты ориентации на отношения (с другими), и поскольку не всегда акторы заинтересованы в общих целях, в частности, в связи с распределением и установлением ограничений на объекты владения, могут быть также и другие

элементы институционализированной культуры, например, общие верования (религия).

Центральную специфически социологическую проблему в связи с этой субсистемой социального действия представляют типы ценностных ориентаций, которые в ней институционализированы, а также степень и способы их институционализации, что необходимо для определения компонентов ролей отдельных акторов. Это касается и механизма обучения таким стандартам и социального контроля, когда существуют тенденции к отклонению от них. Особый интерес, следовательно, представляет социологический анализ такой системы, а также анализ внесистемных процессов, например, пополнения кадрами и изменения их статуса. Кроме того, интерес представляет также анализ изменения в институциональной структуре самой системы, например, развивающееся разделение труда.

Данная парадигма, однако, связана с некоторыми областями проблем других социальных наук, в особенности экономической и политической. Экономическая проблема имеет две плоскости. В первую очередь она касается размещения ресурсов **вне данной институциональной структуры ролей**, т. е. размещения рабочей силы и льгот вне системы. Во вторую очередь она касается **сферы мотивации**, т. е. процессов достижения баланса выгод и издержек с учетом установленных границ, вне данной структуры ролей, а также условий, влияющих на данную систему. Политические науки, в свою очередь, концентрируют внимание на отношениях влияния внеинституциональной системы и вне рамок институционализации. Эти проблемы мы рассмотрим в следующей главе, и там постановка их будет обоснована более глубоко.

Парадигме контекста отношений есть параллель в дифференцированной системе экспрессивно ориентированных действий. В данном случае зафиксируем, что мотивационная значимость действия заложена в непосредственном удовлетворении потребностей, которые есть в наличии, но цель достигается не в самом действии как таковом. Такая ориентация организована, конечно, в рамках культуры посредством ценностных ориентаций, соответственно их мотивационной значимости, а следовательно, не ограничивается только процессом удовлетворения.

Типичный случай мотивационной ориентации, который для нашего примера наиболее релевантен, — это случай, когда *другой* является объектом удовлетворения, а значимость такого удовлетворения является главным центром ориентации в мотивационной сфере. Здесь перед *эго* возникает проблема соответствия того, чем он располагает, тому, что обеспечивает ему **одобрение** его ориентаций *другими*, и их желание стать объектом, релевантным ярко выраженным интересам *эго*. Это можно назвать **проблемой восприятия другими ориентаций *эго***. Оно возможно только тогда, когда, например, с точки зрения *эго*, другой является для него подходящим **объектом** (1). Во-вторых, ярко выраженная ориентация сама по себе не достаточна. Это было бы похоже на «улицу с односторонним движением». *Другой* должен не только пассивно воспринимать *эго* как объект: удовлетворение потребностей *эго* может прямо зависеть от активного ответа со стороны *других*. Недостаточно, например, для удовлетворения индивида его собственной любви к какому-то «объекту», ему важно быть «любимым взаимно». Этот ответ другого рассматривается, следовательно, в соответствии с институциональной схемой, как вознаграждение.

Вероятно, психологические характеристики интересов включают в себя много больше, чем только «восприятие» и «ответ» в их инструментальном варианте, эти характеристики, конечно, существуют и могут быть обнаружены в том же самом социальном объекте. Но и отклонение от них совсем не является исключением даже в отношениях аффективно связанных друг с другом субъектов. Наиболее простой пример этого — требование любви от другого без готовности любить его взаимно. Но выделение двух элементов в отношениях двух различных объектов никоим образом не исчерпывает всей практики (2). Кроме того, не следует забывать, что категория экспрессивной ориентации не ограничена только так понимаемыми отношениями. Она может содержаться, например, в установке на группу.

Экспрессивное действие не ориентировано на достижение цели, которая находилась бы вне ситуации данного действия и в этом смысле сам процесс действия не рассматривается в нем как инструментальный. Но это не означает, что все объекты ситуации, которые непосредственно не стоят в

центре действия, индифферентны с экспрессивной точки зрения. Ситуационные объекты могут иметь значение для *эго* как объекты катексиса и как экспрессивные символы, которые обеспечивают соответствующий контекст или «удобный случай» для экспрессивной деятельности. Сюда относятся такие аспекты, как время и место, соответствующие экспрессивной деятельности; значение окружающих физических объектов, включая комплексы культурных символов (значений), например, произведения искусства; наличие и роль третьих партнеров и отношение к группам, как к социальным объектам. Следовательно, отбор и регулирование элементов «удобного случая» в этом смысле представляет собой третью важную проблему в сфере системы отношений экспрессивной ориентации *эго*. Различные объекты ситуации и ее аспекты, независимые от центрального объекта, являются символически (по своему значению) интегрированными с центральным объектом и его значением в процессе стандартизации ориентации *эго*, и в связи с этим возникает необходимость согласовать их с центральным экспрессивным интересом. В некотором отношении об этом можно говорить как о необходимости интегрированного **стиля поведения**, стандартизованного для контекста экспрессивных видов деятельности.

Совершенно очевидно, что одни и те же конкретные объекты ситуации могут функционировать и как объекты инструментальной ориентации, и как катектически-экспрессивные символические объекты. В частности, процессы приобретения объектов, которые имеют значение в экспрессивном контексте, лучше всего анализировать в инструментальных терминах, а не сами по себе, как процессы экспрессивной деятельности.

Наконец существует также чисто экспрессивное соответствие (гомология) инструментальной категории **кооперации** и катектически-экспрессивного аспекта интеграции *эго* с другими; в случае институционализации этой интеграции мы будем называть ее **солидарность**, в случае ее отсутствия мы будем называть то же явление **лояльностью**. Существует два аспекта лояльности. В исключительно катектическом смысле *другой* может быть объектом привязанности. Это значит, что для *эго* отношение к *другому* является источником не только дискретных, неорганизованных случайных удовлетворений, но и организованной системы удовлетворений, которая включает ожидания в будущем постоянного и развивающегося значения этого *другого* для удовлетворения *эго*. В нормальном интегрированном случае, например, между индивидуальными акторами, конечно, значение этой привязанности должно быть взаимным. Значение этой привязанности в том, что она организует множество потребностей, связанных с отдельным объектом, в интегрированную систему.

Второй аспект лояльности основан на том факте, что привязанность организована в терминах культурного стандарта, который в первую очередь будет выражаться в экспрессивных символах, понимаемых одинаково как *эго*, так и *другими*. Он будет включать в себя ценностные ориентации по крайней мере на уровне стандартов оценки; вопрос о том, будет ли он совпадать с моральным уровнем ценностной ориентации, остается открытым. Он будет находиться на таком уровне, если лояльность между *эго* и *другим* институционализируется и благодаря этому отношения их превращаются в солидарность. Так, между любовниками возникает система понимаемого ими одинаково эротического символизма, что является неотъемлемым аспектом их взаимоотношений и условием их интеграции. Этот символизм, институционализированный в виде брака, приобретает добавочное измерение — моральную санкцию и долг в рамках системы ценностей, общепризнанной для данного общества. Отношения экспрессивной лояльности, следовательно, организуют целый ряд потребностей в привязанности к объекту и интегрируют ее с системой общепризнанных экспрессивных символов, которые связаны с выше указанными катектическими интересами. Такая лояльность, интегрирующая *эго* с «объектом», соответствует кооперации в случае инструментальных отношений.

Распространяя это понятие экспрессивной лояльности на отношения многих индивидуальных акторов, мы получаем следующее важное понятие: **лояльности индивидуального актора к группе**, членом которой он является. Группа может рассматриваться как объект привязанности, например, когда мы говорим про «любовь к своей стране», не только в метафорическом смысле. В данном случае имеется в виду сообщество (а не его члены как индивиды), которое являет-

ся значимым объектом. По существу можно сказать: вполне возможно любить какую-то страну, но в то же время относиться в высшей степени избирательно в своей любви к жителям этой страны как к индивидам. Привязанность к группе интегрирована с системой экспрессивного символизма, которая в применении к *эго* означает принадлежность, статус в группе и, может быть, какие-то услуги для этой группы. Со стороны самой группы символы — это флаги, эмблемы, строения и лидеры в их экспрессивной функции, которые являются центром для экспрессивной ориентации членов группы.

В этом случае характерно, что связь между индивидуальным актором и группой в рамках экспрессивной лояльности не может быть симметрична, как это бывает между двумя индивидуальными акторами. Группа может действовать только через своих членов, в частности, тех, кто играет ответственные роли. Она (группа) сама не питает никаких «чувств» по отношению к членам, она может только символизировать общие «чувства» этих членов. В высшей степени важно уяснить это фундаментальное различие групп и индивидуальных акторов. Тем не менее понятие **привязанность**, а также и **лояльность** к группе является очень важным инструментом социологического анализа. Это — ядро в анализе катектически-экспрессивного отношения индивида к группе. Кроме того, между инструментальным и экспрессивным вариантами существует соответствие проблем, изложенных в терминах как обмена, так и права владения. Объекты владения в их экспрессивном значении будут названы **вознаграждениями**, категория вознаграждения будет рассмотрена как прямая параллель категории **льгот**. Объект вознаграждения — всегда объект непосредственного удовлетворения, но значение этого удовлетворения зависит не только от свойств объекта как объекта, но и от особого отношения к нему *эго*. Это особое отношение, поскольку оно основано на организации взаимодействия между *эго* и соответствующими *другими*, является центром социологической проблемы вознаграждений. Но поскольку вознаграждения — это и объекты удовлетворения в культурно стандартизованной системе действия, они должны в то же самое время иметь значение экспрессивных символов.

Конкретные вознаграждения могут состоять в обладании физическими объектами или в особом отношении к культурным объектам. Но особое значение придается одному из видов вознаграждений, а именно, **обладанию устойчивыми отношениями с другими акторами**. Прежде всего в силу важности взаимности установок, включенных в привязанности, а также в силу значения лояльности и солидарности, тот факт, что можно **рассчитывать** *на* благоприятные установки соответствующих видов со стороны *других*, можно расценивать как сущность системы вознаграждений. *Другой*, таким образом, может обнаруживать или не обнаруживать ответные чувства, любовь или уважение, а *эго* может занимать или не занимать определенное место в системе ориентации *другого* в конкретных условиях. Институционализация этих условий является одним из способов упорядочения социальной системы.

Как и в случае получения и использования возможностей (льгот) относительно вознаграждения в социальной системе не обязательно должно быть точно предписано институциональным способом, какие вознаграждения распределяются и между какими акторами (большей частью так и не бывает). Но как в том случае, когда вознаграждениями считаются и в качестве вознаграждения используются различного вида права, так и в том случае, когда вознаграждения распределяются через обмен, присвоение и право распоряжения некоторыми объектами, в социальной системе возникает проблема порядка. Институционализация в этой сфере относится как к льготам, так и к предписаниям социального порядка. Именно в связи с дифференциацией контекстов отношений как инструментальности, так и экспрессивной деятельности возникают наиболее фундаментальные проблемы регуляции социальной системы. Они преимущественно концентрируются вокруг регулирующих институтов. То, что вытекает из этого положения вещей, будет рассмотрено нами с различных точек зрения в последующих главах.

Теперь же мы предложим парадигму для анализа структуры контекста отношений экспрессивной ориентации (см. схему 2).

Мы можем теперь вернуться к моральному аспекту структуры и порядка системы отношений *эго*. Совершенно

Схема 2

ясно, что здесь характерны проблемы, отличные от тех, которые возникают в отношении инструментального и экспрессивного плана, потому что моральная ориентация имеет прямое интегративное значение для компонентов системы действия. Мы можем, следовательно, сказать, что эта проблема есть одновременно и проблема стандартизации порядка как внутри инструментального и экспрессивного комплексов, так и между ними, потому что у каждого актора должны быть отношения обоих типов.

Мы подошли к важнейшему моменту в выяснении различия между двумя аспектами в проблеме интеграции моральной ориентации самого *эго* и его отношений. Любой данный актор как в инструментальном, так и экспрессивном планах включен в сложную систему взаимоотношений с другими акторами. Композиция такой системы, когда два любых человека не могут занимать в обществе одно и то же место, является в высшей степени идиосинкразической. Ее организация и интегративная стабилизация как системы со своим психологическим организмом и особой ситуацией в окружающей среде представляет собой специфический интегративный центр, не сводимый ни к центру любого другого индивида, ни к центру социальной системы. Такая интеграция структур системы отношений актора, задача которой в некоторых важных отношениях заключается в формировании его роли, представляет один из наиболее важных центров проблем теории личности.

Но мы не касаемся их непосредственно. Они связаны с проблемой интеграции самой системы отношений именно как системы, поскольку только то, что существует между социальными объектами или акторами, по определению, является социальной системой. Центр этой проблемы лежит в условиях порядка, в такой системе вообще и в каждом конкретно дифференцированном типе такой системы.

В настоящее время нас интересуют основы структурной дифференциации, так что мы будем дальше развивать предмет с этой точки зрения. Следует напомнить, что мы рассматриваем эту структуру в терминах системы отношений как системы ролей, а поэтому мы имеем дело с релевантностью дифференциации или типами ролевых стандартов.

С точки зрения парадигм, представленных выше, и отношений между ними можно выделить две сферы рассмотрения. Первая занимается дифференциацией и интеграцией внутри каждой отдельной системы ориентации. Вторая занимается возможностями разделения и слияния компонентов одной и той же роли.

Некоторые из переменных модели, описанной во второй главе, дают основу для классификации этих возможностей. Три из них, а именно: **аффективность — аффективная нейтральность, конкретность — диффузность, универсализм — партикуляризм** — относятся к этой проблеме, рассмотренной на самом элементарном уровне. Четвертая и пятая переменные относятся к различным контекстам, которые будут обсуждены в соответствующем месте.

Определение роли в терминах **аффективной нейтральности** не допускает преобладания никакого экспрессивного (3) интереса в структуре ориентации и отдает предпочтение либо инструментальной, либо моральной точке зрения. Это вовсе не означает, что актор не может получать никакого непосредственного удовлетворения благодаря выполнению такой роли. Это означает только, что по определению ролевых ожиданий такие интересы, **каким бы образом они ни возникли**, если они входят в противоречие с данным определением, должны быть подчинены тем, которые соответствуют одной из описанных выше переменных или всем им вместе одновременно. Если же они не находятся в противоречии с ними, это другой вопрос. Сама по себе эта переменная разделяет не моральную и инструментальную ориентации,

а интересы частные и коллективные. Она служит только для того, чтобы выяснить законность относительного преобладания экспрессивной и неэкспрессивной ориентаций.

Однако существуют важные аспекты, в которых разграничение инструментальной и интегративной для *эго* моральной ориентации является второстепенным или же вообще индифферентным с точки зрения упорядочения социальной системы. Функциональная проблема, возникающая в этом случае, — это проблема моральной интеграции на социальном уровне, а не на уровне личности, но она заводит нас в далеко еще не разработанную сферу. Эта переменная определяет совершенно четко относительное преобладание либо экспрессивной, либо же инструментальной ориентации.

Далее нам придется ввести переменную: **конкретность — диффузность**. **Конкретность** в социальных ожиданиях выделяет один особый элемент в инструментальном или в экспрессивном комплексе из всего остального характерного для них контекста отношений. Так, содержание роли может соответствовать **производственному процессу** самому по себе, без связи с ответственностью за использование продукта, за обеспечение преимуществ в этом процессе или за регулирование отношений сотрудничества. Или же оно может соответствовать удовлетворению потребности без связи с контекстом возможности этого удовлетворения или связи данного актора с другими, с его привязанностями. По-видимому, возможности разграничения по такому принципу в экспрессивной сфере гораздо более ограничены, чем в инструментальной.

В любом случае, однако, **диффузность** в этом плане ведет к смешению данных аспектов, связывая их с отношениями или с другими потребностями в единый «узел». Здесь важно напомнить, что стандартная переменная в данном контексте определяет ролевые ожидания, т. е. права и обязанности друг относительно друга, а следовательно, и структурирование санкций. **Конкретная** роль — это, следовательно, роль, в которой ожидается, что права будут связаны с конкретно определенным содержанием отношений, в то время как в *диффузной* роли ожидается, что требования относительно обязанностей, возникающих в неподдающихся предвидению моментах ситуации, не могут быть признаны **априорно иррелевантными**, их иррелевантность должна быть обоснована с точки зрения их противоречия с **более высокими** обязанностями (по априорной шкале).

Есть некоторая относительность в определении того, какой аспект мы выделяем и действительно ли возникнут недоразумения, если четко не отграничим его от других. Выделение инструментального аспекта вызвано тем, что **любое** желательное в будущем положение вещей может рассматриваться как цель. Поэтому, когда мы говорим о **производственной** (или **функциональной**) цели инструментальной ориентации, о цели **распределения** и адекватного ***воспроизводства*** и т. д., то каждая из них может служить в качестве такого желательного положения вещей. Следовательно, рассмотренная **техническая** цель, стоящая в центре инструментальной системы разделения труда, как она указана в парадигме, **связана** с положением *эго* в данной системе разделения труда. То, что с точки зрения *эго* является технической целью, с точки зрения более широкой **системы** может оказаться выполнением **функции**, допустим, распределения (он, например, может быть продавцом) или какой-то другой функции. Здесь не может возникнуть серьезного источника трудностей, если система исходных категорий, в которых высказано данное положение, определена точно.

Некоторые трудности возникают, когда мы имеем перед собою экспрессивный случай. Система, в которую укладывается удовлетворение потребностей, должна включать также другие потребности данного актора и его отношения к объектам. Следовательно, **совмещение** может означать либо организацию системы потребностей относительно одного и того же объекта, либо организацию системы объектов относительно удовлетворения одной и той же потребности, либо и то и другое одновременно.

Очевидно, что ориентация на объект, включающая как экспрессивный так и инструментальный элементы, определена скорее как позитивно ожидаемая, а не как узаконенное дозволение, включенное в ролевое ожидание. Однако это невозможно, если диффузность содержится как в инструментальном элементе, так и в экспрессивном. Наиболее яркий пример — это случай, когда конкретное инструментальное ожидание связано с экспрессивным диффузным в ориентации на другое лицо или на группу. Те объединения,

которые будут рассмотрены ниже, обязательно включают в себя элемент такого диффузного характера. Но при отсутствии ориентации на группу можно говорить о лояльности по отношению к *другому* или по отношению к группе, как мы определили ее выше, когда инструментальная ориентация помещена в контекст диффузных отношений, имеющих экспрессивное значение для той и другой стороны.

Таким образом, очевидно, что существующая переменная **партикуляризм — универсализм** имеет связь с таким контекстом. Стандарты, управляющие инструментальными ориентациями, как мы уже видели, являются универсалистскими, если **дана цель**. Они ограничиваются тогда внутренними критериями эффективного достижения целей, индифферентными к отношениям. Преобладание инструментальной ориентации, **даже если она диффузная**, означает, следовательно, **всегда** преобладание **универсалистских** стандартов. То же самое можно сказать и относительно экспрессивной ориентации. В данном случае это зависит от того, относится ли такая ориентация к конкретному объекту или к универсалистски определенному **классу** объектов. Если она относится к **любому** объекту из обобщенно определенного класса, то мы имеем дело с **универсалистским** стандартом.

Однако для экспрессивного случая более вероятно, что ориентация будет партикуляристской. Универсалистская ориентация возникает, если объект — это абстрактный культурный объект, который содержит в себе свойство универсальности или же символически выражает целый класс других объектов. Возможно, что универсальная любовь в религиозном смысле этого слова — это пример универсалистски определенной привязанности ко **всем** людям без исключения. Очевидно, однако же, что ее чрезвычайно трудно реализовать. Можно высказать предположение, что такая универсалистская ориентация скорее может быть направлена на все **человечество**, т. е. на символ, чем на все конкретные человеческие существа.

Таблица 3 представляет перекрестную классификацию ценностей этих трех переменных модели, дающую в результате восемь типов. Из нее можно сделать вывод, что здесь существует заметное, хотя и не полное соответствие с результатами анализа экспрессивной и инструментальной парадигм. Эта таблица построена таким образом, что переменная аффективности — нейтральности последовательно использована для того, чтобы выделить преобладание соответственно экспрессивной или инструментальной ориентации, а переменная конкретность — диффузность — для того, чтобы определить ограничение элемента конкретности в системе отношений, с одной стороны, и интеграции системы, о которой идет речь, как системы — с другой. Эти линии разграничения, по-видимому, совершенно очевидны. Основная трудность, возникающая здесь, та, что эта классификация как таковая не принимает во внимание комбинации инструментальных и экспрессивных элементов в одном и том же стандарте ролевого ожидания. Лучший способ преодоления этой трудности, по-видимому, состоит в том, чтобы считать, что такой комбинированный стандарт получается при объединении двух клеток на таблице, например, аффективная и нейтральная клетка, объединенные вместе, при условии, что комбинация двух других переменных остается той же самой. Такой комбинированный тип можно затем дифференцировать в соответствии с тем, какой элемент имеет преимущество: инструментальный или экспрессивный (а может быть, моральный). Это в высшей степени важно, когда мы имеем дело с клетками 6 и 8, которые описывают — насколько это позволяют сделать данные переменные — весьма существенный для нас случай, когда диффузная привязанность интегрирована с ожиданием взаимной инструментальной деятельности. Наиболее яркий пример этого случая — роли родства.

Другие сложности возникают, когда основными интересами являются, с одной стороны — экспрессивные, а с другой — инструментальные. Это могло бы, например, обнаружиться, в отношениях между служащими и клиентами в торговых делах, когда клиенты непосредственно удовлетворяют свои потребности, в то время как служащий находится при исполнении своей профессиональной роли (4). При такой асимметричной системе ролевого взаимодействия, по-видимому, одна роль будет обязательно отнесена в одну графу классификации, а другая — в другую. Тогда роль служащего в описанном выше случае будет относиться в клетку 1, в то время как роль клиента — в клетку 3. Это означает, что данная комплементарная пара включается в две соседние друг с другом клетки из восьми возможных.

Нельзя построить комплементарные пары ролевых стандартов посредством случайных комбинаций элементов, входящих во все восемь клеток.

Другой ряд проблем возникает в связи с местом переменной универсализм — партикуляризм. Первый ряд (клетки 1 и 2), который определяет преобладающие компоненты как технических, так и исполнительских ролей в инструментальном комплексе, совершенно ясен и недвусмыслен. Все другие проблематичны. Клетка 3 особенно важна, если речь идет о конкретных удовлетворениях. Но когда объект является социальным объектом, то возникает сильная тенденция к тому, чтобы переносить центр тяжести на партикуляризм и диффузность, и тем сильнее, чем отчетливее связь и чем более важным является катектический интерес. По-видимому, существует характерная нестабильность в такой комбинации ориентаций на интересы. Она никогда не оказывается главной в структуре социальной системы (если объект должен быть социальным объектом), но является, как правило, побочной или же отклонением, как, например, проституция.

Такая нестабильность этой ориентации проявляется в клетке 4 и была прокомментирована нами выше. Здесь вся трудность заключается в сохранении универсалистского стандарта вопреки влиянию партикуляризма и аффективно-экспрессивного предпочтения. Так, религиозный универсализм очень легко перемещается в деноминалистический партикуляризм, когда лояльность соблюдается главным образом по отношению к какой-то отдельной религиозной группе, например, к церкви, а не ко «всем людям»; в особенности, конечно, когда за людьми, не входящими в церковь, отказываются признавать определенные ситуации допускаемого деноминализма, о котором мы только что говорили.

Можно привести и еще один пример: клетка 8 формулирует «идеальный тип» романтических любовных отношений. Но, по-видимому, самой природой конкретной любовной привязанности обусловлено, что, если она интенсивна и устойчива, то включает в себя реальные совместные и взаимные виды деятельности, не входящие в основной состав самого экспрессивного символизма. Таким образом, многие из этих видов деятельности, несмотря на то, что они обладают символическим значением, получают также и инструментальное значение. Фактически ролевой стандарт, следо-

Таблица 3

Универсализм

	КОНКРЕТНОСТЬ	ДИФФУЗНОСТЬ
Нейтральность	1 Ожидание конкретной инструментальной деятельности, выделенной из контекста отношений и подчиненной экспрессивным интересам	2 Ожидание диффузных инструментальных координаций относительно контекста отношений, подчиненных экспрессивным интересам
Аффективность	3 Следование отдельным конкретным экспрессивным интересам, выделенным как из диффузных привязанностей, так и из инструментальных ожиданий любого класса объектов	4 Соединение множества экспрессивных интересов в отношение лояльности к классу объектов или к абстрактному культурному объекту, например, любовь ко всему роду человеческому или к богу

Партикуляризм

Нейтральность	5 Ожидание конкретно определенной инструментальной обязанности по отношению к человеку или коллективу, подчиненной экспрессивным интересам	6 Ожидание диффузной инструментальной обязанности по отношению к человеку или коллективу, подчиненной экспрессивным интересам *эго*
Аффективность	7 Соблюдение отдельного конкретного экспрессивного интереса, выделенного относительно отдельного объекта, индивида или коллектива	8 Соединение множества экспрессивных интересов в отношение диффузной лояльности к отдельному объекту безо всяких инструментальных ожиданий

ательно, имеет тенденцию выходить за пределы клетки 8 — клетке 6 и объединять их. При наличии интеграции в боль-ой функциональной системе, включая в это понятие преиственность ее основного ядра и ответственность за него, юбовные отношения переплетаются с отношениями брачыми. Роли родства во всех обществах соединяют в себе лементы стандарта, сформулированные в клетках 6 и 8.

Этими примерами не исчерпываются все выводы, которые можно сделать из таблицы, но для данного этапа изложения этого, по-видимому, достаточно. Главная причина того, почему мы не нашли точного соответствия между логически построенной схемой комбинаций переменных модели и результатами анализа комплексов отношений, связанных с инструментальным и экспрессивным действиями, заключается в том, что первая является элементом культурного стандарта, и типы, обозначенные в этих терминах,

управляются законами соответствия и симметрии стандартов друг относительно друга. Парадигмы же отношений, с другой стороны, анализируют структуру социальных отношений на другом уровне. Мы находим здесь некоторые из самых ранних истоков напряжений, которые возникают между культурными стандартами и реальными условиями функционирования данной социальной системы.

Не следует забывать, что в таблице 3 две из переменных модели опущены: **достижение — аскрипция** и **ориентация на себя — ориентация на коллектив.** Последняя переменная особенно важна как основание для модификации результатов, которые можно наглядно увидеть на данной таблице. Но мы пока не готовы к тому, чтобы проделать эту модификацию.

По-видимому, будет полезным свести вместе (пока еще очень несовершенным, предварительным способом) результаты проведенного выше анализа инструментальной и экспрессивной систем, посредством применения классификации типов соединения и выделения компонентов этой парадигмы. Здесь будет недостаточно охарактеризовать лишь типы ролей, но необходимо будет выделить в них некоторые важные элементы и в частности, — заложить основу для целого ряда в высшей степени важных расчленений в области социальной структуры для того, чтобы использовать эти расчленения в дальнейшем, в главе 4.

1. Выделение конкретных катектически-экспрессивных интересов как из диффузных привязанностей или лояльностей, так и из инструментальных ожиданий, например, в роли зрителя бесплатного спектакля (клетки 3 и 7 таблицы 3).

2. Соединение множества конкретных катектически-экспрессивных интересов в диффузной привязанности к объекту, например, роль романтического любовника в ее «чистом» виде (клетка 8).

3. Обусловленность удовлетворения конкретного катектически-экспрессивного интереса конкретной инструментальной деятельностью (асимметрия), например, роль зрителя в платном спектакле (включая всю левую колонку под знаком **конкретность** на таблице 3).

4. Соединение диффузной привязанности и лояльности с диффузным комплексом ожидаемой инструментальной деятельности, например, роли родства (клетки 6 и 8).

5. Выделение конкретных инструментальных видов деятельности как из экспрессивных ориентаций, не связанных с конкретно оцениваемыми вознаграждениями, так и из других компонентов инструментального комплекса, например, **технические роли** (клетка 1).

6. Соединение диффузного множества инструментальных функций с конкретно обусловленным вознаграждением в комплексе, выделенном из всех других экспрессивных интересов, например, роли **ремесленника** и **исполнителя** (клетка 2).

7. Соединение множества экспрессивных интересов в диффузную привязанность к **классу** объектов или же к абстрактному культурному объекту, например, всеохватывающая любовь в религиозном смысле этого слова (клетка 4).

2. Модальности объектов как центры ролевых ожиданий

В предыдущем разделе мы рассматривали дифференциацию стандартов, релевантных структурированию социальных отношений и следовательно — ролям. Основа дифференциации, таким образом, — мотивационная структура ориентаций актора и культурные ценностные стандарты, встроенные в ту ориентацию, которой подчинено его действие. Теперь необходимо дифференцировать сам объект, что может послужить основой той или иной дифференциации ориентаций, т. е. относительного преимущества тех или иных альтернатив. Следует напомнить, что речь идет о структуре ролевых стандартов и, следовательно, взаимных ориентаций акторов друг на друга. Объект, соответствующий нашей цели, — это всегда **социальный** объект.

Полезнее всего строить анализ вокруг переменных модели **достижение — аскрипция**, т. к. это именно и есть формулировка наиболее важной дифференциации, отталкивающейся от мира социальных объектов. В ориентации на актора как на объект (включая сюда и личность самого *эго*) преимущество может быть признано, с одной стороны, за его атрибутами или качествами, независимо от конкретно ожидаемых видов деятельности, или же, с другой стороны, оно может быть признано за видами деятельности, совер-

шенными, совершаемыми, или же теми которые ожидаются от него в будущем. Следует напомнить еще раз, что релевантный для нас контекст — это всегда **оценка** объекта как целого в соответствующих отношениях. Эта оценка может относиться к **выбору** объекта из множества возможных альтернативных объектов или к структурированию ожиданий по отношению к данному объекту, когда отношения уже стабилизированы, т. е. уже включены в роль.

Характер этой общей дифференциации, кажется, очевиден. Главная проблема, в результате которой был сделан такой выбор, — доказать релевантность этой дифференциации, перечисляя некоторые наиболее практически важные выводы из нее, к которым приводит каждая из этих двух альтернатив. Начать можно с анализа комплексов качеств или с аскриптивных критериев.

Вначале, по-видимому, важно подчеркнуть, что можно выделить два типа этих критериев. Первый тип составляют такие критерии, которые являются главными для данной социальной системы, второй — такие, которые являются производными от соответствующих особенностей данной социальной системы. Для того чтобы выявить соответствие этих классов социальной структуре, полезно будет сделать следующее различение: разделить критерии **классификационные** и критерии **отношенческие**, или **релациональные**. Под критериями классификационными подразумеваются такие, которые ориентируют актора на объект, принадлежащий к универсалистски определенному классу и имеющий конкретное значение для *эго* именно в **качестве класса**. Под критериями отношенческими (релациональными) мы подразумеваем, с другой стороны, такие, посредством которых объект, как отдельный объект, становится в конкретные **отношения** к *эго*. Так, пол объекта — это классификационный критерий, в то время как конкретные биологические связи его с *эго*, например, в качестве родителя, связаны с отношениями между ними. Совершенно очевидно соответствие такого различения аскриптивным критериям, что позволяет использовать переменную **партикуляризм — универсализм**.

Основные аскриптивные критерии можно классифицировать как атрибуты организма (*эго* и *другого*) или атрибуты личности (также *эго* и *другого*). Группы исключаются, т. к. они входят во второй класс. Физические и культурные объекты также исключаются из первого класса. Находясь в отношениях к социальным объектам, они могут по определению быть признаны иррелевантными для данного случая. Культурные объекты, если они интернализованы, представляют собой часть личности, если же они — институционализированные стандарты данной социальной системы, то мы отнесем их ко второму классу. Физические организмы, исключая организм самого актора, — релевантны здесь только **косвенно**. Другими словами, они могут входить в релациональные критерии, в силу связи объектов со своим окружением, как это имеет место в случае с пространственным распределением.

Перед нами, следовательно, классификационные и релациональные атрибуты организма. Первые — это его биологические или, как иногда выражаются, **физические** характеристики. Две из них в силу их универсальности, а также релевантности некоторым важным функциональным проблемам, возникающим в социальных системах, выделяются из всех других. Это пол и возраст, или, если говорить точнее, — стадии цикла биологической жизни. То, что все человеческие популяции классифицируются по полу на две и только на две категории (за незначительными исключениями), представляет весьма важный фокус ориентации человеческих индивидов. То же можно сказать и о возрасте. Кроме этих двух, мы можем выделить только остаточную категорию многочисленных физических и соматических характеристик, в которые войдут рост, вес тела, фигура, цвет кожи и глаз и остальные наследственные признаки. Характеристики, проявляющиеся только или главным образом в поведении, и те, в которых их физиологическая основа может быть отделена от элементов социально-культурного происхождения лишь в процессе тонкого анализа либо такое разграничение вообще невозможно, — эти характеристики лучше рассматривать как особенности личности, а не организма (например **интеллект**).

Обращаясь к релациональной категории, можно, по-видимому, различить три основных атрибута, связанных с отношениями и присущих организму, которые мы здесь и выделяем, как имеющие определяющее значение, а именно: **биологическое положение**, **пространственное**, или терри-

ториальное, **размещение**, а также **временно́е размещение**. Под биологическим положением мы понимаем место *эго* **относительно** *другого* в связи с сексуальными отношениями в контексте воспроизводства и наследования, что иногда называют **биологической структурой родства**. Наследование через воспроизводство — это очень существенный факт. *Другой* всегда связан с *эго*, даже в том случае, когда невозможно установить никаких других отношений, через конкретные линии происхождения от конкретного общего предка, причем может подразумеваться и не только одна какая-то линия. По причинам, которых мы будем касаться в следующих главах, биологическое положение — это фундаментальный аскриптивный критерий во всех известных нам обществах, фокус социальной структуры, известной под названием родства. Столь же важным является и территориальное размещение. Под ним мы понимаем следующее: если дано пространственное положение *эго* как организма в данный момент, то дана связь с положениями в том пространстве, в котором размещен *другой*. Для самого *эго* как объекта идентичность пространственного положения сама по себе, безусловно, представляет важный факт. Другими словами, он не может пространственно отделяться «от себя самого». Поскольку все индивидуальные акторы являются организмами, этот фокус ориентации никогда не следует выпускать из вида, он всегда присутствует имплицитно, если не эксплицитно. Он всегда является **проблемой** действия. Если *эго* и *другой* находятся вне поля зрения друг друга и не могут друг друга слышать, то должны существовать конкретные физические механизмы, которые делают возможной коммуникацию, например, почта или телефон. Либо, если средства коммуникации недостаточны для целей *эго*, ему приходится каким-то образом ухитряться «достигать» *другого* в том месте, в котором этот *другой* расположен, или же вносить изменения в расположение либо его, либо себя самого. Совершенно очевидно, что территориальное местоположение, в данном контексте, — это всегда атрибут организма актора, и он обязательно связан с отношениями. Он является не чем иным, как данным в каждый данный момент фактом, несмотря на все влияние, которое оказывают на него прошлые действия, и на его способность изменяться в ходе намеренно предпринятого действия.

Несмотря на то, что пространственное местоположение, связанное с отношениями, обязательно входит в любое действие, особенно большое значение оно имеет в двух контекстах. Один из них — это место жительства. Множество ролей любого отдельного актора предполагает размещение их в каком-то временно́м измерении при условии, что временны́е отрезки не могут быть достаточно продолжительны, они не допускают неограниченной пространственной мобильности при переходе от выполнения одних ролей, например, семейных или профессиональных, к выполнению других. Это означает, что главные **операции**, производимые индивидом во время действия, должны размещаться в ограниченных территориальных рамках, хотя общение при помощи технических средств значительно расширило эти рамки. Основа, необходимая для таких операций, возникает на базе группы, которую мы называем **общиной**. Община — это такая группа, члены которой имеют общую территорию как основу для операций, выполняемых в повторяющихся видах деятельности, осуществляемых ежедневно.

Второй важный контекст — использование *принуждения*. Принуждение, воздействующее на актора через его организм и ограничивающее его свободу, связано, например, со средствами передвижения или коммуникации, а также с такими, с помощью которых можно нанести ему вред. Для того, чтобы применить к актору принуждение, необходимо «добраться» **туда, где он находится**, оказаться поблизости от него. Поскольку использование принуждения — это главное средство для предотвращения действия (мертвый человек не может действовать) и поскольку использование принуждения как компонента влияния должно быть поставлено в обществе под контроль, территориальная организация такого принуждения и его постоянное применение всегда представляют собой один из фокусов структуры данного общества.

Временны́е отношения можно рассматривать как третий ряд релациональных критериев, касающихся организма. Все действие — это, несомненно, временна́я последовательность. Для взаимодействия имеет большое значение тот факт, что влияние действия *эго* на *другого* всегда локализовано внутри этой последовательности. Действие всегда можно охватить временными рамками, но, когда акт совершен,

то его следствия продолжают проявляться во временно́й последовательности, как часть опыта *другого*, а также и самого *эго*. *Эго*, следовательно, всегда связан с *другим* во времени в том смысле, что они сосуществуют во временном континууме и состояние, релевантное для взаимной ориентации их действий, — это состояние *в данный момент*.

Но действие не только «расположено» во времени, оно также и ранжировано при помощи времени. Последствия прошлых действий всегда даны ситуационно, следовательно, **всегда** имеют аскриптивное значение. Само действие, однако, включая сюда и ожидания, ориентировано на будущее. Предположения относительно того, «как долго это будет продолжаться» и «какое время лучше всего выбрать», являются обязательной частью тех проблем, которые связаны с действием. По отношению к структурированию действия эти точки зрения, по-видимому, более всего релевантны для продуктивности систем инструментальных ориентаций. Чем более сложна инструментальная система, тем больше целей, которые поставлены сегодня, могут быть достигнуты только в более или менее отдаленном будущем. Инструментально оформленная социальная система — это одна из систем, в которых ориентации в высшей степени **протяженны во времени**. Члены такой системы не могут жить просто «настоящим моментом». В частности, значение *другого* для *эго* имеет отчетливо выраженное и в высшей степени важное временное измерение.

Обращаясь теперь к личности (как собственной личности *эго*, так и личности *другого*) как объекту, мы получаем необозримое поле личностных характеристик. Возникает вопрос, насколько обосновано рассматривать их вообще как аскриптивные критерии, поскольку они в высшей степени тесно связаны с самой социальной системой. Следовательно, возможен произвол в их классификации. Но условно их можно сюда включить. Наиболее важное различение в данной классификационной категории будет, по-видимому, различение между теми характеристиками, которые имеют большое значение для разных видов деятельности, и теми, которые такового значения не имеют. Первые можно назвать **способностями к деятельности**. Это различение трудно провести, оно, в данном контексте, будет относительным, но это очень важное различение. Такие характеристики, как физическая сила или подвижность, как интеллект или ответственность, определяют, каких поступков можно ожидать от данного человека в тех или иных условиях. С другой стороны, такие характеристики, как жизнерадостность или **привлекательность**, по-видимому, относительно независимы от видов деятельности.

В любом случае важно подчеркнуть, что способности к деятельности — это атрибуты, которые могут функционировать в качестве аскриптивных критериев. Несмотря даже на то, что, как это часто случается, эмпирическим критерием могут служить прошлые поступки, тем не менее люди, имеющие указанные выше характеристики, в той или иной степени заносятся **в общий класс**, и принадлежность к такому классу может быть критерием для придания аскриптивного статуса независимо от поступков, которые можно ожидать от них. Фактически каждый поступок, будучи совершенным, превращается через свои последствия в аспект **данной** ситуации, и лицо, которое его совершило, имеет атрибут **совершившего этот поступок**. Это дает основу для проведения некоторых динамических связей между достижением и аскрипцией.

Очевидно, что релациональные атрибуты личности не являются первичными атрибутами организма такого рода, как мы описали выше, но они не являются и вторичными атрибутами, производными от социальной системы. Другими словами, система отношений, в которую включена личность, — это **по определению** не что иное, как сама социальная система.

Если обратиться теперь ко вторичным аскриптивным критериям, то наиболее важными классификационными категориями будут классы по статусам или категории по статусам. Несмотря на то, что большое количество статусов включает в себя также принадлежность к группам, тем не менее весьма важно различать статусы и категории. Выпускники высшей школы, женатые люди, специалисты образуют классы по статусам. Все принадлежащие к одному классу классифицируются как имеющие между собой нечто общее по атрибутам их места или **размещения** в социальной структуре или же по атрибутам, которые представляют собой детерминанту или символ такого статуса. Так, **богатые** и **бедные** образуют классы по статусу. Такой атрибут не

является характеристикой личности в обычном смысле этого слова, хотя, с другой стороны, такая линия разграничения будет нечеткой, если личностные характеристики представляют собой фокус аскриптивного статуса. Но в целом всегда есть место для значительной вариабельности личностных характеристик членов класса, образованного по статусу.

Следует выделить два типа релациональных критериев производного характера для членов одного и того же статусного класса: участие в **экологической системе** и **принадлежность к группе**. Под экологической системой понимается взаимно ориентированная система связей множества акторов, которые не связаны между собой узами солидарности, вытекающими из принадлежности к одним и тем же группам, но являются объектами друг для друга. **Клиенты** коммерческих фирм представляют собою такую категорию, точно так же, как и все участники рынка. Другой пример: антагонистические стороны в конкуренции. Разумеется, взаимодействие их ориентировано на **правила игры**, и именно благодаря своей ориентации на эти правила они составляют группу. Для экологически взаимодействующих лиц это взаимодействие часто представляет собой возможность избегнуть **санкций**, которые в противном случае не позволили бы им достичь цели или избежать поражения. В данном случае институционализированы только правила, а не конкретные ориентации, и релевантными институтами являются, следовательно, регулятивные, а не релациональные. Как релациональная категория такие участники должны принадлежать к одной конкретной системе взаимодействия. Если же мы их определяем как клиентов вообще, то они представляют собою класс по статусу.

Принадлежность к группе, таким образом, является вторичным релациональным критерием. Такое сообщество может быть точно так же, как группа по рождению или община, образовано по первичным релациональным критериям, но это не обязательно. Когда же принадлежность к группе достигнута **самим** индивидуальным актором, а не **предписана** ему, то сам факт **членства** в группе становится основанием для признания (закрепления) этой принадлежности.

Перейдем теперь к критериям, связанным с **достижением**, которые применяются к выбору объектов или значимой ориентации. Такой критерий не может относиться к атрибутам данного состояния объекта самого по себе, он относится к совершаемому им или ожидаемому от него поступку. Здесь важным аспектом становятся обстоятельства: недостаточно быть просто актором, требуется, чтобы он критически осмысливал то, что делает. Такая оценка всегда **связана** с аскриптивно заданным основанием. Актор может действовать тем или иным образом, хуже или лучше, но центр тяжести переносится на то, что он в действительности делает, а не на качества его самого.

То, что эта возможность характерна для теории действия, становится очевидным уже при самом элементарном анализе взаимодействия, если в нем подчеркнут элемент ситуации, в которой *другие* реагируют на то, что актор делает. Ориентация, связанная с достижениями, следовательно, зависит от аскриптивной через введение фактора **производных** (возникающих в ходе действия) обстоятельств, и это приводит к тому, что **обстоятельства** появляются в анализе дважды. Ожидание определяется не рассуждением: «если я **буду** тем, чем я являюсь, то другие должны рассматривать меня, принимая во внимание одну из следующих альтернатив», а рассуждением типа: «в зависимости от того, **какую из доступных мне альтернатив я приму за основу**, я заставлю других реагировать, ориентируясь на мое действие, с точки зрения их собственной системы альтернатив». Именно такое добавление к основной парадигме взаимодействия и делает переменную модели **аскрипция — достижение** столь важной для теории действия в целом.

Приступая к проблеме выделения субклассов, следует прежде всего сделать оговорку, что критерии, связанные, в первую очередь, с достижением, к **организму** неприменимы вообще: достижения — это конкретно определенные достижения **актора**. Однако, по-видимому, лучше всего будет параллельно с рассмотрением значения личностных характеристик, рассматривать также и достижения отдельного актора, как первичные критерии, а не как производные по отношению к его ориентации. При этом опускаются из рассмотрения достижения групп как акторов, поскольку они являются вторичными (производными) достижениями. Те же достижения групп, которые

представляют собой результат выполнения каких-то правил игры, в виде, например, прибыли коммерческих фирм, мы будем иметь в виду.

Следующий важный момент заключается в том, что достижительные критерии по своему характеру всегда критерии классификационные и никогда не бывают относительными. Чтобы измерить их при помощи универсалистского стандарта, можно абстрагироваться от контекста. Достижение по преимуществу всегда является универсалистским, поскольку критерии достижения приложимы к нему непосредственно. Существуют однако, некоторые трудности в интерпретации этого утверждения. Деятельность всегда соотносится с целью; следовательно, прямое приложение относительных критериев деятельности ограничивается средствами и условиями, связанными с данной целью, с точки зрения эффективности, продуктивности и пр. Они, таким образом, ограничены инструментальной ориентацией. Но поскольку инструментальная ориентация может быть компонентом системы конкретных ролевых ожиданий, она не обязательно должна быть исключена из этой системы. Ценностные ориентации, в терминах которых определяются сами цели, не обязательно являются универсалистскими. Следовательно, может существовать и деятельность, определяемая партикуляристическими ценностями. Более того, в систему санкций могут быть включены не только виды деятельности — в состав целей могут входить также определенные реакции со стороны других. Поэтому чаще всего приходится распутывать весьма сложную сеть, прежде чем появится возможность правильно оценить значение всего, что сказано выше в тезисном виде.

Особенно важным представляется нам критерий, связанный с достижением второго типа, а именно с коллективным достижением, т. е. с достижением, которое является результатом деятельности группы, рассматриваемой как отдельный актор. Принадлежность к группе, как мы уже видели выше, это свойство, которое связано с отношениями. Отсюда следуют некоторые важные выводы относительно структуры ролей **ответственности** по отношению к группе, а именно лидерских ролей, которые могут быть определены как роли диффузной ответственности, связанной с коллективом. Фокус такой ответственности **всегда** в некотором смысле является партикуляристским в силу того, что в нее включены отношения. Роль лидера, следовательно, может быть ориентирована на достижения, и «успех» может оцениваться в универсалистских терминах, если наличествует цель, которая включает в себя «деятельность на благо коллектива».

Из системы ценностных ориентаций, где достижительные ценности объединены с партикуляризмом, вытекают некоторые следствия для структуры социальной системы, в которой эти ценности институционализированы. Партикуляристический компонент ценностной системы вводит сильные ограничения в выборе целей, к которым могут быть обоснованно применены достижительные ценности. Прежде всего акцент перемещается на достижения группы и на роли, включающие в себя ответственность за группу. Этот момент лежит в основе, например, **коллективизма** — ценностей, традиционных для Китая, отличных от **индивидуализма** евро-американского типа.

Подводя итог, можно сказать, что переменная **аскрипция — достижение** определяет главную ось, по которой происходит дифференциация акторов в социальной системе на тех, которые являются объектами ориентации, и тех, которые выступили бы таковым, если бы анализировались их собственные ориентации. Поскольку все статусы данной социальной системы могут быть отнесены к отдельному актору, хотя бы в силу того факта, что он в этой системе укоренен, то эти критерии в первую очередь релевантны для классификации тех различений, посредством которых акторы распределены по статусам и ролям в данной социальной системе. Они, следовательно, определяют критерии пригодности, а в результате и то, в каких ролях *эго* может, а в каких не может быть партнером других. Более того, они также определяют стандарты **дифференцированного отношения** к актору в роли, которую он уже занимает. Они — точки для определения ожиданий того, какие будут выбраны оценки из существующих альтернатив. Они образуют некоторую схему для определения, в каких отношениях актор значим в качестве объекта (как *эго*, так и *другой*) в смысле, релевантном ориентации *эго*.

3. Солидарность группы

До сих пор мы имели дело со структурой ролевых комплексов, рассматривая, во-первых, дифференциацию различных ролей, образующих такой комплекс, в терминах ориентационного содержания ожиданий, а затем в терминах выбора между основными модальностями объектов ориентаций, свойствами и видами деятельности. Нам осталось рассмотреть релевантность проблемы **общепризнанности** стандартов ценностных ориентаций участников системы социального взаимодействия. Это главный аспект интеграции такой системы.

В некотором отношении или в некотором смысле, любая в действительности существующая система, разумеется, **интегрирована**, поскольку ее части каким-то образом «соединены» друг с другом. Это верно и для системы ролей точно так же, как и для других систем. Сделав еще один шаг далее, мы констатируем, что нормативный аспект существует, как мы уже видели, в любой системе социального взаимодействия. Таким образом, в любой системе социального взаимодействия существует элемент общепризнанной ценностной ориентации. Эти ценности могут быть, например, когнитивными стандартами, управляющими коммуникацией, или же оценочными стандартами, которые управляют признанием экспрессивных символов. Но в данном рассмотрении речь идет о следующем более высоком уровне, о **морали** в связи с ее релевантностью социальной или релациональной системе.

На этом уровне сам факт взаимодействия, а также наличие общепризнанных ценностей в более общем смысле слова, не детерминирует возникновение **моральной проблемы** по отношению к выбору из данных альтернативных ориентаций. Эта проблема может оказаться чисто инструментальной, т. е. проблемой эффективности, или же чисто экспрессивной, т. е. проблемой выбора оцениваемого объекта и установки на него. Моральная проблема возникает только тогда, когда в альтернативы включена презумпция **интегрированности** и **солидарности** системы взаимодействия, когда сохранение такой интегрированности и солидарности само по себе признано ценностью. Пятая из моделей переменных является концептуализацией этой альтернативы с учетом интеграции **социальных** систем. **Ориентация на себя** представляет случай, когда при выборе предпочтительной альтернативы все то, что относится к интеграции социальной системы действия, ощущается или определено как **индифферентное** этому выбору. **Ориентация на коллектив**, с другой стороны, представляет собой случай, когда эта интеграция определяется как небезразличная, так что актор, выбирающий ту или иную альтернативу, связан своей **ответственностью** перед системой как целым, а также перед входящими в нее членами. Это имеет место только в том случае, если система действия включает в себя **солидарность** (5) в том смысле, что участники ее определяют некоторые действия, как необходимые в интересах интеграции данной системы, а другие действия, как несовместимые с этой интеграцией, потому и санкции организуются с учетом этого определения. Такую систему можно назвать коллективом. Ориентация на коллектив включает постановку **вопроса о доверии**: «Являетесь ли вы одним из нас?» Этот вопрос решается в зависимости от ваших установок.

Следует отметить здесь, что солидарность в таком смысле включает в себя нечто большее, чем просто **лояльность**, как мы определили это понятие выше. Лояльность — это институционализированный предшественник солидарности, она подготавливает мотивацию к конформности с интересами или ожиданиями других, устанавливая пределы любой институционализированной или принятой в результате соглашения обязанности. Ориентация на коллектив превращает, с другой стороны, эту **склонность** в институционализированную обязанность, входящую в ролевое ожидание. Ощущает актор нечто подобное или нет, он обязан действовать определенным образом, иначе он рискует подвергнуться санкциям негативного характера.

Исключительно важно здесь выявить соотношение понятий **солидарность** и **коллектив**, и вместе с этим — применимость в тех или иных случаях этой переменной **ориентация на коллектив — ориентация на себя**. Исключительно редко коллектив представляет собой агрегат лиц — всех индивидов, представляющих собой в совокупности «самодостаточное» общество. Типичным случаем является агрегирование участников в отдельные системы взаимодействия, организованные как системы дополняющих друг друга (ком-

плементарных) ролей, т. е. частичные социальные системы. Поэтому актор может быть участником множества коллективов, в зависимости от того, сколько у него ролей; не существует какого-либо общепринятого ограничения числа этих ролей и этих коллективов. По составу участников коллективы могут быть: иногда совершенно изолированными от других, четко определенными, иногда нечетко определенными, включающими некоторых членов, являющихся участниками также и других коллективов, и наряду с ними входящих в данный коллектив и т. д. Так, для нашей страны поселения типа городов являются одновременно также и поселениями в данном штате, и в США в целом; а следовательно, члены этих коллективов будут выполнять роль горожан на каждом из этих трех уровней государственной организации, т. е. они будут являться членами всех трех коллективов одновременно.

Каждая роль, поскольку она **институционализирована**, содержит в себе стандарт — обязанность вести себя солидарно. Признание этого стандарта и есть, в конечном счете, принадлежность к коллективу. Но в отдельные ориентации, связанные с ролью, такие обязанности могут входить, а могут и не входить. Тот круг альтернатив ориентации, из которого эти обязанности можно исключить, очерчивается понятием **ориентации на себя**, а тот круг, из которого их исключить нельзя — понятием **ориентации на коллектив**. Наиболее яркой иллюстрацией здесь будет следующий пример: тот, кто является участником товарного рынка, является членом коллектива — государства, которое представляет собой **законодателя**. В своих отдельных ориентациях на действительных или потенциальных партеров по обмену, в определенных рамках, они могут быть **ориентированными на себя**, например, в том, что касается торговых соглашений по поводу установления цен. Но за этими пределами обязанности соблюдения солидарности становятся неизбежными в виде требований соблюдать некоторые правила, общепризнанные в данной области, например, в том что касается воздержания от дезориентации покупателя неверными сведениями, относящимися к товарам. Обязанность соблюдать эти правила — это элемент ориентации на коллектив, входящей в роль как целое. Когда мы говорим о системе рыночных отношений, что она «управляется эгоистическим интересом», то мы имеем при этом в виду, что в допустимых пределах, определенных рядом формальных и неформальных правил, могут приниматься решения на таких основаниях, которые с точки зрения обязанности вести себя солидарно будут рассматриваться как иррелевантные или же как индифферентные. Еще раз подчеркнем этот важный для нас момент: **любая** институционализация включает общепризнанную мораль, равно как и другие ценности. Обязанности по отношению к коллективу представляют собой, следовательно, аспект любой институционализированной роли. Но в некоторых контекстах выбора ориентации эти обязанности могут выступать латентно, в то время как в других они будут **активизированы**, в том смысле, что актор поставлен перед лицом выбора: либо предпочесть альтернативы, конформные относительно этих ценностей, либо же получить в ответ негативные санкции, которые следуют за нарушением.

Есть и другой аспект латентности, который, в частности, применим к ориентации на коллектив или же к обязанностям вести себя солидарно, но он уже менее релевантен. Многие обязанности обусловлены некоторыми конкретными ситуационными обстоятельствами. При отсутствии таких обстоятельств они могут оставаться латентными. Например, обязанность профессора — учить; наблюдатель же, общавшийся с ним только в летние месяцы и не видевший, чтобы профессор кого-нибудь в это время учил, разумеется, не придет к убеждению, что профессор нарушает свою обязанность учить, и не станет его «разоблачать». Это означает только, что обязанность эта латентна, поскольку в данный момент в университете нет лекций. Поэтому единственный способ узнать, выполняет актор свои обязанности или нет, — это поместить его в **соответствующую ситуацию**, к которой только и применимо требование выполнения тех или иных его обязанностей. И разумеется, вторым, но не всегда надежным средством является вербальный ответ на вопрос, например, такого типа: «Что бы сделали вы в такой-то ситуации?»

Конформность по отношению к ожиданиям коллективной ориентированности можно назвать принятием на себя **ответственности** в качестве члена данного коллектива. Но это уже дальнейший шаг в направлении представления о коллективе «как действующем в качестве единицы» или

«конкретно». Это качество, в латентном виде, есть свойство любого коллектива, который представляет собой, как минимум, систему, в некотором смысле «защищающую себя», т. е. мобилизующую какие-то возможности для того, чтобы предотвратить угрозу, нависшую над его интеграцией; если нет этого минимума, то коллектив не может быть назван коллективом в данном смысле слова. Это латентное свойство действовать таким образом, в самом деле, мобилизуется и активизируется только в некоторых ситуациях.

Коллектив, в котором экспрессивные интересы преобладают при ориентации на непрерывное действие, можно называть за отсутствием лучшего термина **общиной** — Gemeinschaft; коллектив же, в котором преобладают инструментальные интересы, — это **организация** — Gesellschaft — в том смысле, как мы определили ее выше. Эта терминология отчасти сходна с той, которую употребляет Макс Вебер, отчасти же представляет несколько модифицированную версию: The Theory of Social and Economic Organisation. Поскольку какой-либо тип коллектива имеет эксплицитные и формализованные правила, а также дифференцировавшиеся органы для осуществления действия (включая сюда интерпретацию правил и принуждение к их исполнению), он представляет собой **ассоциацию**.

Если достигнута и до некоторой степени закреплена организация коллектива на уровне ассоциации, то, разумеется, в нем содержится дифференциация ролей с учетом функционирования коллектива как единицы, а также и то, что может быть названо первичным разделением труда в нем. Эта дифференциация осуществляется по оси ответственности за использование возможности **эффективно действовать**. По существу, это можно назвать ролью **лидера**, если она осуществляется внутри коллектива. Если же она посвящена по преимуществу тому, чтобы представить связи коллектива и его членов с другими лицами и другими коллективами, то она может быть названа **представительной** (репрезентативной) ролью.

После того как выше в этой главе мы рассмотрели разделение труда, совершенно очевидно, что так как существуют большие возможности дифференциации специальностей в связи со специализацией **вкладов**, вносимых в кооперированную систему действия, роли лидеров **всегда** диффузны. Ответственность в этом смысле слова никогда не может совпадать с эффективным выполнением какой-то специализированной функции, но в некотором смысле включает в себя координацию различных факторов и обстоятельств в интересах достижения коллективных целей. В нашем изложении мы ввели множество различений, все они очень относительны. Но особенностью релационального контекста, в отличие от технической цели, является существенное значение в нем ролей лидеров и руководителей.

На полюсе крайней неинституционализированности — изменчивости системы социального взаимодействия — вообще нет никаких коллективов в том специальном смысле слова, в котором мы ввели их в наше изложение; там может существовать только экологический комплекс. Но это действительно крайний случай. Ни одно реально существующее общество не приближается к нему достаточно близко. Единственным релевантным примером могут быть некоторые отдельные социальные системы, входящие в институционализированное общество; можно, например, предположить, что с таким явлением мы встретимся в малых группах. Такие группы не вырабатывают специально для себя институционализированной структуры, а потому, когда они достигают некоторой стадии интеграции и превращаются собственно в группы, к ним нет никакого смысла применять переменную **ориентация на себя — ориентация на коллектив**. Этот случай важен практически, так как привлекает внимание к тому, что структура коллективов большой социальной системы всегда более или менее разнообразна, хотя общества сильно отличаются друг от друга в этом отношении. Но существует постоянный процесс распада старых коллективов и формирования новых, и это — один из наиболее существенных процессов социального изменения. Невозможно отрицать также и того, что существуют процессы изменения и внутри самих коллективов, которые в то же время не разрушают их как коллективы.

В некотором смысле социальные системы, за исключением описанного выше крайнего случая, можно рассматривать как коллективы. Но гораздо более важное значение имеет то, что общество или любая из всей совокупности отдельных социальных систем может рассматриваться как сеть коллективов, расположенных рядом друг с другом, пере-

ходящих друг в друга и входящих друг в друга. Понятие **коллектива** мы ввели здесь как понятие одной из наиболее важных субструктур в структуре социальной системы, а не как слово, которым можно пользоваться для характеристики таких систем вообще.

4. Типы социальных ценностных ориентаций

Главную канву для организации всего материала данной главы представляют переменные модели и их применение к разным способам организации систем отношений. Подводя итоги, мы можем окинуть этот материал общим взглядом, чтобы увидеть, как все пять переменных могут быть использованы в классификации типов ценностных стандартов, определяющих ролевые ориентации. Это сделано в таблице 3а. Способ построения классификации, примененный в этой таблице, требует, однако, пояснений.

Таблица 3а

Типы комбинации ценностно-ориентационных компонентов*

Главные социальные ценностные ориентации

	УНИВЕРСАЛИЗМ	ПАРТИКУЛЯРИЗМ
	А Универсалистски достижительная модель	Б Партикуляристски достижительная модель
Достижение	Ожидание активных достижений в соответствии с универсалистскими стандартами и обобщенными правилами по отношению к другим акторам	Ожидание активных достижений в (или от имени) отдельном релационном контексте, в котором актор включен
	В Универсалистски аскриптивная модель	Г Партикуляристски аскриптивная модель
Аскрипция	Ожидание ориентации действия на универсалистскую норму, определенную либо как идеальное положение вещей, либо как часть статусной структуры существующего общества	Ожидание ориентации действия на предписанный статус внутри данного релационального контекста

* Для простоты модели переменная *ориентация на себя — ориентация на коллектив* в этой таблице опущена. Поскольку она симметрично связана со всей схемой в целом, ее можно использовать для того, чтобы подразделить далее по этому признаку каждую клетку данной таблицы.

Если переменные модели рассмотреть в контексте общей схемы действия, они совпадут со стандартом взаимоотношений. Другими словами, это не просто список переменных, между ними существуют важные взаимозависимости. Есть даже некоторая симметрия в этой схеме вдоль оси, имеющей значение в двух основных аспектах. Эта ось соединяет два полюса: мотивационную ориентацию, с одной стороны, и культурную ориентацию — с другой. В данном случае, как очевидно из всего вышеизложенного, релевантен аспект культуры, связанный с ценностными ориентациями, который имеет здесь наибольшее значение.

Эта поляризация точек отсчета систем действия отражается в общем виде также и на следующем уровне, если двигаться **вниз**, по направлению к конкретной структуре, в переменных модели, причем две из них особенно релевантны для одного полюса системы отсчета, две — для другого, а пятая занимает между ними **нейтральное** положение. Эти связи схематично представлены на схеме 3.

Схема 3

Группировка переменных модели

В первом разделе данной главы намечены были некоторые элементарные типы социальных подсистем, выведенные из способов организации ориентации действия в различных системах отношений. Этот анализ мы начали от полюса мотивационной ориентации. Он проводился не на самом элементарном уровне, а на уровне их организации (мотива-

ционных ориентаций) при помощи культурных элементов, которые во второй главе мы назвали оценочными ориентациями действия. Две переменных модели: аффективность — нейтральность и конкретность — диффузность — наиболее непосредственно релевантны этому мотивационному фокусу, и можно сказать, что основные замечания относительно ценностных ориентаций релевантны именно этому уровню. Переменная универсализм — партикуляризм представляет шаг на пути к дальнейшей конкретизации структурирования этих ориентаций, прежде всего по преобладанию когнитивных элементов в инструментальных ориентациях, если цель предполагается заданной.

Таблица 3б

Типы компонентов ценностной ориентации социально-ролевых ожиданий

	Универсализм АФФЕКТИВНОСТЬ	НЕЙТРАЛЬНОСТЬ
Универсалистско-достижительная модель →	1 Ожидание конкретного аффективно окрашенного отношения к классу объектов, выделенному на основании достижения	2 Ожидание конкретного дисциплинированного действия, направленного на класс объектов, выделенных на основании достижения
Конкретность ДОСТИЖИТЕЛЬНОСТЬ Диффузность	3 Ожидание диффузного аффективно окрашенного отношения к классу объектов, выделенных на основании достижения	4 Ожидание диффузно дисциплинированного действия, направленного на класс объектов, выделенных на основании достижения
Конкретность АСКРИПТИВНОСТЬ	9 Ожидание конкретного аффективно окрашенного отношения к классу объектов, выделенных на основании качеств	10 Ожидание конкретно дисциплинированного действия, направленного на класс объектов, выделенных на основании качеств
Диффузность Универсалистско-аскриптивная модель →	11 Ожидание диффузно-аффективного отношения к классу объектов, выделенных на основании качеств	12 Ожидание диффузно-дисциплинированного действия, направленного на класс объектов, выделенных на основании качеств

Продолжение таблицы 3б

Партикуляризм АФФЕКТИВНОСТЬ	НЕЙТРАЛЬНОСТЬ	
5 Ожидание конкретного аффективного отношения к отдельному объекту или к партикулярным отношениям, возникающим на основе деятельности	6 Ожидание конкретного дисциплинированного действия, направленного на объект, находящийся в партикуляристских отношениях с *эго* на основании деятельности	Универсалистско-достижительная ← модель Конкретность ДОСТИЖИТЕЛЬНОСТЬ
7 Ожидание диффузно-аффективного отношения к объекту, находящемуся в партикуляристских отношениях с *эго* на основании деятельности	8 Ожидание диффузно-дисциплинированного действия, направленного на объект, находящийся в партикуляристских отношениях с *эго* на основе деятельности	Диффузность
13 Ожидание конкретно-аффективного отношения к объекту, находящемуся в партикуляристских отношениях с *эго* на основании его качеств	14 Ожидание конкретно-дисциплинированного действия, направленного на объект, находящийся в партикуляристских отношениях с *эго* на основании его качеств	Конкретность АСКРИПТИВНОСТЬ
15 Ожидание диффузно-аффективного отношения к объекту, находящемуся в партикуляристских отношениях с *эго* на основании его качеств	16 Ожидание диффузно-дисциплинированного действия, направленного на объект, находящийся в партикуляристских отношениях с *эго* на основании качеств	Диффузность Партикуляристско аскриптивная ← модель

Ожидание диффузно-дисциплинированного действия, направленного на класс объектов, выделенных на основании качеств.

Такой подход, если в нем учитывать еще релевантность структуре личности, которую мы будем рассматривать в главе 5, обосновывает применение этих двух переменных одновременно. Они могут рассматриваться, по существу, как основы оси организации действия с учетом потребностей личности, т. е. в первом контексте проблем функциональных предпосылок социальных систем, которые мы излагали в главе второй, в контексте гоббсовской проблемы порядка. Они формулируют необходимость балансирования в двух основных отношениях. С одной стороны, актор дол-

жен получать удовлетворение; без этого он не мог бы ни существовать, ни быть адекватно мотивированным к выполнению социальных ролей. С другой стороны, он должен признавать также дисциплину, как в интересах сохранения возможно дольше баланса получения удовлетворения для себя лично, так и в социальных интересах, в том, что касается выполнения его ролей. Во-вторых, с психологической стороны, переменная **конкретность-диффузность** в первую очередь передает значение диффузной лояльности, но есть в то же время и необходимость ограничения такой лояльности в интересах инструментального действия и некоторых видов удовлетворения, которые не могут быть объединены с привязанностями. По отношению к коллективной солидарности, предполагающей диффузную ответственность, разлитую внутри коллектива, и приводящую к диффузности, это будет институционализированная противоположность лояльности, соблюдаемой индивидами в отсутствие институционализации.

Мы должны постоянно иметь в виду, что речь идет о контексте социальной системы, а не о действии вообще. Следовательно, эти две переменные имеют отношение к механизмам, опосредующим потребности и способности личности, которые через посредство актора входят в социальную систему и структуру социальной системы.

Другие две переменных — это **универсализм — партикуляризм** и **достижение — аскрипция**. Эти переменные имеют, в противоположность всем другим парам, отношение к социальной системе как таковой. Они относятся, как мы уже видели, к типам ценностных норм, которые входят в структуру социальной системы, и к тем способам, которые применяются для того, чтобы **учитывать** характеристики акторов как объектов ориентации, в процессах отбора, посредством которого конструируются социальные структуры. **Обе** пары переменных конструктивно важны для структуры системы отношений, иначе они не были бы релевантны для данного анализа. Но вторая пара в большей степени соответствует тому полюсу социальной системы, который имеет функциональное значение. Именно в этом смысле мотивационная адекватность социальной системы потребностям индивидов может быть гораздо лучше прослежена в терминах первой пары, даже без привлечения второй. Но она в качестве основания нерелевантна **структурной** дифференциации и вариабельности социальных систем. Поэтому вторая пара в некотором смысле имеет преимущество для анализа вариабельности социальных систем как структурных типов. Комбинации первой пары будут привлекаться как следствия того, что данное общество структурировано данным образом, при этом будет учитываться также и вторая пара. С другой стороны для анализа проблем адаптации личности и изменчивости данных феноменов внутри данной социальной структуры первая пара несомненно имеет преимущество.

И наконец, пятая переменная **ориентация на себя — ориентация на коллектив** была расположена нами «в середине». Мы исходили из того, что она не имеет преимущественно структурного значения, ее значение скорее интегративное. По-видимому, эта переменная точно так же, как и другие, представляет собою компонент структуры социальной системы. Но исходные точки этой переменной находятся **внутри** самой социальной системы, они связаны с отношениями, в то время как исходные точки других четырех переменных являются **внешними**, отражая те характеристики компонентов действия, которые логически первичны для организации его в социальных системах.

По этой причине в таблице 3а отдано предпочтение возможностям комбинаций следующих переменных: **универсализм — партикуляризм** и **аскрипция — достижение**. В результате этого получилась классификация по четырем **основным** типам **социальных** ценностных ориентаций. Каждая из клеток первой части таблицы может быть, тем не менее, рассмотрена не как единая клетка, но как сумма обозначений для **блоков** всех восьми клеток таблицы, которая перечисляет тридцать две возможности комбинаций идеальнотипичных ценностей пяти переменных. Имея в виду главным образом классификацию социальной структуры, мы обоснованно отнеслись к этим последним как к **подтипам** четырех основных типов, хотя эту точку зрения нельзя признать единственно правильной. Важнее всего классификация как таковая и возможность выведения классификации такого рода из наиболее общих точек зрения на структуру действия и ее производные в социальной системе. Она представляет собою **фундаментальную отправную точку** для классификации всех возможных типов социальных струк-

тур, а эвентуально также и обществ. Но должно быть совершенно очевидно читателю, что сама по себе она не является такой классификацией, потому что в нее входит только элемент ценностной ориентации и она не учитывает остальные компоненты социальной системы.

Мы очень кратко прокомментировали каждый из основных четырех типов, для того чтобы показать релевантность данной классификации в различных отношениях, более полное изложение мы оставляем до пятой главы. Первая клетка — **универсалистский стандарт, связанный с достижением** — лучше всего иллюстрируется преобладающей в американском обществе этикой. Комбинация универсализма с ориентацией на достижение переносит главный упор на универсалистски определенное достижение цели и на динамическое постоянное достижение партикулярных целей. Эта комбинация не делает акцента на постановке первичной цели, которая по мере ее достижения, должна все время возобновляться. Комбинация универсализма с ценностями, связанными с достижениями, переносит главный универсалистский акцент на процесс, т. е. на выбор значений и, в частности, на выбор цели, оставляя неопределенной систему целей. В некотором смысле эту ориентацию представляет философия прагматизма (см. табл. 3в).

Таблица 3в

Главные типы ценностных ориентаций личных установок

	АФФЕКТИВНОСТЬ	НЕЙТРАЛЬНОСТЬ
	А Установка на реакцию-восприятие	Б Установка на одобрение
Конкретность	Расположенность к тому, чтобы воспринимать установку *другого* на ожидание взаимного удовлетворения в конкретной сфере или контексте и отвечать на нее	Склонность к одобрению действия *других* в конкретной сфере, обусловливающей их деятельность, описываемую соответствующими стандартами
	В Установка на любовь	Г Установка на уважение
Диффузность	Расположенность к восприятию и ответу взаимностью на диффузно аффективную привязанность *другого* и признание обязанности быть лояльным по отношению к ней	Склонность оценивать *другого* как личность во всей ее целостности на основании ряда определенных стандартов

Когда универсализм объединяется с аскриптивным акцентом (в клетке 3), образуя в этом случае «универсалистско-аскриптивный стандарт», главная релевантность универсалистских стандартов перемещается в направлении оценки идеала качеств. Фокус заключается тогда в достижении идеального положения вещей, которое когда оно достигнуто, может рассматриваться как имеющее непреходящую ценность. Но универсалистический элемент вносит сюда фактор напряженности, т. к. по своим основным тенденциям он вряд ли способен поддерживать любое status quo социальной системы, соответствующее любому четко определенному идеальному состоянию. Существует, следовательно, тенденция к дуализму идеального и реального. В широком смысле слова философия **идеализма** и немецкий культурный идеал соответствуют именно этому стандарту.

Если обратиться теперь к клетке 2 — комбинации партикуляризма с достижением, которая названа **партикуляристским стандартом, связанным с достижением**, то выявится значительное снижение этого напряжения между идеальным и реальным, поскольку центр тяжести расположен уже не в абсолютно идеальном состоянии, а в **данной** динамической системе отношений. Но поскольку акцент сделан все-таки на достижении, связь актора с этой системой рассматривается **динамически**. Ничто не совершается **автоматически**, но должно быть достигнуто; достигнутое, если с ним обращаться не соответствующим образом, может быть потеряно, и его придется достигать вновь. Прекрасным примером этого может быть классический Китай со своим культурным стандартом, со своим пониманием гармоничного порядка, за поддержание и воспроизведение которого люди считаются ответственными. Это подтверждается также общепризнанным мнением, что китайское конфуцианство связано прежде всего с моралью, с ответственностью за поддержание данной социальной структуры в действующем состоянии. Но в противоположность обоим стандартам универсалистского типа здесь существует, по выражению Макса Вебера, доктрина **адаптации к миру**, а не **переделки мира**.

И наконец комбинация аскрипции с партикуляризмом дает **партикуляристически-аскриптивный стандарт**. Здесь порядок понимается как данный в более радикальном смысле, т. е. человек, согласно такому пониманию, должен адап-

тировать свои действия к этому порядку, за который его нельзя считать ответственным. Акцент, следовательно, поставлен на том, чтобы **выбирать оптимальнейшую** из экспрессивных возможностей, используя социальный порядок как своего рода оценку, на которую приходится ориентироваться. Латиноамериканские общества, по-видимому, дают наибольшие приближения к этому типу.

Следует обратить внимание на несколько интересных связей между этими типами. Во-первых, для них можно установить порядок *напряжения*, который можно приблизительно указать на клетках 3, 1, 2 и 4, следуя сверху вниз. Этот порядок может, однако изменяться, если центр тяжести переносится на ответственность за социальную систему, то есть акцент делается на ориентации на коллектив.

Таблица 3г

Типы ценностно-ориентационных компонентов в диспозиции потребностей (установок) личности

	Аффективность	
	УНИВЕРСАЛИЗМ	ПАРТИКУЛЯРИЗМ
Рецептивно-респонсивный блок → Аскриптивность КОНКРЕТНОСТЬ Достижение	1 Расположенность к восприятию и предоставлению конкретных удовлетворений любому члену класса объектов, выделенных на основании качеств	2 Расположенность к восприятию и предоставлению конкретных удовлетворений во взаимных отношениях с отдельным объектом, обладающим конкретными качествами
	3 Расположенность к восприятию и предоставлению конкретных удовлетворений любому объекту из класса, характеризующегося определенным типом деятельности	4 Расположенность к восприятию и предоставлению конкретных удовлетворений во взаимодействии с отдельным объектом на основании общей деятельности
Аскрипция ДИФФУЗНОСТЬ Достижение	9 Расположенность любить и быть любимым лицом, принадлежащим к классу, определяемому конкретными качествами	10 Расположенность любить отдельный объект в силу конкретных его качеств и быть любимым им
	11 Расположенность любить любой объект, соответствующий определенным стандартам деятельности, и быть любимым им	12 Расположенность любить отдельный объект за конкретные перспективы и результаты его деятельности и быть любимым им
Блок любви →		

Таблица 3г (продолжение)

	Нейтральность	
	УНИВЕРСАЛИЗМ	ПАРТИКУЛЯРИЗМ
← Блок одобрения Аскрипция КОНКРЕТНОСТЬ	5 Расположенность одобрять объекты, обладающие или имеющие в своей основе определенные конкретные качества, и получать их одобрение	6 Расположенность одобрять отдельный объект, находящийся с *эго* во взаимных отношениях, основанных на конкретных качествах, и получать его одобрение
Достижение	7 Расположенность одобрять любой класс объектов, выделенных по результатам и способностям к определенной деятельности, и получать их одобрение	8 Расположенность одобрять отдельный объект, находящийся в отношениях с *эго* на основании конкретной совместной деятельности, и получать его одобрение
Аскрипция ДИФФУЗНОСТЬ	13 Расположенность уважать любой объект, обладающий определенными качествами, и желание уважения с его стороны	14 Расположенность уважать отдельный объект за обладание конкретными качествами и желание уважения с его стороны
Достижение ← Блок уважения	15 Расположенность уважать любой объект, конформный к данным стандартам, и желание уважения с его стороны	16 Расположенность уважать отдельный объект на основании данных видов и перспектив деятельности и желание уважения с его стороны

Тогда оказывается, что существуют две пары. Клетки 2 и 3 ставят акцент на этой ответственности, потому что система **как таковая** находится здесь в центре внимания. Клетки же 1 и 4 стремятся к большей *индивидуалистичности*, но есть множество различных типов этих двух общих случаев. В первом случае мы имеем перед собой *индивидуализм* достижения цели, который не включен в партикуляристическую связь, как в клетке 2, где подчеркивание достижения препятствует подчинению единицы, которая к этому достижению стремится какой бы то ни было системе, а аскриптивный акцент на абсолютно идеальном отсутствует. Для клетки же 4 индивидуализм сфокусирован экспрессивно, т. к. он должен занять место в контексте, который рассматривается как данный.

Отношения такого характера будут рассмотрены нами ниже. Сейчас же для нас весьма существенно поместить эти

культурные идеальные стандарты в их **адаптивный** контекст в связи с функциональными проблемами социальных систем. В общем дифференциация социальных систем на типы сопровождается дифференциацией такого рода культурных ценностных стандартов, но это можно утверждать только в **самом общем смысле.** Реальные социальные структуры — это не типы ценностных стандартов, а **результаты интеграции** ценностных стандартов с другими компонентами социальной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

(1) Конечно, некоторые ярко выраженные ориентации не требуют **возмещения**, например, **герой** может быть **культивирован** его поклонниками без осознания ими этого факта.

(2) Проблема интерпретаций амбивалентных ориентаций относительно одного и того же объекта представляет трудности, на которых мы остановимся в главе 7.

(3) Степенью интеграции катективного интереса со стандартами экспрессивного символизма можно пренебречь с точки зрения последующего анализа. В целом мы будем предполагать такую интеграцию и вести анализ на уровне ориентации действия.

(4) Для того, чтобы учесть интеграцию такого стандарта взаимодействия, необходимо, по-видимому, предположить институционализацию **общего** стандарта экспрессивного символизма, — общего для служащего и его клиентов; стандарт этот должен быть интернализован личностью служащего. Следовательно, инструментальная ориентация последнего, для того чтобы она «дошла до сознания» и воспроизводилась, должна находиться внутри матрицы таких ценностных ориентаций.

(5) Очевидно, что изложенная здесь концепция стандартов определения социальной морали и солидарности в этом смысле соответствует самнеровскому понятию **норм** и дюркгеймовскому понятию **морального принуждения**.

Глава 4
Структура **социальной системы**: инвариантные точки отсчета структурной дифференциации и **вариации** обществ

Предыдущая глава продвинула нас на шаг вперед в понимании действующей социальной системы. Рассмотрение наиболее элементарных компонентов такой системы было сделано в главе 2 (в п.3): было показано, как эти элементарные компоненты могут быть организованы в комплексы и коллективы по отношениям и как структура этих комплексов может отличаться в зависимости от главных центров кристаллизации социальной системы. Задача данной главы состоит в том, чтобы показать, как, в свою очередь, эти подсистемы создают более сложные социальные системы, чтобы подойти к (тому) уровню конкретности, с которым имеют дело социологи-эмпирики.

Предметом рассмотрения будет общество, определенное выше как социальная система, самовосстанавливающаяся в потенции или **в принципе**. Это существенно, потому что проблемы дифференциации общей системы анализируются на основе схемы определения общества. Однако результаты анализа могут быть применимы к любой частной социальной системе в том случае, если она достаточно хорошо вписывается в общество, частью которого она является, и определены ее границы относительно остальных частей общества.

Мы начнем, однако, с анализа другой системы точек отсчета, — функциональных центров структурной дифференциации социальной системы. Эти точки отсчета могут рассматриваться как производные, на требуемом уровне конкретности, от тех точек отсчета, используемых для ана-

лиза ориентации действия, которыми мы оперировали выше. Одновременно будут прослежены многие конкретные связи с теми проблемами социальной системы, которые были проанализированы ранее.

I. Центры кристаллизации социальной структуры

Социальная система является относительно своих структурно значимых компонентов дифференцированной системой. Для наших целей достаточно предположить, что дифференцированными единицами структуры являются те, о которых так много уже было сказано выше, а именно: роли плюс значения объекта для актора, а также модели его ориентации. Следовательно, основной центр нашего анализа системы как системы дифференцированной — это тот способ, которым дифференцируются роли внутри системы. Кроме того, поскольку роли включают инструментальные ориентации, для них должны быть благоприятные условия, а поскольку они включают экспрессивные ориентации — вознаграждения.

Дифференциация социальной системы может в этом случае быть рассмотрена в двух основных направлениях. Во-первых, она предстает как система дифференцированных ролей. В этом случае должны быть проанализированы типы, из которых она состоит, их размещение внутри социальной системы и то, как они интегрированы между собой. Это и есть социальная структура в самом узком смысле этого понятия. Во-вторых, как бы жестко ни была задана структура ролей, мы должны анализировать процессы распределения **подвижных** элементов между статусами и ролями. Этот процесс локализации значимых объектов внутри ролевой системы может быть назван **распределением** (1). Имеется три контекста проблемы распределения, которые мы рассмотрим: 1) распределение личностей, то есть акторов, между ролями; 2) распределение преимуществ; и 3) распределение вознаграждений. Две последние проблемы в некоторых задачах могут рассматриваться вместе как составляющие проблемы распределения объектов обладания. Каждая из этих проблем будет обсуждена в свою очередь, но сначала нужно сказать несколько слов об общем значении распределений как таковых.

Распределение является, по существу, экономическим понятием и используется здесь в связи с экономическим аспектом социальной системы, но отчасти и в более широком значении, чем обычно это бывает в экономических науках. Основным понятием является дилемма дефицита, который существует всегда по сравнению с потребностями. Это, в свою очередь, вариант еще более общей дилеммы: **желания съесть пирог и одновременно желание его иметь**, что является проявлением несовместимости двух и более явлений, с некоторой точки зрения одинаково желаемых. Самыми очевидными случаями распределения являются те количественно определяемые единицы, которые должны быть как-то поделены между требованиями, а также между претендентами. Деньги, конечно, типичный случай, когда на вопрос «сколько?» имеется недвусмысленный ответ. Но даже там, где квантификация выражается только ранжированием, по существу, возникает та же самая проблема.

Распределение разных видов ролей внутри социальной системы отличается от трех проблем распределения **подвижных элементов** в системе. Имеется, однако, локальный аспект этого распределения, который, в известном отношении, является внешним для других трех видов распределения. Роли, с точки зрения функционирования социальной системы, есть первичные механизмы, посредством которых обеспечиваются функционально важные предпосылки систем. Здесь наблюдается тот же самый порядок связи между ролями и функциями в социальных системах, какой имеется между органами и функциями в организме. За некоторыми исключениями, не наблюдается жесткого ограничения количества ролей, которые должны быть распределены между претендентами на них.

Однако, если роль предназначена для того, чтобы выполнять необходимые функции в социальной системе, она должна адаптироваться к способностям и потребностям исполнителей. Структура роли должна адаптироваться к таким условиям как возможность одного и того же индивида включать данный набор ролей в свою собственную деятельность. Речь идет, например, о временных ограничениях, требованиях географической локальности видов деятель-

ности, психологической совместимости, а также требованиях от исполнителя одной и той же роли и решительного действия, и рефлексии.

Соблюдение таких условий для выполнения функций, значимых в системе, необходимо, чтобы система начала осуществляться в популяции, которая входит в эту систему посредством принятия на себя ролей: она должна, как отмечалось, адаптироваться к человеческому материалу. Но именно потому, что в социальных системах больших масштабов сама ролевая структура является наиболее стабильным элементом, в большинстве случаев наиболее удобно рассматривать структуру ролей как главную точку отсчета при анализе трех различаемых нами локализационных процессов.

Есть специфическое ограничение, касающееся содержания ролей, распределяемых между индивидами. В данной социальной системе, с данным типом и уровнем дифференциации, даже если функции роли специализированы социальной системой, в одной системе не смогут одновременно «уживаться» роли определенных видов. Имеется очевидное различие между типами таких ролей. Если, как это наблюдается эмпирически, социализация проводится преимущественно в системе родства, то обязательно есть место для стольких материнских ролей, сколько есть супружеских семейных пар в обществе, в целом приближающееся к количеству всех взрослых пар; иначе говоря, любая взрослая женщина будет годиться на роль матери. Но на другом полюсе могут находиться некоторые типы ролей, которые в том же самом обществе должны быть в чрезвычайно ограниченных количествах. Наиболее существенными из них являются два типа ролей. Во-первых, тип роли, которая близка к вершине на шкале ответственности или престижа, или того и другого вместе — например, может быть только один президент Соединенных Штатов (в данный момент); во-вторых, роли, чрезвычайно специализированные в другом отношении, поскольку имеются строгие ограничения на «рынке» соответствующих продуктов или услуг. Примером может быть роль физика-теоретика.

Существование в одном обществе различных типов ролей, распределенных среди населения разными способами, ограничено, конечно, их взаимной совместимостью в системе, независимо от того, сглаживают ли они конфликт или создают его. Это, однако, проблема интеграции, а не размещения ролей в социальной структуре.

Мы отмечали, что это распределение типов ролей является основой структуры социальной системы как системы. Эта структура описывается ответами на такие вопросы: какого типа роли составляют ее? в каких пропорциях и как они распределены в наборах? Но для развития концепции социальной системы в высшей степени важно увязать эту ролевую структуру с проблемами распределения в социальной системе.

Первая из них — локализация индивидов (2). С точки зрения теории личности, роли как бы локализованы в акторах. Но с точки зрения социальной системы главная проблема распределения состоит, наоборот, в регулировании потока индивидов внутри системы ролей. Возможно, конечно, что эти два процесса будут совпадать при становлении новой социальной структуры. Но период жизни больших, стабильных социальных структур явно превышает период жизни индивида или той ее части, в течение которой индивид способен выполнять данную роль. Социальные структуры, даже относительно устойчивые, тоже изменяются, но ритм и периодичность их изменений не совпадают с изменениями, происходящими в течение цикла жизни индивида. С точки зрения действующей социальной системы должен, следовательно, иметь место непрерывный процесс перемещения личностей в ролях социальной системы. Для поддержания (системы) важно, конечно, чтобы все это не происходило одновременно, и так случается редко, но тем не менее эти процессы протекают постоянно.

Первое решение о направлении движения данного индивида касается, конечно, того, откуда он начнет двигаться. Во всех известных обществах это определяется тем фактом, что он — ребенок определенного пола, что как ребенок он родился в конкретной единице родства. Первоначальные критерии распределения, следовательно, по своей природе являются аскриптивными, т. е. обладающими определенными признаками возраста и пола, которые не могут быть изменены, и другими, относительными, связанными с их членством в определенной единице родства. Вот почему аскрипция по родству должна всегда учитываться при постановке эмпирической проблемы.

В отдельных случаях во всех обществах, а в некоторых обществах — в подавляющем числе случаев, статус по рождению остается критерием локализации в течение всего периода жизни индивида. Но в некоторых подсистемах общества, которые функционально в высшей степени значимы, всегда происходит ряд изменений статуса в течение жизни. Последовательность изменений иногда может, а иногда не может быть аскриптивно предопределена, т. е. могут иметься сферы выбора в тех случаях, когда процессы распределения проходят по стадиям.

Кроме механизма автоматического придания статусов и роли по рождению, что является типичным случаем, имеются две другие принципиально важные возможности. Первая — это локализация по эксплицитному решению других членов, что обычно называют системой назначения.

Вторая возможность — распределение как результат неуправляемого селективного процесса. Такой селективный процесс может быть в большей или меньшей степени конкурентным. В первый подтип автоматически попадают те, кому «повезло» достигнуть определенного положения. В другом подтипе актор добивается ролевого статуса как конечной цели целенаправленных усилий, и для того, чтобы достигнуть этой цели, он должен победить своих конкурентов. Типичный случай последнего подтипа, который может быть назван конкурентным распределением, представляет, конечно, процесс экономической конкуренции в рыночной ситуации.

Все эти три типа широко включаются в социальные системы и встречаются в различных комбинациях. Распределение по назначению обычно сочетается с процессами выбора в том смысле, что назначаются те, кто пригоден для этого по некоторым критериям. Соответствие критериям может быть, а может и не быть достигнуто путем преодоления конкуренции. Можно утверждать, что верховное правительство должно назначаться из видных бизнесменов, однако было бы чрезвычайно маловероятно, чтобы любой из них стал видным бизнесменом для того, чтобы соответствовать такого рода назначению. С другой стороны, несомненно, самые способные студенты добиваются степени доктора философии по крайней мере отчасти для того, чтобы получить определенного рода академическую или исследовательскую должность.

Анализ того, что было названо гоббсовской проблемой порядка, убедительно показывает, что конкурентное распределение не может действовать без институционализации ряда норм, определяющих пределы законного действия, в частности, учитывая и закон средств, примененных для достижения цели. И распределение по назначению, и селективная локализация связаны с преобладанием ориентации на достижение, а не аскриптивной. **Право назначать** может действительно рассматриваться как дальнейшая спецификация управления конкуренцией через нормы. **Право вступить в должность** часто должно гарантировать наибольшее из возможных приближение к норме достижений. Но оба типа распределения разными способами открывают возможности обойти данный селективный критерий при конкуренции с помощью «лазеек» в системе регулятивных норм и их принудительного действия. В распределении по назначению часто к этому побуждает незаконное действие назначающих властей (являющихся, конечно, отражением **давления**).

Преимущества (льготы), как было упомянуто в предыдущей главе, являются качествами, которые важны как средства к достижению целей инструментальной ориентации. Критериям преимуществ, следовательно, присуща способность передаваться от актора (индивидуального или коллективного) к актору, и здесь релевантна именно инстументальная ориентация. Передаваемость ролей дает возможность отделить их от модальности актора как самостоятельного объекта; ни качествам актора, ни его деятельности не свойственна передаваемость — они всегда принадлежат только ему. Необходимо также делать различие между преимуществами и вознаграждениями. Вознаграждения могут быть или не быть объектами обладания, каковыми являются и преимущества, но в другом аспекте. Однако в любом случае важно теоретически их различать. Вознаграждения должны пониматься как элемент комплекса экспрессивного символизма, но не как часть инструментального комплекса средств для достижения цели. Объект владения определяется как единица, которая передается от одного актора к другому и может сменить владельца в процессе обмена. Эта единица, объект владения, является всегда правом или множеством прав. Иными словами, это система ожиданий, связанных с социальным поведением и установками, и она ни-

когда не является физическим объектом, но всегда заключается в **правах** на физические, социальные или культурные объекты, правах на использование или контроль за их употреблением. Самое маленькое право *эго* предполагает негативно обязанности *другого*, удерживающие его от вмешательства в использование индивидом (*эго*) объектов его владения, иногда право может пойти в направлении требования от *другого*, положительного действия, такого, как отказ от любого способа контроля, который тогда **полноправно принадлежит** *эго*.

Известно, что физические объекты «меняют владельцев», но для социальной системы важно не данное, а производное от него явление. В бесчисленных случаях **переход** объектов обладания в физическом смысле не есть смена владельца, меняет владельца только символический знак, например, «клочок бумаги». Это верно даже и в отношении прав на физические объекты: например, в случае с землей, где объект **остается неподвижным**, и меняется только отношение к нему **прежнего владельца** с одной стороны, и нового — с другой. Однако большинство самых важных объектов обладания вообще являются не физическими, а культурными объектами, например, книга, написанная автором. Другой чрезвычайно важный вид обладания — обладание, объектом которого являются отношения. Под этим имеется в виду занимаемые положения в социальной системе, которым принадлежат определенные преимущества и от которых можно отказаться в пользу другого. Объектом обладания может быть право на выбор статусов — например работы — или требование услуг от другого.

Каждая социальная система должна иметь механизмы распределения объектов обладания, составляющих преимущества, потому что обладание ими желательно, и предложение их обычно ограничено по сравнению с потребностями. Следующий вопрос касается источников этого дефицита и значения этих явлений для социальной системы. Для наших целей удобно классифицировать эти источники на те, которые связаны с отношениями, и те, которые не связаны с отношениями.

Не связанные с отношениями источники дефицита не свойственны социальной системе как таковой. Это, например, физические и биологические пределы наличия физических объектов или возможности их получения, т. е. их стоимость в экономическом смысле слова. Таким образом, предложение зданий, машин и т.п. ограничено из-за их стоимости. Все эти вопросы настолько полно рассмотрены в экономической литературе, что нет необходимости здесь останавливаться на этом.

Подобные соображения применимы и для определенного вида обладания объектами культуры, которые также могут иметь значение как преимущества. Так, специальные технические знания приобретаются часто не только трудом, но, кроме того, и благодаря доступности таких благоприятных условий, как услуги учителей, различного рода оборудование, книги. Если такие знания могут быть получены либо могут стать более эффективными только за счет использования подобных льгот, обладатель специальных знаний может приобрести права на них как на объект владения, например, право на использование академической степени, которая может быть необходимой для работы в данной профессии.

Промежуточный случай состоит в том, что физические объекты обладания не способны увеличиваться и, следовательно, их невозможно создавать для любого случая. Самый обычный пример — пространство на поверхности земли. Отдельные участки, например, места городских деловых построек должны быть размещены на заранее данной площади, что ограничивает количество конкурентов. То же самое справедливо для временны́х ограничений. Ограниченность человеческой жизни вынуждает человека постоянно **искать** и **находить время**, чтобы сделать все, что он хотел бы сделать. Эти два исходных пункта внутренних ограничений сами по себе способны опровергнуть мнение, будто мы находимся на пороге «экономического процветания», где дефицит в экономическом смысле становится в принципе бессмыслицей.

Самое основное ограничение, однако, непосредственно связано со свободой действия, которая, в отличие от пространственных и временны́х ограничений, имеет отнюдь не косвенный характер. Ограничения, связанные с отношениями, основываются на явлении, внутренне присущем природе социального взаимодействия, в котором удовлетворение потребностей-склонностей *эго* вторгается в простран-

ство действия *другого*, и наоборот. Система действия каждого актора есть конечная система ограниченных возможностей. Поэтому *другой*, по природе вещей, не может сделать всего, чего *эго* может хотеть от него, и наоборот. Объекты обладания, связанные с отношениями в смысле права любого актора рассчитывать на некоторые действия (или установки) других, должны, по характеру вещей, быть смоделированы как система. Каждый актор должен распределить свои действия, являющиеся значимыми для других, учитывая различные требования и типы действия, а также возможности, и организация такого распределения должна быть взаимной. *Эго*, например, не может работать — в значении занятия, профессиональной роли — при неопределенном количество клиентов или сотрудников. То обстоятельство, что ему приходится выбирать, обусловливает, в свою очередь, факт, что не все *другие*, кому хотелось бы пользоваться услугами, могут получить их.

Поскольку это связано с проблемой распределения преимуществ, эту проблему, связанную с порядком отношений, мы будем называть, следуя Гоббсу, проблемой влияния. В данном случае применим один из вариантов известного гоббсовского определения влияния: влияние — это средство, способствующее получению человеком благ в будущем. Добавим, что указанные средства определяют влияние лишь в той мере, в какой эти средства зависят от его (индивида) отношения к другим акторам: влияние корректируется обязательством *другого* уважать права *эго*. Следовательно, всякое обладание преимуществами есть обладание знанием, ибо оно предполагает, по крайней мере в известном смысле, контроль над действиями *других* или хотя бы возможность рассчитывать на их невмешательство. Здесь полностью изчезает граница между негативным аспектом влияния и его позитивным аспектом, т. е. *эго* может влиять на действие *других* в интересах достижения своей позитивной цели, рассчитывая не только на ожидаемое невмешательство.

Влияние и его основы могут быть в высшей степени конкретными и партикуляристскими. Так, из обладания участком земли не обязательно могут вытекать социальные последствия, такие, как **стремление к незаконному нарушению границ** (землевладения). Но значение влияния в социальной системе, кроме институционализации прав на частные владения, зависит еще и от фактического наличия его и, как следствие этого, измеримости. Эта общепризнанность и измеримость в высшей степени различны в различных социальных системах. По-видимому, это зависит прежде всего от трех условий. Первое условие — проблема взаимообмена во всех системах дифференцированных ролей. Чем выше степень дифференциации ролевой системы, тем более широкой должна становиться сеть отношений обмена, более того, должны происходить процессы закрепления символов за обладателями различных ролей. В процессе закрепления символов усиливается использование влияний, а следовательно, их значение для достижения целей. Это еще один способ выражения того факта, что характеру обладаний, включая и обладания преимуществами, внутренне присуща связь с отношениями. Значение влияния для реализации любой данной целевой ориентации одного или более акторов в социальной системе зависит от развитости системы, имеющихся в ней действительных или потенциальных отношений обмена, посредством которых оно (влияние) распространяется.

Второе условие — сфера действия универсалистских ориентаций в социальной системе. Сфера действия этих ориентаций и развитие ролевой дифференциации внутренне связаны. Чем обширнее связанный с отношениями контекст инструментальной ориентации, в котором свободно происходят процессы обмена, и, следовательно, может возникать целевое функциональное значение, тем более важно, чтобы эти процессы управлялись общими нормами, которые выходили бы в своем действии за пределы партикуляризма любого конкретного ряда взаимоотношений, в рамках которых они действуют. Это единственное условие ограничения пределов обмена, при котором ограниченность дифференциации ролей может быть преодолена сама по себе. Чем более силен партикуляризм институциональной структуры, тем больше существует барьеров для распространения влияния *эго* на *других*, вне тех частных связей непосредственного окружения, в которых он находится. Разрушение партикуляристских связей является первым условием расширения системы влияния. Однако это само по себе приводит к нестабильности, которую можно преодолеть только либо

возвратом к партикуляристским ограничениям, либо институционализацией универсалистских норм.

Третье условие может быть названо степенью эффективности или **действенности** средств. Всякая институционализация отношений обмена включает, как было отмечено в предыдущей главе, определение законных пределов выбора средств. Функциональная основа необходимости такой институционализации состоит в том, что использование некоторых средств может дать эго «слишком много влияния» в том смысле, что независимо от своего непосредственного влияния он может добиваться своих целей косвенно также и через *других*. В индивидуальных отношениях обмена имеются два вышеуказанных вида средств, которые являются главными в институциональном регулировании, — обман и сила (power). Гоббсовский анализ в классическом виде показывает, почему их использование в неурегулированной форме привело бы к «войне всех против всех». Имеется, однако, и третья, в равной степени важная проблема, связанная с контролем организации, т. к. достижение очень многих целей возможно лишь с помощью организации и было бы немыслимо без нее. Главным образом, это, конечно, верно в отношении использования силы (3). Сущность проблемы состоит в том, что влияние всегда может увеличиваться в короткий период времени по мере роста степени действенности средств. Однако, конечно, поскольку влияние, будучи связанным с отношениями, является по определению относительным, *эго* может усиливать свое влияние, прибегая ко все более действенным средствам, пока *другой* не предпринял «контрмеры», пустив в ход соответствующие средства со своей стороны. В этом взаимном обращении ко все более действенным средствам лежит источник борьбы за влияние и того, что эта борьба часто приобретает характер порочного круга. Только при действии некоторого рода контроля над конфронтирующими сторонами может быть разрушен этот порочный круг.

Общепринятость и измеримость влияния в социальных системах, по-видимому, встречаются в двух основных взаимозависимых, но различных формах или направлениях, которые могут быть названы соответственно экономической и политической. Экономическая форма влияния состоит в определении пределов реальных и потенциально возможных отношений обмена и, следовательно, границ сферы выбора любым актором в том, что касается приобретения и распределения прав на обладание преимуществами и, конечно, на вознаграждения, поскольку они могут быть отчуждаемыми. Эта общепринятость возможна только при относительно четко определенных условиях, оборотная сторона которых заключается преимущественно в **освобождении** контекста обмена от диффузных и партикуляристских элементов. В этом случае критерии инструментальной эффективности могли бы приобрести первостепенное значение. В то же время положительная сторона выразилась бы в институционализации ограничений на использование средств для получения преимуществ, которые могли бы подрывать систему обмена действием, таких, как **обман, сила** и **злоупотребление** (определяемое в соответствующих функциональных понятиях) посредством контроля организации. Для этого ситуация использования экономического влияния должна быть определена конкретно, а не диффузно.

Влияние, которое распространяется через разветвленную систему обмена и в то же время строго ограничено по масштабам проявления, является экономическим, или влиянием «покупательной способности». Потенциальная сфера (влияния), конечно, сильно расширяется при появлении денег, которые рассматриваются как символическое выражение покупательной способности и являются фактически одной из самых значимых и важных символизаций человечества. Суть этой символизации состоит в том, что внутри строго определенных границ значимого для этого партикулярного переходного типа отношений обмена, некоторое количество денег может **представлять** или **обозначать** целый комплекс отдельных физических или культурных **благ** или релациональных **услуг** в обычных экономических понятиях.

Экономическое влияние частично определяется как культурное и оформляется благодаря институционализации денег, оно имеет отличительные свойства, которыми не обладает ни одно другое явление всей системы социального взаимодействия. Самое интересное из этих свойств в данном случае заключается в том, что они (деньги) могут, в необходимых пределах, рассматриваться линейно как количественный элемент или как переменный элемент в общем

равновесии социальных систем; возможно, единственная переменная величина из всех объектов владения, по которой можно их сравнивать, обладающая таким же обобщающим значением, — это собственность. Очевидно, такие понятия, как богатство и доход, можно рассматривать как конкретные случаи более общей категории экономического влияния.

Здесь мы обнаруживаем отличительную черту экономической теории как специального раздела теории социальных систем. Экономическая теория является концептуальной схемой, имеющей дело с явлением экономического влияния в выше указанном смысле, а также, в самом точном смысле, — с рядом взаимозависимостей, включенных в систему отношений, подобных влиянию в сфере экономики. В свою очередь, значение этих взаимозависимостей в процессах распределения преимуществ и индивидов внутри социальной системы должно быть ясно в свете предыдущего обсуждения.

Ясно также, что эмпирическая значимость экономической теории, в точном смысле слова, очень сильно зависит от типа социальной системы, к которой она применяется. Эта значимость зависит от масштаба отношений обмена, в которой закрепление символов может происходить независимо от институционализационных переменных социальной системы и политического влияния. Эти взаимоотношения должны действовать в рамках регулирующих институтов, которые и усиливают степень освобождения от партикуляризма и диффузности, что является предпосылкой независимости экономических точек зрения в ориентации и обеспечивает соблюдение ограничений выбора целей и средств, предотвращая превращение экономических проблем в политические. По мере выполнения этих условий экономическая теория утрачивает свое независимое значение в качестве поясняющей схемы. Ее значимость, следовательно, может быть сведена к сфере, где действительно происходит то, что правомерно называть в мотивационных терминах **экономизация**, а при отсутствии вышеперечисленных условий эта сфера очень узка. Но и в таком случае экономическая теория может иметь значение как правило функциональной интерпретации. Действие, следовательно, как бы оно ни было ориентировано, может иметь еще и экономические последствия, относящиеся к распределению преимущества в социальной системе. Анализ значения этих последствий в терминах социальной системы, рассматриваемой в качестве гипотетической **экономики**, может иметь все еще очень большое значение.

Второе направление генерализации и количественной измеримости влияний может быть названо политическим. Предел отношений обмена, на которые можно потенциально распространить «влияние», имеет здесь такое же значение, как и в случае с *влиянием* экономическим. Но «политическое влияние» отличается масштабом всего того, что входит в его определение и использование. Экономическое влияние основывается на обладании средствами (использование этого термина в таких выражениях, как «человек есть средство», является существенным), которые можно применить для максимизации преимуществ в сфере альтернативно возможных отношений обмена, при очень строгом определении условий, уравновешивающих преимущества. Политическое влияние, с другой стороны, распространяется посредством расширения значения всего, что связано с отношениями контекста данной цели. На уровне такого релационального контекста политическое влияние — это возможность контролировать всю систему отношений, является ли она строго организованной или диффузной, менее интегрированной системой.

Принципы генерализации политического влияния, таким образом, заключаются в охвате им все более и более обширных систем отношений, которые должны быть интегрированы в системы и подсистемы управления. В то время как структура экономического влияния является линейно измеримой, по критерию больше-меньше, политическое влияние является иерархическим, т. е. предполагает более высокие и менее высокие уровни. Более сильное влияние — это влияние вышестоящего на нижестоящего, а не просто большее влияние его по сравнению с влиянием нижестоящего. Политическое влияние связано с отношениями и зависит не от числа потенциальных партнеров по обмену, а непосредственно от самих отношений. Возможен и способ проявления диффузности политического влияния, состоящий в мобилизации всего контекста отношений для достижения данной цели.

Диффузный характер политического влияния объясняет необходимость контроля эффективности средств. Поскольку способность использовать силу в связи с определенной территорией является одним из главных центров влияния в указанном смысле, то контроль за использованием и организацией силы на данной территории является важным моментом системы политического влияния, в некотором смысле решающим. Это то, что обеспечивает решающие позиции в системе влияний сложного общества. Контроль, в свою очередь, является функциональной необходимостью для организации системы влияния в связи с силой и территорией, которая обеспечивает контрольные механизмы организации управления, ее стратегическое положение в борьбе влияний.

Эти рассуждения проливают некоторый свет на проблемы статуса политической науки как дисциплины, которая будет рассмотрена в последней главе. Ни влияние в политическом смысле слова, ни действие правительства как подсистемы социальной системы не могут быть рассмотрены в терминах конкретной концептуальной схемы того или иного рода, как это имеет место в экономической теории, потому что политическая проблема социальной системы является центром интеграции всех ее аналитически различимых компонентов, а не только особо дифференцированным типом этих компонентов. Политическая наука, таким образом имеет тенденцию быть наукой синтетической, а не построенной вокруг аналитической теории, как, например, экономика.

В заключение мы можем снова повторить, что генерализация влияния в экономическом плане зависит от институционализации универсалистских и функционально конкретных институтов, которые являются преимущественно регулятивными институтами. Институционализация экономического влияния сосредоточивается на поддержании условий такой генерализации, с одной стороны, а с другой — на обособлении этого влияния от других компонентов системы преимуществ, прежде всего от политического влияния. Институционализация предполагает предотвращение сильной концентрации экономического влияния в руках лиц, «облеченных властью», как предпосылки для использования в этой сфере политического влияния. Политическому влиянию, с другой стороны, свойственна диффузность, увеличивающаяся по мере возрастания сферы релационального контекста, которую оно охватывает своим регулированием. Его генерализация зависит, однако, от уровня универсализма. Проблема контроля политического влияния является прежде всего проблемой интеграции, превращения влияния индивидов и субколлективов в согласованную систему узаконенной власти, где влияние растворяется в коллективной ответственности.

Под вознаграждениями мы понимаем те передаваемые объекты владения, которые желательны для актора как предметы непосредственного удовлетворения. Обладание объектом является преимуществом, если ориентация актора на него преимущественно инструментальная (т. е. он сам по себе не является конечной целью). Он является вознаграждением, поскольку актор ориентирован на него преимущественно экспрессивно (в этом его основной интерес). Это означает, что если *эго* заинтересован в *другом*, потому что заинтересовавший его объект — это преимущество, которое может быть получено от *другого*, ориентация на *другого* должна рассматриваться как инструментальная. Только если *другой* сам является таким объектом, она (ориентация) эксперессивна. Отношение *эго* к *другому* как к средству для достижения цели, например, к матери как источнику пищи, является тем отношением, в котором права на *другого* определяются как преимущества. Этот пример показывает фундаментальный характер взаимозависимости людей друг от друга в инструментальном контексте.

Все виды объектов, как самих по себе, так и функционирующих в качестве вознаграждений, и проблемы распределения прав на обладание ими могут включаться в любой из процессов распределения в социальной системе. Это очевидная истина, если речь идет о предметах широкого потребления в терминах экономики. Такие товары являются катектическими объектами по их значению в процессе удовлетворения спроса, они же являются и экспрессивными символами. В качестве последних они используются для демонстрации конформности с оценочными стандартами, а также и в своей непосредственной роли — объектов, удовлетворяющих системы потребностей. Это проявляется прежде всего в том, что многие физические артефакты более значи-

мы как культурные, а не как чисто физические объекты, потому что они более важны как показатели стиля, чем в любом другом качестве.

Примером может быть стиль в одежде или меблировка дома. Но такое же, как в случае с преимуществами, а может быть, даже еще более важное значение придается тому аспекту вознаграждений, который связан с отношениями. Точно так же как реакция *другого* на действия *эго* может иметь чисто инструментальное значение, т. е. помогать или препятствовать достижению его целей, они могут иметь и чисто экспрессивное значение, когда *другой* рассматривается как объект. Мы видели в предыдущей главе, что генерализация происходит по критерию катексиса одного актора с учетом установок *другого*. Это предполагает стабильные ожидания обеих сторон, что действия их по отношению друг к другу будут соответствовать определенной норме. Там, где катексис позитивен, он основывается на *привязанности*, а там, где имеется общий оценочный стандарт экспрессивного символизма, мы говорим об отношениях **лояльности** между *эго* и *другим*.

Ожидание, что *другой* будет следовать норме установки, за исключением оценочного поведения, означает, что он может рассматриваться как релациональный объект обладания *эго*. Ему свойственна подвижность, элемент случайности в том смысле, что любая из сторон может **лишить** своей лояльности другую, если ее ожидания не осуществились (или по другим мотивам). Осуществление ожиданий *другим*, следовательно, может быть для *эго* только относительным и не является внутренним свойством его ситуации. И вообще, большая часть отношений акторов может переноситься с одного партнера на другого.

Это верно прежде всего потому, что с некоторой точки зрения катексис любого актора является результатом выбора из возможностей. Имплицитно, если не эксплицитно, всегда имеется неравенство в лояльности взаимоотношений, а именно: «Я более лоялен к А, чем к Б, потому что поразному оцениваю их относительную значимость для меня». Эта оценка может быть и чисто партикуляристской, например, «из-за того, что А — моя мать, в то время как Б — только лишь кузен», но может основываться и на том, что А занимает более высокое место по универсалистскому стандарту оценки, чем Б: например, имеет более высокий уровень технической компетенции в соответствующей области. Однако в любом случае эта дифференцирующая оценка является как бы внешней стороной личной лояльности, т. е. личная лояльность *эго* является основой сохранения его позиций в соответствии с оценочным критериями.

Таким образом, обладание релациональным вознаграждением становится предметом распределения так же, как и обладание преимуществом, т. е. осуществляется через влияние и другие аналогичные способы. Условия, при которых *эго* имеет право на определенное проявление лояльности со стороны *другого*, не могут оставаться неструктурированными и неупорядоченными. Действительно, имея в виду решающее значение для социальной системы взаимной ориентации во взаимодействии *эго* и *другого*, можно сказать, что релациональные вознаграждения являются ядром всей системы вознаграждений в обществе. Первый принцип организации этой системы состоит в институционализации обладаний самими объектами релационального вознаграждения. Таким образом, физические и культурные объекты вознаграждений начинают выстраиваться в интегрированную систему вознаграждений, в первую очередь, благодаря их символическим ассоциациям с релациональными вознаграждениями, т. е. на уровне экспрессивного символизма (4).

Прежде чем продолжить рассуждения об этой интеграции, следует ответить на вопрос: имеется ли какая-либо основа генерализации и количественной измеримости в системе вознаграждения, сравнимая с подобной основой в системе преимуществ. Возникает, следовательно, вопрос об основании классификации объектов вознаграждения, связанных с отношениями.

Это в то же время и проблема классификации основных типов привязанностей, а, следовательно, и лояльности. Поскольку они глубоко включены в фундаментальную структуру установок личности, будет, по-видимому, справедливо взять в качестве основы такой классификации два типа переменных: *аффективность — нейтральность* и *конкретность — диффузность*. Это, как было намечено в предыдущей главе, представляется в следующей четырехклеточной таблице (см. табл. 4).

Таблица 4

Инвариантные точки отсчета для социальной структуры

	Конкретность	Диффузность
Аффективность	Рецептивность-Респонсивность	Любовь
Нейтральность	Одобрение	Уважение

Основы этой классификации были заложены в предыдущей главе при рассмотрении контекста экспрессивной ориентации действия, связанного с отношениями. Сделаем несколько замечаний по структуре системы вознаграждений.

По-видимому, существуют внутренние эмпирические связи между диффузной любовной привязанностью и партикуляризмом. Это означает, что посредством любви привязанности актора могут устанавливаться, вероятно, только в узком кругу людей, «близких» ему. Однако привязанность такого порядка может установиться, как мы наблюдали, при его интеграции с коллективом, включая очень большие, — типа нации. Очень важной особенностью такой привязанности к коллективу является то, что она не является основой дифференциации вознаграждения, каковой является членство в коллективе; хотя могут быть дифференцированные вознаграждения в виде статусов и других символически значимых вещей внутри коллектива, но все это не сравнимо со значением членства как такового. Более того, любовные привязанности превращаются в «обычное» дружелюбие, как только в них начинает преобладать обязанность, а еще более — из-за затухания чувства, однако быть другом — не самое значимое вознаграждение в большинстве ситуаций, с точки зрения личности.

Отношения *рецептивности* и *респонсивности* в конкретных экспрессивно значимых контекстах значительно легче поддаются генерализации. Действительно, благодаря своей конкретности они сравнимы в некоторых отношениях с нормами экономического обмена. Хорошо известно, конечно, что при определенных обстоятельствах взаимного эротического удовлетворения может быть использован и такой контекст, хотя он никогда не является главной нормой институционализации этого класса вознаграждений. Подобного же рода экспрессивно ориентированным действием мы можем называть отдых и развлечение. По всей вероятности, то, что обычно понимают под дружбой, возможно отнести к этой категории. Это своего рода оттенок развлечения в ориентации, которая принадлежит в основном уже к другому уровню.

В обществах с преимущественно экспрессивными ориентациями имеется вероятность того, что основной центр общей системы вознаграждения нужно искать на этом уровне (т. е. любви и рецептивности-респонсивности). В этом случае институционализация будет направлена к обозначению границ и объема обязанностей, включаемых в узаконенные любовные привязанности, а также к определению границы законности экспрессивных интересов и действий. В таком обществе следует ожидать развития искусства и разнообразия способов проведения досуга.

Однако значительно большие возможности генерализации обнаруживаются там, где центр перемещается с аффективности на аффективную нейтральность. По очевидным причинам вознаграждения в форме установок на *одобрение* и *уважение* будут более заметными в обществах и субсистемах общества, которые характеризуются ценностями универсализма или достижения, или того и другого вместе.

Существует интересная параллель между различением экономического и политического влияния, с одной стороны, и вознаграждений в виде одобрения и уважения, с другой. *Одобрение* является отношением, сконцентрированным на конкретном контексте — комплексе качеств или способе исполнения. Одобрение, следовательно, может в довольно высокой степени абстрагироваться от других свойств объекта. Мы можем одобрять или восхищаться компетентными действиями, хотя мы далеки от восхищения другими качествами данного человека. Вознаграждения-одобрения явно имеют большое значение в системе вознаграждения в обществе, в котором институционализированы ценности универсализма, достижения и которое отводит важное место ролям, определенным в этих терминах и в терминах их функциональных характеристик. Наибольшее отличие от экономического влияния заключается, однако, в том, что не существует количественной измеримости символических объектов одобрения, сравнимой с деньгами по простоте и отсутствию двусмысленности. Это одна из принципиальных

причин того, что деньги стремятся занять такой выдающийся статус в качестве символа одобрения качеств или достижений в соответствующих ситуациях. Это символ особого одобрения.

Уважение является наиболее близким аналогом политического влияния. Одобрением можно награждать, не имея ввиду при этом общепринятой ранговой шкалы. Уважение же из-за нечеткости своих элементов делает выделение частного контекста более трудным. Отсюда следует тенденция к иерархическому упорядочению по критерию уважения. Это иерархическое упорядочение мы можем назвать *престижем*, связанным с уважением, который помещает индивида в полностью упорядоченную систему дифференцированного оценивания.

Следовательно, имеется смысл в том, что все элементы системы вознаграждения, связанные с отношениями, интегрируются на основе системы ранжирования с точки зрения уважения, точно также как контроль над преимуществами упорядочивается в системе политического влияния. Эта система ранжирования на основе уважения является тем, что мы можем назвать стратификацией общества. Это общая результирующая многих частных оснований дифференцирующего оценивания. Объекты вознаграждения, не связанные с отношениями, естественно, должны интегрироваться с системой престижа в одном из аспектов своего значения, а именно как экспрессивные символы. Поэтому многие элементы **образа жизни** приобретают значение в другом отношении как символы престижа в системе стратификации.

Далее необходимо сформулировать одно общее положение. Аффективная нейтральность, вообще говоря, означает, как мы видели в предыдущей главе, преимущественность инструментальных или моральных ориентаций. В случае одобрения и уважения она должна означать преобладание последней, ввиду того, что только она (моральная ориентация) непосредственно значима для ориентаций экспрессивных. Это — важная основа для анализа места нравственных чувств в процессе институционализации систем распределения вознаграждений в обществах, именно поэтому Дюркгейм и Макс Вебер уделяли этой проблеме такое большое внимание. И аффективные, и аффективно нейтральные установки играют важную роль в системе санкционирования ролевых ориентаций. Данный анализ дает нам основу для выявления их места и их связи с инструментальным аспектом санкций.

Теперь мы можем возвратиться к интегративным аспектам функциональных проблем социальной системы. Они распадаются в соответствии с изложенным в предыдущей главе на два четко определенных класса. Первый включает проблемы негативного определения пределов допустимости **частных интересов**, или ориентаций **на себя** как отдельных акторов, так и субколлективов. Во второй входят проблемы институционализации позитивно интегративных функций социальной системы, рассматриваемой как коллектив, т. е. проблемы определения градаций ответственности, структурирования лидерства, включая руководящие и представительствующие роли.

Приступая к рассмотрению этих проблем, необходимо сначала вспомнить, что институционализация ролей — это сама по себе форма интеграции социальной системы. Это самый элементарный уровень соединения единиц. Теперь мы коснемся более высоких сфер интеграции — субинтеграций. Эта концепция **иерархии интеграций** может быть развита далее. Коллектив — это система ролей, интегрированных определенными способами, которые были рассмотрены в предыдущей главе. Но социальная система в одном из аспектов является системой, состоящей из субколлективов, связанных **опосредующими** нормами и механизмами. В то же самое время общество и многие, хотя и не все, типы частных социальных систем сами являются коллективами высокого уровня организации. Таким образом, нашей главной точкой отсчета должна быть общая природа коллектива и, следовательно, возможности ее дифференциации. И наоборот, проблемы общества сводятся к какому-то коллективу с соответствующими поправками на конкретные особенности общества как вида коллектива.

Первой основной интеграционной предпосылкой должны тогда быть ограничения на ориентации, связанные с частными интересами. Эти ограничения связаны с контекстом социальной системы как коллектива, ее функциональными проблемами. Они, в свою очередь, могут классифицироваться как проблемы регулирования процессов распределения, обеспечивающие общественные потребности.

В этом — центр тяжести того, что мы называли регулятивными институтами.

Проблема регулирования процессов распределения может быть детализирована на основе предыдущей классификации. Должна существовать регуляция тех процессов, с помощью которых сами роли и их взаимоотношения изменяются в системе. Только в редких случаях ролевая структура систем жестко фиксирована. Большинство социальных систем являются динамически изменяющимися либо в одних отношениях, либо в других. Однако сама возможность изменения еще не означает, что актор или группа акторов может **вводить новшества** путем переопределения своих ролей любым способом, каким они пожелают. Некоторые типы нововведений совместимы с устойчивостью социальной системы, в то время как другие — нет. Следовательно, институционализация норм узаконивания частного нововведения и переопределения ролей является одним из важнейших пунктов регулирования допустимости такого нововведения.

Второй контекст заключается в регулировании процессов распределения самих индивидов, проблема которого в том, что права человека превращаются в ролевые права и что люди перемещаются туда, где им **положено быть** по статусу. То же самое в общем нужно сказать и о регулировании распределения преимуществ и вознаграждений с учетом их соотношения с проблемой политического влияния и с проблемой престижа. Во всех трех контекстах проблема состоит не просто в сохранении «статус-кво», но и в институционализации регулирования нововведений. Это чрезвычайно тесно связано с регулированием того, что можно назвать конкурентным аспектом процессов распределения. Устойчивое равновесие чисто конкурентных ориентаций, безусловно, является, как показала экономическая теория, вполне возможным. Тем не менее такие системы взаимодействия, вероятно, должны быть более нестабильными, чем аскриптивный тип и, по-видимому, более неустойчивыми, чем системы, в которых действует **принцип по назначению** или **выбор по решению**. Точное предсказание того, как индивид, преимущество или вознаграждение проявятся, если их предоставить свободной конкуренции, может оказаться невозможным. Социальные системы, в которых такие процессы имеют место, следовательно, должны отличаться большой толерантностью к различию в доходах. В то же время разрушительный потенциал в таких системах настолько велик, что следует положить границы этому различию, пусть эти границы и будут довольно изменчивы. Вероятно, **индивидуалистическое** общество такого рода должно будет позволять значительные отклонения от любого эталона абстрактной **справедливости**.

Относительно любой или всех вышеуказанных проблем интеграции имеется ряд возможностей, касающихся того, как этот набор норм лимитирует допустимость определенных ориентаций, т. е. является ли система регулятивных институтов нормированной и институционализированной по своей структуре санкций. По-видимому, здесь будут наблюдаться два самых важных полюса изменчивости по последнему основанию — структуре систем санкций: **неформальные** и **формальные**. В первом случае санкции остаются в руках частных лиц. Это — **непосредственная** реакция *другого* на то, что делает *эго*. Здесь не наблюдается дифференциации ролей на основе общих ценностных стандартов — коллективного интереса. Этот неформальный характер институализации является, по-видимому, свидетельством того, что фундаментальное основание **социального контроля** во всех обществах теснее всего связано с общей институционализацией ролей. Вероятность успешного действия системы формальных санкций в большинстве случаев будет невелика, если они не основываются на такой системе нравственных чувств, которая отдает предпочтение институционализированным стандартам, т. е. *другой* непосредственно склонен реагировать стихийно-одобрительно на конформность и негативно на отклонение *эго*.

Второй полярный тип — это формализованные санкции. Они предполагают, как отмечалось, дифференциацию ролей, связанных с ответственностью по отношению к коллективу в целях поддержания целостности нормативной системы. Существуют, в свою очередь, две основные функции таких ролей: интерпретация, являющаяся очень важной по причине часто встречающейся неопределенности относительно содержания ролевых обязательств и применения правил, и принуждение.

Принуждение не должно здесь рассматриваться как применение только негативных санкций в случае отклоне-

ния, оно ответственно за использование любой или всех санкций, как позитивных, так и негативных. Отличие от стихийных неформальных санкций состоит здесь в том, что неформальные санкции являются проблемой **личной морали**, в то время как формальные санкции связаны с конкретными ролевыми обязательствами.

Самые крупномасштабные социальные системы, конечно, содержат основные элементы обоих типов институционализации. Как отмечалось, фундаментальная основа имеет тенденцию к неформальности, но чем более сложна и динамична социальная система, тем больше она содержит наделенных коллективной ответственностью дифференцированных ролей, которые начинают выполнять интегрирующие функции.

Другой аспект структурной интеграции состоит в позитивном содействии коллективным целям или интересам. В редких случаях они могут быть структурированными неформально, с совершенно стихийными коллективными реакциями. Рамки этой неформальности, с учетом размера группы и других факторов, являются чрезвычайно узкими. Очень скоро появляются **лидерские роли**, которые приобретают в большинстве сложных социальных систем очень большое значение. Как мы отмечали выше, такие роли могут быть, в свою очередь, дифференцированы в соответствии с внутренними для коллектива функциями, такими как **административные роли**, а также в соответствии с функциями, внешними для него (**представительные роли**).

Есть, конечно, много разнообразных функциональных проблем, связанных с отношениями между ролями лидеров и остальным коллективом, проблем, которые интенсивно разрабатываются в сфере управления и других сферах. Следуя Максу Веберу, мы можем обратить внимание преимущественно на основы узаконивания (легитимизации) **власти**, имеющей целью предпринимать действия, **связывающие** коллектив и, следовательно, всех его членов в единое целое. Власть сплачивать и связывать членов коллектива имеет тот же самый фундаментальный характер, что и власть рассматривать договоры об обязательствах. Иными словами, первая отправная точка для анализа вариабельности лежит в природе ценностно-ориентационных стандартов, которые определяют этот аспект ролей.

Функциональные отправные точки кристаллизации структуры социальной системы, обсуждавшиеся в этой части, показаны в отношении к стандартным переменным и к структуре ситуации в табл. 5.

Таблица 5

Парадигма анализа социальных систем

Структура объектной ситуации (как входящая в определения ролевых ожиданий)		Функциональный фокус структурирования социальной системы	Фокус отобранных альтернатив выбора для структурирования ролевых ожиданий (переменные модели)
Организмы *Эго* как личность *Другой* как личность	Социальные объекты как ориентиры выбора благодаря своим качествам или видам деятельности	1. Локационный фокус а) Распределение ролевых типов по их содержанию б) Распределение людей между ролями, включая членство их в коллективах в) Распределение возможностей между ролями и акторами г) Распределение вознаграждений между ролями и акторами	1. Первичные релеванты для моделирования статусной структуры а) Универсализм - партикуляризм б) Аскрипция - достижение 2. Первичные релеванты установок-ориентаций в ролях в) Аффективность - аффективная нейтральность г) Конкретность - диффузность 3. Первичные релеванты интеграции коллектива д) Ориентация на себя - ориентация на коллектив
Коллективы Физические объекты Культурные объекты	Все объекты как имеющие когнитивно-катектическое значение, или как инструменты, или как условия	2. Интегративный фокус а) Субколлективная солидарность б) солидарность общества в широком смысле слова (отношение к этосу культуры)	

Предпосылки социальной системы: 1) мотивационные стимулы выполнения требований ролевого поведения; 2) стимулы, создаваемые ситуацией и условиями; 3) культурные источники: знания, артефакты и т.п.

2. Внутренняя дифференциация социальных систем

Теперь нужно попытаться разработать основу структурного изображения социальной системы как целого, указывающую на исходный пункт дифференциации ее частей, диапазон этой дифференциации и структурные соотношения единиц, которые ее составляют. Предлагаем классификацию возможных источников структурной дифференциации по шести направлениям.

Релациональные институты

1. Типологизация единиц акторов как объектов ориентации. Их классификационная дифференциация и распределение, т. е. их объективные роли (статусы) внутри социальной системы:

а) индивидуальные акторы как объекты;

б) коллективные акторы как объекты.

Классификация типов ролевых ориентаций и их распределение в социальной системе:

а) роли индивидуальных акторов;

б) роли коллективных акторов.

Регулятивные институты

2. «Балансирование» инструментально ориентированных взаимоотношений; классификация и распределение преимуществ и организация системы влияний.

«Балансирование» экспрессивно ориентированных взаимоотношений; классификация и распределение вознаграждений и организация системы вознаграждения.

Культурные институты

3. Система культурной ориентации. Нормирование культурных ориентаций по отношению к социальной структуре; идеология, религиозные убеждения, системы экспрессивных символов и их синтез, включая механизмы принуждения и позитивного внедрения.

Институты релациональные и регулятивные

4. Интегративные структуры

Социально-релациональная интеграция (мораль); социальная система сама как коллектив; регулирующие нормы и их принудительность. Ролевая институционализация ответственности за коллективные интересы.

Полагаем, что наполнение указанной схемы необходимыми элементами концептуально оформленного эмпирического материала дает адекватное изображение конкретной социальной системы; число необходимых элементов зависит от проблемы. Это, конечно, означает, что для каждого направления будет существовать возможность адекватной классификации пределов вероятного изменения и, следовательно, факты, относящиеся к любому направлению, и соответствующие субклассы могут быть собраны вместе для связанного изображения системы. Разработка отправных точек таких классификаций будет принципиальной задачей данной части. Но прежде чем приступить к этому, необходимо сделать несколько замечаний о рациональном объяснении классификации в целом.

По-видимому, наиболее известное свойство классификации — разделение на первую и вторую категории, а именно, у нас это классификация акторов как объектов и классификация типов ролевых ориентаций. Использование этого различения и его значимость для анализа социальной структуры, наряду со значимостью понятия **обладание** для пункта 3 и 4, делает возможным выяснить размеры имеющихся трудностей.

Классификация единиц-объектов связана с тем, что мы иногда называли **категоризацией** в социальной структуре и что в предыдущей главе обозначали как аскриптивные качества и исполнительские способности. Переменная аскрипции-достижения была связана с модальностями объектов; следовательно, должна быть разработана главная ось классификации данного направления. Сюда явно относятся такие категории социальной структуры, как возрастные и половые различия. Точно также ясно, что должны включаться и индивидуальные, и коллективные акторы, разумеется, с учетом их различий. При создании данной концептуальной схемы в главе 1 было выяснено, что коллективы в некотором контексте должны рассматриваться как акторы (5). Если это верно, то отсюда следует два очевидных вывода: 1) они являются объектами точно так же, как индивидуальные акторы, и могут включаться в любую классификацию социальных объектов; 2) в классификации и распределении типов коллективов те, что имеют отношение к данной социальной системе и являются ее субколлективами, должны рассматриваться как часть структуры социальной системы.

Второе основное направление связывает классификацию с распределением типов ролевых ориентаций. Здесь находятся, как мы видели, основные единицы социальной системы. Но они являются единицами одного из двух возможных планов, а именно: ориентации актора — это один план, а объектное положение того же самого актора — другой. Попытка объединить и тот, и другой аспекты в формулировке концепции роли без допущения различия в аспектах привело бы к значительной трудности при анализе со-

циальных структур. Существенно важным является то, что общая единица социальной структуры — это отношение взаимодействия. Такое отношение включает, как минимум, двух акторов, каждый из которых представлен в двух качествах: во-первых, как ориентированный актор, и во-вторых, как объект, однако один и тот же актор не действует в обоих качествах внутри одного и того же взаимоотношения, если смотреть из одной точки отсчета (6).

В совершенно **свободно** ориентированном взаимоотношении *эго* свободен определять *другого* как объект любым способом, какой он найдет пригодным в пределах **здравого смысла**. Однако здесь мы говорим о социальных структурах. Допустим, что социальная структура через институционализацию устанавливает пределы указанной ориентации актора в данном статусе *эго*. Но точно также она устанавливает и пределы сферы, в рамках которой он может законно определять *другого* как объект. Иначе говоря, *другой* в качестве объекта является институционально **типологизированным**. Только некоторые из внутренне присущих и возможных значений допустимости другого в качестве объекта должны действовать в отдельной социальной системе или соответствующей ее части.

Первое направление имеет тогда отношение к типологизации *других*. Чем в данном смысле являются они в социальной системе и соответствующих ее частях? Второе направление касается тех же самых конкретных акторов, но в качестве *эго*, структурированных по их ориентациям на данный объектный мир *другими*. Каждый актор представляет собой **набор** того и другого. В каждом социальном взаимоотношении, в котором он участвует, он имеет то, что может быть названо объектной ролью, а также ролевой ориентацией. Поскольку, с точки зрения ориентации, он не является единой неделимой сущностью, он имеет, например, инструментальную роль по отношению к объекту и экспрессивную роль по отношению к *другому*. Таким же образом он может **расчленяться** в своих объективных ролях: он может быть аскриптивно значимым объектом для одного, объектом достижения для другого и т. д. Это разделение объектно-ролевого и ориентационно-ролевого направления связано с особого рода абстрагированием. Никогда нельзя забывать, что и то, и другое является абстракцией одних и тех же конкретных ролей и одних и тех же конкретных акторов.

Вторая пара главных направлений классификации требует также предварительного обсуждения. Их разумное объяснение покоится, главным образом, на анализе природы преимуществ и вознаграждений, а также прав на них, который был предложен в предшествующей части. Кроме того, локализирующее распределение акторов как объектных единиц, каковые фактически распределяются как части социальной структуры, состоит в правах на эти две категории обладаний, которые в особой категории релационального обладания объединяются или, по крайней мере, неотличимы от самих объектов обладания. Концепция прав на обладание и обязательств, связанных с этими правами, является связующим звеном между ориентационно-ролевым и объектно-ролевым аспектами социальной структуры. Под этими двумя категориями, следовательно, имеются в виду конкретные релациональные структуры или аспекты, отличающиеся от классификации и распределения структурных единиц.

Редуцирование этого релационального аспекта организации прав к двум категориям: преимуществ и вознаграждений — означало бы попросту сильное упрощение в способах решения подобных проблем. Это обусловлено непосредственно классификацией самих оценочных ориентаций действия, кроме класса моральных ориентаций, предназначенного для специального рассмотрения в интегративном контексте. Конечно, как классификация релациональных связей она должна быть выражена в терминах обладания, поскольку все конкретные элементы обязательно входят в каждое конкретное социальное взаимоотношение.

Пятой категорией является система культурной ориентации как таковая, в той части, в которой она не берется в расчет стандартами ценностной ориентации, входящими в предшествующие четыре категории. Она имеет дело главным образом с системами убеждений и с системами экспрессивных символов. Они не могут по характеру места, занимаемого ими в системах действия, меняться случайно относительно структуры самой социальной системы и должны, подобно другим элементам, меняться в определенных пределах относительно определенных центров кристаллизации (7).

Шестая категория относится прежде всего к интеграционной структуре социальной системы как целого. Ясно, что в этой связи необходимо рассматривать все общество как коллектив, или как два (как в средневековой Европе — церковь и государство) или более взаимосвязанных и отчасти интегрированных коллектива. Многие отдельные социальные системы, такие как рыночный комплекс, конечно, могут не представлять собою интегрированной структуры.

Теперь, наконец, мы можем показать связь данной классификации главных элементов социальной структуры с классификацией типов институтов, представленной выше, в главе 2. Главные релациональные институты очень четко попадают в первую или вторую категории. Категории третья и четвертая служат основаниями регулятивных институтов, а пятая — культурных институтов. Категория шестая, наконец, релевантна обоим первым двум классам институтов. Сама структура лидерских ролей может рассматриваться как структура отношений, но с учетом прежде всего того, что коллектив осуществляет регулятивные функции, включая также регулирование убеждений и экспрессивных символов. Нельзя забывать, что все эти категории структурных элементов могут быть институционализированы в любой степени: от **полной аномии** на одном полюсе до **совершенной интеграции** — на другом.

Следующая процедура будет применена для дальнейшей классификации каждого из шести основных направлений с короткими пояснениями, и в следующей главе мы сможем рассмотреть, как все они могут быть собраны в одно целое для описания социальной системы. Для рассмотрения первого направления воспользуемся анализом аскриптивного критерия и критерия достижения, введенных в предшествующей главе (8).

I. Типологизация акторов-единиц в объектных ролях

А. Индивидуальные акторы

1. Фокус аскриптивных качеств:
   а) классификационные:
   — пол
   — возраст
   — физические и личностные черты;
   б) релациональные:
   — биологическое положение
   — пространственное положение
   — временно́е положение
   — «экологическая» ситуация
   — членство в коллективе.
2. Фокус способностей к деятельности (все классификационные):
   а) преобладание инструментальных черт:
   — техническая компетенция
   — способность быть инструментальным лидером (администратором или исполнителем);
   б) преобладание экспрессивных черт:
   — способность к восприятию и ответу
   — способность формировать и поддерживать диффузные привязанности и лояльность
   — способность быть экспрессивным лидером;
   с) преобладание моральных черт (определяются одобрением и уважением):
   — **личная** нравственность (**индивидуальный**, нравственный характер)
   — способность быть нравственным лидером (харизма)

Б. Коллективы как акторы

1. Фокус аскриптивных качеств:
   а) классификационные:
   — размер (число отдельных участвующих акторов)
   — состав (типы объектных ролей, распределение релевантных качеств, составляющих индивидов, также как в разделе А)
   — составляющие типов ориентационных ролей (см. ниже, II)
   — черты коллективной единицы (например, **рационализм** или **традиционализм**, **индивидуализм** или **коллективизм**);
   б) релациональные:
   — центр территориального размещения (является или нет членом территориального союза, каким образом)
   — временное размещение
   — включенность (по отношению к любому другому коллективу являются ли они взаимно включающими, частично перекрывающимися или коллектив Б является субколлективом коллектива А).

2. Фокус способностей к деятельности:
   а) преобладание инструментальных черт (например, производственная организация, военная единица);
   б) преобладание экспрессивных черт (например театральная труппа, некоторые типы органов пропаганды);
   с) преобладание нравственных черт (например, церковь).

Это достаточно сложная классификация, однако если ее упростить, она не будет соответствовать сложности самого предмета.

В любом случае такая классификация может воспроизводиться систематически и служить для упорядочивания эмпирического материала. С какой-то точки зрения, она и не так сложна, как кажется, поскольку включает только значимые переменные, которые играют решающую роль в становлении данной концептуальной схемы, а именно: аскрипция-достижение, универсализм — партикуляризм в связи с классификационно-релациональным делением и с классификацией типов ориентации действия. Вследствие этого связям, определившим данную классификацию, можно придать общую значимость.

Конечно, остается задача классификации возможных и значимых пределов изменения с учетом основы каждого из них и некоторых их комбинаций. Например, биологическая ситуация в сочетании с полом и возрастом дает точку отсчета для классификации реальных возможностей структур родства. Если бы проблема такой классификации конкретных типов сводилась просто к логически возможным сочетаниям и комбинациям, очень скоро выявились бы практически невозможные (абсурдные) сочетания. Следовательно, в этом случае нужно предвидеть необходимость упрощения. Эта проблема будет поднята в следующей главе.

II. Классификация типов ролевых ориентаций

А. Индивидуальные акторы

1. Преобладание личных интересов (ориентация на себя)
   а) инструментальная ориентация на *другого* главным образом как на источник преимуществ, стремление к приобретению прав на объекты обладания инструментального типа или услуги на договорных или кооперативных основаниях;
   б) экспрессивная ориентация на *другого* преимущественно как на источник вознаграждений, например, стремление к правам на объекты обладания релационального типа, а также объекты обладания, являющиеся их символами;
   в) моральная ориентация на другого преимущественно на основе личной нравственности, например, на основе отношения к стандартам, интегрирующим *эго*, причем эти стандарты могут отклоняться или не отклоняться от институционализированных в коллективе, направленных на его (коллектива) интеграцию.

(Во всех трех случаях, если институционализация вообще имеет место, она является регулятивной институционализацией, задающей правила игры, условия, при которых могут устанавливаться и существовать права как пределы дозволенности).

2. Преобладание коллективных обязательств (ориентация на коллектив). Роль *эго* как члена коллектива:
   а) преобладание инструментальной ориентации, направленной на выполнение инструментальных функций, определенных как обязательства перед коллективом:
   — ориентация на *другого* внутри коллектива преимущественно как на «сотрудничающего» коллегу; вне коллектива — по отношению к любому *другому* — *эго* играет представительную роль
   — преимущества коллективны, а не индивидуализированы;
   б) преобладание экспрессивной ориентации, направленной на выполнение экспрессивных функций, определенных как обязательства перед коллективом:
   — ориентация на *другого* внутри коллектива как на товарища, разделяющего взаимные чувства; в ориентации на *другого* вне коллектива *эго* играет представительствующую роль
   — вознаграждения коллективны, а не индивидуализированы
   — индивидуальные вознаграждения символизируют статус в коллективе и заслуги перед ним.

(В обоих вышеописанных случаях центр тяжести лежит не в сфере дозволенности личных интересов, а в позитивных обязательствах выполнять ожидания членов коллектива. Однако этот принцип не имеет

такого значения для большой социальной системы, как коллектив, речь о котором пойдет ниже, под пунктом В; это всего лишь ориентация *эго* на данный коллектив.);

в) преобладание моральной ориентации:

— ожидание выполнения обязательств перед коллективом как инструментального, так и экспрессивного содержания (например, большинство ролей родства)

— в зависимости от чистоты направления типы ориентаций могут тяготеть к типу (а) или к типу (б)

— и вознаграждения, и преимущества коллективны, и в ориентации *эго* на любого *другого* вне коллектива ему предписана представительная роль

— обязательство перед коллективом — не просто выполнение долга, но и вопрос солидарности чувств.

Б. Коллективы как акторы

1. Преобладание «частных интересов» отдельного коллектива по отношению к более широкой социальной системе:
   а) инструментальная ориентация на других акторов, коллективных и индивидуальных, главным образом с точки зрения получения преимуществ (включая будущих членов как вносящих свои услуги), в том числе в качестве возможной цели — усиление влияния коллектива;
   б) экспрессивная ориентация на других акторов, коллективных и индивидуальных, преимущественно с точки зрения получения вознаграждений, включая все вышесказанное о цели в виде усиления престижа коллектива;
   в) моральная ориентация на других акторов, коллективных и индивидуальных, на основе соответствующих моральных стандартов, и на возможную солидарность или отказ от солидарности с ними, например, на объединение в более широкий коллектив.
2. Преобладание коллективных обязательств перед более широким коллективом, частью которого является первый. Преобладание функций субколлектива по отношению к более крупному коллективу:
   а) инструментальная по преимуществу: преобладание инструментальных функций в пользу более крупного коллектива, определенных как обязательства по отношению к последнему, например, обязанности армии перед государством, организационной частью которого она является;
   б) экспрессивная по преимуществу ориентация: наличие экспрессивных функций по отношению к большому коллективу, определенных как обязательства, например, хор как организационная часть церкви;
   в) моральная ориентация: ее главные пункты по существу параллельны тому, что сказано о соответствующей ориентации индивида.

Описанная выше классификация, как явствует, сконструирована на основе типологии оценочных ориентаций действия и переменной **ориентация на себя — ориентация на коллектив**. Она, в отличие от приведенной в пункте I, является не просто классификацией центральных точек кристаллизации, но и классификацией реальных типов ролевых ориентаций, потому что она соотнесена с основой самой структуры взаимоотношений, а не со свойствами объектов, которые принимают участие во взаимоотношениях (как в первой классификации). Следовательно, фактически она является классификацией возможностей изменения социальных структур.

III. Баланс инструментальных ориентаций

(Обрисованные в пункте II, инструментально ориентированные типы ролей, рассматриваются здесь как объединенные дифференцированными комплексами. Их существует три типа:

1) **экологические** комплексы разделения труда вне организации коллективов;
2) коллективы;
3) инструментальный баланс социальной системы как целого, рассматриваемой в качестве системы экологической. Четвертая возможность — социальная система как целое в качестве инструментально ориентированного коллектива — не требует специального обсуждения, потому что это — основа структуры всякого коллектива.)

А. **Инструментальный экологический комплекс**, рассматриваемый с позиции *эго* в качестве точки отсчета

1. Техническая роль *эго*.
2. Структурирование взаимоотношений, предоставленных в распоряжение *эго*.

3. Структурирование взаимоотношений *эго*, которые он получает в ответ (на свои действия и ориентации).
4. Структурирование тех взаимоотношений *эго*, которые предоставляют в его распоряжение возможности и преимущества.
5. Структурирование кооперативных взаимоотношений *эго*. (Структурные разновидности часто возникают в связи с отделением одной функции от всех остальных, или в связи со смешением нескольких из них в одной и той же роли. Крайняя сегрегация: техническая роль; крайнее смешение: неорганизованный ремесленник, независимая профессиональная роль).

(Содержание технической роли или заменяющих ее аналогов будет весьма разнообразно, но такие роли всегда должны классифицироваться по **производственной** цели, которые могут варьироваться в зависимости либо от акторов, либо от социальной системы. Социальная система, в пределах дозволенности частных интересов, может быть представлена как множество таких инструментальных экологических комплексов, каждый из которых имеет *эго* в качестве центра отсчета. Определенные группы таких комплексов могут называться **рыночными** или **сферой конкуренции** и т. д., т. е. быть единицами определенного типа).

Б. Инструментально ориентированный субколлектив или **организация** (пункт II-Б–2а) как система дифференцированных инструментальных ролей

1. Дифференцированные технические роли-**вклады** в кооперативный производственный процесс.
2. **Политические роли**, принятие решений в связи с целевыми ориентациями организации, (что производится, в каком количестве, в какое время, общественные отношения и т.п.).
3. Административные или **исполнительские** роли:
   а) внутренние для организации:
   — размещающие средства, преимущества и т.п.
   — контролирующие, обязанные «знать, что делается» (инструментальная власть)
   б) внешние для организации (представительные):
   — функции охраны доходов и преимуществ
   — роли, упорядочивающие кооперацию и деятельность.

(Поскольку данный коллектив является **органом** или **агентом** более значительного коллектива, он представляет один из центров экологических комплексов, относящихся к более крупной социальной системе. Они действуют в пределах дозволенного **ориентацией на себя** внутри коллективов, которые могут быть, конечно, в свою очередь дифференцированы по типам. Каждый такой коллектив является точкой отсчета для подобного комплекса. Наблюдается такая же дифференциация по содержанию функций относительно более широкой социальной системы и группировка их, например, в отрасли промышленности или в системы высшего образования. Такие понятия могут обозначать статусное положение акторов или экологический комплекс, или и то и другое.)

В. Инструментальный баланс как дифференцирующий интегрирующий систему

1. Типы единиц и их распределение; индивидуальные акторы, организации разного размера, их композиции строения, типы ролевого конституирования.
2. Функциональная содержательная дифференциация единиц. Производство, распределение продуктов производства, распределение дохода, преимуществ, материальных благ, кооперация.
3. Инструментальные единицы как системы влияния. (Институционализация отношений влияния и **регулирование соперничества**.)

Несомненно, что данный предмет интенсивно рассматривается экономикой и политической наукой. Наша попытка ограничивается только использованием нескольких известных концепций из этой области таким образом, чтобы облегчить увязывание их с общими аналитическими основами этой работы. Это, по существу, отправная точка для анализа экономических и политических институтов, хотя в случае с политическими институтами значительное внимание необходимо уделять экспрессивным и интеграционным элементам, а не только инструментальным.

IV. Баланс экспрессивных ориентаций

А. Экологический комплекс экспрессивных взаимодействий с любым данным *эго* в качестве точки отсчета

1. Удовлетворенность конкретного типа *эго* и экспрессивно-символическая ориентация на отдельные объекты или классы объектов.
2. Структурирование отношений *эго* по типу его респонсивности.
3. Структурирование ответных реакций *эго*.
4. Структурирование ситуаций.
5. Структурирование диффузных привязанностей *эго* и лояльностей.

(Как и в случае с инструментальной ориентацией, структурная вариабельность здесь будет зависеть от смешения или выделенности элементов комплекса. Баланс частных индивидуальных личных ориентаций — это другое неделимое целое для каждого отдельного *эго* как точки отсчета.)

(Содержание экспрессивных интересов и здесь также будет меняться, и здесь также необходима классификация по содержанию (см. пункт В ниже).)

Б. Экспрессивно ориентированный субколлектив (Gemeinscaft) (II-Б-2б) как система дифференцированных экспрессивных ролей

1. Дифференцированные экспрессивные вклады в коллективы, возвраграждающие различными способами отдельных членов и коллективы как целое.
2. Роли экспрессивных лидеров, основанные на рецептивности и респонсивности, становящиеся центром привязанностей и лояльностей:
   а) внутренне-символический центр лояльности;
   б) внешне-представительные роли, например пропагандист.

(В основном, это точная параллель инструментальной ориентации, но конечно, с менее четкой структурой и здесь намного реже можно найти приближение к «чистому» случаю экспрессивного преобладания, чем в инструментальном к инструментальному.)

В. Экспрессивное равновесие как дифференцированная и интегрированная система

1. Типы единиц, индивидуальных акторов, коллективов, различающиеся по размеру, строению, типу ролевых ориентаций и т.п.
2. Функциональная содержательная дифференциация единиц. Смешение и выделенность; ориентация на рецептивность-респонсивность, любовь, одобрение, уважение.
3. Экспрессивные единицы в системе престижа, а если они институционизированы — стратификации социальной системы.

Как отмечалось, экспрессивное преобладание в чистом виде является относительно редким для известных нам социальных структур. А следовательно, важно выделить элементы этой структуры экспрессивного взаимодействия. Она чрезвычайно заметна в подчеркнуто аффективных взаимоотношениях, таких как большинство видов родства или дружбы, и определенных видах солидарности и в следовании за лидером.

V. Система культурной ориентации

А. Система убеждений

1. Экзистенциальные убеждения:
   а) эмпирические науки и эмпирические знания;
   б) неэмпирические науки, философия и нечувственное познание;
   в) конкретизация ролей относительно исследовательских интересов (например, ученого и философа).
2. Ценностные представления:
   а) идеологии;
   б) религиозные идеи;
   в) ролевая дифференциация ответственностей за ценностные представления (роли религиозных и идеологических властей).

Б. Система экспрессивных символов

1. Система чисто экспрессивных символов:
   а) система экспрессивно-признаваемых установок;
   б) система экспрессивная по отношению к удовлетворению потребностей в ситуации напряжения;
   в) специализация ролей, связанных с символизмом (например, артист или художник).
2. Ценностный символизм:
   а) символизация коллективной солидарности;
   б) символизация стандартов, согласующих значения; религиозный символизм;
   в) дифференциация ролей, имеющих дело с оценочным символизмом (морально-экспрессивные лидеры или духовенство).

Кроме того, в дополнение к набору исходных точек кристаллизации для культурных институтов, вышеприведенная классификация обращает внимание на тот факт, что роли могут быть дифференцированы в связи с особыми значениями культурных проблем, отличными от проблем ценностной ориентации, которые относятся преимущественно к ролевой структуре в целом. В качестве примеров в данном случае пригодны роли философа, ученого, теолога, артиста и духовного лица — в смысле служителя культа. Как было отмечено выше, аспект отношения культурных стандартов к социальной системе будет рассматриваться более подробно ниже, в главах 8 и 9.

VI. Интегративные структуры

Система стандартов моральных ценностных ориентаций социально-релационального уровня, значимых для институционализации социальной системы прежде всего как коллектива.

А. Институционализированные регулирующие стандарты, управляющие определением границ сферы частных интересов — как для индивидов так и для субколлективов (Интересы могут классифицироваться как инструментальные, экспрессивные и моральные, интегрируемые на уровне *эго* или субколлектива.)

1. Самопроизвольные действия и неформальные санкции.
2. Формализованный механизм принуждения; дифференциация ролей в связи с функциями принуждения.

Б. Институционализация позитивных инструментальных или экспрессивных функций в коллективе

1. Неформальные.
2. Путем дифференциации лидерских ролей и институционализации их власти по следующим комплексам:
   а) ориентированные на внутренние функции координации административные роли;
   б) ориентированные на ситуацию, внешнюю для коллектива, представительные роли.

(В содержательном отношении указанная классификация должна строиться точно так же, как в пункте III-Б, и поэтому мы не будем здесь снова воспроизводить ее в деталях. Среди проблем имеются и такие, распространение на которых схемы интеграции культурных ориентаций привело бы к смешению с общей схемой интеграции ценностных ориентаций, например, становится неясно, дифференцированы ли **церковь** и **государство** друг от друга или это — та же структура.)

Приведенная выше классификация разработана частично, особенно в том, что касается тонких деталей, и в высшей степени условна. Такая таксономия, взятая только сама по себе, совершенно не имеет смысла, она лишь средство. Только в довольно редких случаях в исследовательской работе используются крупные блоки общей схемы. Однако такую схему чрезвычайно важно иметь, схему логично разработанную, способную служить в качестве системы точек отсчета, внутри которой может уместиться любое более частное исследование. Это необходимо для того, чтобы можно было установить связи между различными частями такой схемы. Она, кроме того, могла бы быть основой, исходя из которой можно предпринимать сравнительный анализ различных социальных структур. Эту общую, весьма кратко изложенную здесь схему — схему структурных систем и координат — можно назвать **структурно-функциональным** уровнем теоретического анализа (9).

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 4

(1) Термин заимствован из экономики и означает по существу распределение с точки зрения функционального значения для системы.

(2) Коллективы, взятые как акторы, в некоторых пределах подчиняются всем правилам распределения, как целостные единицы. Но в дальнейшем нашем рассуждении мы будем иметь в виду акторов-индивидов.

3) На более тонком уровне рассмотрения «способность играть на чувствах других» — это тоже средство достижения целей, которое в качестве такового может быть взято под институциональный контроль. Эта проблема, однако, скорее относится к области институционализации экспрессивного символизма и к системе вознаграждений, а не к организации и распределению преимуществ.

4) Этот тип символической интеграции мы будем анализировать ниже, в 9 главе.

(5) Эта точка зрения подробно рассматривается в работе: Values, Motives and Systems of Action // Toward a General Theory of action. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1951.

(6) *Эго* иногда может быть расположен как объект относительно себя самого, но этот частный случай не меняет всего сказанного выше.

(7) Дальнейший анализ этой проблемы изложен ниже, в главах 8 и 9.

(8) Совершенно очевидно, что то, что мы здесь представили, — схема инвариантных точек отсчета для кристаллизации, относительно которых стандартизуются и организуются конкретные социальные системы.

(9) Эта схема более всего опирается на схему Макса Вебера, как она описана в первой главе: «The Theory of Social and Economic Organization».

Глава 5
СТРУКТУРА **СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**: КОНКРЕТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ **В СТРУКТУРЕ** ОБЩЕСТВ

Классификация, проведенная в последнем разделе предыдущей главы, еще на шаг приблизила нас к возможности систематически рассмотреть структуру общества с точки зрения ее особенностей в том или ином конкретном обществе, а также степени несходства этих структур в различных обществах. Но здесь нас подстерегают серьезные затруднения. С некоторой абстрактно-теоретической точки зрения систематическое рассмотрение этих проблем может быть проведено только методическим перебором всех логически возможных перестановок и комбинаций тех элементов, которые были выделены при задании системы координат, или тех, которые можно выделить, проводя дальнейшее разложение этих категорий на составные элементы.

Конечно, многое можно сделать, систематически и тщательно осуществляя эту работу. Но подобное исследование вышло бы за рамки данной книги. Многие фазы указанной выше работы имели бы огромное значение для решения тех проблем, которыми занимаются более специализированные области социологии. Для нашей задачи однако нет необходимости углубляться далее в эту структурную морфологию. Но прежде чем закончить рассмотрение социальной структуры, полезно будет проиллюстрировать вкратце этот процесс, опираясь на имеющиеся теоретические и практические знания, чтобы наметить основные контуры внутренней дифференциации и различие типов социальных структур, выявляемых в сравнении.

Существует два подхода к такого рода описанию. Во-первых, мы могли бы применить классификационную схему, которую мы сконструировали для того, чтобы выявить значение некоторых закономерностей, обнаруженных эмпирическими исследованиями, которые в настоящее время хорошо известны в социологии. Существенно, что для определенных важных сфер социальной структуры мы не находим эмпирически наблюдаемых структур, которые заполнили бы ряд теоретически возможных разновидностей. По-видимому, мы имеем дело в этом случае с чисто логическими перестановками и комбинациями компонентов. Структуры же, имеющиеся в реальности, образуют скорее нечто вроде *пучков*. В первом разделе настоящей главы мы коснемся некоторых моментов, доказывающих особую важность четырех таких **пучков**, а именно: 1) родство, контроль за половыми отношениями и социализация; 2) организация инструментальных достижительных ролей и стратификация; 3) соотношение власти и принуждения в территориальных районах и 4) связь важнейших общеинтегративных ценностных ориентаций с ориентациями когнитивными, а также некоторые проблемы адаптации личности в сфере **религии**. Если мы сможем описать наличие этих *пучков*, хотя бы в самой грубой форме, то такое описание их могло бы быть использовано социологами для достижения двух типов целей. С одной стороны, было бы обосновано распространение выводов этого частичного исследования на весь круг возможных структур и на отдельные их секторы. Это существенно упростило бы получение в первом приближении систематической классификации эмпирически значимых различий в дифференциации и структурных изменениях тех или иных обществ. А с другой стороны, такое описание можно было бы использовать как в высшей степени эффективный путь к формулированию, а следовательно, и к проверке фундаментальных обобщений, касающихся динамики, закономерностей социального процесса, т. к. ответы на вопрос, **почему** логически возможные разновидности не подтверждаются эмпирическими данными, можно найти, только рассматривая такие закономерности.

Второй подход заключается в использовании некоторых позитивных результатов проведенного выше анализа. Сама теория действия в целом, а следовательно и теория социальных систем, как мы ее здесь представили, по природе своей таковы, что даже с учетом всех изменений структуры стандарты ценностной ориентации **должны** играть главную роль в качестве исходного пункта институционализации. Если бы эмпирическая проверка показала, что это не так, то вся представленная здесь общая концептуальная схема рухнула бы и пришлось бы признать, что она не имеет существенного значения. Мы, таким образом, обеспечили себя с этой стороны, приняв возможность изменения ценностных ориентаций, а комбинации переменных модели — за исходную точку при построении предварительной классификации обобщенных типов социальной системы в структурных терминах. Если именно их принять за исходный пункт, то в качестве чисто логической импликации из такой классификации выводится модификация, которая необходима в силу известной нам из наблюдаемой практики взаимозависимости стандартов ценностной ориентации и других компонентов социальной системы. Такой подход мы используем в последнем разделе данной главы.

В среднем же разделе сделана попытка перейти от проблем, которые связаны с эмпирическими *пучками* структур, рассмотренных нами в первом разделе, к классификации обществ как целых посредством обоснования того значения, которое мы придаем адаптивным структурам и сопутствующим им интегративным императивам отдельных социальных систем, ограничивающих совместимость отдельных структурных элементов как частей одного и того же общества.

Некоторые эмпирические пучки структурных компонентов социальных систем

I. Системы родства

С чисто таксономической точки зрения, кажется весьма проблематичным, что родство в социальных структурах имеет сколько-нибудь заметное значение. Классификация, разработанная в качестве первого пункта схемы, приведенной в предыдущей главе «Категоризация объектов», доказывает, что пока существуют только названия главных аск-

риптивных принципов системы родства, а именно: пол, возраст и биологические связи. Пока нет классификации каждой из этих характеристик и не показано, как они комбинируются друг с другом, нельзя и говорить о построении классификации типов структур родства. Другими словами, родство, описанное в терминах возможных комбинаций структурных элементов социальных систем, будет обладать высокой степенью специфичности. То, что родство занимает большое место в любом из известных нам обществ, означает, что многие из других логически возможных перестановок структурных элементов либо вытеснены вообще, либо отодвинуты на второй план в социальных структурах этих обществ. Это требует объяснения.

Но не только системы родства, т. е. основные группировки населения, образованные на основе биологических связей, существуют в природе; имеют значение также и некоторые более общие факты. Первый факт — принадлежность к единице родства и статус внутри нее повсюду и во всех известных нам обществах представляют собою первый из способов придания начального статуса новорожденному. Вследствие этого имеющая огромное значение часть процесса социализации всегда осуществляется внутри единицы родства, и личности родственников при этом играют роль стратегически важных агентов социализации. Таким образом, уже способ приписывания первоначального статуса по рождению в той или иной единице родства определяет, что связи с остальной социальной структурой первоначально опосредованы только связью этой единицы с обществом, находящимся вне ее, поскольку уход за ребенком есть функция, предписанная единице родства, а также различным статусам внутри нее. Детали варьируются, в особенности при вмешательстве таких агентов, как органы формального образования, здравоохранения и прочие, но суть остается прежней.

В-третьих, существует универсальная связь между структурами родства и регулированием отношений между полами. Во все времена существует табу на инцест: сексуальные отношения и брак, по крайней мере для огромного большинства населения, внутри *ядерной семьи*, а часто также и внутри более широких единиц родства, допускаются только между двумя супругами, а подобные отношения с другими членами семьи запрещены. Законы не обязательно требуют совпадения сексуальных отношений с брачными, но они **никогда** не исключают дискриминации в сексуальном отношении то одной, то другой стороны, вступившей в брак. Всегда существуют различия в привилегиях на сексуальные отношения, и сексуальные отношения на стороне после вступления в брак, как правило, ограничиваются гораздо сильнее, чем до него (1), как в выборе партнеров, так и в условиях.

Наконец, единицы родства как таковые, несмотря на большое их разнообразие, представляют собою очень узкий сектор в общем разнообразии структурных типов коллективов. В терминах переменных модели роли внутри них всегда функционально диффузны и коллективистски ориентированы. Их строение на основе биологических связей предопределяет преобладание универсалистских ориентаций и узкие пределы релевантности в них стандартов, основанных на достижении, и наконец, процесса выбора супруга по критерию отношения к этой единице.

Важно, что вариабельность как функции, так и структурного типа ограничена настолько узкими пределами, что они приближаются к универсальности. Почему приписывание первоначального статуса происходит не на основании оценки органических и личностных характеристик индивида? Почему не все дети достаточно умело и ответственно пользуются такими специальными органами, как, например, формальное образование? Почему регулирование сексуальных отношений не является производной от необходимости ухода за детьми и придания статуса? Почему единицы родства не стандартны, подобно индустриальным организациям? Разумеется, нельзя исключить, что иногда происходят фундаментальные изменения в некоторых или даже во всех из указанных выше аспектов. Но тот факт, что они несмотря на это не дают большого ряда разнообразных видов социальных систем, которые были бы нам известны, продолжает иметь очень большое значение.

Пожалуй, пока не существует объяснения, даже в самых общих чертах, этой способности образовывать *пучки* (весьма устойчивые), хотя многие детали этой картины мы наблюдаем постоянно. Для того чтобы получить наиболее убедительную точку зрения, по-видимому, следует обра-

титься к тем следствиям, которые вытекают из пластичности, чувствительности (сенситивности) ребенка и его зависимости от взрослых, а также к тем, с которыми тесно связано особое место, принадлежащее *полу* в структуре потребностей человеческой личности. Со времени еще дочеловеческих стадий развития сохранился очень важный эталон — возложение почти всего ухода за ребенком в самом раннем его возрасте на мать. Это обстоятельство, а также неспособность женщины к работе в период беременности и то, что способы кормления грудных детей, лишившихся материнского питания, распространились только в самое последнее время, лежит в основе дифференциации ролей, связанных с полом.

Оказывается, таким образом, что личность ребенка всегда развивается в контексте некоторых исключительно важных для него в раннем возрасте привязанностей, среди которых мать занимает наибольшее место. В силу важности этих фактов для развития личности оказывается, что они-то и делают родство основным центром социальной структуры. Главное заключается в том, что ребенок растет с глубоко укоренившейся в нем потребностью в привязанности к нему взрослых, которая служит ответом на его детскую привязанность. Более того, эта система привязанностей структурируется по оси половых различий. По-видимому, несмотря на очень большую институциональную пластичность структуры эротических потребностей, постоянно повторяющееся (во всех обществах) строгое запрещение гомосексуализма или же допущение его лишь в крайних случаях в весьма ограниченных размерах представляет собою факт, заслуживающий того, чтобы поставить его в один ряд с основными социальными закономерностями: приданием первоначального статуса, необходимостью ухода за детьми и регулирования гетеросексуальных отношений. Существенно, следовательно, прежде всего то, что ребенок получает свое эротическое развитие в направлении нормальной гетеросексуальности и что это последнее не только включает в себя эротическую потребность в специальном смысле этого слова, но в нем есть место, в конечном счете, и для некоторых эротических удовлетворений в контексте диффузной гетеросексуальной привязанности. Постоянная привязанность мужчины к женщине, включая сюда и сексуальные отношения, считается само собою разумеющейся и повсюду автоматически перерастает в семью. Если это случается, то силы, направленные на интеграцию ребенка с этой единицей, становятся очень могущественными.

Остается открытым вопрос, насколько глубоки *инстинктивные основы* человеческой семьи. Однако, по-видимому, существует очень мощный комплекс сил на уровне действия, который стремится упрочить уже возникшую семью. Существенно также, что условия социализации внутри единицы родства подготавливают ребенка к принятию им на себя либо материнской либо отцовской роли на соответствующей стадии его собственной жизни. Это все никоим образом не отвечает на вопрос о возможности разрушения этого основного комплекса социальных структур и мотивирующих человека сил. У нас нет достаточных знаний для того, чтобы сказать нечто конкретное о том, какие условия необходимы, чтобы комплекс этот мог быть нарушен и каковы будут результаты такого нарушения для социальной структуры и личности. Но, несмотря на огромное разнообразие, которое дает структура родства сама по себе, и на исключительное значение этого разнообразия, устойчивость комплекса родства во всех разновидностях социальных структур, различающихся другими аспектами, указывает на мощную комбинацию сил, действующих в направлении сохранения этой структуры.

Наиболее яркий пример могущества этих сил демонстрирует на обществе большого масштаба Советская Россия (2). Марксистская идеология не содержит никаких доказательств в пользу сохранения семьи; скорее она приводит к противоположному выводу. В первые дни революции было распространено мнение, что семья — это не более как «буржуазный пережиток» и что процесс ее «устранения» неотвратим. Затем наступила столь сильная реакция, что посредством законодательства стало осуществляться гораздо более сильное принуждение граждан к выполнению своих семейных обязанностей, чем это имело место в большинстве стран Запада. Можно предположить, что возник некоторый комплекс сил, действующих в этом направлении, что могло совпасть с политикой правящей верхушки. Структура основных потребностей, на которых построена мотивация к принятию на себя семейных ролей взрослыми

людьми, развивается в контексте детских привязанностей. Амбивалентность относительно этих привязанностей является, конечно, правилом, действующим с различной интенсивностью. Революционная ситуация может создать возможности к тому, чтобы подчеркнуть негативную сторону этой амбивалентности. Но хорошо известно, что в ситуациях острой психологической неуверенности существует сильная тенденция к регрессии. Революционный период безусловно создает сильные предпосылки для такой неуверенности. Может поэтому возрождаться требование строгой семейной морали (или по крайней мере торжествует терпимость по отношению к ней), включая и восстановление потребности в привязанностях, как огромной ценности, обеспечивающей человеку уверенность. Эту интерпретацию, если она правильна, мы и проиллюстрировали трудностью «упразднения» такого глубоко укоренившегося комплекса ролевых ориентаций, который обеспечивает структурам родства место, занимаемое ими в обществах (3).

2. Структуры инструментального достижения и стратификация

Второй основной пучок, ограничивающий вариабельность структур, которая в противном случае была бы формально возможна, — это связь инструментальных комплексов со стратификацией. По-видимому, существенное значение имеет тот факт, что очень узки пределы возможности независимого изменения для инструментальной структуры, а также для структуры распределения привилегий, с одной стороны, и распределения вознаграждений — с другой. Фактическая изменчивость, следовательно, не выходит за пределы некоторой *амплитуды*, которая значительно уже, чем сфера логически возможных перестановок и комбинаций.

Более всех способны к *растяжению* в этой амплитуде степень отделения инструментальных ориентаций от экспрессивных и их дифференциация. В этом континууме структура профессиональных ролей современного западного типа приближается к полюсу максимальной специализации, в то время как многие дописьменные общества, в которых большая часть инструментальных функций является продолжением ролей в системе родства, очень близки к противоположному полюсу. По-видимому, большое значение этой амплитуды изменчивости социальных структур, а также различий по этому признаку — факт во всех отношениях фундаментальный.

Но все же амплитуда относительно узка. По другим измерениям тоже нет большой вариабильности. Одно из них имеет дело со степенью независимости распределения инструментальных ролей, а следовательно привилегий, вытекающего в свою очередь из распределения престижа или из распределения вознаграждений. Каков бы ни был тип структуры по степени смешения — разграничения, другими словами, по степени функциональной дифференциации ролей, эти две тенденции идут бок о бок, тесно связанные друг с другом.

Существует два основных аспекта этой связи. Первый касается проблем универсалистской, функционально специфической (конкретной) и аффективно-нейтральной подсистемы инструментальных ориентаций. Система вознаграждений в сфере отношений заключается преимущественно в одобрении, уважении и их противоположности — неодобрении и неуважении, а также в распределении несоциальных объектов вознаграждения в соответствии с их символической связью со шкалой одобрения — уважения. Второй аспект касается тех моментов системы вознаграждения, которые связаны с *ответом* и любовью, а также отношения их к инструментальному комплексу. Значение родства в этом последнем контексте — основные точки зрения на этот вопрос мы уже высказали выше — так велико, что это ставит проблему связи между инструментальным комплексом и семьей.

Во-первых, внутри самого инструментального комплекса. С развитием процесса разделения труда все более характерной становится тенденция к дифференциации по двум осям, и обе эти оси построены по принципу выше- и нижерасположенности. В первую очередь следует сказать, что ценности, связанные с содержанием, не будут вообще ничего значить, если нет никакого различия между теми, кто делает дело *хорошо*, и теми, кто делает его *плохо*. Способность делать дело «*сравнительно* неплохо» (что всегда, в конечном счете, подразумевает сравнительную оценку, с

учетом других акторов) можно назвать **компетенцией** или *умением*. В любой сколько-нибудь развитой системе разделения труда обязательно будет некоторый набор уровней компетенции, в особенности если рассматривается система разных технических ролей, а не одна и та же роль.

Во-вторых, как только мы выходим за пределы самых элементарных уровней, дифференциация инструментальных ролей начинает требовать организации. Организация, в свою очередь, начинает дифференцировать роли по оси **ответственности** за дела коллектива. По-видимому, мы лучше всего выразим эмпирические обобщения социальных наук, сказав, что любая устойчивая организация, включающая весь комплекс процессов кооперации, заметно дифференцирована по этой оси, формальным или же неформальным образом.

Это происходит всегда, поскольку, по общему мнению, императивы эффективности требуют, чтобы различия в компетентности и ответственности сопровождались различиями и в преимуществах. Совершенно очевидно, что эффективность не повысилась бы, если бы мы дали в руки наиболее слабым работникам лучшие инструменты в порядке компенсации за их более низкий статус как производителей, и то же самое можно сказать о предоставлении наиболее значительных преимуществ тем, кто обладает наименьшей ответственностью. Последнее предположение и невозможно, т. к. преимущества сами по себе уже связаны с отношениями. Такого рода *согласованность* необходима для приспособления организации к социальной ситуации, ведь она может выполнять свою функцию только в том случае, если приспособлена к такому распределению ответственности. Существует поэтому характерная тенденция давать самые большие преимущества тем, кто обладает высшим уровнем компетенции и ответственности.

Эта тенденция является как функциональным императивом эффективности и жизненности инструментальных структур, так и характерным следствием оценки инструментального достижения. Но оценка инструментального достижения **сама по себе** уже означает, что достижение высших уровней компетенции и ответственности и обладание большими преимуществами в области распоряжения кем-то и чем-то **есть уже само по себе вознаграждение**, и это вознаграждение по природе своей дифференцировано. Совершенно невозможно представить себе инструментальную систему, санкционирующую оценку достижения, в которой не было бы внутренней дифференциации ролей и структуры преимуществ, являющейся следствием дифференциации вознаграждений, т. е. внутренней стратификации. Этот вывод непосредственно вытекает из фундаментальной теоремы об институциональной интеграции мотивации, изложенной в главе 2.

Единственный способ избежать этого — запретить оценивать различия в компетенции и ответственности, отказаться признавать за ними функциональную релевантность. Здесь также весьма показательна история Советской России. Марксистская идеология, включая сюда и положения самого Ленина, радикально отказывается признавать, что любая компетенция, превосходящая компетенцию *среднего* рабочего, может являться основанием для различия в оценке (4). На практике там произошло следующее: с развитием индустриализации в СССР как преимущества, так и вознаграждения становились все более заметно дифференцированными, включая сюда и денежное вознаграждение. Советские промышленные руководители принадлежат к *интеллигенции*, а их собратья в Америке, которых марксисты называют *капиталистами*, находятся, по существу, в точно такой же структурной ситуации. Как те, так и другие получают вознаграждения большие, чем получают их *средние* рабочие. Будет ли эгалитарный идеал коммунизма в этом отношении достигнут в будущем — увидим. В конце концов, социолог не может не относиться к этому скептически.

Это предопределяет, что амплитуда вариабельности связей между инструментальными комплексами и системами вознаграждений **невелика**. Определенная амплитуда безусловно существует, но в действительности *пучок* гораздо уже, чем перестановки и комбинации структурных элементов таких систем, которые можно было бы себе представить логически.

Но это еще не все. Тот же самый индивидуальный актор, который занимает инструментально ориентированные, т. е. профессиональные роли, имеет некоторые экспрессивные потребности, которые не могут быть удовлетворены этой ролью. Он включен в другие ролевые системы, в которых большое место занимают непосредственное удовлетво-

рение, диффузная привязанность и лояльность по отношению к другим индивидам. Почти полное исключение таких ориентаций из системы профессиональных ролей само по себе уже является предпосылкой возможности в дальнейшем еще более высокого развития этой системы.

В этом главная основа для разделения родственных и профессиональных ролей в *индустриальных* обществах. Но нет такого общества, по крайней мере среди тех, которые мы знаем, где далеко зашел бы процесс устранения единицы родства вообще или хотя бы на более или менее продолжительный период времени, как мы показали на примере Советской России. Но из всех этих факторов нельзя заключить, однако, что до тех пор пока будет существовать структура родства, она будет всегда не связанной с профессиональной структурой. Такая связь проявляется прежде всего в ее участии в системе вознаграждений. Солидарность единицы родства такова, что если какие-то преимущества и вознаграждения достаются одному из ее членов, их *разделяют* с ним также и все члены семьи. Совершенно невозможно себе представить, чтобы большинство тех людей, которые занимают высокое положение в профессиональной сфере, не разделяли бы все то, что можно купить на их доход, со своей семьей, если они ее имеют, и даже — еще более фундаментальный факт — чтобы они не разделяли с ней своего престижа. Следовательно, пока существует солидарность единицы родства, невозможно рассматривать жен и детей, тех, кто расположен выше в профессиональной системе, и тех, кто расположен в ней ниже, как равных друг другу, **независимо от их личных достижений**. Другими словами, эти два основных компонента системы вознаграждений данного общества, профессиональное одобрение или уважение и символическая оценка этого факта, с одной стороны, а также *эмоциальная уверенность*, ответ на чувства и любовь в единице родства — с другой, должны каким-то образом объединяться. Из этого следует, что комбинация профессионально дифференцированной индустриальной системы и заметно солидаризированной системы родства **должна** приводить к стратификации, где дети высоко ранжированных родителей получают преимущества в соответствии со статусом, приписываемым им по родству, и не приравниваются к детям тех, кто расположен ниже. И это обобщение также было подтверждено историей Советской России. Разумеется, это эмпирическое обобщение может в один прекрасный день потерять свое значение, когда, например, будет устранена единица родства. Но если принять во внимание историческую устойчивость этого узла, то возникает весьма острый вопрос: к а к это можно сделать?

Если все сказанное выше верно для *индустриальных* обществ, то это тем более верно для случаев, которые расположены по континууму, на который мы указывали выше, ближе к полюсу *смешения*. Действительно, с уверенностью можно сказать, что в таких обществах невозможно даже сколько-нибудь успешное приближение к той степени *равенства возможностей*, которая характерна для современных индустриальных обществ. Но пока солидарность единицы родства и ее необходимость не могут быть радикально сокращены, хотя бы до уровня современного американского общества, существует предел развития не только в направлении абсолютно эгалитарных обществ, но даже и в достижении хотя бы полного равенства возможностей.

3. Территория, принуждение и интеграция системы власти (влияния)

Третий очень важный эмпирически пучок социальных систем — это система влияния. Мы уже показали, каким образом инструментальные ориентации посредством фокусирования релациональных преимуществ стремятся фокусировать влияние в качестве значимой цели и как, в силу того что преимущества и вознаграждения тесно связаны между собой, а влияние одного актора **всегда** относительно по сравнению с другими, власть может превращаться в эпицентр разрушительных конфликтов. Мы показали также, что принуждение в одном из первоначальных контекстов, а именно в контексте **предотвращения** нежелательного действия, является универсальным эффективным средством и что принуждение по природе своей связано с территорией, т. к. оно является средством **физическим**.

Это сочетание имеет для социальных систем такое важное функциональное значение, что можно с уверенностью сказать: не может быть единой интегрированной структуры, которая функционировала бы успешно в обществе, пока

в основе его не лежит контроль за отношениями влияния вообще и применением принуждения в частности. Общество не может существовать, пока нет основы для осуществления какого бы то ни было контроля за применением насилия и пока разрушительные конфликты, которые неизбежно перерастают в *борьбу за влияние*, стремясь применять все более и более жесткие средства вплоть до насилия, не будут удерживаться в определенных границах. Если социальная система, о которой предполагается говорить, является одной из многих систем, то существенной частью проблемы связи ее с обществом будет проблема ее места в системе влияний.

Структуры определенного типа непосредственно организованы вокруг этого центра. Идеальный пример, на который мы здесь сошлемся, — государство, которое с этой точки зрения эквивалентно социальной структуре системы родства и социальной стратификации. Существует весьма большая амплитуда возможности возникновения именно так дифференцированной структуры. Между прочим, она зависит от уровня организации применения принуждения и, разумеется, от его технологии. Этот уровень связан в свою очередь с уровнем техники и организации вообще: если имеется в наличии высоко развитая профессиональная система, то всегда есть возможность использовать для осуществления принуждения те организационные стандарты, которые характерны для этой системы в целом. Можно сказать, что чем выше уровень организации, тем более разрушительным становится потенциальный конфликт, а следовательно, все более настоятельна необходимость его контролировать. Но в любом случае принуждение организуется территориально. На одной и той же территории нельзя осуществлять те или другие законы применения принуждения, не определив границ их применения.

Можно так проиллюстрировать важность этого подхода. По-видимому, существуют некоторые моменты *врожденной* нестабильности в тех обществах, где огромное количество населения организовано на основе крестьянских деревенских общин. Одна из причин этой нестабильности — тот факт, что деревенская община в качестве первичного пункта солидарности только с большими оговорками может быть названа эффективной единицей для организации применения принуждения. Она, в противоположность любой другой более экстенсивной организации, является единицей, почти не испытывающей ни в чем недостатка. Поэтому всегда должны существовать над этим крестьянским обществом какие-то *суперструктуры*, которые, наряду с другими целями, предназначены также и для организации и упорядочения применения насилия. Возникает вопрос, насколько такая суперструктура, там где она имеется, *органично* интегрирована с устойчивыми внутри себя деревенскими общинами. Часто уровень такой интеграции оказывается совсем невысоким. Это обстоятельство имело огромное значение для истории Китая, а также, например, для Восточной Европы. Наряду с другими обстоятельствами, оно также обусловливает успех коммунистического движения в крестьянских странах, а не в индустриализированных обществах, где существует более жесткая структура, объединяющая единицу-общину самого низшего уровня со всей системой влияния.

Можно, следовательно, сделать вывод, что общества, в которых существовала бы ничем не ограниченная свобода применения насилия, и прежде всего те, в которых внутри одних и тех же территориальных областей действовали бы различные бесконтрольно применяющие насилие агенты, столь же редки, как и общества, в которых социализация детей осуществлялась бы вне отношений родства, или же общества, в которых система вознаграждений находилась бы в обратной связи со степенью компетентности и ответственности в основных сферах оцениваемых достижений.

4. Религия и интеграция ценностей

Четвертый эмпирический пучок можно описать очень кратко. Это, в первую очередь, встречающиеся в жизни человека во всех обществах некоторые типичные ситуации, которые, варьируясь в зависимости от той или иной конкретной структуры, порождают и усиливают повсюду некоторые сходные характеристики. Это ограниченность человеческой жизни во времени; универсальность факта смерти, в особенности же преждевременной смерти, а не только той, которую уже ожидают люди, знающие, что они должны умереть; проблема эмоционального приспособления для тех,

кто остался жить. Значение привязанности человеческих индивидов друг к другу так велико, что смерть не может восприниматься ими равнодушно. Во-вторых, хотя система ценностей институционализируется в обществе, реализация тех ожиданий, которые ею определены, будет столь же неконкретной, сколь и неодинаковой. Отчасти это результат незащищенности человека от внешней природы, которая капризна и в некотором смысле «враждебна» человеческим интересам: причуды погоды — наиболее яркий пример из этой области. Но в гораздо большей степени это результат практической невозможности **полностью** интегрироваться **с какой бы то ни было** системой ценностей в конкретных условиях действия. Любая социальная система в определенном смысле может быть всегда названа плохо интегрированной; это означает, что всегда существует проблема расхождения между институционально узаконенными ожиданиями и действительным ходом событий. Всегда существует проблема: какую принять установку по отношению к тому, что не было предусмотрено существующей системой ценностей, а также к существованию ненаказуемого поведения, нарушающего моральные нормы общества, — *проблемы греха. Моральную экономику* человеческого общества невозможно сбалансировать по книгам счетов.

Из того, что нам известно относительно психологии ожиданий и последствий фрустрации, совершенно очевидно, что в этих сферах существуют сложные проблемы адаптации. Точно так же, как невозможно равнодушно воспринять смерть того, кто был объектом глубокой привязанности, невозможно и просто отнестись к фрустрации, вызванной нарушением каких-нибудь фундаментальных ожиданий относительно той или иной ценности, как будто мне это *«до лампочки»* или как будто можно сказать: *«ну, и черт с ним!»* А потому совершенно необходимо, чтобы существовала какого-то рода социально структурированная ориентация в этих вопросах, касающихся расхождений, обнаруживающихся между действительностью и **институционализированными** ожиданиями. Это проблема уравновешивания, окончательного балансирования мотивационных и моральных счетов — именно она определяет значение религии в социологическом контексте.

Явления этой сферы исключительно сложны, и их невозможно здесь рассматривать подробно. Существует, разумеется, довольно большой ряд возможных структур. Но для нас существенно то, что какие бы механизмы адаптации в этой области ни существовали внутри общества — а они по природе своей должны быть чем-то большим, чем просто идиосинкразическими для каждой конкретной личности, — они должны быть каким-то образом социально структурированы. Они должны в некотором смысле и до некоторой степени быть интегрированными с доминирующей системой институционализированных ценностей. Они не могут изменяться совершенно независимо от них. Должна существовать, следовательно, некоторая упорядоченность когнитивной ориентации, которая действует как в мотивационной, так и в моральной областях, а также связь между ними; в системе убеждений конкретного общества нельзя просто игнорировать проблему *величины* расхождений. Более того, должна существовать определенная интеграция также на уровне экспрессивного символизма. Эта проблема будет рассматриваться нами в главах 8 и 9.

По существу такую же схему анализа можно принять и в дальнейшем: мы будем не просто называть, выявленные эмпирически *пучки* отдельных компонентов социальной структуры, но будем приводить также некоторые в высшей степени обобщенные отношения взаимозависимости между ними, которые всегда в таких случаях следует принимать во внимание. Здесь мы будем иллюстрировать эти связи только на примере взаимозависимости между религией и системой влияния.

Религиозное движение, в силу связи его с общей интеграцией ценностей, требует для своей сферы юрисдикции общего характера в ценностных ориентациях людей, которые должны быть каким-то образом интегрированы с ценностями, институционализированными в данном государстве. Некоторые из этих религиозных движений, однако, в своей этике радикально отрицают применение насилия, или даже наличие каких бы то ни было более общих связей с системой влияния.

Такие движения оказываются, как правило, перед лицом общей дилеммы. Пока они не принимаются основной институциональной структурой, проблему власти и наси-

лия можно передать «кесарю» в смысле, определенном ранним христианством. Но если движение превращается в институционализированное, в доминирующую религию данного общества, то оно должно непременно само столкнуться с этими проблемами. Здесь существуют различные возможности. Простейшее структурное решение для религиозного движения — слиться с *политически* интегрированной структурой общества, это такое решение, которое особенно сильный упор делает на укрепление *потусторонних* ценностей. Структурное же выделение (а не отделение в американском смысле этого слова) церкви из государства, как это было со средневековым католицизмом, вовсе не простое и не легкое решение. Если религия получила высокую организацию, как это имеет место при наличии церкви, она не может полностью устраниться от ответственности в этом вопросе. Следовательно мы сталкиваемся здесь с таким феноменом, как церковь, которая отвергает насилие *само по себе*, а еретики ставятся к позорному столбу *государством*, и приговор ереси выносит суд Экклезиаста.

Дилемма институционализации ценностей, связанных с религиозной системой, — одно из наиболее важных направлений анализа социальных систем, и мы будем к ней возвращаться ниже, в частности в 11* главе, посвященной социальному изменению. Здесь можно отметить только, что еще больше всяких дилемм стоит перед *светскими религиями*, такими, как, например, коммунизм, который отвергает насилие и использование принуждения как этического принципа в идеальном государстве; фактически это, по-видимому, наиболее определенный момент во всем официальном марксистском предвидении того, чем же должен стать коммунизм в конечном счете. Но, как всем известно, не только в ходе подготовки революции внутри *капиталистического* общества, но и на стадии *социализма*, в Советском Союзе, еще очень далеко до отказа использовать принуждение. Напротив, коммунистическое движение его демонстрирует и прославляет. Вопрос заключается в том, как же будет совершаться переход, если таковой вообще возможен.

* Данная книга переведена до 8 главы включительно, последующие главы см. в оригинале.

Эти четыре сочетания социальных структур приведены здесь только для иллюстрации и никоим образом не исчерпывают проблемы. Они должны были показать в первую очередь, что структурный анализ социальных систем — это вопрос не простого перечисления логически возможных перестановок и комбинаций некоторых более или менее произвольно определенных структурных компонентов. Мы сделали первый шаг к тому, чтобы поместить эти компоненты в связь с проблемами динамического анализа, который всегда есть не что иное как анализ мотивации в ее связи со структурой личности и с ее ситуациями. Это только другими словами высказанное положение, что социальные системы должны соблюдать функциональные предпосылки своего сохранения в качестве таковых.

Эти эмпирические сочетания-*пучки*, следовательно, вводят нас прямо в анализ динамических проблем. Хорошо известно, что ценностные стандарты во многих случаях выходят далеко за рамки этих сочетаний, как в случае доктрины отказа от применения насилия, что мы уже показали выше. Существует, поэтому, ряд в высшей степени важных проблем, которые касаются возможностей институционализации стандартов, выходящих за пределы *узла* исторически данных структур, а также внутри пределов, ими очерченных. Если говорить о стандартах в пределах данных структур, то перед нами пример того, что с большей или меньшей определенностью можно назвать *экспериментальной* ситуацией, — Советский Союз, демонстрирующий эти проблемы в широком масштабе.

Что такие ситуации должны постоянно возникать, доказывают те данные, которые мы приведем ниже (5). Они свидетельствуют о том, что во всех социальных системах действуют мощные силы, направленные на обезвреживание *утопических* стандартов ценностных ориентаций, т. е. стандартов, не совместимых с известными условиями, которые могли бы обеспечить их институционализацию в перспективе. Здесь, по-видимому, будет верно утверждение, что имеющие хождение в современном обществе призывы относительно отмирания семьи, абсолютного равенства или же абсолютного отказа от применения насилия могут быть отнесены именно к этой категории.

Совершенно очевидно, однако, что было бы опасно предположить, будто существуют жесткие границы, отделяю-

щие этот узел структур от других узлов. Напротив, есть много оснований предполагать, что эти линии весьма неопределенны. Общество — не статическое явление, и некоторые вещи становятся в нем возможными на определенных этапах его развития, даже если раньше они казались невозможными. Например, современные масштабы организации были бы совершенно невозможными без современных методов коммуникации и форм отчетности. Но эта неопределенность границ в любой данный момент времени вовсе не означает, что *все возможно*, если только достаточно сильно захотеть этого. Это означает только, что в случае значительного изменения этих пограничных линий должны быть созданы **специальные** механизмы, обеспечивающие соблюдение соответствующих необходимых в этих условиях мер. Должны развиваться *функциональные альтернативы* структурам, которые предполагается элиминировать.

Конституция конкретных обществ

Вывод, который можно сделать из выше приведенного обзора эмпирических сочетаний элементов социальной структуры, заключается в том, что общества подчиняются некоторым функциональным требованиям; если этого не принять во внимание, то невозможно понять, почему ряд действительно существующих социальных структур представляет собой только небольшой сектор того ряда, который образуется набором перестановок и комбинаций различных их структурных компонентов. Эти требования можно разделить на два вида: первый из них — универсальные требования, условия, которые должны быть соблюдены любой социальной системой, имеющей стабильный и устойчивый характер; второй — требования совместимости, которые ограничивают набор структурных элементов только теми, что способны сосуществовать в одном и том же обществе, так что данный структурный элемент, например, данный тип системы профессиональный ролей или тип системы родства, который ей сопутствует, не должен выходить за определенные поддающиеся конкретизации пределы.

Элементы социальной структуры можно вывести из двух источников: из эталонов ориентации действия и из элементов ситуации, в которой осуществляется эта ориентация. Релевантность элементов ориентации организациям систем действия, включая сюда и социальные системы, определяется ролью стандартов ценностной ориентации. Если эти стандарты применяются в различных ситуациях, значит, найдены основные альтернативы такой организации. Можно, следовательно, сказать, что, если бы структура социальных систем зависела исключительно от *свободного выбора* составляющих ее акторов, то главную структурную схему можно было бы описать в терминах только стандартов ценностной ориентации, а они выводились бы, в свою очередь, из моделей экспрессивной и когнитивной ориентации. И то, насколько социальную систему нельзя вывести из культурных элементов, есть, следовательно, мера значения тех детерминант, которые лежат в основе явлений, названных нами двумя видами *требований*, или *императивов*, которым они подчинены в ситуации своей практической деятельности как системы. Результаты действия указанных факторов могут рассматриваться как стандарты отклонения от того, что должна представлять собой модель *настоящей интеграции* с точки зрения доминирующего стандарта ценностной ориентации. Такие модели данной системы ценностей мы можем называть **адаптивными структурами** социальной системы. Полное выявление и классификация таких структур не может быть проведена на нынешнем уровне знаний. Но те знания, которые мы имеем, можно использовать для того, чтобы руководствоваться ими при построении упрощенной схемы первоначальной систематизации.

Мы уже сейчас можем выделить ту часть социальной структуры, которая непосредственно институционализирует доминирующие стандарты ценностной ориентации данной культуры; вряд ли можно сомневаться, например, в том, что в американском обществе краеугольным камнем является профессиональная система. Но даже она, в качестве конкретной субсистемы социальной системы, не может быть прямо связана со стандартами ожиданий самой системы ценностей. Даже в этой структуре должен быть адаптивный аспект, который можно назвать способами адаптации, вызванными необходимостью институционализировать определенные ценностные стандарты, с учетом условий, т. е. тех напряжений, которые характерны для данной ситуации как

в самих этих ролях, так и в комбинациях, которые они образуют с другими ролями, выполняемыми теми же самыми людьми в других сферах общества. В американской профессиональной системе, например, одновременная включенность одних и тех же индивидов и в профессиональные роли, и в роли родства представляет основу для возникновения всех проблем.

Но только в весьма редких случаях социальные структуры, непосредственно институционализирующие основные ценностные стандарты, даже при тех условиях, которые мы описали выше, будут соответствовать требованиям большей части функциональных предпосылок, необходимых для существования данного общества. В этом же самом обществе, следовательно, должны быть и другие структуры, адаптивные в более широком смысле этого слова, они будут организованы преимущественно посредством институционализации не доминирующих ценностных, а других стандартов, как это имеет место, например, в американском обществе в системе родства.

Мы всегда имеем в своем распоряжении данные для того, чтобы показать, что требования перед лицом которых находится общество, таковы, что совершенно невероятно, чтобы какой-либо один хорошо интегрированный стандарт мог обеспечить весь ряд действительных ситуаций. Поэтому должны быть институционализированы также вторичные или подчиненные ценностные стандарты (стандарты-варианты), институционализация которых, в некотором условном смысле, т. е. в смысле их применения и узаконения, ограничена определенным контекстом так, чтобы минимизировать интерференцию, которую они могут вызвать в главном ценностном стандарте. Проблема интеграции вызывает необходимость *терпеть* и даже институционализировать стандарты, отклоняющиеся от основных ценностей. Это одна из главных интегративных проблем в социальных системах, и она приобретает тем большее значение, чем сложнее и дифференцированнее становятся их структуры.

Можно, поэтому, подходить к анализу типов социальной структуры с точки зрения стандартов ценностной ориентации. При такой процедуре первым шагом будет рассмотрение следующих вопросов. Где в системе основных центров кристаллизации, рассмотренных в предыдущей главе, можно разместить главные пункты, имеющие значение для тех систем ценностей, о которых мы говорим? Каковы в данной сфере функциональные условия реализации ценностных стандартов, которыми мы занимаемся? Как будет выглядеть необходимая модификация для получения совершенно идеального стандарта? Т. е. возникает вопрос: следует ли из того, что́ мы знаем о функциональных императивах социальных систем и их эмпирическом развитии, что в тех же самых системах могут существовать также и другие структуры, и как эти другие структуры могут быть объединены со структурами главных ценностей? Эту процедуру нам фактически придется осуществить весьма коротко в последнем разделе данной главы по каждому из четырех основных комбинаций переменных модели для систем социальных ценностей.

Однако прежде чем взяться за выполнение этой задачи, неплохо было бы сконструировать для нее какое-то основание, рассмотрев более систематически некоторые основные структурные характеристики, присущие всем обществам и показав в результате, каким образом они становятся исходными точками для дальнейшей дифференциации и изменения. Вопрос заключается в том, что существуют некоторые типы отношений, которые должны иметь место в любом обществе, хотя их относительное значение и их связь с другими (типами) могут очень сильно различаться. Мы, следовательно, подойдем к проблеме конституирования эмпирического общества сразу с двух концов: от некоторого функционально необходимого минимума структур и от дифференциации типов стандартов ценностной ориентации, и сделаем выводы от наложения их на конкретную систему социальных отношений.

При этом ведущей нитью будет рассмотрение как в том, так и в другом контексте системы точек отсчета, выведенной в предыдущей главе, а именно главная схема из шести категорий.

Относительно общества, которое мы описываем, мы везде будем рассматривать вопрос о том, какие структуры, найденные в этом обществе, будут подходить под каждую из этих шести категорий, а также, разумеется, разрабатывать субкатегории в той мере, в которой дифференциация, осуществляющаяся в данном обществе, делает такую разработку релевантной.

Начать можно с указания на бросающуюся в глаза фундаментальную асимметричность в отношениях между аскриптивным и достижительным моментами статуса. Другими словами, категоризация в аскриптивных терминах в некотором смысле имеет определенный приоритет по сравнению с категоризацией в терминах достижения. Должна существовать аскриптивная основа, относительно которой определены ожидания, связанные с достижениями. Если мы свяжем эти точки зрения с выводами об универсальности узла структур, имеющих дело с родством, то мы сможем сосредоточить внимание на фундаментальном комплексе социальных структур, в котором аскриптивные критерии играют главную роль и который, насколько нам известно, является общим, несмотря на большое число разновидностей, для всех обществ.

Это комплекс, в котором для классификации в качестве точек отсчета используются характеристики возраста и пола, а также релациональные характеристики биологического положения и территориального размещения. На этих основаниях в первую очередь построены группировки по родству с малой семьей в качестве исходной единицы. Хотя существует бесконечное количество разновидностей в структуре систем родства, этот фокус его остается устойчивым (6). Кроме того, как было указано в предыдущем разделе, из этого следуют дальнейшие импликации. Это верно, во-первых, потому, что данная единица родства по преимуществу аскриптивно определяет статус ребенка в более широком обществе, и фактически влияние единицы родства тем шире, чем сильнее аскриптивный акцент вообще. Во-вторых, в терминах переменных другой модели существует устойчивая связь между таким аскриптивным акцентом, с одной стороны, и партикуляризмом и диффузностью — с другой. Партикуляризм возникает из наличия аскрипции и утверждается посредством **релациональных** критериев. Диффузность же вытекает из факта, что единица родства не организована вокруг отдельных специфичных функций, но ее общая солидарность поддерживается соответствующими аскриптивными критериями. Только относительно выбора партнеров для вступления в брак, при некоторых условиях, эта по преимуществу аскриптивная структура родства временами нарушается.

Главный аспект диффузной аскриптивной солидарности единиц родства — они образуют единицы поселений в большей части нормальных популяций. Именно это обстоятельство объединяет аскриптивные биологические связи с территориальным размещением. Следовательно, поскольку единица родства есть в то же время и единица поселения, мы имеем перед собой родство и общину по месту жительства одновременно. С точки зрения расселения, община — это комплекс единиц родства, или слабо дифференцированная конкретно функционирующая единица родства, которая в одно и то же время представляет первичную ячейку как системы родства, так и системы территориальной организации населения.

Разумеется, существует масса исключений из этого правила. Различные элементы популяции, например, студенты, некоторые специализированные группы рабочих, например, лесорубы, монахи и монахини, военные, не *живут* в единицах родства. Но мы не знаем такого общества, в котором жизнь вне единиц родства была бы основным стандартом для нормального индивида на протяжении всей его жизни.

Родство и место жительства находятся друг с другом в сложных взаимоотношениях (7), которые здесь нет необходимости затрагивать. Но если такая комбинация этих двух структур универсальна, то она представляет собою исходный пункт, из которого можно вывести целую ветвь структурных отношений. Эта комбинация, например, в конечном счете, входит в социологическую постановку проблемы территориальной мобильности и стабильности популяций. Территориальная мобильность должна прежде всего либо перемещать единицу родства в качестве таковой, либо помещать индивида в отношения с другим рядом единиц родства, благодаря чему она (территориальная мобильность) и получает социологическое значение.

Однако, можно выбрать два направления такого рассуждения. По существу единицы родства двумя кардинально отличными друг от друга способами организуются в более широкие комплексы. Первый из них — это этнические группы. Этнические группы — это агрегаты единиц родства, члены которых рассматривают свое происхождение либо как выводимое от общего всем предка, либо как выводимое от предков, которые все принадлежали к одной и той же

категории этнических групп. В соответствии с этим их можно рассматривать либо как группы родственников, развившиеся в большие системы групп, либо как матрицу, определяемую в терминах биологических связей, внутри которой размещается данная единица родства. Этническая группа обычно эндогамна и пополняется рождением новых членов, хотя, разумеется, возможна в определенных размерах также и ассимиляция при помощи смешанных браков и посредством других механизмов. Биологическая особенность этнической группы по преимуществу имеет значение для социальной структуры только в том случае, если данная группа характеризуется особым социальным статусом в более широкой социальной системе, статусом, который большей частью задается и символизируется особой культурной традицией (8).

Второе направление рассмотрения — это классификация единиц родства по их престижным статусам в социальной системе. Таким способом мы получаем то, что называют социальным классом; класс — это агрегат единиц родства, приблизительно равных между собою по статусу в системе стратификации. Этнические группировки и классы могут совпадать, если мобильности не существует вообще или она невелика. Индийская кастовая система приближается именно к такой ситуации. Но для *открытой* классовой системы различения этих понятий весьма важно; этнические и классовые основы дифференциации — это разные вещи.

Для любого общества, следовательно, необходимо задаться вопросами: какова его система родства, какова основа организации единиц родства в общины различной степени замкнутости, а также каким образом они дифференцированы на этнические и (или) классовые группы? Каковы эти группы, каковы их основы и каким образом они связаны друг с другом? Возможно, что все эти структуры будут функционально эквивалентными. Мы уже убедились, что для родства это в высшей степени невероятно. Для общины это также едва ли окажется возможным. Это возможно для этнических группировок, но только на основе того, что общество как целое будет образовано отдельными недифференцированными этническими группами. Поскольку есть этническая группа, связанная с другими группами вне ее, но входящими в то же самое общество, можно сказать, что такая основа для организации имеется в наличии всегда. Теоретически все человечество можно рассматривать как единую этническую группу, но это скорее дело будущего. Сходные этнические и классовые композиции в отдельных случаях могут совпадать. Но классовая дифференциация внутри этнической группы — это скорее правило, чем исключение. И, наконец, также, по-видимому, универсально наличие некоторой степени престижной дифференциации единиц родства, т. е. классовой их дифференциации.

То, что эти виды группировок сконструированы на основе преимущественно аскриптивных критериев, имеет важное значение для стандартизации ролей внутри них. Согласно одному из них выбор партнера для вступления в брак, что определяет его принадлежность к единице родства, может быть только аскриптивным. То же можно сказать и об этнических группах. Если говорить об общине, то вступление в нее может быть свободным, но если дано место жительства, то все остальное уже определяется аскриптивно (например, необходимость платить местные налоги и пр.). Это, в конечном счете, сильно сужает набор критериев, связанных с достижением. Во-вторых, место жительства предрасполагает скорее к диффузности ролевых обязанностей, чем к их конкретности, поскольку нет никакой возможности гарантировать, что крайности ситуации, из которой либо вообще невозможно выключиться, либо возможно это сделать только ценой перемены места жительства, удастся согласовать с каким бы то ни было конкретно определенным контекстом.

Поэтому можно сказать, что принадлежность к этим четырем видам группировок — по родству, по месту жительства, по этнической и классовой принадлежности — характерна для каждого индивидуального актора в любом обществе, и такие группировки должны, согласно требованию классификации, учитываться как часть структуры любого общества. Более того, эти группировки будут стандартизироваться отчасти или даже целиком в терминах аскрипции; в них будут обнаруживаться важные, фактически обычно преобладающие партикуляристические элементы, и в них сильно будет подчеркиваться, а иногда даже неограниченно господствовать диффузность.

То, что может быть названо *минимальным обществом*, можно описать исключительно в терминах этих четырех

категорий, если при этом учесть необходимость различения дифференцированных ролей внутри каждой из них. Можно отметить, что ни одна из них не организована в основном по принципу преобладания какого-либо типа ориентации.

Следующий ряд вопросов затрагивает дифференциацию ролей и субколлективов не только внутри каждой из этих четырех группировок, но также и структурно независимых от любой из них. В первую очередь они касаются тех сфер, которые открыты для *частной* инструментальной и экспрессивной ориентации, и структур, развитых на этом основании внутри субколлективов. Низший уровень их дифференциации будет чисто *промежуточным* по отношению к этим аскриптивным группировкам, и в таком случае эти ориентации будут в идеале совпадать с репрезентативными (представительными) ролями, представляющими субколлектив. Здесь, например, можно указать на обсуждение порядка брачных связей между группами родства или отношений между соседскими общинами.

Но эти структуры могут представлять собою и нечто большее, чем просто промежуточные звенья. В таком случае структурно более примитивные типы, как мы видели, представляют *экологические комплексы*, например, если речь идет об инструментальном случае — это рыночные связи, а в экспрессивном случае — система отношений *чисто личной* дружбы. Итак, в качестве следующего шага в процессе рассмотрения структур, имея в виду, в частности, инструментальный аспект, можно сконструировать коллективы, характеризующиеся преобладанием того или иного типа ориентации, а не образованных на основании аскриптивных критериев. Наиболее ярким примером будет здесь инструментально ориентированная организация.

Как в экологических комплексах, так и в коллективах, образованных по типам ориентации, критерии, связанные с достижением, будут в основном преобладать над аскриптивными. Здесь точно так же будет больше простора для универсализма, а в инструментальных типах инструментальное преобладание предполагает аффективную нейтральность.

Как экологические комплексы, так и образующие их роли с преобладанием той или иной ориентации, согласно этой точке зрения, если они в принципе стабилизированы, должны рассматриваться как части структуры социальной системы, которые образованы из коллективов, организованных в свою очередь на аскриптивных основаниях. Они в некотором смысле всегда промежуточны по отношению к аскриптивным группировкам, но они, разумеется, могут развиваться до такой стадии, когда начинают пронизывать все (за исключением самых первичных) основания принадлежности к общине и этнической группе. Как раз такое положение вещей мы имеем в обществе *индустриального* типа.

Интегративные структуры без труда вписываются в эту схематизацию. Комплекс, связанный с влиянием-принуждением и территорией, имеет следующее значение: то, что мы рассматриваем как могущее быть обществом, если оно находится на высокой стадии дифференциации, как правило, всегда организовано как единый коллектив на этом основании, а следовательно, является *политически организованным* обществом. Довольно редкий случай представляет, например, классическая Греция, в которой города-государства в действительности составлялись не из чего иного, как из *семей*. Но обычно в любой социальной системе связь этого преимущественно политического коллектива с *частными* сферами входящих в него акторов — как индивидов, так и коллективов, — представляет основную область структурных характеристик данной социальной системы. Как уже указывалось, они всегда тесно интегрированы как с территориальными основами общины, так и с этнической традицией, и, кроме того, еще с дифференциацией по классовому основанию.

Возможно, однако, как мы уже убедились, что в некоторых аспектах эти культурные ориентации будут интегрированы отчасти независимо от политической интеграции. Яркий пример — церковь, отделенная от государства. Таким образом, культурная интеграция может целиком относиться к частной или неформальной сфере и не иметь общей формальной организации, как это имеет место с индуизмом в Индии, который почти на всем протяжении своей истории сосуществовал со множеством политических единиц одновременно.

И наконец то, что мы назвали выше *экономикой* размещения преимуществ и вознаграждений как двух отдельных систем, должно рассматриваться как часть структуры дан-

ного общества. Как мы уже видели, они должны быть тесно интегрированы друг с другом и с системой аскриптивных характеристик. По существу, их можно рассматривать как способы упорядочения единиц данной системы, ролей, связанных с ориентациями, и ролей, связанных с объектами, которые исполняются входящими в данную систему акторами — индивидами или коллективами. Здесь можно говорить о различиях по степени равенства или неравенства в распределении преимуществ и вознаграждений, по степени строгости контроля за этим распределением, по степени преобладания индивидов или коллективов в качестве единиц и прочее, и о равенстве или неравенстве возможностей получения как преимуществ, так и вознаграждений, и наконец, о степени мобильности или немобильности аскриптивно определенного старта.

Рассмотрение, проведенное выше, дало нам систему отсчета для подхода к проблеме структурной дифференциации обществ. В основе всех, более или менее развитых типов дифференциации лежат основные аскриптивные группировки, из которых, по-видимому, наиболее фундаментальными, в свою очередь, будут родство и территориальное расселение, хотя к ним очень близки этническая принадлежность и классовый ранг. Как показывают данные, полученные в антропологических исследованиях, может быть большое разнообразие не только разновидностей, но и различных направлений структурного развития, при этом преобладание такого аскриптивного центра и партикуляристическо-диффузных ролевых стандартов, организованных вокруг него, не нарушается. Изменчивость же в пределах этих рядов существует и является наиболее характерной для дописьменных обществ. В целом как инструментальные, так и экспрессивные функции выполняются внутри ролевой структуры смешанного типа (тип 4 в главе 3). Разделение таких интересов по преимуществу случайно и не осуществляется посредством ролевой дифференциации. Контексты взаимных переходов между отдельными ролями в их связях друг с другом, включенные по преимуществу в партикуляристически диффузную ролевую систему, институционализированы, прежде всего, в терминах отношений родства или, как это иногда случается, в терминах *фиктивного родства*. Соотношение систем преимуществ и вознаграждений, следовательно, не дифференцировано структурно — обе эти системы являются составными частями систем основных аскриптивных ролей. Разумеется в такой системе обязательно должны быть какие-то *переходные звенья*, но в общем это главный структурный тип. Внутри него — повторим еще раз эту мысль — имеют место различные структурные вариации и направления развития.

Качественно новый градиент структурной дифференциации вводится, если имеются в наличии два тесно взаимосвязанных направления развития. Первое из них — специализация ролей отдельных акторов или коллективов, связанных с инструментальными или экспрессивными интересами и функциями, ролей, которые структурно **независимы** от аскриптивных диффузно-солидарных группировок. Второе — развитие сети *свободного* обмена этими ролями и единицами-коллективами, когда они не растворяются в общей структуре отношений партикуляристической солидарности, но могут быть независимыми переменными. Это, в свою очередь, требует институционализации прав на обладание как преимуществами, так и вознаграждениями на основании, которое есть не что иное, как один из аспектов структуры аскриптивной партикуляристически-диффузной солидарности. Этот новый градиент дифференциации обычно считается градиентом, образующимся в более развитого типа обществах, и процесс этот может привести к весьма различным степеням изменения. Он однако же дает возможность упорядочивать занятия людей, которая отсутствует в обществах другого типа, независимо от того, какой степени развития они достигли. Разумеется, он связан с письменностью, со способностью к абстракции и накоплением культурных достижений.

Различные типы ценностной ориентации будут, разумеется, делать различный акцент на указанных выше структурных возможностях. И то, каким образом этот различный акцент вырабатывается, будет показано в последнем разделе данной главы.

Сделанные выше приложения классификации, данной в главе 4 и развитой в ней, довольно близко подвели нас к системе категорий, необходимой для адекватного эмпирического описания общества **как системы**. Все они последовательно выведены из основных компонентов теории дей-

ствия. Эта система может рассматриваться как полная в первом приближении; и совершенно ясно, что категории этой системы взяты не с потолка. Они образуют последовательную схему структуры системы, в терминах которой можно непосредственно объединить все имеющиеся у нас динамические знания и которая может служить путеводной нитью в различных исследованиях.

Следующей нашей задачей будет объяснение некоторых взаимоотношений между этими частями социальной системы. Факты, выявленные при рассмотрении этих эмпирических сочетаний, могут служить здесь в качестве путеводной нити.

Структурные императивы конкретной социальной системы

Вернемся к проблеме подчинения конкретного стандарта ценностной ориентации требованиям, возникающим в той или иной ситуации. Существенной частью ситуации является характер других частей социальной системы, в которой институционализирован данный стандарт.

Действие, направленное к реализации стандарта ценностной ориентации, следовательно, должно быть не только адаптировано к некоторым мотивационным и ситуационным требованиям, которые универсальны для человеческого рода, а тем самым для существования устойчивой социальной системы вообще, — оно должно удовлетворять некоторым условиям совместимости внутри **единой социальной системы**. Первый ряд императивов можно назвать универсальными, второй — императивами совместимости, или же структурными императивами. Только взятые вместе они дадут нам определение амплитуды социальной вариабельности.

Рассмотрим сначала некоторые проблемы *индустриальной* профессиональной структуры современного типа. Ее главная характеристика — система ролей универсалистско-конкретных, аффективно-нейтральных, ориентированных на достижения. Должны существовать не просто отдельные роли такого типа, они должны образовывать вместе сложные системы как в одной и той же организации, так и в экологических комплексах, связывающих в одно целое индивидов и организации. Без сомнения такая ролевая система гомологична системе родства, так что она должна представлять собой по существу сеть связанных друг с другом единиц родства, к чему близки и многие другие социальные структуры, как, например, феодальная. По многим причинам рассматриваемая система должна быть выделена из системы родства для получения некоторой свободы от давления родственных отношений, включая сюда свободу мобильности, т. е. изменения статуса, весьма существенной для нее. Такие условия несовместимы с условиями, необходимыми для существования многих типов систем родства. И действительно, можно сказать, что *ядерный* тип единицы родства, жестко изолирующий ядерную семью от всех других объединений, — это единственный тип родства, который сравнительно мало влияет на индустриальную экономику. Следовательно, тем, чьи ценности отдают предпочтение организации родства, характерной для средневековой Европы или для классического Китая, мы с некоторой долей уверенности можем сказать, что им придется делать выбор между такой организацией и организацией, присущей индустриальному обществу. Можно иметь в наличии либо указанный тип системы родства, либо в высшей степени индустриализировавшуюся экономику, но **не то и другое в одном и том же обществе**, поскольку каждый из этих элементов требует для себя условий в соответствующей части социальной структуры, которые оказываются несовместимыми с потребностями другого. Иными словами, сложившийся тип структуры любой из больших частей общества предъявляет требования ко всем остальным: если дана некоторая структура и если она устойчива, то другие соответствующие структуры этого общества не могут в своих изменениях выходить за некоторые пределы, которые значительно у́же общих пределов вариабельности социальных структур в соответствующих сферах.

Второй пример можно привести из области политико-культурной интеграции в Китае как *бюрократической империи*. Напомним, что в нее входит, под эгидой императора, определенный синтез религиозной и культурной власти, сосредоточенной в руках официально назначаемой группы, прошедшей обучение конфуцианской классике и отобранной посредством конкурсных экзаменов. К этому отбору

номинально допускались все на основании полного равенства возможностей.

В действительности, за некоторыми исключениями, относящимися ко временам политической дезорганизации, это была монополия, весьма эффективная с точки зрения получения официального положения, для земельных собственников, класса *помещиков*, живущих в городах. Этот класс, несмотря на то, что неформальные привилегии его находились в противоречии со строгими предписаниями конфуцианской системы ценностей, выполнял ряд существенных функций, что делало возможным существование такого режима. Два элемента были интегрированы таким образом, что блокировали в конечном счете два важных направления развития, каждое из которых привело бы к крушению всей системы. Первый из них — феодальная система, которая могла привести к возникновению государственной власти на основе родства, что ниспровергло бы универсализм и централизованный контроль правительственного аппарата. Эта возможность предотвращалась, с одной стороны, тем, что влиятельные элементы помещиков были лишены побудительного стимула к феодализации, т. к. они и так уже участвовали во власти *изнутри*, с другой же стороны, централизованно контролирующий агент благодаря своей власти назначать на должности и связанными с этим преимуществами мог противостоять потенциально опасным элементам (9).

Во-вторых же, эта структура блокировала и развитие чего бы то ни было похожего на *капитализм*, хотя в других отношениях насаждение этой модели было бы в высшей степени полезно. Это осуществлялось посредством контроля за городами благодаря тому, что в них жили помещики, которые участвовали в государственном управлении и способны были вовлекать продвигающиеся вверх элементы населения в орбиту своего влияния и своего образа жизни. Капитализм разрушил бы конфуцианский синтез, нарушив равновесие внутренней власти с группой, которая не могла интегрироваться с *гуманистическим универсализмом* диффузного культурно-политического типа, характерного для китайских *литераторов*. Государство превратилось бы в бюрократическое, напоминающее бюрократические государства западного типа. Этот случай, следовательно, также демонстрирует зависимость главной структуры общества, специфически *китайского* типа бюрократии, от связи ее с другими структурами, со статусом класса помещиков и со структурой, которая никоим образом не могла быть полностью конформна с культурным ценностным стандартом, который был условием существования данной структуры.

Можно привести еще один пример, на этот раз случай, когда структурная несовместимость была могучим динамическим фактором, приведшим к крушению хорошо укрепившейся социальной интеграции, т. е. к изменению состояния равновесия системы. Это известная проблема отношений между церковью и государством в средневековой Европе. Совершенно очевидно, что в культурном отношении католическая церковь по существу была средневековой цивилизацией, она была основным культурным центром ее интеграции. Но она была институционализирована в терминах иерархии пасторских должностей, функцией которых было обеспечить духовное влияние папства. Централизованный контроль был очень существенной частью католической системы. Но светская структура основана была на феодальном базисе. Структурный конфликт возникал вокруг того, что существенные преимущества, важные для функционирования любой организации, были прежде всего доступны только благодаря феодальному землевладению. Любой епископ и любой священник, следовательно, находился в двусмысленном положении: с одной стороны, он — священник церкви, а с другой — вассал феодального господина. Эти две роли структурно несовместимы.

В такой ситуации усиление власти и культурного престижа церкви в XI столетии не могли не оказать и оказывали разрушающее действие на феодализм. Но распадение феодализма, в свою очередь, стимулировало действие тех сил, которые были эвентуально разрушительны для синтеза средневековой цивилизации. Более не могло удерживаться спасительное равновесие между церковью и структурой светского влияния, а это было чревато сильными напряжениями. Победа одного должна была привести к разрушению другого. Для западной цивилизации, по-видимому, имело решающее значение то, что победу одержала церковь. Ее равновесие было направлено в другую сторону и принцип наследования в социальной организации не ослаблял ее, а наоборот, усиливал (10).

Так же, как и в случае с эмпирическими сочетаниями, которые определяют относительные закономерности в социальной структуре, пределы изменчивости, допускаемые структурными императивами совместимости, не фиксированы четко. Фактически, как показывает пример, взятый из средних веков, довольно сильный структурный конфликт может существовать ценою напряженности и даже нестабильности. Но есть определенные пределы этой терпимости, хотя и сами они могут изменяться с изменением первоначальных социальных *ресурсов*. Структурные императивы, таким образом, оказываются другим фактором сужения пределов социальной вариабельности, что очень важно практически для того, чтобы мы серьезно занялись их рассмотрением. Два ряда ограничителей действительной вариабельности, в конечном счете, объединяются в подходе к проблеме последовательного анализа возможной амплитуды вариантов социальной структуры.

Главные типы социальной структуры

Теперь мы можем вновь обратиться к ценностно-ориентационной стороне проблемы классификации типов социальной структуры. Мы проделаем это по отношению к каждой из серий стандартов ценностной ориентации, предположив, что в обществе доминирует тот или иной ценностный стандарт. Мы исследуем, во-первых, его наиболее непосредственную институционализацию в социальной структуре: в каком ее секторе он может быть наиболее непосредственно институционализирован, и шире — в каком типе структуры его можно найти скорее всего. Во внимание, таким образом, будут приняты те типы адаптивных структур, которые наиболее вероятны для данной сферы. Затем мы исследуем, в свете проделанного нами анализа, какие дополнительные адаптивные структуры можно найти в других секторах данного общества и в каких пределах они должны варьироваться для того, чтобы были выполнены требования совместимости, если дана основная структура институционализированных ценностей данного общества. Мы сделаем также краткое замечание относительно возможного фокуса напряжений, нестабильности и допустимости процессов изменения.

Ввиду той главной роли, которую мы отводим схеме переменных модели в теории действия, мы примем за исходную точку четыре главных типа ориентации на социальные ценности, которые изложены выше в главе 3, таблица 3а. Напомним, что они определяются комбинациями двух переменных модели: аскрипция — достижение и универсализм — партикуляризм. Причины, по которым именно эти две переменных модели получили преимущество для целей нашего анализа, мы уже обсуждали выше.

В свете того, что было сказано в предыдущем разделе, совершенно очевидно, что такой подход применен в виду интереса к определенной социальной структуре, с некоторых же других точек зрения он может показаться ошибочным. Как универсализм, так и достижение, а также обе этих переменных в трех комбинациях из четырех, нужно обязательно рассмотреть. Это значит, что общества, которые организованы в подавляющем большинстве вокруг четырех видов, связанных с аскриптивными отношениями и которые мы уже обсудили в предыдущем разделе, автоматически включаются в один из этих четырех типов. Но, как показывают примеры, взятые из работы Мердока, существует бесчисленное множество структурных вариаций в разнообразнейших соотношениях внутри этой разновидности, и, разумеется, огромное большинство всех известных нам обществ попадает в категорию, заданную этими переменными. Можно поэтому сказать, что наш подход в данном случае уступает место подходу, подчеркивающему важность того ничтожного меньшинства, которое отклоняется от общего типа.

По-видимому, это различие в точке зрения и в интересах, совпадающее с различием в подходах социолога и антрополога. Многие социальные варианты, больше всего интересующие последнего, не могут быть схвачены на этой основе, хотя они и могут быть рассмотрены более подробно в терминах этой схемы. Те различия, которыми более всего интересуется антрополог, вряд ли будут проявляться заметно в главных различиях ценностной ориентации, хотя этот фактор никоим образом нельзя исключить совершенно. Но, с другой стороны, данный подход служит для того, чтобы наметить контуры фундаментальной структурной дифференциации, которые в некотором смысле имеют *эволюционное* значение. Это прежде всего такие типы, кото-

рые имеют тенденцию возникать, если имеются в наличии основные культурные достижения в области письменной культуры — возникновение религиозных систем, достижения науки и прочее, а эти последние имеют тесную связь с изменениями в структуре общества. Интересы как социолога, так и антрополога лежат в области теории действия и социальных систем. Осуществляемый нами подход, по-видимому, глубоко коренится в структуре этой теоретической схемы и в практических проблемах, связанных со значением типов вариабельности различных *цивилизаций*, а не в проблемах первобытных культур.

В последней трети данной главы можно представить предварительный очерк, в высшей степени схематичный, никоим образом не *трактат* по социальной структуре. При этом мы намерены показать также возможность подхода к проблеме, которой, со времени крушения старой эволюционистской социологии, никто не занимался более или менее удовлетворительным образом. Сделать все выводы, которые вытекают из такого подхода, разработав их главным образом эмпирически, — очень большая задача, к решению которой мы не приступаем в пределах данной работы.

I. Универсалистско-достижительный стандарт

Это комбинация ценностных стандартов, которая представляет собой в некоторых отношениях наиболее резкую антитезу ценностям социальной структуры, построенной преимущественно на основе объединений, характеризующихся аскриптивными отношениями, которые мы уже рассматривали выше, а именно: объединений по родству, по месту жительства, этнической принадлежности и классу. Универсализм имеет главным образом два направления применения. Во-первых, он способствует определению статуса, т. е. размещению кадров, размещению преимуществ и вознаграждений и трактовки роли на основании обобщенных закономерностей, связанных с определенными характеристиками и с деятельностью, независимо от отношений. Во-вторых, на уровне культуры он выдвигает на первый план когнитивные интересы в противоположность экспрессивным. Такой акцент всегда приводит к определенным *напряженностям*, связанным с большим распространением социальных ситуаций, зависящих от отношений родства и отношений в общине.

Комбинирование этого акцента с достижением, однако, перемещает акцент на оценку действий, связанных с достижением целей, и инструментальных действий, ведущих к достижению какой-либо цели. Выбор цели должен совершаться в согласии с универсалистскими ценностями. Поэтому забота о благе коллектива как правило не предусматривается. Коллективу придается ценность лишь поскольку он необходим для достижения целей, имеющих ценность для самого индивида. Поэтому в такой системе ценностей существует некоторое стремление к **индивидуализму**.

Элемент достижения, следовательно, помогает нам продвинуть вперед проблему выбора целей. Если дана любая цель, то существует своего рода принуждение (давление) к ее достижению; ориентация на достижение в этом смысле является действительным аспектом любой системы действия, даже если она представлена в нем лишь частично. Но ориентация на достижение как таковая — это фундаментальный ценностный стандарт, имеющий не только инструментальное значение для достижения других ценностей. Он предполагает, что именно **выбор** целей и должен реализовать эту ценность, что именно этот выбор целей, а не просто формирование цели путем выведения следствий из каких-то точек зрения, основанных на других ценностях, следует рассматривать как осуществление ценности достижения, свойственной актору. Здесь в первую очередь элиминируется традиционализм как критерий при выборе цели. Но, по-видимому, при этом также исключается и универсалистски определенная система **абсолютных** целей, т. к. в ней предполагается возможность получить нечто определенное раз и навсегда, а такая заданность лишила бы компонент достижения его значения в данной системе ценностей. Абсолютная цель может быть определена как нечто, к чему стремятся постоянно, независимо от того, достижима она или нет.

В любом случае для универсалистского комплекса, связанного с достижением, наиболее характерен **плюрализм** целей при **единстве направления**, а не конкретное содержание целей. Для него, в частности, характерна интеграция с внутренне **динамическими** культурными стандартами, таки-

ми, например, как стандарты науки, которые не признают окончательного достижения.

Следовательно, оценивая плюралистическую и (или) индивидуалистическую системы достижения целей посредством инструментальных действий, можно сказать, что в первую очередь это касается поведения, а именно — стандарта ценностной ориентации. Это приводит нас к оценке видов деятельности, выделившихся из *релационных* комплексов. Центр тяжести такой социальной системы, следовательно, покоится на дифференцированном инструментальном комплексе, в профессиональных ролях, в экологических связях, в объектах владения и инструментально ориентированных организациях. Комбинация интересов, связанных с достижениями, и когнитивных предпочтений будет означать, что мы имеем дело с динамически развивающейся системой, с поощрением инициативы в постановке новых целей — в принятых пределах, разумеется — и с интересом, направленным на обеспечение инструментальной эффективности. Это означает, что инструментальный комплекс будет стремиться превратиться в прогрессивно развивающуюся и дифференцирующуюся систему разделения труда, а следовательно, в систему дифференцированных профессиональных ролей. Это тот тип структуры, центральной фигурой в котором является *индустриальное* общество.

По определению, в такой структуре может существовать некоторое число адаптивных аспектов. Во-первых, цели профессионального стремления, не говоря уж о фактической ролевой деятельности, не могут быть всегда просто реализацией ценностей, связанных с достижением. Они должны практически адаптироваться к потребностям фактической системы профессиональных возможностей, где в силу постоянного совершенствования разделения труда должны выполняться многие операции, которым нелегко придать ценность *самим по себе*, несмотря на то, что они являются необходимым условием получения высоко оцениваемого достижения. Хотя в менее дифференцированных системах эти операции могут быть связаны в последовательность инструментальных этапов на том пути, который совершает индивид, двигаясь к цели, имеющей ценность (если эти шаги вообще осуществляются данным индивидом), тем не менее остро встает проблема его мотивации к осуществлению этих шагов. Наиболее яркий пример такого рода — роль рабочего. Но много элементов такого рода присутствует и в профессиональных ролях двух других типов, в ролях, связанных с коллективной ответственностью, и в ролях, где функции обмена преобладают и высокое вознаграждение обеспечивает усвоение стандарта обмена. Роли как администраторов, так и людей, связанных с торговлей, включают в себя признание значения тех условий, которые могут и не иметь непосредственного значения с точки зрения ценностей индивидуального достижения. В более высоких сферах вознаграждения таковы, что не может возникнуть серьезного напряжения, но даже и здесь в стремлении к успеху оно может сыграть роль фактора, разъединяющего это стремление с целью, которая может быть достигнута на его основе, если оценивается индивидуальное достижение.

Одной из адаптивных проблем в такой системе, следовательно, будет интеграция ориентации на практическое достижение в действительной профессиональной структуре с тем, что можно называть ценностью индивидуального достижения. Здесь неизбежно возникает значительное рассогласование, которое преодолевается институционализацией компенсирующих вознаграждений, например, сокращением рабочего времени и обязанностью взрослого мужчины иметь постоянную работу и средства для жизни, несмотря на то, что эта работа может его *очень мало интересовать*. Второй адаптивный контекст, на который можно указать в связи с этим, это трудности применения подлинно универсалистских критериев для оценки способностей к выполнению действий и достижений так, чтобы можно было поместить данного индивида на соответствующее ему место и чтобы его вознаграждение в точности соответствовало его достижениям. В этой области мы видим институциональные стандарты, которые, по-видимому, прямо противоположны принципам, вытекающим из доминирующего стандарта ценностной ориентации. Примеры этого — преобладание принципа старшинства как критерия для замещения статуса, сосредоточение преимуществ и привилегий главным образом в промышленности и система жалованья в академическом мире и на государственной службе. Их можно рассматривать как адаптивные структуры, которые должны

сглаживать структурные напряжения, вызванные незащищенностью людей от конкурирующих давлений, когда невозможно бывает точно провести универсалистские различения. С этой точки зрения такая система будет существовать только на грани очень тонко осуществляемого балансирования. С одной стороны, ей приходится ограничивать адаптивные структуры, которые находятся в противоречии с главными ценностными стандартами, т. к. доведение таких стандартов *до логически следующих из них выводов* усилило бы напряжения и сделало бы их разрушительными. С другой стороны, она не может устранить адаптивные структуры, когда они стали совершенно ненужными, и сама главная социальная структура эволюционировала в другом направлении.

Совершенно очевидно, что с институционализацией профессиональных ролей такая структура становится сильно зависимой также и от институционализации прав владения, т. е. собственности, и стандартов обмена в некоторых определенных пределах. Функциональным требованием является прежде всего требование, чтобы отношения владения и обмена были достаточно свободными от ограничений, которые сдерживают осуществление оптимального развития системы преимуществ, способствующей инструментальному достижению, а также гибкости системы вознаграждений, которые должны быть пропорциональны достижениям.

Далее, система вознаграждений должна быть интегрирована с профессиональной структурой. Как указывалось выше, она должна давать форму, по которой должны оцениваться достижения внутри данной системы и через которую эта оценка должна быть выражена в установках одобрения и уважения или в их противоположностях, пропорционально распределенных внутри данной системы. Вознаграждения, не связанные с отношениями, в свою очередь должны быть интегрированы с этими установками и их составляющими. Это предполагает, как мы указывали выше, некоторый минимум неравенства, хотя степень этого неравенства и его конкретное содержание изменяется в зависимости от конкретных целей достижения, символов вознаграждения и степени дифференциации системы профессиональных ролей. В более общей форме можно сказать, что основное вознаграждение в такой системе — это *успех*, определяемый как уровень по стандарту, принятому для оценки достижения. Существует, однако, большой комплекс проблем, связанных с интеграцией такой системы вознаграждений, и прежде всего тех способов, которыми различные экспрессивные символы могут быть соотнесены с доминирующими ценностными установками.

Одобрение и уважение являются источниками непосредственного удовлетворения, но, как мы уже видели, несколько специфического характера. Прежде всего они исключают удовлетворение непосредственно тех потребностей, которые не являются потребностями в одобрении и в уважении самих по себе, в конкретной форме или в виде диффузной привязанности. Это, а также некоторые другие моменты позволяют нам предсказать, что в качестве адаптивных систем в такой социальной системе будут институционализированы многие разновидности стандартов, противоречащих главным универсалистским стандартам, связанным с достижениями. В первую очередь такие стандарты мы найдем в комплексе родства, который, как мы показали выше, имеет аскриптивные статусы и диффузные аффективные привязанности. Как отмечалось, нет такого индустриального общества, которое вплотную подошло бы к возможности распылить единицы родства как главную часть социальной структуры. Относительно того типа системы родства, который наилучшим образом интегрируется с индустриальным типом профессиональной системы, по-видимому, можно высказать два положения. Первое: размеры этих единиц должны быть ограничены так, чтобы индивид в своей профессиональной роли не вступал в очень острые конфликты со своими ролями в системе родства. Эта тенденция в целом могла бы завершиться редуцированием наиболее неизбежных обязанностей в системе родства, а именно: сведением единицы родства в форму малой семьи и изолированием этой семьи от более широких единиц родства. Кроме того, связь единицы родства с профессиональной системой имеет тенденцию фокусироваться в первую очередь на взрослом мужчине. С появлением системы формального образования, которая выполняет функции именно технического обучения для профессиональных ролей и является в первую очередь разновидностью системы предпро-

фессиональных ролей, сравнительная изоляция младших членов семьи становится довольно легким делом. Главные проблемы и напряжения связаны с ролью жены и матери. *Легкое* решение этих проблем совершенно исключает ее из профессиональной системы, сводя к роли хозяйки дома. В наиболее индустриализировавшихся обществах существуют тенденции, способствующие адаптации и компромиссу в рамках этого решения. Вторая важная особенность — подчеркивание аффективности в системе родства. Оно отчасти выполняет сдерживающие функции, т. к. развитие некоторых видов стандартов, связанных с родством, препятствует выработке индивидуалистического типа профессиональной системы. Отчасти же это служит противовесом акценту, который делается на аффективной нейтральности в профессиональной системе, открывая поле для диффузных аффективных привязанностей, которые в профессиональной сфере должны сдерживаться.

Таким образом, с точки зрения универсалистской институционализации, связанной с достижением системы ценностей, структура родства и стандартизирование половых ролей должны рассматриваться по преимуществу как структуры адаптивные. Но следует указать на то, что они имеют столь исключительную функциональную важность по отношению к мотивационному балансу профессиональной системы самой по себе, что институционализация их имеет огромное значение. Их нельзя оставлять в неконтролируемом состоянии, напротив, любым способом их нужно интегрировать с инструментальной системой. Однако ввиду сильного отличия стандартизации связь между двумя этими структурами превращается в главный центр напряжения в обществе такого типа.

Именно императивы такой социальной системы предполагают строгие рамки вариабельности стандартов родства, что связано в свою очередь с уменьшением размеров единиц территориальной общины внутри такой системы. Ее первичная основа — требование свободной мобильности внутри профессиональной системы. Это означает, что слишком сильные связи объединения-общины, которые неизбежно бывают более диффузными, чем конкретными, ограничивают мобильность и тем самым представляют собою серьезное препятствие для развития главной системы. И то же самое происходит с региональной дифференциацией. Может быть, отчасти в качестве компенсаторного механизма такие общества имеют тенденцию развивать интенсивные диффузно-аффективные установки солидарности, ориентированные на единицу-общину самых больших размеров, а именно на нацию. Связь между развитием индустриализма и национализма хорошо известна. Советская Россия в этом вопросе, как и во многих других отношениях, не представляет исключения, несмотря на ее *интернационалистскую* идеологию. Интенсивность чувств относительно *американского отечества* может точно так же быть компенсаторным механизмом. И одна из причин этого — тот факт, что малая семья — это единица как родства, так и общины, поскольку представляет собою локальную единицу поселения. И именно она, а не отдельный индивид, должна в известном смысле быть единицей мобильности. Ее солидарность менее угрожает универсализму и ценностям, связанным с достижением, чем угрожала бы мобильность большей по размерам единицы общины и родства.

Этническая субординация внутри такого общества не гармонизирована с главными структурными стандартами, а следовательно, порождает напряжения. Она часто, однако, не только возникает как *историческая случайность*, например, в результате иммиграции, но и сохраняется в таком виде, что заставляет предполагать: она выполняет в обществе какие-то функции. С одной стороны, относительно членов данной группы можно предположить, что она дает некоторую уверенность тем, кто находится за пределами семейной единицы, которая менее дисфункциональна в данном обществе, чем единица общины. С другой стороны, для аутсайдеров она выполняет важные функции *козла отпущения* в качестве мишени для нападок. Национализм сосредоточивает в себе многие мотивационные силы, локализованные как в общине, так и в этнической группе, поскольку национальная община есть одновременно территориальная община и этническая единица.

Стратификация в терминах открытой классовой системы, по-видимому, наиболее характерна для обществ такого типа. Для того чтобы находится в согласии прежде всего со своими главными ценностными стандартами, общество должно быть открытым. Но помимо классовой дифференциации, т. е. дифференцированных вознаграждений, для инди-

видов неизбежны, по-видимому, некоторые формы, с эти не связанные, а именно единство на основе образа жизни включающее всех членов данной единицы родства. Основ для этого является прежде всего то, что семья должна бы интегрированной внутри системы вознаграждений, а следо вательно, различия вознаграждений должны отражаться образе жизни семьей как единиц, включающих жену, де тей, а не только самого человека, достигшего статуса. Су ществует, как уже указывалось выше, неизбежное огран чение абсолютного равенства возможностей, достижимог в данном обществе.

И, наконец, слишком сильно интегрированная религи озная система была бы в таком обществе дисфункционал на. Если эта религия будет слишком подчеркивать *поту торонность*, то это будет мешать созданию адекватно мотивации в центральной системе ролей, если же нет, т она будет, подобно марксизму (рассматриваемому в каче стве религии), стремиться к тому, чтобы сместить общее равновесие в сторону универсалистско-аскриптивного типа, о котором мы подробнее скажем ниже. Стандарт религи озной терпимости и разделения вероисповеданий, кото рый мы имеем в американском обществе, по-видимому, является наименее разрушительной структурой. Как мож но сразу заметить, государство в такой системе имеет тен денцию рассматриваться как любой другой коллектив, оцениваться только с точки зрения успешной реализаци цели, признанной ценностью. Очень может быть, следова тельно, что проблема институционализации коллективной политической ответственности — одна из наиболее серь езных точек напряженности в такой социальной системе. Первичные диффузные объединения такого общества — это семья-хозяйство, класс, община, этническая группа, религиозное вероисповедание и нация. В ней имеется так же место и для системы диффузных аффективных привя занностей. В ней очень сильно подчеркивается отношение между полами в период *ухаживания*, сопровождающееся комплексом романтической любви, но оно имеет тенден цию абсорбироваться в единицу родства посредством бра ка. Отношения дружеские между лицами одного пола как диффузная привязанность подчеркиваются гораздо сла бее, может быть, потому, что они слишком резко выпада ют из комплекса, связанного с достижением. У мужчин они чаще всего связываются с профессиональными отношени ями в форме возможности рассматривать своего коллегу также и как друга. Поэтому они остаются расплывчатыми, не оформившимися в самостоятельную структуру. Тот факт, что личные аффективные контакты для мужчин в американском обществе почти полностью запрещаются обычаями, по-видимому, в этой ситуации показателен; он то и выявляет строгую ограниченность аффективных при вязанностей.

Можно предположить, что экспрессивные ориентации менее опасны — за рамками семьи — в конкретной, а не в диффузной форме и что здесь кое-что нам может подска зать *переизбыток развлечений* в индустриальном обще стве. В таких формах актор может получать причитающи еся ему удовлетворения индивидуально, не будучи связан обязательствами, характерными для диффузных привя занностей.

В общем там, где основную роль играют аффективно-экспрессивные ориентации, возникает основная адаптив ная проблема, существующая в социальной структуре данного типа. Вторая большая проблема этого комплек са — какое место должна занимать диффузность. Как по стоянное явление выступает также проблема связи диф фузности с аффективностью. Она возникает также в свя зи с *политическими функциями* и внутри организаций, а не только в обществе как целом. Если делается сильный акцент на конкретности, то будет сильно тормозиться получение одобрения, высказанного в виде уважения. Создание **общего превосходства** для индивида, роли или класса — один из наиболее важных факторов, оказыва ющих влияние на то, что классовая система в таком обще стве становится открытой. То же самое, разумеется, мож но сказать в целом и о *нижерасположенных* слоях. Мож но, следовательно, предположить, что роли лидеров в таком обществе имеют тенденцию быть нестабильными, а также *стягивать* на себя недовольство и агрессивность. Это один из факторов, способный в каждый момент стать угрожающим для равновесия, которое требует усиления индивидуализма и формирования антиавторитарных ус тановок.

Выше мы уже заметили, что в ценностных ориентациях такое общество обнаруживает тенденцию подчеркивать скорее индивидуализм, чем коллективизм. Здесь можно, по-видимому, предположить связь между универсализмом, достижением и конкретностью. Выделение из общей нечеткости, связанной с диффузностью, качеств обобщенного статуса, а также аффективных привязанностей, по-видимому, весьма существенно для мобильности людей и льгот, а также для размещения вознаграждений на основе достижений, как того требует стандарт. Роли лидеров, например, менее всего диффузны, когда организация имеет перед собой в качестве целей конкретные достижения, но это не относится к политическим организациям. С этой точки зрения, следовательно, можно отыскать причину неувязок в общем *равновесии* американского общества, а также того факта, что политическая ответственность в нем является главной точкой, порождающей напряженности.

Подчеркивание коллективизма далее приведет нас к универсалистско-аскриптивному типу, который мы сейчас рассмотрим. Но прежде нужно сказать еще несколько слов относительно тех направлений, по которым связанный с достижением универсалистский тип имеет тенденцию изменяться. Во-первых, цели, связанные с достижениями, могут быть неэмпирическими. Но несмотря на это, как мы можем видеть на примере кальвинизма, неэмпирические цели дают непосредственно эмпирические следствия (Царство Бога на земле), которые, становясь прямыми целями, в результате приводят к перемещению всего центра тяжести за рамки комплекса, связанного с профессиональным достижением, а следовательно, к коренному изменению характера данного общества. Виды деятельности, ориентированные в первую очередь на достижения, уже не могут в таком случае оставаться рационально-инструментальными, но должны приобретать символически-ритуальный характер. Эта возможность, по-видимому, наиболее полную реализацию получила в католическом христианстве, где церковь была организацией, нацеленной на реализацию неэмпирических целей. Это сместило центр тяжести со светского инструментального комплекса, возложив задачу стабилизации на традиционализм и (или) авторитаризм, а не на непрерывное развитие. Давление, направленное на аффективность и диффузность, ослабевает. По-видимому, эти факты имели влияние на то, что страны латинского языка на фоне своего католицизма оказались сравнительно невосприимчивыми к развитию индустриального образца и что в некоторых отношениях, несмотря на свой религиозный трансцендентализм, они двигались скорее в *гедонистическом* направлении.

2. Универсалистско-аскриптивный стандарт

Ввиду недостатка места невозможно рассмотреть три остальные типа обществ столь же полно, как это мы сделали при рассмотрении универсалистского типа, связанного с достижением, но поскольку мы уже прочертили основную линию для сравнения, это, по-видимому, и не нужно.

Универсалистский элемент приводит к тем же самым последствиям, как в разобранном выше случае, но его комбинирование с аскрипцией дает отклонение в другую сторону. Во-первых, центр тяжести переносится прежде всего на **классификацию**. Может возникать **вторичная** ориентация на достижение, когда то идеальное положение вещей, на которое ориентировано действие, может вовсе не существовать в данный момент и в данном месте. В таком случае ощущается обязательность добиться его осуществления. Если же это положение вещей существует в действительности, тогда, напротив, существует долг — защищать его от всяческих могущих возникнуть угроз. Достижениям же самим по себе придается инструментальная ценность — они не являются ценностями как таковыми. В силу универсализма, присутствующего в определении идеального положения вещей, возникает сильная тенденция к дихотомиям, к проведению жестких абсолютных границ между конформизмом относительно этого идеального положения вещей и отклонением от него, или в терминах действия — между тем, что «за него» и что «против него».

Это стремление к дихотомичному мышлению проявляется двумя различными способами. Первый из них мы уже указывали: дихотомия установок относительно отдельных лиц, коллективов и т. д. Второй — это дихотомия относительно места применения самого ценностного стандарта.

С одной стороны, существующая институциональная структура — или часть ее — может способствовать реализации идеальных ценностей и быть санкционирована ими. С другой стороны, идеальный стандарт может противопоставляться существующему — и идеальное положение вещей противопоставляться действительному. В любом случае перед нами — дихотомная тенденция, хотя в некотором случае парадоксальным оказывается, что ценностные стандарты одного и того же типа могут содержаться как в крайнем консерватизме — в некоторых своих разновидностях, так и в крайнем радикализме.

Благодаря универсалистскому элементу в данном типе общества существует также акцент на сфере профессий и организаций и на независимости их от родства и от общины в узком смысле этого слова. Но существует также и некоторое существенное отличие. Во-первых, сильное подчеркивание классификационных качеств — в терминах социальной структуры — приводит к тенденции подчеркивать статус, а не конкретные достижения. Благодаря же этому неизбежно происходит дифференциация ролей, в которой достижения имеют, в частности, большое значение, и универсалистские критерии применяются к ним; такая дифференциация имеет тенденцию образовывать иерархию статусов, где акцент делается на том, что представляет собой данный актор, а не на том, что он делает (11).

Во-вторых, существует сильная тенденция к коллективизму, поскольку партикулярные достижения не ценятся. Имеется также тенденция определять идеальное положение вещей по отношению к обществу, как коллективу, или как таковому, которое должно быть достигнуто. Кроме того, существует весьма непосредственный переход от идеального положения вещей, которое должно быть достигнуто, к критериям идеальных качеств относительно данного общества.

В-третьих, существует тенденция к авторитаризму, в которой четкое представление о том, что является идеальным для всех, естественно приводит к тому, что те, кто обладает ролями, связанными с коллективной ответственностью, начинают «следить» за тем, чтобы каждый человек воплощал идеал в жизнь либо непосредственно, либо посредством участия в коллективном достижении.

Существует сильная тенденция признавать приоритет диффузности, а не конкретности. Статус, следовательно, не стремится стать конкретным относительно той или иной профессиональной роли, он имеет тенденцию становиться очень обобщенным по отношению к общей престижной шкале. Одним из аспектов такого обобщения статуса будет тенденция придавать посредством признания качества той группе в целом, к которой принадлежит индивид. Поскольку универсализм предотвращает прямое проявление элементов партикуляризма, то врожденные качества признаются за группой, например, единицей родства или классом. Таким образом, благодаря именно такой ориентации развиваются концепции особых национальных качеств, касающиеся аристократии или этноса. В такой системе вознаграждения имеют тенденцию брать верх над одобрением.

Можно сказать, что этот тип подвержен исключительно сильным внутренним напряжениям. По-видимому, существует характерная связь между универсализмом, достижением и конкретностью, которая в данном случае нарушается. Действительное достижение должно играть большую роль и тем более важную, чем более дифференцирована социальная структура, и тот факт, что это достижение не оценивается, является источником напряжений. В некотором отношении подчеркивание коллективизма может оказаться проявлением такого напряжения: оно действует как тормоз против индивидуалистической тенденции — делать акцент на достижении. Более того, существуют весьма сильные противодействия относительно аффективности, сосредоточенные, в частности вокруг «чести» (honor) статуса: как статуса внутри данного общества, так и статуса члена данного общества вообще. Проявления аффективности поэтому отодвигаются еще далее на второй план, чем это имеет место в обществах первого типа. В особенности девальвируются партикуляристические привязанности. Не существует, следовательно, в действительности немецкого аналога американскому романтическому комплексу любви.

В результате сильного подчеркивания в данном случае профессиональной системы — ограничивающее влияние, направленное на размеры единицы родства и на ее конфигурацию, соответствует тому, которое характерно и для первого типа. Но существует важное различие в определении семейных ролей. Главный центр этих различий кроется в значении определения статуса в диффузном смысле, который выражается прежде всего в резкой категоризации ролей, связанных с полом и возрастом, отражающейся на внутренней структуре семьи. Прежде всего женские роли, как правило, определяются резко контрастно по отношению к ролям мужчин. Ввиду большого значения, придаваемого дисциплине в политико-профессиональных структурах, а также важности аффективных потребностей, по-видимому, обществу этого типа приходится делать сильный акцент на женщине как объекте любви, имеющей способность чувствовать, но не имеющей инструментальных и моральных способностей более высокого порядка. Вместе с подчеркиванием в данном типе общества иерархии и власти в нем предположительно должна существовать авторитарная структура семьи, в которой жена должна «знать свое место». Эта характеристика многократно отмечалась в традиционной немецкой семье.

Читатель уже убедился, что многие особенности этого типа даже на первый взгляд можно отнести к немецкой социальной структуре. Действительно, «консервативное» немецкое общество, по-видимому, лучший пример этого типа обществ, делающих ударение на сохранении status quo. С другой стороны, нацизм переносит это идеальное положение вещей на идеал политического будущего, добавляя к этому еще представления о мистических идеальных качествах немецкого народа. Но в некоторых отношениях Советская Россия также приближается к этому типу. Коммунизм — это утопическое идеальное положение вещей, которое можно осуществить только посредством коллективного действия. Главный статусный центр — партия как элита, возглавляющая осуществление этого идеала.

Можно опять таки подчеркнуть, что этот идеальный тип имеет тенденцию акцентировать «политику», в противоположность акцентации экономики, имеющей место в случае американского общества. Это связано с диффузностью общества и с его стремлением мобилизовать все ресурсы в интересах реализации коллективного идеала. Комбинация такого «политицизма» с универсализмом усиливает тенденцию к агрессивности в такого типа обществах. На нее влияет также сила внутренних напряжений и особая враждебность и агрессивность, с которой относятся здесь к аутсайдерам. Большая эффективность авторитарных средств для устранения внутренней оппозиции, по-видимому, способствует этой агрессивности тем, что она отнимает у населения внутреннего «козла отпущения», который, с одной стороны, «безопаснее», но, с другой стороны, агрессивность по отношению к нему обходится гораздо дешевле. Степень внутреннего напряжения такова, что мы несомненно должны ожидать, что возможность как-то управлять этой агрессией будет весьма слабой.

Таким образом, из общих характеристик, присущих данному типу, следует, что особый центр тяжести возлагается на государство как главный орган, осуществляющий реализацию и укрепление идеального положения вещей, относящегося к данному коллективу. В этом же смысле мораль коллектива, как нечто отличное от морали индивида, выдвигается на первый план. То широкое поле деятельности по осуществлению частных интересов, которое открывается первым типом обществ, здесь считается «моральным падением», что обусловлено тем, что частные («эгоистические») интересы расцениваются как являющиеся противоположностью общим интересам.

Из того, что мы изложили выше, следует такой способ дать общую характеристику отличий, свойственных типу общества, ориентированному на универсализм и достижение, по сравнению с теми, которые свойственны типу общества, ориентированного на аскриптивность и универсализм: первый «индивидуалистичен», второму же присущ «коллективизм». По-видимому, это в целом верно и имеет значение. Нужно было бы провести значительно более полный анализ факторов, лежащих в основе применения этих терминов, чем сделали мы в данном случае. То же относится и к применению терминов «авторитарный» и «антиавторитарный», которые также употреблены как контрастные. Как

ту, так и другую пару терминов следует понимать как характеризующую результаты, возникшие под влиянием главных ценностно-ориентационных компонентов социальной системы в связи с требованиями социальной интеграции.

3. Партикуляристско-достижительный стандарт

Обращаясь к третьему типу, который объединяет в себе ценности, связанные с достижением, и партикуляризм, можно начать с прямых следствий ориентации, связанной с достижением. Основа ее — оценка социальных объектов с точки зрения того, что они делают, а не того, что они собою представляют. Проблемы, возникающие в связи с таким рассмотрением: какие достижения оцениваются и в каком контексте отношений, если рассматривать их в других аспектах.

Переход от универсализма к партикуляризму предполагает, что главные критерии оцениваемых достижений не могут определяться в терминах универсализма, таких, как эффективность или конформность, относительно совершенно абстрактного идеала. Напротив, они должны сосредоточиваться на некоторых моментах в самой системе отношений, или же быть характерными для той ситуации, в которой находится данная система. Можно предположить, что, как определено ролевыми ожиданиями, существуют, в первую очередь, связанные с отношениями основы категоризации объектов, а именно: биологические связи, территориальное и временно́е размещение. Существуют, следовательно, некоторые «вторичные» точки отсчета в структуре социальных отношений, в особенности принадлежность к коллективам, и отношения выше- и нижерасположенности.

Тот элемент достижения, который объединен здесь с таким партикуляристическим акцентом, не дает ориентации на эти точки отсчета превратиться в совершенно пассивную. Подчеркивание достижения приводит к тому, что возникает представление о правильном стандарте адаптации, который в результате обеспечивает достижение и который может сохраняться только благодаря повторению усилий, а если не сохраняется, то его нужно восстанавливать заново. И в то же время фокусирование на отношениях препятствует ориентации, связанной с достижением, выдвинуть ряд целей, трансцендентных по отношению к данной системе.

Классическая китайская социальная структура, по-видимому, укладывается в эти стандарты очень хорошо. Можно сказать, что она организована в основном вокруг точек отсчета, связанных с отношениями по родству, по территориальной общине, потомков одних и тех же предков с упорядочением иерархических отношений и общей ориентацией на коллектив, делающей упор на ответственность за функционирование коллективов всех видов, начиная с ответственности императора за все общество в целом и кончая ответственностью отца за свою семью. Как инструментальные, так и «спонтанно» экспрессивные ориентации в таких системах имеют тенденцию быть соподчиненными друг другу. Виды активности, с которыми имеет дело каждый индивид такого общества, как правило, существуют внутри диффузно-солидарных единиц, составляющих главную структуру, в пользу которой выполняются инструментальные виды деятельности.

На первое место внутри этой структуры как целого выдвигается хорошо известная «семейственность» китайского общества. Сильный упор делается на солидарность единицы родства, которая выходит далеко за рамки ядерной семьи. Такое расширение семьи совершается прежде всего за счет временно́го измерения, подчеркивающего преемственность, непрерывную линию от предков к потомкам, а следовательно, ответственность за них. Необходимость поддерживания общины в терминах родства реализуется, однако, таким образом, что женская линия происхождения полностью приносится в жертву мужской, подчинение женщины таким образом существует преимущественно в адаптивной структуре. Но проблема равенства статуса братьев, по-видимому, решается с точки зрения другой необходимости, не той, с которой решается проблема линии происхождения, а именно: она решается с точки зрения комплекса достижения.

Единица родства, следовательно, в Китае исключительно сильно интегрирована с территориальной общи-

ной, и это — одна из причин такого исключительного значения деревни. В первую очередь оно основано на том земледельческом хозяйстве, которое ведет семья в деревенской общине, но, кроме того, оно основывается также и на могилах предков как символизирующих последовательность поколений. Для тех, кто занимает высокие статусы, оно основано на резиденции родственной группы в определенном пункте — месте поселения группы семей в данном городе.

Дифференциация такой социальной системы выходит за пределы чисто локальные — отчасти благодаря необходимости интегрировать влияние, отчасти благодаря проблемам культурного единообразия, выходящего за рамки данной территориальной единицы, включая в себя также иерархическую дифференциацию. Последняя обнаруживает тенденцию институционализироваться непосредственно в модели, соответствующей модели родства, что выражается, во-первых, в патриархальном подчинении крестьян землевладельцам-помещикам, во-вторых, в более инидивидуализированной соподчиненности достижений и политической власти.

Тот факт, что китайские общество не осталось на стадии феодальной организации, связан, по-видимому, с компонентом достижения, входящим в основную ценностную ориентацию, которая есть результат между прочим также и наиболее резкого противопоставления двух моментов: наследования статуса, с одной стороны, и ценности, связанной с достижением, — с другой. Во всяком случае, самые высокие статусы, следующие в иерархии непосредственно за статусом императора, структурированы по достижению благодаря системе экзаменов и назначением на официальные должности. Это вводило элемент мобильности и давало возможность символически поставить целый ряд целей, направленных на личные достижения, перед каждым китайским мальчиком. Но относительная слабость элемента универсализма в общей ценностной ориентации была связана с тем, что это был стандарт не конкретного, а диффузного достижения, зависящий скорее от «вышерасположенности», чем от компетенции. Мы уже показали, что класс помещиков функционировал как адаптивная структура между этой политической организацией и остальным обществом.

Эта диффузность в свою очередь была связана с тем, что «вышерасположенность» статуса была тесно связана с ответственностью. В этом смысле китайская система стремится стать одновременно коллективистской и авторитарной. Слабость универсализма, а следовательно, и конкретности препятствует превращению достижения в индивидуалистически ориентированное. Здесь мы имеем совпадение вышерасположенности и ответственности в строго коллективистских терминах. То, что в системе отношений существует партикуляристические ограничения, способствует также подчеркиванию традиционализма, акцептации модели внешней формы, которые постоянно подчеркиваются и относительно которых считается, что они были установлены в прошлом, а потому должны возобновляться вновь и вновь.

Такого типа система содержит гораздо более ясное признание уз родства, чем в случае преобладания универсалистского типа. Родство играет главную роль во всей системе иерархических отношений солидарных коллективов и в некотором смысле является прототипом для всех них. Но ориентации внутри единицы родства в отдельных направлениях не являются менее структурированными, в частности, спонтанная аффективность сильно ограничивается в пользу «морализирующих» установок ответственности за соблюдения интересов данной единицы в целом. По-видимому, комплекс, связанный с романтической любовью, не укладывается в этот ряд отношений. В действительности, спонтанная аффективность, как правило, бывает терпимой только в качестве переходного явления и образует одну из главных причин отклонения (девиантности).

Инструментальные ориентации либо должны находиться под контролем, либо же сильно ограничиваться, поскольку их индивидуалистическая направленность влияет разрушительно на основные коллективы. Именно они, в первую очередь, представляют собой каналы достижений в сфере коллективных отношений. Но сильное ограничение инструментализма имеет своим следствием то, что возникает некоторое преимущество символических действий, «код правиль-

ности», который более ритуален, чем инструментален. Действительно, конфуцианская мораль наряду со своим коллективистическим направлением имеет также тенденцию к «ритуальной правильности», а не к тому, что на Западе понимают под «этической» ориентацией на «хорошее выполнение работы».

Таким образом, общества универсалистского типа, связанного с достижением, обладают коллективизмом, так же как и прямо противоположная этому типу комбинация переменных модели, поскольку партикуляризм ограничивает индивидуалистические последствия ориентации на достижение, точно так же, как и оценка по качествам ограничивает последствия универсализма. С другой стороны, в противоположность рационализму, характерному как для одного, так и для другого универсалистского типа, это общество стремиться к традиционализму, при этом его партикуляризм запрещает постановку основных целей, связанных с достижением, вне данной системы отношений.

4. Партикуляристско–аскриптивный стандарт

Последняя комбинация — партикуляризм и аскрипция — определяет стандарт ориентации на доминирующие социальные ценности. Этот тип имеет некоторое сходство с теми, которые были уже рассмотрены нами выше, но у него есть также и важные отличия. В результате его партикуляристичности у него также проявляется тенденция к организации социальной структуры в таком виде, чтобы обеспечить кристаллизацию вокруг исходных точек, связанных с отношениями, а именно с отношениями родства и территориальной общины. Но в силу аскриптивного акцента они имеют тенденцию рассматриваться как данные и пассивно «адаптирующиеся», а не как такие исходные моменты, которые активно организуют систему.

Иногда говорят, что это такая ориентация, в которой предпочитается минимум отклонений от того, что по существу уже дано самой ситуацией, в которой находится человек. Но в силу необходимостей, которых мы касались, разбирая проблему влияния, такое положение вещей редко оказывается возможным. Совершенно необходима определенная степень интеграции, выходящая за пределы территориальной общины, как по линии влияния, так и по линии культуры. Поэтому такие более широкие интегративные и экологические структуры воспринимаются как часть данной жизненной ситуации и как нечто, выполняющее позитивные функции, когда возникает угроза порядку, в остальных же случаях считающееся само собой разумеющимся. Здесь нет стимулов, побуждающих использовать такие структуры, как политическая, для активной организации системы, они существуют прежде всего как данный факт во вторую очередь — как гарантия от нестабильности.

Отсутствие акцента на достижении еще больше ограничивает развитие инструментальных ориентаций и структур, связанных с ними, чем в случаях, рассмотренных нами выше. Труд является необходимым злом, в то время как мораль — обязательным условием минимальной стабильности. Отсюда основной центр тяжести сдвигается в экспрессивном направлении. Это общества, которые ориентированы прежде всего артистически. Они имеют тенденцию к традиционализму по двум причинам: во-первых, потому что нет никаких стимулов для того, чтобы разрушать традиции; напротив, очень важные интересы требуют их стабильности: во-вторых, потому что здесь существует высокоразвитый экспрессивный символизм, который представляет собою в действительности систему условностей. Он может выполнять эту свою функцию только в том случае, если символические значения отличаются большей степенью стабильности. Мораль, следовательно, имеет тенденцию фокусироваться на традиционалистском признании воспринятых стандартов и упорядоченностей.

Мораль и ответственность стремятся концентрироваться по двум направлениям. Первое связано с предотвращением опасностей, вытекающих из нерегулярных экспрессивных ориентаций, которые могут быть в высшей степени разрушительными не только в результате агрессивности, но также и в результате возникновения привязанностей, вступающих в конфликт с данным порядком. Второе связано с опасностями ситуационного характера, грозящими установленному порядку.

Такие общества имеют тенденцию к индивидуализму, а не к коллективизму, и они неавторитарны, а иногда и антиавторитарны, но в любом случае имеются существенные отличия в

этом отношении от тех, к которым мы применяли данные понятия, когда говорили об универсализме. Индивидуализм связан главным образом с экспрессивными интересами, а следовательно, располагает гораздо меньшими возможностями приспособиться к ситуации посредством достижения. Это приводит к тому, что пока общество в целом находится вне опасности, связь отдельных единиц в одно целое весьма слаба. По-видимому, пока ничто слишком сильно не нарушает экспрессивной свободы, — нет настоящего объекта для осуществления власти, она может действовать, по существу, как фактор стабильности, но точно так же нет положительных стимулов для использования власти как неотъемлемого права, которое мы видим в случае авторитаризма. Тенденция к недифференцированности больших социальных совокупностей создает такую ситуацию, в которой власть может превращаться в нечто установленное при очень малой оппозиции. Следовательно, в таких обществах нередка опасность «диктаторства». Общества Латинской Америки, по-видимому, наиболее яркий пример этого типа (12).

Выше мы очень кратко охарактеризовали четыре типа социальной структуры. Мы ни в коем случае не претендовали при этом ни на строго систематический анализ каждого из этих типов в отдельности, ни на тщательное и систематическое сравнение их друг с другом. И прежде всего мы не сделали здесь даже попытки приблизиться к сложному анализу смешанных и переходных типов, которых, конечно, множество. Здесь перед нами была совершенно конкретная цель — придать конкретность конструируемым категориям социальной структуры в таком именно духе, чтобы они представляли собою исходные точки для систематического сравнительного анализа и, возможно, для создания типологии социальных структур.

В этом иллюстративном обзоре мы, как нам кажется, довольно последовательно выполняли это требование. Типы, охарактеризованные не только прямыми следствиями, вытекающими из основных ценностных ориентаций, но также и по адаптивным структурам, которые с ними связаны, имеют, по-видимому, практическое значение. Даже на таком весьма поверхностном уровне, каковым является данный обзор, они вызывают к жизни много точек зрения и, может быть, сделают более понятными непонятные с других точек зрения некоторые особенности обществ различного типа. Если применять систематически одну и ту же концептуальную схему, тщательно проверяя эмпирические данные, и если соединять такой подход с гораздо более тонким анализом мотивационных процессов, то можно надеятся на то, что использованный нами выше ряд средств для сравнительного эмпирического анализа может оказаться полезным.

А сейчас мы должны прервать анализ социальных структур и продолжить изложение теории мотивационных процессов в социальных системах, взятых как с точки зрения их устойчивости, так и с точки зрения их изменчивости. При анализе этих проблем мы все время будем иметь в центре нашего внимания связь, с одной стороны, между мотивационной системой и ее ролями, а с другой — между личностью и другими личностями.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 5

(1) См.: *Murdock G.P.* Social Structure — работа, приводящая сравнительные данные для этой точки зрения.

(2) См.: статью Алекса Инкельса «Некоторые аспекты социальной стратификации в СССР»: *Inkeles A.* Some Aspects of Social Stratification in USSR // ASR. Sept., 1950.

(3) Подобные процессы имели место и в период Французской революции, в особенности в связи с попыткой устранить правовые различия между законными и незаконными детьми. См.: *Brinton C.* Frenoh Revolutionary Legislation on Illegitimasy, 1798–1804.

(4) *Moore B.* Jr. Soviet Politic, the Dilemma of Power, ch. II.

(5) См. ниже, гл. 7 данной работы.

(6) В целом вопрос о вариабельности систем родства и их связи с территориальным положением см. у Мердока: *Murdock G.P.* Social Structure.

(7) См. там же.

(8) Это относится к евреям. Для негров цвет кожи как визуальный признак в некотором смысле занимает место особой культуры.

(9) Другим важным институтом было равенство в праве наследования всех сыновей, что ослабляло со временем консолидацию интересов родства.

(10) Целибат духовенства был, по-видимому, важным фактором, потому что он освобождал церковь от тех усилий, которые ей пришлось бы затрачивать для соблюдения своих интересов при наследовании статуса.

(11) Это — случай консервативности. В случае революционности статусная иерархия точно такого же типа стремится проявится как таковая, (партия) в самом революционном движении.

(12) При анализе конкретных особенностей социальной структуры этого типа автор многим был обязан доктору Флоренс Клакхон, т. к. пользовался материалом, рассмотренным в ее «Los Atarquenos» — неопубликованной докторской диссертации, находящейся в Редклиф колледже.

Глава 6
ОБУЧЕНИЕ **СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВЫМ** ОЖИДАНИЯМ И МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ **МОТИВАЦИИ**

Социальная система — это система действия, система зависимых друг от друга процессов действия. Структурные аспекты, которые будут находиться в центре внимания в трех последующих главах — своего рода абстракции этих процессов. Сейчас нам необходимо коснуться некоторых аспектов, от которых производится абстракция, с определенных точек зрения проанализировать сами эти процессы в контексте социальной системы. Для этой цели необходимо провести дальнейшее выяснение понятия *механизм*, которое используется здесь в смысле аналогичном тому, в котором оно используется в общей психологии и в психологии личности.

Процесс — этот тот способ или тот метод, которым данное состояние системы или части системы превращается в другое ее состояние. Когда процесс становится предметом изучения науки, его можно представить как подчиненный некоторым законам, которые можно изложить с точки зрения отношений взаимозависимости между величинами релевантных переменных. Однако часто законы, управляющие процессами, известны нам лишь частично или даже неизвестны совсем. Тогда можно описывать процесс в терминах его начального и конечного состояний, и иногда также связывать отдельные стадии его и делать шаги далее — к констатации относительно него некоторых эмпирически найденных обобщений.

Ученый, изучающий взаимозависимости переменных, изолирует отдельный процесс или виды процессов, кото-

рые его интересуют, и рассматривает их в качестве системы. Но в некоторых случаях следует рассматривать процесс, о котором идет речь в исследовании, как часть более широкой системы. Когда мы делаем это таким образом, что интерес наш сосредоточивается на **альтернативных следствиях этого процесса** для системы в целом или какой-то части этой системы, такой процесс можно назвать **механизмом**.

Это понятие имеет первостепенную важность для того, что мы будем сейчас рассматривать. По-видимому, нет никакого основания считать, что в **закономерностях** мотивационных процессов есть нечто такое, чего нет в понятии закономерности в других науках. Но механизмы мотивации, если они не условно относительны, формулируются как закономерности со специальным учетом их **значения** для частного вида систем. Особенно важно здесь, что механизмы личности как системы не **тождественны** механизмам социальной системы. Если придерживаться той схемы, которая задана нами в данной работе и в ряде других, личность и социальная система — это два разных вида систем. Все закономерности мотивационного процесса, в той мере, как их обобщает *психология*, точно так же полно и непосредственно применимы и к процессам действия в контексте социальной системы. Но поскольку то, что предоставляет нам психология, не закономерности, а механизмы, то тут уже существует очень большая вероятность, что мы имеем дело с механизмами личности как системы. В таком случае можно утверждать, что они непосредственно не применимы к анализу социального процесса и что содержание их, данное в терминах закономерностей, характерных для личности, следует переформулировать в терминах, релевантных для социальной системы. Социальная система, следовательно, не *подавляет* и не *предопределяет* этих механизмов, она их не *подчиняет* себе и не *доминирует* над ними, — просто это механизмы личности, а не социальной системы. Но мотивационные процессы, включенные в эти механизмы, действуют также и в социальных системах. Мы основательно займемся этими процессами, но в той мере, в которой они релевантны для механизмов социальных систем.

Необходимо более подробно пояснить, что это означает. Можно считать само собою разумеющимся, что мотивация — это процесс, который **всегда** имеет место в одном или более **индивидуальных** акторах. Мы можем говорить о *мотивации* коллектива только в переносном смысле, как о некоторой **единообразности мотиваций** его членов или же о какой-то **организации** этих мотиваций. Но для выбора релевантного единообразия и стандартов организации необходимо задать критерий релевантности, который если и принимается, то весьма редко, при обобщении знаний о самом мотивационном процессе. Его следует задавать с точки зрения определения тех механизмов, концептуализация которых включает также описание типов следствий из альтернативных результатов процессов, имеющих значение для социальной системы. Но для проведения такого описания мы, в свою очередь, должны быть в состоянии последовательно сформулировать, каковы же эти следствия.

Именно это обстоятельство, при данном состоянии научных знаний, дает некоторое преимущество *структурному* анализу социальной системы перед *динамическим* или мотивационным ее анализом. Без структурного анализа мы не можем знать, когда же необходимой становится динамическая концептуализация, потому что мы не в состоянии оказываемся оценить релевантность мотивационных процессов и закономерностей, и прежде всего — отличить механизмы личности от механизмов социальной системы.

Первая задача — построить классификацию мотивационных механизмов социальной системы и последовательно связать ее с классификацией механизмов личности. В одной из своих работ (1) мы разделили механизмы системы личности на три категории: механизмы обучения, механизмы защиты и механизмы адаптации. Обучение в широком смысле определяется как ряд таких процессов, посредством которых актор получает новые элементы ориентации действия, новые когнитивные ориентации, новые ценности, новые объекты и новые экспрессивные интересы. Обучение **не ограничивается** ранними стадиями жизни человека, оно продолжается на протяжении всей его жизни. То, что обычно называют *нормальной* адаптацией к изменению в ситуации или *разверткой* установленного динамического стандарта, не что иное, как процесс обучения.

Механизмы защиты — это процессы, посредством которых преодолеваются внутренние конфликты личности, т. е. конфликты между различными системами потребнос-

тей и подсистемами личности. В случае полного разрешения таких конфликтов механизмы защиты растворяются в механизмах обучения. Наконец, механизмы адаптации — это механизмы, посредством которых отдельный актор справляется с элементами напряженности и конфликта в своих отношениях к объектам, т. е. к ситуациям действия. Он здесь сталкивается с угрозой потерять объект, к которому он стремится, испытать фрустрацию в достижении цели из-за ситуационных напряжений и т.п. И точно так же при полном разрешении ситуационных напряженностей и конфликтов механизмы адаптации растворяются в механизмах обучения. Успешное замещение новым объектом того, который вызывает конфликт, может, таким образом, снять необходимость в объекте, потеря которого ставит все под угрозу.

Такой способ увязывания и классификации механизмов функционирования личности предполагает одно из основных допущений, которое здесь и следует указать. Обучение в том смысле, в каком мы касались его выше, — это процесс **изменения состояния** личности как системы. Механизмы защиты и адаптации рассматриваются здесь как процессы **уравновешивания**, процессы, которые обнаруживают тенденцию определенным образом изменять систему. Таким образом, в этой классификации нет такого вида механизмов, которые **поддерживали бы** стабильные мотивационные процессы в действии. Другими словами, мы предполагаем, что **непрерывность стабильного** мотивационного процесса, находящегося в стабильной связи с релевантными объектами, нельзя рассматривать как **проблему**. Это предположение, редко, правда, высказываемое эксплицитно, по-видимому, как правило, принимается в психологии. Его можно сравнить с первым законом движения Ньютона, с законом инерции, который обнаруживает, что **проблемы** механики связаны не с самим движением тела, но с изменением этого движения по направлению или же по скорости. Мы предлагаем мотивационный *двойник* закона инерции в данном изложении, закон изменения интенсивности или *направления*, т. е. ориентации действия, который и вводит в проблемы динамики теории действия. Таким образом, для социальной системы, точно так же, как и для личности, мы не затрагиваем проблему поддержания данных состояний социальной системы, **за исключением тех состояний, которые обнаруживают тенденцию изменяться.** Этот принцип дает нам четкий критерий того, как ставить проблему в контексте социальной системы. Здесь следует опять напомнить, что мотивационные процессы — это **всегда** процессы отдельных акторов. Отсюда применение указанного выше критерия означает, что проблемы механизмов социальной системы возникают тогда, когда, основываясь на нашем знании об индивидах, мы можем предположить, что существуют тенденции к изменению установленного состояния социальной системы. Что же это такое — установленное состояние социальной системы или релевантной подсистемы, которое мы приняли для наших целей?

Ответ на данный вопрос содержится в основной парадигме социального взаимодействия, которая нами неоднократно приводилась. Установленное состояние социальной системы — это процесс взаимного действия друг на друга двух или более индивидуальных акторов, каждый из которых конформен по отношению к ожиданию другого (или других) таким образом, что реакции *другого* на действия *эго* являются позитивными санкциями, которые подкрепляют его систему потребностей и таким образом исполняют его ожидания. Такой стабильный или уравновешенный процесс взаимодействия — фундаментальная точка отсчета для любого динамического мотивационного анализа социальных процессов.

Это, по-видимому, противоречит многим представлениям, общепринятым для социальных наук, но все же можно предположить, что поддержание взаимных ролевых ожиданий, которые однажды уже установились, **не является проблемой**, другими словами, что *тенденция* процесса взаимодействия к самосохранению есть **первый закон социальных процессов**. Совершенно очевидно, что это лишь предположение, но, разумеется, нет никаких теоретических противопоказаний к тому, чтобы сделать такое предположение, если оно будет служить для организации и обобщения наших знаний в этой области. Другой способ констатировать этот факт состоит в том, чтобы сказать: не требуется **никаких особых механизмов** для поддержания и укрепления взаимных ориентаций в действии.

Какие же существуют классы тенденций, не связанных с поддержанием такого взаимодействия? В целом их можно

свести к двум классам. Во-первых, совершенно очевидно, что те ориентации, которыми обмениваются акторы в своих ролях во взаимодействии, не врождены ими, но получены посредством обучения. Мы можем, следовательно, сказать, что, прежде чем актор обучился данной ролевой ориентации, он, очевидно, стремился действовать таким способом, который поддерживал бы равновесие взаимодействия при осуществлении им той или иной роли. Получение ориентаций, необходимых для удовлетворительного функционирования в роли — это процесс обучения, но не обучение в целом, а отдельный вид обучения. Этот процесс можно назвать процессом **социализации**, а те мотивационные процессы, с помощью которых он протекает, рассматривающиеся в терминах их функционального значения для системы взаимодействия, это **механизмы социализации**. Это механизмы, включенные в процессы *нормального функционирования* социальной системы.

Однако проблемы процесса социализации сформулированы исходя из предположения, что факторы, поддерживающие равновесие процесса взаимодействия, стабилизированы, за исключением того, что ориентациям, необходимым для адекватного функционирования данного актора в данной роли, он (актор) еще не обучен. Но в действительности так не бывает. В индивидуальных акторах как в личностях, а также в тех ситуациях, в которых они действуют, существуют факторы, стремящиеся установить равновесие. Если изменяется ситуация, то можно сказать, что она ставит новые проблемы обучения и, таким образом, умещается в рамках процесса социализации. Но совершенно иначе обстоит дело с изменениями факторов взаимодействия внутри личности и с **ее реакциями на** ситуационные изменения.

Очевидно, что структура процесса взаимодействия представляет главное направление организации таких тенденций. Существуют тенденции к **отклонению**, к нарушению конформности относительно нормативных стандартов, которые организованы и общепризнанны культурой. Тенденция к отклонению — это, в данном смысле, процесс мотивированного действия со стороны актора, который, без сомнения, имеет полную возможность обучиться необходимым ориентациям, но имеет тенденцию отклоняться от взаимных ожиданий конформности относительно общепризнанных стандартов там, где они релевантны для определения его роли. Тенденции к отклонению, в свою очередь, ставят социальную систему перед проблемой *контроля*, поскольку отклонение, не встречая противодействия, за определенными пределами начинает стремиться к изменению или дезинтеграции системы. Следовательно, сосредоточив внимание на тенденциях к отклонению и на реакциях, которые они вызывают в данной социальной системе и которые мотивируют акторов избегать этого отклонения и сохранять конформность, мы можем говорить о втором виде механизмов, о **механизмах социального контроля**. Механизм социального контроля — это такой процесс мотивации одного или более индивидуальных акторов, который стремится **противодействовать** тенденции к отклонению от **выполнения** ролевых ожиданий в самом акторе, а также в другом или в других акторах (партнерах). Это механизм восстановления равновесия.

Механизмы социального контроля включают некоторые аспекты двух видов механизмов личности, которые можно назвать механизмами защиты и адаптации. Они, другими словами, представляют собою защиту о т тенденций к нарушению ролевых ожиданий и адаптацию к ним. В психологическом смысле довольно тесная связь их с суперэго совершенно очевидна. Здесь следует, однако, вновь подчеркнуть тот факт, что **основы** этих личностных механизмов возникают благодаря механизмам социального контроля, и это не одни и те же механизмы, вторые из них — это механизмы социальной системы. Уже сам тот факт, что между ними постоянно существуют особые взаимосвязи, необходимо объяснить посредством дополнительного анализа. Из этих двух видов механизмов, однако, по вполне понятным причинам механизмы адаптации личности **динамически** более тесно связаны с механизмами социального контроля. И, наконец, именно во взаимоотношениях с социальными объектами возникают обе проблемы: адаптации для личности и контроля для социальной системы. С другой стороны, **функционально** механизмы социального контроля более точно аналогичны защитным механизмам личности, поскольку те и другие связаны с процессами, посредством которых система действия внутренне интегрируется и разрушительные тенденции устраняются.

Следует сказать также несколько слов о связях между механизмами социализации и социального контроля, с одной стороны, и процессами размещения в социальной системе — с другой. Размещение людей по ролям в социальной системе и процессы социализации индивида — это, очевидно, **одни и те же процессы**, рассматриваемые с разных точек зрения. Процесс размещения рассматривается с точки зрения функционального значения для социальной системы как системы. Социализация же, с другой стороны, — это процесс, рассматриваемый с точки зрения мотивации отдельного актора. Умение выбирать между возможностями занятия тех или иных ролей, которые социальная система открывает индивиду, конечно, усваивается в процессе социального обучения, и выбор этот демонстрирует ценностные ориентации, полученные в процессе социализации. Процесс размещения преимуществ и вознаграждений, с другой стороны, — это, с мотивационной точки зрения, установление или ликвидация связи ценимых объектов с отдельными акторами. Следовательно, это процесс, смещающий стабильную ситуацию (например *доход*), или же это процесс ситуационного изменения, требующий от актора адаптации. Адаптации можно успешно обучать человека посредством механизмов социализации, но они могут быть и факторами, вызывающими тенденции к отклонению, а следовательно, точкой приложения механизмов социального контроля.

В данной главе мы будем заниматься процессами социализации и их механизмами, предприняв в главе 7 анализ отклонения и процессов социального контроля.

Социализация ребенка и интернализация социальных ценностных ориентаций

Термин *социализация*, как он постоянно употребляется в литературе, связан преимущественно с процессом развития ребенка. И действительно, это очень важный момент в том, что мы назвали механизмами социализации, но следует заметить, что термин этот употребляется здесь в более широком смысле, а именно: он означает обучение **любым** ориентациям, имеющим функциональное значение для действия системы взаимных ролевых ожиданий. В этом смысле социализация, точно так же, как и обучение, продолжается в течение всей жизни. Развитие ребенка — это только наиболее драматический момент, поскольку здесь этот процесс заходит очень глубоко.

Однако есть причина для того, чтобы выделять социализацию детей. Можно, по-видимому, считать, что из всех элементов личности, приобретаемых путем обучения, в некоторых отношениях наиболее стабильные и глубоко укоренившиеся — это модели ценностной ориентации, и совершенно очевидно, что они *лежат в основе всего*, закладываются в детстве, и взрослые субъекты не меняют их сколько-нибудь серьезно (2). Существуют веские основания для того, чтобы рассматривать эти стандарты ценностной ориентации в терминах комбинации стандартных переменных как нечто, называемое иногда *базисной структурой личности*, и именно так мы их будем здесь рассматривать. При обсуждении некоторых моментов социализации ребенка мы будем делать основное ударение на этом аспекте социализации, формулируя его в наиболее абстрактных терминах.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, следует подчеркнуть, что социализация ребенка — это частный случай социализации в строгом смысле данного выше определения, а не социального контроля. То, что иногда называют *варварским вторжением* в развитие новорожденных детей, есть не что иное, как основная особенность ситуации в обществе. Наряду с отсутствием у них биологической зрелости, основным фактором, определяющим положение ребенка, является обучение моделям поведения, ожидаемого от лиц его статуса в обществе. Данное изложение не касается того факта, что ребенок, обучаемый этим стандартам, имеет тенденцию очень сильно отклоняться от них — через это он проходит на разных стадиях своего развития. Но по мере приобретения все новых и новых стандартов отклонения сдвигаются в область тех стандартов, которые еще не усвоены.

Как механизм социальной системы комбинацию мотивирующих процессов, о которых мы говорим, можно представить в виде ряда действий в ролях, которые, если исходить из известных нам факторов относительно мотивационных процессов, теоретически и практически направлены к тому, чтобы получить некоторый результат, в данном слу-

чае — интернализацию некоторых стандартов ценностной ориентации. Результат этот проявляется в получении определенных взаимодействий в ролях.

Для того чтобы проанализировать эти процессы, необходимо располагать информацией двух видов. Во-первых, нужно иметь знания о процессах или механизмах обучения с точки зрения актора, который социализируется в данном процессе. Во-вторых, следует иметь в виду релевантные характеристики ролевой системы взаимодействия, которая помещает **социализируемого**, если можно здесь применить такой термин, в ситуацию, благоприятствующую процессу обучения, релевантному для данного случая. Можно выдвинуть предположение, что механизмы социализации действуют только тогда, когда процесс обучения является составной частью процесса интеракции во взаимодополняющих ролях. Таким образом, не только агенты социализации, но и **социализируемый** должны быть представлены как действующие в ролях. По-видимому, в некоторый период после рождения ребенка это предположение недействительно. Но в наблюдаемом поведении ему всегда непосредственно предписана роль, которая включает в себя ожидания относительно его поведения. Поведение взрослого по отношению к нему **не похоже** на поведение по отношению к чисто физическим объектам, но связано с поведением ребенка и очень часто является интерпретацией его ожиданий, например: «мальчик хочет, чтобы его покормили». Только когда установится взаимность такой интеракции, мы можем говорить о процессе социализации. Чисто физический уход за ребенком, в котором он не играет пока никакой роли, а является просто пассивным объектом манипулирования, это не социализация.

В работе «Ценности, мотивы и системы действия» были выделены и последовательно связаны друг с другом пять катектически-оценочных механизмов обучения. Все они релевантны данному изложению, и мы здесь кратко остановимся на том, каковы они и как относятся друг к другу. В глубине лежит когнитивный механизм выделения и обобщения. Эти пять механизмов: гашение подкрепления, подавление (репрессия), замещение, имитация и идентификация. Первые три не обязательно включают ориентацию на социальные объекты, в то время как для последних двух — это обязательно.

Гашение подкрепления — это название, данное наиболее общей связи между удовлетворенностью или неудовлетворенностью результатом поведения и интенсивностью стремления повторять такое поведение при соответствующих условиях. Наиболее общим законом является то, что, как правило, получение удовлетворения имеет тенденцию усиливать стандарт, в то время как неполучение его имеет тенденцию ослаблять его. Это обобщение, разумеется, следует интерпретировать очень осторожно в свете множества различных значений, существующих для самого содержания удовлетворений и лишений и сложного взаимодействия систем потребностей в системе личности, а также значение многих переменных, задаваемых условиями. Совершенно очевидно, что чисто *гедонистическая* интерпретация совершенно неадекватна.

Второй механизм — **репрессия**, что означает просто обучение умению отвлекаться от хода действия, мотивированного данной потребностью, когда имеется в наличии соответствующая возможность получить удовлетворение, не связанное с объектом, в который включен *аффект*. Репрессия в самом фундаментальном смысле непосредственно связана с самим процессом обучения. Если бы на каждой новой стадии обучения происходило полное гашение прежней системы потребностей, то обучение становилось бы невозможным, т. к. разрушились бы усвоенные ранее модели. Репрессия, следовательно, это в некотором смысле процесс разрыва мотивационной инерции.

Третий всеобщий механизм — это **замещение**, означающее процесс перемещения катексиса с одного объекта на другой. Замещение, совершенно очевидно, включает в себя репрессию в форме отказа от катексиса, направленного на **прежний** объект, но оно дополнительно включает также и возможность переноса, *знание* о том, что новый объект может обеспечить удовлетворение, более или менее эквивалентное тому, которое мог обеспечить прежний объект. Таким образом, наиболее общими словами: *прогресс* в обучении означает, во-первых, отказ, достаточный, по крайней мере, для обеспечения гашения мотиваций, во-вторых, способность подавлять потребности, которые блокируют новые ориентации, и в-третьих, способность усваивать новые объекты, способность замещения.

С этими катектически-оценочными механизмами тесно связаны в первую очередь когнитивные механизмы выделения и обобщения. Выделение — это самое первое условие конструирования мира объектов, и оно должно действовать непрерывно на протяжении всего процесса обучения и во всех процессах, связанных с обучением. С другой стороны, обобщение, давая знание об общих атрибутах классов объектов, оказывается необходимым условием замещения и высшим уровнем организации ориентационных систем. Обобщение существенно прежде всего для классов катектических объектов и также более абстрактных категорий культурных объектов, т. е. символов; а следовательно, для любого процесса эффективного замещения выстраиваются такие ряды катексиса, включая сюда и процессы символизации. Может быть, формирование полностью обобщенных стандартов ценностной ориентации в глубине направляется также и этим механизмом.

Имитация — это процесс, посредством которого отдельные предметы культуры, отдельные фрагменты знаний, умений, символического поведения отвлекаются от социального объекта в процессе интерпретации. В некотором смысле, следовательно, ее можно представить как сокращенный процесс обучения, в котором *другой* в состоянии бывает показать более короткий и более легкий путь обучения, чем мог бы найти *эго*, действуя сам. Имитация, разумеется, должна обеспечиваться вознаграждением, т. к. действие, для того, чтобы оно было усвоено, должно подкрепляться. Но имитация прежде всего не подразумевает никакой постоянной связи с *моделью*, никакой привязанности типа солидарности.

Идентификация, со своей стороны, означает принятие, т. е. интернализацию **ценностей** модели. Здесь подразумевается, что *эго* и *другой* постоянно находятся во взаимных ролевых отношениях, в которых ценностные стандарты для них являются общими. *Другой* является **моделью**, а все вместе — это **процесс обучения**, поскольку *эго* в начале этого процесса не обладает ценностями, о которых идет речь. Идентификацию можно классифицировать по типам ценностей и по характеру привязанности *эго* к *другому*. Наиболее важные переменные будут связаны с фактами наличия конкретной или диффузной привязанности, а также наличия чувственной (любовной) привязанности или нейтральной (уважения). В любом случае совершенно очевидно, что это — наиболее важный из всех механизмов обучения для усвоения ценностных стандартов.

Теперь обратимся к характеристикам самого процесса взаимодействия как структуре взаимных ролей, которые имеют значение для социализации, получаемой в результате процесса обучения, рассмотренного выше. Процесс *социализации* можно представить в виде взаимной интеграции *эго* в его роли с ролью другого (других) таким образом, что общие ценности интернализуются внутри личности *эго*, и его поведение образует систему взаимно связанных ролей, ожиданий, санкций.

Первое, на что здесь следует указать, что *другой* до и независимо от любой идентификации, будучи взрослым, располагает некоторым контролем по отношению к ситуации, в которой действует *эго*, так что он может оказывать влияние на результаты действий *эго*. В терминах обучения: он может использовать их для подкрепления тенденций, существующих в поведении *эго*, которые совпадают с его собственными ожиданиями относительно того, как должен вести себя *эго*, и действовать в направлении их гашения, когда они отклоняются от этих ожиданий. В связи с обучающими механизмами гашения подкрепления, мы, следовательно, можем говорить о социализирующих механизмах **вознаграждения-наказания**, о частных и конкретных ориентациях на поведение *эго*, направленных на то, чтобы мотивировать его к конформности и удержать его от отклонений по отношению к ожиданиям *других* (3). Абстрагируясь от функционирования *другого*, можно представить его в качестве модели как для имитации, так и для идентификации.

Вознаграждения и наказания, очевидно, побуждают к репрессии и к замещению. Простейшая мотивация к репрессии заключается в научении тому, что удовлетворение потребностей приведет к последствиям, связанным с лишениями (4). Поскольку такие последствия действий *эго* угрожают ему лишением целого комплекса социальных объектов, они являются наказанием. Для замещения же оптимальной является комбинация вознаграждений и наказаний, которая действует во всех видах ситуаций; наказание лишением объекта комбинируется с вознаграждением катексисом от нового.

Во-вторых, *другой* может действовать не только как агент, обеспечивающий гашение подкрепления, но и как модель для имитации. Кроме того, что он *обеспечивает* ряд последствий конкретных актов *эго*, он может представлять собою модель, которая, в свою очередь, становится фактором процессов гашения подкрепления, однако же активно эти процессы могут и не вытекать из собственных действий *другого*. В таком случае, мы имеем право сказать, что *другой* как активная модель *присваивает себе* роль *учителя*, и поскольку термин здесь уместен, мы можем говорить о **социализации посредством *инструктирования*** как применении механизма имитации социализирующим агентом. В контексте обучения термин *имитация* подчеркивает, что именно происходит, когда есть в наличии модель для имитации. В контексте социализации тот факт, что модель данного типа *гарантирует* инструктирование *эго*, уже достаточен для того, чтобы сосредоточить на ней внимание. Это внимание сосредоточивается на специфической роли *другого*, а также на процессах обучения *эго*.

И наконец, механизм обучения (в общем **дополнительно** к другим в сложном процессе) может предстать как идентификация. Для того, чтобы идентификация имела место, должна возникнуть еще одна характеристика отношений взаимодействия *эго* с *другим*. В дополнение к тому, что этот *другой* **делает** в своих внешних дискретных актах с точки зрения их значения как вознаграждений-наказаний, и к тому, что он **обнаруживает** стандарты, которые можно имитировать, **установки** *другого* по отношению к *эго* являются важной характеристикой процесса социализации. Мы уже видели при изложении данного материала, как важен этот шаг для интеграции системы взаимодействия. Мы видели это при определении **привязанности**, а именно ориентации на *другого*, в которой основным центром катективно-оценочного значения являются установки *другого*. В силу этого внешние акты интерпретируются главным образом как *выражения установок*, т. е. знаки или даже более — символы.

Когда оформляется взаимная привязанность, *эго* получает то, что в главе 4 мы назвали *обладанием отношениями*. Он получает как бы *залог*, гарантию этого обладания, гарантию поддержания у *другого* благоприятных установок, его рецептивности-респонсивности, его любви, одобрения и уважения, и возникает необходимость избегать их разрыва и прежде всего превращения во враждебные, неблагоприятные установки.

Обобщения относительно мотивационных процессов, которые суммировали бы в единое целое то, что мы назвали механизмом идентификации, отчасти предполагают исключительно важное обобщение, можно сказать, теорему: стандарты ценностной ориентации могут быть интернализованы **только** извне (5), благодаря взаимным привязанностям, т. е. через интеграцию *эго* с взаимной, дополнительной ролью, ставящей его в связь с *другим*, когда интеграция эта достигает уровня организации, а также благодаря катектической сенситивности, которую мы назовем здесь чувствительностью к привязанности и к лояльности, включающей общий ценностный стандарт. Третий из основных видов механизмов социализации, следовательно, можно назвать **механизмами усвоения ценностей**, со всеми вытекающими отсюда последствиями, касающимися характера процессов не только внутри личности *эго*, но и с точки зрения его интеракции с *другим*, как она была описана нами выше.

Этот очерк значения процесса идентификации очень упрощен и ставит ряд весьма важных проблем, которые не могут быть здесь решены. Если ударение делается на построение стандарта ценностей, общего для *эго* и *другого*, то *эго* можно рассматривать как получающего ценности от *другого* посредством идентификации. Это ставит, однако, несколько серьезных проблем, связанных с процессами дифференциации такой системы ценностей. Прежде всего, роли *эго* и *другого* не идентичны, а дополнительны друг другу. А потому в наличии имеются как элементы **общей ценности**, так и элемент различной **применимости** этой общей ценности для *эго* и для *другого*. От *эго* как от малого ребенка, очевидно, не ожидается точно такого же поведения, как от *другого*, от взрослого. Более того, *эго* и *другой* могут быть противоположными по полу, и это вносит еще большую дифференциацию.

На этом основании мы можем выделить следующие элементы в стандартах ценностной ориентации, получаемых *эго* через *другого* посредством идентификации: а) общая ценностная ориентация, достаточно обобщенная для того, чтобы быть применимой как для *эго*, так и для *другого* в их

ролях, а следовательно, относящаяся к более широкому явлению, например, к семье как к целому, и т. д., передается в форме словесного утверждения, что такие-то и такие-то вещи правильны или же неправильны, большей частью в самых общих выражениях; б) ожидания *другого* в плане ценностной ориентации относительно поведения *эго* в его роли, т. е. в роли, отличной от роли *другого* по возрасту, а, возможно, также и по полу и по каким-то другим признакам; и в) взаимные ожидания относительно определения роли *другого*.

Имеется еще и четвертый элемент (г), заключающийся в отличной как от роли *эго*, так и от роли *другого* роли третьего партнера, например, роли отца, если *другой* — это мать. И наконец, пятый элемент (е) заключается в отличии роли *эго*, но не в статичном отличии, а в изменении, появляющемся в ней в процессе *роста*, так что оценка его собственного будущего в значительной степени является частью процесса приобретения им ценностей. Сложные проблемы, связанные с этими различиями, в дальнейшем рассмотрении будут затронуты только очень кратко, но анализ их здесь только начат.

Разумеется, многие характеристики актуального процесса социализации ребенка пока неясны, в особенности что касается факторов, ответственных за разницу в результате и за патологию. Однако, пользуясь выше разработанной концептуальной схемой, можно попытаться кратко набросать некоторые опорные точки, которые могут послужить по крайней мере исходными пунктами для определенных гипотез, а может быть, даже и для кодификации имеющегося знания. Следует напомнить читателю, что мы занимаемся усвоением стандартов ценностной ориентации и факторами, которые могут оказаться ответственными за интернализацию различных типов стандартов ценностной ориентации. Следовательно, главный центр тяжести нашего рассуждения лежит в механизмах усвоения ценностей посредством идентификации.

Анализ можно провести двумя путями: с точки зрения роли социализирующего агента и с точки зрения роли социализируемого. В последнем случае существует три главных классических атрибута ребенка: его **пластичность**, которая есть не что иное, как его способность обучаться альтернативным стандартам; его **сенситивность (чувствительность)**, которую можно интерпретировать также как его способность формировать привязанности в указанном выше смысле слова; и его **зависимость**. Последняя, если даны две первые, — основная точка опоры для приведения в действие рычагов социализации. Ребенок как организм беспомощен и зависим от других во всем, что касается наиболее элементарных потребностей в пище, тепле и защите со стороны других.

Социализирующий агент, следовательно, как правило, в состоянии начать процесс социализации, будучи агентом, доставляющим вознаграждения и — скорее имплицитно, чем явно — также и наказания. Начальная ориентация ребенка очень быстро должна включить в себя наличие роли взрослого в указанном наиболее элементарном смысле. Следовательно, рычаги для приведения в движение мотивации ребенка обеспечиваются конкретными вознаграждениями в виде пищи, тепла и проч., и возможностью избежать соответствующих лишений (6). Это и есть первые источники **играния им роли**, как чего-то отличного от состояния объекта, за которым просто ухаживают (7). Некоторые составные части этой заботы (ухода) уже ожидаются в ответ на конформность к ожиданиям другого, начиная с такого рода *ответов*, как гуканье, улыбка, принесение какой-то вещи (после того, как ребенок научился ходить).

Вероятно, основы привязанности закладываются гораздо ранее, чем появляется какая бы то ни было имитация, поскольку для того, чтобы ребенок мог приступить к имитации, нужна определенная степень зрелости его. По-видимому, большое значение имеет тот факт, что за исключением условий дезорганизации, ребенок испытывает относительно немного фрустраций в раннем возрасте в том, что касается его фундаментальных психических потребностей. Первые фрустрации наступают с момента необходимости замещения первоначальных объектов, например, когда его отнимают от груди. Но возникают другие удовлетворения, связанные с приятным физическим контактом и т. д.; в особенности это связано с установками взрослых по отношению к ребенку и, следовательно, с его собственным поведением. Это, по-видимому, главные основы огромного значения эротических удовлетворений и потребностей человеческой личности, так что

генезис их в физических контактах с матерью в процессе сосания, ласкания и т. д. — становится, по-видимому, наиболее важным условием ролевых ожиданий на ранних стадиях социализации. Затем посредством нескольких последовательных замещений устанавливается взрослая структура эротических потребностей.

Во всяком случае обобщение отдельных аспектов вознаграждений со стороны *другого* и плюс к этому зависимость в раннем возрасте дают начало процессу генезиса ранних привязанностей. Прежде всего, по-видимому, нужно сказать, что ранние привязанности по природе своей преимущественно (а может быть, и полностью) аффективны, потому что ребенок не способен на репрессию, которая лежит в основе аффективно-нейтральной ориентации. Понимание, что репрессии обучаются, а также как именно обучаются, когда и в каких контекстах, по отношению к чему существуют ограничения — одна из важнейших проблем, возникающих в социологической теории.

Во-вторых, можно поставить вопрос о временно́м приоритете конкретных и диффузных привязанностей в смысле стандартной переменной. И та и другая являются, если мы возьмем за исходную точку наказания-вознаграждения отдельных актов, результатом процессов обобщения. Но обобщение конкретного акта в категорию действия, примером которой он является, — по-видимому, наиболее элементарное обобщение. Отсюда можно ожидать, что привязанность к матери, например, как к источнику удовлетворения голода, будет привязанностью первого типа. Обобщение диффузной привязанности, в которой она — лицо, *заботящееся* об *эго*, не в смысле обслуживания, как такового, а в смысле установки по отношению к нему, требует еще одного шага. Двойственность значения слова *заботиться* в языке имеет, по-видимому, основание.

Благодаря как сенситивности, так и зависимости ребенка всегда существует проблема механизмов, посредством которых делается такое обобщение. Можно предположить, что эротическая сфера также играет здесь, по-видимому, важную роль. Точнее, в силу практической необходимости *ухода* за ребенком, телесный контакт с матерью составляет в отношениях важную часть. Как подчеркивает психоаналитическая теория, благодаря оральной, анальной и даже уретральной зоне в раннем детстве существуют конкретные эротические потенциалы, и очень может быть, что наиболее значительное свойство эротической сферы именно ее диффузность. Конкретные акты ухода, такие как питание, имеют в определенном смысле инструментальный характер; значение их самих по себе не может ограничиваться тем, что они обеспечивают благоприятную основу для образования потребностей в *ответах*, как отличных от потребностей в вознаграждениях, и обобщением их как на центре на взрослом человеке, а не по частному контексту или по виду актов. Значение эротической сферы может в сильной степени основываться на том факте, что существует прямая связь между вознаграждением и ответом, через которую можно самым удобным способом переходить от зависимости от эротических вознаграждений, в особенности от диффузных вознаграждений чувственным телесным контактом, к диффузной привязанности.

Если эта интерпретация правильна, то отсюда, по-видимому, следует, что хотя конкретная фиксация на конкретных эрогенных зонах и имеет как правило место в нормальном процессе социализации всегда почти в одной и той же степени, более сильные фиксации, играющие главную роль в патологических синдромах, следует рассматривать как следствие некоторого нарушения обычно более диффузных функций эротического интереса. Можно предположить, что эротическая фиксация эго на своем собственном теле указывает, по-видимому, на нарушение нормального течения диффузного эротического интереса по отношению к другим. Тогда оральный и анальный эротизм становятся более значимыми как вторичные аспекты развития либидо, чем первичные его центры.

Если все вышеизложенное правильно, то даже наиболее элементарная привязанность к получению ответа конкретного характера будет означать, что сделан дальнейший шаг в играния ролей в более широкой социальной системе. Общепризнанные ценностные стандарты разделяются *эго* и *другим* (и это именно оценка их взаимных установок в плане чувств), так что отдельные акты рассматриваются как *выражение* соответствующих установок, а не как дискретные вознаграждения и наказания. Существуют определенные нормы соответствующего поведения для обеих сторон.

Зависимость этого развития от способности к обобщению очевидна.

Такая привязанность означает, что ребенок не просто восприимчив к ответам взрослого, но он учится отвечать и сам, посредством, например, улыбки, *гугуканья*. С этого момента открываются другие, наиболее фундаментальные альтернативы привития стандартов в процессе социализации. Ребенок проявляет очевидный интерес к получению как вознаграждений, так и ответов от взрослых. Но взрослые очень в неодинаковой степени способны выполнять эти его ожидания. В этом отношении процесс социализации может принять такой оборот, что *эго* будет побуждаться к пассивности, к ориентации, которая в некотором смысле соответствует его беспомощности, или он будет стремиться к построению более симметричной конструкции восприятий-ответов или просто конкретных реакций. И действительно, совершенно очевидно, что в силу врожденного неравенства в последнем случае единственная реальная возможность мотивировать активную ориентацию заключается в пробуждении у ребенка респонсивности, а также рецептивности (восприимчивости и отзывчивости), т. е. вознаграждать его как конкретными актами, так и повышенной восприимчивостью и отзывчивостью со стороны взрослых. В интернализации ценностей, проявляющихся в установках в данной плоскости, можно обнаружить, что ориентация начинает формироваться в терминах переменной *аскрипция — достижение*. Она может оказаться исключительно важной для развития, например, ценностей достижения американского общества.

В высшей степени вероятно, по-видимому, что ранние диффузные привязанности, в особенности к матери, превращаются в тот центр, к которому иногда тяготеет защитная система ребенка. Обеспечение безопасности в этом смысле можно понимать как наличие определенной стабилизации в его системе ориентаций, благодаря которой ребенок может становиться в некоторой степени устойчивым к фрустрации. Но за эту безопасность в период ранних привязанностей приходится расплачиваться определенным усилением зависимости. Здесь можно выделить культурную переменную: замещение матери другим человеком понижает степень зависимости от привязанности к матери, но, как правило, не ведет к изменению стандарта поведения по отношению к объектам привязанности, от которых можно научиться новым ценностям.

Устойчивость к фрустрациям, которая становится возможной в рамках диффузной любовной привязанности, объясняет главным образом дальнейшее значение такой привязанности именно как рычага, запускающего процесс усвоения новых ценностей. Фрустрация, действию которой ребенок подвергается, отчасти корнями своими уходит в физические и прочие аспекты ситуации, но основная часть ее заключается в необходимости (естественно или искусственно созданной) соблюдать дисциплину, что можно рассматривать как механизм социализации.

Использование того или иного инструмента для преодоления фрустрации зависит от характера ролей, для которых индивиды социализируются и которые в свою очередь также различны в разных обществах. Но допуская это многообразие мы тем не менее можем сосредоточить внимание в данном обсуждении на некоторых моментах, релевантных процессам приобретения определенных ценностных стандартов, которые не непосредственно включены в диффузную любовную связь матери с маленьким ребенком. Прежде всего необходима независимость для ориентации на автономное достижение, способность к аффективной нейтральности, к универсализму и к функциональной конкретности, не зависящей от прямого удовлетворения интересов, существующих в детстве, особенно в аффективно нейтральных контекстах. Это возможные ценностные стандарты, имеющие особенное значение в системе ролей взрослых людей нашего общества, но для других обществ они могут быть релевантны не в одинаковой степени.

Успешность перехода от зависимых статусов в диффузной привязанности к матери к более *взрослой* стадии связан с двумя главными видами условий. Первые — это комбинация объектов для идентификации, даваемая той ситуацией, в которой находится ребенок, ценностные стандарты, воплощенные в них, и их связь друг с другом на более ранней стадии, в частности связь друг с другом двух родителей. Второй тип условий — это условия, обеспечивающие психологически благоприятную ситуацию для протекания процесса идентификации.

На втором типе условий мы не будем сосредоточивать главное внимание, но несколько слов следует сказать и о нем. Первое из этих условий отчасти адекватно ощущению безопасности в выше указанном смысле слова. На первом этапе оно заключено в матери. Можно, однако же, сразу сказать, что, поскольку отец является важным объектом идентификации, его следует включать в единую систему вместе с матерью так, чтобы ни ребенок не был исключен из системы солидарности *отец — мать*, ни отец не оказался вне системы солидарности *мать — ребенок*. (Для простоты братьев и сестер мы не будем вводить в наше рассмотрение.) Ребенок получает свою главную *опору* во включении его в эту диффузную систему солидарности, в семью как коллектив.

Во-вторых, должна соблюдаться дисциплина, которая и является исходной причиной фрустраций уже установившихся потребностей ребенка, в особенности же некоторых потребностей в немедленном удовлетворении, и необходимости его от кого-то зависеть. Можно предположить, что сюда входят не только фрустрации извне, но, как переломные моменты, также и фрустрации, вызванные неполучением ответа *эго* на свои уже сформировавшиеся ожидания к взрослым те ожидания, предъявляемые к взрослым, которые на одной из ступенек детского возраста были установлены и узаконены, не получают ответа на другой ступеньке этого возраста.

Эго может развивать в ответ на эти фрустрации адаптивные механизмы; и он, разумеется, в определенной степени так и поступает. Но они не должны вносить нарушения в общую комбинацию их с защитными механизмами, что блокировало бы процесс социализации, стабилизировав, например, потребность в отчуждении. Отсюда очевидно, что некоторые адаптивные ответы на давление со стороны фрустраций в ожиданиях следует рассматривать как допустимые в том смысле, что они *терпимы*, т. к. взрослые при их проявлении не отнимают у ребенка его ощущения безопасности. Если привязанность конкретна по отношению к контексту потребностей, о которых идет речь, то неспособность взрослых *ответить взаимностью* на ожидания не обязательно нарушает уверенность ребенка в их привязанности (ощущение безопасности) благодаря тому, что последнее обладает свойством диффузности; взрослые могут показать ребенку другим способом, что изменяется по форме их установка любви по отношению к нему. Необходимость в равновесии отдельных разочарований, как-то: во взаимности, допустимости и выражении диффузной любви — изменяется в зависимости от систем родства и систем ролей для которых социализируется *эго*. Здесь, следовательно, встают вопросы относительно психологических процессов, наши знания о которых весьма фрагментарны, и мы не можем здесь наглядно продемонстрировать их решение.

И наконец, следует также сказать, что фрустрация, вызванная отказом выполнять ожидания *эго* относительно взаимности, должна компенсироваться обещанием вознаграждения за выполнение ожиданий взрослых, т. е. за обучение его новой ориентации. Если диффузная любовная привязанность уже существует и если мы согласны с тем, что вознаграждение отношениями в этот момент наиболее существенно, то можно показать, что особое значение на этой стадии придается установкам одобрения и уважения со стороны взрослых. Именно они могут стать решающими элементами в системе вознаграждений, которой манипулирует социализирующий агент, наряду с конкретными вознаграждениями — удовлетворениями.

В нашем обществе, в частности, такая постановка вопроса проливает свет на проблему *условной любви*. Когда воспитана способность к независимой привязанности, в системе вознаграждений должен существовать также условный элемент. В идеале условна не любовная установка родителей, а их одобрение конкретной деятельности ребенка. Способность разделять эти два аспекта является условием адекватности родителей как родителей. Но при некоторых условиях такое разделение может нарушаться и условной становится любовь, а не просто одобрение. Этого можно ожидать, когда исключительная строгость дает патологические следствия для развития ребенка.

Можно отметить здесь, что эти четыре предпосылки: ощущение безопасности (уверенности), дисциплина, необходимая для преодоления фрустраций, терпимость и аффективная нейтральность в вознаграждении отношениями — характерны для психотерапевтического процесса и в этом своем качестве глубоко заложены в основание равно-

весия социальной системы. В этом отношении существуют также фундаментальные различия, которые мы прокомментируем в соответствующих местах нашего изложения, здесь же очень важно отметить, что социализация, психотерапия и другие механизмы социального контроля с самого начала своего взаимозависимы. Эти их взаимоотношения мы проанализируем ниже в главе 10.

В этой схеме интересно рассмотреть возможное значение дифференциации ролей двух родителей в процессе социализации относительно, прежде всего, вопроса о том, для чего в нем важен отец, несмотря на то, что участие его в обычном уходе за ребенком минимально. В том, что значение его велико, убеждает опять-таки эротический фактор и геометрия идентификации половых ролей и эротических привязанностей. В высшей степени вероятно, что нормальная гетеросексуальность институционализирована во всех известных нам обществах, а следовательно, что гомосексуальность за немногими исключениями запрещена и что существует повсеместно запрещение инцеста внутри основной родственно-солидарной группы, которая, как правило, включает в себя ядерную семью. Мы предполагаем, что в значительной степени эти стандарты усваиваются в процессе социализации и не являются, следовательно, простым проявлением *сексуального инстинкта*.

В этой связи имеет значение различие между психотерапией и социализацией. Маленький ребенок, безопасность которого основывается главным образом на его привязанности к матери, не усвоил еще ценностных ориентаций более высоких стадий зрелости. Можно предположить, что реагирование на некоторые давления извне продвигает его все дальше по пути к зрелости, вызывая соответствующие фрустрации. В таких условиях нарушения будут наименьшими, если ответственность за оказание такого давления будет распределена между родителями, и, следовательно, давление будет исходить по преимуществу не от главного объекта любви. Несмотря на все многообразие половых ролей в разных обществах, можно сказать, что, по-видимому, везде общепринятая роль взрослого мужчины предполагает гораздо меньшее участие в уходе за ребенком, чем роль женщины, и большую связь с престижем и ответственностью в более широком обществе за узкими рамками круга родства.

Солидарность отца с матерью, тем самым, дает ему возможность стать символическим центром некоторых давлений, ощущаемых ребенком. Эту ситуацию можно определить так: «сделай то-то и то-то, потому что так нужно отцу»; мать при этом поддерживает отца, но как бы устраняется от источника давления. Ощущение безопасности, связанное с матерью, меньше нарушается при таком давлении, поскольку сама мать не связывается непосредственно с источником давления. Разумеется, может существовать большое разнообразие в тех способах, которыми такое влияние достигается наиболее оптимально, и хотя ответственности разделены, но одновременно совершенно очевидно, что существуют также и общие элементы.

По-видимому, имеет значение то, что в схеме эротических привязанностей, при наличии обоих полов, уменьшение эротического элемента в привязанности к матери фигурирует главным образом в качестве *платы* за возмужание. Это очень важно, что дети обоих полов начинают с главной привязанности к матери, в которой, как мы знаем со времен Фрейда, содержится главный эротический элемент. Мальчик отказывается от эротического элемента в своей привязанности к матери в пользу взрослой гетеросексуальной привязанности, которая должна быть, однако, ориентацией, лежащей вне семьи. Гетеросексуальная ориентация сохраняется, но приходится отказаться от одного объекта, в действительности от типа объекта, в том случае, когда мать заменяется другой женщиной, например, старшей сестрой в нашем обществе, а в других обществах — другой родственницей. В целом такой отказ служит цели продолжения рода. Такое универсальное явление как общий интерес мужчин к молодым женщинам, и очень редкое увлечение их старыми женщинами можно интерпретировать даже как формирование реакции, направленной против стремлений к инцесту, связанной здесь с потребностью в зависимости. С этой точки зрения, эдипов конфликт в мальчике можно считать связанным с давлением в пользу отказа в некоторых отношениях от ожиданий его в своей роли, насыщенной детской привязанностью к матери, а не с сексуальным соперничеством в общепринятом смысле этого слова. Отец символически идентифицируется с источником давления, что не вызывает больших сомнений, поскольку мальчик не может выработать в

себе убеждение, что его мать *может так поступать по отношению к нему*. В более широком смысле, разумеется, оба родителя проявляют свои установки относительно того, чего они ожидают от *взрослого мальчика*.

Можно предположить, что в такой ситуации вознаграждение отношениями, указанное выше, прежде всего связано с идентификацией с ролью мужчины, если речь идет о мальчике. Они заключаются не только в поощрении усвоения общих ценностей обоих родителей, которые в нормальном случае они предположительно разделяют, но также и в поощрении партикуляризации этих ценностей при их применении к самому себе, посредством усвоения того, что, вырастая, он должен становиться мужчиной в **нормативном** смысле этого слова. Эти вознаграждения — **одобрение и уважение** со стороны обоих родителей, которые обнаруживаются, когда он проявляет свою мужественность — являются главнейшим центром его социализации. Он, следовательно, идентифицируется со своим отцом в двойном смысле этого слова. Во-первых, он разделяет ценности вообще и комплекс ценностей обоих родителей, характерный для его возраста; а во-вторых, он усваивает, что нормы в применении к нему, находящемуся в роли мальчика, должны быть иными, чем, например, в применении к роли девочки. В нашем обществе можно говорить о расширении *латентного периода* с его принуждением к мужественности и со строгим разграничением полов, осуществляемом не по решению взрослых, но под давлением групп ровесников, как социально стандартизирующего фактора, предполагая, что процесс обучения в этом случае тесно переплетен со сложными адаптивными процессами.

По отношению к девочке можно говорить об интересной комбинации сходств и различий. *Опасность* отнятия у нее детского статуса заключается не в идентификации ее с враждебной половой ролью, но в неспособности формировать адекватную привязанность к противоположному полу. Отец для нее — по преимуществу прототип объекта мужчины, каковым он является и для ее брата. Но запрещение инцеста мешает простому переносу эротической привязанности с матери на отца, здесь приходится отказываться, во-первых, от материнской привязанности и, во-вторых, от детской эротической привязанности к отцу, а затем уже развивать в себе взрослую привязанность к мужчине. Здесь происходит сложная комбинация идентификаций с матерью и с отцом. В терминах половой роли, разумеется существует строгое предписание акцептировать роль матери, а следовательно, идентифицироваться в этом смысле с нею. Но одновременно должен идти процесс эмансипации от детской привязанности к матери. Можно предположить, что в этот момент играет важную роль ее идентификация с отцом, но в силу дополнительности половых ролей могут излишними оказаться некоторые давления, которые применяются в случае, когда речь идет о мальчике. Можно предположить, что поскольку существует давление, направленное на достижение отказа от привязанности к матери, возникает тенденция перемещать эротические потребности на отца, но здесь в свою очередь возникает трудность благодаря запрещению (имплицитному) инцеста, действующему в этом случае. Очень может быть, что такое блокирование является главным моментом в формировании женской обиды на мужчин. Но главное в том, что для девочки, как и для мальчика, отец — это центр давления, направленного на стимулирование возмужания, на отказ от инфантилизма, а следовательно, на усвоение ценностных ориентаций взрослого мира общества. В том и в другом случае привязанность к матери представляет собою барьер для этого обучения, и вторжение отца представляет собою здесь тот рычаг, который действует, чтобы освободить ребенка от этой привязанности.

Можно ли убедиться в том, что с этой точки зрения существует важное различие между половыми ролями в детской привязанности к матери и в нормальной взрослой сексуальности? Взрослая сексуальность заключена в контекст акцептации взрослых норм и ролей вообще, в то время как детская сексуальность от них свободна. На детском уровне эротизм — часть и символ тотальной роли, в которой заключено ощущение безопасности; на взрослом уровне он занимает присущее ему место в широком контексте ценностей и ролей. Для мужчины одобряется вступление в отношения эротической любовной привязанности только тогда, когда он начинает реализовать общий ценностный стандарт, предназначенный для мужской роли в данном обществе, когда он достигает необходимого уровня компетентности, ответственности т. д. Точно так же и женщина может принять на

себя семейную роль, только когда она сможет сформировать привязанность к полностью *мужскому мужчине*, достигнет ощущения ответственности за социализацию своих детей по общей системе ценностей. Все это условия того, чтобы быть любимой в том смысле, в каком эта любовь только репетировалась в детском прототипе. Это такая интеграция эротических потребностей со взрослой системой ценностей общества, которая определяет существенное отличие нормальной взрослой сексуальности от *регрессивной* сексуальности. И одновременно могучая сила эротических потребностей на уровне нормального взрослого человека играет свою центральную роль в процессе социализации. Можно довольно уверенно предположить, что хотя эти потребности могут быть организованы и интегрированы со взрослыми ролями, они коренятся в человеке слишком глубоко для того, чтобы их можно было элиминировать. Релевантность такого положения вещей для преобладания эмпирического узла социальных структур, организованных вокруг системы родства, которую мы рассматривали в предыдущей главе, совершенно очевидна.

Существенная часть этого процесса — последовательное введение новых стандартов ценностной ориентации. Подчеркивание тех или иных стандартов очень различно в разных социальных системах, и они по-разному распределены между разными ролями. Но большая ответственность взрослого человека по сравнению с ребенком во всех обществах означает, что способность к репрессии, а следовательно, к аффективной нейтральности в ориентациях и к достижению, должна быть развита в довольно значительной степени. Таким образом, универсализм никоим образом нельзя недооценивать в любом обществе в связи, например, с технической эффективностью.

Можно предположить, что идентификация с отцом исключительно важна, в частности с точки зрения этих компонентов системы ценностных ориентаций в обществах, но она тем сильнее, чем более институционализированы ценностные стандарты этого последнего типа. Важно, следовательно, то, насколько должна измениться роль матери в соответствии с изменением акцентов, расставляемых на различных элементах системы ценностных ориентаций. Необходимость этого изменения дана нам в требовании, чтобы оба родителя разделяли одну и ту же общую систему ценностей и именно относительно этой системы демонстрировали свою солидарность детям. Только такая солидарность может быть орудием социализации, действующим на стадии ранней привязанности к матери.

Одной из наиболее интересных особенностей процесса социализации ребенка, рассматриваемого в терминах усвоения ценностных ориентаций, как они заданы стандартными переменными, является иерархия по действенности и объему основных ценностных стандартов. С этой точки зрения, аффективные ориентации первичны и в некотором смысле наиболее легки для усвоения, поскольку они связаны непосредственно с детской зависимостью и с удовлетворениями. Аффективная нейтральность более трудна и ее необходимо мотивировать диффузными аффективными привязанностями.

В то же время она требует эмансипации от слишком большой замкнутости на этих привязанностях. Универсалистские ориентации, по-видимому, наиболее трудны для усвоения. Активность — пассивность, связанные с достижением — аскрипцией, и конкретность — диффузность, с другой стороны, не столь прямо связаны с этой иерархической шкалой. По этому поводу можно сказать только то, что *пассивность* более примитивна, чем *аффективная диффузность*, поскольку для нее достаточно низшего уровня обобщения.

Эта иерархия совершенно очевидно связана с феноменом *регрессии*, к которому столь часто апеллируют психологи, занимающиеся личностью. Тот элемент ориентации, который наиболее труден для усвоения и который, в этом смысле, обусловлен самым длинным и сложным рядом предпосылок, по-видимому, первый подвергается и разрушению, по крайней мере при некоторых видах напряжений. Более того, видимо, по отношению именно к этому элементу процесс социализации наиболее часто терпит неудачу, поскольку здесь должны быть выполнены наиболее сложные предпосылки, а следовательно, именно здесь накапливается больше всего защитных и адаптивных механизмов невротического типа.

Эта структура стандартов ценностной ориентации, имеющая отношение к процессу социализации, которую мы здесь кратко изобразили, имеет, очевидно, первостепенное

значение для объяснения функционирования социальных систем различного типа. Из предыдущей главы можно было сделать вывод, что разные типы обществ и субсистем, поскольку их стандарты ролевых ориентаций образованы разными комбинациями стандартных переменных, располагают к разного рода напряжениям, возникающим в процессе социализации и в типах личности, которые являются результатом этого процесса. Они, следовательно, склонны вести себя различными способами в различного рода ситуациях напряженности.

Базовая структура личности: модальные сближения и расхождения

Мы видели, что каждая из стандартных переменных модели теснейшим образом связана с тем аспектом процесса социализации, который ответственен за усвоение стандартов ценностной ориентации. Можно в принципе также показать, что каждая из них может предоставлять важные альтернативы на различных стадиях процесса социализации и что внутри этого процесса *другой* может менять роль для того, чтобы достигнуть равновесия того или иного рода. Разумеется, все изложенное нами выше представляет собою в этом отношении очень грубую схему. Эти альтернативы в действительности возникают многократно, и существует множество сложных комбинаций влияний, оказываемых ролевыми ожиданиями различных социализирующих агентов. Но и эта схема достаточна для того, чтобы показать релевантность конструкции стандартных переменных для анализа социализации и того типа теоретического подхода, который будет все время использоваться нами в дальнейшем анализе со всей возможной эмпирической строгостью.

Из проведенного выше анализа далее следует, что любая из главных комбинаций стандартных переменных может интернализоваться в результате процессов социализации и в основном (хотя этот вопрос нами здесь не рассматривался) без введения в действие других механизмов, кроме механизмов обучения, т. е. без *невротических осложнений*. И наконец, нет сомнения в том, что не бывает «нормальной» для человека модели интернализуемой ценностной ориентации, по отношению к которой все другие рассматривались бы как «невротические» отклонения от нее, например, модель «взрослой личности» *как таковой*.

По-видимому, имеет серьезное обоснование мнение некоторых весьма компетентных психологов, что, хотя личности сильно различаются по степени их устойчивости, некоторые основные модели *характера* закладываются в детстве (в той мере, в которой они не являются генетически врожденными) и не подвергаются радикальным изменением с накоплением опыта во взрослом возрасте. Мы не касаемся здесь вопроса о степени такого возможного изменения и о возрасте, в котором пластичность резко уменьшается. Нам важен сам факт формирования характера у ребенка в детстве и его относительная устойчивость на протяжении всей остальной жизни.

Во-вторых, если приведенное выше изображение процесса усвоения ценностей правильно хотя бы только в самых общих чертах, то из него следует, что комбинация стандартов ценностной ориентации, которые подлежат усвоению, **должна в значительной степени зависеть от основной структуры ролей и от ценностей, доминирующих в данной социальной системе**.

Это положение можно пояснить двумя путями. Во-первых, как мы показали выше, такая комбинация не может зависеть **только** от основной ролевой структуры. Во-вторых, роли, в которых осуществляется социализация, это преимущественно роли родства, и мы видели, что они расположены в некоторых структурных моделях вокруг менее важных стандартных переменных.

В заключение мы установили, что данные свидетельствуют в основном в пользу существования и большого значения некоторого элемента *базовой личности*, как назвал его Кардинер — элемента, который зависит от социализации в системе ролевых отношений того или иного типа с теми или иными ценностями. Стандарты ценностной ориентации играют исключительно большую роль в определении моделей ожиданий в ролях и в структуре личности. Отсюда можно заключить, что именно интернализация стандартов ценностных ориентаций, воплощенных в ролевых ожиданиях по отношению к *эго* со стороны важных социализирующих агентов, **формирует принципиальный элемент этой базовой структуры личности**. И поскольку такие стандарты могут

усваиваться только через механизм идентификации и т. к. основные стандарты идентификации развиваются в детстве, то заложенная в детстве структура личности в данном отношении является такой стабильной и неизменной.

Стандарты ценностной ориентации имеют в этом отношении столь важное значение, потому что они в действительности являются принципиальным общим знаменателем личности как системы и структуры ролей данной социальной системы. Если весь наш анализ систем действия, изложенный выше, правилен, то должен существовать основной ряд характеристик личности, которые непосредственно создаются в процессах социализации. Но тот же самый анализ действия дает нам возможность ввести некоторые очень важные определения и ограничения, связанные с понятием структуры базовой личности.

Наибольшее значение, во-первых, имеет то, что такое понятие следует интерпретировать в связи с определенной компонентой структуры нормальной личности данного общества, а не со структурой личности как конкретной сущности. Во-вторых, такая структура личности не может быть однообразной для всего общества, ее следует рассматривать как дифференцированную, с учетом таких статусных структур, в которых группы родства функционировали бы как единицы внутри некоторого общества и существовала бы дифференциация по полу внутри одних и тех же видов единиц родства.

Мы предположили, что нормальная ранняя социализация детей всегда имеет место внутри контекста родства, хотя, разумеется, довольно часто она подвергается влиянию других агентов, таких как, например, школа и группы ровесников. Основные направления дифференциации в моделях социализации будут, следовательно, проходить по полу внутри любой данной статусной группы и будут связаны с более общей структурой ролей, в которую включены родители данного ребенка. Тот факт, что статусная дифференциация включает в себя единицы родства как имеющие важное значение, означает, что классовые, этнические различия и вариации в типах общины будут наиболее значимыми внутри общества. Можно говорить, следовательно, о глубокой дифференциации базовой структуры личности в зависимости от типа общества и о менее глубокой — в зависимости от статусных категорий внутри одного и того же общества.

Но даже и в таком случае структура личности — это всего лишь один аспект не только всей конкретной структуры личности, но также и ее отдельной ценностно-ориентационной компоненты. Это вызывается наличием множества факторов. Во-первых, нет двух человеческих организмов совершенно подобных друг другу по своей генетической конституции. Следовательно, одни и те же влияния действуют на разный генетический материал, и они не могут дать один и тот же результат. Это аналогично тому, как один и тот же луч света отражается различными призмами. Спектры в этом случае не могут быть идентичными.

А во-вторых, существует конкретная совокупность взаимных ролевых отношений, которая оказывает социализирующее влияние, и внутри некоторых широких статусных группировок общества они (ролевые отношения) отличаются друг от друга по самым разным параметрам. Наиболее очевидные из них — возраст, пол, строение единиц родства по порядку рождения детей. Даже несмотря на большое сходство модели, отдельные моменты в отношениях с матерью ее первого и второго ребенка никогда не бывают тождественными, во-первых, уже потому, что мать становится старше ко времени рождения второго ребенка, а во-вторых, потому, что уже существует первый ребенок. Связь второго ребенка с матерью никогда не бывает той же самой в том случае, когда первый ребенок — брат, и в том случае, когда первый ребенок — сестра и т. д. Эти варианты могут быть целиком случайными внутри некоторых статусных групп, и, следовательно, их последствия уравновешивают друг друга, но тем не менее они дают различия в результатах процесса социализации для одних и тех же взрослых ролей. И в-третьих, к этому еще добавляется индивидуальная идиосинкразия социализирующих агентов. Существуют конкретные взаимные ролевые отношения того или иного человека в той или иной ситуации, которые и влияют на процесс обучения, и это положение вещей более или менее *типично*, но не бывает двух абсолютно идентичных случаев.

Следует иметь в виду, что личность — это отдельная система действия со своим собственным центром, вокруг которого организуется все в живом организме и со своими

собственными функциональными императивами. Если учесть, что дано первоначальное разнообразие генетической конституции плюс разнообразие ситуационных влияний, включая сюда и комбинацию ролевых взаимодействий, то следует признать полную невозможность создать в процессе социализации, даже при относительно унифицированной среде (в смысле главных различий дифференциаций социальных структур), совершенно одинаковый продукт. Разнообразие структур личности людей, которые занимают одни и те же статусы в социальной структуре (что является фактом наиболее строго проверенным в клинических наблюдениях), не случайно, но фундаментально укоренено в природе отношений между личностью и социальной системой. Две системы действия связаны вместе неразрывно, но они не только не идентичны, они и не могут быть таковыми, в структуре и в процессе функционирования.

Это различие структур личности по отношению к структуре ролей в социальной системе приводит к тому, что мы не можем положиться только на конструирование базовых структур личности при объяснении главных мотивационных процессов в социальной системе. Как мы увидим, существует три точки в перспективе, к которым мы должны стремиться. Первая из них — способность индивида рационально адаптироваться к крайностям, возникающим в ситуации, в которой он находится. Эта способность есть очевидно генетический вклад в продукт процесса социализации, в котором основную роль играет идентификация и усвоение ценностей. Когда даны ценностно-ориентационные стандарты личности, уже интернализованные, то процесс рациональной адаптации теоретически не представляют собою проблемы для социолога. Здесь мы не будем рассматривать этот вопрос глубже.

Во-вторых, мы должны присмотреться к дополнительным механизмам социализации, далее — к усвоению основных ценностных ориентаций, как оно описано выше, и в-третьих, разобраться в том, чем мотивируется отклонение, а также в механизмах социального контроля. Эти последние будут рассматриваться нами в следующей главе, но прежде, чем перейти к рассмотрению первых, следует сделать здесь несколько замечаний о типах структуры базовой личности и о ее связях с распределением тех или иных вариантов этой структуры.

Все, связанное с природой усвоения ценностных ориентаций, которую мы описали выше, свидетельствует о том, что эмпирически наблюдаемое многообразие типов личностей не может быть совершенно случайным по отношению к доминирующей в обществе системе ценностных стандартов и ее подсистемам. Точка отсчета для анализа этого распределения будет, конечно, заключаться в соответствующем институционализированном типе стандартов.

Здесь (и на этом следует остановиться) всегда будет в наличии дифференциация по половым ролям. Тип *модальной личности* для социальной системы или подсистемы, следовательно, будет всегда предрасположен к конформности с главными ролевыми ожиданиями стандартов половых ролей в данной части общества, т. е. это будет тип, который, с точки зрения личности, наиболее соответствует этим ожиданиям.

Вариабельность этого модального типа в принципе может быть проанализирована с учетом любой стандартной переменной или любой их комбинации. Там, где модальный тип ориентирован на достижение, некоторые индивиды могут оставаться пассивными; там, где этот тип ориентирован универсалистски, некоторые индивиды могут, сохраняя ориентацию на достижение, тяготеть к партикуляризму и т. д. Следовательно, нужно постоянно иметь в виду перестановки и комбинации, приведенные в таблице 3, для того, чтобы такой анализ был успешен. Однако сила социализирующих механизмов достаточно велика для того, чтобы оказалось почти совершенно невозможным появление в массовом порядке полностью противоположных типов, они, как правило, отклоняются от модального типа по одной, самое большее — по двум переменным.

К этим самым общим рассуждениям можно добавить еще кое-что о конкретных факторах, которые влияют на возникновение большего или меньшего разнообразия (8) типов. Следует указать на три таких фактора. Во-первых, источник отклонения от модального типа может заключаться в идентификации с моделями, альтернативными по отношению к тем, которые рассматриваются как нормальные. Очевидно, с этой точки зрения имеется много возможных переходов в виду многообразия конкретных взрослых личностей, включенных в ситуацию любого ребенка. Но неко-

торые из этих альтернатив могут быть даже довольно определенно структурированы. По-видимому, наиболее очевидная возможность — идентификация с противоположным полом, если рассматривать здесь ориентации половых ролей, поскольку оба пола всегда имеются в наличии и всегда исключительно важны. Это ведет всегда к весьма сложным последствиям для человека. Хотя бы, например, в связи с проблемой гомосексуальности. Но даже не говоря об этом, элементы ценностных стандартов, например, родителя противоположного пола, могут быть усвоены вместо соответствующих элементов стандартов родителя того же, что и ребенок, пола. Таким образом, в данной популяции можно всегда ожидать появления некоторого процента мужчин, обученных ценностным стандартам, которые соответствуют женским ролям данного общества или его субсистемы, и наоборот. Например, в том секторе нашего собственного общества, в котором, в частности, преобладают универсалистско-конкретные ценности, некоторое число мужчин может обучаться в партикуляристко-диффузном направлении, а следовательно, оказаться склонными к принятию на себя ролей, которые характерны в первую очередь для неформальных организаций.

Противоположно-половая идентификация, разумеется, ни в коем случае не единственная возможность альтернативной ролевой модели. Могут быть также и другие варианты личностей внутри одного и того же пола (9). И здесь, по-видимому, огромную роль могут сыграть дяди, тети, и соответственно старшие братья и сестры, если они существенно отличаются от родителей соответствующего пола. Таким образом, в столь сложном и многообразном обществе, как наше, процесс идентификации, начавшийся в том или ином направлении, может связаться с различными субкультурами внутри данного общества, включая и этнические. Такое общество развивает огромное богатство альтернативных ценностных стандартов, которые часто не определяются как радикально девиантные по отношению к основным.

Второе направление, в котором можно проследить дистрибуцию разнообразных личностных типов, это **иерархия регрессивных возможностей**, рассмотренная нами выше. Наиболее важный процесс здесь не сама регрессия, а неспособность в процессе социализации сделать последние шаги так, чтобы они были эффективными. Это в частности применимо в направлениях универсалистской ориентации к комбинации аффективной нейтральности с конкретностью. Регрессия к партикуляристским ориентациям — одна из наиболее значимых возможностей в универсалистски-ориентированной системе ролей, что затем проявляется в *сверхэмоциональных* типах в тех ситуациях, которые можно назвать *аффективно-нейтральными*. Неудача на этом уровне социализации может, конечно, быть подготовлена неудачей в более ранние годы в сфере достижения диффузной аффективной привязанности к матери, но это может потом проявиться в совершенно других ориентационных контекстах. Следует иметь в виду, что релевантная структура регрессивной иерархии поразному совпадает (или не совпадает) со стандартом ценностной ориентации, о которой идет речь; она неустойчива для всех типов и даже для половых ролей внутри социальной субсистемы, а следовательно, проявление аффективности, например, в криках при определенных ситуациях — это *инфантилизм* для мужчины, но вовсе не для женщины. Следует также иметь в виду, что мы говорим здесь о регрессии в связи с порядком и условиями усвоения стандартов ценностной ориентации, а не в связи с самими привязанностями к тому или иному объекту. Хотя то и другое, разумеется, тесно связано друг с другом — психоаналитики, в частности, имеют в виду довольно часто последние, говоря о регрессии — тем не менее источники их не следует смешивать. Неумение различать эти две вещи характерно для большинства работ психоаналитиков. Способность абстрагировать посредством обобщения стандарт ценностной ориентации от первоначального объекта, благодаря идентификации с которым этот стандарт был получен, — один из наиболее значимых результатов успешного процесса социализации.

Весьма вероятно, что не может быть вообще никакого процесса социализации без того, чтобы в нем не играли огромной роли специальные **защитные и адаптивные механизмы**. Но рассмотрение их было бы попыткой абстрагироваться от нашего хода рассуждения в пользу более выпуклого показа действия механизмов социализации. Совершенно очевидно, однако, что в стремлении к ролевым моделям, альтернативным моделям родителя того же самого пола и в

неумении достигнуть того, что считается нормальным для адекватной системы ролей, в смысле правильного порядка этапов усвоения стандартов, исключительно отчетливо выявляется тот факт, что мы имеем дело с механизмами, что такие механизмы включены в общий процесс и оказывают значительное влияние. Здесь, однако, следует обратить внимание на один только весьма важный аспект действия этих механизмов. Мы видели уже, что направление к конформности — это, как правило, главное измерение всех систем взаимодействия. Принятие роли социализируемого уже само по себе означает, что он оказывается лицом к лицу с проблемой конформности, и, следовательно, развитие предрасположенности к принятию во внимание ожиданий других — всегда неизбежно существует в качестве возможности. Элементы склонности к проявлению противодействия, которые встраиваются в личность в процессе самой элементарной социализации, мы можем назвать *первичной склонностью*, а ее противоположность — потребностью в конформности. Оба типа механизмов — как защитных, так и адаптивных — могут быть различными независимо от того, существует ли вообще такая конфигурация потребностей. Мы подробнее остановимся на этом тогда, когда возникнет проблема девиантности и социального контроля, а сейчас просто укажем на то, что такая склонность всегда может проявиться в результате каких-то неувязок в ходе процесса усвоения ценностей посредством идентификации.

Можно предположить, что на возникновение склонности к противодействию влияет, в первую очередь, отрицательное отношение к объекту привязанности как к лицу. Но интересно гораздо более обобщенное противодействие ценностным стандартам, входящим в ролевые ожидания. Оно будет мотивировать актора уклоняться от конформности с какими-то стандартами, если он с ними один раз уже столкнулся, либо прерывая действие, либо проводя активно ориентацию на свои собственные интересы. Это может послужить источником мотивации к поискам альтернативных идентификаций и, таким образом, может усилить регрессивные тенденции. В любом случае возможность первичной склонности к противодействию оказывается одним из наиболее значимых факторов, задающих направление распределению отклонений от модельного типа личности.

То, что можно здесь назвать *вторичной склонностью* к противодействию, не связано с первичными стандартами ценностной ориентации личности. Это является лишь следствием того факта, что личность с данным стандартом ценностной ориентации по характеру своей структуры в конкретной роли сталкивается с такими ролевыми ожиданиями, которые несовместимы с ее потребностями и которые, следовательно, будут мотивировать ее к тому, чтобы избегать по возможности конформности к ним. Разумеется, этот элемент мотивации личности может быть скомпенсирован другими, такими, например, как страх перед последствиями применения санкций.

Даже и без первоначальной склонности к противодействию многообразие личностных типов внутри данной системы ролей таково, что необходимы специальные механизмы, чтобы гарантировать какой-то уровень единообразия в поведении, поскольку такой уровень необходим в большинстве ролей социальной структуры. Существует, однако, три ряда фактов, которые значительно уменьшают необходимость в этих дополнительных механизмах социализации. Мы кратко укажем здесь на них, прежде чем перейдем к дальнейшему изложению материала.

Во-первых, существует механизм социального контроля, который приводится в действие для обеспечения конформности с ролевыми ожиданиями в противовес склонности избегать такой конформности. Простейший и наиболее очевидный из этих механизмов — механизм вознаграждений-наказаний, посредством которого могут распределяться вознаграждения, достаточные для предупреждения отклонений, так, чтобы гарантировать баланс в пользу конформности. Этим аспектом вознаграждений и наказаний мы, однако, займемся несколько далее.

Во-вторых, ввиду широкого многообразия ролей в различных социальных системах должна быть институционализирована некоторая степень толерантности, так чтобы конформность не означала абсолютного единообразия в поведении. Несколько отличаться от того, что предписано и того, что общепринято, вполне допустимо. Довольно часто однако, существует определенная относительность в степени этой допустимости, т. к. существуют, как говорят иногда

антропологи, *предпочитаемые стандарты*, т. е. иерархия стандартов по допустимости. По-видимому, наиболее яркий пример этого — существование дифференцированных уровней достижения в одной роли, как это характерно для наиболее современных профессиональных ролей. Следовательно, должны существовать и дифференцированные вознаграждения, связанные с дифференцированными достижениями, так, чтобы актор, степень достижения которого низка, хотя он и не отклоняется от стандартов, постоянно *платил* за это тем, что более высокие вознаграждения достаются не ему, как это имеет место, например, при денежной оплате и при выражении одобрения. Указав его место в такой иерархии достижений, можно сконструировать терпимый в данном обществе вариант личности, — а это очень важный вид вариативности связей между индивидом и социальной системой. Разумеется, терпимости в гораздо большей степени можно ожидать тогда, когда отклонение касается *проблем вкуса* без четких иерархических различий.

Наконец, третий очень важный элемент изменчивости — варьирующийся опять-таки от общества к обществу — существование системы **альтернативных ролевых возможностей**. Это означает, что нет единого ряда ролевых ожиданий, с которыми каждый индивид, занявший в данный момент статус, должен быть конформным или в противоположном случае платить за свое отклонение принятием санкций. По-видимому, не может быть сомнений в том, что в таком сложном и мобильном обществе, каковым является наше собственное общество, один из главных факторов выбора из альтернативных ролевых возможностей можно найти в различиях стандартов ценностных ориентаций у разных личностей. Если принять в качестве главного фактора статус семьи и такой очевидный фактор способностей к выполнению как, IQ (коэффициент интеллекта), то и тогда все-таки постоянно присутствует существенная вариативность относительно ориентации на профессиональную карьеру (10). По-видимому, весьма вероятно, что один из главных факторов этой вариативности связан с вариабельностью базовой структуры личности внутри популяции, которая не зависит от модальных стандартов ролевых ожиданий ее основного статуса.

Ситуационная конкретизация ролевых ориентаций

Эти три типа механизмов аккомодации в социальной системе к неадаптированному к ролям разнообразию типов личности, даже взятые все вместе, не учитывают, однако, действительную мотивацию к той или иной степени конформности с ролевыми ожиданиями, как правило, имеющейся в стабильной социальной системе. В дополнение к рациональной адаптации к крайностям, возникающим в ситуации, постоянно существует также другой, в высшей степени важный ряд механизмов социализации, который можно назвать ситуационно-ролевой конкретизацией ориентаций (11).

Здесь можно снова повторить, что констелляция стандартов ценностной ориентации, которую мы называем структурой базовой личности, в частности, обладает двумя характеристиками. Во-первых, будучи определенной только в терминах переменных модели, она оказывается в высшей степени абстрактной. Во-вторых, идентификации, в которых она конструируется, это **ранние** идентификации, которые в большинстве случаев накапливаются до наступления зрелости. Эти два факта тесно связаны между собою. Если вообще есть какие-то общие критерии зрелости, то один из наиболее важных — это, по-видимому, сочетание стабильности основных стандартов ориентации с относительной подвижностью выбора объектов и стандартов данного действия, т. е. довольно высокая способность к замещению и к освоению действительности. В этом смысле, а также в том смысле, что привязанности определенным образом изменяются, для взрослого человека оказывается необходимым эмансипироваться от своих детских идентификаций.

Но при этом переходе актору необходимо получить более конкретные ориентации, связанные с конкретными ситуациями и ожиданиями его взрослых ролей; это есть продолжение процесса социализации на новом уровне. Очень важная часть его заключается в усвоении гораздо более сложной взрослой культуры теоретических знаний, технических навыков и правил экспрессивной ориентации, вкусов и стандартов вкуса. Можно предположить, в частности, что это — главный обучающий механизм, действующий в процессе усвоения, поскольку в обществах более высоко развитых уровень сложности и теоретичности того, что должно быть усвоено,

таков, что совершенно необходимо в качестве главного процесса творчество индивида. Очевидно, именно прежде всего в силу такой сложности содержания культуры и пришлось организовать процесс формального образования.

Но все это совершенно не означает, что идентификация перестает быть важным механизмом обучения на этом уровне зрелости и что здесь необходимо обучаться только специфическому культурному содержанию.

Приведем сначала пример, который более подробно будет разобран нами в различных контекстах вплоть до последней главы данной книги. Предположим, что у нас есть индивид, в базовой структуре личности которого мы установили: наличие общего стандарта ценностной ориентации на достижение, универсализм, конкретность, нейтральность и ориентацию на коллектив. Во-первых, как мужчине ему предстоит усвоить то, что будет ожидаться от мужчины, когда он вырастет и превратиться в обладателя профессиональной роли, чтобы он «работал», «зарабатывал себе на жизнь» и возможно также содержал семью. Он усваивает, что профессиональная система градуирована иерархически и что, если он стремится *к успеху*, он должен стремиться достигнуть одного из наиболее высоких уровней данной профессиональной системы. Здесь перед нами, следовательно, связь в высшей степени обобщенной ориентации на достижение с гораздо более конкретной, но тем не менее все еще довольно обобщенной нацеленностью на успех в профессиональной системе.

Стандарты ориентации базовой личности, действительно, зависят от социальной системы, в которой индивид социализирован. Но они слишком общи для того, чтобы их можно было воплотить в структуре конкретных ситуаций как совокупности альтернативных ролевых возможностей или конкретных культурных определениях, в чем же заключается этот самый профессиональный успех. Отец, таким образом, может в этом отношении оказаться в высшей степени важной ролевой моделью, но только в своей конкретной роли в профессиональной системе и своих конкретных установках по отношению к своей собственной и к другим профессиям, а также по отношению к конкретному контексту, в котором так или иначе определяется и понимается успех. Если один отец — врач в США, а другой — образованный помещик в Китае, то на этом уровне возникнут огромные различия, отчасти даже не связанные со значением отца в качестве первичной ролевой модели, в том смысле, в котором мы это обсуждали выше. Обращение к альтернативной ролевой модели в данном случае имеет не вполне такое же значение, как обращение к ней на более раннем уровне. В американском обществе, например, вертикальная мобильность до некоторой степени институционализирована. Если отец, даже находясь в статусе довольно низкого уровня, питает некоторые честолюбивые намерения относительно своего сына и если имеются в наличии также некоторые другие условия, он может представлять из себя в высшей степени адекватную первичную ролевую модель, но совершенно неадекватную вторичную для своего сына.

Степень конкретности ориентации может возрастать и далее. В рамках этой, все еще довольно общей, ориентации на профессиональный успех индивид, о котором мы здесь говорим, может выбирать профессиональную карьеру, а внутри нее — медицинскую профессию. В этом случае, разумеется, он должен приготовиться к исключительно сложному процессу прохождения формального образования, а также и к определению конкретной роли врача (и множества подтипов внутри этого определения) и понимать, что такое успех в области медицины или в сферах, связанных с медициной и т. п.

Можно взять и другой пример. Потребность в диффузных аффективных привязанностях — преобладающий компонент базовой структуры личности всех нормальных людей нашего общества. Но наряду с такой структурой ориентаций весьма необходимо в обществе нашего типа обучаться адаптации, например, к роли супруга. Предрасположенность стремления к объекту противоположного пола и к смешанным эротическим удовлетворениям внутри диффузной привязанности можно рассматривать как данные в базовой структуре личности. Но статус супруга, ответственность за детей, стандарты, касающиеся приемлемого оборудования жилища, обычаи, касающиеся образа жизни супружеской пары, и все прочее не выводимы непосредственно из базовой структуры личности. Некоторые стандарты, входящие в базисную структуру личности, разумеется представляют важные предпосылки для успешного брака, но конкретное

определение роли и конкретные входящие в него ценности — это уже совсем другое дело.

В каждом обществе, следовательно, существуют механизмы, которые можно назвать ситуационными конкретизациями ролевых ориентаций и которые действуют через вторичные идентификации и имитации. Благодаря им происходит усвоение конкретных ролевых ценностей и систем символов каждого отдельного общества и всех его подсистем, уровень ожиданий которых должен быть конкретно применен в действии внутри фактически существующей роли.

Что касается ориентаций базовой структуры личности, то они гораздо более конкретны. Но они относятся к определенным ожиданиям, применимым ко **всем исполнителям ролей данного типа**, в данной отдельной социальной системе. Таким образом, этот ряд механизмов выполняет две основные функции. Первая из них — это **конкретизация** существующих в обобщенной форме стандартов мотивационной ориентации до такого уровня, чтобы их можно было связать с достаточно конкретным определением ситуации в данной социальной системе так, чтобы они мотивировали к конформности с конкретными ролевыми ожиданиями. Вторая, в сочетании с системой санкций и механизмами социального контроля, направлена на уравновешивание вариабельности базовой структуры личности, на достижение такого уровня единообразия, который был бы невозможен, если бы конкретные ориентации взрослых ролей прямо и непосредственно проявлялись бы через базовую структуру личности (12). Разумеется, эта вторая функция — мотивация единообразия ролевого поведения — только потому и возможна, что всегда имеется в наличии широкое поле изменчивости для средней личности. *Детерминация характера* во время раннего процесса формирования базовой личности не предопределяет в деталях всего будущего поведения, а дает только ориентации в основных направлениях. Здесь существует сильная пластичность. Когда сделаны допущения относительно пределов терпимости и альтернативных ролевых возможностей, то только по отношению к крайним пределам сферы вариабельность структуры базовой личности возникают **не разновидности, а отклонения**, в том смысле, что потребности не просто делают человека весьма неподатливыми на конформность, но они делают саму конформность невозможной чисто психологически. Разумеется, эта граница между изменением и отклонением для большинства обществ не может быть проведена жестко, и жизненный опыт, приобретаемый уже по выходе из детского возраста, тем или иным способом восстанавливает равновесие. Это, таким образом, не слишком серьезные или просто временные отклонения, которые не ставят индивида в постоянно девиантную позицию, но они могут оказывать некоторое сопротивление давлениям, направленным на соблюдение конформности.

Мы предполагаем, что как в отношении механизмов конкретизации ролей, так и в отношении механизмов усвоения ценностей в данной системе социальных ролей существует иерархия этапов обучения. Так, исходя из разнообразия точек зрения, существующих в нашем обществе, накапливаемый во время прохождения формального обучения опыт можно рассматривать как заучивание серии взрослых профессиональных ролей. Их можно рассматривать так, исходя из степени непосредственной применимости содержания этого обучения, например, математических и лингвистических навыков. Таким образом, в школе, в гораздо большей степени, чем в семье, ребенок обучается адаптироваться к конкретной универсалистской системе, основанной на достижении. В классе, который он посещает, он совершенно открыто втягивается в конкуренцию, и то, чего он достиг, с учетом стандарта ориентации на достижение, открыто символизируется оценками и другими вознаграждениями и наказаниями, которыми распоряжается учитель, а также установками по отношению к нему. В той мере, в которой ребенок воспринимает ролевые ожидания школьной системы, добиваясь хороших оценок, которые есть форма успеха, происходит то, что можно назвать **ситуационным обобщением цели**. Это именно то место, в котором может быть скрыто великое множество мотивационных факторов. Один ребенок может быть в высшей степени увлечен теми предметами, которым он обучается, другой гораздо больше может быть заинтересован положительным отношением к нему учителя, в то время как третий — тем, чтобы оказаться впереди всего остального класса. Но все эти столь разные мотивации воздействуют на действительное поведение в одном и том же направлении, а именно в направлении повыше-

ния своих оценок. Все это иллюстрация того, как социальная система осуществляет социализацию ориентаций отдельных личностей, чтобы несмотря на разнообразие базовых структур личности все могли, тем не менее, выполнять некоторый ряд ролевых ожиданий в каких-то терпимых в данном обществе пределах. Разумеется, не следует забывать и о том, что существуют и такие люди, которые совершенно не могут выполнять эти ожидания вообще. Но это уже другой вопрос.

Следовательно, в некотором смысле школьная система — это микрокосмос взрослого профессионального мира, и функционирование этой системы — главная сфера действия механизмов социализации второго этапа, когда происходит конкретизация ролевых ориентаций. Существует, разумеется, целый ряд этапов внутри этой системы, прежде чем будет достигнут полный статус взрослого человека. Здесь мы затронем только один аспект, связанный с местом, которое занимают в этом процессе новые идентификации. По-видимому, преобладание учителей-женщин в первых классах американской школьной системы оказывает значительное влияние не просто потому, что на сравнимых уровнях подготовки и при одинаковых технических навыках они могут добиваться в работе не меньших успехов, чем мужчины, а платить им можно меньше. Важнее, что роль учительницы отлична и как объект идентификации, и значение это, по-видимому, связано с процессом эмансипации от более ранних привязанностей к матери.

Можно заключить, что это значение роли учительницы создается для ролевой идентификации ребенка весьма тонким балансом сходств и различий учительницы с матерью. Тот факт, что учительница — женщина и что она имеет к детям мягкое заботливое отношение, очень значим для подчеркивания сходства. Женщина способна на бóльшую нежность и заботливость, чем мужчина, и она может позволить их себе в большей степени. Но здесь также есть и различия. Учитель ответственен за класс, в котором двадцать или более детей. Они почти все одного возраста и потому конкурируют друг с другом гораздо более непосредственно, чем, например, братья и сестры одной большой семьи. Учительница не может уделить детям столько нежности, сколько могла бы уделить им нормальная мать. Более того, связь ее с учениками сконцентрирована на конкретном содержании проходимого в школе материала; поэтому в школе нет для всех одинакового внимания и заботы, и это резко выделяет школьный этап в социализации. Этот этап гораздо более универсалистичен по содержанию и конкретен по своей направленности, чем связь ребенка с матерью. Более того, у ребенка здесь нет прав, получаемых посредством аскрипции, какими он пользуется по отношению к матери; он должен более строго придерживаться стандартов достижения.

Мы знаем, что зависимость от матери отчасти усиливается американской системой родства, и мы знаем также, что эмансипация от этой зависимости, в частности, весьма важна для взрослого в индивидуалистическом обществе, ориентированном на достижение. Слишком быстрый и резкий переход может вызвать нестерпимое напряжение с различными невротическими последствиями. Женщина-учительница как фигура для последующей идентификации, по-видимому, может выполнять весьма важную функцию социализации в американском обществе.

Если весьма важное значение имеет то, что учительница женщина, в этом смысле она аналогична матери, то не менее важным может оказаться и то, что она не может быть **слишком похожа** на мать, иначе не было бы никаких новых элементов в том стандарте, который оказывает влияние на детей через нее. По-видимому, такое положение вещей каким-то образом связано с преобладанием у нас *иррационального предрассудка*, направленного против выхода учительниц замуж. Будучи замужними женщинами, учительницы, если они являются матерями или же собираются ими быть, могут потерять свою способность слишком тесно ассимилировать материнскую роль со своей ролью учительницы. По-видимому, в этом отношении традиционные для американской школы учительницы — старые девы лучше всего выполняют свою функцию.

И наконец, следует отметить, что очень важный шаг в идентификации, а также и в других отношениях совершается при переходе к среднему образованию, обычному ныне для средней американской школы. В этом случае дети, учившиеся до сих пор в одном классе, попадают в разные классы и к разным учителям (по каждому предмету — особый учитель). Ребенок, следовательно, больше не имеет перед со-

бой единственной фигуры для идентификации в своей школьной жизни, он не может больше сказать «*моя учительница*», но только «*учительница английского языка*» или же «*учительница по естествознанию*». Это другой крупный шаг в усвоении универсалистских ориентаций, в котором центр тяжести перемещается уже на компетентность по тому или иному предмету, а не на диффузно-обобщенное знание, какое давали ребенку родители и, на ранней стадии, учительница. Учитель теперь принимает на себя роль технического эксперта, он больше не фигура, на которой сосредоточены общий престиж и авторитет. По-видимому, имеет здесь значение то, что именно в этот момент американские дети получают, наконец, учителей-мужчин в большом количестве.

Совершенно очевидно, что социализация не заканчивается получением статуса взрослого человека. Общества, разумеется, в огромной степени различаются по тому, в какой мере они признают за своими членами право на изменение их главной роли после того, как они вышли из детского возраста, многие общества точно так же, как и наше, признают это право достаточно широко. Если взять наиболее яркий и универсальный пример — брак, то здесь содержание ролей постоянно изменяется отчасти в зависимости от изменения возраста самих индивидов и возрастов их супругов. Этап брака, предшествующий появлению детей, означает, что фактически супруги играют роли отличные от тех, которые предполагаются для супругов, имеющих детей. Число и возраст детей изменяют характер роли, и то же происходит в нашем обществе при достижении супругами стадии «пустого гнезда». Точно также происходит и с профессиональными ролями, которые обозначены *типичными карьерами*; ожидания здесь существенно изменяются каждый раз при переходе в новую стадию карьеры. Здесь возникает одна из наиболее важных проблем адаптации, проблема, связанная с началом карьеры из положения с низкой ответственностью и, по мере ее развития, с приобретением все большей ответственности. Положение изменяется так, что человек, подчинявшийся вначале многим, сам становится затем распорядителем над многими другими людьми. Хорошо известно, что такое изменение приносит индивиду очень сильные напряжения, но фактом остается также и то, что большинство людей справляется с этим успешно; и они справляются с этим, не проходя никакого сложного процесса обучения.

И наконец, многие общества подвержены процессам социального изменения. Такие изменения могут быть заметными даже на протяжении сознательной взрослой жизни человека, так что ожидания, характерные для более раннего периода, значительно изменяются в соответствии с требованиями последующего периода. Этот процесс точно также может быть успешным только в том случае, если в контексте социализации действуют обучающие механизмы и механизмы дальнейшей конкретизации ориентаций в ролях.

Пример: «мотив прибыли»

В заключение можно привести более полную иллюстрацию того, как действуют и выполняют свои функции механизмы ситуационной ролевой конкретизации ориентаций, исследуя некоторые аспекты того значения, которое имеет так называемый «мотив прибыли» в современных либеральных обществах. Мы поставили это популярное выражение в кавычки, потому что в свете представленного теоретического анализа мотиваций к выполнению ролей употребление этого термина может вести к некоторым недоразумениям. Некоторые психологи говорят о первично приобретаемых стремлениях, или инстинктах. Каким бы ни был главный стандарт ориентации современного *бизнесмена*, его ни в коем случае нельзя считать проявлением такого стремления.

Мотив прибыли — это, скорее всего, в указанном выше смысле ситуационно обобщенная цель, которая была усвоена в ходе того, что мы назвали здесь вторичным процессом социализации. Она вовсе не является общей для всех человеческих существ, но связана с некоторыми типами ролей в специфических социальных системах. Она не связана ни с каким отдельным типом базовой личности (13), хотя в некоторых отношениях несколько более близка одним людям, чем другим. Ее обобщение в ситуации, однако, совершенно очевидно выполняет функцию выработки возможно более общепризнанной ориентации действия, вырастающей из *психологических* мотивационных корней и их сочетаний друг с другом.

Структурный центр ориентации на прибыль — это, конечно, феномен инструментального обмена, который, как

мы видели выше, в какой-то степени присутствует в любой социальной системе. Поскольку для структуры данной ситуации характерна мотивация на обеспечение себе относительных преимуществ при обмене, то не быть ориентированным именно так равносильно только крайнему мазохизму или же совершенно другому мировоззрению, и даже можно сказать в данном случае, что мазохист также стремится к преимуществам, которых в данном случае будут лишены другие. Следовательно, в этом самом общем смысле мотив прибыли всегда присутствует во всех системах социальных отношений.

Однако дифференциация инструментального комплекса, выделение его из диффузных солидарностей, и прежде всего появление денег, бесконечно расширили сферу релевантности обмена. Наличие денег как обобщенного средства обмена благодаря выражению преимуществ, получаемых при обмене в деньгах, сделало возможным использование этого средства для удовлетворения всех потребностей посредством мобилизации всего, что можно с выгодой продать для их получения. В условиях рыночной экономики, подобной той, которая существует у нас, сфера всего того, что может быть продано за деньги, исключительно велика. Особенно важно при этом подчеркнуть, что релевантность того, что может обмениваться, по-видимому, **не имеет ничего общего** с тем, что обычно называют нравственным *этическим качеством* целей, по отношению к которым денежные средства рассматриваются как средства. Так, любое религиозное движение стремится к тому, чтобы *накопить деньги*, т. е. получить прибыль для достижения своих собственных целей, точно так же, как и тот человек, который желает купить на свой заработок вина и утолить свое горе в пьянстве. Просто больше денег — это лучше, чем меньше, и это всегда, только с небольшим исключениями, означает улучшить свое положение относительно достижения ***любых целей***, какие только может иметь в виду данный актор. В этом смысле мотив прибыли — это не что иное, как первичный аспект того, что мы называем *практической рациональностью*.

Но это, разумеется, еще не все. Средства для достижения объекта (цели) неизбежно приобретают символическое значение, и квантификация денег как объектов владения означает, что деньги сами начинают использоваться для символизации престижа. Когда это происходит, то в некотором смысле обладание ими всегда представляет собою вознаграждение и преимущество для достижения других вознаграждений. Следовательно, деньги, доход или богатство, т. е. ресурсы, выражаемые или измеряемые деньгами, в условиях экономики с хорошо развитым денежным обменом становятся важным символом вознаграждения. Такая прибыль может быть мерой ценимого по другим критериям достижения, которого человек добился, а также она может быть и прямой целью человека, идущего к успеху, так что для него другие формы достижения превращаются в инструментальные для получения денег.

Кроме того, существуют сложные соотношения между деньгами как символом вознаграждений и другими компонентами системы вознаграждений, деньги как символ достижения — только один из них. Другое соотношение — это связь между наличием денег и стилем жизни, где деньги — средство для приобретения предметов, ценных с точки зрения поддержания образа жизни, и напротив, предметы, обозначающие образ жизни, могут быть средством для того, чтобы показать людям, что некто имеет, например, большой доход — это именно тот случай, который Веблен назвал *потреблением напоказ*. Например, среди некоторых групп, называемых «богемными», это соотношение поставлено с ног на голову: образ жизни, наряду с прочими показателями, должен рекламировать тот факт, что актор презирает «суповые горшки» буржуазного мира, что он признает и уважает «честную бедность».

Какова бы ни была сфера вариабельности относительно символических значений денежного дохода и заработка при развитой рыночной экономике, даже в условиях социализма существует, как мы уже отмечали, сильная тенденция к интеграции шкалы дохода со шкалой общего престижа в социальной системе. Этот аспект следует, в свою очередь, связывать с некоторыми возможностями ориентации на получение денег, которая характерна для структуры ситуаций в системе инструментального разделения труда. Можно выделить следующие возможности заинтересованности в прибыли:

1) Она может быть чисто личной ориентацией, актор просто получает преимущество в возможностях, су-

ществующих в данной ситуации; такие возможности неизбежно расширяются в условиях денежной экономики.

2) Она может стать характеристикой институционализированной роли какого-то индивида, который является в таком случае единицей в экологическом комплексе рыночных отношений. Здесь существует два основных подтипа: а) если он — свободный художник или независимый специалист, который вовлечен в финансовые взаимоотношения, связанные с использованием и получением некоторых преимуществ, то это лишь условие по отношению к его главной профессиональной цели, которая заключается в том, чтобы «производить» или «обслуживать»; и б) когда он независимый «бизнесмен», например, торговец, роль которого институционально определена как «делание денег».
3) Она может быть ролевой ориентацией члена внутри какого-то коллектива; в любом коллективе большинство ролей ориентировано в первую голову не на получение прибыли; оно скорее ориентировано на сотрудничество (кооперацию), как мы определили ее в главе 3. Примером здесь могут служить специалисты-техники или «обычные» рабочие. Только некоторые представительные роли, связанные с соблюдением интересов коллектива во внешней ситуации, могут быть ориентированными на прибыль. Здесь также имеется два главных подтипа: а) коллектива, который как целое **не ориентирован** на прибыль, проблемы обмена для повышения гарантий и использования преимуществ тем не менее остаются; роли могут быть специализированными относительно этих функций; если обязанностью роли становится обеспечение преимущества в пользу данного коллектива, то обладатель этой роли ориентируется на прибыль; примером может служить казначей университета или больницы; б) в коллективе, который как целое ориентирован на прибыль, в «фирме», «получение прибыли», как правило, главная обязанность верхушки управляющих ролей; но как в том, так и в другом случае получение прибыли становится обязанностью роли, работающей «в пользу коллектива», это не ориентация на «личную прибыль» в общепринятом смысле этого слова.

Вопрос ориентации отдельного актора на коллектив, членом которого он является, вскрывает еще один структурный аспект этой проблемы. Он должен и себя лично обеспечить и договориться с коллективом относительно получения или удержания своей роли в нем. Это имеет место в том случае, когда **личная ориентация на прибыль** может действовать в отношениях индивида с организациями в профессиональном мире. Существует, конечно, связь между «ценностью» услуг данного человека, оказываемых им коллективу, и тем, что он может получить за такие услуги от этого коллектива. Но эта связь редко бывает простой и прямой, и в частности, когда он занимает одну из указанных выше двух типов ролей, он никогда не должен класть непосредственно в свой карман то, что ему удалось получить в качестве прибыли в пользу коллектива.

Существует, следовательно, целый ряд возможных значений ориентации на финансовую *прибыль* в условиях рыночной экономики. Но наиболее значимый, общепризнанный знаменатель, к которому они все приводятся, не мотивационный в обычном смысле этого слова; это не является *свойством человеческой природы*. Это скорее один из аспектов структурирования ситуации действия. Он связан с обобщенным способом действия, которым достигается обобщенный вид преимуществ, направляющий все способы мотиваций в один общий канал. На уровне структуры существует широкое многообразие различных ролевых элементов, которые различными способами включаются в денежную рыночную систему. Это, во-первых, покупательские интересы «потребителей», чисто «инструментальная заинтересованность». Во-вторых, это интерес к использованию, к обеспечению себе преимуществ — это интересы независимых «производителей», хотя они могут быть ориентированы на «делание денег» не в первую очередь. В-третьих, это — интересы лиц наемного труда, заключающиеся в гарантировании себе дохода через договор о найме. В-четвертых, это ориентация отдельных независимых друг от друга индивидов на «делание денег», так сказать, самостоятельно. В-пятых, это роль, требующая осуществления рыночных взаимодействий в пользу

организации, хотя сама организация ориентирована преимущественно не на прибыль, и наконец, в-шестых, точно такой же тип ролей в организациях, ориентированных преимущественно на прибыль. Только четвертый и шестой тип являются «капиталистическими» в общепринятом смысле этого слова ориентациями, или ориентациями на «получение прибыли».

Но в дополнение к разбираемым аспектам проблемы мы затронули здесь еще символическое место денежного дохода в системе вознаграждений общества как символа достижения и успеха, а также, разумеется, как средства реализации влияния.

Это обобщение иного порядка, чем имеющее место в случае ориентации, основанной на элементарной структуре отношений взаимодействия, такой как потребности в привязанности, в безопасности или в ощущении адекватности. И это именно то отличие, которое дает основание рассматривать мотив прибыли, как *вторичный* результат процесса социализации. Существует много обществ, в которых ориентация на выгодный обмен, даже в самом общем, не денежном смысле слова, имеет сравнительно небольшое значение. Для того чтобы она приобрела значение, хотя бы отдаленно напоминающее то значение, которое она имеет в современных обществах индустриального типа, даже в социалистическом их варианте, необходимо, чтобы относительно конкретные характеристики конкретной социальной структуры были вмонтированы в ориентацию личности на вторичном уровне социализации. Должна быть конкретизация ориентации в соответствии с ролью наряду с наиболее обобщенной ориентацией базовой личности, привитой в процессе социализации первого уровня, и она (конкретизация) может до известной степени противостоять такой обобщенной ориентации. Именно благодаря этому механизму ориентация становится адекватной гораздо более детальным ролевым ожиданиям социальной системы; по-видимому, отчасти такие механизмы включены в адаптивные структуры, которые прямо не проявляются в первичных ценностных ориентациях.

Все рассмотренное выше, как уже не раз отмечалось в ходе рассуждений, лишь одна часть проблемы мотивационного процесса социальной системы. Другая часть должна быть выявлена анализом источников возникновения тенденций к отклонению и контролирующих их механизмов, ко-

рый мы предполагаем провести с точки зрения мотивации. К этому мы теперь и обратимся.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 6

1) *Parsons T., Shils.* Values, Motives and Systems of Action, ch. 2. Эта глава имеет первостепенную важность для успеха предстоящего нам обсуждения.

(2) Наиболее распространенный вид исключения — это то, что объясняется через амбивалентность в ранней системе ориентации. В таком случае должны, разумеется, происходить драматические изменения в видимом поведении.

(3) *Эго*, разумеется, может вознаграждать и наказывать самого себя, следуя данной ему мотивации, которая подразумевает интернализацию релевантных ценностных ориентаций.

(4) С этим связано множество сложных проблем психологии обучения, которые мы оставим открытыми: например, исследования Салмена, посвященные уклонению от условий, по-видимому, вскрывают стандарт, совершенно отличный от *классического* эксперимента с подкреплением. Исключительно важно здесь не задевать ни один из этих вопросов. Цель данного очерка — разместить некоторые проблемы психологии обучения в контексте их возможного значения для социальной системы. Это существенно при анализе структуры ролей процесса социализации. Мы считаем, что будет лучше всего, рассматривая психологическую сторону, избегать делать сомнительные обобщения.

(5) Могут существовать, разумеется, творческие модификации, идущие изнутри личности.

(6) Как и в случае с более конкретными процессами обучения, возникает множество проблем, связанных с более конкретными значениями отдельных детских потребностей и оперирования ими в процессе социализации, включая степень мягкости и строгости, с учетом таких моментов, как отнятие от груди, приучение к отправлению естественных потребностей и значение соблюдения дисциплины в разных сферах жизни. Мы опять таки не будем даже пытаться входить в детали этих проблем, мы можем попытаться только дать общую схему ролевого анализа, в рамках которого только и могут быть рассмотрены эти более частные проблемы. Можно, однако, со значительной степе-

нью уверенности предположить, что если на процессы идентификации указывают как на имеющие большое значение в данном подходе, то при этом исходят из предположения, что эти конкретные детали практики обучения детей, по-видимому, в первую очередь важны как выражающие установки социализирующих агентов, а не по своему самостоятельному воздействию. Можно считать вероятным, что сильное подчеркивание последних в некоторых кругах (школах), где к процессам социализации подходят с точки зрения теории обучения, основанной на принципе подкрепления, без учета процессов интеракции в ролях, заслоняет то, что представляет основной интерес рассмотрения вопроса в данной работе.

(7) Существование генетически врожденных потребностей в социальных отношениях здесь оставляется как вопрос открытый. Если они существуют, то они обеспечивают дополнительную мотивацию для принятия ролей.

(8) Термин «разнообразный» («вариант»), примерно в том смысле, в котором мы его здесь употребляем, используется Флоренс Клакхон. См. *Kluckhohn F.* Dominant and Substitute Profiles of Cultural Orientation // Social Forces. May, 1950.

(9) Которые могут быть, разумеется, связаны с модальным типом, включая родителей того же самого пола.

(10) Это ярко продемонстрировано в неопубликованном исследовании по социальной мобильности студентов высшей школы в Бостонском округе — Штоуфером, Флоренс Клакхон, а также автором.

(11) Конкретизация и конкретность в данном употреблении не должны смешиваться с конкретностью в смысле переменной модели. В контексте это различие совершенно очевидно.

(12) Можно заметить здесь, что игнорирование этих положений — одна из причин серьезных просчетов, характерных для многих точек зрения, развиваемых сторонниками школы *культуры и личности* при их подходе к связям культурных стандартов с практикой воспитания детей, которые они проводят слишком непосредственно. Во-первых, эта точка зрения не учитывает очень важный факт вариабельности структуры базовой личности как прямого результата социализации в одной и той же *культуре* или структурированной системе ролей. Во-вторых, она не способна усмотреть значение второй большой группы социализирующих механизмов. Она имеет тенденцию представлять себе ролевое поведение взрослого человека как прямой акт *реализации* потребностей на уровне структуры базовой личности, рассматривая таким образом институты, в том числе и институты, осуществляющие обучение детей, как эпифеномены. Такая точка зрения имплицитно присутствует и в концепции Кардинера относительно различия *первичных* и *вторичных* институтов.

(13) Один из наиболее ярких вариантов идеи относительно того, что это проявление именно такого типа — это концепция некоторых психоаналитически настроенных социологов относительно того, что *капитализм* — это проявление *анального характера*. В таком понимании, конечно, тоже есть зерно истины, но едва ли оно велико. Оно совершенно игнорирует центральные вопросы организации социальной системы.

Глава 7
Девиантное (отклоняющееся) поведение и механизмы социального контроля

С самого начала этой работы было очевидно, что измерение *конформность — девиантность* присуще концепции социального действия и является центральным для него, а тем самым и для социальных систем. Один аспект, а именно общие культурные модели, которые являются частью любой системы социального взаимодействия, — всегда нормативен. Существует ожидание конформности к требованию стандарта в том случае, когда соблюдаются конвенции коммуникативной модели, например, это должно быть выражено понятно. Взаимодополнительность ожиданий, которым придается такое огромное значение, предполагает наличие общих стандартов того, что является «приемлемым» или в некотором смысле одобряемым поведением. В предыдущих главах мы имели дело с процессами, благодаря которым встраиваются мотивационные структуры, требуемые от поведения, конформного к таким нормативным социальным ожиданиям. Теперь нам придется обратиться к другой стороне медали, к процессам, благодаря которым развивается сопротивление конформности социальным ожиданиям, и к тем механизмам, благодаря которым эти тенденции преодолеваются.

Основным принципом настоящего анализа является рассмотрение всех мотивационных процессов как процессов, происходящих внутри личности индивидуального актора. Но процессы, благодаря которым мотивационная структура отдельной личности становится тем, чем она становится, — это главным образом процессы социальные, включенные во взаимодействие *эго* со множеством *других*. Таким образом, те факторы мотивации индивида, которые связаны с мотивацией девиантного поведения, — это продукты процессов социального взаимодействия его в прошлом, и поэтому вся проблема может быть рассмотрена в терминах социального взаимодействия. При анализе девиантности точно так же, как и социализации, мы должны сосредоточиться на процессах взаимодействия, таких как ориентация отдельного актора в его ситуации и ориентации его на ситуацию как таковую, включающую прежде всего значимые социальные объекты, а также на нормативные стандарты, которые определяют ожидания к его роли.

Девиантность и механизмы социального контроля могут быть определены двумя способами в зависимости от того, является ли точкой отсчета отдельный актор или система взаимодействия. В первом случае девиантность — это мотивированная тенденция актора вести себя вопреки одному или нескольким институционализированным стандартам, в то время как механизмы социального контроля — это мотивированные процессы в поведении данного актора и других взаимодействующих с ним, которые в свою очередь имеют тенденцию противодействовать этой девиантности. Во втором случае, в случае системы социального взаимодействия, девиантность — это тенденция со стороны одного или более составляющих систему акторов вести себя таким образом, который нарушает равновесие процесса взаимодействия (его статическое или динамическое равновесие). Девиантность, поэтому, определяется по ее тенденции оказывать результат либо в виде изменения системы взаимодействия, либо в виде восстановления равновесия с помощью противодействующих сил; в последнем случае это механизм социального контроля. Здесь мы исходим из предпосылки, что такое равновесие всегда предполагает интеграцию действия посредством системы нормативных стандартов, которые более или менее институционализированы.

Очевидно, что такая концепция девиантности как нарушение равновесия системы взаимодействия — весьма важная перспектива для анализа социальных систем. Но при этом следует совершенно четко осознавать, что существенное значение имеет возможность осуществить этот анализ от уровня установления единообразия в процессах измене-

ния в структуре социальной системы до уровня анализа релевантных мотивационных процессов, совершающихся в личности отдельного актора. Также всегда существует предположение о связи этого второго контекста с первым.

Следует прояснить, что существует определенная относительность в понятиях конформности и девиантности. Это понятия, связанные с интеграцией и недоинтеграцией социальных систем и субсистем. Поэтому невозможно сформулировать суждение о девиантности или отсутствии ее без конкретной отсылки к системе или субсистеме, в которой она имеет место. Структура нормативных стандартов любой, даже самой простейшей системы всегда сложна, запутанна и, как правило, далека от полной интеграции, и поэтому вычленение из нее одной модели без учета ее взаимодействия с другими внутри социальной системы может вести к неправильным выводам, например, можно обвинить человека, говорящего «невинную ложь» для того, чтобы избежать конфликта, в том, что он «ведет себя непорядочно». Конкретный индивидуальный актор никогда не действует только в одой роли, но имеет перед собой множество ролей и ситуаций, сложные сплетения возможностей, вариации ожиданий и состояний напряженности, объектом которых он является. Более того, существует также проблема того отрезка времени, который релевантен для анализа той или иной системы. Действия должны следовать друг за другом во времени и стыковаться в других отношениях, так что конфликты могут фокусироваться на временной соотнесенности — установлении времени, а не только на конфликтных требованиях, предъявляемых различным партнерам по различным моделям взаимодействия.

Вот основные, наиболее важные проблемы, которые должны быть выяснены со всей возможной точностью. Тем не менее фактом остается, что любое социальное действие нормативно ориентировано и что ценностные ориентации, воплощенные в этих нормах, должны до известной степени быть общими для акторов в институционально интегрированной системе взаимодействия. Это обстоятельство делает проблему конформности и девиантности главной осью анализа социальных систем, и тот факт, что сделать это весьма сложно, вовсе не позволяет проигнорировать эту проблему из соображений осторожности или считать, что она не может быть проанализирована успешно. Исключительное значение этой проблемы вытекает из двух основных соображений: во-первых, потому, что структура отношений действия сосредоточивает весь анализ на вопросе ориентаций, а во-вторых, потому, что здесь мы имеем дело с «несущей конструкцией» для того типа системы, которая определяет то, что мы понимаем под **интеграцией системы**.

Взаимодействие и генезис девиантной мотивации

Вернемся теперь к фундаментальной парадигме социального взаимодействия, включающей в себя предположение, выдвинутое в начале предыдущей главы, что стабильно установленный процесс взаимодействия — это такой процесс, который стремится сохранять свое равновесие. Предположим далее, что *эго* и *другой*, взаимодействуя, устанавливают взаимную катектическую привязанность друг к другу, делающую их чувствительными к установкам друг друга — эти установки лежат в основе санкций, — а также что процесс взаимодействия интегрирован с нормативной моделью ценностных ориентаций, т. е. что оба участника взаимодействия — *эго* и *другой* — интернализировали эту ценностную модель. Мы много раз утверждали, что такая система взаимодействия характеризуется дополнительностью (комплементарностью) ожиданий, т. е. поведение и прежде всего установки *другого* конформны ожиданиям *эго* и наоборот.

Анализ происхождения мотивации отклоняющегося поведения осуществляется в контексте этой парадигмы. Допустим, что по той или другой причине в системе возникают возмущения, которые приводят к фрустрации некоторых существенных для *эго* аспектов, связанных с его системой ожиданий по отношению к *другому*. Такое несоответствие его ожиданий приводит *эго* в состояние «напряженности», т. е. ставит его перед проблемой «приспособления». Существует, как мы предполагаем, три аспекта этой проблемы. Во-первых, ожидания *эго* в системе взаимодействия являются частью его собственной системы потребностей-диспозиций, что в каком-то смысле заставляет его стремиться к их удовлетворению. Во-вторых, эти ожидания организованы таким образом, чтобы включать в себя привязанность к

другому, как к катектическому объекту. И в-третьих, управляющая взаимоотношениями ценностная модель интернализирована, и нарушение связанных с ней предписаний является прямой фрустрацией некоторых потребностей — диспозиций *эго*. Если проблема приспособления является «серьезной» в силу того, что нарушающее равновесие поведение *другого* приобретает длительность, или в силу того, что оно затрагивает ряд стратегических областей в системе ориентаций *эго*, *эго* может оказаться принужденным переструктурировать свои ориентации в одном или нескольких из следующих трех отношений. Прежде всего *эго* может переструктурировать свои собственные потребности-диспозиции путем подавления их или путем включения одного или нескольких механизмов защиты, как, например, простое вытеснение потребности, не находящей более удовлетворения. Во-вторых, *эго* может искать возможности переместить свой катексис на новый объект и ослабить, таким образом, напряжение. Наконец, *эго* может отказаться от ценностно-ориентационной модели, с которой *другой* более не согласен, или постараться заново ее определить.

В любом или в нескольких из этих трех способов разрядка напряжения может быть достигнута путем успешного обучения. *Эго* может научиться подавлять свои потребности-диспозиции, оно может перенести катексис на новый объект, который будет отвечать его ожиданиям, или же оно может расширить или изменить ценностную модель. Это будет ответом на нежелание *другого* изменить свое поведение. В любом случае равновесие будет восстановлено либо благодаря изменившемуся состоянию всей системы, либо благодаря восстановлению прежнего состояния.

Но вероятен и во многих случаях желателен другой результат, а именно: в одном или в нескольких из трех упомянутых отношений может быть достигнуто компромиссное соглашение. Нас прежде всего интересует не внутренняя интеграция личности, а приспособление *эго* к социальным объектам и нормативным моделям. Следовательно, во-первых, *эго* может сохранить свое катектическое восприятие *другого*, не замещая его альтернативным объектом, но этот катексис не будет более «нерушимым». *Эго* должено некоторым образом реагировать на навязанную ему *другим* фрустрацию, испытывая при этом обиду или чувство враждебности (1). Другими словами, катектическая ориентация приобретает амбивалентный характер. Потребность в любви *другого* и восхищение им сохраняется, но последствия фрустрации проявляются в виде негативных или враждебных установок по отношению к *другому*. Если это случается, *эго* оказывается в состоянии эмоционального конфликта в своих отношениях с *другим*. Аналогично возникает состояние эмоционального конфликта в случае, если интеграция ожиданий *эго* с ценностной моделью оказывается нарушенной неспособностью *другого* им соответствовать, а модель может быть слишком устойчиво интернализирована для того, чтобы *эго* мог от нее отказаться и быть конформным к новому поведению *другого*. Здесь снова *эго* может создавать амбивалентную структуру установок, одновременно разделяя приверженность к нормативной модели и сознавая «цену» этой приверженности, вовлекающей его в состояние конфликта с *другим* и с некоторыми сторонами своей собственной личности.

Подобная амбивалентная мотивационная структура влечет за собой много трудностей, связанных с необходимостью контролировать возникающее в ней напряжение. Для нас важно, однако, что они могут быть связаны с двумя фундаментальными альтернативами. Во-первых, это репрессия определенной части амбивалентной структуры так, чтобы лишь одна ее часть могла получать открытое выражение. Если подавляется негативная сторона отношений, *эго* сохраняет свою привязанность к *другому* и (или) может оставаться мотивированным к конформности с данной нормативной моделью. Если подавляется позитивная сторона, *эго*, напротив, будет стремиться отказаться от своей привязанности к *другому*, открыто это выражая и не отказываясь от конформности с нормативной моделью. Вторая фундаментальная возможность заключается для *эго* в том, чтобы попытаться найти возможность удовлетворения для обеих сторон амбивалентной мотивации. По-видимому, в одних и тех же конкретных отношениях это невозможно, поскольку обе стороны амбивалентной мотивации пребывают в конфликте (2). Но в более широкой и сложной системе взаимодействия такие возможности вероятны либо в силу изолированности контактов и событий, либо потому, что возникает возможность найти альтернативные объекты для удовлет-

ворения одной или обеих сторон потребностно-диспозиционной структуры. Эта последняя возможность будет иметь большое значение для обсуждения позднее в этой главе социального структурирования девиации. Но сначала мы будем рассматривать более простой случай.

Негативный компонент подобной амбивалентной мотивационной структуры, связанной с системой комплиментарных (дополнительных) ожиданий, будет называться **алиенативной** потребностной диспозицией, а позитивный компонент — *конформной* потребностной диспозицией. Следует отметить, что из этих теоретических терминов алиенация (отчуждение), в отличие от потребности в конформности, *всегда* рассматривается как часть амбивалентной мотивационной структуры, в то время как потребность в конформности — нет. В том случае, когда более не существуют привязанность к объекту и (или) интернализации нормативной модели, установка будет не алиенативной, а *индифферентной*. И социальный объект, и модель превращаются в нейтральные объекты в ситуации, когда они не находятся более в фокусе катектической потребностной системы *эго*. Конфликт в таком случае может быть разрешен полностью путем замены старого объекта новым, или путем торможения либо затухания потребностной диспозиции, или (и) путем интернализации новой нормативной модели.

Когда алиенативная мотивация присутствует, но конформный компонент преобладает над алиенативным, можно говорить о **компульсивной конформности**. С другой стороны, если алиенативный компонент преобладает над конформным, можно говорить о **компульсивной алиенации**. Легко понять психологические причины употребления этой терминологии. Главным является то, что *эго* представляет собой субъект напряжения не только в его взаимоотношениях с *другим*, но и во внутренних конфликтных отношениях со своей собственной системой потребностных диспозиций. Именно потому, что *эго* питает негативные чувства по отношению к *другому* и в то же время испытывает сильную потребность сохранить как с *другим*, так и с нормативной моделью свои взаимоотношения, он должен «защищаться» от потребности выразить свои отрицательные чувства из-за страха нарушить взаимоотношения с *другим* надолго, или опасаясь спровоцировать с его стороны ответ-

ные мстительные действия, или же, в крайнем случае, боясь потерять *другого*. Именно это является основанием для формирования реактивного защитного механизма в отношениях социального взаимодействия. Такая модель предписывает «подчеркивать позитивное» и старательно пребывать в состоянии компульсивной конформности с тем, что *эго* расценивает как ожидания *другого* (являющиеся, благодаря институциализации, также и его собственными ожиданиями) и таким образом сводить к минимуму риск дальнейшего нарушения отношений.

И наоборот, если преобладает алиенативный компонент, и привязанность к *другому* как к личности и приверженность нормативной модели продолжают оставаться фундаментальной потребностью, тогда *эго* вынужден защищаться против тенденции проявить эту свою потребностную диспозицию. Следовательно, он должен не только выражать свою негативную реакцию, но и быть уверенным в том, что конформный элемент не возобладает неожиданно и не подавит негативный. Следовательно, его отказ от конформного отношения к ожиданиям *другого* становится компульсивным. Эта защита против вытесненного компонента мотивации в обоих случаях — основа его сопротивления отказу от «симптома», даже если она навлекает на *эго* серьезные негативные санкции в процессе его социальных взаимоотношений.

Здесь, следовательно, мы имеем перед собой центр хорошо известного порочного круга, возникающего при формировании модели отклоняющегося поведения, будь то невротическое или психосоматическое заболевание, преступность или что-либо другое. Можно предположить, что реакция *эго* на изменение в поведении *другого*, являющаяся результатом действия механизмов защиты и приспособления, включая амбивалентность, будет в некотором отношении комплементарной по отношению к привнесенным *другим* изменениям. Например, *другой* вместо признания достоинства работы, проделанной *эго*, может продемонстрировать явное неодобрение, которое *эго* будет ощущать как противоречащее разделяемому ими обоими уважительному отношению к компетентности и достижениям друг друга. *Эго* реагирует на это чувством обиды, которое им, однако, подавляется, вследствие чего *эго* становится ком-

пульсивно тревожным к получению одобрения со стороны *другого*. Этот компульсивный элемент мотивации *эго* делает его чрезмерно «требовательным» в процессе его взаимодействия с *другим*. Он желает добиться одобрения и сохранить конформность, но в то же время его потребность в одобрении гораздо труднее удовлетворить, поскольку его тревожит то, что *другой* может не высказать одобрения. Все это в свою очередь оказывает воздействие на *другого*. Какой бы ни была первоначальная мотивация *другого*, заставившая его воздержаться от ожидаемого со стороны *эго* одобрения, теперь уже он поставлен в такое положение, в котором ему будет труднее, чем прежде, удовлетворить ожидания *эго*: та степень одобрения, которой раньше было бы достаточно, теперь не может удовлетворить *эго*. До тех пор пока действует механизм социального контроля, существует тенденция привести *другого* к оправданию надежд *эго*, но меньшему, чем он ожидает. Это должно еще больше усилить напряжение и углубить обиду *эго*, и, если алиенативный компонент не прорывается наружу, он усиливает компульсивность мотивации *эго* добиться одобрения путем конформного отношения к ожиданиям *другого*. Тяжесть конфликта внутри *эго* может в конце концов привести его к когнитивному искажению, в результате которого он будет полагать, что ожидания *другого* преувеличены в большей степени, чем это имеет место в действительности, и, таким образом, стандарты, которые ставит себе *эго*, окажутся неосуществимыми.

Такова основная структура порождения кумулятивной мотивации к отклонению благодаря взаимодействию комплиментарных амбивалентностей в системе мотивации *эго и другого*. Это, разумеется, в высшей степени упрощенная и абстрактная парадигма. «Прямое» развитие порочного круга не может практически продолжаться без определенного преобразования по двум причинам. Во-первых, потребностные диспозиции *эго и другого*, находящиеся в фокусе разворачивающегося конфликта, являются лишь частью сложной потребностно-диспозиционной системы личности каждого из них. Изменения в этих частях, входящих в процесс взаимодействия, могут привести к последствиям в остальной части личностных систем, которые могут изменить развитие самого взаимодействия. Во-вторых, взаимодействие *эго* и *другого*, на котором сосредоточено наше внимание, является лишь частью системы более широкого социального взаимодействия, включающей также и других акторов и, возможно, также взаимодействие *эго и другого* в процессе исполнения ими других ролей. Эти сложности должны быть полностью приняты в расчет, т. к. они, конечно, крайне важны для механизмов социального контроля. Однако порочный круг во взаимодействии двух акторов является фундаментальной парадигмой порождения мотивации отклоняющегося поведения.

Направления девиантной ориентации

Мы можем теперь вернуться к вопросу о том, что является важным для дальнейшей дифференциации в направлении девиантной мотивации самой по себе — компульсивно конформное или алиенативное направление. Оба направления дифференциации представляются исключительно важными. Во-первых, дифференциация активности и пассивности — это общепринятое психологическое различение (3). Если конформный и алиенативный тип мотивации подразделять в соответствии с тем, какой — активной или пассивной — была первоначальная ориентация, мы придем к следующей классификации (см. табл. 6).

Таблица 6

	АКТИВНОСТЬ	ПАССИВНОСТЬ
Доминирование конформности	Компульсивная ориентация поведения	Компульсивное подчинение статусным ожиданиям
Доминирование отчуждения (алиенации)	Мятежность	Уход

Эта классификация представляет интерес не только потому, что прямо вытекает из анализа интерактивной парадигмы, но и потому, что воссоздает с мотивационной точки зрения классификацию, предложенную несколько лет назад Мертоном в известной статье *«Социальная структура и аномия»* (4). То, что Мертон называет «конформностью», является именно тем, что мы имеем здесь в виду, говоря об уравновешенном состоянии интерактивной системы, без каких-либо конфликтов или алиенативной мотивации. Мертоновские «новаторство» и «ритуальность» — это наши два компульсивно-конформных типа, в то время как «бунт» и «бегство» — это явно наши алиенативные типы мотива-

ции. Т. к. мертоновская парадигма была сформулирована в терминах, имевших отношение к институциализированным целям (goals) и средствам (means), интересно обнаружить, что акцент на активности означает перенос первоначального стресса на цели, в связи с полюсом достижения модели переменных аскрипция — достижение, и приводить будет к ожиданию, в то время как акцент на пассивности переводит стресс на средства. В любом случае, однако, мы можем заключить, что компульсивный элемент переносит напряжение на первоначальную конформность по отношению к институциализированным ожиданиям, но сфера действия в этих двух случаях различна. Мы можем предположить, что парадигму Мертона легче применить к социальной системе, в которой преобладают ценности достижения, а следовательно, цели достижения высоко институциализированы, и активно амбивалентная личность может найти простой «выход» в усиленном стремлении к цели. Если институциализированы аскриптивные ценности, в особенности в сочетании с партикуляризмом, эта отдушина должна будет захлопнуться.

Ввиду некоторой культурной ограниченности парадигмы Мертона и в связи с включением мотивационного элемента можно утверждать, что предложенная здесь версия является более общей, тогда как парадигма Мертона представляет, по сравнению с ней, частный случай, правда, весьма значительный.

Вторая ступень дифференциации направления девиантной мотивации, которую нужно ввести, касается возможности различения между фокусировкой на том или другом из двух фундаментальных компонентов интерактивной системы, помимо собственной потребностно-диспозитивной системы *эго*, а именно: *другой*, рассматриваемый как личность, т. е. социальный объект, и нормативная модель, интегрирующая их взаимодействие. Как и в случае амбивалентности, оба направления оказываются неизбежно затронутыми. Но преобладание компульсивности может касаться одного либо другого направления. Введение этой дополнительной дифференциации дает классификацию, представленную в таблице 7.

Когда преобладает конформный элемент и *эго* прежде всего заботится об установлении отношений с *другим* как личностью, тревога сфокусирована на возможном наруше-

Таблица 7

	Активность		Пассивность	
	Компульсивная ориентация поведения		Компульсивное молчаливое согласие	
Доминирование конформности	Фокусировка на социальных объектах	Фокусировка на нормах	Фокусировка на социальных объектах	Фокусировка на нормах
	Доминирование	Компульсивное принуждение	Подчинение	Перфекционистское соблюдение (ритуализм согласно Р.Мертону)
	Мятежность		Уход	
Доминирование алиенации (отчуждения	Агрессивность по отношению к социальному объекту	Неисправимость	Компульсивная зависимость	Бегство

нии взаимоотношений, на том, что *другой* может изменить свое благоприятное отношение на неблагоприятное и агрессивно наказать *эго* или разорвать с ним отношения. В основном существуют два пути, посредством которых *эго* может стремиться овладеть ситуацией как по отношению к собственной тревоге, так и по отношению к *другому*. *Эго*, если он ориентирован активно, может стремиться поставить *другого* в такое положение, что для него будет невозможно не выполнить ожидания *эго*, т. е. возобладать над ним. Если *эго* склонен к пассивности, он может стремиться защитить свои интересы в отношениях, уступая любому желанию *другого* из боязни подвергнуть свои взаимоотношения с ним опасности, т. е. *эго* может подчиниться *другому*.

Если преобладает алиенативный компонент мотивации *эго*, оно больше заботится о проявлении своей потребностной диспозиции, чем о сохранении благорасположения *другого*. Таким образом, в случае активной ориентации *эго* будет стремиться действовать агрессивно по отношению к *другому*, «лезть в драку» с ним, стремясь навязать свои планы и относясь безразлично к риску алиенации *другого*. Если же *эго* склонено к пассивности, оно не будет стараться агрессивно идти на выяснение отношений, избегая проявления несогласованных ожиданий со стороны *другого*, и быть компульсивно независимым от *другого*, а в крайнем случае полностью порвать отношения посредством выхода из них. Эти четыре случая можно разделить на группы, если сказать, что доминирование и подчинение являются выражением

компульсивной потребности в зависимости или желания почти любой ценой избежать утраты *другого* как объекта, в то время как агрессивность и пассивная компульсивная независимость объединяются в силу общей для них мотивации, связанной с компульсивной потребностью в независимости, т. е. потребностью почти любой ценой избежать зависимости.

Возвращаясь к тому случаю, когда главным фокусом конфликта являются нормативные модели, на конформном полюсе мы можем, в соответствии с активностью и пассивностью, выделить компульсивную потребность усилить требовательность к нормам *другого* и компульсивную потребность перфекционистского соблюдения собственных норм *эго*. Для активно ориентированного *эго* альтернатива компульсивной требовательности к нормам *другого* — развитие компульсивно-достижительного стремления в себе самом. Оно может, конечно, проявить обе тенденции, как это бывает в обычном случае компульсивного достижителя, безжалостного в своей требовательности по отношению к подчиненным. *Эго*, склонное к пассивности, будет стремиться уклониться от требований активного достижения или контроля и сосредоточить свою компульсивность на деталях конформных ожиданий.

Наконец, если преобладает алиенативный компонент, активный тип оказывается «неисправимым», попирающим правила и законы «ради собственной выгоды», чьей установкой является стремление «попробовать что-нибудь с этим сделать». Пассивный тип, с другой стороны, стремится, уклоняясь от конформности по отношению к нормативным моделям, избежать ситуации, в которой ожидания должны быть выполнены, иначе будут применены санкции.

Это, разумеется, определения лишь направления девиантных тенденций. Первое, о чем не следует забывать, это то, что они всегда связаны с конкретным набором взаимодополнительных ролевых ожиданий к конкретному *другому* или классу *других*, а также с конкретными нормативными моделями или с их подсистемами. В ряде случаев амбивалентность в личности актора может быть сильно «локализированной» в своих проявлениях. Но она может также при определенных обстоятельствах стать более или менее генерализованной, преобразованной, благодаря замене первоначальных объектов и нормативных моделей. В крайнем случае мы можем иметь дело с личностями с высоко генерализованной мятежной потребностной диспозицией или с потребностной диспозицией, ориентированной на уход. Здесь нет возможности вдаваться во все сложности.

Во-вторых, разумеется, актуальные поведенческие модели, которые должны возникнуть в результате, не являются только лишь функцией тех способов, которыми девиантная мотивация встраивается в мотивационную структуру личности, но зависят от природы ситуаций, в которых оказываются акторы. Как уже отмечалось, эти ситуации обычно включают третьих лиц, а также разнообразные особенности в системах нормативных моделей и санкций. То, что мы представили, является лишь самым началом динамического анализа этих сложных процессов. Некоторые дальнейшие сложности будут подвергаться анализу по мере нашего продвижения.

Различие между *другим* как социальным объектом и нормативными моделями самими по себе, выступающими в качестве центра напряженности и компульсивной мотивации, бросает свет на обычные, принятые в психологии дифференциации. Мы можем сказать, что потребность в **безопасности** в мотивационном смысле является потребностью в сохранении стабильного катексиса социальных объектов, включая коллективные образования. Тенденции к доминированию или к подчинению, к агрессивности или к компульсивной независимости в таком случае можно интерпретировать как проявление **небезопасности**. С другой стороны, можно сказать, что потребность в чувстве *адекватности* является потребностью чувствовать себя способным жить согласно нормативным стандартам системы ожиданий и в этом смысле быть конформным. Компульсивный самопринудитель, перфекционист, неисправимый и беглец могут, таким образом, интерпретироваться как мотивированные в направлении неадекватности. Разумеется, обе потребности включены обычно в любую систему действия. Возможны любые комплексные результирующие. Но эти, по-видимому, являются фундаментальными точками отсчета при анализе этих процессов. Небезопасность и неадекватность являются к тому же первыми сигналами тревожности.

Данное различение является, конечно, аналитическим. Устойчивые взаимоотношения эмпирически, вероятно, практически невозможны без общих ценностных моделей, и следовательно, оба аспекта обычно включены в одни и те же конкретные отношения. Тем не менее в теории действия это важное и далеко идущее аналитическое различение, и оно может помочь нам сосредоточить наш анализ одновременно как на источниках алиенативных потребностных диспозиций, так и на направлениях и механизмах девиантных тенденций в поведении. Таким образом, в самых общих выражениях мы можем сказать, что алиенация (отчуждение) от социальных объектов стремится сосредоточиться на проблемах безопасности, на тревожности из-за неуверенности в возможности рассчитывать на восприимчивость — отклик, а также любовь, одобрение или уважение; тогда как алиенация от нормативной модели как таковой стремится сфокусироваться на проблеме адекватности одной или обеих сторон интерактивных отношений, т. е. на собственной способности *эго* отвечать ожиданиям конформности, на способности к этому *другого* (включая его мотивацию) или же их обоих. В случае угрозы безопасности фокусом тревоги является проблема: «Могу ли я рассчитывать на него или он может меня подвести?» В случае угрозы адекватности центральной оказывается другая сторона проблемы: «Если ли смысл пытаться?» — либо потому, что «я не думаю, что смогу это сделать», либо потому, что «если я это сделаю, он, возможно, не сделает этого, со своей стороны», и, таким образом, ожидания вознаграждения конформности могут быть фрустрированы. В обоих случаях отчуждение должно рассматриваться как реакция на «утрату иллюзий», на ощущение бессмысленности попыток *эго* выполнить свою часть, ибо возникает вопрос: «Что я за это получу?»

Надо отдавать себе отчет в том, что проблема адекватности не ограничивается случаями, когда ориентации на достижение как отличающиеся от аскриптивных включены в упомянутые нормативные модели. Очень важные поступки могут совершаться в течение жизни в соответствии с аскриптивной моделью в качестве обязательств, связанных с полученным статусом. Конечно, там, где ценностная модель сама по себе делает особый акцент на достижении как таковом, проблема адекватности акцентируется, и отчуждение от ожиданий достижения вполне может стать вероятностью.

Таков важный источник асимметрии в мотивационной структуре потребности в безопасности. Это есть следствие огромного значения инфантильной зависимости и, следовательно, асимметричной структуры взаимоотношений, связанных с ранее возникшей привязанностью. Можно сказать в самом общем смысле, что она лежит в основании потребностных диспозиций в регрессе к пассивной зависимости. По-видимому, в целом компульсивная независимость является более обычным видом реакцией, направленной против потребностей в пассивной зависимости, чем, наоборот, потребность в зависимости как реакция, направленная против потребностей в независимости и самоутверждении. Однако важно то, что она (компульсивная независимость), хотя и имеет значение как основной источник «искажения» логических возможностей девиантной ориентации, конечно, претерпевает вторжения и воздействия со стороны конкретных типов социальных ситуаций и культурных моделей. Например, реакции на латентную потребность в зависимости могут быть особенно важными в динамике общества, подобного нашему, где ожидания индивидуальных достижений особенно выражены.

Существует важная связь между классификацией, представленной в табл. 7, и входящей в состав модели переменной *аффективность — аффективная нейтральность*. Это становится очевидным в отношениях доминирования и подчинения. В обоих случаях *эго* прежде всего заботится о самозащите против угрозы разрыва отношений. Делая это, *эго* пытается манипулировать санкциями и стремится высказать *другому*, что удовлетворение его ожиданий стоит труда. Эти санкции могут, однако, обнаруживать, что краеугольные установки принадлежат к двум основным типам в соответствии с переменной *аффективность — аффективная нейтральность*. На позитивном полюсе находятся, с одной стороны, отзывчивость и установки на любовь, с другой — одобрение и уважение. Доминирование через любовь, по-видимому, обнаруживается в том, что иногда называют «материнская сверхопека». С другой стороны, «авторитарный отец» доминирует преимущественно путем аффективно-нейтральных санкций.

Связи с элементами ценностной модели также различаются в соответствии с переменной аффективность — нейтральность. Там, где преобладает аффективный полюс, доминирующими ценностями должны стать ценности экспрессивного символизма. Если, с другой стороны, преобладает нейтральность, доминирующими ценностями будут инструментальные или моральные. На этом основании также можно выделять типы, где фокус компульсивной мотивации сосредоточен на нормах; так, компульсивное принуждение может касаться стандартов вкуса, как, например, в случае матери, жестко навязывающей своему ребенку хорошие манеры, или может также касаться стандартов эффективности либо морали. Примером может служить родитель, предъявляющий к ребенку чрезмерно высокие требования достижения, т. е. наказывающий его за нормальные школьные отметки и т. п.

Переменная *конкретность — диффузность* также входит в определение санкций, которыми оперируют в этой компульсивной мотивационной системе в процессе взаимодействия. Характер мотивации будет варьироваться также в зависимости от этой переменной.

В предыдущей главе было показано, что интернализация этих обобщенных нормативных моделей включает процесс идентификации с релевантными значимыми *другими*. В связи с релевантностью этих переменных проблеме алиенации становится ясным, насколько значительной является базовая классификация типов привязанности, а следовательно, и способов идентификации, выраженных в понятиях этих двух переменных модели, а именно: конкретности — диффузности и аффективности — нейтральности. Нормативная модель не является актором, она не может реагировать на действия *эго*, только актор *другой* может это сделать. Нормативная модель как объект катексиса не может поэтому быть источником прямого и немедленного вознаграждения, она лишь косвенно служит интересам вознаграждения посредством организации и стабилизации личной системы *эго*, а также влияя на то вознаграждение, которое *эго* получает в процессе взаимодействия с ситуацией, по преимуществу, разумеется, от включенных в это взаимодействие *других*. Именно это мы в первую очередь и имеем в виду, говоря о значении понятия «интернализация» моделей, в отличие от «удовольствия», получаемого от социальных и физических объектов катексиса.

Следствием этих соображений будет, по-видимому, то, что там, где ориентация на нормативную модель как таковую явно преобладает над ориентацией на *другого* как личность, эта ориентация должна быть аффективно нейтральной. Конформность по отношению к модели не может сама по себе давать немедленное и прямое вознаграждение. Но наиболее прямая и немедленная отдача, которая возможна для конформности, — это установки значимых личностей, *другого* и самого *эго*, т. е. их одобрение и уважение. Это имеет исключительно важное значение для проблемы социального контроля, т. к. одобрение и уважение, как внешние, так и внутренние, т. е. самоодобрение и самоуважение *эго*, можно рассматривать как фундаментальные стабилизирующие и контролирующие механизмы социальной системы, т. е. наиболее непосредственные механизмы мотивации конформности к нормативным моделям. Выработанная сенситивность к установкам одобрения и уважения, как внешним, так и внутренним, — это наиболее фундаментальное условие адекватной социализации индивида и служит ядром его системы мотиваций к конформности. Следовательно, именно здесь алиенативные потребностные предиспозиции представляют прямую угрозу стабильности социальной системы. Они могут заключаться в том, чтобы «не заботиться о том, что другие подумают», или, наконец, в том, чтобы обратиться к альтернативным личностям с иными установками одобрения и уважения.

Существует, однако, сложный вид взаимозависимости между этими установками на одобрение и уважение и типами привязанности, где преобладает аффективность, а именно тип восприимчивости-отзывчивости любви, как мы их назвали выше. В предыдущей главе мы указали на вероятность того, что лишь установление подобных привязанностей обеспечивает адекватные нормативные основания для принятия аффективно нейтрального типа ориентации и, следовательно, для высших уровней дисциплинарной организации личности, которая способна к адекватному осуществлению многих ролей в сложной социальной системе. Именно это, само по себе, составляет форму организации и центр интересов, связанных с вознаграждением, в особенности при диффузном типе любви, где устанавливаются

фундаментальные взаимные ориентации, которые могут стать в высшей степени важным стабилизирующим фактором в некоторых секторах социальных систем и играть исключительную важную роль в процессе социализации. Следовательно, тот тип алиенации, в котором центром является актор как личность, а не нормативные модели, также имеет огромное значение. Он может формировать отвращение к некоторым формам ожидаемой специальной восприимчивости и отзывчивости, а также и к личности *другого* в целом, которое в предельном случае можно назвать «ненавистью».

Имеются некоторые важные эмпирические связи, которые можно непосредственно заметить, если принять во внимание эти вариации в характере системы санкций. Вообще говоря, нормативные модели, определяющие широкую сеть системы социальных отношений, имеют тенденцию быть аффективно нейтральными, особенно такие, где преобладает определенный вид ценностной системы, подобной нашей универсалистски-достижительной модели. В таком случае наиболее императивное требование конформности может оказаться отнесенным к самим моделям, т. е. к «безличным» ожиданиям, подобным ожиданию «эффективности» достижения, действиям «в соответствии с правилами» и т. п. Так может оказаться тогда, когда в действительности давление системы социального контроля стремится отклонить девиантные тенденции от прямого пути, направив их в относительные безопасные для системы каналы. В целом девиация по отношению к людям, находящимся в близких с *эго* отношениях, вероятно, менее опасна, чем девиация по отношению к нормативным моделям как таковым. Больше того, направленность на уход менее опасна в ситуации преобладания алиенации, чем бунтарские тенденции. Следовательно, компульсивной независимости можно обычно ожидать в такой социальной системе в особенности потому, что подчиненность противоречит фундаментальному положению системы ценностей, связанной с независимостью.

Два новых аспекта психологии девиантного поведения, возможно, нуждаются в коротких комментариях, прежде чем мы перейдем к более подробному и систематическому обсуждению некоторых ситуативных проблем. Очевидно, что какая бы из базовых альтернатив ни была принята, присутствие элементов существенной алиенативной потребностной диспозиции предполагает серьезный элемент конфликта на личностном уровне социальной системы. Это значит, что либо алиенативный, либо конформный элемент потребностной диспозиции может быть подавлен или по крайней мере относительно диссоциирован от того, который является доминирующим ориентационным компонентом. Определенно установлено, что, если релевантная потребностная диспозиция не была полностью подавлена, она будет стремиться найти для себя какой-нибудь, хотя бы косвенный, выход. Механизмы смещения и проекции представляют, возможно, наиболее значительный тип подобного выхода. Но тот факт, что внутренне ослабляется связь между объектом смещенного аффекта и потребностной диспозицией, от которой он произошел, — наиболее в случае проекции — означает, что, как правило, существует значительная неустойчивость в самом объекте катексиса и мотивационных требованиях, которые в них включены. Это, по-видимому, является наиболее важным основанием для существования того, что часто называют «свободно плавающим» аффектом. В силу того факта, что существуют соответствующие потребностные диспозиции, а нормально подходящий для них объект катексиса является заблокированным, подобный «свободно плавающий» аффект можно рассматривать как «ищущий» для себя подходящий объект второго порядка. Присутствует некоторая относительная неудовлетворительность любым таким выбором, когда, возможно, существует даже готовность к тому, чтобы стать другим. Этот аффект может быть готовностью к любви, агрессии, пассивному избеганию норм или любому другому из большого числа вариантов. Но общей чертой для них является текучесть и неустойчивость катексиса. С другой стороны, настойчивость потребности катексиса может вести к компульсивному усилению катексиса, однажды уже достигнутого, и сама эта интенсивность является симптомом его нестабильности. Релевантность этих соображений по поводу таких феноменов, как романтическая любовная привязанность или преобладание сакральных потребностей в группе, едва ли нуждается в упоминании.

Вообще говоря, сюда относятся случаи, применительно к которым можно продемонстрировать «сверхдетерминированность» аффективной интенсивности по сравнению с внутренней значимостью объекта.

Во-вторых, элементы конфликта, связанные с наличием алиенативной потребностной диспозиции, явно воздействуют на структуру когнитивной ориентации. Очевидной становится релевантность механизма рационализации для перевода существующего напряжения на когнитивный уровень. Рационализация является средством и инструментом подавления, т. к. на этом когнитивном уровне она отрицает существование конфликта и стремиться представить существующее положение дел как отвечающее одобряемому нормативному стандарту правильной мотивационной ориентации. Существует много возможных «способов», к которым может прибегать рационализация, для того чтобы сделать приемлемыми и благовидными установки и поведение актора, например, ссылка на «тяжелые обстоятельства» или обвинение *другого* в преувеличенно отклоняющемся поведении и тому подобное, но все их отличает элемент когнитивного искажения того, что в понятиях когнитивной культуры было предварительно институциализировано, все это и является как бы подходящим объяснением и оправданием для действия. Релевантность такого подхода к происхождению и структурированию идеологий не нуждается в дальнейших комментариях.

Несколько дополнительных ситуационных аспектов происхождения и структурирования девиации

Мы должны теперь дополнить наше предыдущее рассмотрение вопроса о личностных корнях алиенативных потребностных диспозиций и процессов взаимного стимулирования алиенативных тенденций в интерактивном процессе, анализируя некоторые важные черты нормативных моделей самих по себе и их изменчивости. Проблема конформности не может быть отделена от рассмотрения того, какая конформность является предметом ожидания.

Наиболее фундаментальная классификация тех компонентов нормативных моделей, которые вытекают из схемы переменных модели, не нуждается сейчас в дальнейшем обсуждении. Здесь необходимо высказать лишь немногие соображения, релевантные с точки зрения настоящего контекста. Во-первых, надо подчеркнуть те пути, посредством которых «давление», влияющее на мотивационную систему актора, будет изменяться в зависимости от рода модели, которой он стремится соответствовать.

Это очень сложная по природе своей область. Но соображения, подобные выдвинутым в последней главе, связанные с процессом социализации, могут представить дело таким образом, что, в отличие от социокультурных различий, некоторые типы ценностных моделей способны порождать большее напряжение для большинства человеческих существ по сравнению с другими моделями; некоторые из подобных факторов являются важными, например, для понимания концепции регрессии. Для настоящих целей нам не нужно выяснять, заключены ли принципиальные источники этого напряжения в конституционных особенностях человеческого организма или в определенных константах процесса социализации. Хорошим примером является уровень стресса при аффективной нейтральности.

Это бывает в том случае, когда, как мы видели, вся нормативная стандартизация включает элемент аффективной нейтральности, и поэтому, как было отмечено, конформность по отношению к нормативной модели не может сама по себе быть источником прямого и немедленного удовлетворения. Тем не менее некоторые типы нормативных моделей, предполагающие дисциплину аффективной нейтральности, намного более строги и действуют во многих сегментах системы действия, в отличие от других типов нормативных моделей. С другой стороны, некоторые из них, по-видимому, имеют дело скорее с организацией и отбором прямых вознаграждений, чем с их отсрочкой или отсутствием в особых контекстах. Это прежде всего модели, организующие социальное взаимодействие в значительной степени вокруг диффузных любовных привязанностей и стабилизирующие экспрессивную активность в понятиях относительно определенной и прочной систематизации экспрессивных символов и систем действия, как, например, во многих ритуалах и этикетах. С другой стороны, наше собственное общество с его подчеркнутой инструментальнос-

тью и долгосрочным планированием делает акцент на аффективной нейтральности и требует в некоторых отношениях исключительно высокого уровня дисциплины.

Весьма сходные наблюдения, как мы видели, можно отнести к моделям достижительности и универсализма. Последний является, возможно, именно в этом отношении более значимым. Это, по-видимому, вытекает прежде всего из того факта, что универсалистические требования идут вразрез с привязанностью к личностям, предписываемой партикуляризмом. Фундаментальное значение привязанности к личностям во всякой человеческой социализации не подлежит никакому сомнению. Следовательно, там, где модели включают значительный универсалистский акцент, появляется необходимость не только подавления «естественных» катектических тенденций, но и трансформации их в направлении развития способности катексиса, направленного на всех членов универсалистически определенного класса социальных объектов и соответственно интернализации ценностного отношения к абстрактным принципам. Таким образом, в универсалистическом случае этот последний этап является возможным только благодаря разработке «вторичных» мотивационных структур.

В результате всего этого фокус напряжения сосредоточивается на трудности быть конформным по отношению к ожиданиям, связанным с определенным типом модели. Эта трудность, вообще говоря, может быть проанализирована в тех же фундаментальных понятиях, которыми мы воспользовались выше. Т. е. с привлечением элементов амбивалентности и конфликта.

Очень вероятно, что эта мотивационная трудность в выполнении определенного типа ожидания, является общечеловеческим компонентом, но столь же ясно, что здесь присутствует компонент, являющийся следствием тех или иных комбинаций с другими элементами. Одного примера будет достаточно для иллюстрации этого положения. Американское общество, несомненно, требует исключительно высокого уровня аффективной нейтральности и универсалистской ориентаций; то и другое, по-видимому, внутренне труднодостижимо. Но в силу условий социализации в изолированной супружеской семье возможно то, что в особенности у мужчин, принадлежащих к среднему классу, развивается потребность в любви, сильно окрашенная зависимостью. Само по себе это является могучим рычагом, мотивирующим принятие дисциплины. Но это является источником дополнительного напряжения, потому что в большом количестве решающих мужских ролей в нашем обществе эта потребность всегда может найти прямое удовлетворение лишь в последнюю очередь. Действительно, возможность удовлетворения компонента зависимости для взрослых американцев, если исключить девиантные модели поведения, по существу крайне ограничена. Американец должен поэтому идти дальше многих других в процессе социализации по двум причинам: во-первых, потому, что он должен достигнуть более высоких уровней аффективной нейтральности и универсализма, во-вторых, он обладает более сильно развитым набором потребностей в зависимости, от которых он должен освободиться. Это одна из центральных точек напряжения в американском обществе.

Таков второй важный ряд проблем, связанных с затруднительностью конформности по отношению к нормативным моделям, проблем, которые сфокусированы на природе модели самой по себе. Это связано с вопросом о том, до какой степени ожидания конформности являются конкретными и детализированными. Мы подчеркивали важность того факта, что все нормативные модели являются в значительной степени обобщенными по отношению к партикулярности ситуаций, в которых они применяются. Но существует огромное количество вариантов тех степеней, в которых это является верным. По мере того, как модель становится более обобщенной и «абстрактной», проблема «интерпретации» все более выступает на первый план. Другими словами, актор встречается с проблемами не только когда он живет в согласии с ожиданиями, связанными с его ролью, если предположить, что он знает, каковы эти ожидания, но и когда он стремится узнать, что именно от него ожидается. В таком обществе, как наше, существует интенсивная пролиферация (количественный рост и распространение) высоко обобщенных правил и, следовательно, сложностей в их интерпретации. Следует отметить, что одна из главных функций профессии юриста заключается в объяснении клиентам, в чем состоят их права и обязанности. То, что клиент должен знать их без консультации у специалиста, никоим образом не является само собой

разумеющимся в сложном обществе, в особенности таком, где некоторые аспекты системы нормативных моделей, охватываемые формальным правом, пребывают в состоянии постоянного изменения под влиянием нового законодательства и других процессов.

Психологическое значение этого элемента неопределенности ожиданий, которые проистекают из абстрактности норм, заключается в элементе неуверенности, который он привносит в систему ориентаций. Как правило, актор оказывается перед «неструктурированной» ситуацией, в которой он должен взять на себя ответственность независимого решения. Нам известно, что люди, принадлежащие к определенным типам личности, переносят этот фактор с большим трудом, в особенности мы можем предположить это по отношению к компульсивным конформистам. В случае растущей тревожности неопределенность ожиданий в этом смысле может быть фактором, усугубляющим порочный круг прогрессирующей мотивации девиантности. Это может также обеспечить лазейки для тех, чьи мотивационные модели граничат с нонконформизмом, где неопределенность ожиданий делает невозможным проведение жесткой линии между конформностью и девиацией, т. к. как это является делом «интерпретации». В частности, используя подобные лазейки и пойдя в каждый момент несколько дальше положенного, можно незаметно утерять «дух» нормы, даже если никто не способен недвусмысленно определить, где была нарушена «буква».

Следует отметить, что один важный аспект этой проблемы конкретизации ожиданий касается распределения активности между случайными возможностями. Одна из причин того, что эти возможности получают значимость, заключается в том, что любая социальная система имеет определенного типа «клапан безопасности», это стандарты для ситуаций и случаев, где присутствует элемент исключительной «сверхдозволенности» или допустимости поведения, которое в других условиях не было бы терпимо. Хорошим примером является в нашем обществе традиция праздника Хеллоуин с его дозволенностью несколько более агрессивных и деструктивных «выходок», чем это обычно допускается. Подобная сверхдозволенность в определенном смысле находится в противоречии с рядом наиболее глобальных культурных моделей общества, и это порождает неудобный вопрос о том, что же общество действительно «имеет в виду» под конформностью по отношению к общему правилу, которая ожидается. Дело в том, что если действительно существует специальная дозволенность в одних случаях, почему она не могла бы быть распространена на другие случаи? Обычно имеется отчетливый предел, перейдя который, поведение может стать серьезно угрожающим стабильности социальной системы. Но этот «предел» является в той или иной степени пограничной зоной, а не ясно прочерченной линией.

Важный случай неопределенности ожиданий касается ролей с градуированной шкалой возможных достижений или длительностей. В данном случае потенциально тревожащим является вопрос о том, «какое достижение считается достаточным». Естественно, не каждый способен к наивысшему достижению, даже если ясно определено, в чем оно заключается. Но имеется ожидание того, что каждый должен «сделать все возможное». Часто этот вопрос является до определенной степени открытым в том случае, если невозможность достигнуть более высокого по сравнению с достигнутым уровня вызвана факторами, контролирование которых не ожидается от актора, или если он «не приложил достаточно усилий».

По-видимому, ясно, что этот тип нормативных моделей ожидания резко подчеркивает то, что было названо проблемой «адекватности», а именно что адекватное поведение не определяется специально, а задается такими туманными формулами, как: «делай как можно лучше» или «используй максимум своих ресурсов и возможностей». Мы можем предположить, что в такой ситуации активный компульсивный конформист, компульсивный деятель должен будет стремиться к чрезмерной «амбициозности», т. е. пытаться сделать так много, чтобы было невозможно усомниться в том, что этого достаточно. С другой стороны, пассивный компульсивный конформист будет стараться сократить определение достаточного до таких пределов, с которыми при его тревожности он чувствует себя способным сообразоваться, возможно, придавая особенно большое значение мелочам за счет более значительных достижений. В свою очередь, откры-

то алиенативные типы могли бы найти в этой ситуации лазейки для оправдания себя путем ссылки на внутренний импульс к достижению целей, а также апеллируя к сомнительности правил либо же принимая установку на «зеленый виноград», доказывая, что у них совсем не было возможности. В последнем случае в алиенативных установках присутствует тень отказа от системы в целом.

Все написанное выше принимает во внимание лишь самые элементарные начала из всей сложности системы нормативных моделей, с которыми может столкнуться актор. Следующая ступень сложности возникает, когда дополнительно к проблеме интерпретации конкретных ожиданий встает проблема применимости альтернативных норм. Этот тип проблем особенно хорошо виден на примере развитой правовой системы, где одной из самых важных функций судов является определение того, каким из множества правил и прецедентов следует руководствоваться в данном случае. Эта возможность «конфликта правил» по природе присуща системе обобщенных норм и превращается в особенно остро стоящую проблему по мере увеличения ее обобщенности и сложности. Это происходит потому, что обобщенность подразумевает абстрактность, а абстрактность предполагает то, что одно правило не «покрывает» конкретный случай, а значит, этот случай должен неизбежно иметь разнообразные аспекты, которым соответствуют разнообразные обобщенные нормы. Но если более одной нормы может быть естественным образом применено к конкретному случаю, очевидно, что между нормами должен быть установлен некоторый порядок очередности.

Невозможность «съесть один и тот же пирог и иметь его», лежащая в основании обобщенного значения переменных модели в системе действия, здесь особенно хорошо отвечает ситуации. В любой хорошо интегрированной институциональной системе главное решение о предпочтении должно приниматься индивидуальным актором с помощью институциализации норм и, таким образом, находится вне его контроля. Так, хотя и партикуляристская лояльность родственным связям, и универсалистское обязательство поощрять техническую компетентность институциализированы в нашем обществе, занимающий ответственную должность в организации актор не свободен полностью оказывать предпочтение своим родственникам в ущерб людям, обладающим большей технической компетентностью. Но это основное положение о порядке очередности предпочтения нормативных моделей, существенно необходимое для социальной стабильности, не доводится до окончательного предела. Остаются области, порождающие сомнения, открытые для принятия решения индивидуальным актором, где его собственная структура потребностных диспозиций может сдвинуть равновесие между альтернативами. Это подчеркивание «неструктурированного» характера ситуации, опять-таки, ставит проблемы перед компульсивными конформистами и обеспечивает лазейки отклоняющимся акторам. Необходимо отметить, что мы здесь еще не говорим о случаях, где имеется конфликт между ясно определенными ожиданиями, но только о тех случаях, где недостает ясного определения того, в чем заключаются ожидания.

Только что описанные факты неопределенности, часто присутствующие в нормативном определении ожиданий, порождают определенные проблемы с применением санкций.

Основное различение, касающееся санкций, которое мы сделали, это различение между конкретными дискретными актами *другого*, влияющими на ситуацию, в которой действует *эго*, с одной стороны, и установками *другого* по отношению к *эго* и его действиям — с другой. Установки как санкции предполагают либо привязанность к *другому* как к объекту катексиса, либо интернализацию нормативных моделей, которые *другой* «проводит в жизнь», либо то и другое одновременно. Они составляют главную ось системы санкций ролевого комплекса и организуют его в систему. Благодаря им специальные санкционирующие акты приобретают дополнительно к «присущему» им значению еще и «смысл», выраженный в этих установках. С точки зрения стабилизации обоюдной системы взаимодействия действия *другого* либо «подтверждают» чувство *эго*, свидетельствующее о том, что его действия «правильны», и демонстрируют «правильную установку», либо служат предупреждением, что его действия «неправильны» и *другой* ожидает от *эго*, что оно «исправится».

Все это сформулировано в понятиях «нормы» полностью интегрированного и устойчивого комплекса. Но су-

ществует множество способов, которыми трещина в этой интегрированной структуре может создаваться за счет системы санкций. Они по существу интерпретируются в терминах тех элементов, которые дискуссионны. *Другой* подвержен того же рода напряжениям, девиантным потребностным диспозициям, неуверенности, недостаточной определенности ожиданий и т. п., как и *эго*. Следовательно, дополнительно к тому факту, что в понятиях нормативной системы как таковой *эго* имеет дело с неструктурированной ситуацией, существует вероятность того, что реакции *другого* на действия *эго* будут систематически отклоняться от нормы.

Во многих отношениях ясно, что при определенных условиях интерактивная система действует в направлении организации мотивационной системы акторов, с тем чтобы создать мотивацию конформности по отношению к ожиданиям общепринятой системы нормативных моделей, и санкции в таком «нормальном» случае действуют в направлении усиления этой мотивации. Но факторы, которые мы только что обсуждали, расширяют пространство вариабельности для *эго*, в пределах которого вопрос конформности или девиантности не может быть поставлен недвусмысленно. Вопрос заключается в том, могут ли реакции *другого* «вернуть» *эго* «назад» к модальной точке по отношению к структуре нормативной модели или же мотивируют его в направлении большего отклонения к крайним пределам этого пространства, с возможностью возникновения порочного круга, влекущего его к выходу «за пределы».

Из нашего обсуждения алиенации ясно, что элемент мотивации конформности всегда присутствует и имеет значение. Следовательно, вопрос заключается в том, действует ли система санкций в направлении усиления этого элемента амбивалентной структуры потребностных диспозиций или же ослабляет его, усиливая при этом алиенативный компонент. Проблема слишком сложна, и мы можем позволить себе лишь наметить здесь несколько исходных позиций.

Самое важное для настоящих целей — рассмотреть влияние неопределенных элементов в модели и санкциях на склонность к амбивалентности мотивации в интерактивном процессе, ведущей к кумулятивному углублению порочного круга интенсификации алиенативных компонентов. При каких условиях будет действовать этот порочный круг и при каких иных условиях могут действовать санкции, с тем чтобы в корне пресечь подобное? Во-первых, мы можем сказать, что элемент неструктурированности в системе ожиданий, происходящий либо из расплывчатости в определении самих нормативных моделей или их применения, либо из неуверенности в том, как *другой* отреагирует на действие *эго*, либо из сочетания того и другого, открывает возможность для зарождения порочного круга. Это происходит просто потому, что действие может гораздо дальше отклоняться от модальной нормы, если не вмешиваются противодействующие силы, чем это было бы в противоположном случае. Здесь мы сразу замечаем, что с точки зрения стабильности как таковой тип социальных моделей, которые максимально увеличивают детальную конкретность ролевых ожиданий, имеет определенные преимущества.

Мы можем утверждать, что если мотивационная модель *другого* полностью интегрирована с нормой и обладает достаточной «упругостью» для того, чтобы не утрачивать равновесия под давлением зарождающейся девиации со стороны *эго*, применяемые им санкции будут стремиться восстановить равновесие действий *эго* по отношению к норме. Существует, разумеется, множество вариаций возможности включения конкретных элементов, но, вообще говоря, мы можем утверждать, во-первых, что, с одной стороны, *другой* будет стремиться действовать таким образом, чтобы повлиять на ситуацию, в которой находится *эго*, в благоприятном направлении, т. е., реально говоря, вернуть *эго* к конформности, и, во-вторых, установки *другого* будут такими, чтобы без амбивалентности продемонстрировать его неодобрение по поводу направления, которое приобретают действия *эго*. В то же время эти действия со стороны *другого* могут оказаться механизмом, уменьшающим напряженность в его отношениях с *эго*, это может быть «поднятие на смех» компульсивного преувеличения спорных вопросов со стороны *эго*, или настаивания его на своих «правах» в конкретной ситуации, или же его компульсивной сознательности, проявляющейся в настаивании на буквальном исполнении им его обязательств. Разумеется, могут быть включены разнообразные комбинации элементов этих трех типов санкций.

С другой стороны, если собственная мотивационная структура *другого* является амбивалентной в каком-либо отношении, релевантном проблеме конформности, *другой* и *эго* могут начать «последовательно работать друг на друга», создавая, таким образом, порочный круг. По-видимому, это может происходить благодаря двум основным процессам, имеющим множество вариаций в том, что касается деталей. Прежде всего, они могут попытаться стать «соучастниками по преступлению». Алиенативные потребностные диспозиции *эго* и *другого* могут усиливать друг друга таким образом, что вместо того, чтобы применять негативные санкции к девиантным тенденциям *эго* и уводить *эго* от алиенации, *другой* стремится действовать так, что это поощряет *эго*. Это может стать достаточным толчком для уже зарождающейся тенденции отменить действие негативных санкций, исходящих от других сторон, и создать эмоционально насыщенный интерес к девиантным моделям на основании алиенативных потребностных диспозиций.

Процесс другого типа действует посредством интенсификации конфликта. Амбивалентная структура *другого* может быть такова, что он будет компульсивно стремиться наложить чрезмерно сильные негативные санкции на *эго*, как бы защищаясь от своих собственных подавленных девиантных потребностных диспозиций, и будет отвергать все возможности разрядки напряжения. Если в *эго* уже установилась алиенативная потребностная диспозиция, это преувеличенное наказание за проявление его алиенативных потребностей может усилить конфликт и стимулировать алиенативную потребность. Можно предположить, что обычно это заставляет *эго* еще сильнее чувствовать, что *другой* сам амбивалентен и в некотором роде «тайно» одобряет его девиантные тенденции, желая их вознаградить. Действие этого процесса, интенсифицирующего конфликт, блокирует для *эго* «обратный путь» и делает наиболее трудным разрешение конфликта в конформном направлении. В свете описанной выше дискуссии ясно, что компульсивные конформные типы личности, подобные упомянутому *другому*, вероятно, оказывают подобное влияние на *эго*.

Конечно, имеется много других возможных сложностей в процессе возникновения порочного круга. Личность, пребывающая в конфликте, будет опробовать разнообразные «эскапистские» маневры, одним из них может быть в свете того напряжения, с которым она сталкивается в своих взаимоотношениях с *другим*, обращение к иным *другим*. Следовательно, как мы отметили, часто бывает возможно удовлетворить обе стороны амбивалентной структуры потребностной диспозиции в ограниченных пределах путем катексиса разных объектов для удовлетворения каждой из сторон. Определяя границы, мы отобрали для анализа результаты, которые в значительной степени зависят от структуры ситуации и от системы санкций, выходящей за пределы частных взаимоотношений *эго и другого*. Напряженные взаимоотношения с одним из *других* часто могут быть уравновешены «хорошими» отношениями в другом направлении. В настоящий момент, однако, нет возможности касаться всех этих сложностей. Все, что мы можем сделать, это отметить, что результат будет зависеть от места *эго* во всей соответствующей интерактивной системе в целом, а не только от его частных отношений с определенным *другим*. Кроме того, интеракция, о которой идет речь, является процессом, развернутым во времени, и многое зависит от последовательности различных фаз в этом временно́м процессе, в особенности от срока появления различных санкций с различных сторон в адрес *эго*. Таким образом, одно следствие скрытности отменяет или уничтожает некоторые в других отношениях действительные санкции.

В любом случае, какой бы из главных путей к девиации ни был избран, основным феноменом с мотивационной точки зрения является эмоциональная «включенность» актора в свою девиацию. Во внутреннем аспекте это то, что в отдельных видах неврозов психиатры часто называют «вторичным выигрышем», который нельзя преодолеть без посторонней помощи, поскольку это приведет к серьезным нарушениям во внутреннем «балансе» личности. С внешней стороны, лицом к лицу с *другим*, если девиантная модель сохранится, то вторичному выигрышу будет противостоять ожидание фрустрации со стороны значимых *других*. Это ожидание может быть совершенно нереалистичным. Действительно, в остром конфликте элемент искажения реальности является неизбежным. Но это еще не все, поскольку тревога, возникающая в результате таких ожиданий, достаточно реальна. Например, компульсивно независимая лич-

ность опасается привязываться к кому-либо, ожидая, что *другой* так или иначе может «подвести». Компульсивный нонконформист точно так же опасается жить согласно институциональным ожиданиям из страха, что в действительности он будет скорее наказан, чем вознагражден, перед ним в определенном смысле всегда стоит вопрос: «Что это мне даст?»

По-видимому, за этим ожиданием депривации часто стоит некоторый прототип предшествовавшего опыта депривации. Когда-то *эго* действительно пережило предательство со стороны объекта привязанности — вне зависимости от того, было ли это чувство оправданным или нет реально. Следовательно, как подчеркивает и психоаналитическая теория, по-видимому, это первоначальное основание коренится в детском переживании, создающем ранний прототип опыта депривации (и конечно, также удовлетворения), вокруг которого сосредоточивается тревожность (и надежда). До тех пор пока эта тревожность по поводу повторения страха депривации каким-то образом существует, для *эго* мотивационно невозможно преодолеть свою девиантную потребностную диспозицию, потому что альтернативой для него является ожидание актуализации пугающей его вероятности.

Как мы увидим позднее, эта проблема вторичного выигрыша от девиации является центром социального контроля. В понятиях структуры этот механизм есть не что иное, как система санкций и может действовать одним из двух основных способов. Первый заключается в том, чтобы «в корне пресечь» зарождающиеся тенденции девиации, так чтобы предотвратить возникновение порочного круга. Второй состоит в том, чтобы «разорвать» порочный круг, уменьшив включенность *эго* в его алиенативные потребностные диспозиции. С точки зрения механизмов социальной системы ясно, что структура ролей *другого* по отношению к *эго* является основой для обоих типов механизмов социального контроля. В конце концов, механизм социального контроля начинает действовать только тогда, когда у *эго* «возникают проблемы» в том смысле, что он не надеется самостоятельно, «силой воли» преодолеть девиантные тенденции (5). Воздействие на *эго* его взаимоотношений с окружающими и составляет центр всей проблемы. Но, анализируя это, мы должны всегда иметь в виду, что различение *эго и другого* — это всего лишь различение точек отсчета. Каждый *другой*, способный быть «носителем социального контроля» по отношению к *эго*, выступает в то же время в роли *эго*, у которого также могут быть свои собственные проблемы, связанные с девиантными тенденциями. Полный анализ проблемы может быть достигнут лишь на уровне рассмотрения интерактивной системы как системы, а не на уровне одной изолированной личности. В этом заключается фундаментальное различие между социологической и «клинической» точками зрения (6).

При этом не следует пренебрегать «фактором реальности» в ситуации. На самом наивном уровне действительная девиация, в отличие от мотивации к девиации, зависит от того, есть ли реальная возможность «выйти сухим из воды» или же за это придется «платить». Разумеется, возможно, как часто и случается, при явной компульсивности и жесткости санкций, преградить путь осуществлению девиантной мотивации и различными путями ограничить ее последствия. В последнем случае сила воздействия — неизбежное средство предотвращения человеческих действий. Эти аспекты проблемы не следует преуменьшать, и мы обратимся к ним позднее. Но они не являются центром проблемы с точки зрения основной динамики социальной системы. Центр следует искать в равновесии сил, включенных в поддержку возникновения девиантной мотивации и в противодействие ей, т. е. в компоненте отчуждения в системе потребностных диспозиций. Это следует из всей концепции социальной системы, представленной далее в этой работе. Если здесь требуется какое-либо эмпирическое подтверждение этого положения, то можно упомянуть об огромном и трагическом желании компульсивно мотивированных людей «наказывать самих себя» в смысле навлечения на себя санкций и лишений, которых при их «чувствительности» следовало бы избегать.

Имеется еще один дополнительный вопрос, связанный с системой санкций, о котором надо упомянуть, прежде чем обратиться к содержанию вопроса о ролевом конфликте как таковом. Речь идет о том, что незамедлительность и уверенность санкций имеет то же значение, что и степень определенности ожиданий. Неуверенность в том, как *другой* будет реагировать, является фактором «неструктурированности» ситуации, прямо сравнимой и часто сопровождаю-

щей неуверенность в том, какие требования предъявляет нормативная модель как таковая. Неопределенность нормативной модели будет способствовать взаимной неуверенности относительно санкций с обеих сторон в процессе взаимодействия. Это одна из главных причин того, почему эта неопределенность имеет столь большое значение.

Имеется, однако, еще один существенный фактор неопределенности санкций, а именно, адекватность или неадекватность коммуникации. Т. е. реакции *другого* зависят от того, насколько он уверен, что должен именно так реагировать. В предельном случае данной ситуации санкции полностью перестанут действовать, если *другой* не осознает того, что делает *эго*. Здесь обнаруживает свое значение такой феномен, как анонимность урбанистического общества. Но, помимо таких крайностей, понимание *другим* действий *эго* может быть частичным и искаженным или тем и другим одновременно либо по причине его собственной мотивации к искажению, либо из-за других препятствий для полноценной коммуникации. Этот факт, очевидно, способствует возможности возникновения порочных кругов, поскольку они наберут силу, прежде чем осознание *другим* ситуации позволит вступить в дело его «нормальной» модели реагирования. Но, возможно, будет уже упущено время для того, чтобы это произвело то же действие, какое оно могло бы оказать на стадии зарождения девиантной тенденции. Здесь особенно важна проблема уровней, на которых действуют познавательные процессы. Иногда *другой* может «почувствовать» особенности ориентации *эго*, которые, однако, он не может «проявить» в ясных и понятных выражениях. Вопрос о том, до какой степени это понимание является адекватным, остается сложным и открытым.

Отдаленность санкций, противоположная незамедлительности, может быть также двух типов: во-первых, непосредственно во времени и в системе отношений. Теория обучения, по-видимому, установила, что время, спустя которое наступает вознаграждение или лишение, является очень важной характеристикой процесса обучения. Если последствия в виде одобрительной реакции *другого* слишком задерживаются, как, например, бывает по причине затруднений коммуникации, результат может сильно отличаться, в особенности в том, что касается ослабления действия контроля, по сравнению с тем, который наступил бы, если бы реакция пришла раньше. Происходит это, очевидно, потому, что силы, благоприятствующие девиантным моделям, могут приобретать тем большее влияние, чем дольше они действуют, не встречая сопротивления.

Понятие «близости» социальных взаимоотношений не так очевидно. Несомненно, по-видимому, что *другие* различаются по степени их значимости для *эго*, а значит, сила санкций зависит от их возможностей в этом, равно как и в других отношениях. Среди многих значительных проблем в этой области будет упомянута лишь одна, имеющая специальное социологическое значение. «Формальная организация» означает размещение как дефиниций ожиданий, так и функций подкрепления в пространстве дифференцированных ролей. Носители этих ролей могут, естественно, находиться в тесных «первичных» взаимоотношениях лишь с весьма ограниченным меньшинством тех, для кого их решения и действия являются важными определениями ситуаций и санкциями. Они должны в общем и целом приниматься в силу экстенсивной генерализации авторитета обобщенных нормативных моделей как таковых и принятия дефиниций статусов независимо от личности носителя. Эти *другие*, авторитетные личности, которых *эго* «лично не знает», играют центральную роль в системе санкций любой сложной социальной системы, и проблемы мотивационных механизмов, обеспечивающих принятие их «авторитета», имеют центральное значение для многих проблем социального контроля. Возможно, что к хорошо известному феномену несходства формальных и неформальных организаций можно успешно подходить, используя понятия мотивационных затруднений, связанных с социальным контролем «на расстоянии». Мы склонны считать, что конфликт между формальными санкциями и формальной организацией и неформальным участием должен рассматриваться как специальный случай ролевого конфликта.

Ролевой конфликт и происхождение отклоняющегося поведения

К результатам действия фактора, способствующего девиантным мотивациям и поведению, которые мы до сих пор рассматривали, часто может добавляться фактор ролевого

конфликта. Это означает, что размещение актора между наборами различных легитимизированных ролевых ожиданий, конфликтующих между собой, делает совершенно невозможным полное соответствие им обоим. Возникает необходимость компромисса, т. е. необходимость пожертвовать по крайней мере некоторыми из ряда ожиданий как с одной, так и с другой стороны или же выбрать одну из альтернатив и пожертвовать другой. В любом случае актор подвергается негативным санкциям и, поскольку оба набора ценностей являются интернализированными, также и внутреннему конфликту. Существует, конечно, некоторая возможность преодолеть конфликт посредством переопределения ситуации, равно как и возможность избегания его путем, например, сокрытия и сегрегации действий.

Ролевой конфликт в этом смысле расширяется за счет элементов неуверенности и недостаточной интегрированности, которые уже обсуждались. Это особенно верно при конфликте правил и обнаружения поведения *других*, которые, хотя и не являются эксплицитно девиантными, склонны к «выходу за пределы» в своих реакциях по отношению к *эго*. Начало ролевого конфликта может заключаться в сложности соответствовать как ожиданиям *другого*, который интерпретирует нормы в направлении «перфекционистски» компульсивной конформности, так и к ожиданиям *другого*, также находящегося в близких отношениях с *эго*, который склонен к активному возмущению против этих нормативных моделей, при том что каждый из них ожидает со стороны *эго* активной взаимности.

Существует определенная возможность ролевого конфликта, связанная с тем фактом, что любой актор имеет множество ролей, подразумевающих различные модели взаимодействия с *другими*, чьи интересы и ориентации тем или другим способом задевают *эго*. Эти различия, для того чтобы привести их к норме, должны быть упорядочены и распределены согласно требованиям тех ролевых ожиданий, субъектом которых является актор. Это упорядочивание может происходить согласно приоритетам или в случайном порядке, в соответствии со временем и местом, или распределением *других*. Итак, существует большое разнообразие деятельностей, предполагающих соответствующих партнеров, которые не могут соответствовать другим партнерам в данное время и в данном месте. Порядок локализации любой наличной системы ролей актора пребывает часто в состоянии хрупкого равновесия. Любое серьезное искажение одной ее части может отразиться на других и вызвать необходимость целой серии приспособительных действий.

В настоящем контексте особенно важно отметить, что компонент девиантной мотивации, относящийся к одному набору ролевых ожиданий, будет иметь тенденцию нарушать это хрупкое равновесие. Так компульсивная потребность выделиться в лучшую сторону в профессиональной роли может заставить актора посягать на время, предназначенное для исполнения ролей в системе родства, что заставит его почувствовать, что он подвергается конфликту ожиданий, проявляемых его женой и его начальством. Это может подчеркнуть элементы напряженности в его семейной жизни и повлечь за собой возможность углубления порочного круга.

Однако не только действия *эго* могут быть источником конфликта. Он может быть навязан актору из-за плохой интеграции самой социальной системы. Не всякая недостаточная социальная интеграция относится к этой категории, возможны, например, конфликты между группами с неперекрывающимся членством. Но даже здесь в том, что касается модели, может возникнуть ролевой конфликт из-за того, что лишь часть ролевой модели, определяющей участие в каждой группе, оправдывает ожидания противоположной группы. Это, например, может быть в случае взаимоотношений белых и черных на Юге (и в менее обостренной форме на всей территории Соединенных Штатов). Это может быть ролевой конфликт, в котором белый человек в своей роли американского гражданина обладает интернализированными универсалистскими ценностями общества в целом, «американским кредо», и в то же время как житель Юга разделяет модель «превосходства белых». Конфликт может быть, однако, смягчен тем, что относительно редко ему приходится действовать в ролях, где значимые *другие* имеют по отношению к нему конфликтные ожидания, и, таким образом, у него нет необходимости прямого выбора. Он поступает согласно универсалистским ценностям в определенных ситуациях, например, с белыми коллегами в профессиональной сфере, и согласно партикуляристским

ценностям в ситуации столкновения черных и белых. Такая сегрегация необходима для того, чтобы свести к минимуму напряжение. Эту ситуацию можно рассматривать как главное основание раздражения Юга против «северного вмешательства» в расовую проблему. Оно влечет за собой активный конфликт ожиданий значимых *других*, чьи различия трудно не принять во внимание. Это способствует принятию решения, которого благодаря сегрегации контекстов можно было бы попытаться избежать.

Значение ролевого конфликта как фактора происхождения алиенативной мотивации должно быть ясным из всего сказанного выше. Подверженность ролевому конфликту является очевидным источником напряженности и фрустрации, создавая, таким образом, ситуацию, не совместимую с гармоничной интеграцией личности и интерактивной системы. Это могут быть внешние фрустрации, внутренние конфликты или то и другое, в острых случаях обычно и то и другое. Действительно, на интерактивном уровне, если не на полностью развитом уровне социальных ролей, подверженность конфликтным ожиданиям определенного рода может считаться общей ситуацией, лежащей в основе развития амбивалентных мотивационных структур с их проявлением в форме неврозов, отклоняющегося поведения и пр.

Когда, тем не менее, элемент конфликта присутствует на уровне институциализированных ролевых ожиданий вводится добавочный элемент, который может иметь большое значение. Тот факт, что обе стороны конфликтующих ожиданий являются институциализированными, значит, что существует основание для *легитимных* требований со стороны обеих моделей. В отличие от алиенативной потребностной диспозиции, которая открыто осуждается моральным чувством, общим для *эго и другого*, и влечет за собой чувство стыда и вины, здесь имеется возможность оправдания как алиенативной, так и изначальной конформной мотивации.

На одном уровне это является фактором усиления внутреннего конфликта и, таким образом, вызывает усиленное давление механизмов защиты и приспособления. Примером может служить «чувствительность» жителей Юга по отношению к внешнему вмешательству. Но обратной стороной интенсификации конфликта является то, что в определенном смысле защита против открытой девиации существенно слабеет, если алиенативная потребностная диспозиция (с точки зрения одной из имеющихся моделей, с которой связаны ожидания) приобретает легитимные основания. Здесь ослабляется как внутренняя санкция, так и санкция со стороны значимых *других*. С другой стороны, ролевой конфликт может оказаться очень важным источником мотивации, ведущим к социальному изменению благодаря определенной недетерминированности мотивационного базиса установленного порядка, включающего в себя возможность мотивационно признаваемых альтернатив. Но, с другой стороны, эта возможность так опасна для стабильности данной институциональной системы, что можно считать одной из главных функций механизма социального контроля противостоять закреплению требования легитимизации проявлений потребностной диспозиции, которая алиенативна относительно главных институциализированных моделей социальной системы. Конечно, установление подобной «функциональной потребности» социальной системы никоим образом не объясняет связанных с этим актуальных структур и процессов. Но это должно обратить наше внимание на определенные моменты мотивационного равновесия социальной системы, так чтобы в поле зрения оказались некоторые проблемы детерминации процессов, которые иначе могут ускользнуть от внимания.

Социальная структура девиантных тенденций поведения

Теперь мы можем обратиться к рассмотрению главных путей, посредством которых указанные нами раньше факторы девиантного поведения стремятся «структурироваться» в определенного типа конкретные формы стандартов в социальной системе. Т. к. как девиация всегда связана с наличной институциализированной системой ценностной модели, отправную точку этого анализа нужно искать в классификации основных направлений девиантных ориентаций, развитой в начале этой главы.

Следует предположить, что случаи конформного доминирования, где компульсивность конформности и сопровождающее ее искажение ориентаций обнаруживают присутствие алиенативных мотивационных компонентов, опре-

деленно должны рассматриваться как девиация. Открыто алиенативные и компульсивно конформные тенденции, очевидно, являются наиболее характерной частью одной и той же динамической системы и должны рассматриваться вместе.

Далее мы, конечно, различаем девиантные ориентации, соответствующие активно-пассивному определению, а также в соответствии с нашими дальнейшими целями и в соответствии с тем, что является главным их фокусом: *другой* как социальный объект или ценностная модель сама по себе.

Прежде всего мы обсудим случай чистой индивидуальной девиации, т. е. девиации *эго*, не разделяемой *другим*. Затем мы перейдем к рассмотрению случая, когда двое или более акторов разделяют девиантную модель, образуя, таким образом, субколлектив, направленный против тех, кто остается интегрированным в институционализированную систему. Мы рассмотрим также связанные с этим компульсивно-конформные типы. Наконец, мы коснемся фактора неопределенности, конфликтов и различий на уровне институциализации ценностной системы и обслуживающей ее идеологии, дающих основание для притязаний на легитимность девиантного субколлективного образования.

Прежде всего предположим, что открыто алиенативно ориентированное *эго* является изолированным в силу того, что значимые *другие* в его ситуации все ориентированы на конформность по отношению к институциализированным ожиданиям. Нет ни компании, подходящей для создания ядра девиантной субгруппы, ни альтернативной институциализированной модели, благоприятной для легитимизации.

Даже в этом сильно упрощенном приближении мы можем узнать корни некоторых эмпирических типов девиантных моделей в обществе, подобном нашему. В самом общем смысле мы можем сказать, что активно отчужденная личность является предрасположенной к индивидуализированному преступлению. В силу своей активной ориентации она имеет склонность пренебрегать санкциями, предполагая, что *другие* «что-нибудь с этим сделают». Это, разумеется, оставляет открытым вопрос о том, против каких специальных норм она ориентирована и какие другие мотивационные осложнения могут принимать в этом участие. Также должно быть ясно, что подобная личность не обязательно должна быть девиантной во всех отношениях. В частности, ее активная ориентация может быть частью институциализированной культуры, она может быть очень достижительной, будучи компульсивной, либо стремящейся к достижению целей, определенных как нелегитимные, либо достигающей целей путем, который противоречит институциализированным нормативным моделям.

С другой стороны, пассивно ориентированный антиконформист может быть предрасположен к таким моделям, как «бродяжничество», т. е. к максимальному уклонению от причастности к системе позитивных ожиданий общества. Мы можем предположить, что бродяга прежде всего сосредоточен на защите своей свободы и готов заплатить за это цену, которая другим могла бы показаться непомерной. Прежде всего он хочет, чтобы его оставили одного жить своей собственной жизнью так, как ему нравится, без каких-либо обязательств по отношению к кому бы то ни было. Личность, имеющая экономические ресурсы для подобной свободы, не принося в жертву обычных жизненных стандартов, может быть психологически убедительным примером такого случая, это может быть одним из факторов «богемности». Возможно, что законно было бы рассматривать шизофреника в качестве крайнего случая этого направления, поскольку он проявил крайнее стремление оказаться вне обычных интерактивных отношений вплоть до полного виртуального ухода в свой собственный внутренний мир.

В обоих случаях мы абстрагировались от усложняющих комбинаций с другими ориентационными факторами. Болезнь в нашем обществе, безусловно, является в высокой степени мотивированной и поэтому может законно рассматриваться как тип девиантного поведения. Несомненно, что болезнь принадлежит преимущественно к пассивно-алиенативной категории. Но, по-видимому, имеются по крайней мере еще две черты в роли больного. Первой является элемент зависимости, который в понятиях нашего анализа означает элемент конформной мотивационной ориентации. Болезнь преимущественно является уходом в зависимые взаимоотношения и требованием «заботы». Беспомощность используется как основание для легитимизации этих претензий. Т. к., в отличие от бродяжничества, болезнь предполагает утверждение права на заботу *других*, то она обеспечивает базу «влияния» для социального контроля, не

столь легко доступную без лежащей в ее основании конформной мотивационной структуры. Больной человек подчеркнуто не «сжигает мостов» по отношению к институциализированной системе. Более того, сочетание потребностной диспозиции, связанной с зависимостью, и алиенативного элемента в общей пассивной ориентации психологически легко понять. Действительно, трудно осмыслить, как один человек мог бы существовать по крайней мере без частичного участия *другого*.

Активно ориентированная личность также сочетает наличие элемента сильной агрессии и алиенации с конформным аспектом потребностно-диспозитивной структуры. Однако в социальной ситуации реализация активно девиантного компонента, очевидно, доводит до максимума давление системы санкций, поскольку фактически бунт делает невозможным для других попытки пресечь его девиацию другим способом. Для него недоступна роль, подобная роли больного, где сочетаются пассивное уклонение от обязательств и открытая зависимость от других. Но мотивационный эквивалент сочетания алиенативных и конформных элементов, подобный сочетанию их в болезни, возможен, только если бунтарь «может найти общий язык» с другими. Эта возможность сейчас и будет рассмотрена.

Индивид, имеющий сильные компульсивно конформные потребностные диспозиции, представляет собой тип, который труднее определить в обычных понятиях как явно девиантный. Мы видели, однако, что он определенно отклоняется в своем поведении от институциализированных ожиданий. Активно ориентированный подтип, по-видимому, имеет, как мы видели, в нашем обществе как минимум два основных варианта, или точки опоры. Первый тип — это компульсивный достижитель, который предъявляет к себе и к другим чрезмерные требования и который может также обнаруживать свои алиенативные мотивы в чрезмерной соревновательности и неспособности переносить обычные проблемы, связанные с безопасностью и адекватностью. Второй точкой является давление его воли и нормативных моделей на других. Это человек, который превратил в работу надзирание за тем, чтобы другие в исключительной степени следовали институциональным ожиданиям. С другой стороны, пассивный тип лучше всего представлен перфекционистом или ритуалистом в том смысле, который придает этим понятиям Мертон. Он избегает нормального исполнения ожиданий, превращая каждое извинение в словоизвержение, не дающее другим вставить ни слова.

Следующим фактором, который нужно рассмотреть, является то, что *эго* может «подыгрывать» одному или нескольким *другим*. В активном, открыто алиенативном случае примером является прежде всего принадлежность к криминальной или делинквентной банде. Подобная банда имеет два очевидных преимущества перед ситуацией индивидуального преступника, который действует «на свой страх и риск», совершая преступления. Во-первых, организация является гораздо более эффективным способом противостоять открытым санкциям, которые, конечно же, вызывает в сильной мере эта модель девиантного поведения. Во-вторых, очевидно, что *эго* и *другой* благодаря своему партнерству в преступлении взаимно усиливают свои алиенативные потребностные предиспозиции. Это значительно ослабляет установленные санкции нормальной институциализированной структуры, т. к. в этом случае каждый имеет *другого*, к которому он может обратиться за одобрением своего действия, чтобы пренебречь неодобрением остальной части общества.

Более того, это важно еще и потому, что девиантная личность должна осуществлять одновременно и конформные, и алиенативные компоненты своей мотивационной структуры. В процессе этого девиантная личность должна, разумеется, подставлять на место модели девиантной субкультуры модель основной социальной системы. Но, поступая так, девиантная личность может оставаться компульсивно конформной по отношению к девиантной подгруппе и в то же время компульсивно алиенативной по отношению к основной институциональной структуре.

Самым значительным моментом здесь является существование для *эго* девиантного коллектива, дающего возможность быть открыто алиенативным по отношению к соответствующим частям институциализированной системы, оставаясь в то же время конформным по отношению к ожиданиям членов банды. Здесь следует иметь в виду компульсивное качество потребности в конформности. Этот факт может иметь важное значение для различных сторон по-

добной делинквентной субкультурной группы, таких как крайняя степень лояльности по отношению к группе, и насилия, направленного против осуждающих «советчиков». Потребность *эго* в том, чтобы чувствовать себя членом группы, с которой он искренне солидарен и на которую он может рассчитывать, компульсивно усиливается.

Еще по одной причине это может стать особенно острым фокусом напряжения. Из нашего предшествующего анализа должно следовать, что если алиенативная потребностная диспозиция сочетается с сильной активной ориентацией, конформный компонент должен, в зависимости от личности, стремиться сориентироваться в направлении доминантности и принудительного следования нормам. Но очевидно, что слишком далеко простирающаяся доминантность несовместима с функциональными потребностями солидарной группы. Тот факт, что подобная группа, пребывая в опасности по отношению к остальной части общества, должна укреплять строгую дисциплину, означает, что этого особенно легко достигнуть благодаря внутреннему напряжению, потому что большая часть членов в большинстве таких групп набирается из людей, имеющих потребность в доминировании, которую в условиях группы многие из них не могут проявить. Создается впечатление, что открытая борьба за власть особенно легко вспыхивает в подобных группах и что они больше обычного предрасположены к тому, чтобы быть субъектом «расщепления». Если это верно, то это может относиться именно к такой ситуации.

По-видимому, есть два основных направления, в которых подобное напряжение может быть смягчено. Одно заключается в том, чтобы «сублимировать» потребность в активном конформизме посредством доминирования над другими личностями в группе, превосходя их в тех достижениях, которые с точки зрения групповых норм считаются особенно ценными. Это приводит к мотивации поведения, связанного с исключительным риском: в таких группах подобные достижения являются, конечно, возможной почвой для утверждения притязаний на лидерство, т. е. на доминантную роль в группе. Другое направление заключается в том, чтобы набирать в группу таких личностей, которые служат для исполнения дополнительных ролей по отношению к более доминантным членам группы. Этот феномен, по-видимому, наиболее обычен — присутствие в подобных группах довольно пассивно настроенных и вообще покорных типов, которые склонны подчиняться доминантным. В определенных сферах общества такие роли могут быть альтернативой роли больных.

С определенной точки зрения эти роли пассивного, изолированного уклонения и отказа и роли активно «криминальной» деструктивности и мятежности могут рассматриваться как полярные антитезы в структуре отклоняющегося поведения. Когда конформный компонент амбивалентной мотивационной структуры получает возможность проявления вместе с алиенативным, прежняя модель стремится превратиться в модель болезни, которая проявляется в криминальной или делинквентной группе или субкультуре. Здесь, однако, речь идет о чисто идеальных типах без учета многих осложняющих факторов. Таким образом, в то же время существует возможность для пассивно предрасположенных личностей образовать субкультурную группу, которая вместо активной защиты институциализированных моделей и их персональных носителей начинает настоятельно требовать, чтобы ее «оставили в покое» и дали возможность реализовать их модели «их собственным способом». По-видимому, так происходит с разнообразными экзотическими религиозными сектами. Такие роли также могут быть альтернативой роли больных. Они также обычно включают тут и там элементы активной девиации, но, очевидно, как вторичный феномен. Это верно, например, для Свидетелей Иеговы. Это понятно в свете всеобщей вездесущности амбивалентности в мотивации девиации.

Попытка войти в возможные сложности этого порядка увела бы нас слишком далеко от общих целей настоящего анализа. Мы уже ввели два основных компонента структуры актуального девиантного поведения: во-первых, это базовая природа алиенативной структуры потребностей — диспозиций, во-вторых, желательность в социальной ситуации ролей, которые могли бы осуществить подключение к комплементарным потребностным диспозициям других, в особенности таким образом, чтобы облегчать девиантную «возможность сидеть сразу на двух стульях», т. е. стремление реализовать одновременно и в определенных границах

обе стороны амбивалентной структуры мотивации. Это особенно заметная особенность девиантной модели как болезни, так и банды правонарушителей. Бродяжничество и индивидуальная преступность являются, возможно, менее важными практически ввиду того, что они не допускают в такой степени подобных комбинаций.

Эти две модели подлежат дальнейшей дифференциации с точки зрения того, является ли первоначальная алиенативная ориентация направленной против нормативных моделей как таковых или же против социальных объектов, т. е. против личностей. По отношению к индивидуальному преступлению очевидное различие существует между преступлением против личностей и преступлением против «законна и порядка» или объектов, символизирующих нормативные правила. Фокус введенной нами дифференциации легко может быть распространен на делинквентную субкультуру. Один тип банды (включая коллективные образования, подобные соперничающим группам) может больше заботиться о наказании людей, которые навлекли на себя гнев их членов. Преобладание преступлений против собственности в модели городской делинквентности в этой связи наводит на размышления. Другой тип может быть больше ориентирован на кражи. Вероятно, многие случаи являются смешанными, но вопрос об относительном преобладании той или другой ориентации, тем не менее, является значительным.

Это различие может оказаться значительным и по отношению к пассивно ориентированным типам. Бродяжничество в нашем обществе и такие его варианты, как богемность, ориентированы, по-видимому, прежде всего на пассивное уклонение от обязательств жить согласно «правилам». С другой стороны, возможно, что шизоидное направление умственной патологии в большей степени сфокусировано на уклонении от привязанности к отдельным лицам (7). Когда мы обращаемся к рассмотрению личностей, в которых сочетаются проявления алиенативных и конформных компонентов одновременно, различение это снова оказывается значительным. Болезнь, по-видимому, включает ориентацию на зависимость от кого-то, по понятным причинам «напоминающего мать», или от врачей, «напоминающих отца». Конформный компонент, с другой стороны, может быть выражен в связи с адекватным контекстом в понятиях пассивного, ритуального конформизма, связанного с ожиданиями, отвечающими модели поведения «хорошего пациента».

Это, очевидно, сложная область. Имеется множество возможных более сложных комбинаций рассмотренных здесь элементов мотивации. Они могут использоваться для создания гипотез, которые в значительной степени нуждаются в эмпирической проверке.

Компульсивный конформист не имеет дела с такими проблемами, связанными с открытым разрывом с институциализированной системой ценностей, как это бывает в алиенативном случае, поэтому, по определению, противостоит равновесия мотивационных сил. Тем не менее подобные компульсивные конформисты, возможно, будут взаимодействовать между собой таким образом, что отвечающая основной институциализированной ценностной модели система ожиданий — санкций исказится настолько, что возникнет типичная модель девиации, которая будет подкрепляться так же, как в девиантной субкультуре, но без открытого разрыва путем образования новой коллективной общности.

Здесь существуют, по-видимому, определенные черты динамики групповых предрассудков. По отношению к членам внешних групп наши главные ценностные модели призывают к установлению в известных пределах универсалистской оценки и отношения, а также к терпимости к их собственным потребностям и достижительным целям. С тех пор как евреи приняты как законные члены общества, основная ценностная модель предписывает для неевреев такой тип установки по отношению к евреям. То, что мы называем антисемитизмом, является девиацией относительно конформности к этим сторонам институциализированной системы ценностей, в частности в партикуляристическом направлении.

Предположение, что евреи выступают в роли «козла отпущения», на котором вымещается агрессия, стало в науке почти общим местом. Но с точки зрения группы неевреев, это поведение является девиантным, т. к. евреи в силу основной ценностной модели имеют право на то же самое универсалистски толерантное поведение по отношению к ним, как и сограждане неевреи. Таким образом, существует сильное давление в направлении «рационализации» специального обращения с евреями посредством утверждений,

что «это не вполне справедливо» и не может быть признано честным и правильным. Дискриминация по отношению к ним фиксируется, таким образом, универсалистской системой ценностей. До тех пор пока этот способ легитимизации принимается и взаимно подкрепляется внутри группы неевреев или в субколлективном образовании внутри этой группы, мы можем иметь подкрепляемую модель девиантного поведения без наличия какого-либо индивида, несущего обычную ответственность за девиацию в форме разрыва с институциализированной ролью и рискующего навлечь на себя негативные санкции.

Компульсивный конформист в этой ситуации должен осуществлять то же самое расщепление компонентов своей амбивалентой мотивации, что и член делинквентной банды. Последний переносит свои конформные потребности на девиантную подгруппу. Случай антисемитизма является противоположным: перенесение алиенативных потребностей за пределы группы, на «козла отпущения», находящегося вне группы.

Аналогичного типа процессы участвуют, по-видимому, в том, что иногда называют бюрократическим «окостенением». Согласно мертоновскому описанию бюрократической личности, она должна, по нашей терминологии, отличаться преобладанием черт пассивного компульсивного конформизма. Если требования ситуации к исполнению роли в определенного типа организациях и (или) процесс селективного отбора персонала на подобные роли последовательно поощряют уклонение от основных ценностей достижения в направлении «безопасной игры» или стремления «не высовываться», может существовать кумулятивный процесс, благодаря которому «бюрократическая субкультура» становится фактически девиантной, открыто не порывая с основными институциональными ценностями. По-видимому, процесс кумулятивного расщепления предоставляет значительную возможность для социальных изменений, поскольку он избегает или сводит к минимуму ряд наиболее очевидных способов сопротивления подобным переменам.

То, что происходит с алиенативным компонентом мотивации в этом случае, не столь очевидно, как в случае антисемитизма. По-видимому, он сосредоточен на пассивном сопротивлении выполнению нормальных ожиданий к роли. Это еще раз показывает, что пассивно ориентированная личность испытывает не такое давление, побуждающее к расщеплению амбивалентных потребностей, как активно ориентированная.

Теперь мы можем обратиться к вопросу о значении наличия требования легитимности к модели девиантного поведения. Прежде всего следует подчеркнуть, что оно является относительным, т. к. на одном уровне даже существование комплементарных ролей подразумевает ценности общие для партнеров по ролям. Таким образом, готовность *другого* заботиться о заболевшем представляет собой частичную легитимизацию болезни этого *другого*, заболевший является в этих частных отношениях не «наказуемым», а личностью, которой «оказывают помощь». Аналогично в делинквентной банде «товарищи по преступлению» являются предметом частичной легитимизации. Банда имеет свой собственный кодекс и санкции. Без поддержки этой частичной легитимизации связанная с моделью мотивация была бы сильно ослаблена.

Проблема, таким образом, касается распространения требований легитимности на более широкое поле. В случае болезни это блокируется условной природой легитимизации роли больного, которая должна подкрепляться более широкой системой ценностей. Требование заботы о больном зависит от согласия его с тем мнением, что хорошо было бы поправиться как можно быстрее. В случае делинквентной банды, с другой стороны, легитимизация ограничена субкультурой, которая, по определению, находится в открытом конфликте с более широкой системой ценностей.

По-видимому, имеется два основных типа возможных ситуаций, в которых может быть еще более расширено это требование легитимизации алиенативных моделей. Одним является существование в актуальной социальной ситуации конфликта между моделями, ставящими *эго* перед выбором легитимной альтернативы по отношению к той модели, которая вызывает у него алиенацию. Если эта альтернатива является частью системы ожиданий актуального комплекса взаимодействия, в который включен *эго*, то *эго* уже является субъектом ролевого конфликта в том смысле, который обсуждался выше, и настоящий анализ представляет собой продолжение обсуждения этого предмета. *Эго* может уре-

гулировать конфликт, стремясь уклониться от ситуации взаимодействия, где институциализированной является основная модель, и переместиться в ситуацию, где преобладает альтернативная модель — что является в сложном обществе обычным процессом (8).

Второй тип ситуаций — когда имеется достаточная неопределенность в определении модели исходных ожиданий, так что для *эго* становится возможным, не прибегая к открытой девиации, «интерпретировать» модель согласно своим девиантным потребностям. Эти два типа являются, разумеется, идеальными случаями. В действительности альтернативные модели ожиданий в нормальном случае растворяются одна в другой, не создавая острого ощущения разрыва, особенно по линии определенных переходных траекторий. Так, определенный «либерализм» религиозных ориентаций может быть альтернативой «фундаментализму». Отчий дом *эго* может быть строго фундаменталистским в своих ориентациях, но его родители при этом высоко ценят образование. Это дает возможность ему посещать колледж, где он вступает в контакт с целым рядом либеральных ожиданий. Если он может сегрегировать свою ситуацию в колледже от родительского дома, т. е. не говорить о ней, бывая дома на каникулах, он сможет совершить переход, не прибегая к открытому разрыву, который заставил бы его открыто определить свое поведение по отношению к родителям как девиантное. Он достиг легитимизации того, что с точки зрения ценностей его родителей является девиантной потребностной диспозицией. Вообще говоря, наличие таких мостов из общих ценностных ориентаций между альтернативными моделями является одним из самых значительных феноменов в этой области.

Легитимизация девиантной модели немедленно переводит ее из разряда индивидуальных феноменов в разряд коллективных. Те, чьи ориентации взаимно друг друга легитимизируют, образуют коллективы, являющиеся подсистемами социальной системы. Очевидно, что, когда индивид обрел такого рода интерактивную поддержку, становится значительно труднее подорвать его мотивацию к девиации. Проще говоря, его девиация хорошо подкрепляется.

Вообще говоря, другие два ряда факторов способствуют дальнейшему усилению девиантной мотивации, которая коренится в легитимизации в рамках коллектива. Первым из них является степень трудности заклеймления субкультурной модели как нелегитимной в понятиях более широкой ценностной системы. Это зависит от степени значимости того, что было названо «мостом» между двумя системами ценностей. Таким образом, на одном конце шкалы делинквентной субкультуры, несмотря на то, что она может иметь внутри себя жестко принудительный кодекс, оказываются довольно слабые мосты перехода к широкой ценностной системе. Элементарная безопасность собственности и личности является ценностью, так широко и глубоко институциализированной, что делинквентной банде нелегко найти союзников за своими пределами. Более того, на соответствующих уровнях эти ценностные модели не являются по-настоящему двойственными. На другом конце шкалы находится «левое» политическое движение, имеющее множество подобных мостов. Большинство «идеологических проблем», определяющих различия ценностных систем, являются высоко абстрактными и сформулированными в общих чертах, открытыми многочисленным «интерпретациям». Более того, многие абстрактные формулы, такие как желательность «социальной справедливости», «демократии» или «мира», разделяются всеми. Кто может сказать, что одна интерпретация более легитимна, чем другая? Движения, эксплуатирующие обобщенность и двойственность доминирующих ценностных систем и сопровождающие их идеологии, таким образом, особенно трудно поддаются контролю разными способами, включающими и лишение их требований легитимности.

Второй ряд факторов, усиливающих требования легитимизации, включает развитие сильной защитной морали девиантной группы. Это образование гомологично вторичному выигрышу индивидуального невротика и может действительно быть психологически преемственным по отношению к нему в виде взаимной поддержки девиантного поведения членами группы в том, что касается как поддержания девиантных моделей, так и риска лишиться их. Это справедливо на рациональном уровне, но также и на нерациональном и бессознательном уровне. Тревожность относительно того, что девиантная модель может быть отвергнута, усиливается ясной и недвусмысленной установкой части членов группы,

по отношению к которым *эго* оказался бы явным предателем, повинным в дезертирстве, в случае, если бы он принял это опровержение или поставил под вопрос легитимность их положений. Эта ситуация поощряет перенос потребностей *эго* в безопасности на товарищей по группе и, коротко говоря, связывает мотивационные факторы, включенные в любую институциализированную ролевую систему, с конформностью по отношению к нормам девиантного субкультурного коллектива.

До определенного уровня два эти фактора, имеющие отношение к легитимизации проблем, противоположны один другому, защитная мораль является частично зависящей от ясного определения конфликта, т. к. она означает «сжигание мостов». Девиантная группа, предъявляющая большую часть этих требований легитимности, обычно не стремится максимально увеличить возможность повышения защитной морали своих членов, подчеркивая радикальность отклонения от основной системы ценностей. Тем не менее, в особенности на пути интерпретации, имеется значительная возможность создать лучший мир из двух этих миров, т. е. переложить ответственность на более широкое общество, объявив ценностные ориентации последнего нелегитимными в его собственных понятиях. Полностью оперившееся революционное или профетическое религиозное движение обычно делает именно это. Но все же эта процедура редко осуществляется настолько радикально, насколько это было бы возможно. Факт включения амбивалентных мотивационных структур ясно проявляется в обычном колебании между, с одной стороны, установкой почти просителей по отношению к тем, кто находится вне группы, признать преданность девианта «истинным» ценностям общества и их применимости к нему, с другой стороны, проявлением сильной агрессии по отношению к тем же самым членам общества, находящимся вне группы. Например, коммунисты очень часто вполне сознательно эксплуатируют модели свободы слова в либеральном обществе, и в их рядах широко распространено мнение, что они реально имеют право ожидать всяческого «уважения» со стороны закона. Но в то же время, когда они настаивают на этом праве, они усиленно разоблачают «систему», институциализированной частью которой это право является. Рационалистические тенденции нашего здравого смысла легко упускают из вида амбивалентный характер мотивации, причастной к подобному движению. В это трудно поверить, но изучение процесса рекрутирования в движение и положения его в нашем обществе свидетельствует о том, что многие члены такого движения должны быть глубоко амбивалентными по отношению к занятым ими позициям. Следует ожидать, что эта амбивалентность будет проявляться в бессознательных установках и поведении так же, как и в хорошо известной яростной защите, в случае, если легитимность их позиции поставлена под сомнение. В случае, когда коммунистическая идеология уже институциализирована в коммунистическом государстве, ситуация, конечно, может быть совсем другой.

В связи с требованием легитимности, имеется еще одно соображение настолько общего характера, что это требует здесь короткого обсуждения. Это то место, которое занимает «романтическо-утопический» элемент, отчасти и в определенном смысле институциализированный во всех культурных традициях сложных обществ. Этот элемент порождается тем фундаментальным фактом, что любая социальная система предполагает дисциплину со стороны ее индивидуальных акторов и что эта дисциплина никогда не бывает полностью и целиком акцептирована в том смысле, что она не бывает полностью интегрирована со структурой личности, акторов, так чтобы алиенативные элементы, а следовательно амбивалентность, отсутствовали бы совсем. Всегда есть элемент желания того, чего нет, и всегда есть элемент фантазий по поводу такого состояния дел, когда нет фрустрирующих ограничений и всего достаточно, т. е. как «должно» быть. Содержание этого романтическо-утопического элемента зависит от того, какая конкретная дисциплина предписана в обществе, и от комплекса психологических реакций на эту дисциплину на всех уровнях процесса социализации.

Способы, с помощью которых подобными элементами можно управлять в рамках культурной традиции, также разнообразны. Некоторые из этих элементов могут быть выражены в художественной форме так, что это радикально не дает им возможности перейти в действие. Однако важной и аутентичной точкой отсчета для «проблемы значения», несомненно, является связь с религией, смещение фрустри-

рованных желаний в трансцендентную сферу, по-видимому, является обычным, если не обязательным, компонентом религий, например, концепция состояния полной и совершенной психологической защищенности, когда непобедимая любовь бога восполняет недостатки конечной человеческой любви и полностью отсутствует элемент принуждения, который до известной степени прирожден в человеческом обществе.

Некоторые из этих элементов находят, однако, свой путь в определении желательного и при определенных обстоятельствах этически обязательного в конкретных социальных отношениях. Они, очевидно, играют важную роль в большинстве «харизматических» религиозных и политических движений, конечно, в западном мире. Тот факт, что многие наши культурные традиции происходят из институционализации ценностей и идеологий таких движений — в частности, различных ответвлений христианства и рационалистических — революционных «идей» Просвещения, — означает, что эти элементы сыграли важную роль в культурной традиции западного общества.

Это, в дополнение к далеко зашедшей обобщенности большинства норм, предполагающей универсалистскую систему ценностей, является одной из главных причин, почему элемент всеобщности и двойственности является столь значительным в наших моделях ценностных ориентаций. Открытый разрыв с символическими формулами, на которых были основаны великие социальные системы, действительно, дорого обходится. Легче всего встретить требования реальной ситуации интерпретацией, таким образом, желание освободиться навсегда от всякого принуждения и идеализация подобного состояния оборачивается такими концепциями, как «свобода, защищаемая законом».

Такая адаптация посредством интерпретации, однако, оставляет возможность для того, что можно назвать латентным резервуаром возможностей легитимизации наиболее радикальных романтических или утопических элементов культурной традиции. Движение, использующее их, может во многих случаях прибегать к тем же символам, которые использует институциализированная культура. Следовательно, такие символы, как свобода и справедливость, могут получить интерпретацию, несовместимую с функциональными потребностями институциализированного порядка. Но, строго говоря, в понятиях, одобряемых культурной традицией, невозможно прямо заклеймить такие интерпретации как нелегитимные. Умение извлекать пользу из подобных возможностей латентной легитимизации является одной из важных характеристик девиантных движений.

Это приобретает еще большее значение, когда становится очевидным, что подобное определение ситуации может быть тесно связано с мотивационными моделями, имеющимися у населения. Алиенативные элементы являются частью их. Но исключительно важно, что связь с твердо установленными в культурной традиции символами делает их возможными до такой степени, что можно действительно дважды съесть один и тот же пирог. Эта базовая модель толкает установленные ценности и личностные статусы «в ложном направлении» относительно той системы ценностей, которую они сами поддерживают. Это может быть особенно эффективным не только потому, что общие формулы были ограничены интерпретацией в реалистическом направлении, но потому, что любая сложная социальная система фактически полна конфликтов и адаптивных моделей, какова бы ни была система ценностей. Утопически настроенная девиантная личность может, таким образом, почти всегда вывести глубокое самооправдание из вопроса «а что вы в действительности имели в виду?», касающегося обязательства быть конформным по отношению к идеальной модели. Она выступает в очень выгодном свете, говоря или подразумевая: «Вы лишь неискренне служите этому идеалу, я покажу, что действительно собираюсь действовать в соответствии с ним». Можно предположить, что это одна из точек, в которой современный либерально-индивидуалистический тип общества является наиболее уязвимым с точки зрения угрозы распада его системы социального контроля. Отклонение девиантных мотивационных элементов в альтернативные каналы, по-видимому, является исключительно важным в таком обществе.

Перед завершением этого раздела следовало бы отметить, что описанное выше обсуждение социального структурирования девиантного поведения иллюстрировалось почти полностью в понятиях американской или современной западной институциональной структуры и системы ценнос-

тей. Попытка развернуть соответствующие иллюстрации основных девиантных возможностей для других основных типов социальной структуры увела бы нас слишком далеко. Нет оснований сомневаться в том, что развитая здесь и касающаяся состояния проблем и подходов к их решению концептуальная схема является равно применимой к анализу девиации по отношению к любому типу ценностных моделей в рамках любого типа институциональной структуры.

Во многих других отношениях приведенный анализ является неполным. Но можно предположить, что его достаточно для того, чтобы показать, как анализ происхождения и последствий девиации может быть включен в общую схему анализа социальных систем, изучением которых мы занимались.

Механизмы социального контроля

Теория социального контроля — это составная часть теории возникновения тенденции к девиантному поведению. Здесь мы имеем анализ тех процессов в социальной системе, которые должны противодействовать девиантным тенденциям и условиям, в которых такие тенденции развиваются. Как и теория девиантности в целом, она должна всегда соотноситься, с одной стороны, с состоянием равновесия системы и субсистемы, в которых содержатся конкретные нормативные модели, институционализированные в данной субсистеме, а с другой — с балансом мотивационных импульсов, связанных с конформностью к таким моделям и с отклонением от них.

Следовательно, стабильное равновесие интерактивных процессов — это фундаментальная точка отсчета для анализа социального контроля, точно так же, как и для теории девиантности. Но наше внимание должно быть сосредоточено на процессах взаимодействия, предшествующих тем видам девиантных тенденций, которые мы анализировали ранее в данной главе, и на тех механизмах, благодаря которым данные процессы могут быть остановлены и вся система возвращена в прежнее состояние равновесия. Это последнее и является, разумеется, теоретической точной отсчета. В реальности ни одна социальная система не бывает в состоянии совершенного равновесия и полной интеграции. Факторы, мотивирующие девиацию, действуют всегда, и они настолько стабильны, что их невозможно устранить из мотивационной системы акторов. В данном случае механизмы социального контроля имеют в виду не элиминацию этих факторов, а ограничение последствий их действия и предотвращение распространения этих последствий за пределы отведенных им рамок.

Существуют тесные связи между процессами социализации и социального контроля, который можно рассматривать как определенные характеристики процесса социализации, как точку отсчета для построения стандартных переменных с целью проанализировать процессы контроля. Превентивные или предвосхищающие аспекты социального контроля в определенном смысле уже содержатся в тех процессах, которые обучают актора не включаться в девиантные действия. В этом обучении содержится скорее негативный, чем позитивный смысл социализации. Восстановление равновесия, с другой стороны, это всего лишь особый случай обучения, которое в целом заключается в том, чтобы научить актора вообще не воспринимать аленативные элементы мотивационной структуры.

Возможно, ключ к соотношению этих двух рядов процессов можно обнаружить в том факте, что как процесс социализации, так и социальный контроль заключаются, с определенной точки зрения, в процессах адаптации к напряжениям. Напряжения могут присутствовать в девиантной мотивации и изначально содержатся в ней всегда, так что вторичное напряжение может быть введено как способ давления на установившиеся девиантные мотивации.

Давление, как можно предположить, не входя в различные психологические тонкости, провоцирует множество типов и компонентов реакций: тревожность, фантазии, враждебность, а также агрессивные скрытые или прямые выпады и защитные меры против попыток уменьшить девиантные проявления в мотивации *эго* и/или восстановить предыдущий статус-кво. В действительности на каком-то уровне все эти реакции могут быть интерпретированы в общем смысле, но на многих других уровнях полезно различать эти элементы. Эффективные меры контроля должны в определенном смысле оперировать всеми этими элементами мотивационной структуры.

Обычно эти меры действуют главным образом только на том уровне, который имеет дело с открытым поведением. Эти меры, которые с помощью компульсии или путем обращения к рациональному рассуждению, посредством прямого давления или внушения предупреждают определенные действия либо мешают им выйти за определенные узкие рамки. Эмпирические характеристики этих аспектов социального контроля очевидны, но наше рассмотрение будет направлено на более тонкую подоплеку мотивационных аспектов.

Первый элемент любого механизма социального контроля в этом смысле можно назвать *поддержкой*. Главное значение ее связано с компонентом тревожной реакции на напряжение, что дает основу неуверенности, а в результате с необходимостью проявляет агрессивно деструктивные или защитные реакции. Поддержка может быть различных видов, но общее в ней — включение или удержание *эго* в отношениях солидарности так, чтобы у него была основа чувствовать себя безусловно в безопасности. Стабильность установок на материнскую любовь в критические периоды социализации — главный пример такой ситуации. Ориентация на коллектив и терапевта, на его готовность «помочь», на его «поддержку» пациента — это еще один вид такой ситуации. Эти два типа различаются фундаментально как типы ролевых моделей, но все же они имеют общий элемент. В определенном смысле следствия поддержки — локализация фокуса напряженности, что дает возможность *эго* почувствовать, что его беззащитность не «тотальная», что ее можно свести к отдельным проблемам в сфере адаптации.

Совершенно очевидно, что элемент поддержки не может, однако, быть безусловным в том смысле, что, как бы *эго* себя ни вело, оно все равно будет получать от *других* разрешение на это; в таком случае невозможно было бы держать под контролем мотивацию *эго*; это прямо стимулировало бы его продолжать, а возможно, и усиливать свою девиантность.

Поддержка не может быть эффективной в деле восстановления доверия, если не будет существовать некоторой доступности для *эго* той системы моделей, от которой оно отклоняется. Можно сказать, что от людей в состоянии напряжения, независимо от того, полностью ли осознают это напряжение *другие* или нет, ожидается какой-то вид и какая-то степень отклонения, делают ли они что-то или говорят какие-то вещи, которые не были бы терпимы при других обстоятельствах, если бы их состояние было полностью нормальным. (Люди понимают, что ребенок, например, находясь в напряжении, «получает урок».) В целом такая допустимость интерпретируется как терпимость к «естественным» реакциям на фрустрацию ожиданий. Естественно, одно дело, если речь идет об алиенативной мотивации, не превратившейся еще в постоянную, и совсем другое, если она уже стала таковой. Основа для фундаментального различения типов механизмов социального контроля заключается в том, приходится ли преодолевать порочный круг отклонения или же такого явления еще нет.

«Допустимость», однако же, должна быть строго ограничена, чтобы не приводить к поощрению этого порочного круга, вместо того, чтобы ему противостоять. Существует, следовательно, равновесие между сферой допустимости и ограничением ее. Наиболее важной формой последнего, в свете нашего анализа, может быть отказ *другого* подтверждать определенные ожидания, которые у *эго* возникают под воздействием тревожности навязчивых фантазий, враждебности и сверхзащиты. Тогда вместо поддержки как таковой со стороны *другого эго* получает отказ в определенном смысле участвовать в «оправдании» его тревожностью — *другой* реагирует именно так, как *эго* знает, что он [*другой*] может (имеет право) реагировать, и боится этого. Подобным же образом *другой* может отказаться терпеть враждебность *эго*, проявляя сам в ответ враждебность, или он может не принимать от *эго* покровительственного или униженного поведения. Главное отличие реакций со стороны *другого*, не помогающих существованию порочного круга, а именно реакции социального контроля, это комбинация терпимости и дисциплины, подкрепляемых отказом во взаимности. В какой сфере может действовать такая комбинация и как такой баланс может поддерживаться, зависит от природы напряжений, которым подвергается *эго*, и от ролевой структуры системы взаимодействий. Существует, однако же, общий элемент как в отказе во взаимности, так и в поддержке, который легитимизирован в терминах институционали-

зированных ценностных образцов — тех образцов, которые, как предполагается, интернализованы и самим *эго*.

С учетом всех трех базовых аспектов — поддержки, допустимости и ограничения во взаимности — выявляется еще одно важное разграничение, а именно по степени осознанности манипулирования *другого* своими действиями по отношению к *эго*. Многие наиболее фундаментальные элементы социального контроля встроены в ролевую структуру социальной системы таким образом, что ни *эго*, ни *другой* не осознают то, что они делают. Их функции являются совершенно латентными. Иногда, тем не менее, одна или некоторые из них могут подвергаться манипулированию со стороны актора, который в большей или меньше степени осознает, что он делает. Существуют также умышленно налагаемые санкции, которые могут касаться одного из трех аспектов проблемы контроля, которые мы здесь выделили. Возвращаясь к нашему предыдущему анализу, мы можем предположить, что наиболее фундаментальные элементы этой манипуляции касаются «релационального вознаграждения» (вознаграждения, связанного с отношениями), а именно установками *другого* на любовь, одобрение и уважение. Существуют, разумеется, весьма важные аспекты отношений контроля, в частности, контролирующая коммуникация, но установки, очевидно, должны занимать исключительно важное место.

Процесс психотерапии — это тот аспект нашего общества, в котором наиболее эксплицитно выявляются важнейшие элементы процессов социального контроля. Как мы уже неоднократно указывали, его можно рассматривать как прототип механизмов социального контроля. Не следует, однако, забывать, что психотерапия обладает некоторыми специфическими чертами, которые отличают ее от многих других механизмов, включающих те же самые основные элементы. Во-первых, она выводится из профессиональной роли специального типа, и следует учитывать отличия этой ролевой структуры от других, включенных в социальный контроль. Во-вторых, в своей классической форме, она сводится к отношению один на один, а не к групповым процессам взаимодействия, которые используются многими механизмами в сложных групповых ситуациях. В-третьих, культурные стандарты научного знания психологических процессов, а тем самым ценностные стандарты научной объективности, играют здесь огромную роль, что не характерно для многих других ситуаций, и наконец, терапевт простирает свое сознательное манипулирование ситуацией и системой вознаграждений в свете собственной теории гораздо дальше, чем это имеет место во многих других механизмах.

В целом совершенно очевидно, что наиболее фундаментальные механизмы социального контроля следует искать в нормальных процессах взаимодействия в институционально интегрированной социальной системе. Сущность этих процессов можно анализировать и иллюстрировать тем, что содержится в предыдущих главах данной работы. Необходимо только добавить к этому несколько замечаний. Важнейшие явления данной сферы проявляются в институционально интегрированной мотивации и во взаимном подкреплении установок и действий различных индивидуальных акторов, включенных в эту институциональную структуру. Такой подход применим к любой модели ролевых ожиданий. Но институционализация выполняет интегративные функции на различных уровнях, как с учетом различных ролей, в которые включен актор, так и в отношении координации поведения различных индивидов. Последнее оказывается полезным во многих случаях.

Некоторые замечание следует также сделать относительно предыдущего контекста. Индивид, будучи включен в широкий круг разнообразных видов деятельности, в результате оказывается втянутым в социальные отношения с большим количеством самых разных людей, чье отношение к нему весьма различно. Одна из первейших функций институционализации — помочь упорядочить эти разнообразные виды деятельности и отношений так, чтобы они образовывали достаточно скоординированную систему, которая давала бы возможность как-то управлять актором и минимизировать конфликты на социальном уровне. Существует два исключительно интересных аспекта такого упорядочивания. Один из них — упорядочение временно́го плана так, чтобы отдельные периоды времени были изъяты из обязательных видов деятельности с различными людьми. Время вне профессиональных обязанностей, отведенное на воскресный день, каникулы, отпуск и проч. — один из приме-

ров такого изъятия. Сам факт, что существует время для каждого из многочисленных видов деятельности — а также и соответствующее ему место, — позволяет требовать, чтобы оно не пересекалось со временем и местом деятельности других. Имеет большое значение тот факт, что общество, столь сложное, как наше, не может функционировать без достаточно жесткого временно́го графика, и проблема культурных ценностей и психологических структур потребностей в такой организации времени очень важна. Мы знаем, что во многих обществах вовсе отсутствуют мотивационные предпосылки для утверждения такой временно́й ориентации.

Другая важная сфера — установление институционализированных приоритетов. В частности, в относительно свободном и мобильном обществе оказывается, что люди включены в ситуации, в которых к ним предъявляются противоречивые требования. Совершенно очевидно, что такие ситуации — источник серьезных потенциальных конфликтов. Их можно минимизировать, если существует легитимизированная шкала приоритетов, так что при выборе той или иной обязанности из всех других индивид всегда может сослаться на чувства, связанные с общей ценностной системой. Зато в тех сферах, где такая схема приоритетов неопределенна или недостаточно интегрирована, как правило, возникают лазейки для отклонения в поведении. Одним из примеров такого потенциального конфликта является следующая ситуация. Врач имеет особо подчеркиваемые обязанности по отношению к своим пациентам. Но у него есть также важные обязанности и перед своей семьей. Гораздо чаще, чем в других профессиях, врач вызывается к пациенту в то время, когда его семья рассчитывает на него: во время общей трапезы, вечером, когда у него существуют важные социальные обязанности, и т.п. Институционализированное ожидание, что приоритет будет отдан требованиям пациентов, несомненно, важно для врача в тех ситуациях, когда ему приходится иметь дело с требованиями жены. Как установил в своем анализе Мертон, постановка в ситуацию такого конфликта без четко институционализированных приоритетов обязанностей — весьма важный аспект аномии.

Все вышесказанное, однако, не относится прямо к механизмам социального контроля в строгом смысле, хотя оно описывает существенные детали того фона, на котором мы должны анализировать действие таких механизмов. Если же возвратиться к рассмотрению нормального социального взаимодействия в институционализированных рамках как к процессу взаимных влияний и ответных действий, то обнаружится, что процесс социального контроля осуществляется постоянно. Акторы постоянно что-то делают и говорят, что более или менее «выходит за рамки», как, например, постановка под сомнение чьих-то мотивов или слишком необоснованные предположения и проч. Внимательный наблюдатель заметит, что другие в таких ситуациях имеют тенденцию часто неосознанно реагировать на такие малые отклонения так, чтобы отбросить девианта назад «в рамки» тактичным несогласием с ним, молчанием, которым подчеркивается, что сказанное им не может быть принято, а чаще всего юмором, снимающим напряженность, в результате чего взгляд девианта на себя оказывается гораздо ближе к тому взгляду, которые имеют на него другие. Можно утверждать, что этот малый контрольный механизм есть способ, которым институционализированные ценности осуществляются в поведении. На определенном уровне существуют наиболее фундаментальные механизмы, отвечающие за все, и только когда они нарушаются, возникает необходимость включать в дело специализированные более тонкие механизмы.

Вне сферы этих механизмов в социальной системе возникают точки, в которых люди подвергаются особым напряжениям. В огромном большинстве такого рода случаев мы обнаруживаем особые феномены, которые можно интерпретировать, по крайней мере частично, по их функции как механизмы, «перекрывающие» такие напряжения с минимумом разрушительных последствий для социальной системы. Два типа таких механизмов можно кратко здесь обсудить. Один тип — это ситуации, в которых в силу определенных факторов, в частности, особой остроты проблем адаптации для людей, возникает необычная напряженность. В целом сфера религии и магии содержит множество примеров таких ситуаций. Там, где возникают проблемы плохого состояния здоровья, и в связи с тяжелыми утратами также можно найти яркие примеры. Реакции, к которым имеют тенденцию приводить такие необычные напряжения, были охарактеризованы нами выше. Они содержат потен-

циально деструктивные компоненты и деструктурируют социальную систему. В случае неопределенности, как показывает пример тробрианцев, одним из таких компонентов может быть обескураженность, а общая тенденция — отчуждение. Подобная ситуация возникает и в случае тяжелой утраты, когда может утеряться импульс держаться как все. Ритуал в таких случаях помогает организовать систему реакций в положительном плане и противодействовать разрушительным тенденциям (9).

Один из аспектов таких ритуальных моделей: они позволяют привести в действие возможность символически «снять» эмоциональное напряжение, связанное с этой стрессовой ситуацией. Они обеспечивают возможность разрешенной релаксации от дисциплины повседневной жизни, которая, в частности, в обычном окружении, оказывает довольно сильное давление на ориентацию. Но это не означает в то же время и полной свободы или безграничной возможности экспрессии. Напротив, действия строго канализируются в культурно предписанные формы, которые не позволяют «блуждать в совершенном бездорожье». Любопытная черта таких ритуалов в том, что их предписанность общепризнанна и тем самым обеспечивает поддержку определенной группе в попытках овладеть ситуацией. Можно также символически доказать наличие установок доминирующих ценностей. Так, например, в случае смерти для оставшихся в живых оживляется значение такой ценности, которая утверждает солидарность с умершими следующими словами: «им бы этого хотелось» (10).

Несколько отличный тип структурирования поведения, имеющий определенное значение в качестве механизма социального контроля, — то, что мы называем «вторичным институтом». Американская молодежная культура представляет в этом отношении хороший пример. Подобно ритуалу, она обладает очевидным элементом сверхдопустимости, настолько сильным, что он отчетливо выражается в эксплицитном поведении. Этот аспект может рассматриваться как «отводной клапан» социальной системы, в котором попытки держать молодежь в полном подчинении взрослой дисциплине чреваты сильным возрастанием напряженностей в их положении. Но существуют и более позитивные элементы контроля. Один из них — интеграция молодежной культуры с основными институциональными структурами, главным образом, в сфере формального образования. Это не только ставит их под прямое наблюдение взрослых, но и легитимизирует некоторые модели, например, атлетику и танцы. Несмотря на девиантный декорум, существованием такой легитимизированной опеки, несомненно, предотвращается тотальное распространение девиации.

К тому же существуют и некоторые характеристики, работающие на «самоликвидацию» молодежной культуры, которые довольно трудно идентифицировать, но они имеют весьма важное значение. Различными способами через опыт культурно-молодежной активности и отношений внутри нее индивид в оптимальном случае проходит процесс эмоционального развития до того момента, когда он теряет интерес к молодежной культуре и «достигает» вполне взрослых статусов. Конечно, здесь, как и во многих других характеристиках нашей системы социального контроля, существует бесчисленное множество «неудачных поворотов». Но, говоря в целом, существует и большая вероятность того, что вся сеть в целом эффективно направлена на эмоциональное «обучение». Например, твердая уверенность в независимости от контроля взрослых, как правило, приводит к тому, что индивид становится все более и более ответственным сам за себя. В фазе молодежной культуры он стремится скорее подчиняться влиянию своей группы ровесников, чем своих родителей, но постепенно он освобождается также и от этого влияния. Точно так же и в сексуальных отношениях молодежная культура открывает возможности и обеспечивает механизмы для эмоционального созревания. Элемент бунтарства по отношению ко взрослым может помочь эмансипироваться от наиболее незрелых привязанностей, в то время как некоторые особенности комплекса «критицизма» помогают индивиду проходить процесс эмансипации от глубокой эмоциональной включенности, которую он способен воспринять в детстве. Паблисити таких отношений внутри группы ровесников служит им защитой. Таким образом, молодежная культура не только проективна, она также позволяет индивиду, пройдя через нее, достигнуть положительно адаптивных влияний (11).

Необходимо отметить, что вышеописанные механизмы действуют в рамках социально легитимизированного взаи-

модействия. Внутри нормальных процессов, подавляющих в зародыше небольшие отклонения, естественно, никакие специальные социальные структуры не задействованы вообще. В случае «отводных» механизмов, подобных ритуалу, и вторичных институциональных моделей действуют именно эти специальные социальные структуры. Они связаны с ограниченным «разрешением» в различных видах поведения и типах выражений эмоций, которые запрещены в обычной повседневной жизни, например, проявление горя во время погребальной церемонии. Но эта допустимость все-таки строго лимитирована, и большое значение имеет то, что она действует в системе взаимодействия, следовательно, ограничена рамками главной институционализированной социальной структуры, отличаясь от нее только в специальных случаях или, как в случае с молодежной культурой, продолжаясь только в период процесса социализации. Такое поведение не клеймится как девиантное, но люди признают его законность только в соответствующих ситуациях. Оно рассматривается в данном контексте, поскольку релевантно контролю **потенциально** девиантных элементов мотивации.

Таким образом, очевидно, что поддерживается определенный баланс разрешений и ограничений. Поддержка индивида осуществляется с помощью институционализированного узаконения соответствующих случаю моделей и сохранения солидарности. Однако в целом манипулирование санкциями очень слабо осознается.

Много раз уже отмечалось, что вторичные институты, подобные молодежной культуре, незаметно переходят в действительную девиантность (12). Можно далее указать, что в сложном обществе существует множество феноменов, которые либо из возрастных отклонений, либо из ситуаций, в которых предписывается «щадящее отношение», незаметно переходят в настоящую девиантность. Подобные вторичные институты, за исключением тех, которые легитимизированы в своем статусе, вызывают много сомнений, и часто мнения о них в обществе бывают весьма неоднозначны. Е.С. Деверо попытался дать глубокий специально социологический анализ этой сферы (13). Выводы из внимательного анализа указывают на то, что они бывают весьма разрушительны для общества как в тех случаях, когда пытаются оказывать слишком радикальную поддержку, так и когда снимают все ограничения. С одной стороны, поддержка азартных игр выполняет важные функции для широких слоев популяции — подобные тем, какие выполняет магия — как способ противодействия напряженности, в конечном счете ассоциирующийся обычно с экономической сферой. С другой стороны, ценности и чувства, которые считаются истинными и рационализируются как противостоящие этой тактике, играют важную роль в генеральной системе ценностей, и широкое допущение азарта могло бы поколебать поддержку данных ценностей также и в других значимых сферах.

Может быть, та точка зрения на данную ситуацию, которая причисляет азартные игры к «механизмам социального контроля», как раз и подчеркивает этот момент. Но существование таких феноменов в поведении теснейшим образом связано с проблемой социального контроля, и не только в аспекте отклонения от некоторых ценностей. В конечном счете можно, по-видимому, сказать, что это не просто симптом социальной дезорганизации, но показатель достаточной эластичности социальной структуры, способный привести к серьезному культурному конфликту, ослабляя напряженности путем допущения таких типов поведения в довольно большом масштабе, но в то же время делая это так, чтобы удерживаться в определенных границах, т. е. чтобы они не оказались слишком разрушительными в других отношениях. Анализ Деверо, по крайней мере, предполагает, что это механизм для выражения и тем самым для ослабления напряжений, связанных с экономическим контекстом, который, если эту отдушину совершенно закрыть, может дивергировать в другие более дисфункциональные каналы. Замечательно, что азартные игры определенных видов, например, «игры с числами», наиболее предпочитаются в группах, находящихся в экономически невыгодном положении. Каким бы ни оказался вердикт на основании большего объема знаний по вопросу о функциональном значении такого рода полудевиантной активности, как азартные игры, необходимо признать за ними весьма важное значение в наиболее общем смысле. Речь идет о функциональном значении для общества некоторых явлений, которые с определенной точки зрения создают трудности в культурной и институциональ-

ной интеграции. Один из этих аспектов — сложное равновесие, включенное в нашу модель культурной толерантности. Очевидно, что в широком смысле религия тесно связана с интеграцией социальной системы, и идеальный тип полностью интегрированного общества должен был бы обладать полностью интегрированной религиозной системой. Это верно, но в то же время попытка интегрировать религиозную структуру нашего общества подобным образом, предполагая, конечно, что это был бы постепенный процесс, возможно, включающий в себя глубокие изменения в других аспектах, несомненно, была бы в высшей степени разрушительной вплоть до опасности вызывать гражданскую войну. При таких обстоятельствах слабость религиозной интеграции имеет большее значение (14).

Другими примерами, которые уже обсуждались или могли бы быть обсуждены, является ограничение формального контроля за статусным ранжированием. Существует и множество других. В такой ситуации большое функциональное значение имеет относительная изоляция многих функциональных подсистем более широкого общества друг от друга тем или иным способом. При отсутствии таких изолирующих механизмов невозможно было бы предотвратить прямую конфронтацию конфликтующих элементов, что обычно трансформирует латентный конфликт в открытый.

«Такт» в личных отношениях — это именно такой изолирующий механизм. Он заключается в расчетливом избегании выражения определенных чувств и затрагивания тех вопросов, которые, если их поставить открыто, могут разрушить систему отношений. Существует незаметный переход от такта ко «лжи во спасение», которая оставляет возможность, часто при молчаливом обоюдном согласии, избегать потенциально конфликтных тем.

Эту функцию выполняет также анонимность. В целом так действуют и сегрегация видов деятельности, и сегрегация некоторых элементов популяции. Правда, такая сегрегация часто разрушает социальный контроль, который успешно действует во внутренне малодифференцированных общинах. Но существует и другая сторона медали: они дают возможность сосуществовать потенциально конфликтным элементам. Значение таких форм гибкости, которые позволяют совершаться изменениям, совершенно очевидно. Традиционализм в этом смысле, будучи враждебно настроенным даже по отношению к желательным изменениям, обычно ассоциируется с таким видом и степенью интеграции, которые способны мобилизовать все силы контролирующих механизмов против любого вида инновации. Общество обычно осознает необходимость платить динамической активностью за прогрессивные изменения. Равновесие между гибкостью и дезорганизацией весьма тонко.

При рассмотрении функционального значения изоляции мы углубляемся в механизмы, которые предполагают, что должна существовать алиенативная мотивация по отношению к определенным частям социальной структуры. Первый тип механизмов, который должен быть рассмотрен в этой связи, обязан своим существованием проблеме ограничения воздействия этой мотивации на остальную социальную систему.

Механизмы изолирования, как уже говорилось, можно, таким образом, интерпретировать как выполняющие функцию блокирования потенциально конфликтных элементов в культуре и социальной структуре, так чтобы они не входили друг с другом в контакт, который мог бы легко привести к открытому конфликту либо обострить его, а благодаря им он сохраняется в латентном состоянии. Они применяются путем структурирования на уровне коллектива. Механизмы, которые могут быть объединены под названием изолирующих, с другой стороны, выполняют функцию поддержания такого структурирования, а также соответствующих культурных моделей, которые могут быть здесь созданы. Таким образом, существуют две стороны: предупреждение формирования групповых структур, обладающих выраженной склонностью к отклонению, и предупреждение настойчивых требований легитимности, за исключением, может быть, некоторых специфических случаев.

Две основные модели нашего общества, иллюстрирующие данный ряд механизмов различными способами, — это преступление и болезнь.

В случае преступления основной упор делается на отвержение требования легитимности и даже, если превентивные групповые структуры оказываются неэффективными, нелегитимность данных действий признается всеми.

Таким образом, важно осознать, что чисто негативный аспект криминального поведения — это только часть дела. Преступление означает не просто, что кто-то отвергает конформность, но это отвержение совершается таким способом, что нарушитель ставит других в ситуацию, в которой их роли конкретно определены институционально. С одной стороны, вступают в действие ролевые ожидания, направленные к предотвращению криминального действия, а с другой — применяется система совершенно конкретно структурированных санкций, способная «сбить» девианта с его позиций.

Безусловно, структура такой системы санкций в случае преступления имеет целью устрашение, за исключением тех случаев, когда порочный круг мотивационного структурирования, рассмотренный выше, зашел уже так далеко, что эффективное воздействие на него невозможно. Но можно спросить, почему вместо того, чтобы попросту удерживать преступление вне действия, общество переходит к наказанию, несмотря на существование порочного круга, а не к «лечению» преступления. Дюркгейм первым ясно указал на то, что наказание помимо непосредственной «защиты» общества имеет и другие в высшей степени важные функции. Оно в определенном смысле есть ритуальное проявление чувств, направленных на поддержание тех ценностей, которые нарушены преступником (15). Такое ритуальное проявление служит консолидации этих чувств и тем самым усилению их в данной части популяции, которая имеет позитивную или латентную мотивацию наказать данное отклонение. Наказание, таким образом, есть вид декларации: вы должны быть либо с нами, либо против нас — и имеет тенденцию мобилизовать чувство солидарности в группе в интересах поддержания и сохранения конформности. В значительной степени это направлено не столько прямо против девианта как такового, сколько против других, которые могут оказаться потенциальными преступниками. Разумеется, там, где основная система чувств в популяции содержит заметные элементы амбивалентности, наказание может принимать характер «сверхреакции». Более того, поскольку это жестоко депривирует поддержку девианта и сужает, если вообще не отметает, сферу «сверхдопустимости», девиант не может быть реинтегрирован в социальную систему. Но признание своей вины, а также искупление ее посредством наказания может, однако, сделать это возможным, если преступление не было слишком тяжелым.

Крайний случай такой особенности изолирующей функции в нашем примере криминальной роли можно, по-видимому, иногда найти в использовании черной магии или колдовства в бесписьменных обществах. Часто весьма трудно бывает провести границу между социальной легитимизацией такого вида деятельности и нелегитимным их использованием в связи с девиантными частными интересами и завистью. Но, по-видимому, встречаются такие случаи, когда сам факт, что человек стал объектом колдовства, молчаливо легитимизируется общиной, и она отказывает жертве в своей поддержке. Санкционирование противодействующей белой магии общиной можно рассматривать в таком контексте как декларацию своего сочувствия жертве, а не как давление на нее. Уорнер зашел так далеко, что предположил, что психосоматические последствия такой изоляции или отказа в поддержке со стороны общины оказываются ответственными за случаи действительной смерти от черной магии (16).

Когда действие определено как криминальное, включается активность весьма широкой категории механизмов социального контроля наиболее интимного вида, где нормативные модели «усиливаются» применением особых негативных санкций за отклонение от них и с помощью дифференциации ролей, выполняющих специфические функции, осуществляемые различного рода административными должностями, полицейскими, судами и т.п. Значение таких механизмов действительно невозможно переоценить. Как они действуют в общем виде, всем хорошо известно, так что нет никакой необходимости заниматься ими здесь далее. Это происходит благодаря их тесным связям с более тонкими контролирующими механизмами, и эта проблема вызывает огромный интерес у социального исследователя. Среди наиболее важных функций таких подкрепляющих агентов ограничение распространения девиантных тенденций, которые определены как нелегитимные.

Одна из трудностей организации мер подкрепления может быть здесь указана. Специализация подкрепляющих

ролей приводит их носителей в тесное соприкосновение с преступниками, которые в свою очередь, как правило, также организованны. Если преступление достаточно важно, чтобы необходимым стало создание подкрепляющей системы, то неизбежным окажется сдвиг взаимодействия в какую-то сторону. Тогда возможной становится «уступка» криминальным элементам, которая с точки зрения «функции» агента подкрепления должна быть определена как «коррупция». В некотором отношении в подобной же позиции оказывается агент подкрепления и по отношению к крупным промышленникам. Такая коррупция, по-видимому, появляется там, где подкрепление становится необходимым при непокорности популяции, например, в условиях диктатуры.

Относительно идеального случая можно сказать, что определение девиации как преступления исключительно сильно подчеркивает негативную сторону ситуации. Оно вызывает такое отторжение девианта от социальной группы, которое делает маловероятным возвращение в нее. Он используется скорее как «козел отпущения», на которого проецируются чувства, в данном контексте защищающие институционализированные ценности. То, что относится к нему самому (козлу отпущения), становится уже вторичным. Некоторые современные течения криминологической практики, включающие в себя момент «лечения», склоняются к определению данного случая как болезни.

В главе 10 мы будем более подробно анализировать роль больного как роль также институционализированную, в которой есть некоторые черты, напоминающие роль преступника, хотя она включает в себя и некоторые весьма важные отличия. Роль больного не абсолютно нелегитимна, она обладает относительной легитимностью до той степени, до которой предполагается «соглашение» с больным о необходимости «платить определенную цену» в виде признания некоторой ограниченности его способностей и обязанности вести себя хорошо. Не совсем очевидно, как это непосредственно работает на изолирование девианта (17). Преступник, будучи изгнан из компании «приличных» граждан, может быть только насильственно удерживаем от воссоединения со своими приятелями-преступниками по разного рода резонам и с результатом, который мы обсудили в последнем разделе. Условная легитимизация статуса личности больного, с другой стороны, ставит его в специфические отношения с людьми, которые сами больными не являются, — с членами его семьи и с различными людьми из сферы здравоохранения, в частности с врачами. Этот контроль — часть той цены, которую он платит за свою частичную легитимизацию, и очевидно, что эта базовая структура приводит каждого больного человека в зависимость от группы не больных людей, а совсем не в зависимость одних больных от других. Это само по себе имеет огромное значение с точки зрения социальной системы, поскольку это предупреждает как распространение соответствующих мотиваций через групповые формации, так и позитивную их легитимизацию. И в особенности важно, что мотивационные компоненты, которые не могут не выразиться в самом девиантном поведении, в данном случае имеют тенденцию связывать больного человека с недевиантными личностями, а не с другими девиантами, как это случается с делинквентами в вышеописанном случае. Более того, роль больного не только не изолирует и не отделяет его, но даже предоставляет девианту возможность реинтеграции. Благодаря добровольной или принудительной психотерапии актор в роли больного помещается в ситуацию, в которой могут быть приведены в действие силы, способные разорвать порочный круг, порождающий мотивацию к девиации. Роль терапевта, тем самым, может служить некоторым образом прототипом механизма социального контроля в таком более радикальном смысле. Совершенно очевидно, что большой терапевтический эффект атрибутируется определенным характеристикам институционализированной роли врача в современном западном обществе, и только часть их приписывается специальным терапевтическим процедурам.

Отчасти потому, что эта роль тесно связана с мотивационным равновесием социальной системы, мы займемся более полным анализом ее ниже, в главе 10. Здесь же мы укажем только на некоторые ее весьма важные аспекты, связанные с социальным контролем, которые следует детальнее рассмотреть в данный момент. Роль преступника, в силу исключительно негативного характера, который в ней подчер-

кивается, как правило, сильно проигрывает по сравнению с ролью больного. Прежде всего от нее отнимаются два фактора, которые включены в терапевтические отношения: во-первых, элемент поддержки, оказываемой в обмен на обязанности вести себя хорошо, позитивная установка на помощь пациенту с различными следствиями из этой установки, признание его личностью, стремление понимать его, а не порицать; во-вторых, при тщательно контролируемых условиях терапия обладает многообещающими возможностями воздействия на разрушительные и алиенативные компоненты мотивационной системы пациента.

Другими словами, большая часть преступников обычно «списывается со счета», изымается из конструктивной социальной роли, а больной — нет. Можно возразить, что независимо от определения многие девианты действуют как преступники, хотя их поведение определяется как патология, и включенный в отношения к ним элемент «мягкости» делает контроль неэффективным. С этим можно не соглашаться, но в любом случае данная проблем выходит за рамки нашей дискуссии. Во всяком случае определение девиантности как патологии помогает открыть гораздо большие возможности для реинтеграции, чем определение ее как преступления, хотя при этом превентивные функции и не могут выполняться достаточно эффективно. Итак, следует отметить, что могут возникнуть серьезные трудности в попытке комбинировать оба эти случая в той степени, в которой это принято делать в современной криминологической практике. Но развивать дальше здесь эту проблему нет никакой возможности.

Если изоляция отдельного девианта и может рассматриваться как крайняя форма отделения потенциально конфликтного элемента от других частей социальной системы, то есть определенные резоны верить в то, что терапия в контексте медицинских или еще более близких отношений не является изолирующим феноменом. Более правильно было бы назвать этот случай психотерапевтическим воздействием, которое имеет своей целью применение специальных процедур терапевта как ученого-прикладника. Но в главе 10 мы увидим, что, если говорить со всей точностью, то это другой случай.

Если такое терапевтическое воздействие отношений *доктор — пациент* «встроено» в социальную структуру этих отношений независимо от того, что планирует профессионал, это означает, что оно встроено и в другие части той же социальной структуры. Действительно, такие феномены, как «лечение доверием», а в бесписьменных обществах подход к болезни с магической точки зрения, очевидно, распознаются как одно и то же явление. Но идентификация подобных элементов в нашей собственной социальной структуре может быть значительно облегчена эксплицитным анализом тех структурных факторов, которые приводят к таким же функциональным результатам.

Можно установить, как применяются общие условия реинтегративного процесса социального контроля, очерченного в начале данного раздела. Во-первых, ориентация на коллектив терапевта и определение его функции как «помощи» пациенту дает основание для элемента поддержки. Во-вторых, определение пациента как «больного» дает основание для допустимости поблажек: он не может быть «полностью ответственен» за свое состояние и за некоторые вещи, которые он говорит или делает. В-третьих, однако, некоторые профессиональные характеристики данной роли дозволяют терапевту отвергнуть многие из тех тенденций, которые пациент стремится проявлять во взаимодействии с ним, и именно благодаря стандартным элементам конкретности и аффективной нейтральности. И наконец, определение терапевта как компетентного эксперта дает ему возможность манипулировать системой вознаграждений. Его одобрение, в частности, значимо для пациента в силу его профессионального авторитета, который опирается на ценности социальной системы.

Воздействие терапевтического процесса нацелено в основном на расхождение между определением ситуации, как ее понимает сам пациент, и стандартами, институционализированными в профессиональной роли.

Детали этой структуры слишком многообразны, но можно предположить, что функциональные эквиваленты этих четырех характеристик роли врача можно найти, и в весьма большом разнообразии, в других частях социальной структуры (18). Проблема, следовательно, в при-

менении этих обобщенных моделей с соответствующими модификациями более широко: к различным феноменам за пределами терапевтической сферы. Единицей этого реинтегративного процесса ни в коем случае не может быть отдельный актор, это может быть субколлектив, такой как девиантная шайка.

Расширение применения первого критерия едва ли требует дальнейших комментариев. Полный разрыв с институционализированным ценностями не общее явление, а ограниченный случай, и наиболее часто применяемый им подход — «выталкивание» нарушителя, как это бывает в случае преступления, а не просто спонтанного отчуждения. Весьма обобщенно, следовательно, можно предположить, что аналогия элементу поддержки заключается во взятии на себя обязанности помогать больному человеку поправиться. Вопрос в том, как эти возможности мобилизуются в действующих механизмах контроля. Ограниченность места не позволяет нам углубиться в этот вопрос далее. Можно предположить, однако, что некоторые из рационалистических и утопистских (девиантных) элементов ценностной традиции обладают таким значением в противоположность тому, что можно было бы ожидать, поскольку они обладают достаточно общим основанием с институционализированными ценностями, что посредством «интерпретации» можно нащупать переход от них к более общим институционализированным ценностям. Таким образом, как индивиды, так и движения, начинавшие когда-то в относительно радикальном духе, имеют тенденцию изживать этот радикализм и понемногу ассимилироваться в действующую систему. То, что в радикальных кругах часто именуется тенденцией к «предательству», с точки зрения системы как целого может интерпретироваться как процесс «выздоровления». По существу то же самое можно сказать и о многих сектантских религиозных движениях. Хотя, с точки зрения их фанатичных приверженцев, «секуляризация» — это, по определению, то, что исходит от дьявола, с точки зрения социальной системы это может указывать на прогрессирующее признание институционализированных ценностей.

В этой связи следует отметить, что противоположные описанным религиозные движения, а часто и их политические производные, проявляют общую тенденцию в своих определениях противопоставлять «бога» «мамоне» или «духовность» «материализму» так, как бы вообще не было никаких позитивных моральных ценностей у противоположной им стороны. Институционализированные в этой сфере ценности, с их точки зрения, не являются вообще ценностями, а всего лишь «эгоистическими интересами» и соблазном «плоти». Настойчиво напрашивается предположение, что наиболее радикальные из этих нападок на институционализированные ценности, против которых так восстают эти движения, включают в себя комплекс реакций, направленных против указанных ценностей, к которым сторонники этих движений на самом деле чувствуют глубокую привязанность. Это очевидно из вышеприведенных описаний. Формирование таких реакций неизбежно, потому что определение ситуации часто заставляет девиантное движение нападать именно на высшие достижения и ценности, лежащие в основании общей ценностной системы. Так, некоторые течения христианства атакуются не только по линии терпимости их к проституции и некоторым сексуальным извращениям, но также и по линии принятия высочайшего идеала супружеской любви — считается, что допустим только принцип «лучше жениться, нежели разжизаться». Острый ценностный конфликт, с неизбежностью вытекающий из таких нападок, помогает сохранению радикальности таких движений, давая начало порочному кругу девиации. И тем не менее элемент общих ценностей, делающий возможным обратное движение, всегда присутствует в них в весьма немалой степени.

Отказ признавать девиантные ожидания, по-видимому, наиболее явно институционализирован в нашем обществе по отношении к «частным» мотивациям в универсалистских и функционально конкретных моделях официальных лиц и статусов: последовательно проводится отделение «официальных» и других институционализированных статусов от личности их носителей. «Должность» дает им право не брать на себя ответственность за многие вещи, которые «люди» обычно делают или говорят. Это верно также относительно политических и исполнительных должностей, которые в наибольшей сте-

пени несут ответственность за принятие решений. Но в нашем обществе институционализированы также различные юридические органы, которые держатся еще далее в стороне от взаимодействия с описанными течениями; наиболее яркий пример здесь — суд. Почти недосягаемые носители высших исполнительных должностей, по-видимому, особенно важны в этом отношении, поскольку человек на такой должности должен избрать себе твердую позицию в своем взаимодействии с большинством других людей и обязан пользоваться этим основанием в контексте своей «должности» в обоих смыслах, т. к. и достоинство, и власть, связанные с их статусами, особенно сильно акцентируются.

Барнард, рассматривая процесс принятия решения исполнительными должностными лицами, делает особый упор на важности такого решения: кто и когда должен, а кто не должен решать (19). Можно предположить, что в результате решение довольно часто не принимается из-за отказа «втягиваться» во взаимные отношения, которые в случае слишком сильного в них участия подвергли бы опасности достоинство и независимость должностного лица. Хорошо известно, что лицам на исполнительных должностях необходимо с сугубой осторожностью выстраивать свои личные отношения, особенно с теми людьми, с которыми им приходится иметь дело официально. В целом эта изоляция от партикуляристских взаимных отношений может считаться одной из наиболее значимых функций институционализации универсалистских и функционально конкретных стандартов. Это ставит носителя такого статуса, институционализированного в указанных стандартах, в положение выразителя определенных типов как явного, так и латентного контроля, который невозможен в ролях другого типа.

Элемент «дозволенности» широко представлен и в других точках нашего общества, так же как в религиозных и магических ритуалах других обществ, как уже указывалось. Может быть, наиболее любопытный пример — институционализация права «партизанить». В политической сфере это, конечно, особенно заметно. Людям не просто позволяют, их настойчиво приглашают обнаруживать свои точки зрения и обсуждать их, предоставляя в этом большую степень свободы. В этом заключается также характерная черта нашей системы образования: как студентов, так и учащихся колледжей поощряют излагать свои точки зрения. Конфессии некоторых религиозных организаций, в частности, разумеется, Римской католической церкви, также следуют этой практике. Организации самого разного типа также пытаются в возможно большей степени открыть каналы для выражения жалоб и предложений. Кроме того, становится все более распространенной система консалтинга, которая прямо дозволяет такое выражение мнений, гарантируя при этом анонимность.

Другая характеристика, связанная с «дозволенностью», — это проекция на значимые фигуры и институциональные символы установок, которые, будучи более или менее реалистичными, не являются устойчивыми во времени. Это имеет как положительную, так и отрицательную сторону. Высшие исполнительные должностные лица, в частности, обвиняются во многих вещах, за которые они просто не могут нести никакой ответственности, но, с другой стороны, «получают кредит доверия», когда дела идут хорошо.

Как в том, так и в другом отношении дозволенность в нашем обществе заходит так далеко, что, если бы внимание было прямо направлено только на то, что делается и говорится в этой сфере, общество вряд ли смогло бы обеспечить себе выживаемость. Так, политическая партия в ходе политической кампании серьезно уверяет публику, что ее оппоненты совершенно не способны управлять, что ценности, которые они представляют, прямо противоположны «настоящим» американским, и т.п. Но тем не менее, когда их соперники занимают должности, все это волнение утихает, и члены первой партии как-то находят возможным продолжать существовать в данном обществе и выполнять свои нормальные ролевые обязанности. Даже президент, хотя он и из противоположной партии, тем не менее все-таки президент Соединенных Штатов и обладает всем достоинством, которое дается ему его высокой должностью.

Все это предполагает, что существует не только дозволенность, но также и целый ряд механизмов, которые противодействуют ей и ограничивают ее. Одна из сторон превен-

тивного действия определенных элементов институциональной структуры была уже отмечена выше, она заключается в выдвижении контрверсий. Должностное лицо никогда не рассматривается исключительно как «политическое пугало», оно награждается также и аспектом ответственности за общее благо. В определенном смысле возможно «окультурить» успешно продвинувшихся на места должностных лиц кандидатов в том, что касается системы ожиданий, так, чтобы они могли с большим или меньшим успехом играть эту роль.

Более того, в определенных контекстах и при определенных условиях действия и слова должностных лиц ритуализированы там, где это касается выражения чувств и ценностей, общих для всей группы. В функциях, связанных с системой чувств людей, включенных в данную ситуацию, можно иногда найти много общего с «интерпретациями» психотерапевтов.

В главе 10 будет также показано, что ориентация на коллектив играет очень важную роль в валидизации положения терапевта. Можно предположить, что в общем и целом через социальную систему элементы ориентации на коллектив выполняют важные функции в более общем контексте социального контроля. Первое, что бросается в глаза, это что внутри организации власть всегда институционализирована в терминах ориентации на коллектив, несмотря даже на то, что цели данной организации в целом по преимуществу определяются в терминах ориентации на себя, как это бывает, например, в случае деловой фирмы.

Во-вторых, весьма важно, что, в отличие от политических партий, которые устремлены более всего к тому, что можно определить как «занятие должности» как таковой, сами политические должности определены очень строго, правда, в моделях поведения, исключительно в терминах ориентации на коллектив. В-третьих, даже в «капиталистических» обществах существуют очень важные организации и структуры, также определяемые в терминах ориентации на коллектив, посвящающие себя общему благу. В частности, в сфере социального контроля наиболее важным классом таких структур являются университеты. Их роль как проводника институционализации важнейшей культурной традиции, которую мы будем рассматривать в последующих главах, была бы невозможна, если бы не эта черта их модели: теснейшая связь с ценностями объективности и беспристрастности.

С другой стороны, вполне может оказаться, что одна из важнейших причин неспособности класса предпринимателей консолидировать свою позицию национальной элиты в смысле достижений того, что называют «правящим классом», состоит в том, что его первичная роль определяется в терминах «ориентации на себя» и, таким образом, дозволяет слишком большую готовность к попечению о собственных делах, что оказывается обстоятельством, мешающим осуществить власть «ответственно» и деятельно. Общественное доверие, облегчающее необходимую «терапевтическую» функцию, может оказаться несовместимым с таким определением роли. Девиантное движение, противостоящее «системе прибыли» на моральном основании, относительно легко сходит на нет, если оно вообще ничего не может противопоставить символу прибыли.

Это не означает, что сходство между психотерапией и другими механизмами социального контроля простирается слишком далеко. В действительности существуют как важные различия, так и сходство, но связи, по-видимому, весьма тесны, и факторы, общие для тех и других, достаточно фундаментальны, так что это сходство может дать нам в руки важную нить к распознаванию и анализу действия механизмов контроля, которые не являются такими уж очевидными для общественного сознания. Мы представили здесь, однако, только некоторые предположения, связанные с этой проблемой. Сфера эта нуждается в гораздо большем объеме исследований.

Наиболее важный общий вывод, которые отсюда следует, заключается в том, что без специального планирования каждой из тех частей, которые сложились в социальной системе нашего типа общества, и связей этой части с другими механизмы, действующие в данных пределах, не способны противостоять глубоко зашедшим тенденциям к девиантности и предотвращать переход их в фазу порочного круга, т. е. выводить их за пределы контроля обычными одобрительно-укорительными и вознаграждающими-наказывающими санкциями. Терапевтическая функция — это,

по-видимому, яснее всего осознаваемый случай, который подходит к данному утверждению. Но нужно сказать, что эта терапевтическая функция никоим образом не зависит исключительно от прикладной науки, а также и от важных характеристик социальной структуры. Можно обосновать, что, если это верно, то было бы весьма странно сводить эти широко распространенные характеристики и их огромное функциональное значение всего лишь к одному довольно специфическому контексту болезни и ее лечения. Можно предположить несколько направлений усиления релевантности этих характеристик (но не проанализировать их здесь адекватно).

Не следует высказывать претензии к тому, что в этом заключительном разделе длинной главы не было ничего предпринято, чтобы определить исключительно сложный предмет этих механизмов социального контроля. Это можно было сделать только весьма поверхностно. Однако и такое рассмотрение, пусть фрагментарное, может послужить своим целям, показав всего лишь на некоторых убедительных иллюстрациях, что действительно в социальной системе существуют весьма важные непланируемые механизмы, которые «противостоят» врожденным ей тенденциям к социально структурированной девиантности, и добавив сюда несколько указаний на те направления исследования, которые необходимо было бы предпринять, чтобы распутать некоторые сложности в работе этих механизмов.

В заключение можно сделать еще несколько общих утверждений, суммирующих наиболее существенные результаты предпринятого нами анализа.

1. «Измерение» конформность — девиантность или функциональная проблема прирождена социально структурированным системам социального действия в контексте культурных ценностей, как мы показываем в данном томе.
2. Склонность этих тенденций к девиантности и вытекающая из них релевантность механизмов социального контроля восходит к началу процесса социализации и сохраняется на протяжении всего жизненного цикла.

В самом начале жизни тенденции к девиантности не случайным образом связаны со структурой культурных норм и системой социального действия, но структурированы позитивно.

а) Диспозиция потребностей структуры личности появляется в результате взаимодействия в социально структурированной системе ролей, начиная с момента рождения, а структурирует ее относительно ролевой системы общества конформный либо алиенативный компонент, включенный в систему ролевых ожиданий. Эта структура диспозиций потребностей может в любой момент выступить в качестве одного из элементов, детерминирующих поведение индивида.

б) Независимо от наличия этой связи между структурами диспозиции потребностей и ролевыми ожиданиями индивид в социальной ситуации переживает целую серию «структурных напряжений», которые могут углублять в дальнейшем трудность конформности. Такие напряжения обычно вызывают реакцию, выражающуюся в ряде психологических склонностей и механизмов, а именно механизмов защитных и приспособительных.

Тенденция к девиантности в конечном счете обусловлена заложенными в социальной системе объективными возможностями, в структурировании которых особое значение имеют «лазейки» в системе социального контроля.

Любая социальная система, в дополнение к очевидным наградами за конформное поведение и наказаниям за девиантное, обладает еще сложной системой непланируемых и большей частью неосознаваемых механизмов, которые служат для предотвращения девиантных тенденций. В самом общем виде их можно разделить на три типа: а) направленные на «подавление в зародыше» тенденций к развитию компульсивной девиантной мотивации, прежде чем она успеет перейти в стадию порочного круга; б) препятствующие носителям такой мотивации оказывать влияние на других; в) «вторая линия обороны», которая создает возможность в разной степени повернуть вспять процессы развития порочного круга.

6. Тенденции структурированного девиантного поведения, с которыми не могут успешно справляться контрольные механизмы социальной системы, образуют один из основных источников изменений в структуре социальной системы. Этот ряд проблем мы рассмотрим ниже, в главе 11.

Приложение

После того как рукопись данной главы была уже закончена, возникло несколько дальнейших рассуждений в обоснование парадигмы для анализа девиантности и социального контроля. Однако я не стал пересматриваться готовую рукопись, чтобы вставить в текст эти рассуждения, а вместо этого счел более удобным представить их в очень кратком виде в приложении.

Следует напомнить, что выше были представлены четыре существенных условия успешной психотерапии, которые можно считать прототипами соответствующих элементов других механизмов социального контроля. Это поддержка, дозволенность выражать девиантные ожидания, отказ во взаимопонимании по поводу этих девиантных ожиданий и ограниченное определенными условиями манипулирование санкциями, а именно вознаграждением отношениями, в связи с таким поведением. Возникает вопрос, какие могут быть связи между этими элементами и что, в свою очередь, связывает результирующую парадигму с так определяемыми направлениями девиантной ориентации.

Элемент поддержки, очевидно, относится ко взаимному катексису акторов от отношений друг с другом. Терапевт, например, поддерживает своего пациента до тех пор, пока это его удовлетворяет, т. е. сохраняет положительную установку на него, когда он ведет себя релевантно той роли, которая была принята. Он рассматривает его как полноценного члена коллектива, который в данном случае состоит из терапевта и его пациента. Эта примененная здесь мера поддержки может получать отклонения в одном или двух направлениях. С одной стороны, уменьшение поддержки может состоять по существу в отказе в позитивном катексисе или же в замене его враждебностью. Психиатры в основном называют это «отказом». С другой стороны, поддержка может оказываться, но при условии изменения девиантных ожиданий *другого* или даже полного устранения нарушений нормативной модели, определяющей роль *эго*. В этом случае, в согласии с психотерапевтической терминологией, терапевт позволяет себе «искушать» пациента.

Отказ предполагает, что пациент исключается из солидарной системы отношений взаимодействия других. Допущение «искушения», с другой стороны, означает, что терапевт специально разрушает равновесие, вызывая напряжение между катективным аспектом отношений и нормативной моделью структуры, которая, предполагается, интернализирована терапевтом и до некоторой степени также пациентом.

Этот ряд условий устанавливают связь между поддержкой и прямой девиантностью, с одной стороны, и условиями взаимных разрешений — наказаний — с другой. Два последних условия совместно определяют оптимальный баланс установок на нормативную модель как таковую. Дозволение, если оно должно иметь положительный терапевтический эффект, условно и не включается терапевтом во взаимные девиантные ожидания. Тогда установки, правильные относительно нормативной модели, могут также быть девиантными в одном из направлений. С одной стороны, необходимая дозволенность может не быть гарантированной, нормы могут быть безоговорочными и строго принудительными. С другой стороны, может быть гарантировано взаимодействие, хотя этого не должно было бы быть, т. е. проявилось бы уклонение от взятой на себя ответственности поддерживать конформность к нормам.

Смысл всех этих рассуждений заключается в том, что эффективный социальный контроль зависит от интеграции двух основных факторов, от катексиса индивидуального актора как социального объекта, то есть от поддержки и от взятия на себя ответственности за поддержание нормативной модели. каждый из них может быть нарушен и получить любое отклонение, как сильное, так и слабое. Следовательно, в соответствии с тем, что является первичным, катекти-

ческий аспект или ответственность за модель, намечаются четыре способа отклонения от этого оптимального баланса: два в направлении негативного «отказа» и два в направлении «перевыполнения» ожиданий другого. Это соотношение может быть описано в виде схемы (см. Схему 4).

Схема 4

Можно показать, что эта парадигма построена на двух фундаментальных переменных, которые включены в четырехклеточную таблицу направлений девиантности, приведенной на стр. 371 (см. табл. 7), а именно: конформность и девиация, с одной стороны, фокусирование на социальном объекте или модели — с другой. Если же включить в рассмотрение еще и третью переменную, присутствующую в таблице, то в результате мы получим подразделение каждого из четырех типов девиантности от оптимума модели установок на социальный контроль на добавочных два подтипа. Ясно, что, сделав такой шаг, мы получаем опять тот же список из восьми главных направлений девиантной ориентации, которые были представлены в предыдущей таблице (см. табл. 8).

Таблица 8

	АКТИВНАЯ ФОРМА	ПАССИВНАЯ ФОРМА
Отказ	Агрессивность	Уход
Искушение	Доминирование	Подчинение
Компульсивная ответственность	Компульсивное давление	Совершенствование
Компульсивное избегание ответственности	Неисправимость	Уклонение

Четыре элемента парадигмы социального контроля обусловлены манипуляцией вознаграждениями. Сама она как таковая не входит в вышеприведенную классификацию, но служит как бы связующей нитью между другими элементами. Применение таких санкций или отказ от них могут быть использованы в качестве инструмента для того, чтобы в ситуации неопределенности сдвигать баланс в ту или иную сторону к процессу, который мог бы оказаться желательным.

Нам кажется, что из данного анализа направлений девиантности, возникающей под давлением напряженности в отношениях взаимодействия, и из анализа условий понижения напряженности благодаря процессам социального контроля получается весьма важный вывод из одной и той же фундаментальной парадигмы. Различие подходов в этих двух случаях заключается преимущественно в том, что при развитии данной парадигмы в направлении девиантности, как следует из анализа Мертона, после измерения «конформность — отчуждение» как такового мы делаем упор на различение «активности — пассивности» и вводим еще различение между фокусированием на социальном объекте и на моделях только в качестве «вторичного» основания переменной. В данной парадигме для анализа механизмов социального контроля, с другой стороны, как только что было доказано, эти последние, наряду с «конформностью — отчуждением», представляют главную ось. Только когда обнаруживается этот факт и вводится третья переменная: «активность — пассивность», создается возможность выявления двух парадигм, прямо конвергирующих друг с другом. Обе в действительности являются способами установления как условий, при которых напряженность воздействует на интерактивные отношения, так и условий, при которых такая напряженность смягчается. Или, говоря несколько иначе, один из способов устанавливает условия напряженности, другой — условия эффективного восстановления равновесия системы взаимодействия, которая подверглась напряженности.

Благодаря анализу, проведенному в главе 7, должно стать очевидным, что использование психотерапии в качестве примера имело своей целью только проиллюстриро-

вать этот анализ. Парадигма, которую мы выдвинули, имеет общее значение для анализа механизмов социального контроля. Кроме того, очень важно отметить, что она независима от отдельных ролевых структур отношений взаимодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 7

(1) Другим весьма важным феноменом такой реакции на напряжение могут быть фантастические построения.

(2) Разумеется, это возможно в ограниченные периоды времени. В определенное время негодование *эго* может излиться во враждебных актах (включая вербальные) — и положительная установка вновь возобладает.

(3) Могут существовать различные аспекты и источники этого различения, наша цель, однако, рассматривать прямой результат основной парадигмы взаимодействия как таксового. Измерение конформности — отчуждения возможного отклонения относится, как мы уже видели, к ориентации любого актора на стандарты в установленной системе ожиданий — или ее части, — которая институционализирована и интернализирована в системе взаимодействия. С другой стороны, измерение активности — пассивности соотносится с первичным аспектом взаимной ориентации *эго* и *другого* друг на друга *как на объекты*. Точкой отсчета, как всегда, является стабилизированная система взаимодействия. Понятие «активность» обозначает отклонение от роли актора в этом стабилизированном процессе по направлению к проявлению большей «инициативы», принятию большей степени контроля за процессом взаимодействия, чем требуется ролевыми ожиданиями. «Пассивность», с другой стороны, свидетельствует о направленности к проявлению меньшей инициативы, представлении контроля за ситуацией и за собой самим *другому* в гораздо большей степени, чем это предписано ролевыми ожиданиями.

Существует и третье измерение возможностей отклонения, которое мы обсуждали раньше. Оно касается относительных приоритетов в ориентации данного актора, которые относятся к модельному или к социально-объектному элементу системы взаимодействия. Стабилизированная система взаимодействия всегда включает в себя равновесие между ними. Это равновесие может быть сдвинуто, с одной стороны, приданием большей значимости стандартам — либо усилением конформности, либо нарастанием отчуждения к ним, — а с другой стороны, ориентацией, позитивной или негативной, на *другого* как на социальный объект. Все три измерения, таким образом, лежат в основании главной структуры интерактивной системы отношений.

(4) Пересмотренная и расширенная версия в его «Social Theory and social structure», гл. III.

(5) Конечно, «сильные» меры различного рода могут воздействовать так, чтобы удержать *эго* от действий, выявляющих его девиантную потребностную диспозицию, не меняя ее структуры. Так, госпитализация хронических психических больных может помешать им препятствовать *другим* осуществлять их нормальные процессы взаимодействия.

(6) Это вовсе не означает, что теория личности не содержит в себе факторов, которые не зависят от системы взаимодействия.

(7) Особенно впечатляют исследования Демареса. См. *Demareth N.Y.* Adolescent status and the Individual. Harvard University, 1942. Неопубликованная докторская диссертация.

(8) Это одна из нескольких ситуаций, в которых теория «референтных групп» приобретает большое значение для анализа социальных систем. *Эго* оказывается стоящим в точке пересечения систем интерактивного участия. В границах институционализированных стандартов его ролей ему дается свобода выбора, что следует предпочесть. Вне этих границ конфликтующие ожидания могут стать для него принудительными. Структура альтернатив, открытых ему, — по существу, компонент детерминации его поведения. См. Мертон и Китт, материалы, в кн. *Merton, Lazarfeld*, Eds., Continuities in social Research.

(9) Классический анализ такой функции ритуала — это анализ, данный Малиновским погребальным ритуалам в кн. «Magic, Science and Religion». Как отметил Кребер в цитированной выше работе, существуют также важные проблемы универсальности связи таких напряжений с ритуалами, которых мы коснемся в дальнейшем.

(10) В последующих двух главах мы собираемся обсудить некоторые способы, с помощью которых религиозная ориентация общества может быть первостепенно важной для ее генеральной системы ценностей в секулярной сфере.

Контрольные механизмы в некоторых сферах особого напряжения имеют тенденцию, в свою очередь, интегрироваться как с религиозной ориентацией, так и с генеральной системой ценностей. Имеется существенное различие между взглядом на религию, принятым здесь, и точкой зрения Кардинера в работе «Individual and High Society». Последняя тяготеет к рассмотрению ее как по преимуществу «прожективной» системы, которая выражает мотивационные элементы, блокированные дисциплиной светской жизни. Это, безусловно, один из главных аспектов данной проблемы, но только один.

(11) Убедительное доказательство важности молодежной культуры в этом аспекте дает исследование Демареса на примере шизофрении. Раннее «взросление» интересов в сочетании с недостатком участия деятельности в молодежной культуре в высшей степени характерны для данной группы. Ни один из изученных 20 человек не имел налаженных удовлетворительных гетеросексуальных отношений на уровне молодежной культуры. Вполне возможно, что без молодежной культуры шизофренических заболеваний было бы гораздо больше. См. *Demareth N.Y.* Adolescent Status and the Individual. Harvard University, 1942. Неопубликованная докторская диссертация. Убедительным кажется и то, что один из элементов алкоголизма человека может оказаться связанным со сверхвключенностью в молодежную культуру и неумением эмансипироваться от нее в нужный момент. Алкоголиком может становиться иногда подросток, неудачно пытающийся стать взрослым.

(12) Можно отметить, что это верно не только для «фривольной» молодежной культуры, которая преобладала в Соединенных Штатах, но также и для «серьезной» юношеской культуры. Это, несомненно, играло огромную роль в нацистском движении как в Германии, так и в некоторых других странах, внесших значительный вклад в рекрутирование радикальных политических движений, а кроме того, в некоторых религиозных сектах. Интересно, что девиантные «хвосты» фривольной молодежной культуры перекрещиваются с делинквентностью, преступностью и т. д., в то время как ее серьезные направления переходят в движения социального изменения, которые делают сильный упор на требование легитимности.

(13) См. *Devereux E.C.* Jr. The Sociology of Gambling. Harvard University, 1949. Неопубликованная докторская диссертация.

4) Индивидуализм социальной системы, которая институционализирует универсалистско-достижительную систему ценностей, предполагает религиозную интеграцию либо в типе авторитарно управляющей церкви, либо в традиционной неподвижности многих бесписьменных религий.

5) См. *Durkheim E.* Deux lois de l'evolution pinale.

6) См. *Lloyd Warner W.* См. также: *Evans-Pritchard E.E.* A Black Civilization. *Azande Wirch Craft*; *Kluckhohn C.* Navaho Wirtchcraft.

7) Если болезнь мотивирована, это может быть тип явно девиантного поведения.

8) Некоторые аспекты этой проблемы анализируются в основном в работе автора: «Propaganda and Social Control», Essays, XIII.

9) *Barnard.* The Functions of the Executive.

Глава 8
СИСТЕМА УБЕЖДЕНИЙ И СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА: ПРОБЛЕМА «РОЛИ ИДЕЙ»

Наиболее фундаментальные связи культурной традиции с социальной системой мы уже рассмотрели. Действительно, они столь важны для любого анализа феноменов социального действия, что, без сомнения, бессмысленно было бы продолжать изложение теории социальной системы с того момента, до которого был доведен этот анализ в предыдущих главах нашей работы, без разработки фундаментальных проблем, связанных с местом культурных стандартов. Задача настоящей и следующих глав заключается в том, чтобы, считая сами принципы уже установленными, рассмотреть некоторые специфические вопросы взаимозависимости культурных элементов с элементами других компонентов социальной системы более подробно.

Мы уже видели, что стандарты ценностной ориентации в каком-то смысле являются центральными в социальной системе. Ввиду этого, а также в связи с тем способом, которым мы излагали выводы, следующие из схемы стандартных переменных, мы можем теперь сказать, что везде, за исключением только контекста социального изменения, который будет рассматриваться нами в 11 главе, на уровне, возможном в нашем исследовании, мы работали в сфере социологии ценностных ориентаций. Здесь же и в следующей главе мы сконцентрируем наше внимание на двух других основных компонентах культурной традиции: в данной главе — на системе убеждений или идей, а в следующей — на системе экспрессивных символов. Вначале мы кратко напомним о том значении, которое имеет культура в системах социального действия: основы классификации ее компонентов помогут читателю ориентироваться в дальнейшем изложении материала.

Культура с точки зрения концептуальной схемы, использованной в данной работе, состоит из стандартизованных упорядоченных систем значений, которые являются объектами ориентации действия, — это компоненты, интернализуемые личностью индивидуального актора и стандарты, институционализируемые социальными системами. Анализ культурных феноменов проводится, как и в случае компонентов других феноменов социального действия, теоретические конструкты используются учеными для наблюдения этих феноменов, формулировки проблем, с ними связанных, и для создания концептуальной схемы в целях их интерпретации. Общая максима: «Всякое наблюдение проводится в терминах концептуальной схемы» — применима и к наблюдению того, что мы называем культурными стандартами точно так же, как и к любому аспекту структуры социального действия. Это ряд абстракций от конкретных процессов социального действия.

Основное положение концептуализации, которую мы избрали, заключается в том, что культурные элементы — это элементы стандартизованного порядка, который опосредует и регулирует коммуникацию и другие аспекты взаимных ориентаций в процессах взаимодействия. Мы уже утверждали, что в отношениях между культурой и мотивационным компонентом действия всегда существует нормативный аспект; культура обеспечивает *стандарты* отбора и упорядочения ориентаций.

Самая главная исходная точка для классификации культурных элементов — три основных контекста *функциональных* проблем ориентации действия в целом: когнитивный, катектический и оценочный. Для многих концепций действия фундаментальное значение имеет то, что должны существовать комплексы стандартов, дифференцированные с учетом каждого из этих главных контекстов проблем. Эти аспекты рассмотрения дают основу для первоначальной классификации типов культурных моделей, а именно: систем убеждений, систем экспрессивных символов и систем ценностных ориентаций.

Теснейшая связь систем убеждения с процессом социального действия может стать особенно наглядной, если

возвратиться к парадигме взаимодействия. Мы уже указывали при введении этой парадигмы в первой главе данной работы, что одна из основных функций всей культуры, которая возникает в обществе, это коммуникация. Без общепризнанности и относительной стабильности значений невозможна взаимная дополнительность ожиданий. Это применимо преимущественно к когнитивной системе символов, но не исключительно к ней. Более того, именно в этом аспекте культуры нормативный элемент всегда присутствует в ориентации, поскольку соблюдение условностей и стандартов языка и системы убеждений — условие коммуникации.

С точки зрения действия *исследование реальности*, конечно, главная функция когнитивной ориентации. Разумеется, сюда входит точность и адекватность познания другого как объекта и самопознание человеком себя самого. Но в контексте взаимодействия возникает и другой аспект: общность убеждений. Убеждения, точно так же, как и другие элементы культуры, интернализируются актором как часть личности. Существование общей системы убеждений, разделяемых как *эго*, так и *другим*, в некоторых отношениях столь же важно, как и то, что убеждения должны быть адекватными реальности вне отдельных систем взаимодействия. В силу такого дуализма функционального значения эта система не может не быть общей, т. к. когнитивные искажения могли бы оказать влияние на систему взаимодействия и оказались бы препятствием для коррекции влияний с точки зрения реальности. Если *эго* и *другой* разделяют одно и то же убеждение, искажающее реальность, относительно, например физического окружения или третьих лиц, и если *эго* стремится сделать свое убеждение все более адекватным реальности, в то время как *другой* не вносит в него никаких изменений, то начиная с небольших расхождений, возникает все более сильное напряжение в отношениях *эго* и *другого*.

Эта интегративная функция общих убеждений в системах взаимодействия будет затрагиваться нами во многих местах данной главы, но когда когнитивный интерес имеет четко выраженное преобладание, главный центр тяжести — *экзистенциональный*. Преобладание *чистого типа* когнитивной ориентации, следовательно, вызывает к жизни то, что мы назвали бы системой **экзистенциальных убеждений**. Необходимо далее подразделить эту категорию на убеждения эмпирические и неэмпирические. Идеи или убеждения могут быть названы эмпирическими, если они в качестве главных ориентаций культурной традиции, частью которой они являются, относятся к процессам, которые должны быть определены и предназначены для манипулирования в модели *практической реальности*, что мы называем эмпирической наукой и что имеет свои эквиваленты в других культурах (1). Эмпирическим идеям или убеждениям в этом смысле противостоят неэмпирические убеждения, не связанные с такими предметами, которые можно определить как сферу методологии эмпирической науки или ее эквивалента в других культурах (2).

Эмпирические идеи или убеждения можно подразделить в соответствии с теми объектами, к которым они относятся. В терминах теории действия это классы объектов и ситуации действия в том виде, в каком мы рассматривали их в предыдущих главах. Для наших целей достаточно различать четыре главных класса, а именно: физические объекты (включая и организмы) или *природу*, индивидуальных акторов или *личности*, коллективных акторов или *коллективы* и сами *культурные объекты*. Для некоторых целей может иметь значение также различение организмов и других физических объектов, как мы видели выше, в 4 главе, при классификации точек отсчета для категоризации акторов как объектов. Эмпирические убеждения относительно всех классов объектов, однако, в целом, как правило, релевантны познанию их по методологическим правилам науки, хотя это часто неявно в некоторых культурах.

Общепризнанно, что категория неэмпирических убеждений остаточна. То, что такая категория должна быть частью культурной традиции, по-видимому, вытекает из системы координат действия. В виду ее исключительной важности, мы можем рассматривать ее как систему *философских* убеждений данной культуры. Она включает в себя убеждения относительно *сверхъестественных* сущностей: богов, духов и проч., а также относительно вполне объяснимых свойств естественных объектов, личностей, коллективов, которые не являются предметом того, что в данной культуре познается в соответствии с правилами эмпирического

познания. Иными словами, в соответствии с когнитивными ценностными стандартами, с точки зрения современной науки, — это убеждения, которые не могут быть ни подтверждены, ни опровергнуты по правилам науки, и тем самым не могут быть подведены по данным стандартам под категории значения и (или) ошибки. Как мы уже говорили, чисто когнитивный интерес может преобладать в связи со стандартами когнитивной ориентации. Тип действия, который соответствует этим критериям, можно назвать *исследованием*. Если проблема, которая подвергается этому исследованию, эмпирическая, можно говорить о *научном исследовании*, поскольку же она является неэмпирической, мы будем говорить о *философском исследовании*. В последнее включается исследование логических и гносеологических предпосылок эмпирического познания в той мере, в какой их невозможно верифицировать эмпирическими фактами и невозможна в данном случае их теоретическая генерализация.

Когнитивный приоритет, следовательно, как мы уже видели, сохраняется, если дана конкретная цель и проблема заключается в выборе эффективных путей достижения этой цели и в сравнении «стоимости» их в рамках данных альтернатив. Это можно назвать *инструментальной ориентацией*. Если дана цель действия, то проблема — чисто когнитивная, и следовательно, решения могут быть найдены с помощью применения по преимуществу когнитивных стандартов, оценочная же и (или) моральная точки зрения являются в таком случае подчиненными. Явные исключения возникают, когда частная цель должна быть включена в более широкую систему ориентации, и в цену достижения цели может входить отказ от оценочных и других эвалюативных интересов. Когда вопрос сформулирован так, его уже невозможно решить в соответствии с чисто когнитивными критериями, но когнитивные критерии все же являются решающими при определении, что есть проблема и какой ценой может быть достигнута цель.

Это введение экспрессивной и оценочной точек зрения, когда взвешиваются значения данной цели, указывает то направление анализа систем убеждений, которое будет проводится далее. Это та самая точка, где когнитивная проблема перестает быть чисто экзистенциальной и включает в себя, пользуясь выражением Макса Вебера, *проблему смыслов*. Проблема смыслов, так понимаемая, всегда включает экзистенциальные проблемы как эмпирические, так и (или) неэмпирические. Ведь в дополнение к экзистенциальной проблеме существует также и проблема «что из того?» — с точки зрения пользы экзистенциального рассмотрения чего бы то ни было относительно интересов актора, индивида и (или) коллектива. Ввиду характерных особенностей структуры систем действия такое привлечение значений, в свою очередь, имеет два аспекта: катектический и оценочный (эвалюативный). Первый предполагает катектическое значение для данного актора действительных или ожидаемых экзистенциальных состояний ситуации, прошлого, настоящего или предвидимого будущего, — предположение, которое в предыдущем анализе связывалось с тем, что мы назвали балансом удовлетворения — неудовлетворения личности. Вторая особенность касается оценочного определения ее направленности на реализацию ценностей данной системой действия. Поскольку индивидуальный актор полностью интегрирован, т. е. мотивирующие его потребности и его ценности синтезированы друг с другом, катектический и оценочный аспект приходят к одному и тому же. В случае коллектива, однако, интересы некоторой части индивидов могут приноситься в жертву интересам коллективных ценностей (3).

По-видимому, целесообразно применить термин *оценочные* убеждения как параллельный термину *экзистенциальные убеждения*. Если, следовательно, проблема значения в вышеуказанном смысле входит наряду с экзистенциальной проблемой: «в каком положении дело?» — мы можем говорить об *оценочной системе убеждений* (4).

Необходимо, далее, с этой точки зрения рассматривать системы убеждений в двойной классификации. С одной стороны, отличать эмпирические референции, а с другой стороны, экзистенциальное и оценочное значения или релевантность системе действия. Комбинация эмпирического и неэмпирического, очевидно, дело науки и ее донаучных эквивалентов. То, что неэмпирично и экзистенциально, мы всегда выделяем как философию, но, имея в виду факт на-

личия некоторых стандартов эксплицитности и логической артикуляции, лучше говорить о протофилософии.

Вернувшись к оценочной категории, мы можем сделать и здесь параллельные различения. Если первичное значение — эмпирическое, то можем говорить об идеологии. С этим термином возникает только одна трудность, а именно: он по преимуществу относится к системе убеждений, общей для членов коллектива, в теории же действия весьма существенно с точки зрения некоторых целей говорить также о таком аспекте системы убеждений и отдельного актора. Если точкой отсчета является индивидуальный актор, мы будем стремиться избежать этой трудности, говоря о *личной идеологии*. И наконец, если первичное значение — неэмпирическое, мы можем — в том случае, когда проблема значений играет основную роль, говорить *о религиозных идеях*, как отличных от идей протофилософских.

Тогда с этой точки зрения в отношениях существует главная симметрия: с одной стороны, науки и идеологии, с другой — философских и религиозных идей. В том и другом случае переход к оценочной категории означает изменение той *ставки*, которую актор делает в своей системе убеждений, это означает переход от признания к интернализации (commitment). Существо дела заключается тогда не в интересе к тому, какое же положение является *истинным*, но сверх того еще в реализации следующих из него выводов для ориентации действия. Теперь мы должны под другим углом зрения вернуться к рассмотрению сделанного нами во второй главе различения между признанием культурного стандарта и интернализацией (commitment) его. Это имеет очень важное следствие для различения стандартов, о которых идет речь, в данном случае системы убеждений и системы действия, особенно того, что понимается под его институционализацией в социальной системе.

Нам придется иметь здесь дело с каждым из четырех главных типов систем убеждений, на которые они, в свою очередь, распадаются. В конце главы мы дадим краткий обзор проблемы общей классификации типов системы убеждений в плане содержания ориентаций.

Экзистенциальные эмпирические убеждения и социальная система

Наше рассмотрение систем эмпирических убеждений мы разделим на четыре части. Вначале мы кратко остановимся на общем статусе эмпирического знания в социальной системе. Далее мы перейдем к весьма важному специальному случаю, а именно к институционализации научного исследования в качестве особой ролевой функции. Затем будут обсуждены проблемы применения эмпирического знания, полученного на научном уровне в практике, и наконец мы рассмотрим социальные идеологии.

Нельзя сомневаться в наличии *эмпирической науки* как части культурной традиции любой социальной системы. Без относительно высокого развития этого компонента нельзя говорить о человеческом обществе вообще. Язык и возможность передачи культуры создают предпосылку для кумулятивного развития эмпирического знания и науки.

Несмотря на это, в очень большом числе человеческих обществ, в особенности, но не исключительно только в обществах, не имеющих письменности, существует сильное отставание в скорости развития эмпирического знания по сравнению с развитием современной науки и даже в признании уже имеющегося в наличии знания и использования его в инструментальных контекстах.

Эти ограничения связаны, по-видимому, в первую очередь с тем, как интегрировано знание с другими элементами действия: оказывается, можно это сделать таким образом, что исследовательские интересы будут тормозиться.

Насущность и первичность практических инструментальных потребностей сами по себе создают основу для такого подавления. Условия, способствующие научному прогрессу, лежат, по-видимому, в двух направлениях: во-первых, это абстрагирование и генерализация знания, а во-вторых, развитие специальных научных методов. Ни то, ни другое невозможно в сколько-нибудь заметных размерах при сильном давлении насущных первичных потребностей. В таких условиях развитие знания будет обнаруживать тенденцию к связи с непосредственным, практически релевантным контекстом и с имеющимися в наличии процедурами. Только

специализация ролей в исследованиях делает возможным заметное и быстрое развитие. Но в *первобытных* условиях эта возможность не может быть реализована даже когнитивно, не говоря уже об отсутствии других институциональных предпосылок.

С этими выводами тесно связано также положение о необходимости стабилизации социальной системы как в том, что касается системы отношений, так и в культурных ориентациях. Например, выдвижение на первый план в бесписьменных обществах магии связано, по-видимому, с элементом неопределенности в том, что касается успеха тех или иных практических усилий. Но именно потому, что магия обеспечивает неэмпирическую когнитивную ориентацию на неизвестные и неконтролируемые факторы ситуации, которые в некоторых отношениях мотивационно удовлетворительны и функционально позитивны для данной социальной системы, существование магических убеждений как первого очевидного исходного пункта (5) тормозит развитие рационального эмпирического знания, поскольку они находятся в прямой конкуренции и несовместимы друг с другом. Другими словами, система эмпирических убеждений, которая со всех сторон ограничивается магическими убеждениями, благодаря этому оказывается сильно заторможенной в своем развитии. Она обнаруживает тенденцию к сохранению status que.

То же самое верно и относительно других аспектов сложной социокультурной системы. Существует, как мы видим, весьма сильная заинтересованность в сохранении status quo. Развитие эмпирического знания всегда бывает подчинено некоторым существенным интересам. Следовательно, до тех пор, пока оно не институционализировано само по себе, оно может развиваться только очень медленно и спорадически, несмотря на то, что существует очевидная заинтересованность в его развитии. По-видимому, здесь уместно заметить, что магические убеждения входят в религиозные и интегрируются с ними. Последние же обладают тенденцией сильно институционализироваться в социальной системе и сильно интегрироваться с системами влияния и вознаграждения в обществе. Даже если религиозная система динамична, а не ориентирована традиционно, и эта ее динамика благоприятна для эмпирических исследовательских интересов, тем не менее она будет, по-видимому, оказывать тормозящее действие на развитие эмпирической ступени знания.

Со всем сказанным выше тесно связана проблема того способа, которым инструментальные и исследовательские интересы связываются с преобладающими экспрессивными интересами. Большая насущность инструментально первичных потребностей, указанная выше, по-видимому, связана с общей ориентацией на непосредственное удовлетворение и экспрессивную деятельность, а следовательно, со сравнительной минимизацией тех видов познания, которые связаны с высоким развитием инструментально ориентированных стандартов действия и существенны для них. Основные предметы изучения в бесписьменных обществах, точно так же, как и во многих письменных, связаны, очевидно, с такими аффективно-диффузными типами ролевых обязанностей, как обязанности родства, а не с универсалистскими, конкретными и аффективно нейтральными стандартами, подобно профессиональным ролям современного типа. Высокоразвитому эмпирическому познанию в высшей степени присущи такие особенности: постановка и решение исследовательских проблем должны быть универсалистически ориентированы, представление об отдаленных следствиях требует высокой степени аффективно-нейтральной дисциплины, для успеха существенна специализация, а следовательно, конкретность ролевой функции. Очевидно, что такой тип ролевого стандарта не может развиться в большем масштабе, не будучи поставлен в совершенно особые условия, а потому мы имеем дело с относительным застоем в развитии эмпирического познания во многих обществах обычного типа.

С этой точки зрения высокое развитие науки в обществе нашего типа ставит важную проблему связи заинтересованности в исследовании с другими интересами социальной системы. К этой проблеме мы сейчас и обратимся.

I. Институционализация научного исследования

Различие между наукой и эмпирическим познанием и соответствующее различие между научным исследованием и эмпирическим когнитивным решением проблем на уровне

здравого смысла — по степени и по смыслу относительно. То, что вчера считалось технической дисциплиной, сегодня в некоторых отношениях превращается в здравый смысл, как случилось с гелиоцентрической теорией солнечной системы и с бактериологической теорией заболеваний. Но, хотя пограничная линия неразличима, в целом есть некоторое устойчивое отличие. Обобщенность науки выходит далеко за рамки практической сферы инструментальных интересов и противоречит многим из них. Роль ученого становится технической ролью, а его специализированные интересы и процедуры *неприложимы* ни к чему за исключением его собственных, в высшей степени специализированных целей. Знания, которыми он обладает, с большим трудом могут быть применены неспециалистом, если вообще их можно применить вне его сферы. Окончательная оценка их может быть сделана только его квалифицированными коллегами. Таким образом, статус любого знания, идет ли речь о его принадлежности к науке или к здравому смыслу, весьма сомнителен. И различение между этими двумя типами — вопрос степени. Но это различение, тем не менее, жизненно важно. Основных норм научного познания, по-видимому, четыре: эмпирическая валидность, логическая точность или четкость каждого отдельного положения, логическая непротиворечивость выводов из этих положений и обобщенность принятых *принципов*, которую можно, по-видимому, интерпретировать как диапазон взаимно верифицируемых следствий (6).

Очень конкретные положения относительно отдельного факта могут быть верифицированы очень близко к абсолюту. Более общее положение на порядок дальше от определенности в том смысле, что оно менее понятно и его следует, если это возможно, модифицировать. Но наука прогрессирует по мере того, как удается связывать отдельные факты в обобщенные системы импликаций. Следовательно, здесь нельзя пользоваться одним каким-нибудь критерием. Приходится согласиться в целом с тем, что классическая механика, даже еще до вступления ее в эру относительности и квантовую эру, была в некотором смысле более *развитой* наукой, чем ботаническая таксономия, хотя *смысл* многих общих положений механики был во многих отношениях довольно сомнителен, таксономия же упорядочивала огромное количество фактов, весьма мало вдаваясь в их логическую структуру, сомнительную и противоречивую.

Перед нами следовательно, не просто вопрос: *принадлежит* или нет данная сфера знаний к науке, но предположение о наличии *основных норм* (в терминах, использованных нами выше) подразумевает, что существуют уровни развития науки. Более того, развитие это не заключается только в пополнении существующего знания все новыми фактами, оно включает также связь этого знания, систематизацию и генерализацию теоретического анализа. Именно в этом смысле наука, в особенности на культурном уровне, — вещь весьма динамическая. Характерная для нее структура — это структура различных уровней развития. Культурный элемент такого типа содержит, в том, что касается его связи с действием, врожденный элемент нестабильности. Всегда возможны новые открытия. Открытие может быть просто добавлением нового факта к уже существующей сумме знаний и этому факту нужно попросту найти соответствующее место среди остальных фактов. Но это может быть и нечто такое, что с необходимостью требует большей или меньшей степени **реорганизации**, систематизации всей суммы знаний.

Это ориентированное на развитие изменение научного знания, представляющего собой часть культуры, для нас здесь особенно интересно, т. к. оно связано с действием. Научное нововведение — не автоматический процесс в культуре, это процесс действия, который включает в себя все его основные элементы, релевантные процессу действия.

Существует, однако, в *культурной структуре* характерный элемент, выявленный со всей четкостью Кребером (7), обеспечивающий отдельный, но весьма важный ряд детерминант этого процесса. Поскольку точно так же, как и когнитивная система, сумма научных знаний в данной области на данный момент времени определенно структурирована, развитие не может происходить и не происходит случайным образом, во всех направлениях одновременно, т. е. неселективно. Оно структурируется в соответствии с внутренними культурными характеристиками этого знания. Для такой структуры характерны некоторые проблемы. Они существуют внутри нее, и вновь открываемые факты могут оказаться более или менее релевантными этим проблемам. Даже если само открытие случайно, последствия этого от-

крытия будут, таким образом, зависеть и от проблем, характерных для структуры этого знания. Возможности, которыми отличается любая данная система знания и связанные с его структурой проблемы, не случайны и не бесконечны, а конечны и структурированы конкретным образом. Тогда должен существовать определенный процесс разработки возможностей, характерных для структуры знания, построение которой уже началось и продолжается до сих пор, пока эти возможности не будут исчерпаны окончательно. Наиболее ярко Кребер использует анализ этого типа для того, чтобы показать, что творческий потенциал научного развития, точно также, как и в случае развития искусства, зависит не просто от наличия биологически одаренных индивидов, но также и от той работы, которая была проделана до этого момента. И точно так же можно сказать, что он не является прямой функцией благоприятного состояния социальной структуры. Имеется в наличии и аутентичный **культурный фактор**. Эмпирическое знание — существенная составная часть всякого действия, особенно если инструментальный аспект этого знания высоко развит. А следовательно, должен существовать и интерес не только к применению его, но и к развитию. Но в то же самое время мы увидим, что существуют сильно противодействующие факторы. Пока исследование не превратилось в преимущественно техническую функцию специализированных ролей, накопление знания совершается часто очень медленно и тормозится. Наиболее фундаментальная причина, по-видимому, заключается в том, что для *практического человека* основной центр тяжести лежит на достижении непосредственной цели самой по себе, и знание — просто один из наличных ресурсов для ее достижения. Но, кроме того, практическое действие по различным причинам имеет тенденцию быть встроенным в матрицу стандартов нерациональной ориентации (включая сюда и функциональные эквиваленты магии), которые, поскольку они обоснованы не прямо эмпирически, могут быть стабилизированы только благодаря традиционализации их. Действительно, общее стремление системы действия к стабилизации направлено против развития знания, т. к. последнее, очевидно, способно вызвать большой резонанс, стремясь к более эффективному достижению той или иной конкретной цели. Таким образом, практический человек прямо не заинтересован в дальнейшем развитии суммы научных знаний, выходящей за рамки непосредственной сферы его практических интересов. Все это служило причиной заметной напряженности, существующей между учеными и практическими людьми даже в той сфере, где наука применяется наиболее эффективно. Причины, по которым практический человек противится собственному движению в направлении накопления эмпирического знания, связаны, следовательно, в свою очередь, с тем фактом, что за известными пределами такое накопление становится возможным только благодаря специальным способам, которые требуют специализации ролей. Само познание становится зависимым от методики и требует от того, кто им занимается, специального обучения. Кроме того, исследование — это процесс, который требует особых навыков, в некоторых отношениях выходящих за рамки умений, характерных для некоторой стабильной фазы познания, с которой начался данный процесс. Выводы из всего выше сказанного относительно того, каким образом изменения эмпирического познания влияют на любую систему социального взаимодействия, приобретают еще большую весомость, если принимать во внимание значение в дифференцированном инструментальном комплексе специализированных ролей, связанных с научным исследованием.

Во-первых, сама природа специализировавшейся науки способствует возникновению того, что можно назвать коммуникационным разрывом. Ученый неизбежно зависит от *непрофессионала* в том, что касается оплаты и предоставления специальных льгот. Но неспециалист технически не настолько компетентен, чтобы быть в состоянии судить о том, что делает ученый, он должен положится на его *авторитет*. Это типичное положение вещей усиливается еще и тем фактом, что часто существует огромный разрыв между пионерами научного исследования и теми практическими результатами, которые наиболее правильно может оценить практик, которые он может понять и использовать в своей деятельности. В особенности это связано с когнитивной структурой науки, которая в силу разветвленности самих научных проблем не дает возможности ограничиться решением одной прикладной проблемы, особенно интересующей практика. Он же со своей собственной точки зрения никак

не может увидеть, что то, что дает ученый, *применимо универсально*. Этот коммуникационный разрыв между ролями всегда ставит проблему контроля. Наряду с вопросом о том, как поддерживать деятельность, которая, по видимости, не приносит никакой пользы, существуют стремления двух типов. С одной стороны, ученый создает массу полезных вещей, которые потребляются другими. Но эти вещи отчасти также вызывают *подозрения* по причинам невозможности постичь их. Некоторые из них потенциально опасны для неспециалистов, например, взрывчатые вещества в химических лабораториях, а иногда они затрагивают интимные сферы чувств. Например, препарирование трупов анатомами и медиками-студентами долгое время велось тайком и сегодня, несмотря на тот престиж, которым пользуется теперь медицина, некоторые религиозные группы разрешают вскрытие только в исключительных случаях, когда этого требует законодательство. Хорошо известно, что деятельность Общества по защите животных направлена на то, чтобы ограничить использование животных как объектов научных исследований. Ученый ставит непосильную задачу непрофессионалу даже в том случае, когда он просто просит дать ему какое-то время на достижение целей, в которых непрофессионал ничего не понимает. И это часто выявляется в социальных исследованиях, в частности, например, при интервьюировании людей.

Ввиду того, что ученому обеспечены некоторые преимущества по сравнению с другими людьми и это задевает интересы и чувства этих других, он всегда ощущает неуверенность в том, как будут оценены результаты его труда. На практике эта проблема всегда возникает из-за сильной обобщенности научных результатов, что означает невозможность непосредственного применения их для решения отчетливо поставленных и ограниченных практических задач. Это, по-видимому, имеет особое значение в идеологической, политической и религиозных сферах. Мотивы приверженности к идеологическим и религиозным идеям обычно структурированы несколько иначе, чем мотивы убеждения, основанного просто на эмпирическом знании. Это видно из того простого факта, что эти исключительно трудные проблемы содержатся в современной ситуации и заинтересованность в их отчетливом определении весьма сильна. Понятно, что развитие науки в больших масштабах невозможно без применения значительного влияния, а следовательно, отчасти и без оказания некоторого воздействия на идеологические и религиозные положения, которые играют важную роль в культурной традиции.

В целом практик ограничен как своими точками зрения, которые он может составлять себе только ad hoc, так и имеющимися в его распоряжении ресурсами, которые он может пустить в ход. И если методы научного исследования могут оказывать сильное воздействие на систему чувств, характерную для данного общества, весьма мало вероятно, что основные стимулы развития его будут обеспечены только или даже преимущественно (8) практическими *интересами*. Практические интересы могут в конечном счете комбинироваться с культурной ситуацией, которая обеспечивает престиж соответствующих типов деятельности не только на основании того, что они обеспечивают эффективность практики.

Это очень наглядно проявляется в том случае, когда мы имеем дело с наукой. Место науки в западном обществе отчасти определено доминирующей культурной традицией, которая предполагает высокую оценку определенных типов рациональности в объяснении эмпирического мира на основании того, что от результатов этого объяснения ожидают практической применимости. Поскольку такая оценка уже установилась и встроена в институциональную систему, она сильнее подкрепляется практическими результатами, т. к. науке дозволено развиваться в достаточной степени для того, чтобы плоды ее оказались ощутимыми. По всей вероятности, только прочное закрепление такой комбинации позволяет научным исследованиям достичь такого уровня престижа, который они имеют в современном западном мире. Но даже и в этом случае существует много элементов амбивалентности в социальных установках по отношению к науке и к ученым, которые выражаются во многих нерациональных и в некоторых рациональных мнениях о ее роли (9).

Оборотная сторона всего этого — существование чисто нерациональных элементов в отношении членов общества к ученому. Он — современный маг, *чудотворец*, который может делать нерукотворные вещи. Вместе с тем возникает

убеждение и в существовании псевдонауки. Сами ученые, подобно всем прочим людям, далеко не чисто рациональные существа. Их суждения, в особенности относительно того, что выходит за рамки их прямой компетенции, часто ниже всякой критики. То, что говорится от имени науки, весьма часто бывает очень далеким от того стандарта, который должна демонстрировать наука, и приближается к нему в зависимости от степени разработанности и обобщенности суждения большей или меньшей суммой данных, на которые оно опирается. Такое проявление внутренних профессиональных трудностей сильно сказывается на тех представлениях о научных делах, которые распространяются среди широкой публики, в то время как псевдонаука пользуется гораздо большим успехом. Важно отметить, что условия, при которых наука занимает прочное место в социальной системе, таковы, что наличие при этом такого рода псевдонаучных мнений, по-видимому, неизбежно. Их можно, разумеется, до некоторой степени ограничить и контролировать, но полностью элиминировать, по-видимому, невозможно.

Наиболее значительная особенность западной культурной традиции в самом широком смысле, традиции, которая играет роль оплота науки — сугубо универсалистское направление ее. Оно означает в первую очередь сильный акцент на значении знания, такой акцент обнаруживается, например, в подчеркивании рациональной теологии во всех наиболее значительных разновидностях христианства. То, что поощрение науки сильно возрастает в *аскетических* разновидностях протестантизма по сравнению, например, с католической тенденцией, показал Мертон в своем анализе религиозной ситуации в Англии во времена великих научных открытий XVII века (10).

Оценка знания с мирской точки зрения усилилась в связи с возрождением интереса к классической античности и с ростом престижа ее традиции в конце Средневековья. В западном мире, по-видимому, убеждение, что джентльмен должен быть образованным человеком, что это в первую очередь есть часть его аскриптивной роли, проходило несколько стадий, пока наконец в настоящее время не превратилось в убеждение, что образованного человека следует рассматривать как джентльмена, т. е. знание стало наиболее важным и единственным признаком понятия о превосходстве (вышерасположенности). Разумеется, это весьма схематическое изложение в высшей степени сложного процесса развития.

Краеугольным камнем западной традиции высшего образования, которое, в свою очередь, становилось признаком джентльмена, на ранних стадиях ее развития была гуманистика, а отнюдь не наука, хотя место математики в нем весьма важно. Но великая традиция гуманистического образования имеет много общего с наукой, это прежде всего уважение к беспристрастной объективности и, следовательно, к данным опыта. Это обнаруживается, в первую очередь, в вопросе об аутентичности исторических и литературных текстов, который никоим образом не получает такого значения в других великих литературах. Ученые-гуманитарии в этом смысле были во многих отношениях предшественниками всех ученых, и в настоящее время, конечно, они являются их коллегами в наиболее высоко образованной части населения.

В новейшее время культурная традиция стала воплощаться прежде всего в университете, представляющем собой ее основную институционализированную схему. Немалое значение для современного университета имеет тот факт, что он объединяет в один основной организационный комплекс высокое развитие функций научного исследования с гуманитарными сферами знания, которые являются краеугольным камнем наиболее высоко рационализированной части великой и яркой культурной традиции Запада. Он включает в себя, разумеется, и теологию как рациональную основу религиозных убеждений. Кроме того, огромное значение имеет то, что в составную часть университета превращается также большей частью и функция обучения главным разделам прикладной науки, в особенности медицине и инженерии.

Благодаря институционализации специфической роли ученого, которую мы только что рассмотрели, ситуация эта имела очень большое значение для прямой связи роли ученого с ролью прочих *экспертов* в главных сферах культурной традиции. Ученый получает опору, когда его рассматривают как составную часть того же самого культурного комплекса, который включает в себя и гуманитариев. Немаловажно и то, что он разделяет в ними функцию образова-

ния элементов основной элиты в молодом поколении общества. По мере распространения представления о том, что в целом *руководящими людьми* в обществе должны быть образованные люди в современном смысле этого слова, статус элиты этого общества связывается с признанием системы ценностей, составную часть которой составляют ценности ученого и оценка его деятельности, а также ее результатов. Такая интеграция науки как с широкой культурной традицией общества, так и с его институциональной структурой образует первоначальную основу для институционализации научного исследования как части социальной структуры. Это означает, что университетский ученый разделяет статус с другими группами, являющимися основными носителями культуры, и что ценности науки учитываются в системе ценностей общества в целом благодаря получению образования основными элементами его элиты. Если бы не это, то в высшей степени сомнительно, что даже на самых современных стадиях развития заинтересованность практиков в результатах науки сама по себе могла стать поддержкой для научного исследования как связанного с важным типом специализированных социальных ролей.

Говоря конкретнее, очень важно отметить, что статус на факультете университета дает ученому четко институционализированную роль со всеми вытекающими из этого последствиями. В современной организации, характерной для профессиональной сферы, он дает ему как источник средств существования его самого и его семьи, так и *рынок* для его продукта, ставя его в определенные отношения со студентами и коллегами-профессионалами и обеспечивая или расчищая каналы для публикаций его работ. Это обеспечивает и расширяет по мере роста необходимости чрезвычайно ценные льготы в сфере его труда, а также некоторые рамки исключительно важных отношений кооперации с коллегами и другими профессионалами. Наделяя его *ортодоксальной* профессиональной ролью, это обстоятельство дает не только ему, но также и членам его семьи статус, признанный в данном обществе, другими словами, способ *зарабатывать на жизнь*. Более того, университет отчасти также благодаря конкретным административным действиям защищает его свободу выполнять свою функцию от тех сил в обществе, которые стремятся ограничить ее (11).

Получаемая ученым профессиональная роль, центр тяжести которой лежит в университете — составная часть общей профессиональной системы. Кроме того, она — особый вид того, что выше мы назвали профессиональной сферой (12). Тот факт, что элементы стандартов универсализма, аффективной нейтральности, конкретности и достижительности ориентации являются здесь общими во всей профессиональной системе в целом, не требует специальных комментариев. Но интересно обратить также внимание на то, что в качестве профессиональной эта роль институционализирована преимущественно с ориентацией на коллектив, а не на себя.

По-видимому, существует два основных контекста, в которых ориентация на себя в научном мире обнаруживает тенденцию становиться сильно дисфункциональной. Один из них связан с постулатом «наука — это власть». Действительно, в довольно большом числе стратегически значимых случаев открытие ученого, будучи неконтролируемым, может привести его в противоречие с интересами и чувствами других людей. Эти другие, т. е. *общественность*, перестают в этом случае поддерживать сферу применения науки. Главный фактор такого отказа в поддержке — разрыв в коммуникации между экспертом и непрофессионалом, обусловленный техническим характером науки. Неспециалист неспособен соблюдать свои собственные интересы в *рыночной ситуации*. Таким образом, в некотором смысле ученый институционально имеет дело с властью, он признается *авторитетом* в своей области, и к этому случаю можно применить общий анализ функциональных причин связи ориентации на других с использованием власти.

Вторая дисфункциональная возможность — *монополизация* знания, ограничение его процессом развития науки самой для себя. Такая монополизация не только сокращает и замедляет развитие науки, т. к. затрудняет интеграцию с тем, что делают другие, но и приводит к серьезным столкновениям с механизмами социального контроля, действующими внутри самой науки. Чрезвычайно важно, что ученый, благодаря обсуждениям и публикациям подвергается серьезной критике со стороны своих коллег-профессионалов, включая даже проверку его результатов другими экспертами. Представление о том, что «теория ученого — это его

крепость», границы которой никто не может нарушить, если он сам их не уничтожит, совместимо с существованием такого контроля, чрезвычайно важного для сохранения стандарта объективности (13). И наконец, не следует забывать, что ученый требует себе *привилегий* от последователей. Ориентация на коллектив, конечно, много способствует обоснованности его требований к ним. Так, когда ученый-обществовед собирает информацию посредством интервью, субъект, которого опрашивают, имеет полное право задать вопрос: «Для чего Вам нужно это знать?» Обоснование, которое должно эксплицитно прозвучать в ответе на этот вопрос, заключается в том, что этого требуют интересы развития знания, а не личное желание ученого «совать нос не в свои дела», которое интервьюируемый имел бы полное право пресечь. Часто дается даже явная гарантия против злоупотребления полученной информацией, против использования ее для всяких *личных* и *неофициальных* целей.

В приведенном выше рассмотрении вопроса мы имели дело только с некоторыми аспектами институционализированного процесса научного исследования в социальной системе. Мы совсем не рассматривали очень сложную проблему влияний результатов этого процесса на все остальные сферы общества; этот вопрос будет затронут в главе 11 в связи с проблемами социального изменения. Тем не менее становится совершенно очевидным тот факт, что процессы его развития, столь же важные, как и культурные аспекты науки, в очень сильной степени зависят от того, каким образом они связаны с другими элементами социальной системы, из коих некоторые могут и не содержать научных аспектов культурной традиции. Возможности, которые дает данная культурная конфигурация, как это прекрасно показал Кребер, весьма существенный элемент развития науки. Но эти возможности могут остаться нереализованными, если элемент культурных стандартов не будет соответствующим образом вписан в институциональную структуру социальной системы.

Функция исследования, прежде всего *чистой* науки, должна превратиться в основное функциональное содержание системы полностью институционализированных ролей, которые обязательно профессионализированы по своему характеру. Это требует опоры на институционализированную культурную традицию, которая шире, чем сама наука, а также более конкретных стандартов определения релевантных типов ролей. Сюда включаются все элементы социальной системы, релевантные значению культурной традиции в данном обществе в своих как научных, так и ненаучных аспектах. *Очевидных* внутренних качеств науки, как это представляется сегодня вполне рациональному уму, совершенно недостаточно для того, чтобы объяснить тот факт, что ученый в современном западном обществе достиг совершенно институционализированной роли.

2. Институционализация прикладной науки

Поскольку научное исследование, несмотря на врожденную возможность для каждого человека действовать рационально, не может развиваться до тех пор, пока оно не институционализировано как часть ролевой структуры социальной системы, нельзя говорить как о чем-то само собой разумеющемся даже о практическом использовании имеющихся в наличии научных знаний, пока роли, в которых осуществляется такое использование, также не институционализированы. Пример такой институционализации — современная медицинская практика — разбирается в главе 10 данной книги. Здесь мы ограничимся только несколькими краткими замечаниями для постановки проблемы.

Самыми общими типами такой технологии, где формальная наука играет важную роль, являются типы, характеризующиеся «длинным окружным путем». Сюда относятся попытки достигнуть эмпирической цели с помощью специального оборудования, подготовленных кадров и сложной организации. Они развиваются в более или менее значительной степени только в том случае, если имеется основа для признания соответствующих дисциплин необходимыми для функционирования такого рода социальной структуры. И не последнее значение в создании этой основы имеет такое фундаментальное обстоятельство, как наличие инструментального разделения труда. Совершенно очевидно, что человек-носитель роли, как правило, дифференцированной внутри такой системы, по определению не может быть непосредственно лично заинтересован в прямом результате, который следует из его деятельности в данной роли. Он дол-

жен работать на цели, в которых в первую очередь прямо заинтересованы другие, часто только после довольно длинного ряда последовательных стадий процесс *производства* возмещает ему его вклад. Он должен стремится к получению вознаграждений двух различных типов. Во-первых, он получает *вознаграждения* за свои ролевые деятельности, которые в таком обществе, как наше, приобретают прежде всего форму денежного дохода, полагающегося ему за его выполнение ролей: сюда входят также различные символические вознаграждения, такие как уважение и престиж. Во-вторых, он получает вознаграждения, которые являются производными от деятельности самой по себе, включая, например, комплекс социальных отношений, которые у него складываются. Здесь действуют такие факторы, как оценка мастерства исполнения, связанная с самоуважением, а также с уважением и одобрением других. Сюда же относится катексис аффективно-нейтральных ценностных стандартов, а также аффективно положительный катексис лиц, с которыми он профессионально связан. Вместе с тем, положительный катексис должен быть конкретно ограниченным и не должен оказывать возмущающего влияния на профессиональную деятельность.

Одобрение научно обоснованных технологий в целом укладывается в этот контекст. На него влияют больше, чем какие-либо другие факторы, общие характеристики глубокого разделения труда.

Прежде всего, по-видимому, здесь имеет значение тот факт, что лица, которые по определению должны выполнять роли, требующие технологических идей, не могут, как правило, сами воспользоваться результатами своей деятельности. Следовательно, проблема мотивации нововведений в этой сфере должна решаться теми общими способами, какими она разрешается в условиях глубокого разделения труда. Она должна разрешаться либо с точки зрения *эгоистического интереса* человека, выполняющего данную роль за возможное *вознаграждение*, которое всегда включает также некоторые неконтролируемые факторы, либо с точки зрения мотивирующего значения ценностей достижения или коллективных обязательств, не предусматривающих непосредственного вознаграждения, вытекающего прямо из результата деятельности. Можно в целом сказать, что мотивационные элементы последнего типа по своему значению превосходят элементы первого типа.

Ученый-прикладник как предмет анализа (если можно так выразиться) представляет еще большую трудность, чем исследователь. Здесь существует коммуникационный разрыв, обусловленный тем, что техническая компетентность может быть оценена неспециалистом по результатам, которые могут быть продемонстрированы только после того, как этот неспециалист *создаст возможность* для этого либо посредством нелогических механизмов, связанных с престижем данной сферы познания, либо добывая средства и связи с какими-то ассоциациями. Существует ряд факторов, которые действуют против нововведений, поскольку они грозят нарушить равновесие установившейся системы социальных взаимодействий. Главное заключается в том, что ученый-прикладник часто испытывает *давление* интересов и чувств тех людей, от которых зависит его деятельность и которые иногда непосредственно заинтересованы в ней, а иногда нет.

Отсюда становится понятным тот факт, что в большинстве обществ технологические нововведения, вопреки их очевидной полезности, внедряются часто удивительно медленно, и даже в нашем обществе, где нововведение институционализировано в очень высокой степени, оно во многих сферах сталкивается с весьма существенными трудностями. Эти трудности свидетельствуют о том, что в целом высокая степень технического развития становится возможной только там, где для него существует фундамент широкой общекультурной традиции, а основные виды его институционализированы в такой степени, о которой мы говорили, касаясь научного исследования. Здесь можно только отметить, что в нашем обществе техника и технология самых высоких уровней корнями уходит в университеты и пользуется точно такой же поддержкой последних, как и научное исследование само по себе. Например, относительно медицины (случай, которым мы подробнее займемся ниже) не будет большой натяжкой сказать, что в американском обществе ее нельзя было считать созревшей прикладной наукой до тех пор, пока примерно поколение тому назад не было установлено, что нормой медицинского образо-

вания является медицинский факультет **университета**, норма же медицинского исследования задается лабораториями этого факультета и ведущими клиниками, связанными с ними. Таким образом, научный центр медицинской практики, обучение практикующих врачей, обоснование научного нововведения, непосредственно применяемого в медицине, а также общая культурная традиция, частью которой является вся наука в целом, организованы вокруг университета как основного *доверенного лица* этой традиции и фокуса институционализации. То, что верно для медицины, верно также и для других основных сфер прикладной науки, если говорить в общем.

Кроме того, разумеется, институционализация прикладной науки требует ролевой структуры, которая *адекватна* ее функциональным потребностям. В современном западном мире такая структура построена главным образом в терминах профессиональных ролей. Мы дадим обоснование этому в главе 10 в связи с конкретным материалом, касающимся медицинской практики, показав, что в условиях, требующих применения науки к практической жизни в больших масштабах, такая структура несовместима ни с какими другими главными типами ролевых структур. Мы покажем и обобщим причины этого явления после того, как будут приведены данные по этой профессиональной группе.

В целом, следовательно, мы можем утверждать, что прикладная наука, точно так же, как и само научное исследование, требует точно определенных условий в структуре социальной системы, а также культурных предпосылок в виде адекватного состояния накопленного знания. Знание не может применяться само по себе, независимо от того, насколько могут быть полезными его результаты с нашей, западной точки зрения. Оно применяется только через механизм институционализации ролей, в процессе которой только и могут развиться соответствующие комбинации мотивационных и культурных элементов. Только *встроившись* в этом смысле в структуру социальной системы и превратившись, таким образом, в нечто большее, чем *комплекс идей*, эмпирическое знание может приобрести основу для того, чтобы быть в состоянии оказывать большое влияние на действие.

3. Институционализация идеологий

Разбирая вопрос о научном исследовании, мы имели дело с таким типом действия, где когнитивные интересы безусловно преобладают. В практическом же применении дана цель, и в связи с этой данной целью на инструментальном уровне когнитивные интересы все еще продолжают преобладать. Перейдя к рассмотрению идеологий, мы больше не сталкиваемся с преобладанием познавательного аспекта, преобладать начинает оценка. Здесь следует отметить, что система убеждений такого типа, в которой отчетливо преобладали бы экспрессивные интересы, невозможна, т. к. в этом случае когнитивный интерес был бы подчинен экспрессивному, и мы имели бы дело с системой экспрессивных символов, а не убеждений. Когнитивная интерпретация значения этих символов, с другой стороны, как тип действия, сконцентрированного на интересе, превратилась бы в процесс исследования, что привело бы, в свою очередь, к преобладанию когнитивного интереса.

Идеология, следовательно, это система убеждений, относительно которой члены коллектива (14) — т. е. общества или же субколлектива внутри общества, включая сюда и движения, отклоняющиеся от основной культуры данного общества — согласны в том, что она ориентирована на ценностную интеграцию коллектива. Средства осуществления такой интеграции: интерпретация эмпирической природы коллектива и той ситуации, в которой он существует; процессы, благодаря которым он развивается по направлению к заданному состоянию; цели, на которые коллективно ориентированы его члены; а также их отношение к дальнейшему ходу событий.

Если когнитивный интерес преобладает очевидно, то это научная или философская по своему характеру система убеждений. Такие системы убеждений могут участвовать в построении идеологии, в действительности так всегда и бывает, но в качестве единственного объекта основного интереса такая система убеждений не создает идеологии. Точно также до тех пор, пока она занимается только интерпретацией ситуации с точки зрения достижения данной специфической цели, например, победы в войне, система убеждений представляет собой ряд инструментальных убеждений. Для того чтобы возникла

идеология, должна существовать дополнительная характеристика — некоторая оценочная обязательность убеждения как аспект членства в данном коллективе, когда поддержка системы убеждений институционализирована как часть роли члена коллектива. Существует огромное многообразие способов этой институционализации, а также ее степеней. Она может быть совершенно неформальной, а может быть формально навязываемой, как, например, требование подписи под определенными текстами с санкциями за отклонение, которые осуществляются специальными органами. Но, в отличие от преимущественного когнитивного интереса к идеям, в том случае, когда мы имеем дело с идеологией, должно существовать обязательство признавать ее принципы в качестве основы действия. В отличие от чисто инструментального убеждения, в нее должна входить идея, что благо коллектива, а не только достижение личной цели, зависит от принятия такой системы убеждений.

То, что мы называем идеологией — это основное ядро в эмпирических аспектах интерпретации природы и ситуации, в которой находится коллектив. Но эти эмпирические элементы по определению должны комбинироваться с неэмпирическими и образовывать с ними некоторое единство в том случае, когда суждение содержит в себе первичные цели и ценности коллективного действия. Система религиозных идей, с другой стороны, основывается в своей системе убеждений на преимущественно неэмпирических предпосылках, и это приводит к тому, что отсюда делаются импликации относительно эмпирической природы и ситуации, в которую поставлен тот или иной коллектив.

Положение о направлении идеологии на *оценочную интеграцию коллектива* требует интерпретации. Это вовсе не означает, что актор, принимающий систему убеждений, обязательно должен разделять философскую теорию о том, что именно интегрирует коллектив. Достаточно ему ощущать, что благо группы зависит от сохранения системы убеждений и от воплощения ее в действие. Очевидно, что система убеждений, по отношению к которой проявляется такая установка, в целом действительно приобретает для коллектива интегративное значение.

Основной упор в данной книге сделан именно на интеграцию социальных систем на уровне моделей ценностных ориентаций, институционализированных в ролевых ожиданиях. Эти модели ценностных ориентаций являются элементами культурной традиции, но они представляют собой только ее часть. Человек — познающее животное, и его ценности не существуют в отрыве от убеждений, которые придают когнитивное значение этим ценностям. Измерение когнитивного отношения к ситуации существенно для общей системы культурной ориентации, а также для ценностной ориентации в процессе выбора альтернативы действия, и аналитически не зависимо от него, хотя, разумеется, оно и связано с ними.

Кроме того, разумеется, генеральная линия, направленная на консистентность в культурной традиции, тем более сильна, чем сильнее она *рационализируется*. Это означает, что в целом, ценностная ориентация стремится к достижению относительной консистентности с системой убеждений. Вопрос о причинах и следствиях этого явления не будет нами здесь рассматриваться, в настоящий момент мы можем просто постулировать их взаимозависимость.

Поскольку должна существовать относительная (но не абсолютная) консистентность в стандартах ценностной ориентации коллектива, она должна распространяться и на систему убеждений, которые придают когнитивное значение этим ценностным ориентациям, хотя, по-видимому, этот момент не преобладает. Если идеологические убеждения и ценностные стандарты, как предполагалось, зависят друг от друга, относительная стабильность и консистентность системы убеждений имеет функциональное значение того же уровня, что и стабильность и консистентность стандартов ценностной ориентации. Следовательно, должны существовать убеждения, признание которых в некотором смысле обязательно для занятия ролей членства в коллективе, где слиты воедино когнитивное признание истины и *моральное* признание правоты. Правда, такая интерпретация, как мы уже видели, не может быть совершенной и, как правило, таковой не является. Приближение же к совершенству в этом отношении имеет, однако, огромное значение для социальной системы.

Идеология, таким образом, служит одной из главных основ для когнитивного узаконивания стандартов ценностной ориентации. Следует напомнить, что стандарты ценнос-

тной ориентации составляют основу определения ситуации для прямого решения дилемм действия. Нельзя в данной ситуации отдать преимущество ни технической компетенции, независимо от партикуляристической солидарности, ни партикуляристической солидарности, независимо от чего-либо другого и т. д. — по всему перечню возможных дилемм. Насколько возможно с эмпирически когнитивной точки зрения, идеология *рационализирует* этот ценностный выбор, она приводит основания того, почему следует выбирать одно направление, а не другое, альтернативное ему, и почему правильно делать то-то и то-то в каких-то случаях.

Важность этой функции когнитивного обоснования может восходить к двум первоначальным источникам: общему значению когнитивной ориентации в действии и необходимости интегрировать ее с другими компонентами системы действия. В силу значения когнитивного интереса недостаточная когнитивность системы убеждений является источником возникновения напряженностей. Относительное значение ценности *истины* в системе ценностей может изменяться в широких пределах. Но нельзя утверждать, что может существовать такая система человеческого действия, внутри нее не важно в радикальном смысле, имеют ли какую-то когнитивную обоснованность те когнитивные положения, которые в данное время приняты в данном обществе. Такая ситуация была бы совершенно несовместимой с эмпирической (практической) релевантностью системы координат действия.

Как мы видели общепризнанность системы убеждений — условие полной интеграции системы социального взаимодействия. Когнитивные различия, следовательно, создают источник напряженности точно так же, как и когнитивная неадекватность.

Стремление к рациональности занимает свое место в системе координат действия, которое сходно с местом, занимаемым в ней *оптимизацией удовлетворения*. По определению бессмысленно в данной системе отсчета пытаться понять актора, предпочитающего удовлетворению уклонение от неприятности, если где-то в другом месте данной системы не будет балансирующего эту неприятность удовольствия. Точно так же поставленный лицом к лицу перед выбором между более и менее адекватными убеждениями, соответствующими когнитивным стандартам, актор в данной системе отсчета поступал бы бессмысленно, предпочитая меньшую адекватность, т. е. *ошибку*, *истине*. Но это не бессмысленно, если напряженность, вызываемая ощущением когнитивной неадекватности, уравновешивается интересом, направленным в другую сторону, который стóит того, чтобы ради него принести некоторую жертву, например, заинтересованность в общепризнанности убеждений.

Рационализация в этом смысле — это присущая процессу действия *тенденция*, подобно энтропии в классической механике. По характеру концептуальная схема — это **неэмпирическое обобщение**. Как в случае с удовлетворением оно предполагает проблему равновесия усилий, которые должны облегчить этот процесс, ускорить его или же затормозить. Но всегда требуется мотивированное усилие для того, чтобы ускорять или тормозить тенденцию к рационализации. Практические проблемы — это распределение соответствующих усилий в системе действия и связь их друг с другом. Таким образом, для когнитивного интереса весьма возможно активное его торможение благодаря связям с другими элементами действия, как мы уже неоднократно указывали выше. Кроме того, может существовать весьма сильная и, следовательно, эффективная мотивация, направленная к когнитивному искажению. Но тем не менее, убежденность в когнитивной валидности функционально необходима в системах действия. И там, где такое убеждение возможно только путем принесения в жертву когнитивного ценностного стандарта, возникает элемент напряженности в такой системе действия.

Важность функции легитимизации является главным фактором, связывающим идеологии и религиозные идеи с социальной системой. Это очевидно, поскольку, когда мы говорим об идеологии, мы имеем дело с таким случаем, при котором когнитивный интерес выделен из всех других элементов системы действия не в такой степени, какая становится возможной, если речь идет об исследовании и об инструментальном использовании знания в специализированных ролях и с учетом конкретных целей. Когнитивное обоснование ценностных ориентаций — это проблема интеграции когнитивных ценностей с другими элементами социальной системы.

Когнитивное содержание идеологий может включать либо один класс ситуационных объектов, рассмотренных выше, либо все их вместе, а именно: классы физических объектов, личностей, коллективов и культурных объектов. Убеждения, касающиеся мира природы, конечно, являются существенной частью культурной традиции в любой социальной системе и обязательно приобретают идеологическое, точно так же как и чисто когнитивно-исследовательское или инструментальное значение. Выработка и обобщение этой системы убеждений исключительно важны. Разумеется, только в некоторых обществах существуют философские научные уровни такой работы, имеющей чисто идеологический смысл. Значение, которое приобретает такая система убеждений на идеологическом уровне, это весьма характерная особенность современного мира. В качестве примеров можно воспользоваться убеждениями относительно гелиоцентрической точки зрения на солнечную систему, дарвинизма, принципа естественного отбора, генетики и проблемы неравенства людей.

Особое значение содержание научного познания приобретает в идеологии ученых как членов профессиональных коллективов. Проверяемость, разумеется, существенная часть системы ценностей, которой руководствуется в своей работе исследователь. Но точно также признание факта, полученного в соответствии с правилами исследования, и всех следующих из этого факта выводов — еще одна часть той же системы ценностей. Следовательно, в этом особом случае признание преимущественно практического характера всех научных открытий — это обязанность ученого, обязанность признавать проверяемость научных результатов и теорий, которая должна быть адекватно продемонстрирована.

Крайний скептик, перед лицом непосредственной очевидности упрямо утверждающий, что «такого зверя не может быть», не может считаться хорошим *гражданином* страны ученых. Таким образом, в систему ценностей науки входит не только приверженность правилам научной процедуры, но также и признание содержания системы убеждений, что является частью обязанностей, включенных в роль ученого. Тот факт, что эти убеждения могут модифицироваться в свете новых научных данных, не меняет дела.

В отличие от убеждений, касающихся эмпирической *природы* в общей культурной традиции, и особого значения этой системы убеждений для идеологии ученых-естествоведов, по вполне понятным причинам важнейшее содержание социальных идеологий находит свое проявление в убеждениях, направленных на проблемы личности, коллектива и культурных объектов. Можно сказать, что центр социальных идеологий — в убеждениях, касающихся самого коллектива, другие же категории более широкого содержания ввели бы нас в область терминов, описывающих убеждения относительно значений личности, культурного объекта и коллектива, а также связи первого и второго с последним. Следовательно, проблема *коллективизма — индивидуализма* как проблема идеологическая имеет дело с многосторонней интеграцией системы отдельной личности и коллектива.

Очевидно, что в целом когнитивные стандарты, обосновывающие ценностные ориентации идеологического характера, должны быть такими же точно, как и стандарты научной валидности. Наиболее развитое эмпирическое знание в любой сфере в данный момент времени не что иное, как состояние науки в данной сфере. Следовательно, главный авторитет когнитивного постулата, обосновывающего валидность идеологического суждения, должен быть авторитетом научным. Но тот факт, что идеология, в отличие от науки, как обладающая интегративными функциями в данной социальной системе связана также и со многими иными, некогнитивными интересами ученых, означает, что эти когнитивные стандарты будут, как правило, не основными при определении, каких же убеждений следует придерживаться в данный момент. Если это не так, то должны существовать адаптивные механизмы, аналогичные механизму рациональности в системе личности.

Ввиду этого центральное место в науках о действии в связи с обсуждаемым вопросом занимает проблема социальных идеологий, проблема связи социальных наук с идеологией, которая, как ясно каждому, исключительно важна. В силу этого гораздо больше, чем в естественных науках, уровень развития социальных наук зависит от конкретного ряда условий интеграции в данной социальной системе.

Можно указать на то, что идеология как эмпирическая система убеждений является общепризнанной для членов

любого коллектива. Наиболее типичный случай — идеология, которая служит для легитимизации стандартов ценностной ориентации в стабильном обществе. Это наиболее сильно институционализированные убеждения, узаконенные в данной социальной системе. В любой сложной социальной системе должна быть, разумеется, дифференциация на идеологическом уровне между различными субколлективами более широкого общества, в которое все они входят. В них всегда есть место для значительной дифференциации, так что субидеологии не рассматриваются как сильное отклонение.

Однако в предыдущей главе, имея дело с девиантным поведением, мы сосредоточили внимание на двух типах вариабельности, когда дифференциация субколлективов достигает именно такого порядка. Первый из них мы назвали девиантной субкультурой. В том виде, в каком она проиллюстрирована примером банды преступников, в ней отсутствует апелляция к обоснованности в терминах ценностей и идеологии более широкого общества: это состояние «скрытой войны». Но внутри данного коллектива существует весьма четко определенная система ценностей, а следовательно, и идеология. Такая идеология всегда включает в себя определение основания для борьбы с обществом в целом и с его системой ценностей. Например, здесь могут быть такие убеждения: «мы не можем ничего достигнуть» в более широком социуме, «мы поставлены вне его» и проч. Сюда может входить также идеология системы отношений внутри девиантного коллектива, например, почему необходимо признавать лидерство и дисциплину и почему *предательство* не может быть терпимо. В случае наличия такого открытого разрыва с системой ценностей и идеологией более широкого общества мы можем говорить о *контридеологии* (15).

Второй случай — это девиантное движение, которое стремится узаконить себя в терминах институционализированной системы ценностей, придавая ей при этом собственную интерпретацию, а также интерпретируя по-своему соответствующую ей идеологию. Это именно то, что делает данное движение *радикальным*. А поэтому напряженность, возрастающая по мере увеличения разрыва с основным обществом, в котором такое движение имеет место, по-видимому, будет усиливать идеологическую растерянность участников такого движения. Они заинтересованы и в том, чтобы убедить себя самих, и в том, чтобы завоевать на свою сторону новых последователей. Для них исключительно важно верить самим и убеждать других в том, что некоторые аспекты установившегося общества, такие, например, как «капитализм», против которых они воюют, могут быть определены как незаконные в терминах общепризнанной системы ценностей и убеждений.

В свете напряженностей возникающих в таких ситуациях, а также мотивационных элементов, которые, как было показано в предыдущей главе, содержатся, по-видимому, в обоих из этих двух типов отклонений, неудивительно, что убеждения таких девиантных коллективов часто обнаруживают признаки принудительности психологического типа. Убежденный должен защищаться от всякого изменения в своем убеждении и не в последнюю очередь против себя самого. На очень высоком уровне обобщения, как бывает, например, у радикальных «интеллектуалов», это очень часто приводит к образованию *замкнутой системы*. Существуют псевдологические конструкции, с помощью которых общие формулы системы убеждений могут быть построены таким образом, чтобы давать *удовлетворительный* ответ на любой вопрос, так что возможность появления фактов, дискредитирующих всю систему, может нисколько не беспокоить носителя этой системы. Разумеется, принудительная конформность с институционализированной идеологией может вести к такого же рода когнитивным нарушениям. Антитезис ориентации на науку слишком очевиден, чтобы разъяснять здесь это положение подробнее.

Эти два рода идеологий более или менее девиантных коллективов привлекают наше внимание к некоторым причинам когнитивных неувязок в конформистских идеологиях. В работе «Мотивы, ценности и системы действия» (гл. III) было показано более подробно, почему невозможно в условиях сложной социальной системы, чтобы единая консистентная система стандартов ценностной ориентации была полным и завершенным образом институционализирована во всех ролях данной социальной системы. В силу тесной связи стандартов ценностной ориентации с идеологией такой элемент завершенности интеграции внутри ценностной системы поставил бы когнитивные проблемы на идеологи-

ческом уровне. Например, в нашем обществе, несомненно, очень большой упор делается на ценности универсалистического достижения, лежащие в основе профессиональной системы. Но в то же самое время весьма высоко ценятся также родственные связи и солидарность, которая наиболее тесно связана с родством. Существует некоторый ранговый порядок этих ценностей, но он не совсем адекватен для разрешения конфликтов. Так, мы отклоняемся от идеала равенства возможностей там, где мы чувствуем, что это для нас удобно.

Это доказывает, что интеграция социальной системы — по определению первичная функция общепризнанной идеологии. Следовательно, когда возникает элемент *недоинтеграции* в действующей социальной структуре, в идеологии возникает тенденция « представить ее в лучшем свете» и «обыграть ее». Прямое указание на действительное значение конфликтных элементов в системе ценностей в практической ситуации, на преобладание некоторых типов девиантного поведения, было бы небезопасно для стабильности общества. В отношении конфликтных элементов внутри социальной системы идеологии имеют функцию, прямо аналогичную функциям рациональности в системе личности.

Необходимо отметить, что это положение применимо и к идеологии девиантного движения (или структуры), как и к проблеме стабилизации социальной системы. Может быть, в действительности в такой идеологии существует более сильное движение в пользу свободы расстановки акцентов, чем в *официальной* идеологии, в силу большей нестабильности положения сторонников этого движения как в отношении их собственных конфликтов, так и в отношении обоснованности их противопоставления себя более широкому обществу.

Второй источник когнитивных неувязок в идеологиях имеет свою основу в потребностях *массовой психологии*. Значение этого ряда факторов сильно варьируется в зависимости от характера и размеров коллектива, о котором может идти речь. Но поскольку идеология должна служить для объединения большого числа людей и поскольку идеология не организовывается сферами компетентных интеллектуалов, то, как правило, существует тенденция к *вульгаризации* хорошо известных положений. Сверхупрощение, по-видимому, является главной причиной таких неувязок. Чрезвычайно простые лозунги и формулы на данный случай претендуют на главную роль и забивают сложные интеллектуальные проблемы данной сферы (16).

И наконец, большое оценочное значение идеологий обычно связывается с *желательными* или романтико-утопическими элементами мотивации, присутствующими в любой социальной системе. Как правило, они могут оказывать влияние, когда возникает тенденция к идеологическим несоответствиям, к отрыву от реальности с выдвижением на первый план желательных элементов. В случае идеологического обоснования status quo будет обнаруживаться тенденция к сверхидеализации данного положения вещей. В случае девиантного движения будет обнаруживаться тенденция включать романтико-утопический компонент в определение целей движения. И напротив, существует тенденция сгущать краски при описании контраста с идеализированным положением вещей и сравнивать то, что существует, с указанным идеализированным положением в сугубо черно-белых терминах. Для *консервативной* идеологии существует тенденция чувствительно реагировать на любое предложение относительно совершенствования данного status quo. Для *радикальной* идеологии институциональное status quo, против которого она выступает, может оказаться очень близким к тому, что можно определить только как решительное зло. Именно поэтому радикальная идеология может быть компульсивно мотивирована к тому, чтобы отрицать институционализированную идеологию в силу той роли, которую первая играет благодаря своей привлекательности для status quo в целом.

По-видимому, далее такие идеологии превращаются в символическую арену для некоторых основных элементов напряженности и конфликта внутри социальной системы. По определению должна существовать внутренне обусловленная тенденция к поляризации, к возникновению порочных кругов, которые представляют собой часть общего порочного круга, проанализированного в предыдущей главе. По этой причине процесс идеологической поляризации должен быть подчинен механизму социального контроля. Под ним, по-видимому, можно подразумевать процесс превращения в традицию и принуждение через посредство власти как две основных возможности. Другие механизмы в обществах современного типа действуют, по-видимому, через связь идеологий

со специальными интеллектуальными дисциплинами, институционально имеющими дело именно с этими вопросами.

С этой точки зрения очевидно, что социальные науки занимают очень важное и в некоторых отношениях прямо решающее положение в деле идеологического уравновешивания данной социальной системы. С одной стороны, наиболее значительные социальные идеологии не могут избежать связи с предметами социальных наук, а последние не могут просто уклониться от проблем, затрагивающих идеологические интересы. Но, с другой стороны, обстоятельства, в которых развиваются идеологии и в которых они действуют, таковы, что, по-видимому, совершенно невозможно обойти молчанием основные сферы конфликта между двумя главными видами когнитивного интереса. Когнитивные пробелы, которые всегда имеют место в идеологии, часто с неизбежностью диктуют такой образ действия, который мешает их вскрыть и устранить, к чему со своей стороны стремятся ученые-обществоведы. Некоторые результаты работы последних могут быть признаны, но только с болезненными перестройками и требуют довольно длительного процесса их ассимиляции и адаптации. Ввиду такой ситуации должна существовать более или менее явная тенденция к охране идеологической чистоты данной социальной системы, а следовательно, большая подозрительность к тому, что делается учеными-обществоведами.

И в самом деле, неудивительно, что два нерациональных механизма стабилизации идеологической ориентации, на которые мы указывали уже несколько раз — традиционализация и принуждение посредством власти к «официальному вероучению», — столь общепризнанны в данной сфере. *Либеральный* образец свободы мысли, который должен допускать идеологические контроверсии и свободную связь между идеологическим и научным уровнями, является исключением и требует для своей стабильности весьма тонко сбалансированной комбинации условий внутри той или иной социальной системы. Он может быть, однако, в высшей степени важным условием для основных элементов, обеспечивающих развитие обществ, а также совершенно очевидно, что он представляет собой предпосылку расцвета социальных наук.

Связь неэмпирических убеждений с социальной системой

Неэмпирическое убеждение, как было показано выше, это остаточная категория. Но в свете развития современной философии можно сказать, что это нечто большее, чем просто произвольное предположение. По многим причинам в теории социального действия методологические правила современной науки находят для своего конституциирования фундаментальную **субъективную** точку отсчета. Это верно для стандартов инструментальной эффективности действия и относительно суждений, касающихся когнитивных неувязок в связи с рационализациями и идеологиями.

Наука, таким образом, может рассматриваться как основная ось нашего анализа когнитивных проблем. В той мере, в которой мы имеем дело именно с таким случаем, ее использование обосновано в качестве как негативной, так и позитивной исходной точки для определения дериваций, а также взаимосвязей.

С этой точки зрения первое основное различение, которое привлечет здесь наше внимание — это различение между отклонением от стандартов эмпирической науки **внутри** сферы их применимости и проблемами и убеждениями, которые **выходят** за пределы научной применимости. Первые оперируют категориями *незнания* и *ошибки* (17). Здесь весьма важно констатировать, что убеждения, заполняющие этот разрыв в позитивном знании не чисто **неэмпирические, а научно неадекватные** эмпирические убеждения. Они могут быть подведены под категорию *псевдонаучных*.

Неэмпирические убеждения, в отличие от первых, напротив, имеют дело со сферой когнитивных проблем, недоступных для научного метода, или с эквивалентами когнитивных ценностных стандартов в той культуре, в которой они имеют место. Их можно разделить на две категории. Первая — *проблема познания*, вторая — космологии, или *сущего*. Для проблемы познания в данном контексте существенно, что наука получает субстантивные эмпирические знания, которые могут оцениваться посредством ряда правил их проверки. С логической точки зрения, следователь-

но, научное познание становится замкнутой системой, за рамки которой невозможно выйти при помощи научных процедур. В научных терминах возможно только дополнение к фундаменту уже существующего научного знания, развитие его и совершенствование внутри замкнутого круга.

Все еще остается без ответа радикальный вопрос: «Как становится возможным само эмпирическое познание? Каковы те условия в природе универсума, которые его требуют?»

Это тот вопрос, к которому пришел в свое время Кант и который лежит в основании современной теории познания. Мы не предполагаем входить в специальные философские проблемы гносеологии, а просто отметим здесь, что сфера этих проблем создает один из двух основных фокусов, определяющих пределы научно-эмпирической системы убеждений. В любой системе неэмпирических убеждений, когда рационализация заходит достаточно далеко, должны существовать убеждения, которые лежат в сфере эмпирического познания и связаны с неэмпирическими знаниями. Например, существует теория связей между откровением и естественной причиной, которая играет такую важную роль в христианской идеологии.

Вторая сфера проблем — проблемы космологии и бытия. Наука, разумеется, дает нам субстативное знание об эмпирических феноменах. Но здесь только начинаются все философские проблемы. Существенная проблема, когда уже **дана** система эмпирических убеждений и ее место в человеческом действии, заключается в том, каковы **импликации** из этих фактов для когнитивных проблем, неразрешимых с помощью научных процедур? Являются ли другие аспекты опыта, кроме эмпирического познания, релевантными *теории* природы космоса? Является ли *природа*, которую можно определить, как познаваемую с помощью эмпирической науки, **всей** *реальностью?* Каковы связи живой и неживой природы, человеческой личности с органическим миром и т. д?

Это, в некотором смысле, сфера *проблем значения.* Но смысл данного термина следует отличать от смысла, в котором он использовался в предыдущих главах. Решающим является то, что убеждение базируется на интересах актора, в частности, на его катектических и оценочных **интересах**. Этот контекст, следовательно, чисто когнитивный. Но здесь сфера когнитивных интересов расширяется за пределы круга эмпирических знаний и проблем посредством включения вопроса: «что из этого следует?» — в когнитивном смысле.

Это можно аргументировать с определенной точки зрения. Очень кратко описанная выше сфера основных неэмпирических проблем *связана с культурой*, поскольку эмпирическая наука находится не в одном и том же, хотя бы даже приблизительно, положении, если говорить о современном западном мире по сравнению с другими культурами. Это, разумеется, эмпирически подтверждено, и здесь не может быть серьезного источника для возражений. Вопрос, который мы здесь поставили, касается не эмпирического значения различных компонентов культурной традиции, а определения их логических и теоретических связей друг с другом. Есть серьезные основания утверждать, что некоторые фундаментальные компоненты можно найти во всех культурах. Если наука, т. е. эмпирическое познание, является таким универсальным компонентом, тогда независимо от того, насколько примитивно развит он в некоторых культурах, нельзя возражать против использования его в качестве точки отсчета для определения отношений к другим компонентам в рамках системы координат действия. Только строго позитивистская точка зрения, которая заявляет, что не может существовать другой когнитивной ориентации, кроме научной, и, следовательно, все, что названо здесь неэмпирическими убеждениями, следует классифицировать как ошибку, может быть действительно в этом смысле культурно ограниченной.

В принципе проблемы того же порядка возникают при определении связей философии, как неэмпирической когнитивной ориентации, с социальными системами, как это имеет место в случае с наукой. Мы можем говорить об этом в трех взаимосвязанных контекстах: в контексте проблемы институционализации самого философского исследования, в контексте институционализации *прикладной философии* и, наконец, в контексте оценочного синтеза неэмпирических убеждений с некогнитивными интересами действия. Последняя категория, которую мы будем называть категорией **религиозных идей**, связана со своей эмпирической стороны с категорией идеологии. На ней мы сосредоточим свое основное внимание в последующем изложении.

Философское исследование, в отличие от воплощения общих философских проблем и точек зрения в любой системе действия, может, очевидно, осуществляться при условиях, в некотором смысле даже более специфических, чем условия, в которых развивается научное исследование. Большей частью в этой сфере, по-видимому, оказывается не имеющей «практической полезности» специализация, которая тесно связана с результатами инструментального разделения труда, начиная от специализации, выражающейся в обособлении функции исследования, до момента превращения ее в содержание специального типа ролей. В целом, по-видимому, можно с уверенностью сказать, что дифференциация специализированных когнитивных ролей в сфере религиозного интереса является, по-видимому, предпосылкой экстенсивного развития философского направления. Это существенно, потому что религиозные проблемы, включающие проблемы *смысла* религиозной традиции, как правило, дают основные точки отсчета для развития философских построений.

Классическая Греция на первый взгляд может показаться исключением из этого правила. Действительно, развитие греческой философии само по себе было секулярным, а в греческих полисах явным образом не было оснований для влияния класса священников, в особенности по сравнению с другими обществами Ближнего Востока в тот период времени. Тем не менее специальный религиозный аспект полиса — характеристика, хорошо известная историкам. В некотором смысле каждый гражданин был священником. И идейное содержание религиозной традиции, как оно отразилось в поэмах Гомера и Гесиода, а также в произведениях более поздней литературы, в частности в драме гораздо более непосредственно было включено в развитие философии. По-видимому, можно сказать, что для Греции характерен специфический вид религиозного развития, не такой, который отличал религию, не зависимую от философии. С другой стороны, то место, которое занимало религиозное основание в двух других наиболее известных движениях философских построений из всех тех, которые нам известны, а именно в движениях индуизма и буддизма в Индии, а также место этих оснований в западном мире, слишком очевидно, чтобы комментировать его более подробно.

Но пример западного мира в его настоящей стадии развития представляет собою более сложное явление. Основанное на греческом наследии научное эмпирическое познание и его систематизация в XVI веке достигли такой точки развития, когда проблема познания в связи с канонами науки начала выдвигаться на главное место. Можно предположить, что значение этой точки отсчета зависело как от предшествующего развития эмпирического познания, так и от религиозной традиции, в которой проблема статуса эмпирической *природы* занимала очень важное место. В любом случае *философия науки*, очевидно, занимает центральное место в современной западной философии.

Развитие философии, может быть, даже более, чем развитие науки, требует наличия благоприятной культурной традиции. Но точно также, как и в случае с наукой, это должна быть культурная традиция особого вида. Это должна быть традиция, в которой высоко поставлены ценности, руководящие познавательными стремлениями человеческого ума, и которая в то же время может толерантно относиться к значительным отклонениям от строгого традиционализма. Как мы увидим, ввиду того, что экспрессивные интересы играют важную роль, и при определенных видах символизма в религии в целом, существует тенденция сильной склонности к традиционализму в религиозной сфере. Поэтому когда начинается процесс приобретения группой религиозных специалистов доминирующего влияния в социальной системе, результатом его часто бывает традиционализация иногда всей культуры в целом. Таким образом, в некотором смысле профессиональный философ — явление более распространенное и более угрожающее другим элементам общества, в котором этот способ мышления порождается, чем ученый (18).

В целом, сопротивление развитию философии как специальности столь сильно, что, по-видимому, только та культурная традиция, в которой ощущается очень сильное стремление к формированию неэмпирических когнитивных систем, может ему противостоять. Такое стремление, очевидно, может поддерживаться через балансирование власти внутри общества таким образом, чтобы группы, наиболее заинтересованные в сопротивлении развитию философии, в свою очередь нейтрализовались противодействием со стороны других групп.

Так, в Индии развитие философии, достигшее кульминации в буддистской мысли, оказывается связанным с равновесием двух взаимозависимых, но различных групп — брахманов и кшатриев. Оно в дальнейшем было нарушено вторжением извне, после чего развитие философии очень скоро практически застопорилось, и религиозная традиция стала в высшей степени стереотипной, каковой мы и застаем ее в индуизме. Для христианства весьма сомнительным кажется, чтобы рациональная теология, могущая стать основой и фундаментом великой философской традиции, была в состоянии возникнуть, если бы философская традиция Греции не сохранилась в тех странах, где эта религия развивалась, и тем самым у некоторых классов-элит не существовало бы благоприятных установок по отношению к философии.

Эта проблема имеет огромное значение для вопроса о *роли идей* в социальном изменении вообще. Если бы культура и социальная структура западного мира не развивалась таким образом, что научное исследование институционализировалась в специальные стандарты специализированных ролей, наука, которая прежде всего есть не что иное, как совокупность *идей*, не смогла бы завоевать такого исключительного влияния, которое она в настоящее время оказывает на социальное развитие как через свои технические приложения, так и благодаря своей связи с идеологией. Точно так же, если совокупность религиозных идей может оказывать сильное влияние на социальное изменение, ее возможности в конечном счете сильно увеличиваются, когда в качестве когнитивной структуры она достигает уровня ясности, логической упорядоченности и связности, глубины обоснования и понимания, которые могут, по-видимому, характеризовать только теоретическую традицию профессионального философского мышления. Нельзя представить себе, что бы огромное влияние христианства, индуизма, буддизма могло быть достигнуто ими только благодаря деятельности «практиков» религии, распорядителей культа, администраторов церковной организации, наставников душ и даже пророков, т. к. практики осуществляют свою деятельность в повседневных делах, и мы согласимся с тем, что их деятельность не создает современной науки. Факт, что решение когнитивных проблем имеет место и что с определенной точки зрения оно представляет собой весьма *полезную вещь*, не влияет на сам факт развития великой традиции идей.

Проблема *прикладной философии* как явления, аналогичного *прикладной науке*, представляет большую трудность, и здесь можно отважиться высказать только некоторые предварительные замечания. Простейший вид этого явления мы наблюдаем там, где философия находится на стыке с наукой, а не с религией. Действительно, логики и математики находятся так близко к этому стыку, что часто не делается даже попыток различения их и представителей науки. Их достижения получают применение прежде всего в самой науке, и далее уже — в практических вопросах они применяются как часть науки. Но фундаментальные социологические проблемы здесь те же самые, что и в науке.

Несколько иную картину представляют собой связи между философией и идеологией. Именно потому, что идеологическое использование научных идей должно совершаться в обобщенной, а не в конкретной форме, а также потому, что в идеологии присутствует всегда оценочный элемент, совершенно естественно, что в обществе, где сложилась философская тенденция, должна в каком-то виде существовать взаимосвязь между философской традицией и существующей идеологией. В западном мире, конечно, философия играет очень важную роль в генезисе идеологий. Все широко распространенные и в высшей степени влиятельные идеологии корнями своими уходят в доктрины некоторых разделов философской традиции и обнаруживают тенденцию черпать свой престиж именно отсюда.

Эта связь особенно важна потому, что этот вопрос занимает главное положение в социальных науках в контексте современных идеологий. Социальные науки не обладают такой степенью точности, как науки естественные и недостаточно твердо обоснованы эмпирически установленными данными. Такое положение одновременно с обязательной включенностью оценочных проблем обусловливает центральное место, которое занимают философские идеи в идеологических движениях. Действительно, только в самое последнее время стало уже невозможным в кругу ученых-обществоведов говорить, что «все зависит от вашего понимания человеческой природы» (19). Такое утверждение традиционно означало, что философская интерпретация природы

человека независима от научных данных. *Философская антропология* оставалась первичной детерминантой идеологических убеждений в социальной сфере.

Часто довольно сомнительное обоснование *присвоения* философских точек зрения сферой науки, в частности, социальной науки по отношению к идеологии не должно заслонять положительные функции, выполняемые философией в этой связи. В целом можно сказать, что при данном состоянии знания в социальных науках, во многих их сферах в настоящее время, а еще более очевидно в прошлом, философское выяснение многих комплексов проблем было единственной альтернативой традиционализму и авторитарному навязыванию, которые действовали как стабилизирующие механизмы. Сравнительно высокий интеллектуальный уровень философской традиции, мог, следовательно, играть важную роль в обеспечении *либеральной* традиции западной культуры. Существенно то, что внутренний характер проблем ведет к возникновению высокой степени сложности. Едва ли «первый встречный» в состоянии справиться с такими сложными проблемами когнитивного характера сколько-нибудь упорядоченным способом, который имел бы хотя бы видимость рациональности. Социальные науки до настоящего времени не сделали еще того вклада в решение этих проблем, на который они способны. Философия заполняет этот прорыв, который иначе пришлось бы заполнять теми или иными некогнитивными механизмами (20).

Эти рассуждения исключительно важны для понимания значения *интеллектуалов* внутри социальной системы. Их наличие возможно и считается важным только в том случае, когда имеется хорошо разработанная культурная система в сфере убеждений. Наука, прикладная наука, философия и идеология, а также религиозные убеждения обязательно связаны друг с другом и в каком-то отношении всегда друг с другом перекрещиваются. Институционализация одного из этих видов проявления когнитивных интересов в относительно специализированных ролях возможна только при наличии некоторой *совокупности* убеждений, а также лиц, поддерживающих их или заинтересованных в них, которые в то же время не принадлежат к основным типам ролей, существующих в данном обществе. Существует *ядро* профессионализирующихся ученых, ученые-любители и публика, *интересующаяся научными идеями*. Существуют накопленные научные знания, предварительные идеи-гипотезы, возглавляющие развитие науки и накипь псевдонаучных убеждений, некоторые из которых разделяются самими учеными. Точно так же существуют *идеологи*, совершенно идентифицировавшиеся с соответствующими научными сферами и являющиеся только *вдохновителями* еще не признанных групп интересов. Существуют высоко специализировавшиеся профессиональные философы и бесчисленное множество людей, которые пользуются языком философии с весьма различной степенью компетентности и не интересуются когнитивными проблемами. В противоположность всей массе населения, которая имеет относительно когнитивных проблем только вторичный, символический или инструментальный интерес, всю вышеуказанную группу людей можно в некотором отношении считать единым классом. Многие характеристики их систем убеждений не строго соответствуют когнитивным стандартам профессионалов, образующих ядро данной группы. Тем не менее, может быть, наличие этих псевдонаучных и псевдофилософских убеждений и группы людей, которые более или менее специализированно излагают и обосновывают их, имеет в целом положительное функциональное значение для социальных систем такого типа, в которых наука и философия институционализированы. Они помогают разряжать и снимать напряженности, которые неизбежны в том обществе, в котором существуют специализированные и эзотерические когнитивные деятельности. Таким образом, очевидно, что они могут быть основанными источниками идеологического обоснования девиантных движений.

Системы религиозных убеждений

Религиозные убеждения можно определить здесь как неэмпирическую аналогию идеологическим убеждениям. В противоположность науке или философии когнитивные интересы здесь не доминируют, они уступают место оценочным интересам. Адаптация религиозного убеждения, следовательно, есть принятие на себя обязательства воплощать его в действии в том смысле, который не характерен для философского убеждения. Или, если говорить точнее, философское убеждение превращается в религиозное по

мере того, как оно становится основой обязательного действия. Это, по-видимому, основное значение сформулированного Дюркгеймом изречения, касающегося религии: «Это — для жизни всерьез».

Религиозные идеи могут быть умозрительными в философском смысле, но «удивительно, зачем же тогда рассуждать таким образом?».

Религиозные идеи, следовательно, можно считать ответами на **вопросы, связанные со значением** как в том, так и в другом смысле из тех, что мы указали выше. С одной стороны, они касаются когнитивного **определения ситуации** для действия в целом, включая катектический и оценочный уровни интересов. Здесь они совпадают с идеологическими убеждениями. С другой стороны, они также должны включать проблемы *значения* в более широком философском смысле этого слова, как значения объектов эмпирического познания природы, человеческой природы, общества, бренности человеческой жизни и т.п. С точки зрения интеграции социальной системы религиозные убеждения, следовательно, образуют основной стержень, вокруг которого интегрируется система когнитивной ориентации со всеми следствиями ее для действия.

Оценочная ориентация рассматривается в данной работе как синтез когнитивных и катектических интересов актора. По отношению ко всей системе действия, личности или социальной системе, мы говорим о ней как о **моральном** аспекте ориентации интересов. Религиозные убеждения, следовательно, такие убеждения, которые связаны с моральными проблемами человеческого действия и такими характеристиками ситуации, в которой находится человек, а также такого места человека и общества во вселенной, которые должны соответствовать его моральным установкам и стандартам ценностной ориентации.

Это такая связь с моральным аспектом интеграции системы действия в социальной системе, а не в применении ее к личности, которая берется за основной отправной пункт в анализе Дюркгеймом социологии религии в «Элементарных формах религиозной жизни». То же самое прослеживается отчетливо, хотя и не так эксплицитно, и у Макса Вебера. Религиозные убеждения — это, следовательно, системы когнитивной ориентации, связанной с проблемами значения в двух смыслах, указанных выше, признание которых рассматривается как принятие на себя актором моральных обязательств. Это может быть чисто личное обязательство, но иногда может присутствовать и интерес, а именно в том случае, когда это обязательство — часть социальной морали, т. е. система убеждений институционализирована как часть системы ролей данного коллектива, является ли данный коллектив обществом или же субколлективом внутри него.

Может существовать, по-видимому, комбинация морально-оценочного аспекта религиозных ориентаций с некоторыми характеристиками философского характера неэмпирических систем убеждений, которые имеют место в религиях в виде представления о *сверхъестественном*. Короче, моральный аспект — это именно то, что у Дюркгейма названо сакральным характером предметов, имеющих специфическое религиозное значение. Существуют, говорит он, предметы, по отношению к которым люди обнаруживают какую-то фундаментальную установку на уважение, которое они чувствуют к моральным обязанностям. В той мере, в которой эти предметы обладают когнитивным значением, они должны связываться с когнитивным обоснованием моральных норм и чувств. Они должны связываться с объяснением **смысла** этих норм и обязанностей.

Благодаря своей священности эти предметы связываются с моральными нормами и четко отличаются людьми от предметов, могущих иметь инструментальные свойства, по отношению к которым установки могут быть различными.

Как указывает Дюркгейм, многие эмпирические предметы, подобно, например, материальным благам, строениям, земельным участкам, одежде и даже некоторым индивидам, при определенных условиях становятся объектами такой установки на уважение ко всему священному. Но по мере того, как такие установки когнитивно рационализируются, они не обнаруживают тенденции по своим эмпирическим свойствам в контексте «естественного порядка» превращаться в идеи такого ранга, которые заполняют разрыв между эмпирическим знанием и наукой, в терминах *мира вещей* они существенно отличаются от эмпирических вещей или от *принципов*, которые непосредственно содержатся в представлении об эмпирическом мире. Эти предметы могут сослужить службу при объяснении *значения* священности

освященных вещей и их отношения к обычным человеческим интересам. Поскольку философия в целом занимается неэмпирическими предметами и силами, которые отличаются от эмпирического порядка, характерного для природы, *реальность*, лежащая в основе священности освященных предметов и объясняющая ее, локализована в данной сфере. Эти два обстоятельства, взятые вместе, создают, по-видимому, главную основу для возникновения концепции *сверхъестественного порядка*, которая в некотором смысле отличается от *естественного порядка* и выходит за его рамки. Сверхъестественный порядок, таким образом, придает значение морально-оценочным чувствам и нормам системы действия, не в том смысле, что либо чувства, либо когнитивные убеждения обладают каузальным приоритетом, но в том смысле, что они имеют тенденцию интегрироваться друг с другом и эта интеграция в значительной степени связана со стабилизацией данной системы.

Это только простейшее и наиболее элементарное рассмотрение факторов для данного аспекта социальной системы. Это не означает, что данный анализ применим только в том случае, когда существует разработанная концепция *естественного порядка* в том смысле, в котором она создана была в западной науке и философии. Это означает только, что различение между *естественным* и *сверхъестественным* порядком в западной мысли — это своего рода методологический прототип соотношения аналитической модели. Но может существовать и более низкий уровень когнитивной ориентации, каковой в действительности и существует во многих, если не в большинстве, бесписьменных обществах. Таким образом, разумеется, концепции о двух плоскостях (естественном и сверхъестественном порядке) и о их связи друг с другом могут оказаться в них очень отличными от концепций такого рода в западном мире. В большей части восточных философий, например, *сверхъестественным* считается имманентное, а не трансцендентное в нашем смысле этого слова. Дуализм в философии, следовательно, относится к реалиям или фазам *воплощения*, а отнюдь не к философской концепции первичной и вторичной *реальности*. Но дуализм на этом уровне воплощения все равно требует рационализации в когнитивных терминах. Могут даже предприниматься попытки, как это имеет место в марксистском учении, свести вместе то и другое, спроектировав *сверхъестественное* в понятии *диалектического* процесса истории. Фундаментальные критерии воплощаются в концепции системы сущностей, которые не поддаются строго *научному* познанию и которые используются как когнитивная рационализация моральных чувств коллектива людей, применяемая в данное время. В этом смысле компонент религиозного убеждения, так же как и идеологии, существует в марксизме, как и в либеральном индивидуализме. В той мере, в которой идеология возводится в ранг философских проблем, попадая тем самым в сферу, где убеждения не могут быть непосредственно выведены из эмпирических положений данной культуры, она стремится превратиться в религиозное убеждение. Концепция религиозного убеждения, которую мы здесь выдвинули, таким образом, ни в коем случае не идентична тому, что понимается под религией в нашей собственной культуре.

Далее, ряд обстоятельств, по-видимому, важен для понимания места религиозного убеждения в связи с тем, что Макс Вебер называет морально *иррациональным* элементом данной ситуации человеческой жизни. Концептуальная схема, представленная в нашей работе, с широкой эмпирической верификацией, которую удалось провести во многих направлениях, стремится к обоснованию его точки зрения относительно того, что в терминах любой консистентной по своим стандартам системы ценностных ориентаций могут существовать обстоятельства и ситуации, делающие невозможной полную реализацию ожиданий, развитых в то время, когда данная система ценностей интернализовалась и институционализировалась. Эта проблема подробно проанализирована в главе третьей «Ценностей, мотивов и систем действия», и по этой причине в данной книге нет необходимости повторять высказанные там положения. Вследствие этого в любом случае должны существовать значительные элементы фрустрации, и любая данная институционализированная система ценностей будет сталкиваться с конфликтами. Может быть, для нашего оптимистического мышления особенно трудно осознать, что это тем более верно, чем более консистентна система ценностей и чем в большей степени она институционализирована, хотя это, разумеется, столь же верно и для *дезорганизованных* обществ.

Но очевидно, что *оптимальная* ситуация для адаптации человека — если вообще возможно такой *оптимум* определить — лежит не на полюсе максимальной институционализации жестко консистентной системы ценностей.

Всегда имеется в наличии множество весьма сложных механизмов в социальной системе, которые ослабляют этот комплекс фрустраций и конфликтов. Некоторые из них кратко были указаны при анализе механизмов социального контроля. Так, если не смерть человека вообще, то преждевременная смерть всегда становится явлением фрустрирующим не только в качестве перспективы на будущее для данного человека, но также и для живых, которые соприкоснулись с таким (уж совершившимся) явлением. Такое положение вещей требует эмоциональной адаптации и когнитивной рациональности. Точно также расхождение между результатом деятельности и вознаграждением и тот факт, что тот, кто конформен к нормативным ожиданиям, не всегда оказывается в лучшем положении, чем тот, кто не проявляет такого конформизма, — все это случаи такого же порядка, как и указанные выше. Прежде всего *проблема зла* и *проблема бессмысленности сопротивления ему* являются главными точками в этой ситуации напряженности.

Если исходить из этого общего анализа, то отсюда, по-видимому, следует, что человеческое знание об эмпирическом мире, а также ожидания, ориентированные на это знание и построенные с его помощью, взятые сами по себе, не могут стать механизмами, адекватными для адаптации. Но любая модель адаптации должна включать в себя когнитивный компонент, точно также как и оценочный, который приводит в соответствие недостатки в действительной ситуации с оценочными сентиментами, что и образует главный центр тяжести проблемы адаптации.

Упор в таком случае делается на схему когнитивно-оценочной ориентации, которая может согласовать между собой, **с одной стороны**, успешно институционализированные и в качестве ожиданий выполнимые аспекты системы ценностей, а **с другой стороны** — *иррациональные* разрывы. По-видимому, неизбежно, что такая инклюзивная схема ориентации должна содержать в себе референты сверхъестественных сущностей в указанном выше значении. Какое место может занимать такой референт, каким образом он будет связан с концепцией естественного порядка вещей и какова будет структура установок относительно институционализированных социальных обязанностей — все это выразится в очень разнообразных вариациях, здесь можно назвать только некоторые из них. Для социологических целей, как это часто делается, решено было взять ориентацию на данный институционализированный порядок вещей в качестве главной точки отсчета, при этом, разумеется, мы осознавали, что такая ориентация, в свою очередь, может быть отчасти результатом первоначально религиозной ориентации. Те сложности анализа, которые вытекают из этого факта, будут рассмотрены нами ниже.

С определенной точки зрения, такая система институционализированных ценностей может быть в основном признаваема или же отвергаема. В первом случае проблема состоит в том, как быть с возникающими несоответствиями между ожиданиями в институционализированной системе ценностей и действительным ходом событий: каким образом примирить их в системе убеждений. Здесь существует, по-видимому, две основных возможности. В первом случае концепция сверхъестественного порядка используется для задания *компенсаторного* равновесия, Ausgleich в трансцендентной сфере, в общепринятом смысле слова — в потусторонней жизни. Тогда появляется возможность считать, что незаслуженная благосклонность фортуны и неиссякающее изобилие где-то в ином месте обязательно должны быть скомпенсированы. Распространенные представления о небесах и Святом духе, очевидно, вполне укладываются в такую схему. С помощью такого средства поддерживается моральное равновесие человеческого общества, а источники напряженности, вызываемые *бессмысленными* расхождениями между тем, как обязывает людей поступать институционализированная система ценностей в своих идеологических предписаниях, и тем, что происходит на самом деле, благополучно могут игнорироваться.

В этом случае, разумеется, открытым остается вопрос, на чем может основываться фундамент доверия к такому компенсаторному уравновешиванию. Стандарт такого типа, по-видимому, тяготеет к относительно более традиционализированной стабилизации социальной системы, институциона-

лизированные ожидания которой признаны фундаментальными. Таким является, по-видимому, стандарт, институционализированный католическим вероисповеданием христианства в той мере, в какой данный институциональный порядок действительно признан. На ранних этапах католицизма и в сектантских движениях, временами возникающих внутри этой церкви, равновесие имеет тенденцию нарушаться в сторону радикального отрицания институционализированного порядка, делая всеобъемлюще-доминантной ориентацию на спасение души и рассматривая конформность с институционализированными ожиданиями как вторичную, если не вообще второстепенную, ступень. Такой стандарт с небольшими отличиями существует и в лютеранском вероисповедании христианской религии.

Вторая возможность возникает, когда сама институционализированная система стремится поддержать возможность движения к усовершенствованию, прогрессивно уменьшая сферу таких несоответствий. Это в целом решение, которое предложено современной западной «прогрессивной» ориентацией. Она стремится проектировать компенсацию несоответствий не в трансцендентальную сферу, а на **будущее** состояние самой социальной системы. Но поскольку, однако, такое будущее состояние неизбежно должно быть далеко от завершения во всякий момент жизни данного поколения, вопрос о персональной компенсации для живущих в настоящее время индивидов остается решенным неудовлетворительно. Иногда оно достигается на пути интернализации норм таким образом, что удовлетворение вытекает из ощущения своего вклада в реализацию *достойной* цели, хотя сам индивидуальный актор не может рассчитывать дожидаться ее реализации. Следовательно, неэмпирический элемент в рационализации такой ориентации, а именно: убеждение в *сверхъестественных* возможностях самого социального развития — хотя постоянно и подавляется, тем не менее в действительности продолжает существовать.

Существенно отметить, что указанные выше две ориентации находятся в своего рода конкуренции друг с другом, в проекции компенсации за несоответствия либо в трансцендентной сфере, либо же в будущем, можно усмотреть, что любая попытка реалистически редуцировать несоответствия либо не нужна для освященного порядка вещей, либо же прямо противоречит ему. Так, например, во многих более консервативных католических обществах высокая нравственность в ранние годы жизни имеет тенденцию обосновываться *божьей волей*, предполагая, что либо невозможно ничего сделать, либо то, что можно сделать, будет направлено против того, что велит делать религия. *Прогрессивная* установка, что преждевременная смерть — это проблема, которую можно разрешить либо медицинскими, либо какими-то другими средствами, очевидно, вступает в конфликт с такими отрешенным признанием *божьей воли*. В то же самое время проблема несоответствий достаточно серьезна для того, чтобы предположить, что *прогрессивная ориентация* всегда адекватна достижению общей минимизации напряженности. Она, однако же, прямо связана с уровнем рациональности, находится в системе культурных убеждений и отводит важное место науке и ее техническим применениям.

На практике существует постепенный переход от любого из указанных выше двух типов акцептаций институционализированной системы ценностей к ее отрицанию. Это неизбежно по определению, поскольку проблема несоответствий является отправной точкой нашего рассуждения, и хотя ценностные стандарты могут быть акцептированы в принципе, не все то, что происходит в действительности внутри той системы, в которой они институционализированы, можно с ними согласовать. Отказ от них, когда он начинает преобладать, может, точно так же как и акцептация, быть ориентированным либо в одном, либо в двух основных направлениях, которые мы обсудили выше. В одном случае отказ от институционализированной системы ценностной может рационализироваться в терминах трансцендентальных концепций в том смысле, что отношение человека к *сверхъестественному* миру получает оценочное преимущество по сравнению с его практической включенностью в социальную ситуацию и **они вступают друг с другом в фундаментальный неразрешимый конфликт.** В наиболее общепринятом смысле — это тот случай, когда «спасение» от «мира» признается существенной целью человеческой жизни и «мир» считается не просто второстепенной ценностью, но именно «злом». Такое определение ситуации характерно для радикальных религий спасения. В своей наиболее радикаль-

ной форме эта точка зрения — разумеется, если она принимается буквально — элиминирует всякую мотивацию к выполнению ролевых ожиданий в мирской социальной общине. Она наиболее часто оказывается ориентацией идеального типа для избранной религиозной элиты, но не для «мирян».

Другая типичная ориентация — это проекция альтернативы отрицаемого институционализированного порядка на сам эмпирический социальный мир. По определению это должен быть **будущий** порядок, поскольку, опять же по определению, такая ориентация находится в конфликте с существующим обществом. Она может совпадать или же не совпадать с действительным или же с предвидимым в будущем состоянием. Это *революционное* решение.

В этом случае, как и в случае *прогрессизма*, возникает вопрос: насколько когнитивно отрационализировано это *утопическое* будущее состояние в терминах эмпирических концепций. Именно потому, что в западном мире революционный утопизм возник на культурном уровне как сознательная оппозиция трансцендентальности традиционного христианства, он стремился там стать *позитивистской традицией* и пробовал обосновывать свою точку зрения наглядно, методами эмпирической науки. Есть, по-видимому, основание предположить, что на самом деле сверхъестественный порядок в выше указанном смысле слова играл главную роль в ориентации такого типа, что *диалектика* и прочие подобные понятия больше напоминают *провидение*, чем это хотелось бы пропагандистам *научного социализма*. В действительности при помощи того критерия, который мы выявили выше — установки на уважение — их можно определить как освященные предметы.

Сверхъестественный элемент, разумеется, может быть и эксплицитным. Это имеет место в кальвинизме, на что обратил внимание Макс Вебер. Этот по существу когнитивный стандарт — убеждение в божественной миссии человека, призванного трудиться ради установления Царства Божия на земле. Хотя концепция спасения в значительной степени — часть кальвинистской теологии, она дает точку зрения для конструирования прямой цели действия. Как решено Божественным провидением, она становится символом членства человека в указанном обществе святых, которые разделяют ответственность за воплощение Божественной воли. Сфера действия, следовательно, ориентирована исключительно на *этот мир*, исключая только очень редкие кальвинистские формы религиозного созерцания, для которых **обучение** истинной доктрине — это главное, хотя и молитва также играет большую роль.

Существование концепций сверхъестественного порядка ставит вопрос о том типе действия, который должен иметь место по отношению к нему. Общим в когнитивной ориентации и целенаправленности действия является то, что убеждение в существовании сверхъестественного порядка не может иметь такого большого значения, которое в данный момент ему придается, если эти элементы не фигурируют в целенаправленном действии.

Какой тип действия «имеет смысл», зависит, разумеется, от того, каков, согласно существующим убеждениям, характер самого сверхъестественного порядка. Существует три основных вида таких *способов* непосредственной *привязки* актора к сверхъестественному порядку. Первый из них — ритуальный, зависящий от представления о тех аспектах сверхъестественного, которые дают начало каким-то определенным *законам*, каковые в свою очередь можно понять и адаптироваться к ним способом, по существу аналогичным инструментальному оперированию предметами эмпирического мира. Тогда проблема состоит в том, чтобы *действовать правильно* для того, чтобы достигнуть желаемого положения вещей, определенного целью. Если нечто делается *правильно*, то это действие почти автоматически включается в функционирующие механизмы и процессы сверхъестественного порядка. Ритуал можно определить как религиозный, если цель звучит как неэмпирическая и магическая, в то время как в действительности она эмпирическая.

Действие второго типа можно называть **молением**. Оно требует для себя некоторого представления о соответствующей сверхъестественной сущности, которое формируется у актора: она же должна принимать решение о том, что будет с актором-*эго*. **Способы** *эго* тогда направлены на то, чтобы оказать влияние на решение в благоприятную для осуществления цели *эго* сторону. Молящийся в христианском смысле этого слова, очевидно, попадает именно в эту

категорию, но он в наибольшей степени является *жертвой*, ибо здесь сверхъестественное рассматривается как нечто *личное*, принимающее решения.

И наконец, третий тип — *созерцание* — воздействует на состояние сознания самого актора таким образом, что делает его рецептивным к сверхъестественным влияниям. Оно может быть либо с когнитивным уклоном, направленным на *понимание* чего-то, либо с экспрессивным уклоном, где на первый план выступает состояние чувств. Этот тип созерцания связан с представлением о сверхъестественном как о безличном и диффузном, а не как об акторах, принимающих решения в соответствии с теми или иными стандартами, или как о законах, по аналогии с законами эмпирической природы, но качественно отличных и от актора, и от природы. Такое представление наиболее отчетливо выявляется в *мистических* религиях, таких, как ранний буддизм и даосизм.

Тесно связана с этими способами, но чрезвычайно большое значение приобретает, когда речь идет о созерцании, вся сфера способов контроля. В самой общей форме о способах контроля можно сказать, что они в целом ориентированы на предотвращение *интерференций* (возмущений), исходящих со стороны личности, со стороны ее тела или же со стороны *других*, и специальным образом связаны со сверхъестественным. Эти способы могут принимать форму преднамеренной фрустрации удовлетворения основных потребностей. Только в том случае, когда такая фрустрация выходит за рамки необходимой дисциплины и достигает того, что можно назвать *умерщвлением плоти*, о ней по праву говорят как об *аскетизме*. Между ними, по-видимому, исключительно трудно провести четкую разграничительную линию, по крайней мере эмпирически.

Все системы убеждений, естественно, выражаются в символах. Но здесь возникает вопрос: нет ли некоторых особых характеристик символизма в системе религиозных убеждений, на которые следовало бы обратить внимание.

С этой целью мы можем вновь обратиться к методологическим канонам науки как нашей главной исходной точки при анализе системы убеждений в целом. Строгие доктрины научной методологии, по-видимому, гласят, что **только** наблюдаемый результат очень строго определенных операционных процедур может обоснованно претендовать на то, чтобы иметь значение *реальности*. Все остальное — скорее *конструкция* ученого, в которой, разумеется, очень многое исходит из той культурной традиции, в которой ученый работает. Это *остальное*, конечно, включено в структуру *концептуальных схем*, в рамках которых производятся и интерпретируются наблюдения. Но, как правило, в истории науки всего этого оказывается гораздо больше; она содержит все системы *моделей*, объясняющих, *на что похожи эмпирические сущности*. Так, протоны и электроны считаются миниатюрными сферическими частицами, атом — миниатюрной солнечной системой. Введение таких *реалистических* моделей очень важный психологический аспект *развития* научных теорий, и модели в действительности образуют весьма существенный элемент систем убеждений, которые в культурном смысле мы называем наукой. Такие модели аспектов реального мира можно считать *опосредующим символизмом*. Они не входят в чистый с методологической точки зрения минимум верифицированного содержания научного знания, а являются некоторым дополнением к нему, помогающим *очертить* этот минимум содержания, который делает идеи науки *заслуживающими доверия*. Будучи установленной в качестве научной традиции, такая система опосредующего символизма может в некоторых условиях стать серьезным барьером дальнейшему научному прогрессу.

Не вызывает сомнения, что ученые высших уровней научной респектабельности *верят* в некотором смысле в такие модели. Строгое соблюдение канонов методологической чистоты как стандарт действующей системы убеждений функционирующего в науке ученого психологически не может быть проведен во всей полноте. Но в любом случае, когда такие модели играют важную роль в самой науке, совершенно очевидно, что именно эта часть является преобладающей в популярных системах убеждений относительно эмпирического мира. Даже в сфере популярных убеждений, наиболее сильно санкционируемых наукой, обязательно существует огромное количество таких опосредующих систем символов. Так, в действительности «первый встречный» не *убежден* в том, что наиболее *твердые* объекты содержат в целом гораздо *больше пустого пространства*, чем *материи*.

Символизм, процветающий в системах религиозных убеждений, в его когнитивном значении следует рассматривать как *опосредующий* символизм. Наиболее яркие примеры — *антропоморфизм* и *анимизм*. Психологические функции убежденности в том, что *бог — это старик с длинной белой бородой* или в том, что у *дьявола* есть рога и хвост совершенно аналогичны убежденности в том, что электрон — это сферическая твердая частица *материи*, т. е. — маленький круглый шар. Это создает возможность для конкретного представления играть важную роль в системе когнитивной ориентации.

Однако опосредующий символизм, по-видимому, более плодотворен в религиозной сфере, чем в эмпирической, по двум видам причин. Во-первых, установить строго когнитивные стандарты приемлемости конкретных представлений гораздо труднее в неэмпирической сфере, чем в эмпирической. Логическая обоснованность приемлема в качестве когнитивно контролирующего построения, прямое же наблюдение в научном смысле по определению невозможно. Во-вторых, религиозные убеждения по своей ориентации оценочны настолько же, насколько и когнитивны. Этот способ упорядочения всей системы действия в целом в некоторых отношениях, а следовательно, своего рода когнитивное доминирование, которое могло бы максимизировать контроль в терминах когнитивных стандартов, весьма редко имеет место.

Тем не менее внутри религиозных традиций развивается философская традиция умозаключений, которую в целом можно сравнивать с современной наукой, и, в конечном счете, многое из этого опосредующего символизма преодолевается. Так, Платон уже не верил в существование гомеровских богов в буквальном смысле этого слова и, конечно, во все те истории, которые существовали в мифологической традиции. Точно так же в умозрительной христианской теологии антропоморфизм был элиминирован, хотя, разумеется, он продолжал существовать в популярных убеждениях. В целом можно сказать, что в религиозных системах, достигших философского умозрительного уровня, неизбежно возникают напряжения между философским отказом от выработки опосредующего символизма и необходимостью его для народных масс. Мы подробнее остановимся на этом предмете ниже в связи с экспрессивным символизмом.

Прежде чем переходить к рассмотрению такого символизма, следует, однако, сказать несколько слов о другом конце *причинной цепи*, которая существует между религиозными убеждениями и институционализированным социальным порядком. При анализе проблемы систем религиозных убеждений мы, следуя примеру Макса Вебера, возьмем за отправную точку неизбежные несоответствия между ожиданиями, институционализированными социальной системой ценностей, и некоторым характеристиками действительного хода событий. Связь между ними такова, что система религиозных убеждений не только *рационализирует* существование и независимую данность ряда институционализированных ценностных ориентаций, она сама в большей или меньшей степени должна быть его составной частью. Это в значительной степени непосредственно следует из тенденции к консистентности стандартов в культурной традиции вообще.

Однако, как мы уже сказали, всегда существует большее или меньшее напряжение в действительных отношениях внутри социальной системы. Это напряжение может при определенных обстоятельствах подействовать так, что система религиозных убеждений, например, система, ориентированная на радикальное спасение души, превратится в культурный центр важного процесса социальных изменений. По мере того как социальное движение превращается в коллектив и достигает успехов, неизбежно возникает проблема последствий институционализации этих убеждений и ценностных ориентаций, вытекающих из них для коллектива и той социальной системы, в которую он входит. По мере того, как система убеждений институционализируется, убеждение в том, что ценности и цели исходят из некоторой трансцендентной сферы, само становится частью социальной ситуации, а следовательно, как это ни парадоксально, становится частью эмпирического мира. Члены общества оказываются перед лицом того факта, что конформность по отношению к ожиданиям, определенным посредством трансцендентно ориентированных религиозных убеждений, ожидается от них в институциональном порядке и что все основные компоненты системы санкций мобилизованы для

того, чтобы такую конформность поддерживать. *Мирские интересы*, следовательно, неизбежно начинают служить в качестве мотивации религиозной конформности. Напротив, реализация религиозных ценностей неизбежно связывается с мирскими делами, например, если религия достаточно серьезна, то церковь или ее функциональные эквиваленты обязательно завоевывают престиж и влияние в *мирских делах*, точно также как и в *духовной* сфере. На выходе получается в высшей степени нестабильное равновесие, при котором едва ли возможно, чтобы сама религиозная ориентация довольно долго оставалась неизменной. Этот *парадокс* институционализации в равной мере применим к системам радикально-утопических убеждений и к соответствующим ей ценностным ориентациям. Проблемы этого порядка будут нами рассмотрены несколько ниже в связи с социальным изменением, но основной их разбор заслуживает, чтобы посвятить ему специальное исследование по социологии религии.

Независимость и взаимосвязь систем убеждений и ценностных ориентаций

Системы убеждений и системы ценностных ориентаций являются двумя частями культурной традиции и оказывают влияние на формирование консистентной системы стандартов. Они, однако, тяготеют к различным центрам системы действия. Системы убеждений включают автономную ориентацию на *реальность*, которая имеет свойства, независимые от актора, пытающегося познавать ее когнитивно. Он не может только при помощи воли и желаний сделать ее такой, какой ему хочется ее видеть, он должен в структуре своих взглядов в некотором смысле *адаптироваться* к ней сам. Стандарты ценностной ориентации, с другой стороны, формулируют направление выбора при дилеммах, встречающихся в действии. Они *руководятся* при этом убеждениями, а не только частично детерминируются ими, поскольку они — способы организации **всей совокупности** интересов, включенных в данную систему действий, интересов как катектических и оценочных, так и когнитивных. Признание ценностной ориентации — это не только признание когнитивно всех логически вытекающих последствий данного ряда когнитивных убеждений, хотя такое частично может существовать и, как правило, всегда существует, но это **также** и признание выбора из возможностей удовлетворения, имеющихся в данной ситуации. Ограничиваясь некоторыми из них, актор жертвует в то же время другими, которые могли бы существовать как возможности при другой ценностной ориентации. Стандарты ценностной ориентации, как мы видели, являются точками, вокруг которых происходит организация всех доминирующих в системе действия факторов: адаптация к *действительности* посредством познания, удовлетворение интересов данного актора, признание моделей экспрессивного символизма и функциональная необходимость системы социальных взаимоотношений.

При оценке взаимозависимости убеждений и ценностных стандартов важно, однако, различать два фундаментальных типа *действительности*, т. е. классов тех объектов, на которые убеждения ориентированы, а именно: физические объекты и объекты социальные, или системы социального действия. Существенно, разумеется, то, что в том случае, когда речь идет о физических объектах, то, что является данными объектами **в любой данный момент времени**, не целиком зависит от убеждений. Поскольку они модифицируются преднамеренным действием, т. е. до некоторой степени становятся *артефактами*, процесс их модификации, разумеется, зависит от действия и, следовательно, от убеждений агента этой модификации как одного из элементов действия. Социальные же объекты в каждый данный момент отчасти есть функция **его** убеждений (а не убеждений наблюдателя действия). В случае индивидуального актора — это его убеждения, в случае, когда действует социальная система, это — убеждения, разделяемые входящими в данную систему акторами. Это различие, в свою очередь, определяет фундаментальное различие в возможностях оказывать влияние на тот или иной класс объектов. Физические объекты могут модифицироваться посредством действия на них человеческого существа, и на это действие могут влиять убеждения **этого человека**, но не может быть попыток модификации посредством изменения **системы убеждений объекта**, поскольку он таковых не имеет. Модифицировать же социальный объект можно не только при

помощи процесса, в котором участвуют убеждения актора, пытающегося его модифицировать, но также и при помощи изменения убеждений **самого объекта**, который пытаются модифицировать, поскольку такие убеждения — один из решающих аспектов того, чем является социальный объект.

По отношению к физическим объектам, следовательно, человеческие убеждения могут кардинально различаться только с двух точек зрения. Во-первых, когнитивной валидности данных убеждений, а во-вторых, их *значения* для интересов человека. Когнитивные процессы, как мы уже знаем, связаны с другими элементами мотивационного процесса, так что конкретные убеждения относительно физических объектов, как мы уже выше показали, могут интерпретироваться под влиянием некогнитивных компонентов действия. Проблема в том, поддается ли внешняя по отношению к человеку природа контролю с точки зрения его интересов и до какой степени такой контроль возможен. Это чисто когнитивная проблема. И убеждение относительно нее может быть правильным или же неправильным. Однако в зависимости от других, не когнитивных интересов могут появляться неувязки в когнитивной системе убеждений, включая также и те, которые появляются как результат ценностных ориентаций. Так ценностная ориентация, основанная на универсалистском достижении, будет стремится максимизировать, если не сделать доминирующим убеждение в том, что внешняя природа поддается контролю, поскольку в такой ориентации присутствует интерес к достижению. С другой стороны, партикуляристически-аскриптивная ценностная ориентация будет обнаруживать отсутствие интереса к возможности такого контроля и будет комбинироваться с такой системой убеждения, которая будет недооценивать степень возможности такого контроля. Точно так же обстоит дело с проблемой *человеческой природы* в смысле организма, например: в какой степени поддаются познанию и контролю его импульсы и другие процессы и при помощи каких средств это возможно. Современная медицина — трагический пример максимизации убеждения в возможности контроля над органическими процессами.

Один из аспектов убеждения относительно того, благоприятна ли в принципе природа или человеческая природа для реализации человеческих интересов, т. е. является ли она *благом* или *злом*, вносит оценочный фактор. На такой вопрос невозможно ответить в чисто когнитивных терминах, а только применяя когнитивное убеждение к оценочному контексту, а именно: посредством оценки последствий того состояния вещей, которое сформулировано в системе убеждений для некоторых некогнитивных интересов, катектически и (или) оценочно.

Когда мы переходим к рассмотрению социальных объектов, дело осложняется еще больше. Всегда указывают на тот факт, что убеждения социального объекта являются его составной частью. Здесь, однако, следует производить фундаментальное различение. Существуют чисто когнитивные элементы в таких системах убеждений, которые являются убеждениями относительно природы и функционирования систем действия. В социальной идеологии всегда имеется в наличии система эксплицитных или имплицитных социологических постулатов, которые должны оцениваться по стандартам когнитивной валидности. В терминологии анализа, проведенного в предыдущих главах, мы можем сказать, что это связано с адаптивными проблемами социальной системы, имеющими отношение к стандарту ценностной ориентации, — в какой степени и при каких условиях возможна институционализация таких ценностей.

Мы не можем сказать, что когнитивный элемент в конкретной системе оценочных убеждений попросту *детерминирован* стандартами ценностной ориентации или идентичен им, хотя такая детерминация в данном случае может показаться несколько большей, чем в случае физических объектов. В таком случае не существовало бы никакого основания для различения утопических стандартов идеологии и реалистических стандартов. Однако ввиду того значения, которое имеет культура в системах действия, элемент ценностной ориентации может играть более значительную роль в целом в определении ориентации на социальные объекты, чем в отношении физических объектов. Но соотношение независимости и взаимозависимости этих двух элементов культуры должно быть одинаковым в том и другом случае (21) — это фундаментальный теоретический принцип.

И наконец еще несколько слов о некотором отношении исключительно близкого *родства* между типами систем

оценочных убеждений и конкретными стандартами ценностной ориентации. Мы можем проиллюстрировать это в терминах тех способов, с помощью которых системы убеждений позволяют решать проблемы несоответствия между институционализированными ожиданиями и практическим результатом событий. Во-первых, мы можем сказать, что решение относительно того, может ли быть *компенсация* «спроектирована» в трансцендентную сферу или нет, совершенно очевидно зависит от системы убеждений, от статуса сверхъестественного мира в этой системе. Но убеждение в существовании такого сверхъестественного мира может включать и *жажду познания*. Следует рассматривать независимо два аспекта: данное убеждение не бывает совершенно чистым от *проекции* интересов, связанных с удовлетворением, и наоборот. Но такая система убеждений, хорошо утвержденная, по-видимому, с необходимостью вела бы к уменьшению стимула решать дилемму несоответствия в *прогрессивном* направлении. В целом можно сказать, что она имеет тенденцию снимать акцент с ценности достижения в мирском социальном действии. На самом деле наблюдается корреляция между сильной институционализацией убеждения в сверхъестественной компенсации и подчеркиванием аскриптивного элемента в институционализированной системе ценностей. Так, средневековое европейское общество ставило наследственный принцип очень высоко в мирской системе ценностей. Прогрессизм современного западного мира, по-видимому, зависит от *посюсторонности* наших систем убеждений и определяется ею.

Точно так же там, где содержится радикальный отказ от институционализированного порядка, мы можем предположить некоторое преобладание ценностных ориентаций и катектических точек зрения над самой системой убеждений. Те обстоятельства, в которых данное движение возникает, в конечном счете приводят к некоторому когнитивному несоответствию в силу того, что амбивалентные мотивации играют при этом важнейшую роль. Однако в таком движении существует сильная тенденция к определению в системе убеждений идеального состояния как резко отличного от институционализированного порядка, который отрицается. Эта концепция идеального состояния, в свою очередь, будучи воплощена в идеологию революционного движения, имеет сильную тенденцию способствовать универсалистски-аскриптивному ценностному стандарту со всеми последствиями, вытекающими из его институционализации, которые мы бегло рассматривали выше.

Отсюда мы можем заключить, что элемент культурной традиции в системе убеждений имеет *тяготение* к консистентности с элементом ценностной ориентации. Совершенно очевидно, что невозможно случайное изменение их друг относительно друга. Но ценностные ориентации *привязаны* к комплексам интересов различными способами и на различных уровнях относительно систем убеждений, так что невозможно вывести систему убеждений данного общества, совершая простую *проекцию* ее стандартов ценностной ориентации на *реальность* или наоборот, дедуцируя стандарты ценностной ориентации из данной системы убеждений без учета функции последней в интегрировании других компонентов системы действия.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 8

(1) Работы Малиновского, наряду со многими другими, можно считать четко выражающими точку зрения, разделяемую Леви-Брюлем и его последователями, согласно которой первобытный человек обладал *дологическим мышлением*, и то, что мы назвали эмпирическим знанием, и связанная с ним рациональная техника в его мышлении и действии не могли присутствовать. Любая культура содержит элемент *эмпирической науки*, являющейся предтечей того, что мы назвали *научным знанием*. См.: *Malinovski B.* Magic, science and religion.

(2) Здесь следует заметить, что акторы в другой культурной традиции действуют не в соответствии с нашими методами научной релевантности и ценности. Можно скорее сказать, что в любой системе действия можно найти эквивалент той линии, которую мы проводим между эмпирическими и неэмпирическими суждениями. Так, тробрианты Малиновского, хотя они были убеждены в том, что магия весьма существенна для получения хорошего урожая, тем не менее не смешивали эффективность магии с эффективностью эмпирически установленной технологии. Они не верили в то, что дело пойдет даже при плохой технологии, если они будут использовать больше магических приемов.

(3) Это — существенное различение, которое Парето делает между *полезностью* для коллектива и самого коллектива. См.: The Mind of Society, vol. IV and Structure of Social Action, by T.Parsons, 1937. ch. VII.

(4) Существенно отметить, что Клакхон (в написанной ею главе в книге «Toward a General Theory of Action» отличает ценностные ориентации от ценностей.

(5) См.: *Firth R.* Primitive economics in the New Zeland Maori, ch. VII.

(6) Для ознакомления с вопросами общей природы науки и процесса ее развития читателя можно отослать к работам: *Conant J. B.* On Understanding Science. Пожалуй, наилучшим образом проблемы, связанные с наукой (именно социологические проблемы) освещаются в книге: *Merton R.K.* Social Theory and Social Structure, part IV. Автор посвящает I главу своей книги: Structura of Social Action и XIX главу ее тем же вопросам. См. также: The Institutionalization of Social Science and the Problems of the Conference, ch. XIV of «Perspectives on a Troubled Decade». Published by the Conference on Science, Philisophy and Religion, 1950.

(7) См.: *Kroeber A.L.* Configurations of Culture Growth //Anthropology, 1948.

(8) Обладатель политического влияния — наиболее очевидное исключение из этого правила, поскольку он часто не может избежать такого резонанса.

(9) Так, в одной из статей в венской «Press», автор которой бросает взгляд на Австрию 1948 года (лето), со всей серьезностью доказывается, что церковь сделала большую услугу цивилизации, выступая на протяжении столь долгого времени против Галилея, т. е. подавляя развитие современной науки. Аргументировалось это тем, что наука открывает ящик Пандоры, с содержанием которого человечество потом не знает что делать, и своего рода интеллектуальный авторитаризм является единственным решением, позволяющим ограничить исследование сферой познания того, что *благотворно*. Кто скажет, что в этом аргументе нет доли истины?

(10) *Merton R.K.* Science and Society in 17 the century England.

(11) То, что механизмы социального контроля иногда не могут действовать эффективно, вовсе не доказывает, что они не существуют вообще или что они неэффективны в других отношениях.

(12) Разумеется, когда научное исследование институционализировано таким образом, возможным становится и развитие дисфункциональных явлений. Так, критицизм коллег может быть связан со стремлением к стерильной чистоте и совершенству в деталях, при этом в жертву иногда приносится значение основополагающих идей. В целом минимизация различений при оценивании внутри университетов — взгляд на *общество ученых* как на *общество равных* — может рассматриваться как адаптивная структура, функция которой — противодействовать некоторым из этих дисфункциональных тенденций. См.: *Wilson L.* The Academic Man.

(13) Это то, что Мертон в своей работе «Science and Democratic social structure», op. cit. ch. XII называет «коммунизмом» в науке. Он функционально анализирует значение этого явления.

(14) Поскольку мы занимаемся здесь социальной системой, мы не рассматриваем персональные идеологии.

(15) Этот смысл близок тому, который придает Лассвелл термину «антинравы».

(16) По-видимому, здесь являются основными феномены *обострения* и *сглаживания*, более подробно разбираемые в работах социальных психологов.

(17) Эту сферу проблем исчерпывающим образом проанализировал автор в работе «Структура социального действия» (Structure of social action) и здесь нет необходимости распространяться об этом подробнее.

(18) Даже в Греции Сократ был осужден на смерть.

(19) Это было любимым изречением проф. Ласки.

(20) Компетентные наблюдатели считают, что в настоящее время в коммунистическом движении обнаруживается явное снижение интеллектуального уровня марксизма по сравнению хотя бы с днями революционного брожения до русской революции и сразу после нее. Можно предположить, что это, по-видимому, отчасти результат усиления в коммунистических партиях склонности к авторитарному навязыванию ортодоксальных доктрин, почти независимо от когнитивных точек зрения. Это — утеря *либеральной* традиции западной мысли, несмотря на то, что марксисты, которым «затыкают рот», продолжают писать чем дальше, тем больше. Собственно, их можно рассматривать как философов, но не как ученых. Такая

точка зрения отрезает все возможности и ликвидирует всякие социальные условия, необходимые для того, чтобы осуществлять деятельность, интересную с когнитивной точки зрения, в любой форме. Для сегодняшних коммунистов релевантной постановки вопроса об *истинности* утверждений не существует. Вопрос о том, можно ли защищать эти убеждения с интеллектуальных позиций или нет, зависит лишь от официальной линии партии. Убеждение в непогрешимом интеллектуальном превосходстве Сталина, по-видимому, можно рассматривать как механизм достижения внутреннего единства.

(21) Для обсуждения этих проблем имеет большое значение точка зрения Флоренс Клакхон в ее работе: Dominant and Variant Profiles of Cultural Orientation, Social Forces. May, 1950. Мы считаем, что в некоторых отношениях весьма гипотетический анализ доктора Клакхон обусловлен ее неспособностью разделить системы убеждений и стандарты ценностной ориентации и допустить их независимую вариабельность.

Роль идей в социальном действии

(из книги T. Parsons, Essays in Sociological theory, London 1964, pp. 19–33)

Тема этой работы вызвала многочисленные споры, которые оказались незаконченными. Может возникнуть мысль, что по крайней мере частично это результат особенностей дискуссии. С одной стороны, ее участники склонны рассматривать проблему в слишком общих терминах. Считают, что идеи либо играют, либо не играют важную роль в детерминации действия. В противовес этой тенденции я попытаюсь в этой работе разбить проблему на части, каждая из которых соответствует разделам аналитической теории действия.

С другой стороны, дискуссия сообразно склонностям современных авторов слишком тесно привязана к философской проблематике, что редко способствует беспристрастности наблюдений и теоретического анализа на эмпирическом уровне. Эта работа должна рассматриваться как теоретическое введение к попыткам такого рода.

Я далек от мысли, что общественные и некоторые другие науки могут существовать в своего рода философском вакууме, полностью игнорируя все философские проблемы, несмотря на то, что научные и философские проблемы тесно связаны, о чем я уже писал в другой работе (1).

Но эти проблемы в то же время и независимы, они могут рассматриваться в обобщении, произведенном относительно независимо. Прежде всего, из утверждаемого в этой

статье положения о том, что идеи играют важную роль в осуществлении действия, не вытекает, что автор вверился своего рода идеалистической метафизике, из которой зачастую следует, что идеи должны возникать благодаря «непорочному зачатию», что они не запятнаны социальными и экономическими воздействиями и влияют на действия посредством автоматических и таинственных процессов самореализации или *эманации*, вне связи с другими элементами социальной системы.

Моя работа будет посвящена изложению теоретических основ анализа роли идей на эмпирическом научном базисе. Я начну с ясных определений сущности моего предмета. Принимая во внимание цель дискуссии, определим идеи как понятия и высказывания, с помощью которых можно интерпретировать человеческие интересы, ценности и опыт. Поскольку в качестве идей они конституируют системы, то отношения между этими понятиями и высказываниями могут контролироваться на основе определенной нормы, а именно логикой.

Только что приведенное определение сформулировано так, чтобы оно могло служить в качестве переменной в системе независимых переменных, которая есть не что иное, как комбинация логических универсалий, в соответствии с которой могут быть расставлены значения отдельной переменной. Т. к. эта точка зрения является научно обоснованной, есть только три важных проблемы, которые следует поставить:

1. Действительно ли в социальной системе существуют индивиды или группы, для которых характерны определенные различия в выражении специфических идей в различное время?
2. Можно ли установить существенные отношения между этими различиями и другими наблюдаемыми аспектами в подобных социальных системах?
3. В самом ли деле эти отношения таковы, что идеи не могут трактоваться как зависимые переменные, т. е. не выводится ли их специфическое содержание из знания величин одной или многих наблюдаемых переменных в подобных социальных системах?

Если ответы на все эти вопросы будут утвердительными, то можно настаивать на том, что идеи играют важную роль в определении действия, но только в том смысле, в каком утверждения такого рода имеют значение в науке. Такие идеи были бы весьма существенными переменными в системе теории, которая, как можно показать, делает понятным сложный комплекс явлений. Вопрос о том, является ли онтологический смысл этих идей некоторой реалией или только проявлением таинственных метафизических сущностей, выходит за рамки нашей статьи.

Очевидно, что идеи не могли бы трактоваться как переменные в системах социального действия, если бы не их специфическое содержание, меняющееся от случая к случаю. Но помимо изменения специфического содержания идеи, как это и предполагалось, можно подразделить на широкие классы, заметно меняющиеся от одного индивида к другому в плане их отношения к действию. Как эти классы будут определены, а также сколько их, есть вопрос в научном смысле слова прагматический. Основанием для проведения различий между какими-либо двумя классами служит то, что их элементы ведут себя по-разному в отношении к действию. Так это или нет, это вопрос факта.

Я укажу такую классификацию, а затем изложу анализ роли каждого класса, чтобы продемонстрировать важность проведения различений.

Идеи, принадлежащие первому классу, могут быть названы экзистенциальными. Понятия, которые включают такие идеи, суть основы для описания и анализа сущности, аспектов или свойств мира, внешнего по отношению к воспринимающей его личности (актору). Эти сущности или существуют в это время, или мыслятся таковыми, т. е. существовавшими либо способными существовать. Их референты устанавливаются внешней *реальностью*. Идеи включают в себя экзистенциальные высказывания, относящиеся к некоторому периоду или периодам этой реальности, действительным или предполагаемым. Истина является наиболее общим типом норм, управляющим экзистенциальными идеями. В экзистенциальных идеях, как и в других идеях, удобно различать два подкласса, различие между которыми необычайно важно. Считается, что понятия и высказывания, принадлежащие эмпирическим идеям, выделенным в первый подкласс, могут быть верифицированы с помощью методов эмпирической науки. Все другие

экзистенциальные идеи я помещу в другой подкласс как неэмпирические, вне зависимости от причин, вследствие которых они не могут быть научно верифицированы (2).

Идеи, относящиеся ко второму основному классу, могут быть названы нормативными идеями. Они обозначают состояние дел (state of affairs), которые либо могут существовать, либо не могут. Но в любом случае эти обозначения высказываются не в изъявительном (indicative), а в повелительном (imperative) наклонении. Если состояние дел существует как нормативная идея, то актор принимает на себя обязательство пытаться сохранять его в процессе его существования, если же такой формы нет, то актор обязан реализовать его в будущем.

Идея нормативна, поскольку создание или сохранение того состояния дела, которое она предписывает, может быть представлено как цель актора. Состояния дел могут быть также классифицированы как эмпирические или неэмпирические в соответствии с приведенными выше критериями (3).

Первый ряд проблем, который надлежит обсудить, касается роли экзистенциальных эмпирических идей. Мне кажется, будет правильно сказать, что ни одна ветвь общественной науки не подвергалась более полному и строгому анализу, чем эта, так что она представляет собой прекрасную отправную точку (4). Этот анализ проводился в контексте проблем, возникающих в связи с понятием рациональности действия, в общепринятом смысле максимизации *эффективности* или *полезности* путем адаптации средств к целям. Именно идея рациональности лежит в основе большинства современных исследований технологических процессов в науке, медицине, военной стратегии и многих других областях знания, на которые, в свою очередь, опирается экономическая теория и многочисленные анализы политических процессов, которые рассматриваются как процессы достижения, сохранения и использования власти.

Общая особенность всех этих видов анализа действия состоит в понятии действия как процесса достижения специфических и определенных целей путем выбора наиболее *эффективных* средств, имеющихся в ситуации актора. Это, в свою очередь, подразумевает стандарт, в соответствии с которым производится выбор между многими возможными средствами.

Существует почти общее согласие относительно того, что релевантное основание выбора в такого рода случаях предполагает, что актор обладает знанием и определенным положением, что в свою очередь предполагает знание возможных результатов применения тех или иных доступных ему путей изменения. Одним из необходимых условий рациональности действий актора является научная обоснованность знаний (5).

Обоснованным эмпирическим знанием в этом смысле является система идей. Она состоит из понятий, высказываний и их логических отношений. Больше того, во всех упомянутых анализах действия эти знания трактуются как переменные в системе действия. В соответствии с изменениями в их специфическом содержании характер действий будет изменяться. При объяснении того, почему фактическое направление действия не согласуется с рациональной нормой, описывающей *лучшее* направление, мы обращаемся прежде всего к особенностям объема знаний актора.

Мы говорим: «он не знал», подразумевая, что, если бы он знал, он действовал бы иначе, или «он ошибочно предполагал, что...», соответственно подразумевая, что, если бы он не заблуждался при данном уровне знания, он также действовал бы иначе. Таким образом, две из координат изменения знания, которые релевантны его роли в действии, есть неведение и ошибка. Существует определенный минимум обоснованных знаний для достижения любой заданной цели. Если знаний недостаточно, если актор не знает каких-либо важных особенностей ситуации или его идеи необоснованны, ошибочны, это будет служить объяснением неудачи в достижении рациональности действия.

Аналитической схемой, в которой роль обоснованных эмпирических знаний наиболее четко понятийно оформлена, является экономическая теория. Знания — наиболее важные переменные в системе экономической теории, и тот, кто собирается отрицать роль идей в действии, должен будет найти удовлетворительное альтернативное объяснение единообразию (uniformity) человеческих действий, которое установлено двумя веками экономического анализа, или показать, что предполагаемого единообразия не существует.

Но именно такие положения справедливы в области, именуемой *технологией*. Сами процессы технологических изменений, которым многие наши *материалисты* придают такое фундаментальное значение, отчасти являются функцией знания, т. е. идей в том смысле, в каком они фигурируют в экономической теории. В этой области значительно больше, чем в узко экономической (в области конкретных экономик), знания стали переменными, причем в высшей степени автономными, т. к. они чаще всего принимают форму скорее теоретически систематизированных научных знаний, чем здравого смысла. Несомненно, что развитие производства современных красителей, легированной стали и т. д. нельзя понять без представлений о принципиальной автономности направлений науки, от которой все они зависят.

Однако марксистская теория относила технологию к *материальным* факторам социального изменения, в то время как идеи должны были составлять часть надстройки. Как возникают такие специфические процедуры рассуждения? Можно отметить здесь два важных источника. Во-первых, марксистская теория не содержит ни строгого понятия идеи, ни классификации различного рода идей. А потому идеи, которые марксисты привычно именуют *идеологиями*, по их мнению, ведут себя иначе, чем научный базис технологии: здесь мы видим стремление игнорировать тот факт, что последний также состоит из идей, и нельзя обобщать поведение первых идей как поведение идей вообще (in general). Во-вторых, марксистская теория покоится на аналитической базе, существенно отличной от той, которая является исходной в данной дискуссии. Для нее конкретная структура индустриального предприятия является и *фактором*, и технологией, и социальной организацией — и вообще всем. Мы намерены попытаться подразделить сущности, подобные этим, на более простые элементы, найти классификацию, в которой исчезнет марксистская дихотомия *идеальных* и *материальных* факторов. Не существует органичной причины, из-за которой марксистский выбор переменных должен быть окончательным. Есть лишь один научный критерий среди всех перечисленных в нашей дискуссии и к тому же обладающий прагматической силой. Это критерий, максимально проясняющий определенные эмпирические проблемы.

Любое человеческое общество обладает значительными запасами эмпирически обоснованных знаний о своем природном окружении, в котором действуют его члены, о самом себе и о других обществах. То, что эти знания систематизированы в свете представлений современной науки эмпирически, а не теоретически, не меняет дела. Больше того, основная часть действий члена любого общества должна быть понята на основе этого знания. Теория Леви-Брюля о том, что примитивный человек не мыслит логично (в той части, в какой она относится к этому вопросу), была основательно дискредитирована (6).

Но в добавление к тем идеям, которые выдержали проверку на научную обоснованность знания, в каждом обществе обращается много идей, отклоняющихся в том или ином отношении от этого стандарта. Поскольку они экзистенциальные, а не нормативные или воображаемые, постольку возникает вопрос: что является причиной такого расхождения? Ответ на него часто дается в позитивистском духе, чего следует, по-видимому, избегать. Существует взгляд, явный или скрытый, что расхождение со стандартом эмпирической верифицируемости постоянно и с необходимостью связано с эмпирическими ошибками в том смысле, что идеи, о которых идет речь, могут быть представлены не только негативно, как неверифицируемые, но и позитивно, как ложные, т. е. что в основе их неверифицируемости лежит ошибка или незнание, или то и другое вместе. Это суждение явно предполагает, что существует адекватный и в то же время позитивный научный стандарт, на основе которого эти идеи оцениваются.

По крайней мере в том, что касается области эмпирически известных систем экзистенциальных идей, можно с уверенностью сказать, что класс идей, которые могут быть названы ненаучными идеями, не исчерпывает отклонений от принципов эмпирической верифицируемости, но что существует класс понятий и высказываний, которые не верифицируемы, но не потому, что они ложны, а потому, что они, как выразился Парето, «превосходят возможности опыта» («surpass experience»).

В эту категорию попадают идеи типа: универсум поделен между добрыми и злыми началами (principles), души совершают бесконечный ряд превращений, единственный

способ избежать греха — милосердие божие. Эти идеи скорее не научны, чем антинаучны (7).

Что же тогда можно сказать о роли таких ненаучных идей? Поскольку они по характеру скорее экзистенциальные, чем нормативные или воображаемые, постольку существует определенное формальное сходство этих идей с эмпирическими научно-обоснованными идеями. Последние могут рассматриваться как механизмы ориентации актора в конкретной ситуации. Поскольку человек трактуется как целенаправленное существо (purposive being), пытающееся рационально достичь цели, он не может рассматриваться как целиком ориентированный на свою ситуацию до тех пор, пока он не обладает, среди прочего, адекватным знанием ситуации, применимым для достижения упомянутых целей или другими функционально эквивалентными механизмами.

Но роль экзистенциональных идей не может быть рассмотрена лишь в одном контексте, таком как основание для выбора средств для данных целей. Существует дополнительная необходимость когнитивной ориентации иного рода, а именно решение проблемы оправдания преследуемых целей (8).

Если систематически и последовательно изучать высказывания, приводимые людьми для обоснования попыток достижения глобальных целей (ultimate ends), бросается в глаза интересный факт. Наиболее важный компонент всех известных всеобъемлющих социальных систем таких оправданий должен быть классифицирован как неэмпирический. Чем больше делается попыток точно установить явные и скрытые главные посылки, тем очевиднее, что эти аргументы представляют собой высказывания скорее метафизические, чем научные. Итак, я утверждаю, что это справедливо для всех известных социальных систем, независимо от того, можно ли элиминировать эти неэмпирические элементы. Однако эта проблема неуместна в данном контексте.

Но простая демонстрация существования определенного класса явлений не есть доказательство того, что их описание требует переменных, важных для наших целей. Проблема заключается не в том, всегда ли неэмпирические экзистенциальные идеи могут быть обнаружены в социальных системах, а в том, могут ли важные особенности социальных систем быть представлены как зависящие от изменения содержания этих идей. Как же подступиться к этой проблеме?

Большинство попыток в этой области формулировались только на основе исторического и генетического методов. Конечно, единственно возможные каузальные факторы (9) в генезисе любого специфического состояния являются компонентами предшествующего состояния дел в данной последовательности состояний. Но даже в этом случае каузальные отношения могут быть представлены только при помощи общих понятий и обобщенного знания единообразий. Проблема здесь заключается не в объяснении частных фактов, а в установлении единообразий. Единственной возможной процедурой, позволяющей это сделать, является сравнительный метод, который допускает использование переменных. Этот метод есть не что иное, как точное логическое соответствие эксперименту. Одной из причин неудовлетворительного характера дискуссий, развернувшихся вокруг марксизма, служит то, что проблема почти всегда формулируется в исторических и генетических терминах, т. е. так же, как это делает и сама марксистская теория, в то время как аналитические обобщения относительно роли идей в принципе не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты в рамках такого метода. В результате спор делается крайне неопределенным.

Гораздо более значительные эмпирические исследования в этой специфической области были проведены по социологии религии Максом Вебером (10).

Вебер интересовался проблемой исторической (imputation) такой, например, как относительная роль *материальных* факторов и религиозных идей определенных ветвей протестантизма в генезисе того, что он назвал рациональным буржуазным капитализмом.

Но методологическая проницательность Вебера говорила ему, что бесполезно решать проблему на основе все более и более тщательных генетических исследований непосредственного исторического фона современного капитализма, не имея при этом детально обоснованных представлений о роли идей. Поэтому он обратился к сравнительному методу, к изучению влияния изменений в содержании религиозных идей.

Переменные, разумеется, не могут быть изолированы, не считая того случая, когда другие важные переменные либо не меняют своих значений, либо когда показана их независимость. Вебер пытался показать на этой проблеме, что в тех обществах, к которым он обращался, до развития интересовавших его религиозных идей и состояние материальных факторов, и автономные тенденции их развития в соответствующем отношении в основном были подобными. Например, в отношении трех наиболее изученных им регионов, таких как Китай, Индия и Западная Европа, он пытался оценить относительную благоприятность экономической ситуации и *условий производства* для капиталистического развития. Выводом из этих работ было суждение о том, что эти три общества в высшей степени подобны. Если и существует различие, то оно заключается лишь в том, что благоприятность условий несколько выше в Индии и Китае (11).

Но факты говорят о том, что только в Европе действительно имело место развитие капитализма. Чем же можно объяснить столь радикальное различие результатов, исходя из анализа этих трех цивилизаций? Известно, что развитие религиозных идей во всех трех случаях шло разными путями. В отношении этих идей как переменных существуют адекватные пределы изменения, объясняющие это различие, тогда как в случае материальных факторов это не может быть показано. Тяжкое бремя доказательства лежит на том, кто собирается отстаивать материалистическое объяснение этих фактов. Он должен показать, что существовали дифференцирующие элементы на этом уровне, которые Вебер не принял во внимание.

Однако Вебер не оставил своего объяснения роли религиозных идей в таком первоначальном состоянии. Он анализировал определенные механизмы, с помощью которых идеи могут оказывать и оказывают влияние на действия. На основе более обобщенных концептуальных схем, таких как *теория действия* или его «понимающая» (*Verstehende*) социология, он анализировал механизмы, посредством которых идеи могут оказывать и оказывают влияние на действие. На основе этого анализа он разработал вопрос о том, какой возможный эффект оказали на определенные стороны секуляризованной общественной жизни, а также на приверженность к каждой из доминирующих систем религиозных идей — конфуцианство, индуизм или протестантство. В результате проделанной работы Вебер нашел, что его выводы подтверждаются тем, что действительность соответствует ожиданиям, на основе выведенного из его гипотезы рассуждения (что видно в сравнительной перспективе).

В дальнейшем он усилил рассуждение, решив задачу понимания многих специфических механизмов, посредством которых может быть установлено влияние идей и, возможно, оказано на них действие. Он подтвердил этот анализ значительным количеством деталей. Для окончательных выводов используется разработанный в терминах веберовской концептуальной схемы анализ свидетельств (evidence) различных источников.

Результатом этих всесторонних сравнительных исследований явилось не только строгое обоснование его оригинального исторического тезиса о том, что идеи аскетического протестанства действительно играли важную каузальную роль в генезисе современного капитализма, но и формулирование обобщенной теории роли неэмпирических экзистенциальных идей по отношению к действию. Для нас именно это представляет сейчас наибольший интерес.

Не Веберу принадлежит точка зрения, что религиозные идеи конституируют главную движущую силу при определении такого рода типов действий. Такую роль, в частности, играет то, что он назвал религиозным интересом. Типичным примером этого является интерес (который в свою очередь имеет сложное происхождение) к предохранению себя, кроме всего прочего, от определенных стрессов и напряжений (stresses and strains), оказывающих иногда воздействие на индивидуумов в социальных ситуациях, когда крушение земных целей кажется неминуемым и коренящимся в природе вещей. Но одного понятия чистого интереса к сохранению себя недостаточно. Встает проблема: какого рода специфические действия мотивируются религиозными интересами? Как показал веберовский сравнительный анализ, действия будут весьма различными в зависимости от структуры экзистенциональных религиозных идей, воспринимая которые, индивиду-

умы формулируют когнитивную ориентацию в принципиальных неэмпирических проблемах, с которыми они сталкиваются.

Например, для обоснования общепринятой пантеистической концепции божества в индуистской философии, и особенно для доктрин *кармы* и *переселения душ*, поиски через конкретный подвиг в земной жизни были бы бессмысленны. Если бы такое действие противоречило традиционному порядку, оно было бы предосудительно и препятствовало бы спасению; если же нет, то оно могло бы только порождать карму и вести к бесконечному повторению рождений.

Единственное спасение в том, чтобы избежать *колеса кармы*, прибегая ко всецело духовным, мистическим и аскетическим упражнениям. Для кальвиниста, напротив, мистический союз с божеством совершенно невозможен в силу абсолютной трансцендентности бога. Он помещен в этот мир, дабы осуществлять божественную волю в создании царства божия. Его вечная судьба — быть обусловленным предопределением. Но он может приобрести уверенность в спасении, доказывая свою веру работой на винограднике, осуществляя тем самым волю бога.

Функция религиозных идей в осуществлении дела спасения — *определить ситуацию*, если употребить термин У.И.Томаса. Только путем отнесения к этим идеям можно понять, какие характерные формы действия будут уместны, чтобы достигнуть спасения или уверенности в этом. Веберу удалось доказать, что рациональная систематическая искусная работа в земном призвании имела значение для ревностных кальвинистов и связанных с ними религиозных движений, тогда как эта работа была бы совершенно бессмысленна для верящих в *карму* или *переселение душ* на пантеистической основе, независимо от того, насколько велика заинтересованность в спасении. В этом смысле содержание религиозных идей является весьма значимой переменной в определении конкретного направления действия.

До сих пор дискуссия была ограничена обсуждением роли экзистенциальных идей в двух совершенно различных контекстах. Эмпирические идеи анализировались в их отношении к проблеме выбора средств, соответствующих нормам рациональности. Неэмпирические идеи, напротив, трактовались в отношении к телеологической проблеме ориентации актора для оправдания выбора преследуемых целей. Существует разрыв в трактовке понятий, который надо ликвидировать. Выбор средств имеет значение только по отношению к целям, в то время как телеологическая ориентация бессмысленна, если для актора не существует проблемы выбора средств.

В самом деле, аналитическая процедура предполагает, что основную роль в действии играют нормативные элементы (12). Анализ основных предположений, включенных в трактовку эмпирических значений в качестве независимых переменных в выборе средств, показал что и позитивная роль целей, и существование определенных отношений между целями в более или менее полных системах важны для связи каузальной значимости со знаниями. Рациональные действия, понимаемые как действия, направляемые обоснованными знаниями, в то же время нормативно ориентированы. Подобным же образом определение ситуации по отношению к религиозным интересам не имело бы значения, если бы не было понятно, что порождало различие в направлении действия, какие цели выбирались среди альтернативных.

Нормативно ориентированными в смысле преследования целей могут быть не только действия, но и содержание определенных нормативных условий, правил, которыми руководствуются. Например, преследуя цель, приводящую к закрытию выгодного дела, бизнесмен может объяснить ее себе условием *честности* сделки. С какой-то точки зрения такие правила могут самополагаться, как цели, но они не являются непосредственными целями в принятом направлении анализа действия. Они являются скорее в размышлении, ограничивающем допустимые пределы набора средств-альтернатив, причем выбор должен производиться из соображений рациональной эффективности.

И цели, и управляющие нормы содержат в себе как когнитивный элемент, так и элемент идей, как бы мало ни была описана нормативная модель. Тот факт, что эти элементы действительно присутствуют, может выявить-

ся, если принять во внимание подтекст проблем, которые неминуемо обнаруживаются, когда мы пытаемся понять действие на основе таких нормативных элементов. «Что есть цель» данного направления действия — например, что значит: совершить выгодную сделку? Или «что человек понимает» под нормами, по отношению к которым направление действия является содержанием — например, под честностью в ведении дела? Очевидно, что ответы на все вопросы должны быть даны в форме высказываний, т. е. в форме идей. Но в этом случае наличие идей приписывается не только социологическому наблюдателю, но и самому актору. Вопрос не в том, что означает честность для наблюдателя, а в том, что означает она для актора. Это предполагает, кроме всего прочего, что актор не будет добиваться согласия противной стороны, делая заведомо ложные заявления.

Здесь существенным является то, что, поскольку анализ действия на основе ориентации на цели и нормы вообще полезен в научном отношении, существуют два предположения: 1. Можно с достаточной точностью выявить у актора не только *волю* к достижению цели или подчинение нормам, но и содержание этих целей и норм, которое допустимо обозначать как набор идей. 2. Изменение их содержания функционально связано с фактами системы действия, отличающейся от системы идей актора.

При помощи процедур, подобных тем, которые использованы Вебером в исследовании религиозных идей, можно выяснить, действительно ли нормативные идеи конституируют независимые переменные системы действия. Сам Вебер показал, что эти переменные все же частично зависят от неэмпирических идей. Это предполагает их относительную независимость от *материальных* факторов. Но в то же время ничто не мешает существованию независимого изменения метафизических и религиозных идей в широких пределах.

Проделанный анализ роли идей в действии изложен в общем виде с апелляцией к общеизвестным фактам: к двум основным частям обоснования, используемого в экономическом и технологическом анализе рациональных действий и в веберовском исследовании религиозных идей. Невозможно, в виду ограниченного объема работы, детально описать даже малые извлечения из огромной массы заимствованного из многих источников эмпирического материала, подтверждающего мою точку зрения. Я, однако, не хочу завершить работу, не упомянув о других направлениях, представленных в дискуссии, которые, как представляется, подкрепляют мой тезис.

Уже отмечалось, что доказательство причинных отношений в специфической исторической последовательности не может быть проведено только на основе созерцания фактов этой последовательности. Необходимо применить к этим фактам обобщающее теоретическое знание, полученное из сравнительного анализа серий, состоящих из различных частных ситуаций. Только применив эту процедуру, можно выделить переменные и верифицировать функциональную связь их значений.

Следовательно, проблему роли идей нельзя адекватно трактовать простым ad hoc декларированием по поводу фактов, заимствованных из разных примеров. Ее решение включает в себя систематический теоретический анализ действия и отношений одних и тех же переменных, применяемых ко многим конкретным ситуациям.

В каждом из двух случаев, подробно проанализированных выше, общие положения (теоремы), касающиеся роли идей, отнюдь не стоят особняком, напротив, они являются важной составной частью теории. Таким образом, анализ роли эмпирических идей в рациональном действии может рассматриваться как применение к этой специфической проблеме одной из наиболее развитых областей обобщающего теоретического социального знания, а именно, экономической теории. Это дает сильную поддержку доказательству данного положения, т. к. оно верифицируется не только непосредственно ссылкой на обсуждавшиеся здесь факты, но и косвенно, в том смысле, что оно логически взаимозависимо со всеми другими положениями экономической науки. Но поскольку они взаимозависимы, то факты, подтверждающие одно положение, подтверждают и другое.

В случае религиозных идей не существует такой признанной и используемой системы теорий, для которой были бы пригодны результаты эмпирических исследо-

ваний Вебера. Но уже отмечалось, что сам Вебер фактически довел такую теорию до высокой степени систематизации.

Разработанная в его собственных произведениях теоретическая структура применима ко многим другим проблемам, таким как роль идей, и верифицируема на их основе.

Но, больше того, мой собственный, недавно опубликованный анализ некоторых этапов развития социальной теории последних поколений (13) показал, что в своих теоретических результатах Вебер близок к замечательным по точности и эффективности конструкциям, которые разработаны другими теоретиками, но с других исходных позиций и с другими задачами.

В частности, Дюркгейм, чьи интересы вовсе не ограничивались проблемой роли идей, а были в основном посвящены общественной солидарности, получил набор категорий в сфере религии, в точности соответствующие веберовским.

Теоретический анализ роли идей у Вебера фактически является частью многих более широких систем аналитических социальных теорий, появление которых может быть прослежено в ряде работ независимо от Вебера.

Более того, Вебер, Дюркгейм и другие авторы не только сходятся в деталях этой стороны теоретических систем, в основном имеющих отношение к религии, но, как показывают в разных частях своих работ Вебер и Дюркгейм, эта общая схема социологии религии в свою очередь входит в еще более широкую теоретическую схему, включающую экономический и технологический анализ роли эмпирических знаний в отношении рационального характера действия. Оба ряда проблем относятся к одной и той же области и входят в общий анализ человеческих действий (14).

И в заключение. В споре о роли идей присутствуют в большей степени столкновения соперничающих философских и других околонаучных точек зрения, чем результаты внимательного анализа эмпирических фактов.

Я полагаю, что, оставив в стороне философские умозрения и начав тщательные исследования, можно будет минимизировать различия по взглядах. Положение, проведенное в этой статье, соответствует не только очень важным структурам установления и анализа совокупности фактов. Оно также находится в соответствие с обобщающим теоретическим знанием человеческого социального действия, знанием, которое имеет большой научный авторитет в разных областях.

Это, как мне кажется, оправдывает понимание позитивной роли идей как рабочей гипотезы для дальнейшего эмпирического исследования. По-видимому, результатом такого исследования будет, как всегда, разнообразие постановок проблем и формулировок общих положений в рамках форм, казавшихся приемлемыми в самом начале исследования. Но такая модификация не означает *отказ* от теории, это проявление нормального хода научного прогресса, в который *преодолеваемая* теория уже внесла существенный вклад.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) The Structure of Social Action. N.Y., 1937.

(2) Эта остаточная категория введена для непосредственных целей. Нужно считать, что ее употребление не означает, что различение между подклассами самих неэмпирических идей не является важным для иных целей.

(3) Существует третий класс идей, которые могут быть названы *воображаемыми* (imaginative). Их содержание относится к сущностям, которые не мыслятся существующими и актор не чувствует обязанности их реализовывать. Примером этих идей может быть утопия, которая не предназначается для определения программы действий, или создание совершенно фантастических ситуаций в романе. По крайней мере, значение таких идей в отношении действия скорее должно восприниматься как указание на чувства и позиции акторов, чем на то, что идеи эти сами по себе играют позитивную роль. Насколько непосредственно они играют эту роль? Такая постановка вопроса влечет за собой новые проблемы, выходящие за рамки этой работы, посему они и будут игнорироваться в дальнейшей дискуссии. Этот тип идей упомянут здесь лишь для завершения классификации.

(4) Многое из этого анализа обсуждалось в «The Structure of Social Action» (N.Y., 1937), см. особенно гл. 4, стр. 161, гл. 5, стр. 180, гл. 96, стр. 344.

(5) *Эффективность* предполагает выбор между двумя или более путями достижения цели. Одна обоснованность зна-

ний не является достаточным критерием для определения относительной эффективности различных альтернатив. Утверждения о других необходимых критериях вызвало бы трудные проблемы, выходящие за рамки этой работы.

(6) См. в особенности: *Malinowski B.* Magic, Science and Religion / ed R.Redfild. Free Press, III, 1948.

(7) Я не хочу утверждать, что это различие обладает онтологической значимостью. Считать так, значило бы изменить обсуждения, которые намечалось провести на сугубо научном уровне. Основание различений должно искать лишь в существующих нормах научной методологии, с этой точки зрения таковыми являются неэмпирические высказывания, которые не только не могут быть из-за практических трудностей верифицированы существующими техническими приемами, но к тому же включают в себя в точном операциональном смысле слова *бессмысленные* проблемы, которые нельзя решить с помощью имеющихся операций или их комбинаций даже при современном уровне научного, методологического знания. Другой вопрос, окажется ли последовательная позитивистская философия, пусть в отдаленном будущем, способной на такое доказательство, но мне хотелось бы показать, что возражение против этого различения обычно связано с позитивистской позицией. Было бы необоснованным утверждать, что всякий отход от норм эмпирической верифицируемости должен быть обусловлен заблуждением или ошибкой. Позиция, приведенная здесь, такова, что вся тяжесть доказательства ложится на того, кто возражал бы против такого различения. Именно его задача показать эмпирически, что то, что здесь было названо антинаучными и ненаучными идеями, действительно не находится в различных отношениях к действию. Это переводит обсуждение из плана методологического в план фактический.

(8) См. по этой проблеме «The Structure of Social Action» (N.Y., 1937), гл. 5, стр. 205.

(9) Термин «факторы» используется в смысле конкретных случаев состояния дел, их частей или аспектов, а не в смысле обобщенных аналитических элементов, подобных «массе» или «идеям». Последние часто смешиваются.

(10) Gesemmelte Aufsatre zur Religions Soziologie, 3 vols. Наиболее полные вспомогательные исследования на англ. яз.: *Benion Z.* M.Weber's Methodology. N.Y., 1937.; *Benion Z.* The Structure of Social Action. N.Y., 1937, гл. 14, 15.

(11) Эта часть работ Вебера не является вполне строгой в методологическом отношении, но это не влияет на его общие выводы.

(12) Проблема значения нормативных элементов в действии широко, обстоятельно изложена в «The Structure of Social Action» (N.Y., 1937).

(13) The Structure of Social Action (N.Y., 1937), гл. 17 и 18.

(14) Особенно интересен в этом отношении пример Парето. Он был громогласно объявлен одним из пророков антиинтеллектуализма, одним из тех главных теоретиков общества, которые резко отрицали важность роли идей. В самом ли деле он придавал особое значение *нелогичным действиям?*

Тем, кто внимательно следил за приводившимися выше аргументами, будут подозрительны два факта в такой интерпретации. Во-первых, Парето был весьма сведущ в экономической теории, и поскольку он признал важность элементов анализируемых этой теорией *интересов*, постольку он должен был ipso-facto признавать важность идей, и не только это. Он создает концепцию рациональности, в точном технолого-экономическом смысле ставшую исходной позицией в его собственном широком анализе действия. Нелогичные действия суть именно такие действия, которые не могут быть поняты на языке стандартной рациональности.

В ходе анализа выясняется, что его главная теоретическая схема, как таковая, не содержит положений о роли каких-либо других идей, кроме идей эмпирико-экзистенциальных. Его тезис состоял не в том, что другие идеи не играют никакой роли, а в том, что за пределами применимости такого рода концепций рациональности и логического действия, идеи действительно значимые не могут претендовать на эмпирическую научную значимость. В работах Парето масса доказательств того, что он придавал большое значение неэмпирическим экзистенциальным и нормативным идеям. Это значение подтверждается тем обстоятельством, что общая концептуальная схема Парето сближается во многих существенных аспектах с более общими теоретическими конструкциями, которые можно найти в работах Макса Вебера и Дюркгейма. В свете изложенного последнее

было бы довольно странно, если бы существовали радикальные разногласия между ними по поводу таких общих положений, как роль идей.

Представление о Парето как о радикальном антиинтеллектуалисте, по-видимому, обязано своим происхождением двум источникам. Во-первых, эта его формулировка подхода к анализу действия, не играющая, правда, в теории самостоятельной роли, выдает, что теория Парето недостаточна, как и то направление мысли, которое вызвало эту неполноту. Но более важным, чем основа его теории, является склонность подавляющего большинства интерпретаторов Парето к огромным преувеличениям всех этих тенденций в его работах. Источник этого преувеличения в том, что интерпретация была проведена на основе позитивистских схем, господствовавших в то время в общей социальной теории.

Очерк социальной системы

(Из книги: «Theories of Societ», eds. T.Parsons, E.Shils, K.D.Nalgele, F.R.Pitto, vol.I, gl., 1961)
An Outline of Social System, 1961

В данной работе мы рассчитываем дать описание основных концептуальных средств, которыми располагает социологическая теория наших дней. Наш очерк с необходимостью будет неполным по меньшей мере в двух отношениях.

Во-первых, компоненты, из которых он построен, а также способы их организации автор выбирал, исходя из своих собственных — естественно, субъективных — критериев целесообразности. Хотя всякий искушенный читатель обнаружит, что наши материалы заимствованы из многих первоисточников, настоящее исследование не следует рассматривать как ученое сочинение в области истории теории, имеющее своей целью документировать чрезвычайное разнообразие источников и влияний. Оно, напротив, вдохновлялось убежденностью, что элемент системности имеет исключительное значение для теории любой научной дисциплины. Поэтому необходимо было уделить внимание систематическому взаимному упорядочиванию различных компонентов теории, учитывая как их выбор, так и эмпирическую значимость. На данной стадии развития социологической теории всякая попытка такой систематизации должна носить предварительный характер. Думается, что впереди, даже в относительно зрелый период развития, ее еще ждут радикальные изменения, наподобие тех, что уже имели место.

Во-вторых, данный очерк представляет собой всего лишь фрагмент работы, которая в полной мере отвечала бы нуждам систематической теории, заключая в себе ее адекватное

описание. Для такого описания, очевидно, потребовался бы более капитальный труд (1).

Таким образом, настоящее сочинение страдает отсутствием концептуальной точности: оно содержит в себе лишь весьма фрагментарную формулировку логических, методологических и эмпирических оснований для выбора точных понятий. Кроме того, представленная в нем теоретическая разработка является незавершенной, а привлекаемый эмпирический материал носит лишь иллюстративный характер.

Однако главное, чего нам удалось достичь ценою этих (а также, несомненно, и других) недочетов, — предварительный охват всех тех основных проблем, которые должны рассматриваться систематической теорией. Мы убеждены, что систематический анализ подобного типа должен исходить из двух отправных точек: из классификации функциональных требований системы и из выстраивания этих последних в иерархический ряд в соответствии с процессами контроля в кибернетическом смысле. Говоря конкретнее, теория социальных систем относится к универсальному классу концептуальных схем, опирающихся на систему точек отсчета действия (frame of reference of action). В рамках этой общей схемы границы социальных систем определяются с учетом их отношений в первую очередь друг к другу, а затем к поведенческому организму, к личности индивида и к культурным системам. Отношение к физической среде опосредовано этими системами и, следовательно, не является прямым. Рассматриваемая в данном контексте социальная система всегда *открыта*, т. е. вовлечена в процессы взаимодействия с окружающими системами.

В дальнейшем мы будем исходить из того, что эмпирически наиболее значимая социологическая теория должна иметь дело со сложными системами, т. е. с системами, состоящими из многих подсистем. Стало быть, типичным эмпирическим референтом для нашей теории в первую очередь является общество, которое во всех случаях представляет собой в высшей степени сложное образование.

Базисная функциональная классификация, лежащая в основе схемы как целого, предполагает различение четырех первичных категорий: сохранения образца, интеграции, достижения цели и адаптации, располагающихся в данном порядке в ряду контрольных механизмов. Однако по другой оси необходимо было ввести различия между структурными компонентами таких систем. В своем сочетании эти компоненты с необходимостью будут задавать стандарты (patterns) институционализированной нормативной культуры, дифференцированные как функционально, так и по уровням спецификации и сегментации единиц данной системы. Структурная классификация организуется вокруг понятий ценностей системы (system values), институционализированных норм, коллективов и ролей.

Нам, кроме того, предстоит распределить по категориям и классифицировать ресурсы, принимающие участие в процессах взаимообмена не только между обществом и системами, его окружающими, но и между подсистемами внутри общества. От этих ресурсов, наконец, следует отличать регулирующие механизмы, такие как деньги, которые принимают участие в динамическом процессе.

В общем и целом, нам предстоит установить фундаментальное различие между морфологическим анализом структуры систем и *динамическим* анализом процесса. Ни тот, ни другой не имеют друг перед другом каких-либо особых преимуществ, если не считать, что для обобщений, относящихся к процессу, необходимым является наличие на определенном уровне устойчивых структурных точек отсчета. Кроме того, по отношению к процессу следует различать *равновесный* (equilibrium) уровень анализа, на котором структура считается заданной, с одной стороны, и уровень *структурных изменений*, который содержит в себе попытку объяснить процессы изменения, — с другой. Как бы то ни было, когда в процессе эмпирического анализа сложных систем анализируются процессы изменения в структуре подсистем, составляющих более обширную систему, почти всегда необходимо предположить, что некоторые другие структурные элементы являются заданными.

Думается, что все это составляет тот минимум теоретических проблем и компонентов, который должен приниматься в расчет всякой социологической теорией, претендующей на систематическую обобщенность. Мы полагаем, что этот теоретический минимум берет свое начало в исследованиях, отрывки из которых помещаются вслед за настоящим введением.

Если бы задачу, подобную нашей, взяли на себя другие современные исследователи, результаты значительно отличались бы от тех, которые выдвигаются в данной работе. Мы полагаем, однако, что это отличие состояло бы скорее в изменении акцента, нежели в отклонении от той базисной теоретической структуры, которая является предметом нашего рассмотрения. Так ли обстоит дело в действительности — об этом можно будет судить только по критической реакции как на эту, так и на другие попытки, а также после теоретического анализа эмпирических данных. Такая реакция послужит одним из важнейших показателей того, в какой мере можно говорить о социологии как о дисциплине, находящейся на пути к утверждению в качестве подлинной теоретически кодифицированной области науки.

Должно быть, читателю легче будет сориентироваться в нашем вводном материале, если он получит хоть какое-то представление о тех стадиях, по которым шло развитие этого материала в исследованиях самого автора. Важнейшими источниками служили: по вопросу об узловой концепции социальной системы и основаниях ее интеграции — труды Дюркгейма по проблемам сравнительного анализа социальной структуры; об анализе границы, разделяющей социальную систему и культуру, — труды Макса Вебера; и, наконец, по вопросу о сочленении социальной системы с личностью — труды Фрейда. Первая из основных стадий разработки была представлена в виде критического анализа исследований ряда других теоретиков в работе «Структура социального действия» (The Structure of Social Action, 1937). Новая фаза формирования теории, состоящая, в частности, в упорядочении общей системы отсчета действия и в сочленении социальных систем с системами культуры и личности, была представлена в двух публикациях: «К вопросу об общей теории действия» (Toward a General Theory of Action), написанной в соавторстве с Шилзом и другими, и в моей книге «Социальная система» (The Social System; обе — 1951). Эта схема подверглась дальнейшей систематизации и расширению, в частности, путем объединения *стандартных переменных* (*pattern variable*) в рамках схемы четырех фундаментальных проблем всех систем действия, в «Материалах исследований в области теории действия» («Working Papers in the Theory of Action»), написанных в соавторстве с Бейлзом и Шилзом (1953). Сочленение между социальными системами и личностью, в особенности в связи с процессом социализации, исследовалось в работе «Семья, социализация и процесс взаимодействия» (Family, Socialization and Interaction Process), написанной совместно с Бейлзом и другими (1955). И наконец, нынешняя фаза анализа отношений входа-выхода, а также отношений между социальной системой в целом и ее подсистемами была продолжена в труде «Экономика и общество» (Economy and Society) (1956), написанном в соавторстве со Смелсером.

I. Некоторые области единства теоретических взглядов в современной социологии

В статье К.Д. Нагеля справедливо подчеркивалась неопределенность границ социологии и говорилось об их тенденции к смещению. Рассматривалось также многообразие позиций, с которых ставились и могут ставиться существенно важные вопросы, а также многообразие тех систем отсчета, в которых могут быть получены ответы на них.

Мы полагаем тем не менее, что имеется некий существенный элемент кумулятивной преемственности, который заметен более отчетливо, если рассматривать его во временно́й перспективе. Этот элемент преемственности можно наблюдать на различных уровнях. В некотором (самом общем) смысле можно утверждать, что нечто похожее на единомыслие установилось между исследователями, по праву претендующими на профессиональную компетентность. Но по мере конкретизации содержания теории согласие все чаще уступает дорогу войне между соперничающими школами. И все же даже здесь не лишен смысла вопрос о том, насколько глубоки отличия, разделяющие эти школы. Мы убеждены, что за многими явными разногласиями скрывается неявное единство взглядов (2).

Вероятно, наиболее полное единство взглядов имеется во всем, что касается применимости к нашей дисциплине общих законов научного метода. Борьбу вокруг вопроса, возможна ли наука в области социального поведения человека, можно считать в основном завершенной, хотя, по-

видимому, еще многое нужно будет решить с учетом более тонких деталей, в частности, в связи с проблемой границ.

Ясно, что это соглашение распространяется на роль теории в науке и на природу концептуальных схем, которыми пользуется научная теория; большинство исследователей приняли бы базисные методологические предпосылки, сформулированные такими авторами, как А.Н. Уайтхед, Л.Дж. Хендерсон и Джеймс Б. Конант. Несмотря на различия схем и на субъективные предпочтения того или иного типа исследования, давнишнюю битву теории с эмпиризмом можно считать оконченной. То же можно сказать относительно спора между сторонниками номатического и идеографического способов концептуализации. С логической точки зрения такая ситуация весьма напоминает ту, которая сложилась в связи с понятиями наследственности и среды в биологических науках, где взаимоисключающие теоретические построения к настоящему времени по большей части устарели.

По отношению к самой теории как к жизненно важному компоненту организованного научного знания, а также к теоретическим формулировкам как к наиболее важным инструментам исследования можно высказать еще два более частных положения, принимая их в качестве фундаментальных и общепринятых. Первое из них касается роли аналитической абстракции во всех более или менее теоретических схемах науки. Теоретические схемы строятся из понятий и логически взаимосоотнесенных высказываний. Для того, чтобы с этими схемами можно было производить логические операции, они в любом случае должны быть относительно простыми; будучи же таковыми, они не в состоянии охватить целиком все эмпирически познаваемое содержание имеющихся у нас конкретных феноменов. Они должны производить выбор, т. е. абстрагироваться, в соответствии со своими собственными критериями релевантности содержания по отношению к поставленным теоретическим проблемам.

Наконец, жизненно важным для науки является также понятие системы. Кроме эмпирической значимости и концептуальной точности, имеются еще два других существенных критерия научной полезности комплекса теоретических высказываний, а именно уровень их обобщенности по отношению к эмпирическим феноменам и их взаимная логическая интеграция (logical integration). Понятие системы — это, в сущности, не что иное, как применение критерия логической интеграции обобщенных высказываний. Иначе говоря, теоретические положения научно полезны постольку, поскольку, во-первых, они являются общими и, во-вторых, поскольку относительно каждого из них путем логического вывода можно заключить, что объясняемые им данные совместимы с данными, которые удовлетворяют другим положениям данной совокупности. Различие между описанием и теоретическим объяснением состоит именно в различии между набором изолированных конкретных положений и их интеграцией, позволяющей делать логические заключения.

В этом смысле логическая интеграция, или систематизация, может быть осуществлена в большей или меньшей степени. Идеальной, однако, является система высказываний, соотнесенных таким образом, что их логическая взаимная зависимость является полной, так что все высказывания, входящие в систему, могут быть строго выведены из некоей совокупности первоначальных постулатов и определений. Немногие научно-теоретические схемы близки к этой цели, но она тем не менее остается идеалом, снабжая нас основными критериями для критики. Мы, разумеется, не беремся утверждать, что в схеме, представленной в данной работе, есть нечто, хоть в какой-то мере напоминающее полную логическую интеграцию.

Систематизация теории невозможна, очевидно, в отрыве от понятия эмпирической системы — это следует из того, что отмечалось здесь по поводу аналитической абстракции. Если теория претендует на эмпирическую достоверность, она должна представлять доказуемые и верифицируемые модели взаимозависимости между эмпирическими феноменами. Однако для того чтобы это осуществить, теория должна выделять и классифицировать феномены в согласии с критериями релевантности и существенности. Таким образом, эмпирическая система представляет собой сумму предположительно взаимозависимых феноменов, по отношению к которым некая данная абстрактная аналитическая схема является предположительно достоверной. Невозможно эмпирически изучать все сразу. Эмпирическая система есть

получившее свое теоретическое определение поле релевантных данной науке феноменов, по отношению к которому в абстрактной форме ставятся известные проблемы.

Все сказанное до сих пор относилось к пунктам соглашения по вопросам, общим для всех эмпирических наук. Войдя в более непосредственный контакт с интересующей нас областью, следовало бы указать еще на один центральный момент, а именно на тот факт, что изучение социального поведения человека с необходимостью предполагает наличие некоей системы отсчета, называемой здесь *действием*. Этот термин сам по себе не играет особой роли, чего, однако, никак нельзя сказать о содержании, которое им обозначается. Он по существу обозначает тип теоретической схемы, несовместимой с той формой *редукционизма*, которая была весьма характерна для нашей прежней научной традиции. Поведение, рассмотренное сквозь призму действия, трактуется как *целенаправленное*, *адаптивное*, *мотивированное* и направляемое символическими процессами. Понятие культуры в том виде, в каком оно выработано антропологией, играет здесь решающую роль. Другими словами, как механическая теория (в старом смысле), так и физиологическая теория XIX в. окажутся неадекватными, если их просто *приложить* к сфере поведения.

Свое наиболее яркое выражение эта проблема получила в ходе *бихевиористской* дискуссии 20-х годов нашего столетия. Бихевиористская позиция, явившаяся наиболее ярким примером редукционизма, характеризовалась тенденцией к отрицанию научной обоснованности всех *субъективных* категорий, всех понятий *значения*. Ныне можно утверждать, что борьба эта завершена, как и сражения по вопросу о правомерности самой науки, а также споры относительно эмпиризма в этой области. Социологическая теория наших дней недвусмысленно формулируется в терминах мотивов, целей, символов, значений, средств, конечных целей и т. д.

Короче говоря, я выдвинул предположение, что всеобщее согласие достигнуто во всем, что касается пригодности классических канонов научного метода, значения аналитической теории в рамках этого метода, необходимости применения аналитической абстракции в теоретических построениях понятия системы и, наконец, системы точек отсчета *действия*. В целях определения предмета социологии можно предположить наличие еще одного пункта, по которому достигнуто соглашение, а именно: эмпирические системы, которые изучаются социологией, предполагают взаимодействие множества человеческих (3) индивидов. Ясно, что изучение аналитически изолированного *индивида* не входит в задачи социологии. В этом — эмпирическом — смысле обращение к *социальным системам* является одним из отличительных признаков социологического подхода. Но стоит вспомнить, что теоретическая схема основывается на аналитической абстракции — и простого указания на некую эмпирическую область уже недостаточно. Для того, чтобы достичь сколько-нибудь высокого уровня теоретической точности, необходимо занять определенную позицию по отношению к ряду других общих вопросов, относительно которых все еще нельзя предположить наличие единства мнений.

Именно здесь следует остановиться на тех позициях, которые занимают составители данного сборника. Нам приходилось придерживаться особых методов отбора литературы, настолько обширной, что она могла быть включена в сборник лишь в виде небольшого образчика; кроме того, следовало организовать отобранный материал по возможности четко и последовательно. Мы далеки от мысли, что нынешний уровень явно выраженного единства мнений в области социологии достаточно высок для того, чтобы снабдить нас автоматически действующим рациональным основанием для методов отбора и организации материала, которое следовало бы принять, чтобы получить сколько-нибудь последовательную антологию. Поэтому мы исходим из наших собственных представлений относительно наиболее удобной и правильной организации проблем и понятий в данной области.

Понятие социальной системы

В данной работе мы рассчитываем дать очерк используемой концепции социальной системы, с тем чтобы сформулировать в явном виде те основные соображения, которыми мы руководствовались при отборе и организации материала.

Можно было бы начать с только что сформулированного вопроса, касающегося места социальных систем в общей системе точек отсчета действия. Один из аспектов данной проблемы, а именно вопрос о различии между аналитически определенным *индивидом* (4) и системами, порожденными процессом социального взаимодействия, может быть принят как положение, не требующее доказательств. Однако для наших целей одного этого аспекта недостаточно в первую очередь потому, что он не позволяет установить другое, весьма существенное с аналитической точки зрения различие между социальными и культурными системами. В случае различия между индивидуальным и социальным само различие вряд ли может подвергаться сомнению: трудности возникают по поводу аналитического характера этого различия и способов проведения аналитических границ. Потребность же в различении между социальной системой и культурной осознается в социологии и антропологии лишь постепенно, шаг за шагом (5).

Социальные и культурные системы

В наиболее значительном интеллектуальном течении из всех, распространенных в англоязычных странах, т. е. в традиции, берущей свое начало в утилитаризме и дарвиновской биологии, независимое положение социальных наук явилось результатом выделения особой сферы интересов, которая никак не укладывалась в границы общей биологии. Прежде всего, в центре выделенной сферы оказалась рубрика *социальной наследственности* Спенсера, *культуры* Тейлора. Рассматриваемая в терминах общей биологии, эта сфера, очевидно, соответствовала скорее области воздействия *среды*, нежели наследственности. На этой стадии категория социального взаимодействия играла подчиненную роль, хотя она явно подразумевалась Спенсером, когда он делал акцент на социальной дифференциации.

Общим для современной социологии и антропологии является признание наличия социокультурной сферы. В этой сфере создается и сохраняется нормированная культурная традиция, разделяемая в той или иной степени всеми членами общества и передаваемая от поколения к поколению через процесс обучения, а не через биологическую наследственность. В нее включаются организованные системы структурированного, или *институционализированного*, взаимодействия между большим числом индивидов.

В Соединенных Штатах антропологи стремятся подчеркивать культурный аспект этого комплекса, а социологи — аспект взаимодействия. Нам кажется важным, что эти два аспекта, хотя они и соотносятся друг с другом эмпирически, аналитически рассматриваются как раздельные. Фокус социальной системы — это условие взаимодействия человеческих существ, которые составляют конкретные коллективы, с определяемым членством. Фокус культурной системы, напротив, в смысловых *моделях*, иными словами, в моделях ценностей, норм, организованного знания и верований, экспрессивных *форм*. Основное понятие для интеграции и интерпретации обоих аспектов — институционализация, которой будет уделено большое внимание дальше.

Таким образом, существенная часть нашей тактики состоит в том, чтобы отличать социальную систему от культурной и рассматривать первую из них как ту сферу, в которой в первую очередь сосредоточиваются аналитические интересы социологической теории. Однако системы этих двух типов находятся в тесных взаимоотношениях.

Как отмечалось, положение об аналитически самостоятельной социокультурной сфере представляло собой сквозную линию истории научных идей, имевших наиболее непосредственное отношение к возникновению современной социологической теории. Выработка такого аналитического представления имела весьма важное значение, однако его сторонники зашли слишком далеко, стремясь отрицать как существование социального взаимодействия на субчеловеческих уровнях биологического мира, так и наличие субчеловеческих прототипов человеческой культуры. Но коль скоро установлены фундаментальные теоретические границы, восстановление требуемого равновесия уже не составляет особого труда, и мы попытаемся сделать это при более детальном изложении материала. В конечном счете наиболее четко выделилось единое течение, состоящее во все более настойчивом утверждении значимости *мотивированного* социального взаимодействия на всем протяжении шкалы биологической эволюции, особенно на ее верхних ступенях.

Социальные системы и индивидуум

Другая совокупность проблем возникла параллельно с базисным различием между социокультурной и *индивидуальной* сферами. Как в социологии не существовало четкой дифференциации между социальными и культурными системами, точно так же и в психологии имелась еще более выраженная тенденция трактовать поведение *организма* как единый объект научного анализа. В центр психологических интересов была помещена проблема обучения. В последнее время здесь также появилось аналитическое различие, аналогичное различию между социальной и культурной системами, противополагающее, с одной стороны, *организм* как аналитическую категорию, сконцентрированную вокруг своего генетически заданного строения (в той мере, в какой это последнее имеет отношение к анализу поведения), и, с другой стороны, *личность*, систему, которую составляют компоненты организации поведения, приобретенные организмом в ходе обучения (6).

Общество, экономика и политика

Вполне понятно, что соображения, относящиеся к основным областям знания, сосредоточенным на границах теории социальных систем, касаются обширной проблемы определения *юрисдикции* этих дисциплин в сфере поведения или действия. Мы не собираемся здесь всесторонне рассматривать эту проблему. Имеется, однако, другая совокупность проблем, внутренних по отношению к социальной системе, о которых следовало бы упомянуть, прежде чем мы продолжим наш очерк. Эти проблемы касаются места, занимаемого объектами изучения экономики и политической науки. Очевидно, что обе эти дисциплины имеют дело с фазами функционирования дифференцированных социальных систем большого масштаба.

Некоторые приписывают сфере социологического исследования своего рода энциклопедический характер, включая в нее все структуры и функциональные фазы социальных систем. Согласно этому определению, экономика и политическая наука оказались бы ответвлениями социологии. Однако нами принята другая концепция. В самых общих чертах она состоит в том, что проблема границ, возникающая на стыке социальных систем с системами действия иных типов, вновь возникает уже внутри социальной системы, выступая более отчетливо по мере возрастания степени дифференцированности подобных систем. Мы придерживаемся того мнения, что экономику и политику следует истолковывать как подсистемы, функционирующие внутри общества. Социология интересуется в первую очередь не функционированием этих подсистем, а двумя другими первичными функциональными системами, которые связаны с функциями интеграции и *сохранения образца*. Между этими последними, с одной стороны, и экономикой и политикой — с другой, имеется взаимозависимость и взаимопроникновение того же порядка, что и между социальной системой в целом и культурными, а также психологическими (особенно личностными) системами.

Хоть и верно, что исторически сфера экономики, равно как и сфера политической теории, определилась раньше, чем сфера социологии, однако отсюда не следует, что социологическая концепция, которой мы здесь пользуемся, является чем-то вторичным. Прежде всего, в связи с проблемой структуры общества мы будем иметь дело с иерархией отношений контроля в социальной системе; мы покажем, что экономическое и политическое составляют два различных и сравнительно хорошо определенных уровня, расположенных на двух ступенях этой иерархии, низших с точки зрения техники анализа социальной системы (7). Два других уровня, которые связаны с функциями интеграции и сохранения образца, не изучаются систематически ни одной из двух других дисциплин. Кроме того, будучи функциями социальной системы, они представляют собой нечто большее, нежели просто аспекты культуры.

Вторая причина, по которой социология не является остаточной наукой, является следствием первой. Проблемы социальной интеграции и сохранения образца находятся в ином положении по отношению к мотивации индивида, нежели проблемы адаптации и достижения цели. Последние две касаются в первую очередь механизмов *рациональной* ориентации по отношению к условиям действия (эта концепция особенно тщательно разработана в экономической теории), тогда как первые две связаны с *нерациональными* факторами, т. е. с факторами, участвующими в про-

цессе функционирования интернализированных ценностей и норм.

Этот процесс представляет собой наиболее существенную основу феномена институционализации, рассматриваемого с точки зрения отношения индивида к обществу, членом которого он является (эта мысль частично будет развита в данном очерке).

Парадигма анализа социальных систем

Перейдем к более подробному рассмотрению нашей концепции социальной системы. Во-первых, в понятии взаимопроникновения подразумевается, что, каково бы ни было значение логической замкнутости как теоретического идеала, с эмпирической точки зрения социальные системы рассматриваются как открытые системы, вовлеченные в сложные процессы взаимодействия с системами, их окружающими. В число окружающих систем в данном случае входят культурные и личностные системы, поведенческие и прочие подсистемы организма, а также, через посредство этого последнего, физическая среда. Та же логика приложима к внутреннему строению самой социальной системы, рассматриваемой в качестве системы, дифференцированной и расчлененной на множество подсистем, каждая из которых с аналитической точки зрения должна истолковываться как открытая система, взаимодействующая с окружающими подсистемами в пределах более обширной системы.

Идея открытой системы, взаимодействующей с системами, ее окружающими, предполагает наличие границ и их устойчивость. Когда некая совокупность взаимозависимых феноменов проявляет достаточно определенную упорядоченность и стабильность во времени, мы можем сказать, что эта совокупность обладает *структурой* и что было бы полезно трактовать ее как *систему*. Понятие границы выражает лишь тот факт, что теоретически и эмпирически значимое различие между структурами и процессами, внутренними по отношению к данной системе, и процессами, внешними по отношению к ней, существует и имеет тенденцию к сохранению. Коль скоро такого рода границы отсутствуют, некая совокупность взаимозависимых феноменов не может быть определена как система: эта совокупность поглощена какой-нибудь другой, более обширной совокупностью, образующей систему. Важно, таким образом, отличать совокупность феноменов, относительно которой не предполагается, что она образует систему в теоретически значимом смысле этого слова (например, некоего рода статистическую выборку народонаселения), от подлинной системы.

Структурные и функциональные методы анализа

Социальная система может и должна анализироваться не только в терминах образцов и границ, но и в терминах трех логически самостоятельных (т. е. не пересекающихся) и в то же время взаимозависимых оснований, или осей вариабельности, которые можно было бы назвать основаниями селективной абстракции.

Для первого из них в наибольшей мере подходит определение, основанное на различии между *структурной* и *функциональной* координатами анализа. Какими бы относительными ни были бы эти два понятия, различие между ними весьма существенно. Понятие структуры соотносится в первую очередь с теми элементами упорядочения системы, которые можно считать независимыми от случайных событий сравнительно небольшого размаха и сравнительно малой длительности, возникающих при взаимодействии системы с внешней ситуацией. Оно, стало быть, обозначает признаки системы, которые в известном смысле целесообразно трактовать как величины, сохраняющие постоянное значение при определенном диапазоне вариации в поведении других элементов, существенно важных с точки зрения данной теоретической проблемы.

Так, американская конституция оставалась в широком смысле неизменной точкой отсчета на протяжении более чем полутора столетий. Разумеется, за этот период структура американского общества в некоторых отношениях претерпела существенные изменения: имели место преобразования в области юридических отношений — через посредство законодательства, через посредство юридических интерпретаций, а также через посредство менее формальных процессов. Однако федеральное государство, разделение законодательных и исполнительных органов управле-

ния, независимое правосудие, отделение церкви от государства, основные гражданские права личности, свобода собраний, право собственности, а также целый ряд других характеристик для большинства аналитических целей могут считаться неизменным.

С другой стороны, функциональная координата анализа противопоставлена структурной в плане *динамичности*. Первоочередное теоретическое значение этой координаты состоит в ее интегративности: соображения функционального характера относятся к проблеме опосредствования связи между двумя фундаментальными совокупностями требований системы, диктуемыми, с одной стороны, относительным постоянством, или *данностью*, некоей структуры, и, с другой стороны, данностью окружающей ситуации, внешней по отношению к рассматриваемой системе. Т. к. наличие постоянного отношения между этими двумя совокупностями можно предположить лишь как теоретически крайний случай, то существование системы динамических процессов и механизмов является неизбежным.

Понятия типа *структуры* и *функции* можно рассматривать либо как конкретные, либо как аналитические. Здесь мы обращаемся к их аналитическому значению, с тем чтобы дать предварительную формулировку фундаментального положения, касающегося структуры социальных систем, которое будет расширено позднее. Согласно этому положению, структура указанных систем, рассматриваемая в рамках системы координат действия, состоит из институционализированных образцов нормативной культуры. Она состоит из организмов или личностей входящих в нее индивидов лишь постольку, поскольку эти последние *взаимопроникаются* с социальными и культурными системами, т. е. поскольку указанные образцы *интернализованы* личностью и организмом индивида. Ниже я буду рассматривать проблему классификации элементов нормативной культуры, которые входят в структуру социальных систем.

Функциональные категории социальных систем соотносятся, стало быть, с теми характеристиками системы, на основе которых действуют систематически упорядоченные формы приспособления к изменению отношений между данной совокупностью образцов институционально сложившейся структуры и данной совокупностью свойств соответствующих окружающих систем. Исторически наиболее распространенной моделью, составляющей это отношение, является модель организма, осуществляющего поведение, в том ее виде, в каком она используется в психологических построениях. При таком подходе функциональная проблема есть проблема анализа механизмов, которые делают возможной упорядоченную реакцию на условия среды. Используя эту модель в процессе анализа социальных систем, мы, однако, считаем неустойчивой и подверженной изменениям не только среду, но и саму структуру системы — в смысле, слишком радикальном и непривычном для традиционного психолога-бихевиориста (8).

Интерпретируя данную позицию, следует помнить, что системы, непосредственно окружающие социальную, не есть системы, входящие в состав физической среды. Они являются скорее иного рода первичными подсистемами общей системы действия. Сюда относятся личности индивидов, входящих в социальную систему, поведенчески организованные аспекты организмов, составляющих основу этих личностей, а также соответствующие культурные системы, поскольку они не являются полностью институционализированными в данной социальной системе, не содержат компоненты, отличные от институционализированных *нормативных образцов культуры* (9).

Динамические *формы анализа*

Значение второго основания, или второй оси, эмпирической вариабильности (и стало быть, теоретической формулировки проблем) следует непосредственно из сказанного. Необходимо провести фундаментальное различие между *динамическими* проблемами двух порядков, по-разному соотносящихся с заданной системой. Проблемы первого порядка касаются процессов, которые рассматриваются с допущением, что структурные образцы институционализированной культуры являются заданными, т. е. по предположению остаются без изменений. Это область проблем равновесия в том смысле, в каком это понятие использовалось Парето, Хендерсоном и другими; с аналогичной целью Кэннон использовал понятие гомеостаза. Значение подобных проблем непосредственно связано как с понятием системы, так и со способами, посредством которых мы определили отношение между структурой и функцией.

Понятие равновесия — фундаментальная точка отсчета для анализа процессов, в результате которых система либо приходит в соответствие с требованиями, диктуемыми изменяющейся средой, не претерпевая существенных изменений в своей собственной структуре, либо не приходит в такое соответствие и подвергается действию других процессов, таких как структурное преобразование, распад, лишающий ее статуса системы с устойчивыми границами (аналогичный биологической смерти организма), или закрепление какого-либо дефекта, приводящее к образованию вторичных структур *патологического* характера. Теоретически понятие равновесия имеет нормативное значение лишь в одном-единственном смысле. Т. к. структура социальных систем образована институционализированной нормативной культурой, *сохранение* этих нормативных образцов представляет собой базисную точку отсчета для анализа равновесия системы. Однако осуществляется ли это сохранение на самом деле, а если осуществляется, то в какой степени — вопрос целиком эмпирический. Более того, *нарушение равновесия* может вести к структурному преобразованию, которое является нежелательным с точки зрения норм более высокого порядка.

Вторая совокупность динамических проблем касается процессов, предполагающих изменение в структуре самой системы. Сюда прежде всего относятся проблемы взаимодействия с культурной системой, в какой бы мере они, в свою очередь, ни зависели от внутреннего состояния социальной системы и ее отношений с другими — окружающими — системами. На время оставляя в стороне различия, имеющие место в рамках категории внутренних приспособительных процессов, можно утверждать, что по отношению к внешним взаимодействиям социальной системы проблема равновесия касается в первую очередь отношений этой системы с входящими в нее индивидами, как с личностями и организмами, и через их посредство — с физической средой. С другой стороны, проблемы структурного изменения касаются ее отношений с культурными системами, воздействующими на имеющиеся у нее образцы институционализированной нормативной культуры.

Каким бы фундаментальным ни было различие между динамическими проблемами, предполагающими и не предполагающими структурное изменение, следует подчеркнуть важное значение одного промежуточного (или смешанного) случая. Мы имеем в виду проблему изменения, затрагивающего структуру подсистем данной социальной системы, но не затрагивающего ее структуру как целого. Наиболее важный случай из относящихся к этой категории представлен процессами структурной дифференциации. Структурная дифференциация предполагает подлинную реорганизацию системы и, следовательно, фундаментальное структурное изменение различных подсистем и их взаимоотношений. Ее анализ выдвигает поэтому проблемы структурного изменения для соответствующих подсистем, но не для системы в целом. Эти проблемы касаются организации структурных компонентов социальных систем, в особенности того иерархического порядка, в котором они располагаются. Надо полагать, что дальнейшее рассмотрение прояснит суть этих проблем.

Иерархия отношений контроля

Третья из основных осей теоретического анализа может быть определена как иерархия отношений контроля. Развитие теории в течение последнего тридцатилетия как в биологических, так и в поведенческих науках выявило первоисточник трудностей, приведших к крайнему редукционизму, который в столь значительной степени был присущ научной мысли предшествующих поколений. Этот источник заключался в редукционистской тенденции игнорировать значение тех способов, посредством которых организация живых систем включает в себя структуры и механизмы, работающие в качестве органов контроля (в кибернетическом смысле этого термина) за происходящими в них процессами поведения и обмена веществ. Введенное выше понятие *поведенческого организма* — понятие кибернетической системы, локализованной преимущественно в центральной нервной системе, которая, действуя через посредство нескольких промежуточных механизмов, управляет метаболическими процессами организма и использованием его физических средств в целях осуществления поведения (например, движения конечностей).

Основные подсистемы общей системы действия образуют иерархический ряд таких органов контроля над поведе-

нием индивидов или организмов. Поведенческий организ представляет собой точку сочленения системы действи с анатомо-физиологическими свойствами физического организма и является звеном, связывающим ее с физическим окружением. В свою очередь, личностная система представляет собой систему, управляющую поведенческим организмом, социальная система — систему, управляющую личностями входящих в нее членов, и культурная система — систему управления по отношению к социальным системам.

Полезно было бы проиллюстрировать природу иерархических отношений такого типа, показав, в каком смысле социальная система *управляет* личностью. В осуществлении этого управления имеется два основных эмпирических момента, хотя в обоих случаях оно подчиняется одним и тем же принципам. Во-первых, ситуация, в которой действует каждый данный индивид, складывается (в гораздо большей мере, нежели любая другая совокупность факторов) из других индивидов, причем не разрозненных, а образующих совокупности, упорядоченные на основе отношений к данному индивиду. Таким образом, будучи источником важнейших средств для действия индивида, а также его основных вознаграждений и потерь, конкретная социальная система осуществляет жесткий контроль над действием всякого конкретного взрослого индивида. Однако упорядочение мотивационной системы, на основе которой он так или иначе подходит к данной ситуации, также зависит от социальной системы, т. к. его собственная личностная структура формируется посредством интернализации системы социальных объектов и образцов институционализированной культуры. Следует подчеркнуть, что этот момент не зависит от того, имеются ли в виду конкретно автономные творческие индивиды или индивиды *пассивные*, или *конформные*, поскольку индивидуальность и творческая способность в значительной мере представляют собой феномены институционализации ожиданий. Социальная система, которая управляет личностью, рассматривается здесь аналитически, а не конкретно.

Отношения контроля внутри социальной системы

Тот же базисный принцип иерархии управления, который применим к отношениям между подсистемами действия, приложим и внутри каждой из них, в частности к социальной системе, которая интересует нас в первую очередь. Принцип порядка очередности в иерархии кибернетического контроля с учетом степени релевантности тех или иных компонентов социальных систем по отношению к различным требованиям пограничного взаимообмена системы будет использован как фундаментальная основа классификации этих компонентов. Разумеется, эта иерархия имеет смысл в применении ко всем компонентам, выделенным в соответствии с первым из наших трех рядов переменных, — к структурам, функциям, механизмам и категориям входа и выхода.

Наиболее целесообразным исходным пунктом для объяснения этой базисной совокупности классификаций является категория функции — связующее звено между структурными и динамическими аспектами системы. Я предполагаю, что основные функциональные императивы любой системы действия (и, стало быть, социальной системы) могут быть сведены к четырем императивам, которые я назвал сохранением образца, интеграцией, достижением цели и адаптацией. Эти требования перечисляются в порядке убывания значимости с точки зрения кибернетического управления процессами действия в системе рассматриваемого типа.

Функции сохранения образца

Функция сохранения образца соответствует императиву сохранения стабильности образцов институционализированной культуры, определяющих структуру системы. Имеется два различных аспекта этого функционального императива. Первый из них касается характера самого нормативного образца, второй — степени его *институционализации*. С точки зрения индивида, входящего в социальную систему, можно было бы назвать его мотивационным побуждением (commitment) к действию в соответствии с определенными нормативными образцами; такое побуждение, как мы увидим далее, предполагает *интернализацию* этих образцов в структуру личности индивида.

Соответственно, центральное место в сохранении образца занимает структурная категория ценностей, к рассмотрению которой мы и переходим. Основной функцией, с этой точки зрения, является сохранение культурной стабильности институционализированных ценностей, достигаемое посредством сочленения ценностей с системой убеждений, куда входят религиозные верования, идеология и т.п. Ценности, разумеется, подвержены изменениям; и куда бы ни была направлена эмпирическая тенденция — на повышение стабильности или против нее, — потенциальные возможности разрушений, скрытые в этом источнике, очень велики; поэтому весьма важно выявить механизмы, которые стремятся уберечь существующий порядок, пусть это будет хотя бы просто упорядоченность процесса изменения.

Второй аспект этой функции контроля соответствует мотивационному побуждению индивида; иногда его называют регулированием напряжения. Исключительно важное место занимает проблема механизмов социализации индивида, т. е. процессов, посредством которых ценности, имеющие место в данном обществе, интернализуются личностью индивида. Но даже когда ценности уже интернализованы, побуждения, с ними связанные, могут подвергаться разного рода давлениям. За последнее время многое было выяснено в данной связи о принципах действия таких механизмов, как обряд, различные виды экспрессивного символизма, изящные искусства и, очевидно, развлечения. Можно утверждать, что осуществленный Дюркгеймом анализ функций религиозного обряда явился здесь главным отправным пунктом.

В этом смысле сохранение образца в теории социальных (равно как и других) систем действия играет роль, которую можно сравнить с ролью, выполняемой понятием инерции в механике. Это понятие служит наиболее фундаментальной точкой отсчета, с которой может быть соотнесен анализ других, более изменчивых факторов. Должным образом понятое и используемое, оно не заключает в себе эмпирического предположения о преобладании стабильности над изменчивостью. Тем не менее, когда мы говорим, что вследствие наличия данной совокупности функциональных требований социальные системы проявляют тенденцию к сохранению своих структурных образцов, мы по существу утверждаем две вещи. Во-первых, мы задаем точку отсчета для упорядоченного анализа целого ряда проблем изменения, происхождение которого можно отнести за счет источников, отличных от процессов структурного изменения в самой системе, включая сюда ее распад. Во-вторых, мы ясно указываем на тот факт, что, анализируя структурное изменение, мы всякий раз имеем дело с теоретической проблемой иного рода, нежели проблема равновесия. Таким образом, в отличие от трех других функциональных требований, функция сохранения образца находится в непосредственной связи с различием между проблемами равновесного анализа, с одной стороны, и анализа структурного изменения — с другой. Это отличие наиболее отчетливо обнаруживается как раз в данной точке нашей парадигмы.

Функция достижения цели

В целях настоящего рассмотрения представляется наиболее удобным нарушить тот порядок функций контроля, который намечен нами выше, и сосредоточить внимание на функции достижения цели и ее отношении к адаптации. Мы подчеркивали изменчивость отношений системы к ее ситуации, противопоставляя это свойство системы постоянству институционализированных культурных образцов. Функции достижения цели и адаптации касаются структур, механизмов и процессов, участвующих в такого рода отношениях.

Мы сравнивали сохранение образца с инерцией в том смысле, в каком это понятие используется в теоретической механике. В таком случае достижение цели становится *проблемой*, поскольку возникает некоторое противоречие между инерционными тенденциями системы и ее *потребностями*, возникающими в результате ее взаимодействия с ситуацией. Возникновение таких потребностей неизбежно, т. к. вряд ли можно ожидать, что внутренняя система и системы, ее окружающие, непосредственно следуют в своем изменении за меняющимися формами процесса (10). Поэтому цель определяется в терминах равновесия. Именно направленное изменение есть тот фактор, который стремится ослабить противо-

речие между потребностями системы (по отношению к взаимообмену входов и выходов) и теми условиями внутри окружающих систем, которые влияют на *удовлетворение* таких потребностей. Стало быть, в отличие от сохранения образца, достижение цели (или целевая ориентация) существенным образом связано с конкретной ситуацией.

Можно представить себе социальную систему, имеющую только одну цель, определенную по отношению к некоей главной ситуационной задаче, которая играет решающую роль для всех ситуаций. Чаще всего, однако, ситуация бывает сложной, со множеством целей и задач. В таком случае следует принять во внимание еще два соображения. Во-первых, для того, чтобы сохранить целостность системы, эти несколько целей должны быть размещены на шкале относительной актуальности (relative urgency), которая, будучи достаточно гибкой, допускала бы варьирование в рамках данной ситуации. Поэтому в случае любой сложной системы необходимо говорить скорее о системе целей, нежели о единой и единственной цели, о системе, в которой, однако, должно быть достигнуто некоторое равновесие между системной целостностью и гибким приспособлением к меняющимся воздействиям.

Центральное место в целевой ориентации социальной системы занимает отношение, которое существует между нею как системой и личностями входящих в нее индивидов. Тут речь идет, таким образом, не о подчинении ценностям данного общества, а о мотивировании вкладов, которые необходимы для функционирования системы; эти вклады варьируют в зависимости от конкретных ситуативных требований. Рассматривая, например, общество США, можно предположить, что при данной неизменной основной системе ценностей в период холодной войны появилась проблема, состоящая в том, чтобы мотивировать стремление обширных групп населения к уровню национального усилия, требуемого для сохранения Соединенными Штатами позиции ведущей мировой державы в условиях весьма непостоянной и быстро изменяющейся ситуации. Я полагаю, что многое в тех фрустрациях, которые выразились в изоляционизме и маккартизме, может быть истолковано как проявление напряжений, вызываемых этой проблемой (11).

Функция адаптации

Другое следствие множественности целей касается, однако, различия между функциями достижения цели и адаптации. Когда имеется только одна цель, проблема оценки полезности средств сводится к вопросу о том, насколько она подходит для достижения этой конкретной цели. Если же целей много, то возникает проблема *стоимости*. Другими словами, одни и те же ограниченные средства могут быть по-разному использованы в рамках системы целей, и, таким образом, их использование для одной цели будет означать, что в жертву приносятся те преимущества, которые могли бы быть извлечены из их использования для другой цели. Это и есть та основа, на которой должно быть проведено аналитическое различие между функцией эффективного достижения цели и функцией обеспечения свободных средств и ресурсов, независимо от того, предназначаются ли они для какой бы то ни было конкретной цели. Адаптивная функция определяется как обеспечение таких средств и ресурсов.

Наряду с множественностью более конкретных целей, целей более низкого порядка, существует также множественность относительно конкретных средств и ресурсов. Следовательно, возникает параллельная проблема организации этих средств в систему. Первичным критерием является обеспечение гибкости в той мере, в какой эта последняя совместима с эффективностью; для системы это означает максимально обобщенную свободу распоряжения средствами при их распределении между альтернативными применениями. В сложной социальной системе эта свобода распоряжения средствами принимает форму институционализации денег и рынков. В более общем виде, на макроуровне социальной системы вокруг функции достижения цели концентрируется политическая организация общества, тогда как вокруг адаптации сконцентрирована экономическая организация (12).

Важнейшие типы средств и ресурсов предполагают контроль над физическими объектами, распоряжение услугами людей и определенными культурными элементами. Вообще говоря, для того, чтобы механизмы контроля обладали высокой степенью обобщенности, конкретные единицы таких средств должны быть *отчуждаемы*, т. е. не связаны

посредством аскрипции со специфическими применениями. Система рынков, следовательно, тот фокус, вокруг которого сосредотачивается адаптивная организация общества. Сходные характеристики можно обнаружить и в менее дифференцированных обществах, а также в более дифференцированных подсистемах, например, в семье, куда рынки не проникают (13).

Внутри любой системы достижение цели более существенно с точки зрения контроля, чем адаптация. Средства и ресурсы служат достижению целей, но не наоборот, хотя, конечно, обеспечение или *порождение* средств само по себе может быть целью, занимающей место в рамках более общей системы целей. Имеются, однако, факторы, осложняющие смысл этого положения.

Функции интеграции

Последним из наших четырех функциональных императивов системы действия (в данном случае социальной системы) является императив интеграции. В иерархии управления он располагается между функциями сохранения образца и достижения цели. Признав значение интеграции, мы признали тем самым, что все системы, за исключением предельных случаев, дифференцированы и расчленены на относительно самостоятельные единицы; иначе говоря, их следует трактовать как системы, сохраняющие свои границы в окружении других систем, которые в данном случае представляют собой подсистемы, отличные от данной, но входящие в одну более обширную систему. Функциональная задача интеграции касается взаимного приспособления этих *единиц*, или подсистем, с точки зрения их *содействия* эффективному функционированию данной системы как целого. Это, в свою очередь, связано с отношением к задаче сохранения образца, равно как и к внешней ситуации, через процессы достижения цели и адаптации.

В обществе с высокой степенью дифференциации интегративная функция фокусируется в первую очередь в системе его правовых норм и в тех органах, которые связаны с их реализацией, именно в судах и в юридической практике. На этом уровне распределением прав и обязанностей, льгот и наград между различными единицами сложной системы управляют скорее юридические, а не конституционные нормы: эти нормы облегчают процессы внутреннего приспособления, совместимые со стабильностью системы ценностей или с ее упорядоченным изменением, а также с адаптацией по отношению к изменяющимся требованиям внешней ситуации. Институционализация денег и власти — это прежде всего интегративные феномены, как и прочие механизмы социального контроля в более узком смысле этого слова. Эти проблемы будут подвергнуты рассмотрению в последующих частях данной работы.

Для системы любого типа (в данном случае для социальной системы) интегративная функция представляет собой средоточие ее наиболее отличительных свойств и процессов. Поэтому мы утверждаем, что проблемы, концентрирующиеся вокруг интегративных функций социальных систем, составляют то центральное ядро, на которое направлены интересы социологической теории. Мы будем руководствоваться этой точкой зрения в ходе дальнейшего рассмотрения интересующего нас предмета; она настойчиво акцентируется в отрывках, представленных в различных разделах нашей хрестоматии. Наиболее целесообразно было бы, как нам кажется, отложить дальнейшее, более детализированное рассмотрение тех способов, посредством которых интегративная функция вступает в сложные связи с другими функциями, до той поры, пока не будет дан обширный структурно оформленный очерк социальной системы.

II. Категории социальной структуры

Интересы, способствовавшие развитию социологической теории, возникли исторически из двух основных исходных пунктов. Первый из них касается отношений между социальными системами и культурой и связан в первую очередь с проблемой ценностей и норм в социальной системе. Второй относится к индивиду, как к организму и как личности, и связан прежде всего с участием индивида в социальном взаимодействии. Вообще говоря, эти оба момента одинаково важны. Тем не менее, поскольку настоящее рассмотрение функциональных императивов началось с функции сохранения образца, которая связана по преимуществу с институционализацией нормативной культуры, мы, возмож-

но, сумеем внести равновесие в предлагаемую картину, начав детальное рассмотрение структуры в обратном порядке — с проблемы взаимодействия индивидов.

Социальное взаимодействие и роли

Основным понятием социологии является понятие роли. Я предпочитаю рассматривать это понятие как базисный термин в ряду структурных категорий, в который, кроме него, входят (в восходящей последовательности) термины коллектив, норма и ценность. (Интересно и, как мне кажется, примечательно то обстоятельство, что систематическое введение понятия роли явилось, вероятно, наиболее заметным вкладом американских исследователей в структурные аспекты социологической теории.)

Важнейшим отправным пунктом является представление о двух (и более) индивидах, образующих в процессе своего взаимодействия систему взаимных зависимостей. Как личность каждый индивид может считаться системой со своими собственными ценностями, целями и т. д., воспринимающей других индивидов как часть *среды*, которая предоставляет определенные возможности, благоприятствующие достижению цели, а также служит источником определенных ограничений и помех. Уже на этом уровне мы можем отметить наличие взаимозависимости; это, однако, не означает, что процесс взаимодействия трактуется здесь как социальная система. Правда, деятельность *другого* составляет значительную часть условий, влияющих на достижение целей, которые ставит перед собой *эго*. Однако социологию интересует прежде всего природа и степень интеграции системы взаимодействия как социальной системы. Здесь встает вопрос об условиях, в которых процесс взаимодействия может рассматриваться как стабильный, по крайней мере в том смысле, что он ущемляет интересы обеих взаимодействующих сторон не настолько, чтобы распад системы (т. е. для индивида — «уход с поля боя») представлялся более вероятным результатом взаимодействия, нежели ее сохранение.

Проблема стабилизации связана с идеей временно́й непрерывности, которая делает непосредственно актуальной проблему нормативной ориентации. Можно показать, что, коль скоро имеет место стабильное взаимодействие в системе точек отсчета действия, отдельные акты приобрели *значения*, которые истолковываются в соответствии с общепринятой совокупностью нормативных концепций. Индивидуальная неповторимость конкретных актов преодолевается на основе обобщения единой нормативной культуры, а также в нормативном компоненте ожиданий, встроенных в механизмы управления процессом взаимодействия. Это означает, что реакция *другого* на действие *эго* может быть интерпретирована как санкция, выражающая оценку этого действия и указывающая на то, какое поведение желательно в будущем.

Основные моменты ситуации взаимодействия могут быть проиллюстрированы на примере любой игры с двумя партнерами, такой как шахматы. Предполагается, что у каждого из играющих имеется какой-то мотив, побуждающий его к участию в игре, допустим «желание выиграть». Таким образом, у него есть цель и соответственно ей некая тенденция относительно эффективных *стратегий*. Он может планировать дебют, но не может продвинуться в предварительном планировании слишком далеко, т. к. ситуация нестабильна; она непредвиденным образом изменяется под действием как его собственных ходов, так и ходов партнера, сделанных в процессе игры. Основные средства, имеющиеся в его распоряжении, состоят в знании тех выгодных возможностей, которые скрыты в меняющейся ситуации; пользуясь этими возможностями, он выполняет тем самым адаптивную функцию. Таким образом, на уровне достижения цели и адаптации определены цели и предоставлены средства, но конкретные действия не предписаны. Средства обобщены, и их распределение между играющими зависит от способности каждого из них использовать выгодные возможности.

В свою очередь, значимость целей и стабильность обобщенной структуры средств зависит от того, имеется ли четко определенная совокупность правил, которая образует ось интеграции данной системы. В этом случае роли не дифференцируются на постоянной основе: скорее сами эти правила определяют последствия каждого данного хода одного из играющих для ситуации, в которой другой партнер должен произвести свой очередной выбор. Без таких правил процесс взаимодействия не мог бы быть стабильным, и система адаптивных средств была бы разрушена: ни один из играющих не знал бы, чего от него ждут или каковы будут

последствия данной последовательности ходов. Наконец, конкретные правила, уместные в конкретных обстоятельствах, должны быть соотнесены с набором ценностей, которые определяют природу «хорошей игры» данного типа, включая такую ценность, как равенство возможностей для обоих противников и значимости такой цели, как «выигрыш».

Следовательно, стабильная система взаимодействия ориентирует своих участников в терминах взаимных ожиданий, которые имеют двойственное значение: в них выражаются нормативные оценки и формируются предсказания относительно внешнего поведения в конкретных обстоятельствах. Эта взаимность ожиданий означает, что между взаимодействующими единицами имеется двоякого рода соглашение по поводу оценки значений действия: во-первых, то, что делает один из членов, может быть категоризировано в терминах, имеющих значение для обоих; во-вторых, у них имеется общее понимание критериев поведения, так что для отдельных актов имеются общие оценочные стандарты.

Мы можем сказать, что даже такой элементарной двучленной системе социального взаимодействия присуща большая часть основных структурных моментов социальной системы. Главным ее свойством является взаимность ориентаций, определенная на основе общепринятых образцов нормативной структуры. Такими нормативными образцами являются ценности; нормативно регулируемый комплекс поведения каждого из участников есть роль; и, наконец, система, образованная взаимодействием этих двух участников, в той мере, в какой ею принята единая нормативная культура и в какой она отлична от других по участию в ней именно этих двух, а не других индивидов, есть коллектив.

Для того чтобы завершить наш список структурных компонентов, необходимо внести в него еще одно условие, отсутствующее в примере с шахматной игрой, а именно дифференциацию ролей участников. Надо сказать, что в большинстве социальных систем участники делают не одно и то же — их деятельности могут рассматриваться как дополняющие друг друга вклады в *функционирование* системы взаимодействия. Когда имеются две или более структурно различающиеся единицы, которые выполняют в данной системе в сущности одну и ту же функцию (например, нуклеарные семьи в общине), мы будем говорить о сегментации, отличая эту последнюю от дифференциации. Когда налицо дифференциация ролей, появляется необходимость проводить различие между двумя компонентами нормативной культуры данной системы — между ценностями, принимаемыми членами системы вне зависимости от их конкретных ролей, и ролевыми ожиданиями, которые дифференцированы по ролям и тем самым определяют права и обязанности, применимые к одной роли, но не применимые к другой. Я предлагаю использовать термин ценности для обозначения общепринятого нормативного компонента, а термин (дифференцированная) норма — для обозначения компонента, который специфичен по отношению к данной роли или, в более сложных системах, по отношению к другим эмпирическим единицам системы, т. е. к различным коллективам, таким как семьи, церкви, фирмы, правительственные органы, университеты.

Когда роли дифференцированы, принятие общих ценностей становится главным условием интеграции системы. Лишь при этом условии реакции *другого* на действия *эго* могут носить характер санкций, регулирующих действие *эго* в интересах системы. Следует, однако, четко усвоить следующее: для того, чтобы *другой* был в состоянии дать оценку действиям *эго*, эти действия не обязательно должны быть такими же, какие ожидаются от *другого* в силу наличия у него определенной роли. Так, в браке, который представляет собой один из наиболее важных типов диадических отношений во всех обществах, роли партнеров дифференцированы по полу. Взаимная оценка исполнения является здесь существенным регулирующим механизмом, но, чтобы быть в состоянии дать оценку исполнению партнера, нет нужды принимать на себя его роль.

Понятия роли и коллектива

Мы можем теперь определить роль как структурированное, т. е. нормативно регулируемое участие некоего лица в конкретном процессе взаимодействия с конкретными партнерами по роли. Система такого взаимодействия множества исполнителей ролей, поскольку она нормативно отрегулирована на основе общепринятых ценностей, а также норм, санкционированных этими ценностями, представляет собой коллектив. Исполнение некоей роли внутри коллектива оп-

ределяет категорию членства, т. е. принятие на себя обязанностей по исполнению роли в данной конкретной системе взаимодействия. Обязанностям соответствуют известные права.

Т. к. нормальный индивид участвует во многих коллективах, вполне понятен (но тем не менее существен) тот факт, что лишь в предельном случае одна-единственная роль целиком составляет поведение конкретного индивида в процессе взаимодействия. Роль — это скорее некий сектор его поведенческой системы и, стало быть, его личности. Поэтому для большинства целей в качестве единицы социальных систем выбирается не индивид, не лицо как таковое, а скорее его ролевое участие, оказывающее прямое воздействие на его личность. Роль чаще всего имеет важное теоретическое значение для социологии именно в качестве такого особого граничного понятия.

Поскольку мы ограничиваем наше рассмотрение диадической системой взаимодействия, может показаться, что различение четырех структурных компонентов — роли, коллектива, нормы и ценности — является излишним. На данном уровне можно пока что отождествить ценности с коллективом, нормы — с ролью. Однако в более сложных социальных системах имеется далеко не один коллектив, и дифференцированная норма определяет ожидания не для одной-единственной роли, а для класса ролей (а также для классов коллективов). Социальные системы, с которыми обычно имеет дело социолог, представляют собой сложные переплетения множества различных типов (или категорий) ролей и коллективов на самых различных уровнях организации. Поэтому становится необходимым концептуализировать ценности и нормы независимо от конкретных коллективов или конкретных ролей.

Ценности и нормы

От анализа взаимодействия мы переходим к анализу более явного нормативного содержания структуры социальных систем, внутри которой мы уже выделили ценности и нормы, предположив, что они должны участвовать в любом стабильном процессе взаимодействия, каким бы простым он ни был. Когда мы пытаемся анализировать структуру сложных обществ, особая аналитическая значимость этих компонентов становится гораздо более очевидной. Последующие разделы будут поэтому посвящены более эксплицитному анализу этих компонентов и их отношений к сегментации социальной структуры, к различным уровням ценностей и норм и к различным типам структурной дифференциации; при этом постоянно будут иметься в виду как функциональные проблемы, так и проблемы отношения системы к ее ситуации.

На протяжении всего анализа мы будем стремиться в первую очередь к тому, чтобы ясно очертить основную функциональную парадигму, предложенную нами для анализа запутанных отношений, которые характеризуют сложное общество, сегментированное и дифференцированное на множество подсистем. За всем этим стоит весьма важный вопрос: каким образом становится возможной интеграция системы с большим народонаселением и высокой степенью дифференцированности? Или, в более теоретическом плане, какого рода утверждения должны быть сформулированы и какие противопоставления должны быть выработаны, чтобы надлежащим образом разобраться в этих эмпирических хитросплетениях?

В этой связи будут полезны понятия универсализма и партикуляризма. Для каждой данной системы понятия роли и коллектива являются партикуляристическими. Мы говорим, конечно, о классах и типах ролей, и все-таки роль — это всегда определенная роль данного отдельного конкретного индивида. Точно также коллектив всегда имеет конкретный состав особым образом взаимодействующих исполнителей ролей. Норма, напротив, всегда универсалистически определена для того универсума, к которому она относится, будь то универсум действий, ролей или коллективов. Определение соответствующего универсума содержит в себе, несомненно, партикуляристическую отнесенность более высокого порядка: так, некая норма может применяться только к гражданам Соединенных Штатов или к лицам, постоянно там проживающим, но она при этом может не учитывать все конкретные различия между членами разных коллективов в пределах этого универсума. Ценности также получают универсалистическое определение в зависимости от пределов их применимости. Положительная оценка некоего определенного типа общества представляет

собой суждение, по своей природе применимое более чем к одному конкретному обществу.

Универсалистичность ценностей означает, что на соответствующем уровне соотнесения они не являются конкретизированными ни ситуативно, ни функционально. В этой связи не следует забывать, что наиболее существенные стороны ситуации, в которой осуществляется функционирование социальной системы, — это те личности и образцы культуры, с которыми она контактирует. Когда говорят, что ценности не являются ситуативно конкретизированными, имеется в виду, что их нормативная значимость не зависит ни от того, к каким конкретным категориям принадлежат лица, имеющие доступ в состав коллектива, ни, скажем, от конкретных уровней технического знания, которое можно использовать для реализации этих ценностей. Когда вводится конкретная специфика ситуации, мы — в аналитическом плане — говорим уже не о ценностях, а о целях.

Подобным же образом ценности не зависят от дифференциации внутри систем, в которых они институционализированы; они соответствуют уровню общности, который *выходит за рамки* функциональной дифференциации. Поскольку же дифференциация в своей основе функциональна, нормы, которые (с точки зрения определения, приводимого выше) дифференцированы по отношению к функции, должны быть функционально конкретизированы. Они *узаконены* ценностями, однако действуют на более низком уровне обобщения, на уровне данного конкретного коллектива и выполнения ролей. Однако по отношению к конкретным ролям в конкретных коллективах нормы чаще всего не являются все же ситуативно специфическими, в особенности потому, что они, не определяя частных ролей, формулируются, как правило, в терминах классов и типов ролей и, следовательно, лиц и коллективов.

Еще раз следует подчеркнуть относительность различия универсалистического и партикуляристического. Вообще говоря, принцип здесь состоит в том, что универсум, соответствующий универсалистическим элементам нормативной культуры, определяется структурой ролей и коллективов на следующем по отношению к данному (более высокому) уровню организации системы. Он, стало быть, соотносится с организационной иерархией систем и подсистем. Высшую ступень этой иерархии образует понятие общества, которое трактуется как конкретная система взаимодействия высшего порядка, отвечающая в теоретическом плане аналитическим задачам социологии (если даже объектом изучения станет *мировое сообщество*).

Таким образом, придерживаясь концепции, согласно которой структура социальной системы заключается в нормативной культуре, институционализированной в данной системе, мы произвели классификацию ее компонентов, организованных в соответствии с иерархической упорядоченностью системы. Исходя из нашей структурной классификации, ролевой компонент есть нормативный компонент, который управляет участием отдельных лиц в данных коллективах. Коллектив есть нормативная культура, которая определяет ценности, нормы, целевую ориентацию и упорядочение ролей в конкретной системе взаимодействия определенных лиц. Нормативный компонент есть совокупность универсалистических правил или норм, которые определяют ожидания по отношению к деятельности классов дифференцированных единиц внутри системы, будь то роли или коллективы. Наконец, ценности — это нормативные образцы, определяющие в универсалистических терминах схему ориентации, желательной для системы в целом, и не зависящие от конкретной ситуации или от особой функции внутри системы.

Желая определить коллектив как систему, мы должны уяснить, что роли управляются или контролируются нормативными функциональными требованиями коллективов, внутри которых они выполняются. Следовательно, поскольку более обширная социальная система включает в себя множество коллективов в качестве своих подсистем, поведение этих коллективов управляется институционализированными нормами, которые точно устанавливают, как может и как должен вести себя коллектив каждого типа в соответствии с местом, занимаемым в системе. Наконец, сами нормы узакониваются (и, стало быть — в нормативном смысле — управляются) ценностями, институционализированными в данном обществе. Подчиняясь требованиям ситуации и функции, ценности определяют то направление ориентации, которое желательно для системы в целом.

Структура сложных систем

Очертив эти главные структурные компоненты социальной системы и показав их порядок в общей иерархии контроля, мы можем теперь набросать основную схему, по которой они организуются в единую сравнительно сложную систему. То, что здесь предлагается, не может быть ни чем иным, кроме как схематическим *идеальным типом*, который претендует всегда лишь на определение и выделение структурных категорий достаточно большого объема: мы не можем учесть все чрезвычайное богатство разного рода конкретных социальных структур.

Согласно основному руководящему принципу предлагаемого здесь анализа, сложная социальная система состоит из сплетения взаимозависимых и взаимопроникающих подсистем. Каждая из них, если рассматривать ее на соответствующем уровне отсчета, представляет собой самостоятельную социальную систему, которая, подчиняясь всем функциональным требованиям, обычным для такой социальной системы и перенесенным на почву ее собственной институциональной культуры и конкретной ситуации, обладает всеми главными структурными компонентами, организованными на соответствующих уровнях дифференциации и конкретизации.

Понятие общества

Отправным пунктом должно служить здесь понятие общества, определенного как коллектив, т. е. как система конкретных взаимодействующих человеческих особей. Эта система является первичным носителем конкретной институционализированной культуры, и ее нельзя рассматривать как подсистему, выделившуюся из некоего коллектива более высокого порядка и ориентированную на удовлетворение основной массы функциональных требований какой-либо социальной системы. Это понятие формулируется таким образом, что вопрос об *открытости* общества в тех или иных направлениях оставлен для эмпирического решения. На уровне социальной системы (но не на уровне культурных систем) (14) основным является критерий относительной самодостаточности (self sufficiency).

Чтобы подойти к структурному анализу организации подсистем в обществе, мы должны обратиться к соответствующим требованиям как самой социальной системы, так и различных ее подсистем. Первичным и всеобщим служит здесь принцип дифференциации в соответствии с функциональными требованиями. Для анализа социальных структур эта идея является господствующей. Однако сама по себе она недостаточна: ее следует дополнить принципами конкретизации и сегментации. Первый из них относится прежде всего к институционализированным культурным компонентам данной структуры, а второй — к требованиям, которым должны отвечать конкретные функционирующие единицы, т. е. коллективы и роли. Было бы целесообразно остановиться в первую очередь на этом втором принципе.

Мы уже отмечали, что в одном (но только в одном) из аспектов общество есть единый коллектив с поддающимся точному определению, хоть и естественно меняющимся, составом индивидов. Этот факт имеет три основных следствия: во-первых, должна наличествовать (в известной мере и на известном уровне) целостная система институционализированных ценностей, т. е. общая культура. В той мере, в какой составляющие общество коллективы выполняют функции, необходимые для сохранения общей системы ценностей, общество будет представлять собой единый коллектив, то, что Дюркгейм называл *моральной общиной*. Во-вторых, однако, т. к. система дифференцирована, реализация этих ценностей разного рода единицами требует сравнительно непротиворечивой системы норм, единообразно сформулированных и интерпретируемых. В обществах с высокой степенью дифференциации эта система норм принимает форму целостной правовой системы, реализуемой органами правосудия. В-третьих, общество испытывает потребность в координированных действиях по отношению к внешней ситуации, о чем будет сказано ниже.

Сегментация социальных единиц

Но если в силу ряда причин общество должно быть единым коллективом, имеется целый ряд других причин, препятствующих такому единству. Эти причины можно суммировать как обобщенные принципы, которые, по выражению экономистов, определяют *равновесие масштаба*. Согласно этим принципам, с расширением организованной единицы, превосходящей по своим размерам некоторый опреде-

ленный порог, происходит повышение затрат (costs); величина же самого этого порога меняется в зависимости от конкретных факторов. Действительно, в условиях современной промышленности производство такого предмета потребления, как автомобили, осуществляется в рамках очень крупных единиц. В то же время имеются, по-видимому, серьезные причины, препятствующие ранней социализации детей в рамках единиц, которые по числу своих членов значительно превосходят нуклеарную семью.

Вероятно, наиболее фундаментальной детерминантой, лежащей в основе сегментации социальных систем, является незаменимость человеческого индивида как агента исполнения. Имеются, однако, некоторые рамки, существенным образом ограничивающие как возможности отдельного индивида, так и эффективность кооперации индивидов. Проблемы коммуникации и другие аспекты интеграции могут, следовательно, становиться более многочисленными в результате расширения масштаба организации; поэтому в каких-то отношениях каждый субколлектив может приобрести свою особую организацию, включая особую интеграцию или солидарность по отношению к большей системе, частью которой он является.

Рассматривая формирование коллективов, термином сегментации я обозначаю развитие внутри некоторой обширной коллективной системы таких ее субколлективов, в которых известное число членов этой системы участвует более непосредственно, чем в других. В этом смысле сегментация является фактором, не зависящим от разделения функций между коллективами. Так, большое общество может включать в себя миллионы нуклеарных семей, каждая из которых в процессе социализации детей выполняет в сущности одни и те же функции. Здесь налицо высокая степень сегментации и низкая степень дифференциации структуры.

Необходимость сегментации во многом вытекает из проблем интеграции, возникающих под действием других требований, которым подчиняются единицы, входящие в состав системы. Отсюда, однако, вытекают новые проблемы интеграции: чем больше имеется единиц, тем менее вероятно, что они будут просто *естественным* образом координировать свои действия, не мешая бесперебойному функционированию системы в целом. В более сложных системах это приводит обычно к появлению особых механизмов интеграции, которые будут рассмотрены в ходе дальнейшего изложения.

Конкретизация нормативной культуры

Как уже отмечалось, существует важное соотношение между иерархией контроля и уровнями общности компонентов нормативной культуры. Так, ценности, согласно нашему определению, находятся на высшем уровне комплекса *представлений о желаемом* (*conceptions of the desirable*), т. е. не связаны с детальным определением функции или ситуации. В отличие от ценностей, нормы дифференцированы на основе конкретизации функций единиц и субъединиц, к которым они применяются. Наконец дифференциация предполагает дальнейшую спецификацию на ситуативной основе. Иначе говоря, коль скоро дана (даны) функция (функции) коллектива, он идентифицируется в виде точно определенных групп конкретных индивидов, действующих в конкретных ситуациях. Рассматривая коллектив как дифференцированную систему, следует производить дальнейшие конкретизации применительно к ролям участвующих в ней членов.

Имеется, следовательно, иерархия степеней обобщенности образцов нормативной культуры, институционализированной в социальной системе, соответствующая общим иерархическим отношениям структурных компонентов этой системы. Всякая субъединица общества, такая как коллектив, будет иметь свои собственные институционализированные ценности, которые следует рассматривать как конкретизацию (на соответствующем уровне) более общих социетальных ценностей. Для того, чтобы иметь возможность осуществлять внутреннюю дифференциацию функций, каждая субъединица располагает, стало быть, совокупностью дифференцированных норм, которые следует рассматривать в качестве конкретизаций как собственных субколлективных ценностей, так и более общих норм, относящихся и к ней самой, и к субколлективам других типов. Принцип конкретизации ограничивает обобщенность образца культуры, вводя качественные уточнения, являющиеся результатом специализации функций, с одной стороны, и особенностей ситуации — с другой.

Принцип функциональной дифференциации — последний из трех принципов организации сложных систем — в общих чертах уже рассматривался выше. В соответствии с этим принципом структурированные единицы приобретают специализированное значение для функционирования системы. Общая система функциональных категорий, которую мы здесь представили, очень проста — она исчерпывается четырьмя категориями. Однако, пользуясь этой схемой, не следует упускать из виду эмпирическую сложность реальной ситуации с ее многочисленными уровнями сегментации и конкретизации и, следовательно, со все большим усложнением образцов дифференциации в результате их повторения на каждом уровне сегментации подсистем.

Поскольку наш подход основывается, вообще говоря, на идее иерархии управления, упорядоченной по нисходящей линии, следует вкратце остановиться на том *креплении*, посредством которого социальная система удерживается на своем основании. Таким креплением служат личности и поведенческие организмы участвующих в ней индивидуальных членов и через них — органические подсистемы более низкого порядка, а также физическая среда. Говоря конкретно, социальное взаимодействие целиком основывается на решении задач, которые ставятся перед индивидами их физической средой; иными словами, оно связано с пространственной локализацией в физическом смысле. Следуя терминологии, принятой в экологически ориентированной теории, я уже писал об этой пространственной локализации, как об *общинном* аспекте социальной культуры (15). Удобнее всего разбить ее на четыре комплекса: 1) местожительство и формирование социальной структуры вокруг этого ядра; 2) функциональное выполнение задач посредством профессиональных занятий и связанные с этим проблемы локализации; 3) юридическое осуществление нормативного порядка посредством спецификации категорий юридических лиц и связанная с этим пространственная локализация интересов и активностей этих лиц; 4) физические условия коммуникации и перемещений лиц и товаров. В общем, это есть область пограничных проблем, включающая в себя категорию технологии (не только то, что обычно называют *физическим производством*, но и всякое выполнение задач, предполагающих наличие физического организма в его отношении к физической среде). Технология соотносится с физическими условиями, но она основывается также на культурных ресурсах, выступающих в роли средств социального действия. Эмпирическое знание физического мира принадлежит к числу таких культурных ресурсов.

Интеграция обществ как коллективов

Обратимся теперь к задаче описания структуры сложного общества как социальной системы. Как мы уже говорили, общество в любом случае можно рассматривать как единый коллектив, поскольку оно удовлетворяет следующим трем требованиям: сохранение образцов институционализированной культуры на уровне ценностей, интеграция системы дифференцированных норм и координированное овладение внешними ситуациями.

Распространение основных образцов ценностей и всеобщее подчинение единиц общепринятым ценностям настолько важно, что проблема отношения всеобщего коллектива к ценностям является универсальной. С другой стороны, однако, проблемы отправления правосудия и принуждения также имеют первостепенное значение; структура взятого в целом коллектива не может быть отделена от политической организации, ориентированной на сохранение подчинения существующему порядку и от связанных с этим юридических функций в отношении как своего населения, так и других обществ. Это означает, что границы общества имеют тенденцию к совпадению со сферой территориальной юрисдикции единиц политической организации более высокого порядка.

Основной областью, в которой играет роль ценностное побуждение, является религия; для большинства обществ верховным коллективом являлась и религиозная, и политическая общности — и *церковь*, и *государство*. Можно сказать, что закон занимает промежуточное положение: он должен признаваться религией и приводиться в исполнение властями; часто функция его интерпретации представляла собой предмет раздора.

Следует отметить, однако, что сама по себе формула религиозно-политическо-юридической единицы не является достаточной для универсальной интеграции. Прежде всего, в рамках широкого коллектива наблюдалась тенденция

к дифференциации этих функций по отношению и к отдельным лицам, и к субколлективам.

На Западе с наступлением христианской эры процесс фундаментального разделения церкви и государства принял более радикальный характер. Интерпретируя этот процесс социологически, следует рассматривать его на основе отношения между социальной и культурной системами. Еще до того, как оно вошло в свою протестанскую фазу, западное христианство характеризовалось особого рода религиозным *индивидуализмом*. В данной связи это означает, что совпадение между религиозным и социальным статусом индивида не было обязательным и отмечалось лишь на самом общем уровне участия в жизни общества. Церковь ведала организацией религиозных интересов и ориентаций данной группы народонаселения, независимо от ее светских или мирских ориентаций (но не безотносительно к этим последним), в особенности на уровне социетальных ценностных нормативов. Это было *христианское общество*, но такое, в котором функция религии была специализирована в большей мере, нежели в обществах дохристианского и нехристианского толка.

В моей интерпретации это должно означать (в социальных, а не в культурных терминах), что *морально-общинный* аспект сместился от религиозной организации как таковой в область взаимопроникновения религиозного и светского. Верховный, социетальный коллектив стал *государством*, управляемым мирянами. Если же им в действительности управляли церковники, то делали они это не в своем специфически духовном качестве. Такое разделение никогда не проводилось в средневековой Европе достаточно полно (невозможно было, например, лишить епископов светских функций, которые выходили за рамки управления делами церкви), но оно оставалось тем не менее важнейшей общей тенденцией.

После Реформации этот процесс пошел дальше, в особенности там, где преобладал принцип отделения (которое необходимо отличать от дифференциации) церкви от государства. Как это сегодня имеет место в Соединенных Штатах, ценности все еще явственно находят свою основу в теистической религии («Мы веруем в Господа»), но на уровне коллективной организации *моральная община* является, вне сомнения, *политически организованной* общиной. Произошло, в сущности, то, что всякий орган, ориентированный скорее культурно, нежели социально, лишился законной власти предписывать обществу ценности и следить за обязательным соблюдением норм; в этом смысле можно сказать, что общество подверглось *секуляризации*. Ценности по-прежнему уходят своими корнями в религиозную почву, но религия организуется плюралистическим и *частным* образом. Формально ценности воплощены в конституции и в ее официальных толкованиях, даваемых в первую очередь судебными законодательными органами.

Универсальное отождествление структуры высшего коллектива с политической организацией основано на другой совокупности императивов, связанных в особым значением физической силы в качестве санкций. Центральный пункт состоит здесь в следующем: несмотря на то, что имеется множество ограничений эффективности этой санкции, контроль над социально организованной силой, в достаточной степени превосходящей все прочие, почти всегда является вполне эффективной мерой пресечения любого нежелательного действия. Поэтому без такого контроля, включающего также *нейтрализацию* организованной силы, по природе своей территориально локализованной, не может быть гарантирована цементирующая мощь какого бы то ни было нормативного порядка.

Я представляю себе политическую организацию функционально организованной относительно достижения коллективных целей, т. е. достижения или сохранения состояний взаимодействия между системой и ситуацией, ее окружающей, так или иначе желательных с точки зрения данной системы. Сохранение гарантии против злонамеренного использования силы является важнейшей коллективной целью всякого общества. Подобные соображения лежат в основе тенденции верховного коллектива добиваться эффективной монополии внутренней организации силы через посредство полицейских и военных органов. Такого рода утверждения не следует понимать в том смысле, что контроль над силой является высшей функцией политической организации. Сила — это не единственная негативная, т. е. прежде всего *охранительная* по своему значению функция. Правительство же, в общем, является центральным

органом позитивного социетального достижения цели. Однако стратегическое значение силы столь важно, что контроль над нею является обязательной функцией — необходимым, но не достаточным условием социального порядка. Соответственно, в достаточно интегрированном обществе большая часть субколлективов (за исключением тех, которые специализированы в применении силы) почти полностью ее лишена.

Ввиду задач, связанных с применением силы и контролем над ней, политическая организация всегда должна быть объединена с правовой системой, которая занимается реализацией норм наивысшего порядка, регулирующих поведение единиц внутри общества. Нет такого общества, которое отважилось бы допустить, чтобы какой-либо другой нормативный порядок взял верх над порядком, санкционированным *политически организованным обществом*. Действительно, провозглашение любого такого альтернативного порядка есть революционный акт, и органы, ответственные за это, должны отвечать за свои действия на правах политической организации.

В этой связи весьма знаменателен тот факт, что в некоторых обществах, особенно на современном Западе, организация правовой системы достигла значительной независимости в форме судебных и в какой-то мере также законодательных учреждений. Имеются две основные формы такой независимой коллективной структуры. Первая из них, судебная, предполагает наличие тех или иных способов освобождения от *политических* давлений; вторая, весьма примечательная, состоит в развитии такой юридической профессии, представители которой занимают промежуточное положение, входя, с одной стороны, в состав адвокатуры, функционирующей как *судебное чиновничество*, и с другой стороны, частным образом ведя дела своих клиентов, будучи на деле защищены от постороннего (в том числе правительственного) вмешательства такими, например, институтами, как привилегированная коммуникация.

Суммируя сказанное, мы можем отметить, что верховный коллектив даже в современном обществе в значительной мере является *мультифункциональным*, или функционально *диффузным*. В то же время при некоторых обстоятельствах диффузность, которой характеризуются более *монолитные* религиозно политические структуры, даже столь высокоразвитые, как Китай классической эпохи или республиканский Рим позднего периода, обнаруживает тенденцию к дальнейшему развитию. Наиболее примечательными из этих дифференциаций явились процессы *секуляризации* политической организации, которая прошла через множество стадий и форм, а также институционализация сравнительной самостоятельности правовой функции (16).

Задача определения типов и степеней дифференциации, возможных на этом наивысшем уровне организации социетального коллектива, может быть описана как поиск функции от четырех узловых совокупностей факторов, варьирующих в весьма широких пределах. Это: 1) тип социетальных ценностей, более или менее полно институционализированных в данном обществе. Такие типы классифицируются на высшем уровне обобщения на основе способов категоризации общества как объекта оценки (думается, что в качестве категорий здесь применимы стандартные переменные); 2) степень и способ институционализации ценностей, включая прежде всего их *устойчивость* с точки зрения религиозных и культурных оснований ценностных признаний, бытующих в данном обществе (широкая институционализация новых ценностей предполагает сравнительно низкий уровень такой устойчивости); 3) тип и уровень структурной дифференциации общества, особенно в том, что касается актуальности и содержания тех интегративных задач, которые эта дифференциация ставит перед обществом; 4) типы требований, предъявляемых системе со стороны внешней ситуации.

Способы дифференциации внутри обществ

Родство и сочленение общества с личностью

Вопрос относительно типа и уровня функциональной диффузности, характеризующей некоторые социальные структуры, возникнув в связи с проблемой общества как *моральной общины*, вновь встает в одном исключительно важном пункте, а именно в связи с первичным сочленением общества с личностями, его составляющими. Любая система, трактуемая социологически как общество, включает, вероятно, много таких членов — по крайней мере тысячу, а

в некоторых случаях десятки, если не сотни, миллионов. Это обстоятельство в силу упоминавшихся выше требований побуждает общество к достижению высокой степени сегментации. Сегментация проникает прежде всего в те единицы, которые известны под названием *родственных*. Родство — это, в сущности, точка сочленения (иначе говоря, взаимопроникновения) структуры социальной системы и отношений, участвующих в биологическом процессе воспроизводства. С биологической точки зрения здесь имеются три центральных структурных компонента: 1) разделение человечества на две половые группы, выполняющие различные функции в ходе процесса воспроизводства, но в равной мере существенные для этого процесса; 2) резкое разделение человеческих организмов на зрелые и незрелые, включая сравнительно длительный период утробного созревания, а затем продолжительный период относительной *беспомощности*, которая, постепенно убывая, исключает тем не менее ту степень самостоятельности, которая присуща молодым особям многих других видов; и, наконец, 3) тот факт, что половой союз двух конкретных индивидов противоположного пола необходим для зачатия и воспроизводства и с некоторой вероятностью приводит к этим последствиям. Итак, биологически все группы человеческой популяции дифференцированы по половому и возрастному признаку, а по признаку биологического наследования партикуляристически относятся к двум наследственным линиям: к родовой линии (filial generation), восходящей через двух конкретных биологических родителей к более далеким предкам, и к родительской нисходящей линии, объединяющей родителей на основе их общего отношения (отцовства и материнства) к их непосредственным отпрыскам и к последующим потомкам. Связь между половым союзом и воспроизведением выражается в том, что первый ни в коем случае не может быть свободен от лежащей в его основе функции деторождения.

В социальной структуре имеют место многочисленные вариации, однако неизменной и фундаментальной точкой отсчета является здесь нуклеарная семья — коллектив, состоящий из супружеской пары и ее биологического потомства. Во всех известных обществах имеет место институционализация более или менее продолжительных половых отношений, связанных с воспроизводством, а также ответственности за потомство со стороны по крайней мере одного из родителей, часто поддерживаемого более обширными группами. Как правило, такую ответственность несут обе стороны на протяжении более или менее длительного периода времени. Обычно в период, когда ребенок находится в зависимом положении, нуклеарная семья по крайней мере входит в состав первичной единицы расселения (в современных индустриальных обществах такая единица почти всегда совпадает с нуклеарной семьей).

В этих условиях проблема функциональной диффузности вытекает в первую очередь из того факта, что всякий человеческий индивид начинает свой жизненный путь беспомощным младенцем, чье развитие почти полностью зависит от его отношений с весьма узким кругом взрослых людей, ответственных как за его физическое благополучие, так и за его социализацию. Биологическое материнство (отцовство) не имеет особого значения для этого основополагающего отношения; однако те случаи, в которых отцовство или материнство (особенно материнство) не играет никакой стратегической роли, являются незначительными отклонениями и нигде не образуют ведущего структурного типа.

Общезначим тот примечательный факт, что в социальных структурах тех типов, которые с эволюционной точки зрения могут быть, очевидно, отнесены к категории *примитивных*, родство играет особую роль в качестве первоосновы для категоризации индивидов по их принадлежности к тем или иным важным коллективам и по их правам на участие в этих коллективах. Существует также значительная группа обществ, где вообще нет сколько-нибудь важных коллективов, не зависящих от родства, каким бы сложным ни было при этом внутренне ветвление в системе родственных связей.

Структуры родства совершенно явно подвержены воздействию существенно важных процессов функциональной дифференциации. Экономические и политические функции весьма широко институционализируются в родственных единицах, хотя, как правило, с течением времени и с расширением состава этих единиц указанные функции перерастают рамки нуклеарной семьи. Однако на более высоких социальных уровнях интегративные функции представляют

собой одно из главных препятствий для такой институционализации. Причиной тому партикуляризм, внутренне присущий родственным отношениям. Таким образом, на определенной стадии структурного развития общества партикуляризм представляет собой одно из главных препятствий для интеграции более высокого уровня. На низших уровнях социализации функция сохранения образца повсюду очень тесно привязана к родственным единицам. Однако в силу императива социетальной ценностной стабилизации, составляющего более высокий уровень сохранения образца, родственная единица оказывается на одном из нижних уровней иерархии функциональных спецификаций. Именно потому, что сегментация в сфере родства обладает столь чрезвычайной важностью, сохранение образца не может опираться исключительно на родственные единицы как на вполне надежную основу. Все это не означает, конечно, что указанную привязку нельзя сохранить посредством дифференциации статусов различных родственных единиц. Выделение королевских и аристократических родов из среды *простых* людей есть один из тех механизмов, с помощью которых функции сохранения образца и интеграции могут (с известными ограничениями) выполняться без принесения в жертву родственных оснований организации.

В этом смысле каждая структурная единица принимает определенное участие в удовлетворении всякого функционального императива, предъявляемого обществу в целом. Однако эффективность распределения функций между сильно сегментированными единицами снижается по мере перемещения этих функций на более высокие уровни в иерархии контроля. Здесь, конечно, имеет силу одно весьма существенное контртверждение, касающееся прочности и институционализации: как уже отмечалось, в известных обстоятельствах функция сохранения образца может быть подвергнута весьма значительной децентрализации в каком-нибудь из своих важных аспектов. Однако, поскольку родственным единицам присуща весьма высокая степень сегментации, они, кроме функций сохранения образца для своих членов и интеграции внутри самих себя, выполняют, несомненно, еще одну функцию — экономическую.

Действительно, сравнительная социология пришла к впечатляющему заключению, выяснив, что лишь в современных индустриальных обществах новейшего образца (за редким исключением, вроде рабовладельческо-плантаторских хозяйств) более или менее значительная часть функции экономического производства освободилась от диффузной *вкрапленности* в структуры родства. Этот прогресс был тесно связан с тем фактом, что во всех обществах, за исключением самых примитивных, основная часть продуктов труда поступала из сельского хозяйства. Несмотря на существенные вариации, имеются определенные общие структурные признаки крестьянских обществ, а именно: большая часть населения этих обществ организована в родственные единицы и живет за счет сельскохозяйственного производства в подсистеме, приводимой в действие преимущественно членами родственной группы, которые трудятся в соответствии со своим статусом в пределах данной единицы. В таких случаях структура, приписанная единице, распространяется, как правило, на институционализацию потомственного наследования имущественных прав и производственной функции. На ранних стадиях индустриализации, а также в период, ей предшествовавший, семейная фирма в некоторых существенно важных чертах распространила на сельскохозяйственную сферу все тот же родственный принцип организации. Однако упомянутая вкрапленность почти повсюду (за исключением лишь очень мелких предприятий) ограничивалась высокими *директорскими* функциями; работавшие же на производстве не состояли друг с другом в родственных отношениях. Тем не менее разного рода патриархальные коллективы ассимилировали наемных рабочих в рамках структуры отношений, сходных с отношениями родства. Внутри такой структурной схемы экономическая функция опять-таки должна выполняться на сравнительно низком уровне дифференциации. Она тесно связана с относительно элементарной фазой экономического разделения труда и соответствующим ей незначительным развитием рынков.

Рассматриваемый функционально, всякий коллектив является, помимо всего, также и политической единицей общества. Однако единица типа нуклеарной семьи настолько мала, что лишь в силу какого-то весьма своеобразного

статуса она может выполнять важные политические функции на уровнях более высоких, чем присущий ей низкий уровень спецификации. Так обстоит дело даже с родом, хотя род, имея возможность институционализировать право потомственного наследования, может играть гораздо более значительную роль, нежели нуклеарная семья. Действительно, как это имело место в случае королевских фамилий, род стал верховным органом в политической структуре общества в целом. Принцип родства был далее распространен на политическую роль, выполняемую сложной совокупностью аристократических родов, которые находятся в различных отношениях с королевским домом.

Институционализация *чистого* принципа правления, осуществляемого привилегированными родственными единицами, сталкивается, однако, с серьезными трудностями функционального характера. Такое положение дел было наиболее стабильным в некоторых обществах небольшого масштаба, типа городов-государств древнего мира или полунезависимых городов-государств Европы позднего средневековья и начала Нового времени, где, между прочим, монархия была скорее исключением, чем правилом.

Представляется (в свете предложенного выше анализа), что интегративные функции проявляют тенденцию к структурной дифференциации на верхних ступенях социетальной организации, в наибольшей мере это относится к судебному элементу правовой системы. Почти повсюду частная юридическая практика получила более позднее развитие и менее широкое распространение.

Дифференциация политических структур

Как следствие связи, существующей между верховной социетальной организацией коллектива и описанной выше политической функцией, функциональное выделение политической структуры из всех прочих также обнаруживает тенденцию к проникновению на верхние ступени социетальной иерархии. В своем развитии оно проходит два предварительных этапа. Первый из них — выделение родственных единиц, несущих большую политическую ответственность (и пользующихся соответствующими привилегиями), т. е. королевских и аристократических фамилий. Второй состоит в отделении политической функции от функций сохранения образца и интеграции уже внутри этих правящих единиц. Подчиняясь императивам, рассмотренным выше, такая дифференциация протекает медленно и никогда не завершается на верхних ступенях, хотя указанные функции могут, конечно, отчуждаться от родственных единиц, как это имеет место в большинстве современных обществ.

Однако на ступенях, расположенных ниже, политическая функция все же подвергается существенному дифференцирующему воздействию. В первую очередь здесь решаются задачи, связанные с ограничением мобильности ресурсов вследствие аскриптивной природы родства. Одним из центральных процессов является развитие той или иной разновидности *бюрократии*. По вполне понятным причинам функционально диффузным *высшим властям* трудно отказаться от своих классических функций управления как в сфере *высшей политики*, так и — в более позднее время — в законодательной сфере. Таким образом, процесс дифференциации сосредоточивается, как правило, в *административной* сфере политической функции, т. е. в сфере *технической* реализации принятых решений. В случае лишения правящей группы политической поддержки институционализация протекает не столь безболезненно, однако время от времени подобные процессы имеют место (как, например, в эпоху древнегреческой демократии).

С этой точки зрения первостепенное значение *политических решений* следует (с известными оговорками) принять как не требующее доказательств. Здесь все решается, во-первых, доступностью людских и материальных ресурсов и, во-вторых, их качеством с точки зрения данных потребностей. В этом последнем отношении особую роль играет профессиональная выучка персонала. Ясно, что и в том и в другом случае родовая аскрипция налагает слишком жесткие ограничения. Этот недостаток может быть частично устранен путем специальной подготовки лиц, которым, согласно их родовому статусу, приписано выполнение некоторых функций. Однако и здесь нет никакой гарантии, что эти лица являются наиболее достойными кандидатами. Во всяком случае, сама диффузность отношений родства строго ограничивает доступность ресурсов.

В этой связи не мешало бы обратить внимание на относительность используемых здесь функциональных категорий. При более общем подходе функции бюрократической организации могут, конечно, попасть в любую из них. В частности, ранняя бюрократия очень часто выполняла в обществе *экономические* функции. Ярким примером является функция водоснабжения и контроля за расходом воды в цивилизациях, обосновавшихся в долинах рек, на что указывали Вебер и Виттфогель. Однако основные моменты состоят здесь скорее в том, что в случае бюрократической организации коллективная ответственность концентрируется в сфере *верховного управления* всем социетальным коллективом и что именно из этой центральной точки берет начало процесс дифференциации. Первичный критерий того, что бюрократия берет на себя выполнение политической функции, именно в том и состоит, что она оказывает содействие достижению целей, первоочередных для общества как для системы, а не для его субъединиц в их *частном* качестве (точнее, целей, которые представляются первоочередными *правящим группам*). Аналогичный процесс развития может иметь место в том случае, когда происходит структурное выделение политических функций в некоторой ячейке общества, организованной первоначально на основе диффузной матрицы родства. Возможно, наиболее известным примером такого процесса является эволюция семейной фирмы в бюрократическую организацию. Сходные явления можно, однако, обнаружить и в военной области, а также во многих других сферах общественной жизни.

В этом смысле мы можем сказать. что имеется два основных структурных признака бюрократии. Первичной характеристикой организационной единицы, рассматриваемой в ее отношении к окружающей среде, является *функциональная специфичность* и, таким образом, относительная свобода ее субъединиц от структурного слияния со структурами, обслуживающими другие функции. Для индивидуальных же единиц, входящих в состав организации, существенно определение ролей в терминах профессиональной специализации.

Функциональная специфичность коллектива означает сравнительную независимость этого коллектива от структурного переплетения или *срастания* со структурными единицами, обслуживающими другие функции. Однако, как это чрезвычайно ясно показано Вебером, в управлении таким коллективом должен присутствовать некий *небюрократический* элемент, задающий ему первоначальные функциональные ориентации (фактически мы можем иметь несколько пластов такого небюрократического управления). Кроме того, поскольку ее функции специализированы в рамках более обширной системы, такая система, не ограничиваясь специализацией своего внутреннего строения, с необходимостью должна обладать еще двумя специфическими структурными характеристиками. Во-первых, ее собственные члены не должны быть основными *потребителями* ее продукции, будь то правительственное административное обслуживание, экономическое производство, образование или даже *исцеление душ*. Стало быть, должна существовать некая форма институционализации условий, на которых *потребители* получают доступ к этой продукции (или на которых она принудительно им навязывается) (17).

Одной из особенно важных линий дифференциации является граница, отделяющая организации, которые так или иначе ставят потребителей в положение своих членов, от организаций, не вовлекающих потребителей в подобные отношения. Обычная деловая фирма относится ко второму типу; когда продан физический продукт, как правило, дальнейшей солидарности между продавцом и покупателем не требуется. Однако в такой области, как просвещение, процесс продажи (сбыта) не может быть завершен в результате единичной мимолетной сделки; он включает как наличие длительных постоянных отношений между преподавателями и учащимися, так и процесс взаимодействия, невозможный без их принадлежности к одному коллективу. Ученики или студенты являются, таким образом, членами своей школы или своего колледжа, тогда как покупатели не являются членами фирмы, которая продает им свои товары.

Третью базисную совокупность отношений функционально специфического коллектива с окружающей средой составляют процессы овладения ресурсами, необходимыми ему для выполнения своих функций. Эти последние можно отнести к двум общим рубрикам: 1) физические средства, включая необходимые предпосылки трудовой

деятельности, и 2) человеческие услуги. Условия приобретения, использования и передачи физических средств институционализированы как собственность; в случае человеческих услуг эти условия институционализированы как профессиональная занятость. В отношениях между этими двумя основными категориями ресурсов имеется весьма существенная асимметрия, в том смысле, что физические средства могут быть до конца обособлены от их производителей (18), тогда как человеческие услуги неотделимы от организма и личности производителя. Они нуждаются либо в его физическом присутствии на рабочем месте, либо в контроле над его действиями, где бы они ни производились. И что самое главное, использование услуг данного индивида обусловлено достигаемым им соответствием между ожиданиями, составляющими его трудовую роль, и другими ролями, которые им выполняются.

Коль скоро все люди прочно связаны узами родства, в области приспособления к роли наиболее важна проблема соответствия между трудовыми и родственными ролями одного и того же лица. Как отмечалось, весьма распространенный случай представляет собой простое срастание этих ролей: выполняя определенную *работу*, человек выступает одновременно в своей родственной роли. На противоположном полюсе находится система рабского труда, при которой максимальное присвоение услуг достигается путем безусловного отрицания институциональной законности за какими бы то ни было родственными ролями. Ясно, что такой правопорядок составляет исключение, будучи нестабильным по самой своей природе. Наиболее важным типом взаимодополняющего сочетания ролей является современный тип профессиональной роли, характеризующийся структурным обособлением трудовых ролей от родства. При этом, однако, ожидается, что большинство трудящихся будет, как правило, выполнять также и родственные роли (хотя некоторые разряды людей, вроде черных монахов и членов религиозных орденов, своим отказом от родственных ролей напоминают об эпохе рабства). Самые существенные черты современной профессиональной роли — это структурное обособление домашнего хозяйства и родственной группы от контроля над выполнением трудовых операций и передача контроля как над выполнением, так и над вознаграждением в руки функционально специализированной организации. В общем случае это означает отграничение физических предпосылок трудовой деятельности от домашнего хозяйства, а также обособление прав собственности на физические средства и источники вознаграждения от личной собственности исполнителя данной роли. Существенно, что эти критерии применимы к сравнительно очень небольшой части взрослых человеческих особей (исключение составляют современные общества индустриального типа).

Вышеприведенное рассмотрение началось с проблемы структурного выделения политической функции из диффузной матрицы, содержащей функции сохранения образца и интеграции. Отправным пунктом послужил также высший социетальный уровень коллективной структуры, т. е. верховный коллектив, который институционализирует лежащую в его основе моральную общину. Путем последовательных логических выкладок мы, однако, пришли к общей проблеме структуры и статуса в обществе, которое слагается из коллективов со специализированными функциями. Рассматривая регулирование их функций *размещения* и их доступа к свободным ресурсам, мы не могли не коснуться того, что называют обычно экономической организацией общества. Необходимо теперь рассмотреть эту последнюю более основательно и соотнести ее с организацией политической.

Структурное выделение экономики из других подсистем

Политическая функция особенно тесно связана с коллективным компонентом социальной структуры. Являясь, в сущности, фактором, обусловливающим достижение коллективных целей, она связана прежде всего с постановкой таких целей и с мобилизацией соответствующих социетальных ресурсов, в особенности с интеграцией соответствующих коллективов для достижения указанных целей. Политическая функция, как отмечалось, играет фундаментальную роль по отношению к обществу в целом. Однако те же самые рассуждения приложимы, с аналитической точки зрения, ко всем субколлективным единицам общества. Отсюда следует, что коллектив, названный нами специфичес-

ки-функциональным, может быть точно определен как коллектив, для внутренней организации которого политическая функция, т. е. эффективность, первична по сравнению с другими функциями. Однако в случае субколлективов эти цели, в нашем (структурном) смысле, не ставятся *изнутри*, хотя они могут ставиться автономно или неавтономно и по отношению к большей по объему системе быть или не быть политическими. Так, функция деловой фирмы в первую очередь является экономической: ее цель есть *производство*, однако ее внутреннюю организацию следует анализировать в первую очередь в политических терминах. Но категория политического выступает здесь в аналитическом плане, следовательно, отношения между политическим аспектом и другими аспектами данной подсистемы будут неодинаковыми для различных специфически-функциональных коллективов.

Способы организации правительственно-административного органа, университета и деловой фирмы, естественно, сильно отличаются друг от друга. Несмотря на эти различия, относительное преобладание в структуре общества конкретно-функциональных коллективов является важнейшим универсальным показателем дифференциации политической структуры. Общества различаются, однако, как по степени этой дифференциации, так и по ее масштабам. По сравнению с некоторыми европейскими обществами в американском обществе (по крайней мере до последнего времени) существенно менее интенсивно шло развитие правительственной бюрократии и более интенсивно — ее развитие в сфере экономического производства.

Ниже мы рассмотрим конкретные механизмы, посредством которых осуществляется институционализация политической функции. Наиболее важные категории могут быть определены как руководство, авторитет и власть.

Экономическая функция, в отличие от политической, связана с производством и размещением свободных ресурсов. Экономическая функция выполняется только тогда, когда важнейшие наличные ресурсы являются средствами для достижения альтернативных целей, а не предназначаются для какого-то специфического использования. Анализ малых групп показывает, что это всегда и с необходимостью верно по отношению к социальному взаимодействию. Так, одобрение не может служить санкцией, эффективно регулирующей деятельность, если оно заранее связывается с определенным, наперед известным действием какого-либо одного члена группы, безотносительно к возможному существованию других более выгодных альтернатив. Это было бы все равно, что присуждение призов за успех в каком-нибудь состязании без предварительного проведения самого состязания.

Общество структурировано, однако, в категориях ролей и коллективов, в категориях физических средств, пригодных для обмена, а также в некоторых других — таких, например, как *блоки*, содержащие поддающиеся передаче символические значения. Одним из основных традиционных критериев ценности экономических ресурсов является их сравнительная дефицитность. Другой весьма важный критерий — их обобщенная пригодность для различных функций. Применимость некоторых физических средств потребления в высшей степени ограничена, тогда как другие применяются достаточно широко. Например, земля, пригодность которой ограничивается лишь типом почвы и климата, может использоваться для выращивания самых разнообразных культур. Другой пример — автомобиль, в высшей степени обобщенное средство *личного* передвижения, полезность которого полностью зависит, однако, от системы дорог.

Если же речь идет о таких ресурсах, как физические средства потребления и человеческие услуги, возможности подобного обобщения ограничены самой их природой. Возможность использования дефицитных ресурсов зависит от институционализации механизмов, которые, независимо от обладания какими бы то ни было конкретными средствами потребления, услугами, информацией и т. п., а также от обязательств пользоваться всеми этими наличными средствами, дают возможность получить доступ к самым разнообразным ресурсам по мере того, как развивается потребность в них. В известных ныне обществах имеются, в частности, два в высшей степени распространенных механизма данного типа, а именно политическая власть и деньги; последним присущи, конечно, в первую очередь экономические функции.

Как политическая власть, так и деньги требуют институционализации свободного перемещения средств. В негативном смысле это означает полное или почти полное унич-

тожение соответствующих аскриптивных прав собственности, играющих значительную роль в менее дифференцированных социальных структурах. В положительном смысле здесь имеется в виду институционализация адекватных прав управления и распоряжения средствами — в форме институтов контракта, собственности и найма человеческих услуг. Поскольку аскрипция является здесь узловым моментом, особую роль приобретает право свободного распоряжения ресурсами (или их *отчуждения*). Что же касается человеческих услуг, то здесь существенна прежде всего относительно четкая формулировка прав контроля в пределах системы профессионального найма. Современный институт собственности (в применении скорее к физическим предметам потребления, чем к деньгам) связывает воедино различные компоненты, которые, согласно европейскому феодальному праву, были распределены между разными единицами, из коих каждая имела права владения одной и той же *вещью* (земля — это, конечно, наиболее значительный частный пример такой *вещи*). Права собственности гораздо более четко дифференцировались от разных других договорных прав, особенно от прав, касающихся услуг, и от политической юрисдикции, которой подлежала земля, а также действия, совершаемые на ней разными лицами. Имеются рамки, ограничивающие свободу владельца имущества, однако современное право собственности является основным условием обобщенной доступности физических ресурсов, независимой от политической власти. То же относится, конечно, и к институционализации системы профессиональных ролей, предполагающей свободу заключения контрактов на услуги в форме найма.

Деньги не предмет потребления, а весьма своеобразный способ институционализации ожиданий или обязательств посредством коммуникации. Это кибернетический механизм обобщенного типа, который дает каждой данной единице возможность, подчиняясь определенным нормам, мобилизовать ресурсы из сферы своих *средств*, выраженных в денежных единицах, в которых она нуждается или которые желает иметь. В той социальной системе, где они имеют хождение, деньги — это порождение уравновешивающей системы взаимодействий, которая развивается из более диффузной совокупности таких взаимодействий, проанализированных некоторыми антропологами (Малиновским и Леви-Стросом, например). Инфляция и дефляция являются симптомами того, что эта система взаимодействий тем или иным образом вышла из состояния равновесия.

Мы отмечали, что полезность автомобиля зависит от системы дорог и, можно добавить, от применения адекватных правил транспортного контроля. Полезность денег, как гораздо более обобщенного средства, зависит от системы рынков и адекватности правил, управляющих непрерывным потоком сделок, осуществляемых через посредство рынков. Рынок представляет собой определенного рода социальную систему, в которой имеются институционализированные ожидания готовности обменивать свободные ресурсы на деньги и наоборот с соблюдением некоей совокупности правил, устанавливающих условия оплаты, а также права и обязанности, предлагаемые и уступаемые в процессе купли-продажи. Как правило, рынки приобретают большое значение, когда на доступ к ним не накладываются партикуляристические ограничения, в первую очередь на аскриптивной основе (19).

Институты договора и собственности, а также сам по себе денежный механизм составляют основу рынка как системы; в основе же *трудового рынка* лежит институт трудового найма.

Деньги и власть

Понятие политической власти в социологической литературе всегда характеризовалось крайней противоречивостью, так что по поводу этого понятия нет такого согласия, к какому пришли экономисты относительно денег. Мне бы, однако, хотелось предложить понятие власти, построенное на аналогии с представлением о деньгах как об обобщенном механизме, управляющем размещением ресурсов. Политическая функция определялась выше как функция содействия эффективному достижению целей коллектива. Достижение цели мы соотнесли, в свою очередь, со специфическими процессами изменения, имеющими место во взаимоотношениях между системой и ситуацией, ее окружающей. Те же, кто несет ответственность за выполнение политической функции, неизбежно сталкиваются с наличием существенных элементов неопределенности. Для эффективности требуется поэтому способность принимать решения относительно использо-

вания ресурсов независимо от специфических условий, предписанных заранее, либо путем аскрипции, либо путем некоторого рода предварительного соглашения или договора.

Мы можем аналитически определить политическую власть как обобщенную способность воздействовать (независимо от прежних обязательств на соответствующем уровне спецификации) на размещение ресурсов, благоприятствующее достижению коллективных целей, через обращение к институционализированным обязанностям (т. е. к лояльности) членов коллектива, применяя при этом санкции, узаконенные этими обязанностями, а также ролями, институционализация которых предполагается данной системой власти. Власть следует рассматривать как обращающееся средство и как ресурс, дефицитный для каждой отдельно взятой единицы. Власть распределяется в обществе неравномерно, причем в непропорционально высокой степени наделены ею единицы, несущие политическую ответственность. Точно так же единицами, специализирующимися в области экономического производства, контролируется львиная доля материального достояния экономически развитого общества (20). Подобно экономическим фирмам, единицы, специализирующиеся в выполнении политической функции, зависят от возмещения той власти, которую они *потратили* или *инвестировали*, приняв свои решения относительно размещения ресурсов. Это воплощение, аналогичное возмещению за счет потребителей, принимает форму удовлетворения или недовольства указанными решениями со стороны избирателей: оно, таким образом, прямо влияет на способность руководства отдавать дальнейшие распоряжения. Механизмы власти обладают далеко не столь отточенной структурой, как денежный механизм, хотя в демократических обществах и в разного рода включенных в них ассоциациях избирательный голос несет функции, частично напоминающие функции денежной единицы. Однако сфера его влияния даже в малой степени не соизмерима с тем рядом самых разнообразных явлений, который покрывается денежной единицей.

Имеется некая аналогия между предоставлением избирательных прав как возможности применять политическую власть независимо от аскриптивных или навязываемых сверху обязанностей и развитием потребительских рынков, где потребитель может производить выбор между поступившими предложениями и, оказывая предпочтение тому или иному из них, решающим образом воздействовать на сам процесс производства.

Точно также как деньги зависят от институционализации контракта собственности и профессиональной занятости, гибкая политическая акция становится возможной благодаря институционализации власти. Институционализация руководства аналогична институционализации контракта в области экономики. Это есть в сущности институционализация права принимать решения, распространяющиеся на коллектив в целом и тем самым подчиняющие некоторым обязательствам те или иные компетенции входящих в него единиц.

Авторитет*, также как и власть, термин в высшей степени неопределенный. Он обозначает политический институт, аналогичный собственности в экономике. Авторитет есть комплекс институционализированных прав на совершение акций содействия (т. е. на *услуги*, согласно экономической терминологии), предоставляемых членами коллектива. Другими словами, институт авторитета дает право принимать решения, налагающие конкретные обязательства на известные категории единиц, составляющих коллектив, например, обязательство платить налоги и выполнять воинскую повинность. Авторитет объединяет в себе общие правила, которые управляют принятием решений относительно конкретных обязанностей. Власть же есть механизм, регулирующий процесс реализации уже имеющихся обязательств. От конкретных прав авторитета можно отказаться, равно как и от конкретных прав собственности. Но *авторитет*, в отличие от собственности, не обращающееся средство, которое представляет собой институциональную матрицу функционирования власти (21).

Некоторые пределы политической и экономической специализации

Политические и экономические категории (в том значении, в каком они здесь употребляются) представляют собой обобщенные функциональные категории, которые на-

* Английский термин «авторитет» не соответствует русскому понятию, обозначаемому этим словом. В английском языке им обозначается власть, обладающая формальными правами.

сквозь пронизывают структуру социальной системы. Структуры с преобладанием как политических, так и экономических функций можно обнаружить на всех четырех уровнях институционализированной нормативной культуры. Их взаимопроникновение может принимать различные формы. Так, полностью дифференцированное выполнение профессиональной роли есть ролевая категория, в которой преобладает экономическое содержание, независимо от того, в каком функциональном контексте она в конечном счете используется. Это справедливо также и по отношению к контролю над другими средствами, осуществляемому, например, через собственность на физические средства потребления. Сказанное вытекает из того факта, что критерием экономической функции является наличие ресурсов, доступных через посредство рыночных каналов. Таким образом, данный ресурс (*труд*, как он обозначается в экономической теории) экономически дифференцирован, если существует развитый рынок труда. В структуре трудовых рынков неизбежно наличествуют, однако, разного рода ограничения, вызванные взаимопроникновением экономических и самых разных неэкономических факторов. Даже в сфере максимально доступных видов труда (например, в сфере *оперативных* обязанностей на сравнительно низких уровнях административной ответственности или технической квалификации) имеются существенные ограничения, проистекающие из участия должностного лица в родственных и прочих неэкономических коллективах. В обществе с высокой степенью дифференциации родство представляет собой один из тех пунктов, где функция сохранения образца распространяется на экономику. Как мы уже видели, подобного рода ограничения действуют в отношении физических средств потребления. Сходным же образом исполнительная роль в специфически-функциональных коллективах, будь то даже деловая фирма, наделена особыми чертами, поскольку в таких коллективах политический компонент этой роли выражен особенно ярко. Это во многом предопределяет тот факт, что при наборе персонала на подобные роли постоянно используются иные каналы, нежели рынок труда. Так, например, в семейной фирме известного рода ограничения не снимаются даже в том случае, когда руководство почти полностью *профессионализировано*. Одним из таких ограничений является *партикуляризация* набора на работу как извне, так и путем повышения в должности. Ни одна система набора персонала, полностью основанная на конкурсных экзаменах на замещение конкретных должностей, не была успешно институционализирована, очевидно, вследствие функциональной диффузности административной роли и того важного значения, которое имеют отношения между людьми на высших ступенях организации. Некоторого рода аналогию составляет здесь выбор руководства нуклеарной семьи посредством брака, т. е. на основе скорее *иррационального* механизма романтической любви, нежели рациональной оценки годности супругов для родительских целей. Как верховное руководство, так и семья представляют собой малые группы, члены которых должны быть весьма тесно связаны друг с другом на протяжении длительного периода времени.

Еще одно ограничение на рынке труда — набор на профессиональные роли. Главные организационные цели относятся здесь либо к интегративной функции, либо к функции сохранения образца. В этой области имеются два особенно значительных структурных отклонения от нормального коммерческого рынка — *скользящая шкала* и пожизненная должность (tenure). Они связаны с институтами типа привилегированной коммуникации и академической свободы, избавляющими исполнителя роли от некоторых воздействий со стороны неспециалистов, которые могут затруднить выполнение сложных и тонких функций.

Дифференциация экономической и политической функции друг от друга и от двух других осуществляется на уровне коллектива. Прежде всего, на функциональном уровне общества в целом имеет место дифференциация коллективов с преобладанием той или иной функции. В классе экономических явлений такая дифференциация ясно видна на примере деловой фирмы, которой присущ первичный критерий экономической функции — денежный успех, т. е. финансовый приходно-расходный баланс, независимо от того, связан ли он с доходом, действительно поступающим к внутренним *частновладельческим* элементам организации. Хозрасчетность обобществленного предприятия подчиняется этому критерию точно так же, как и доходность предприятия частного. В области политики такую диффе-

ренциацию удобно проиллюстрировать на примере административного правительственного органа (вследствие неизбежного наличия в нем рассмотренного выше элемента функциональной диффузности). Дифференциация политической функции максимальна, когда коллективное исполнение оценивается исключительно на основе критериев эффективности; степень такой исключительности является здесь основным показателем дифференциации. Основным же критерием эффективности является количество власти, генерированной коллективной единицей (т. е. полученная власть в сравнении с расходами на ее приобретение, сформулированными в терминах потерь и издержек лояльности, имевших место в ходе данного процесса). В дифференцированном обществе политический компонент имеется не только в коллективах, которые (в нашем смысле) являются в первую очередь политическими, но и в любом специализированном коллективе, где он, согласно нашей терминологии, сосредоточен в сфере *управления* или *руководства*. Во всех организациях большого масштаба политические функции отделяются от оперативных.

Как внеэкономические факторы накладывают ограничения на торгово-конкурентную структуру рынков, точно так же во многих коллективах имеются ограничения на примат политического фактора в их организации и ситуативных ориентациях. В случае деловой фирмы стандарт финансового успеха являет собой совокупность такого рода ограничивающих критериев. С одной стороны, он ограничивает стремление к *техническому* совершенству, противоставляя ему критерии финансовой прибыли (факт, важность которого не в состоянии понять технократы). С другой стороны, он накладывает известные ограничения на уместность и законность борьбы за политическую власть. И в том и в другом случае эти ограничения принимают форму институционализированных механизмов контроля, которые устанавливают ранговые порядки суждений, законным образом учитываемых в процессе принятия решения.

Другим примером взаимопроникновения политики и экономики может служить та всеобщность, с которой обладание соответствующими денежными фондами в обществе с высокоразвитой денежной экономикой становится необходимым условием эффективного функционирования — прежде всего в качестве механизма мобилизации физических средств и необходимых человеческих услуг. Основу различия между типами специализированных коллективов составляет значимость критерия денежного успеха: ожидается ли, что все денежные расходы будут уравновешены прибылями, извлеченными из операции, или для данной организации было бы разумным потерпеть убытки, с тем, чтобы возместить их путем применения особых мер, например, путем взимания налогов или за счет пожертвований. Примечательно, что в современных обществах либерального типа критерий финансовой независимости применяется прежде всего по отношению к коллективам двух классов — к деловым фирмам и к домашним хозяйствам.

Структура руководства и власти-авторитета в современном университете дает нам примеры ограничений, налагаемых на примат политического фактора внутри организации, аналогичных ограничениям на экономические функции в коллективах, не связанных с бизнесом. Ядро рабочего персонала составляют здесь высококвалифицированные технические специалисты, работающие в самых различных областях, концентрация контроля в руках верховного управления, типичная для фирм, занятых в области физического производства, здесь невозможна. Другими словами, внутри организации такого типа власть децентрализована в гораздо большей мере, нежели в деловой организации. Институт пожизненного звания важен и как модификация структуры трудового рынка, и как ограничение, налагаемое на административную власть внутри организации.

Функциональная дифференциация норм и ценностей

Тот же основной порядок функциональной дифференциации, который мы анализировали выше, имеет место на уровне дифференцированных норм. На социетальном уровне юридический комплекс институтов контракта, собственности и профессиональных ролей имеет прежде всего экономическое значение. Через посредство этих институтов он включает в себя институциональные нормы, управляющие деньгами и их использованием. Деньги есть неотъемлемый атрибут института контракта, поскольку, во-первых, контракты часто строятся с учетом финансовых соображений,

а также потому, что деньги представляют собой институционализированный символ — высшую санкцию в рамках того, что Дюркгейм называл *рестутативным правом* (restituve law). Деньги являются также вершиной системы собственности: денежная оценка других объектов и обратимость *реального* достояния в деньги — необходимые признаки любой современной системы собственности. Споры экономистов в социалистических странах вокруг расчетных единиц показывают, что деньги могут быть упразднены только в том случае, если будет изобретен их функциональный эквивалент; фактически в социалистической экономике не было ни одной серьезной попытки упразднения денег, каким бы разительным ни было отличие ее рыночной системы от системы свободного предпринимательства. Деньги отсутствуют только в примитивном Naturwirtschaft (натуральном хозяйстве). Такое общество не достигло еще достаточно высокого уровня дифференциации экономической функции. Наконец, деньги связаны с институционализацией профессии через институционализацию законности денежного вознаграждения за профессиональную деятельность.

Основные экономические институты, равно как и естественные различия между системными отношениями, в которые они включаются (т. е. независимо от того, какую роль — подчиненную или доминирующую — выполняет в этих системах экономическая функция), воплощены в формальной правовой системе. Так директора деловых корпораций юридически обязаны под угрозой ликвидации предприятия действовать так, чтобы сохранить финансовую платежеспособность; правительственные единицы юридически уполномочены устанавливать налоги, дабы иметь возможность выполнять свои функции; люди или организации, добровольно жертвующие на религиозные, благотворительные и воспитательные нужды коллективов, имеют юридическое право изымать эти свои пожертвования из суммы дохода, подлежащей обложению налогом. Подобные соображения применимы и к нормативной системе, управляющей политическими функциями как в правительственной, так и в разного рода иных системах. Примером может служить правительственная структура общества, предписывающая нормы, определяющие процедуру выбора правительственного руководства, природу и границы полномочий членов правительства при отправлении ими служебных обязанностей, а также формы, в которых они могут осуществлять свою власть законным образом. Закон содержит в себе сложную совокупность предписаний, касающихся норм, которые управляют руководством, авторитетом и властью в более частных коллективах, включая определение вариаций, допустимых в силу выполнения этими коллективами различных функций.

В американском законодательстве ярким примером такого рода может служить доктрина *общественного интереса*. По существу она проводит грань между двумя обширными категориями действий и тем самым между коллективами, их осуществляющими. В случае, когда эти действия являются *личным* делом коллектива, закон выполняет роль негативного регулятора. В этом случае закон предписывает соблюдение правил, удерживающих указанные действия в границах, которые не позволяют им наносить ущерб другим сторонам или каким-либо иным образом затрагивать общественные ценности. Если же, наоборот, действия совершаются в интересах общества, то те, кто их выполняет, одновременно пользуются льготами (например, правом бесплатного проезда) и принимают на себя обязательства (скажем, определяют стоимость проезда для остальной публики), невыполнимые без этих льгот. В сущности, в действиях, совершаемых в интересах общества, компонент социальной политической ответственности занимает, согласно определению, более значительное место, чем в действиях, не связанных с такими интересами. Обязательства, проистекающие из этой ответственности, должны выполняться: тот, кто берет их на себя, получает особые привилегии, материальные льготы и средства, необходимые для такого выполнения. Согласно закону, писаному и неписаному, каждый отдельный коллектив располагает своей *конституцией* или совокупностью норм, управляющих политическими функциями, необходимыми для его эффективного функционирования.

Дифференциация рассматриваемого типа применима также и к ценностям. Ценности не в состоянии контролировать действие посредством простой *эманации*. Их институционализация предполагает конкретизацию на целом ряде функциональных и ситуативных уровней. Ценности первич-

ной функциональной подсистемы общества, такой, как экономика или политика, образуют первый уровень спецификации по отношению к общим социетальным ценностям. Ясно, что речь идет здесь о спецификации по функции. Так, например, понятие экономической рациональности интерпретируется обычно как психологическое обобщение. У него, однако, имеется также четко выраженный нормативный аспект: на высшем нормативном уровне экономическая рациональность представляет собой центральную точку ценностной системы экономики как функциональной подсистемы общества.

Ни одно общество не может принять экономическую рациональность в качестве своей наиболее общей социетальной ценностной ориентации, хотя в ряду своих основных функций оно может поставить экономику на первое место. С эмпирической точки зрения экономическая рациональность должна оцениваться согласно своему месту и своим границам в отношении к социетальным ценностям более высокого уровня, к уровню структурной дифференциации данной системы и к ситуации, в которой находится данное общество. Но если на всех трех уровнях, расположенных ниже уровня ценностей, произошла структурная дифференциация единиц общества на основе примата экономической функции, отличительным признаком такой дифференциации является подчинение этих единиц общему экономическому стандарту, модифицированному в каждом отдельном случае в соответствии с собственными функциями единицы и ее положением внутри системы. Следовательно, несмотря на то, что коллективы могут и не быть специально ориентированы на выполнение экономической функции, в сфере контракта, денег, собственности и профессионального найма они могут все же институционализировать комплексы норм, в высшей степени обособленные от соображений неэкономического порядка. Например, институционализация земельной собственности делает землю гораздо более доступной в качестве экономического ресурса, чем это имело бы место в случае, если бы, скажем, не были институционализированы права отчуждения.

Подобные рассуждения имеют силу и на уровне коллектива. Экономические ценности и нормы в известной степени применимы ко всем коллективам в определенных аспектах их функционирования, независимо от того, имеет ли в них место примат экономической функции. Так, даже церковь, центральная функция которой весьма мало совместима с доминированием экономической функции, должна проявлять известную долю финансового благоразумия, иначе говоря, приобщаться к экономическим ценностям. Отличительным показателем преобладания экономической функции в любом коллективе является, однако, институционализация критерия денежного успеха в качестве высшей функциональной оценки. Это, однако, функциональная ценность, и ее конкретное содержание во всех случаях определяется институциональными изменениями на верхних уровнях и ситуационными изменениями на уровнях более низких. Так, деятельность фирмы, производящей сильнодействующие яды или огнестрельное оружие, регулируется, с тем чтобы оградить некомпетентных и несовершеннолетних граждан от вредных последствий, проистекающих от неумелого пользования подобной продукцией. Такая защита третьей стороны является одной из наиболее фундаментальных черт института контракта. Соответственно, фирма, торгующая пищевыми продуктами, будет приспосабливаться к капризам (возможно, к «интересам») своих клиентов, тогда как производитель силовых агрегатов для больших быстроходных судов этого делать не будет, вследствие той чрезвычайно важной роли, которую играют в этом последнем случае технические стандарты эффективного действия. Представители классической экономики были не так уж далеки от действительности, говоря о деньгах как о мериле ценности. Даже при наличии более высокого уровня социетальных ценностей и еще более высокого уровня культурных ценностей, уровень экономической рациональности не теряет своей подлинности и реальной достоверности (22).

Те же соображения относятся и к профессиональным ролям. Некоторые из этих ролей по своей функции являются в основном экономическими. Рост производительности является первичным критерием того, следует ли использовать ту или иную услугу. В экономически идеальных условиях эта производительность может быть отождествлена с вкладом, вносимым услугой в денежный успех организации, которая ею пользуется. Такие роли институционализируют экономическую рациональность в

качестве своей основной ценности. Для других ролей, например, для ролей профессиональных, она является подчиненной ценностью. Выбирая себе место работы, высококвалифицированный специалист при прочих равных условиях предпочитает, естественно, работу более выгодную в финансовом отношении; нанимающая же организация предлагает более высокую оплату тому, кто является для нее более желательным сотрудником. Но отсюда ни в коем случае не следует, что максимально высокий финансовый доход или финансовый вклад является ведущим критерием желательности как для нанимающего коллектива, так и для нанимаемого специалиста.

То, что справедливо в случае экономической рациональности как дифференцированной функциональной системы ценностей верно также и по отношению к другим функциям. В области политики центральным моментом ценностей системы является организационная эффективность либо с точки зрения самого социетального коллектива, либо с точки зрения любых законных целей, преследуемых субколлективами. Подобная эффективность (или власть, если речь идет о большой, например, *международной* системе) может представлять собой верховную функциональную ценность общества в целом, хотя она сама по себе не может служить социетальным ценностным образцом; узаконенное осуществление власти само нуждается в более высоком ценностном основании. Степень ценности, придаваемой власти, зависит, как это имеет место в экономике, от социетальной системы ценностей, а также от особенностей структурной дифференциации общества и его ситуации. Подобным же образом функционирование некоторых субколлективов внутри системы направляется преимущественно политическими ценностями, тогда как в других коллективах этот компонент играет подчиненную роль. В то время, как, скажем, правительственно-административный комитет может оцениваться прежде всего в политических терминах, этого нельзя сделать для университета или семьи. Ценности политической функции институционализируются на каждом из уровней структурной иерархии данного общества.

В случае интегративной системы соответствующие специализированные ценности ориентированы (внутри общественной системы ценностей) на достижение максимальной внутренней гармонии и отношений взаимной дополнительности между единицами данной системы. Такие интегративные ценности находят свое выражение в различных контекстах. В общем этическом контексте это выполнение своего долга по отношению к окружающим. Соответствующая политическая ценность указывает на особую роль коллективной лояльности и индивидуального самопожертвования. Имеется правовая заинтересованность в справедливом разрешении конфликтов, и наконец, озабоченность медика состоянием здоровья пациента. Общим для этих различных уровней выражения интегративных ценностей является то, что все они эксплицитно отвергают в качестве действенных критериев такие факторы, как эффективность единицы, власть или экономическая выгода.

Дифференциация функций сохранения образца и интеграции

Мы подробно рассмотрели отношения между экономической и политической функциями, с одной стороны, и социальной структурой на всех четырех уровнях — с другой, поскольку в традиции социальных наук они, как нам кажется, подвергались более адекватному анализу и пользуются большей известностью. Те же основные принципы отношений между структурой и функцией, между сегментацией, спецификацией и дифференциацией, применимы к функциям сохранения образца и интеграции, к взаимоотношениям соответствующих им структур между собой и со структурами экономическими и политическими. Мы ограничим настоящее рассмотрение очень кратким описанием главных компонентов структурного содержания этих двух функций.

Имеется два существенных замечания. Во-первых, общества будут различаться тем, насколько структуры с четко выраженным приматом этих функций дифференцировались от структур, функции которых более диффузны. Во-вторых, соответствующие структуры будут локализоваться на различных уровнях шкал сегментации и спецификации и не могут, таким образом, быть непосредственно взаимосопоставимыми.

В рамках схемы, основанной на различении теоретических проблем, связанных с анализом равновесия и структур-

ного изменения социальных систем, понятие сохранения образца как категория функциональная не предполагает эмпирической статичности описываемых им явлений. С аналитической точки зрения в эту категорию должна войти специализация как в области сохранения ценностей, так и в области их изменения.

Религия является одной из тех сфер деятельности, которые относятся сюда наиболее непосредственно. Религиозные ценности следует поместить в культурную, а не в социальную систему. Социетальные ценности находятся на более низком уровне общей спецификационной шкалы ценностных образцов, нежели религиозные. С принятой здесь аналитической точки зрения можно утверждать, что в основе всех социетальных ценностей лежат ценности религиозные. Однако структурные последствия этого обстоятельства могут варьироваться в широких пределах, в зависимости от природы конкретных религиозных и социальных систем.

Указывалось, что всеобщий социетальный коллектив является подчас также и религиозным коллективом, говоря словами Дюркгейма, «моральной общиной, обычно называемой церковью» (23). Часто дело все же обстоит не так, примером тому западное христианство вообще и, как более частный случай, современный плюрализм религиозных течений в той его форме, в какой он институционализирован в Соединенных Штатах. Имеется бесконечное множество церквей, каждая из которых представляет собой добровольную ассоциацию. Государство не является религиозным коллективом, и не существует такой церкви, которая претендовала бы (или которой разрешено было бы претендовать) на установление универсальной религиозной юрисдикции в масштабах общества в целом. Это, однако, не исключает институционализацию ценностей, производимых от общепринятых религиозных ориентаций. Более того, важная часть нормативной системы общества состоит из правил, управляющих поведением в религиозной сфере — имеются, например, положения конституции, предусматривающие отделение церкви от государства, а также институционализацию свободы вероисповедания и веротерпимости. Таким образом, плюрализм на уровне структуры коллективов и, более того, на ролевом уровне, где каждый индивид в определенных границах волен придерживаться своих собственных убеждений и взглядов, не означает, что институционализация религиозных ориентаций на уровнях норм и ценностей не имеет места. Эта идея представляет собой широко распространенную неверную интерпретацию того значения, в каком понятие *секуляризации* используется для описания американского общества.

Приобретя более специализированный и дифференцированный характер, институционализация религиозной ориентации стала функцией более разнообразных субколлективов на более низких уровнях социально-структурной шкалы сегментации и спецификации, чем тот, на котором находилась универсальная церковь старого типа. Однако этот процесс совпал с развитием более высоких уровней обобщений религиозных требований, предъявляемых нормальному участию в жизни общества. Например, социетальный *общий знаменатель* представляет собой значительно более широкое обобщение, нежели *общий знаменатель* средневекового католицизма. Можно сказать, было доказано, что подобное узкое и детально разработанное религиозное согласие не является необходимым условием стабильного ценностного согласия на социетальном уровне.

Другим первичным компонентом функции сохранения образца является то, что принято называть *социализацией*. В то время как религия концентрируется в первую очередь в культурной системе, социализация сосредотачивается в системе личностной. В ее основе лежит относительно малая продолжительность жизни индивида по сравнению с жизнью общества и вытекающая отсюда функциональная необходимость для общества ассимилировать новых членов, поступающих непрерывным потоком, прежде всего вновь рождающихся и биологически созревших. В этих условиях наиболее существенными являются императивы, требующие, с одной стороны, увязать процесс социализации с генетическими этапами развития личности, что осуществляется в основном посредством последовательной интернализации все более сложных и дифференцированных систем социальных объектов, и, с другой стороны, соответствующим образом интернализовать все более обобщенные образцы культуры.

Как правило, по крайней мере одна единица родства, нуклеарная семья, всегда играет важную роль, являясь первичным коллективным органом ранней социализации. В большинстве нецивилизованных обществ эта функция целиком ложится на диффузные родственные структуры. Однако в современных индустриальных обществах нуклеарная семья стала гораздо более дифференцированной (хоть и сохраняющей высокую степень сегментации) единицей, приспособленной для выполнения функций социализации и *регулирования напряжения*. В процессе дифференциации ее связи с более обширной родственной средой были сильно ослаблены, она структурно *изолировалась*, и большая часть других функций прежних родственных структур перешла к неродственным, а именно, к экономико-производственным единицам. Поскольку в создавшейся ситуации ее основные функции связаны с ранней, дошкольной социализацией, семья размещается на весьма низком уровне общности по шкале сохранения ценностных образцов, которые интернализуются в процессе социализации.

Все общества с более высокой степенью дифференциации выработали структуры, не являющиеся родственными и сгруппированные вокруг функций формального образования, в ходе которого личность интернализует образцы нормативной культуры, а также системы объектов, располагающиеся на верхних уровнях. В некоторых обществах развиты институты высшего образования, которые осуществляют влияние, чрезвычайно важное для субфункций функции сохранения образца, а именно, комбинирование высших уровней профессиональной подготовки с функциями модификации и разработки существенных сторон самой культурной традиции в процессе научно-исследовательской и научно-систематизаторской деятельности.

Результаты этой деятельности и культурной традиции связаны с ценностными образцами в рамках систем экзистенциальных убеждений: неэмпирических — типа религии и философии и эмпирических — типа науки, техники и идеологии, а также в области экспрессивной символизации, например, в области искусства. Здесь образуется еще один опорный пункт социетальной системы сохранения образца, теснейшим образом связанный с самыми высокими уровнями системы социализации. Экспрессивная символизация, которая достигает своего высшего уровня *универсальной* значимости в утонченных формах произведений искусства, включая сюда литературу, на нижних уровнях конкретизации состоит из различного рода вкусов и мод, образующих систему, в рамках которой осуществляется экспрессивная, т. е. нефункциональная активность (включая то, что обычно называют досугом).

По мере выделения этих функций из функционально диффузных структур приобретают силу те же основные императивы, которые были сформулированы при описании структур с экономическим или политическим приматом. Школьная система, так же как церковь и правительственный комитет, должна иметь институционализированное руководство и стандартную модель распределения полномочий, должна располагать доступом к мобильным ресурсам, должна приспосабливать свою деятельность к запросам потребителей. Это верно и по отношению к театральному предприятию или к художественной организации, нуждающимся в соответствующим образом специфицированных ценностях, в нормах, узаконенных этими ценностями, в коллективной организации и в институционализации разного рода ролей. Несмотря на то, что их первичные функции не являются ни экономическими, ни политическими, они не могут не иметь отношения к экономико-политическим функциональным требованиям, которые во всех случаях являются условиями успешной институционализации любой функции.

Структуры с приматом интегративной функции

Было выдвинуто предположение, что интегративная подсистема фокусируется вокруг правовой системы. В обществе современного западного типа она, в частности, находит свое выражение в деятельности кассационных судов, в их отношении к более обобщенным аспектам законодательства (с функциональной точки зрения, действительное законодательство — это в значительной своей части скорее принятие политических решений, а не установление обобщенных норм). Само по себе установление нормы не является функционально адекватным действием. Суды занимаются фундаментальными проблемами: интерпретацией, уточнением вопросов юрисдикции (т. е. при каких обстоятельствах применима не-

кая норма, а если применима, то к кому), а также проблемами санкций и принудительных мер, т. е. определением последствий подчинения или неподчинения норме со стороны того или иного лица. Центральной функцией судопроизводства является интерпретация, две другие функции являются ее субкатегориями.

Нормы, конечно, должны не только определяться и интепретироваться, но и реализоваться практически. В данном случае нас, однако, мало интересует исполнительная функция принуждения, которая относится скорее к достижению цели, чем к интеграции.

Первый императив системы норм — это императив внутренней непротиворечивости. Он представляет центральную проблему, решаемую функцией интерпретации, и (в системах с высокой степенью дифференциации) принадлежит чаще всего компетенции органов правосудия, хотя иногда применяются кодексы, специально разработанные и утвержденные в законодательном порядке. Во-вторых, нормы высших порядков подвергаются конкретизации при приложении к более низким уровням, где они могут направлять действие соответствующих структурных единиц, определяя условия их функционирования. Это касается, в частности, коллективных и ролевых уровней структуры и, таким образом, институционализации основных образцов, управляющих коллективами и ролями в политическом и экономическом отношении.

Другая главная функциональная проблема нормативной системы касается приспособительных процессов, возникающих вследствие того, что социальная система постоянно вовлечена во взаимодействие с изменяющейся средой и, конечно, в равной мере подвержена преобразованиям, берущим свое начало в эндогенных источниках. Эти приспособительные процессы влияют, естественно, на взаимоотношения единиц, значение которых для интеграции системы в целом заключается в их воздействии на содержание системы норм, на степень корформности по отношению к нормам, а также на мотивы, лежащие в основе такой конформности.

Имеется, по-видимому, три основных типа процессов приспособления. Один из них связан с сохранением регулятивных норм на достаточно высоком уровне общности, так, чтобы приспособление могло во многом зависеть от спонтанных, т. е. не предписанных действий самих единиц. Система норм аналогична некоему языку, в том смысле, что ее правила не *говорят* ничего конкретного, образуя в то же время схему, в рамках которой могут быть сказаны и поняты самые разнообразные вещи, когда этого потребуют обстоятельства. В каких-то отношениях (и не только в экономическом смысле) систему норм можно рассматривать как область, внутри которой допускается функционирование личных интересов. Этот *индивидуализм единицы* (скорее единицы, нежели личности, поскольку сказанное во многом относится к коллективу) не есть полная независимость от контроля со стороны институционализированных норм. Напротив, как это ясно показал Дюркгейм, высокие уровни *разумной свободы* могут быть достигнуты лишь через позитивную институционализацию, с помощью норм и санкций, обязывающих принимать на себя ответственность и пользоваться свободой в широких пределах. Такой индивидуализм можно, стало быть, назвать *институционализированным индивидуализмом*.

Второй фундаментальный процесс интегративного приспособления состоит в изменении содержания нормативных образцов. Интеграция призвана решать весьма ответственную задачу, направляя приспособительные акты на удовлетворение самых разнообразных функциональных потребностей, в то же время не ставя под угрозу стабильность системы норм более высокого уровня. Системе норм угрожает либо ригидность, либо такая гибкость, при которой адекватное определение ситуации становится либо невозможным, либо функционально непригодным. На высших уровнях этот процесс протекает в форме законодательных, судебных и административных постановлений и решений, а на уровне коллективов более низкого и частного порядков он принимает форму их функциональных эквивалентов.

Процесс третьего типа, за которым непосредственно следуют уже крупные структурные изменения, имеет место в областях, где другие два неэффективны. Эти два процесса существенным образом основываются на предположении, что подлежащая контролю действующая единица (будь то индивид в роли или коллектив), коль скоро она путем определения норм и санкций помещена в соответствующую ситуацию, будет действовать в этой ситуации жела-

тельным образом, не стремясь внести изменения в свою внутреннюю структуру. Процессы же социального контроля (в более узком социологическом смысле) воздействуют на *внутреннюю* систему единицы (в случае индивида, выполняющего некоторую роль, — на его мотивацию или чувства). Они не только облегчают или затрудняют достижение им желанных целей, но и меняют его желания. Поведение, подлежащее контролю, можно терминологически обозначить как *отклоняющееся* только в том случае, если оно рассматривается подобным образом.

Сложное общество институционализирует множество процессов социального контроля. Мы не будем здесь пытаться перечислить или классифицировать эти процессы. Тем не менее очевидно, что к данной категории относятся некоторые стороны религиозного обряда, в частности, те из них, которые связаны с подкреплением ценностных приверженностей в условиях, когда отклонение от нормы развивается и принимает угрожающий размах. Для социетального коллектива и для определения его целей такого рода значение имеют некоторые аспекты политической идеологии и ее причастность к определению политического курса. В процессе нормативного регулирования отношений, в частности, отношений, предполагающих наличие контракта в социологическом смысле этого слова, роль подобного механизма социального контроля выполняет частная юридическая практика в системе судопроизводства. Наконец, если дело касается способности индивида к выполнению роли, сходное значение имеет мотивационный аспект болезни и ее лечения, например, при психосоматических и ментальных заболеваниях.

Стратификация

Последним аспектом социальной структуры, имеющим преимущественно интегративное значение, является социальная стратификация, иными словами, упорядочение единиц системы на шкале относительного престижа. Чтобы оказывать положительное интегративное действие, оно должно служить адекватным выражением институционализированной системы ценностей. Иными словами, престиж отражает функциональный вклад в благосостояние общества. Центральным функциональным моментом позитивной институционализации шкалы престижа является, пожалуй, тенденция социетального дифференцирования создавать основы для поляризации конфликтующих интересов. Два наиболее очевидных основания такой поляризации суть политическая власть и богатство, т. е. контроль над более или менее обобщенными ресурсами. В данном случае институционализированная стратификация имеет своим центральным моментом узаконение дифференцированной власти и дифференцированного богатства, или, вообще говоря, доступа к ценным объектам и статусам.

Социальный класс является наиболее универсальным основанием стратификации. Этот термин обозначает дифференциальную оценку престижа различных категорий родственных единиц, дифференцированных согласно функциям их членов в социальной системе, их доступу к власти и богатству и по их *стилю жизни* (т. е. в соответствии с образцами экспрессивного символизма, связанными с их жизненными стандартами). Родство относится сюда постольку, поскольку сплоченность родственной единицы, включающей в себя, как правило, особей обоего пола и всех возрастов, на определенном уровне представляет собой центральный функциональный императив всякого общества, пусть даже многие частичные социальные системы способны функционировать и без такой сплоченности. Стало быть, определенные дифференцированные преимущества, как, например, более приличные условия существования и благоприятные возможности, доступные младшему поколению, должны принадлежать всем членам данной единицы, вне зависимости от того, в какой степени они *заработаны* индивидом. Так, жена и дети преуспевающего человека будут пользоваться доходами от его деятельности, независимо от своего собственного вклада в эту деятельность, — вопрос о такого рода вкладе не имеет никакого отношения к статусу семьи как единицы. Хотя степень классовой мобильности может быть различной, нет такого общества, которое в течение достаточно длительного периода времени функционировало бы без всякой дифференциации классового статуса. С эмпирической точки зрения классовая дифференциация в неодинаковой степени может быть связана с

классовым конфликтом. Главная же функция институционализации классового статуса состоит в минимизации классового конфликта; нередко, однако, эта минимизация осуществляется не слишком успешно.

Нет необходимости предполагать, что в любом случае мы должны иметь единую четкую шкалу рангов престижа для родственных единиц. Наличие в высшей степени обобщенного дифференциала престижа и власти между двумя основными классами есть общая черта ранних цивилизаций. Однако многочисленность групп, широко различающихся по функции, и соответствующая дифференциация форм и способов вознаграждения, характерные для более поздних обществ с более высокой степенью дифференциации, означает, что о единой шкале можно говорить лишь в очень широком и общем смысле. Группы, занимающие *верхнее* положение в различных функциональных категориях в весьма широких пределах не поддаются непосредственному сравнению. Так, в современном обществе трудно сравнить между собой престиж, которым пользуются соответственно ведущие бизнесмены, врачи, ученые и политики. Денежный доход — далеко не точная мера. Несомненно, однако, что в США очень немногие семейства с доходом ниже пяти тысяч долларов (получаемым главным кормильцем семьи в период расцвета его карьеры) могут быть отнесены к группам со сравнительно высоким престижем.

Все эти интегративные функции выполняются в рамках структурных построений, которые в тех же общих терминах необходимо проанализировать в применении к трем другим функциональным подсистемам. Каждое из таких построений включает свои собственные субценности на соответствующих уровнях спецификации, свои собственные нормы, коллективы, специализированные в конкретном направлении, и, наконец, роли, — короче, все, кроме стратификации, которая не может быть специализирована ни на коллективной, ни на ролевой основе. Каждое из них должно удовлетворять своим собственным функциональным предпосылкам, т. е. экономической и политической функциям, функциям сохранения образца и т. д. И во всем этом возможны структурные вариации в широком диапазоне.

III. Динамика социального равновесия

Предыдущее изложение может служить переходом к анализу динамических процессов и механизмов социальных систем, прежде всего в связи с проблемами равновесия внутри данной структурной схемы. В этой области методическая концептуализация развивалась куда медленнее, нежели в области структурной морфологии или функциональной категоризации. Стало быть, поскольку указанные проблемы занимают менее видное место в литературе того периода, который здесь представлен, их трактовка будет не столь полной, как трактовка других проблем. Необходимо, однако, уделить им определенное место, пусть даже просто внести их в повестку дня как дело, с которым социологическая теория еще не успела покончить, хотя в этом вопросе можно рассчитывать на большее.

Анализ динамического процесса на уровне сохранения равновесия должен сосредоточиться вокруг компонентов системы, принадлежащих к двум категориям. Первую из них составляют ресурсы, которые поступая в систему извне, проходят в своем движении сквозь эту систему различные фазы, на определенном этапе используясь (т. е. потребляясь) системой в процессе ее функционирования; некоторые *продукты* в конечном счете передаются затем в другие системы. Такой процесс можно рассматривать как процесс комбинирования различных ресурсов с целью перевода их в следующую фазу и, далее, как процесс непрекращающегося комбинирования результатов со все новыми и новыми факторами для последовательного получения все новых и новых фаз. Вторая категория охватывает типы механизмов, которые опосредствуют эти процессы порождения и использования ресурсов и регулируют их скорость, направленность и т. д. Деньги и власть, как мы их рассматривали, являются типичными примерами таких механизмов.

Социетальные ресурсы: категории входа и выхода

Для начала — несколько слов относительно проблемы ресурсов. К счастью для социологии, родственная ей дисциплина, экономика, разработала и усовершенствовала теоретическую модель указанного процесса комби-

нирования факторов, и эта модель может применяться к более общим проблемам. Мы имеем в виду теорию, касающуюся соединения факторов производства в целях производства товаров и доходов. В той ее версии, которая в наибольшей мере подходит для наших целей, имеется четыре фактора производства, а именно: земля, труд, капитал и организация.

Эти факторы производства занимают промежуточное положение в общем потоке, протекающем сквозь социальную систему и опосредствующем преобразование начальных социальных ресурсов в конечные социальные продукты. В экономике, которая представляет собой одну из четырех первичных функциональных подсистем общества, они составляют категорию входа. Стало быть, родственные им категории входа следует ввести для каждой из трех других первичных подсистем. Мы, кроме того, должны иметь возможность распространить тот же самый образец классификации и анализа на другие уровни, в частности, на социальную систему в целом и на единицы, находящиеся на более низких уровнях, чем первичная функциональная подсистема.

Попытаемся дать описание такого анализа для общества как системы. Ни один из начальных социальных входов не состоит ни из наличных физических объектов, ни из физического поведения организмов; то же можно сказать относительно конечных выходов. Социальная система есть система, контролирующая поведение, и через поведение — физическую среду. Ее начальными ресурсами являются факторы, обеспечивающие способность системы добиваться такого контроля, а также конечные последствия ее собственного функционирования для развития и (или) реализации этой способности. Там, где участвуют физические объекты и физическое поведение (а они участвуют всюду), объектом социологического анализа являются права и способы контроля над этими сущностями, а не эти сущности сами по себе. Так, в процессе экономического обмена, в котором фигурирует физический товар, из рук в руки переходит не сам товар, а права собственности на него. С аналитической точки зрения физическая передача имущества есть *технологический* процесс, не имеющий отношения к социальной системе.

К категории исходных ресурсов общества (а также других социальных систем на соответствующем уровне спецификации) следует отнести конечные продукты других подсистем общей системы действия, в том виде, в каком они попадают в данную социальную систему. Решающую роль для экономической теории играет тот факт, что земля представляет собой особый случай по отношению к трем другим факторам производства. Она обладает двумя особенностями: в процессе производства она не расходуется и не производится. Как следствие, ее общее количество в данной системе не есть функция от ее цены, хотя через посредство механизма рынка отдельные земельные участки могут находить себе разное применение и разных потребителей. Для того, чтобы экономика могла функционировать, следует рассматривать землю как исходный физический ресурс; в категорию исходных ресурсов войдет также институционализированная структура общества, в той мере, в какой она рассматривается для целей экономического анализа как исходно данная и отлично от других ресурсов используемая в производственных процессах.

В обществе, как в системе, аналогом земли является институционализированная нормативная культура, т. е. социальная структура, которая считается заданной для указанной системы в избранный отрезок времени. На внешнем нормативном уровне эта структура состоит из ценностей системы. Трактовка ценностей как аналога неизменной в своем количестве земли дает, таким образом, еще одну формулировку ранее введенного общеметодологического постулата: имеется некая совокупность теоретических проблем, касающихся динамики равновесного анализа, которые следует отличать от проблем, связанных с анализом структурного изменения. В той мере, в какой анализ ограничивается уровнем равновесия, институционализированная нормативная культура не потребляется в рассматриваемом процессе, а полагается заданной и устойчивой. Что же касается способов использования этих структурных компонентов в социальном процессе, то они находятся в функциональной зависимости от действия механизмов, которые влияют на использование также и других ресурсов.

Что представляют собой эти другие ресурсы? В соответствии с логикой нашей схемы их должно быть три. Это —

входы со стороны личности, со стороны поведенческого организма и со стороны культурной системы. Другой любопытный момент состоит в том, что ситуация социальной системы, т. е. то, что граничит с ее подсистемами достижения цели и адаптации, охватывает личностную и культурную системы (24), каждая из которых относится соответственно к одной из этих двух функциональных категорий. Граница же интегративной подсистемы, будучи наделена рядом особенностей, довольно неожиданно оказывается соотнесенной с поведенческим организмом.

Мы ориентировочно обозначаем категорию первичного входа из личностной системы как *способность социализации мотивационных склонностей*, которая, в конечном счете, проявляется в ролевых исполнениях. Вход из культурной системы можно назвать кодифицированной *информацией*, поскольку он обеспечивает культурную основу для решения эмпирических общественных задач. Когда этот вход конкретизируется и приводится в соответствие с мотивационными, оценочными и интегративными отношениями в системе, он становится полезным знанием. На социетальном уровне знание является базисной категорией в ряду категорий средств. Наконец, начальным входом из организма является та пластичность, которая посредством соответствующих процессов обучения может быть воплощена в образцы целесообразной реакции. Эти последние могут, в свою очередь, использоваться в процессе интегрированного социального взаимодействия. Решающее значение в этой связи имеют не дискретные единицы реакции, а реакции, объединенные в упорядоченные системы (25).

Что, далее, представляют собой категории выхода, аналогичные категории прибыли в экономической теории? Выходом, соответствующим входу в форме институционализированной нормативной структуры, является в общем случае сохранение этой структуры в нетронутом виде. Достаточно длительное протекание в сложной системе какого-нибудь существенно важного процесса может не сопровождаться структурными изменениями на каких-то более низких уровнях спецификации, сегментации и дифференциации этой системы, разве что в довольно редких предельных случаях. Поэтому в случае нормативной культуры основной выход подсистемы сохранения образца состоит в спецификации ценностной системы более высокого порядка применительно к функциональным и ситуативным требованиям более низких уровней, участвующих во вторичных процессах структурного изменения.

Интерпретируя значение трех других категорий выхода, следует помнить, что три оставшиеся подсистемы находят свое воплощение в человеке, за исключением культуры, которая может воплощаться и в неодушевленных физических объектах, а именно, в письменных документах. Следовательно, в каком-то смысле все эти три категории содержат психологические характеристики.

Если говорить аналитически, первичным выходом в личностную систему является удовлетворение или, наоборот, неудовлетворение стремлений. С точки зрения уравновешения личности как системы это означает установление стабильного отношения к структурно значимому ситуативному объекту или системе объектов. Партнеры по роли принимают участие в социальной структуре на базе взаимодействия через посредство исполнения своих ролей; соответствующим социальным объектом является при этом либо партнер по роли, либо коллектив. Этот выход соотносится, таким образом, с выходом в виде возможности социализации мотивационных склонностей. Можно сказать, что перспектива удовлетворения стремлений является решающим подкреплением для принятия дисциплинарных ограничений, требуемых социализацией.

Выходом из культурной системы, соответствующим информационному выходу, является установление культурного стандарта компетентности, которое является результатом квалифицированных действий. Это есть в сущности институционализация инструментально значимой культуры (в отличие от нормативной и экспрессивной). Такая институционализация распространяется, в свою очередь, на оперативные единицы общества (которыми в конечном счете являются лица, исполняющие социальные роли), и, таким образом, включает процесс спецификации по отношению к функциям, ситуациям и задачам, возникающим в процессе функционирования социальной системы. Это наводит на мысль, что институционализация и спецификация, выступающие в роли факторов структурного преобразования культурной традиции, суть продукты, т. е. выходы, соци-

альной системы. Рассматриваемый процесс есть процесс адаптации знания к социальным нуждам и его закрепление посредством эффективного использования.

Выходом из поведенческого организма, который соответствует выходу в виде целесообразной реакции, является упорядочение реакций на уровне поведения (в отличие от уровня психологии личности). Удовольствие, взятое, по крайней мере, в одном из своих значений, опосредствует этот выход в качестве подкрепления (26). Для людей первичная функция социальной системы состоит в порождении оптимальных ситуаций, рассчитанных на упорядоченную регуляцию поведенческих процессов посредством механизмов типа удовольствия. Эта функция состоит не только в том, чтобы доставлять удовольствие, но и в том, чтобы держать его под контролем, т. к. опыт подсказывает нам, что механизмы удовольствия, как, например, деньги, легко выходят из повиновения. Будучи регулятором, они, в свою очередь, нуждаются в регулировании (27).

Переработка ресурсов внутри системы

Перейдем теперь к очерку динамики *переработки ресурсов* внутри социальной системы; иначе говоря, посмотрим, что происходит между начальным входом и конечным выходом. Этот процесс можно разделить на три главные фазы: 1) порождение факторов, подлежащих использованию, или внутренних ресурсов; 2) размещение этих ресурсов и 3) их использование. Первая и третья фазы могут быть подвергнуты дальнейшему дроблению. В каждой фазе, а также в каждой относительно самостоятельной субфазе происходит комбинирование обобщенных ресурсов, полученных в предшествующей фазе, ведущее к известной совокупности модификаций, подготавливающих эти ресурсы к последующей фазе.

Пример: социализация мотивационной способности. Мотивация представляет собой удобную иллюстрацию ресурса, поскольку к настоящему моменту она достаточно хорошо изучена. На социальном уровне мотивация возникает первоначально как категория входа со стороны личностной системы. Главная фаза порождения может быть подразделена на три основные субфазы. Первая из них известна в психоаналитической теории как оральная фаза.

В этой фазе посредством идентификации с первичным объектом заботы (обычно с матерью) индивид строит систему *социализированной* мотивации, на базе которой сохранение постоянной связи с этим субъектом становится внешней целью возникающей личностной системы.

Следующая фаза охватывает период от разрешения задач оральной привязанности до преодоления эдипова комплекса. Затем происходит дифференциация первоначально интернализованного орально-материнского объекта, которая дает в результате личностную систему, состоящую из четырех первичных мотивационных подсистем, или потребностных диспозиций: адекватности, защищенности, конформности и обучения (28).

Соотношение этих подсистем у индивидов неодинаково; в частности, один из ведущих факторов, определяющих различия в этом соотношении, является идентификация половой роли, основы которой закладываются в период ранней социализации. Однако можно считать, что в общем виде этот структурный образец справедлив во всех случаях.

Указанные процессы дифференциации (и, следовательно, возрастание способности разрешать мотивационные задачи) не являются, очевидно, простой функцией от самопроизвольного созревания мотивационной способности: социализация этой способности зависит от комбинирования первоначальной способности с тремя другими компонентами на соответствующих уровнях спецификации. Первым компонентом являются компоненты ценностного образца; интернализованный к моменту преодоления эдипова комплекса, он и ложится в основу супер-эго. Второй компонент — социализующая информация, которая образует основу раннего познавательного развития ребенка. Третий компонент представляет собой соответствующим образом измеренные и конкретизированные вознаграждения в виде удовольствий, которые, вызывая ответные реакции со стороны организма, играют особо важную роль в формировании моторных навыков. В случае социализации эти вознаграждения связаны прежде всего с доэдиповым эротизмом, получившим широкую известность благодаря исследованиям Фрейда. Сила и, возможно, некоторые другие (качественные) вариации первоначальной мотивации, а также различия в соответствующих входах в форме цен-

ностных образцов, информации и стимулов удовольствия-неудовольствия объясняют различия в послеэдиповых личностных структурах.

Дело, однако, не ограничивается этими количественными факторами, действующими при созревании. В период, следующий непосредственно за эдиповым комплексом, мотивационная способность ребенка не дает ему возможности осуществить ролевую деятельность в сложных социальных системах, т. к. для выполнения того множества ролей, которые должен брать на себя взрослый человек, она все еще недостаточно дифференцирована. Первичная дифференциация, ведущая к развитию способности брать на себя выполнение многочисленных ролей, происходит в латентный и подростковый периоды. На этой стадии в *социализационную* подсистему общества из других подсистем продолжают поступать ценностные компоненты, информация и вознаграждение в виде удовольствия, однако этот вход осуществляется теперь на иных уровнях спецификации и качественной дифференциации, чем те, что имеют место в доэдиповых фазах. Примечательно, что в обществе современного нам типа информационный вход располагается преимущественно на более высоких уровнях обобщения, требуемого письменной культурой.

Конечным результатом социализации является личностная структура, которая, выдвигая на первый план ту или иную первичную ролевую категорию, способна одновременно играть разные роли: семейные (продолжение рода посредством брака и отцовства-материнства), профессиональные (занятость в функционально-специализированном коллективе), политические (участие в системе общественной ответственности), а также религиозные (участие в системе, ответственной за устойчивость ценностей данной системы).

Поступления трех других типов также подвергаются соответствующей *обработке*. Для ценностей точкой входа является высший социально значимый уровень обобщения данной ценностной системы, для информации — культурно модифицированная сумма знаний, которыми располагает данное общество, для фактора целесообразной реакции — *потенциал пластичности организмов*, составляющих общество. Эти четыре фактора располагаются на разных уровнях социетальной шкалы спецификации. Ценностные образцы и информация в той мере, в какой имеется в виду их участие в функционировании социальной системы, вводятся на высшем уровне общности, тогда как мотивация и целесообразная реакция являются с этой точки зрения наиболее специфическими компонентами. Эти факторы в каком-то смысле, касающемся системной соотнесенности их источников, тоже вводятся в весьма обобщенной форме, и для использования в социальной системе их нужно подвергнуть переопределению на соответствующих уровнях. Так, оперативно реализованы могут быть только ценности коллективного и ролевого уровней, только на ролевом уровне информация является *практической*, и только на ролевом уровне мотивация имеет значение для функционирования социальной системы. Как тут не вспомнить старый вопрос: «Какая польза от ребенка?»

Распределение ресурсов между оперативными единицами

Процесс порождения внутренних ресурсов сменяется процессом их распределения. Ресурсы распределяются между оперативными единицами системы, которые специализируются в их использовании.

И вновь на помощь нам приходит экономика, предоставляя в наше распоряжение типичный случай распределительного механизма — рынок. Тот продукт фазы порождения ресурсов, который экономист называет трудом, в его качестве одного из *факторов производства* можно определить как способность к фундаментальному исполнению профессиональных ролей. Это кульминация процесса социализации, его продукт, который вырабатывается в *развитых* обществах к моменту завершения индивидом своего формального образования. Важным и весьма употребительным понятием, выражающим идею обеспечения потенциальных трудовых услуг, является понятие рабочей силы. Такое понятие обеспечения, параллельное понятию *эффективного спроса*, с точки зрения экономиста, вполне отвечает своему назначению. Многие лица, владеющие навыками и другими способностями, достойными применения, остаются за пределами рабочей силы, поскольку до них не доходят предложения о найме; среди таких групп самую большую составляют, по-видимому, домашние хозяйки. Человек, вхо-

дящий в рабочую силу, либо нанят, либо ищет работу (допустим, с реальными шансами на успех).

Трудовой рынок представляет собой механизм, посредством которого устанавливается связь между организациями, использующими труд, и лицами, ищущими работу. На уровне рынка первичным непосредственно действующим фактором является сравнительное денежное вознаграждение. Механизм рынка делает возможным сравнительно *функциональное* распределение без необходимости в централизованных административных решениях.

Из приведенного выше описания процесса, порождающего трудовую способность, следует, что трудовой рынок питается не за счет недифференцированного потока, а за счет совокупности дифференцированных субпотоков. Имеется не один полностью интегрированный трудовой рынок, а множество рынков, частично объединенных друг с другом. Взаимная диффренциация этих последних зиждется на двух главных основаниях. Первым из них служит уровень способности — от неквалифицированного до самого высококвалифицированного труда, требующегося для выполнения специализированных функций или обязанностей. Второе основание — качественная сторона роли: если некто склонен заниматься медициной или наукой, то он вряд ли будет подыскивать себе роль в правительственной администрации. Качественная дифференциация касается прежде всего различных типов комбинирования (в той фазе процесса социализации, которая названа *обучением*) обобщенной способности действовать с другими факторами, определяющими специализированную способность — с функциональными ценностями, с информациией и с разного рода вознаграждениями в поведенческом смысле (29).

В отношении трудовых ресурсов самое близкое подобие *идеального рынка* экономиста относится к области сравнительно слабо дифференцированных способностей низкого уровня, где взаимозаменяемость единиц достигает максимума. По мере того, как способности становятся редкими и более дифференцированными, вмешиваются другие факторы, *искажающие* классический образец рынка (например, рынок для высокопрофессиональных услуг существенно отличается от модели, построенной по принципу конкуренции).

В обществах, достаточно высоко дифференцированных в политическом отношении, имеют место распределительные процессы, управляемые механизмом власти, который аналогичен рыночному. Способность к руководству есть ресурс, распределяемый через посредство такого рода каналов. Распределение способности к руководству предполагает параллельное организованное структурирование, которое делает ее эффективной, в случае, если она не фиксирована путем аскрипции. Один из наиболее детально проанализированных примеров способности к руководству мы имеем в случае организации как фактора производства. В качестве мобильного ресурса организация анализировалась, в частности, Шумпетером (как *предпринимательство*) и Барнардом (как *организационная ответственность*) (30).

В коллективах со специальной функцией руководящие роли приобретают свою персонифицированную способность к руководству через посредство рынка особого типа. В данном случае компоненты этого внутреннего ресурса срастаются с другим ресурсом — способностью к ролевому исполнению. В других случаях дело обстоит иначе. Например, при размещении политического руководства посредством процесса выборов голосование выступает как форма осуществления власти, позволяющая из общего числа претендентов на руководство избрать тех, кто берет на себя актуальную оперативную ответственность. В американской правительственной системе это правило действует как в исполнительной, так и в законодательной сфере, а также на уровнях федерации, штата и в местных масштабах. Подобные же процессы имеют место в бесчисленных демократических ассоциациях.

В условиях современных обществ с тоталитарным режимом (а также в некоторых субассоциациях в рамках демократических обществ) предоставление эффективных избирательных прав невозможно в силу наличия там однопартийной системы. Тем не менее эта единственная партия постоянно озабочена тем, чтобы, используя пропаганду и агитацию, доказать общественности законность своего избрания на руководство; если же, как это недавно случилось в Венгрии, ее притязания признаются незаконными, может разразиться всеобщий кризис.

Существенно здесь то, что способность к руководству порождается внутри общества посредством социализации индивидов и развития мобильных и легко приспосабливае-

мых потенциальных возможностей. Если же этот ресурс не закреплен аскриптивно за каким-либо конкретным видом использования, то должен существовать особый механизм, распределяющий этот ресурс между оперативными единицами, которые могут его использовать.

Подобные же процессы распределения имеют место и в случае других категорий внутренних социетальных ресурсов, как в случае ресурсов, которые производятся из ценностной системы посредством процессов спецификации, так и в случае тех ресурсов, которые порождаются интегративными требованиями системы, связанными в конечном счете с отношением между целесообразной реакцией и вознаграждением. С первым из них связано присвоение законности новым и преобразованным коллективным структурам и функциям — этот процесс имеет важное значение для быстро развивающихся обществ. Со вторым ресурсом связана рассмотренная выше функция социального контроля, а также проблема институциональной обязанности подчиняться обобщенным нормам. Этот второй ресурс является *мотивационным*, однако он действует на самых различных уровнях. В данном, равно как и в других случаях, мы имеем множество процессов, аналогичных рыночным.

Использование ресурсов

Следующей после размещения стадией естественной истории ресурса является стадия использования. Подобно порождению, использование можно подразделить на три фазы. Во-первых, непосредственным получателям единицы ресурса в ходе социетального распределения обычно является коллектив. Независимые профессиональные роли, вроде роли частнопрактикующего специалиста или свободного ремесленника, следует рассматривать как предельные случаи, в которых коллектив состоит из одного человека. Эта особенность становится все более явной по мере того, как ресурсы становятся более мобильными и все большая их часть используется в ходе деятельности по специализированным функциям. При этом имеется фундаментальное структурное различие между областью, где протекают процессы распределения ресурсов, например, рынком, и органом их использования, например, фирмой. Можно сказать, что указанное различие есть различие в степени строгости контроля. В ходе процесса распределения использующаяся единица участвует в конкурентной торговле ресурсом, нужным еще и другим подобным же единицам. Однажды распределенная, единица ресурса уже контролируется своим получателем, иногда вплоть до полного ее потребления. Такое полное потребление наиболее очевидно в случае физических предметов потребления, которые, не являясь единицами ресурсов социальной системы, представляют собой средства, контролируемые в интересах этой системы.

Использование является в сущности процессом последовательного принятия все более конкретизированных решений: с каждым шагом распределение условий, благоприятствующих действию, средств и обязанностей становится все более специфицированным. Наиболее широко эти стадии можно определить как стадии размещения по коллективам, ролям и задачам. В функцию коллектива входит определение того, что должно быть сделано; функция размещения по ролям состоит в том, чтобы определить, кем это должно быть сделано; на уровне же задач определяется, как это должно быть сделано.

Как и при порождении ресурсов, каждый шаг процесса использования (включая субшаги в рамках этого процесса) связан с комбинированием рассматриваемых единиц ресурса с другими единицами. Организация нанимает трудовые единицы через посредство трудовых рынков. Она обеспечивает организационную структуру, в рамках которой эти единицы могут эффективно функционировать (31). Она обеспечивает необходимые для этого условия, например, физические (кабинеты, лаборатории, библиотеки), приобретение которых не зависит от нанимаемого работника, хотя в некоторых случаях эти условия могут специально оговариваться. Организация может обеспечить фонды, которые он имеет право использовать (в рамках известных правил) для приобретения оборудования и найма персонала.

В ходе функционирования социальной системы наступает terminus af quem рассматриваемого процесса, т. е. момент окончательного выполнения задач. Этот момент может быть определен как точка, в которой дальнейшее присвоение общественных ресурсов не считалось бы более *разумным* в рамках данной частной задачи. Например, поддержка престарелого лица является институционализиро-

ванной социальной обязанностью. Однако с его смертью срок обязательства истекает, и задачи родственников, сотрудников здравоохранения и пр., связанные с этим лицом, являются выполненными, за исключением функции ритуала погребения, распоряжений относительно имущества и т. д. (32)

Специфическое содержание экономической схемы, используемой здесь в качестве аналитической модели, не может быть обобщено на случай всех основных социальных процессов; в качестве такового обобщения может, однако, выступать его логическая структура.

Различия проистекают здесь из двух источников. Один из них — спецификация ресурсов в ходе их продвижения внутри системы: используемая нами экономическая парадигма в наибольшей мере применима к наиболее общему уровню рыночного распределения. Второй источник — качественная дифференциация типов ресурсов. Из всех ресурсов нашей экономической парадигме очень близко соответствуют только денежные средства и орудия (33). Вслед за ними идут удобные для точного деления, достаточно долговечные и высокостандартизованные предметы потребления. Все формы трудовых услуг соответствуют экономической парадигме в еще меньшей степени; что же касается организации как фактора, то связь ее с парадигмой идеального рынка еще менее очевидна.

Спецификация ценностей, институционализация терпимости в процессах социального контроля и тому подобные факторы не могут быть куплены, хотя в известном смысле за них надо платить. Разрешение этого очевидного парадокса заключается в наличии независимых и в то же время взаимопроникающих подсистем социальной системы как с точки зрения ее динамики, так и с точки зрения ее структуры. Например, решение о найме конкретных профессиональных услуг связывает нанимателя и нанимаемого рыночным отношением особого рода, которое, помимо всего прочего, предполагает наличие денежной сделки. Однако установленному отношению могут сопутствовать еще и права и обязанности привилегированной коммуникации (как это, например, имеет место в отношениях между клиентом и его поверенным), которыми нельзя пренебречь и которые нельзя вычеркнуть из соглашения. Именно это имел в виду Дюркгейм, говоря о *недоговорных элементах договора* (34). Таким путем данное отношение ограждается как от денежного, так и от политического вмешательства; иначе говоря, для решения проблем, стоящих перед клиентом, используется неэкономический ресурс терпимости (permissiveness). Договор предполагает своего рода свободу: клиент волен производить выбор той информации, которую он собирается доверить своему поверенному, а этот последний имеет право как угодно реагировать на признания клиента, а также на то, что, как он подозревает, клиентом утаивается. Стало быть, указанное взаимодействие, хотя оно структурно аналогично рынку, по своему содержанию и функциональной значимости в системе фундаментально отличается от любого рынка.

Механизмы, контролирующие обработку ресурсов. Приведенный анализ процессов обработки ресурсов при движении их сквозь систему изложен достаточно полно; остается только добавить краткое описание механизмов, осуществляющих наиболее непосредственный контроль над этими процессами. Несколько более полную картину динамического процесса можно получить, лишь рассмотрев процессы поточного движения ресурсов в их связи с такими механизмами контроля.

Деньги

И в этом случае наиболее тщательно проанализированным механизмом оказывается экономический механизм денег. Как уже отмечалось, деньги не предмет потребления, а, в сущности, особая форма коммуникативного опосредствования в процессе циркуляции определенного рода ожиданий и обязательств. В этом своем качестве деньги характеризуются двухуровневой структурой, которую мы находим во всех языках: это система категоризирующих значений и система оперативных высказываний. Выражаясь языком экономистов-классиков, деньги — это одновременно и мера стоимости и средство обмена. В качестве меры стоимости они снабжают нас критериями экономической оценки путем спецификации общего стоимостного стандарта на уровне экономической функции. Они являются общим экономическим знаменателем множества товаров и услуг, рассматриваемых и как продукты, и как факторы производства: они, таким образом, используются далее в качестве стандарта

для экономически рационального размещения ресурсов. Такое использование денежных стандартов не предполагает, однако, передачи чего бы то ни было из рук в руки.

Однако в том случае, когда деньги функционируют как реальное средство обмена (когда мы имеем дело в реальными долларами, а не с денежными единицами), расходующая единица теряет, а получающая приобретает нечто имеющее ценность. Но технически это нечто не может использоваться, или потребляться: его можно применять лишь для контроля за распределением того, что экономисты называют *реальными* ресурсами и продуктами. Существенно здесь то обстоятельство, что наличие денег дает власть или способность добиться желаемого результата, не беря на себя конкретных обязательств ни по поводу направления затрат (т. е. обязательств относительно объекта купли-продажи или источника снабжения), ни по поводу времени покупки, ни по поводу цен. Деньги становятся, таким образом, существенно важным механизмом благодаря комбинации эффективности (покупательной способности) со свободой от предварительных обязательств. Расходование денег напоминает речевой акт: высказывание, коль скоро оно произнесено, ведет к некоторым последствиям; однако говорящий, владеющий языком и располагающий известными познаниями, которые он может сформулировать на этом языке, сохраняет за собой право сказать то, что ему хочется, пока акты произнесения не наложили на него тех или иных обязательств.

В качестве опосредствующего звена обмена деньги могут функционировать одним из двух основных способов — как средство или как вознаграждение. Как средство они являются обобщенной способностью распоряжаться более конкретными средствами; в качестве вознаграждения они представляют собой обобщенную меру ценности исполнения или множества исполнений, а также средство передачи некоей ценности (35).

Схема спроса и предложения, включающая деньги, будучи спецификацией общих свойств рыночного процесса, играет важную роль в описании всех процессов социальной системы. Когда эту парадигму применяют экономисты, они всегда формулируют функции предложения в терминах *реальных* активов, например, товаров, услуг, продуктов или факторов производства, тогда как функции спроса формулируются в денежных терминах. Указанную схему с полным правом можно отождествить со схемой исполнения санкции, применяемой для общего анализа действия, ибо спрос и предложение есть частный случай исполнения санкции. Денежный механизм, являясь механизмом контроля, занимает на шкале *обобщения — спецификации* более высокое положение, нежели ресурс, им контролируемый; в общих чертах это верно и для отношения *исполнение — санкция*.

Деньги представляют собой лишь один вид из целого ряда аналогичных механизмов, контролирующих комбинирование и распределение ресурсов в социальных системах; однако описанная логическая схема применима и к другим механизмам (например, к механизму политической власти).

Реальные обязательства

Экономисты обычно говорят о рыночной торговле так, как если бы она ограничивалась физическими средствами потребления и услугами. Такое представление является неполным, поскольку в нем опускается фактор прав распоряжения товарами и услугами, который составляет еще один механизм контроля над ресурсами, располагающийся на шкале спецификации ниже денег. То, что экономист называет *реальными ресурсами* и прибылью, не следует непосредственно отождествлять с этим уровнем. В случае услуг договор о найме устанавливает определенные взаимные права и обязанности между нанимателем (как правило, организацией) и нанимаемым (как правило, индивидом, берущим на себя некоторую роль). Однако до окончательного использования трудового ресурса как производственного фактора должен быть принят ряд специфицирующих решений. Сам по себе акт найма ограждает нанимающую единицу от покушения на ее права со стороны других единиц; он, кроме того, определяет обязательства, которые нанимаемый принимает на себя в рамках данной организации, а также обязательства, принятые нанимающей организацией в отношении заработной платы, типа требуемых работ, рабочего времени и т. д.

Оперативная работа выполняется в одной из технических подсистем нанимающей организации. Найм не является ни рабочим процессом, ни принятием конкретных обяза-

тельств по поводу участия в нем: это есть проникновение внутрь организации с целью вступления в ее члены. На практике отдельные ступени найма могут редуцироваться, однако каждая из них должна выявляться в аналитическом плане. В случае физических средств аналогию найму составляет приобретение имущественных прав.

Таким образом, институты профессиональной занятости и собственности структурно аналогичны деньгам. На институциональном уровне они представляют собой обобщенные нормы, управляющие распределением и использованием ресурсов. Однако в качестве *должностей* и имущественных прав на физические объекты они по своему характеру аналогичны деньгам как средству обмена. Стало быть, права на занимаемые должности и на предметы потребления переходят из рук в руки точно так же, как деньги. Обязанности, которые должность как таковая возлагает на своего исполнителя, характеризуются сравнительно низкими уровнями спецификации.

Более того, рынки и деньги невозможны, если распределение экономически значимых ресурсов в достаточной мере прочно связано с аскриптивной системой прав и обязанностей. Диффузность этих структур сопровождается рассеиванием имущественных прав и трудовых обязательств. Их сочетание, из которого возникают институты собственности и профессионального найма, является предпосылкой мобильности ресурсов, необходимой, в свою очередь, для создания системы широкого контроля за распределением через посредство рынков. Мы имеем здесь сложную иерархию. В этом процессе деньги могут контролировать лишь некоторые ступени (т. е. распределение ресурса между единицами, но не их эффективное использование внутри этих последних).

Механизмом, наиболее близко напоминающим деньги, является использование реальных обязательств. Эти обязательства действуют через манипулирование как правами собственности на физические объекты, так и правами нанимателя по отношению к лицам, нанятым на определенные роли в организации. В последнем случае полномочия руководства или администрации по отношению к персоналу, занятому в организации, аналогичны имущественным правам на физические объекты. Использование реальных обязательств — институционализированный механизм, который при заданных условиях наима обеспечивает руководству возможность принимать дальнейшие реалистические решения относительно конкретных способов использования ресурсов. В момент заключения договора о найме нет необходимости, чтобы договаривающиеся стороны знали, каково будет содержание конкретных решений, и заранее договаривались на этот счет. Поэтому в случае организационных полномочий, как и в случае собственности, действует все та же функциональная свобода от детализированных предварительных обязательств. Авторитет — это, таким образом, обобщенное средство, составляющее основу власти в том самом смысле, в каком собственность составляет основу денег.

На экономическом языке подобные способности использования (типичными случаями которых являются собственность и профессиональная роль) могут быть названы реальными обязательствами в том смысле, в каком экономист говорит о *реальном* в противовес денежному. В этом смысле распределение реальных обязательств контролируется денежным механизмом, в то время как сами эти обязательства образуют механизмы, управляющие процессами дальнейшей конкретизации способов использования ресурсов. Для ответа на вопрос о том, как происходит спецификация физических операций, составляющих процесс поведения, нужна по крайней мере одна промежуточная ступень.

Власть

Займемся теперь той ступенью, которая в иерархии механизмов контроля располагается над деньгами. Это вновь возвращает нас к проблеме власти, узловые моменты которой рассматриваются здесь с точки зрения их существования в рамках интересующей нас системы.

Мы могли бы начать с того факта, что в сложных обществах имеется разрыв (в структурном смысле) между функциональными императивами, которые определяют координирующие цели коллективов, и структурно институционализированными обязанностями единиц на насущно необходимых уровнях спецификации. Этот разрыв можно сравнить с разрывом, создаваемым разделением труда между рынками продуктов, с одной стороны, и рынками трудовых услуг — с другой. Если этот разрыв не устраняется

с помощью аскриптивных обязательств, между единицами, ответственными за власть, и единицами, от сотрудничества с которыми они зависят, могут заключаться конкретные *сделки* (аналогичные экономическому бартеру) относительно условий такого сотрудничества. Однако эти *сделки* резко ограничивают возможности гибкой ориентации в условиях изменяющейся ситуации. Большую гибкость, и стало быть эффективность, обеспечивает институционализация обобщенного механизма, предназначенного для структурирования и логитимизации ожиданий как с той, так и с другой стороны без излишне определенной предварительной спецификации детально разработанных прав и обязанностей. В аналитически обособленной политической области таким механизмом является власть. Когда речь идет о функции руководства, власть выступает как узаконенное право требовать — в институционализированных пределах — лояльного сотрудничества без предварительной спецификации содержания ожидаемых исполнений. В политической области это проявляется в форме прав принимать обязывающие решения; такие права институционализированы на соответствующих уровнях спецификации как руководство, авторитет и регулирование.

Те же соображения справедливы и для аналитически обособляемой категории *низов* (*followeship*). В негативном смысле институционализация власти ограждает общественные статусы от посторонних посягательств, а если это последнее им угрожает, действует против угрозы таким образом, чтобы не дать остаться в стороне лицам, наделенным полномочиями. Примером может служить институционализация гражданских прав, обеспечивающая доступ в суды, к законодательным и исполнительным властям. Позитивно определенная власть есть институционализация ожидания, что в известных пределах требованиям общества будет уделено серьезное внимание. Наиболее четкое формальное отражение это получило, например, в системе выборов.

В этом смысле *система власти*, как и рыночная система, является механизмом примирения неизбежных конфликтов в обширной сфере интересов, где власть, которой наделена каждая из сторон, должна приниматься во внимание партнером и где относительно стабильные *правила игры* удерживают конфликты в известных границах. Единицы, участвующие в таких конфликтах, можно отождествить с единицами, которые многие специалисты в области политических наук называют *группами интересов*. С определенной точки зрения в качестве выхода здесь всегда имеется того или иного рода компромисс. Эта ситуация аналогична рыночной, где продающий заинтересован в том, чтобы продать по более высокой цене, а покупающий в том, чтобы купить по более низкой, так что цена, на которой они сходятся, является компромиссом (за исключением какого-нибудь крайнего случая).

Мерой ценности в случае власти является понятие общественного интереса. Группы интересов, включая правительственные, никогда не довольствуются действиями на основе *неприкрытой власти*: они постоянно стремятся доказать законность своих притязаний с точки зрения общественного интереса. Как бы ни была далека от совершенства достигаемая при этом интеграция, ни в коем случае нельзя отрицать весомость этого понятия для нормально стабильной политической системы. В случае власти на уровне средств обмена не имеется такой институционализированной единицы, которую можно было бы сравнить в целом с денежной единицей. Впрочем, весьма четко определенной единицей является избирательный голос, фигурирующий на одном исключительно важном участке системы власти. Избирательный голос есть орудие, которым пользуются низы, участвуя в процессе обмена властью; впрочем, имеется еще немало других средств политического влияния. Руководство должно приобретать голоса, заверяя группы избирателей, что в будущем, вне зависимости от каких бы то ни было непредвиденных обстоятельств, руководители будут действовать способами, в достаточной мере приемлемыми для этих групп, но при этом не должно принимать на себя никаких конкретных недвусмысленных обязательств. В противном случае система была бы сведена к политическому бартеру; нечто подобное имеет место в экономике, когда условия контракта предполагают заранее оговоренное предоставление жилья нанимаемому и его семье.

В иерархии механизмов социетального контроля власть располагается выше денег. Они взаимосвязаны в том смысле, что денежные фонды могут быть средством достижения политической власти, тогда как лицо, наделенное властью, находится в положении, удобном для получения денег. Однако эта взаимосвязь не должна затемнять факт существования функционального иерархического порядка, проявляющегося, например, в правительственном контроле над денежной системой. Этот контроль необходим вследствие того, что в дифференцированном и в то же время целостном обществе может быть только один верховный коллектив и только одна система юридических норм. Еще одним показателем иерархической разобщенности власти и денег служит тот факт, что функционирование системы рынка зависит от основных нормативных условий, контролируемых больше правительственной системой, нежели разного рода *частными* группами интересов, участвующими в рыночных сделках.

Интегративная коммуникация

Для завершения картины можно высказать одно предварительное замечание по поводу еще одного класса механизмов, находящихся у самой вершины иерархии контроля. Этот класс составляют механизмы интегративной коммуникации, связанные с функциями социального контроля в его узкотехническом аспекте, которому мы уже уделили внимание в связи с вопросом о соотношении структуры и функции. Узловым моментом функционирования такого рода механизмов является мотивационная склонность единиц системы к выполнению институционализированных ожиданий.

Иерархия механизмов контроля получает таким образом следующий суммарный вид: реальные обязательства образуют институционализированную основу для регулирования процессов выполнения договорных обязательств, которые берут на себя единицы, входящие в данную социальную систему. Они определяют обобщенные ожидания, в пределах которых посредством авторитета (в оперативной подсистеме, а не на социетальном уровне), переговоров и т.п. может быть выработана спецификация трудовых обязательств, вознаграждений и т. д. Что же касается размещения ресурсов, то оперативная коллективная единица приобретает, как правило, лишь реальные обязательства участия в использовании их важнейших компонентов. Дальнейшая же спецификация обязанностей и ресурсов производится по мере возникновения новых ситуаций. Механизмом, наиболее непосредственно ведающим распределением реальных обязательств, является механизм денег (вводимый здесь, как и в случае социологического обобщения рыночных процессов, со всеми необходимыми уточнениями). Оперативный контроль за использованием этих обязательств не имеет отношения к денежному механизму. Действие денежного механизма распространяется на договорно обусловленную возможность использования обязательств, а также на обобщенные условия реализации этой возможности (учитывающие, в частности, факт конкуренции со стороны других единиц, также заинтересованных в их использовании). Здесь также необходимо принять во внимание проблемы узаконения целей действующих единиц на соответствующем уровне спецификации, плюс множество вопросов, связанных со структурированием ситуаций, в которых может протекать их деятельность. Политический процесс образует один из основных уровней такой спецификации целей и условий. В некоторых сферах политические власти могут, вследствие структурного слияния, брать на себя задачи специфицированного распределения, а также оперирования на уровне, расположенном ниже денежного. Так, например, повсеместно обстоит дело в области государственной обороны; в социалистическом обществе сфера такого слияния значительно более обширна.

В случае каждого из трех указанных процессов *интересы* рассматриваемых единиц могут считаться наперед заданными. Коль скоро имеется некоторая ситуация, включающая в себя нормативные предписания и связанные с ними санкции, единицы знают, чего они хотят, и можно ожидать, что они будут действовать в согласии со своими интересами. На еще более высоком уровне решения задач контроля такое допущение недействительно, и здесь возникает вопрос относительно механизмов, заставляющих индивидуальную и коллективную единицу принять институционализированное определение ситуации (36). Применение прямых негативных санкций может усиливать тенденции к отклонению;

если требуется, чтобы подчинение нормам было мотивировано, необходимо, не останавливаясь на уровне рациональных механизмов, преобразовать глубинную структуру, определяющую ориентацию данной единицы. Один из типичных случаев — механизм лечения, действие которого направлено на мотивированные компоненты заболевания, когда объектом является личность индивида. В других случаях, однако, объектом может быть коллектив, например, шайка правонарушителей, или даже релациональная система, не организованная формально как коллектив. За примером можно обратиться к практике гражданского права, где типична релациональная система, состоящая из тяжущихся сторон, их адвокатов и нормативной системы, представителем которой является суд. (Независимо от того, дошло ли дело до действительного обращения в суд, само существование судов играет важную регулирующую роль.) Некоторые аспекты нелегальной (partisan) политики, религиозного ритуала и некоторых других явлений также принадлежат к этой категории.

В подобных случаях механизмы контроля должны функционировать в ситуациях, огражденных от давлений со стороны нормальных систем санкций. Одним из таких институтов является привилегированная коммуникация. Другой пример мы находим в области религиозной обрядности, когда ситуация обряда определяется как некое исключение (сравните, например, заботу о родственниках умершего, личность которого объявлена священной). Терпимость по отношению к некоторой единице может обеспечить ей такую степень поддержки, на которую она в противном случае не могла бы рассчитывать; точнее, единице дозволяется иметь такие установки и совершать такие поступки, которые в отсутствии терпимости повлекли бы за собой *наказание* путем применения негативных санкций. В рамках этой обособленной сферы может функционировать особый процесс условного санкционирования поведения — до тех пор, пока образец, соответствующий общим институциональным ожиданиям, не устанавливается настолько прочно, что уже нет необходимости в особой терпимости и поддержке.

Данная совокупность механизмов обладает той же формальной структурой, что и другие, уже рассмотренные. До тех пор, пока эти механизмы функционируют эффективно, терпимость и поддержка не означают отказа от институционализированных ожиданий: наличие их оправдано особыми обстоятельствами, затрудняющими для данной единицы выполнение этих ожиданий или делающими его невозможным (потому, например, что индивид болен, или потому что какие-то две конфликтующие единицы не могут знать своих обязанностей до тех пор, пока эти последние не будут определены с помощью поверенных или посредством судебного решения). Таким образом, мера ценности относится сюда прямо и непосредственно. Циркулирование средств в виде информации (например, в виде интерпретаций) и вознаграждений (скажем, в виде оценочных санкций, особенно одобрений) подчиняются вполне определенным правилам. Более того, эти средства дефицитны: всякий хороший психиатр или судья знает, что интерпретации должны быть достаточно лаконичны. Просто «думать вслух», не взвешивая тщательно, какое воздействие может оказать сказанное на группу возможных участников тяжбы, — это не лучший способ лечения от болезни и ведения юридических дел.

Рассмотренная совокупность механизмов находится в данной иерархии на первом месте. К ним прибегают лишь в том случае, если не сработали другие механизмы: действительно, такая неудача является прямым указанием на потребность в них. Так, нетрудоспособность, вызванная болезнью, — первичный критерий потребности во врачебной помощи. Кроме того, с теоретической точки зрения механизмы этой категории находятся в высшей точке всего иерархического ряда: дальнейшее продвижение вверх приводит непосредственно к проблеме структурного изменения, т. е. к проблеме уже иного порядка. Это лишний раз доказывает необходимость теоретического ограничения, согласно которому структура системы, т. е. институционализированная нормативная культура, должна приниматься в качестве заданной.

Процесс сохранения равновесия (резюме)

Равновесные процессы социальной системы суть процессы взаимопроникновения, в котором участвуют две совокупности трансформируемых факторов, определяемые в структурных терминах данной системы. Первая совокупность объединяет в себе категории таких ресурсов, которые

на каждой стадии переработки внутри системы сочетаются с соответствующими дополнительными ресурсами. Продвижение всякого ресурса сквозь систему представляет собой спецификацию, в процессе которой принимаются решения о его размещении, а также о пропорциях его комбинирования с другими ресурсами. Другая совокупность этих трансформируемых факторов включает в себя механизмы, рассмотренные выше. С системной точки зрения *ресурсы* отличаются от механизмов тем, что все они, за исключением структурных ресурсов, таких, например, как земля, потребляются на каждой стадии. *Механизмы* же, будучи средствами контроля, расходуются и приобретаются только с точки зрения единицы, тогда как с точки зрения системы они циркулируют от одной единицы к другой, не потребляясь. Например, деньги не могут потребляться — они могут лишь менять владельца. Мы показали, что это справедливо также по отношению к реальным обязательствам, к власти и к интегративной коммуникации. Тот компонент структуры, в котором помещаются эти трансформируемые факторы, не подвержен ни потреблению, ни циркуляции.

Общезначимость иерархических взаимоотношений этих компонентов говорит о том, что социальную систему в целом и внутренне присущие ей процессы следует рассматривать по отношению к поведению единиц как сложную совокупность кибернетических контролирующих механизмов, т. е. не как систему с одним руководителем, а как сложный иерархический ряд руководителей-подчиненных. В таком широком смысле проблема динамики социальных систем не столько проблема трансформации энергии, сколько проблема переработки информации.

Анализ этих процессов находится в настоящее время на стадии элементарной разработки. Конструируются фундаментальные определения и классификации, а также некоторые существенно важные иерархические последовательности, как, например, спецификация многообразных комбинаций, потребность в которых возникает в каждой из фаз обработки ресурсов, а также широких количественных различий, создаваемых чрезвычайным разнообразием их комбинирования. Более того, коль скоро мы хотим произвести корректный анализ любого достаточно длительного этапа какого-нибудь процесса, протекающего в сложной системе, следует особо учесть эффект отображения этого этапа во всех остальных частях системы. Кроме того, необходимо принять во внимание факт обратного воздействия результатов анализа на его исходные пункты.

Можно назвать наиболее важные точки отсчета для каждого из аспектов данной проблемы. Это, например, комбинационные процессы, изучаемые экономической теорией, и их отношение к денежному механизму, процесс социализации в его отношении к социальной структуре, некоторые наиболее рельефные стороны системы власти, современные исследования по проблеме принятия решений в коллективе и, наконец, терапевтические знания. Но это всего лишь фрагменты, в лучшем случае лишь частично вплетенные в ткань подлинно систематического анализа. Важнейшим ведущим принципом разработки такого анализа является сама идея системы.

По своей сущности проблема систематизации морфологии живых (т. е. биологических, психологических, социальных и культурных) систем поддается решению легче, нежели проблема их динамики. (По этой причине первый из основных разделов настоящего очерка превосходит по объему второй. По той же причине число работ в области структурного анализа превосходит число работ в области анализа динамического.) Согласно нашей теоретической схеме, динамический анализ должен быть соотнесен с морфологическими предпосылками, в противном случае ему грозит полная дезориентация. Все эмпирическое подвержено изменениям, и мы не оспариваем истинность этой метафизической посылки. Она, однако, часто принимает вид научно несостоятельной доктрины, отрицающей обоснованность эвристического положения о необходимости структурного задания аналитических точек отсчета. Согласно указанной доктрине, принятие этого принципа якобы обязывает исследователя к отрицанию текучести материального мира. Однако, независимо от каких бы то ни было философских определений действительности, наука не фотографическое ее воспроизведение, а в высшей степени избирательный способ организованного ориентирования в ней. Собственно научная состоятельность этого способа зависит от того, достаточно ли стабильны устанавливаемые им структурные точки отсчета, в какой мере оправдывают они упрощение

динамических проблем, предпосылаемых строгому логическому анализу. С эмпирической точки зрения эти точки отсчета относительны, они могут изменяться с развитием науки. Категорическое утверждение, отвергающее любую структурную гипотезу как научно неприемлемую на том только основании, что все-де течет и все изменяется, отрицает самое законность существования науки. В любой науке (и, в частности, в социологии) понятие изменения имеет смысл лишь в том случае, когда говорят об изменении чего-то, что поддается определению, т. е. может быть описано в структурных терминах.

IV. Проблема структурного изменения

В соответствии с изложенной выше основной программой мы завершаем наш очерк анализом процессов структурного изменения в социальных системах. Процесс структурного изменения можно рассматривать как процесс, противоположный процессу уравновешивания. Это различие проводится по признаку сохранения — разрушения границы. Если есть граница, это означает, во-первых, что существует различие между состояниями феноменов, внутренних по отношению к системе, и феноменов, внешних по отношению к ней; это означает, во-вторых, что процесс, направленный на сохранение этого различия, отличается по типу от процесса, направленного на его устранение. Применяя эту идею к анализу социальных систем, следует иметь в виду, что их главные границы суть те, которые обращены к личности, организмам и культурным системам, а не те, что непосредственно отделяют их от физической среды.

Граница рассматривается, таким образом, как своего рода водораздел. Радиус защитного действия управленческих ресурсов системы ограничивается некоторой конечной совокупностью точек. За этими точками начинается, как правило, кумулятивный процесс изменения, порождающий состояния, все более отличающиеся от институционализированных образцов. Метафорический образ водораздела не позволяет, однако, продемонстрировать всю сложность последовательного ряда уровней контроля и, стало быть, границ между подсистемами внутри более обширных систем. Ранее рассмотренные механизмы связаны с динамическими аспектами организации такого иерархического ряда субграниц: если разрушена какая-нибудь граница, ресурсы внутри более обширной системы противодействуют скрытой тенденции к структурному изменению. В способности механизмов социального контроля (в узком смысле этого слова) обращать вспять кумулятивные процессы отклонения это проявляется наиболее ярко. Думается, что такое представление о сущности различия между процессами уравновешивания и структурного изменения неразрывно связано с представлением о социальной системе как о кибернетической системе управления поведением.

Как мы уже видели, процесс сохранения равновесия в системе с необходимостью предполагает структурное изменение ее подсистем. Жизнь индивида длится столь недолго, что конкретные ролевые единицы любой социальной системы социетального масштаба должны подвергаться через социализацию непрерывным структурным преобразованиям. Сказанное имеет самое непосредственное отношение к коллективам низшего порядка, типа нуклеарной семьи. Институциональные нормы, которыми определяется *семья* в каком-нибудь обществе или социальном секторе, могут оставаться стабильными в течение длительных периодов времени, однако реальная семья ни в коем случае не является таким коллективом. Посредством брака создаются все новые и новые семьи, которые проходят все стадии *семейного цикла* и исчезают, когда умирают родители и рассеиваются дети. Нечто подобное можно сказать и о некоторых других типах социетальных подсистем.

В рамках намеченной системы отсчета проблему структурного изменения можно разбить на следующие три рубрики: 1) источники тенденций к изменению; 2) воздействие этих тенденций на структурные компоненты, подверженные изменению, и возможные последствия такого воздействия; 3) возможные обобщения тенденций и типов изменения.

Источники структурного изменения

Источники структурного изменения могут быть либо экзогенными, либо эндогенными, либо комбинацией тех и других. Выше, подчеркивая нестабильность отношений между любой системой действия и ее окружением, каковое обстоятельство имеет важное значение для определе-

ния понятий цели и политической функции, мы делали упор на таком отношении. Между тем внутренние источники нестабильности некоего отношения могут порождаться внешними тенденциями к изменению.

Экзогенные источники изменения

Экзогенные источники социального структурного изменения заключены в тенденциях к изменению, эндогенных по отношению к организмам, личности и культурным системам, сочлененным с данной социальной системой. Наряду с другими сюда входят тенденции, действие которых проявляется в генетическом изменении отдельных человеческих организмов, а также в таких дистрибутивных изменениях возрастной структуры популяций, которые могут оказывать воздействие на поведение индивидов, влияя на исполнение социальных ролей и тем самым на социализационные возможности социальной системы. Изменения в физической среде наиболее прямо опосредствуются либо организмом (например, через восприятие), либо соответствующими аспектами культурной системы (в частности, техническими знаниями).

Одним из особенно важных типов экзогенного изменения является изменение, истоки которого лежат в других социальных системах. Для политически организованного общества роль других политически организованных обществ чрезвычайно существенна. Анализируя изменение общества в таком структурном контексте, необходимо подходить к нему как к единице, включенной в более обширную социальную систему. Даже в тех случаях, когда уровень целостности подобной системы сравнительно низок и хронические конфликты между ее субъединицами постоянно угрожают вылиться в военное столкновение, некоторый элемент более или менее институционализированного порядка управляет их взаимоотношениями — в противном случае понятия вроде *дипломатии* не имели бы смысла. Разумеется, взаимодействием между обществами опосредствуется любое экзогенное заимствование и рассеивание культуры.

Эндогенные источники: напряжения (strains)

Наиболее общим и употребительным термином для обозначения эндогенной тенденции к изменению является *напряжение*. Напряжение — это такое состояние отношения между двумя и более структурированными единицами (т. е. подсистемами системы), для которого характерна тенденция преобразования этого отношения в фактор, нарушающий равновесие на соответствующем участке системы. При достаточно сильном напряжении механизмы контроля не в состоянии поддерживать тот уровень согласованности с соответствующими нормативными ожиданиями, который необходим, чтобы предотвратить разрушение структуры. Напряжение есть тенденция к нарушению уравновешенного баланса входов — выходов между двумя и более единицами системы.

Напряжения могут ослабляться разными способами. Идеальным способом сохранения стабильности в системе является разрешение конфликтов, т. е. полное восстановление согласованности с нормативными ожиданиями, как бы полное выздоровление от мотивационного заболевания. Второй ослабляющий механизм — арест или изоляция. Его применение не ведет к полному восстановлению согласованности, однако помогает достичь некоторого компромисса, по условиям которого общество приемлет лишь известную часть нормального исполнения дефектной единицы, возлагая на другие единицы решение остающихся при этом задач. Иногда, правда, крайне трудно бывает обнаружить, что некоторой единице не удается полностью реализовать свои возможности, как это, например, имеет место в случае какого-нибудь физического недостатка (в отличие от болезни). Предельным случаем является здесь полное освобождение единицы от выполнения социальных функций.

Напряжение может ослабляться также путем изменения самой структуры. Особо выделив напряжение в отношениях между единицами (внутренняя нестабильность единиц анализируется обычно на следующем — более низком — уровне системной иерархии), мы можем определить структурное изменение как преобразование нормативной культуры, определяющей ожидания, которые управляют этими отношениями. Ясно, что на уровне системы такое изменение охватывает все единицы, находящиеся в напряженных отношениях. Этот целостный эмпирический процесс может вести также к изменению в структуре типичных единиц; его действие, однако, обнаруживается в первую очередь в изменениях релационистского образца. Например, хроническая нестабильность в структуре обычного рынка может ве-

сти к изменению норм, управляющих этим рынком; но если торгующие единицы изменят свою тактику, подчинив ее прежним нормам, это не будет структурным изменением данной системы. Основываясь на идеях инерции и иерархии контроля, мы можем сказать, что эндогенное изменение имеет место только в том случае, когда контролирующим механизмам более низкого порядка не удается сдержать факторы напряжения.

Факторы изменения

Рассматривая факторы структурного изменения, мы будем иметь в виду следующее весьма важное положение: само представление о системе взаимозависимых переменных, а также о единицах или частях системы предполагает неупорядоченность источников изменения с точки зрения их телеологической значимости. Это положение касается, в частности, давних разногласий по поводу сравнительной объяснительной значимости экономики, или заинтересованности, с одной стороны, и идей или ценностей — с другой. Логически эта проблема аналогична проблеме среды и наследственности. Мы полагаем, что если имеется некая совокупность *факторов*, источником изменения может быть как любой из них, так и все они вместе взятые. Сущность изменения зависит при этом от того, каким образом передается в системе начальный импульс, распространяемый посредством разного рода динамических процессов (см. раздел 3).

Чтобы избежать туманного эклектизма, следует добавить два других пункта. Во-первых, необходимо по возможности четко определить теоретическую природу тех факторов изменения, которым приписывается порождение начального импульса. В ходе исторического развития социальной мысли рельефно выделился целый ряд факторов, экзогенных с точки зрения теории социальных систем. Сюда входят факторы географической среды и биологической наследственности, а также фактор выдающихся личностей или *великих людей*, которые никогда не рассматривались просто как продукты общественной среды. Сюда же относится категория культурных объяснительных понятий, сформулированных в виде религиозных идей. Помимо всего прочего, эти экзогенные источники отличаются друг от друга по характеру своего воздействия на социальную систему.

Важным экзогенным источником изменения является численность народонаселения социальной системы. Едва ли не самый серьезный анализ этого источника содержится в работе Дюркгейма «Разделение труда», где он говорит об отношениях между *материальной* и *динамической* плотностью. Народонаселение частично зависит от процессов, протекающих в социальной системе, однако и его численность является в свою очередь детерминантой этих процессов (37).

Второй, смежный, пункт касается сущности иерархии контроля в социальных системах. Иногда трудно бывает определить силу воздействия; если же, наоборот, задано ее приблизительное значение, вероятность структурного изменения тем выше, чем выше та позиция в упорядоченной системе контроля, на которую приходится наиболее ощутимое воздействие. Этот принцип основывается на предположении, что устойчивые системы располагают механизмами поглощения довольно значительных внутренних напряжений. Вследствие этого эндогенные и экзогенные источники непостоянства, воздействующие на нижние уровни иерархии контроля, могут быть нейтрализованы, прежде чем структурные изменения распространятся на более высокие уровни. Отсюда следует, что решающим моментом проблемы изменения является стабильность ценностной системы.

Мы сталкиваемся здесь с проблемами, решить которые не так-то просто. Трудности проистекают из сложных способов взаимопроникновения социетальных подсистем, а также из чрезвычайной сложности тех воздействий, которые оказывают экзогенные факторы на каждую роль, коллективную норму и субценность. Так, исходя из общего анализа, коллективный компонент социальной структуры в обобщенной иерархии контроля занимает лишь третье место. Тем не менее всякое общество как целое должно быть организовано на уровне коллектива и объединять в себе функции достижения цели, интеграции и сохранения образца. Стало быть, какое-нибудь важное изменение в составе руководства всеобщего социетального коллектива может иметь гораздо более значительное влияние на нормы и ценности общества в

целом, чем изменение какой-либо ценности на уровне подсистем более низкого порядка. Не рекомендуется, таким образом, наивно пользоваться формулой: чем ближе к вершине иерархии контроля, тем сильнее преобразующее воздействие.

Воздействие преобразующих сил

Мы уже наметили главные черты нашего подхода к проблеме воздействия. Нарушение в системе может возникнуть от недостаточного или чрезмерного входа в какой-нибудь из ее точек. Это обобщение, касающееся вредоносного эффекта перенасыщений, является прямым следствием идеи равновесия. Находясь подчас в противоречии со здравым смыслом, оно тем не менее оказывается несомненно справедливым для целого ряда случаев социального взаимодействия. Одним из наиболее известных таких случаев является выявленное Кейнсом отношение между чрезмерной опекой и безработицей; известно также обобщение Дюркгейма по поводу позитивной корреляции между ростом экономического благосостояния и числом самоубийств; широко известен, наконец, патогенетический эффект чрезмерной материнской заботы. Для нас этот момент играет решающую роль. Стабильность любых двух социетальных подсистем, граничащих друг с другом в пределах некоторого общества, зависит от степени уравновешенности величин входа и выхода, которая может нарушаться как в ту, так и в другую сторону. Ясно, что эти соображения справедливы как для экзогенных, так и для эндогенных источников изменения.

Характер воздействия находится в функциональной зависимости по крайней мере от пяти переменных, описывающих сущность процесса изменения. 1. Масштабы нарушения, измеряемые не абсолютной цифрой, а отклонением величин входа и выхода от привычного стандарта, соответствующего условиям равновесия данной системы. 2. Отношение числа единиц системы, затронутых изменением, к общему числу единиц соответствующего уровня. 3. Стратегическая характеристика функционального вклада, который вносится в систему данной единицей. Например, неожиданная смерть 50 процентов неквалифицированных рабочих скажет иное воздействие, нежели смерть 50 процентов политических руководителей из числа тех 10 процентов, которые составляют политическую верхушку общества. 4. Чувствительность к нарушениям, проявляемая аналитически выделенными структурными компонентами данной системы. При условии равной стратегической значимости с наибольшей легкостью замещаются и восстанавливаются ролевые единицы, с меньшей — субколлективы, с еще меньшей — нормы, и с наименьшей — ценностные обязательства. Что же касается степени подверженности единиц преобразующему воздействию, то здесь они располагаются в обратном порядке: условия выполнения индивидуальных ролей подвержены воздействиям в наибольшей мере и готовы поэтому *уступить* в первую очередь, тогда как ценностные обязательства наименее доступны для каких бы то ни было воздействий, поскольку они не являются ни функционально, ни ситуативно специфическими. 5. Существует, наконец, степень сопротивляемости соответствующих частей системы воздействию преобразующих сил, т. е. уровень эффективности механизмов контроля. В очень устойчивой системе сравнительно сильное нарушение может не повлечь за собой коренных изменений; в неустойчивой же системе резкое изменение может быть вызвано гораздо менее сильным нарушением. Устойчивость системы есть характеристика, варьируемая как количественно, так и качественно.

Реальные преобразующие силы редко действуют в чистом виде, в полном согласии с дискретными аналитическими категориями — в эмпирическом плане их воздействие носит диффузный характер. Так, холодная война оказывает существенное воздействие на два уровня американского общества. Она, во-первых, влияет на национальную безопасность — это создает прежде всего политическую проблему. С тех пор как Соединенные Штаты не могут более полагаться в деле сохранения своей безопасности на некую устойчивую систему власти в Европе, как это имело место в XIX веке, холодная война является непосредственной причиной сохранения значительных вооруженных сил, а также стимулом для бурного роста военной техники, со всеми последствиями, которые вызывает внутри общества эта весьма необычная мирная ситуация. Кроме того, холодная война оказывает значительное воздействие на уровне ценностных обязательств и на наиболее обобщенном нормативном

уровне. Без этого *вызова со стороны коммунизма* (т. е. не просто вызова со стороны мощной вооруженной силы, а вызова, который оспаривает законность *американского образа жизни*) внешняя ситуация внушала бы гораздо менее серьезные опасения.

Между этими двумя компонентами имеется эмпирическая связь. Однако они различаются аналитически, и их соотносительная значимость может изменяться как функция от времени и от ситуации. Сравнительно серьезная военная угроза национальной безопасности, свободная от примеси идеологического фактора, в настоящее время причинила бы Соединенным Штатам куда меньше беспокойства, т. к. упомянутые внутренние изменения в обществе приводят к резкому как никогда падению устойчивости интегративного уровня. Стоящая перед нами проблема действительного принятия универсалистических ценностей отчетливо иллюстрируется, например, современными разногласиями по вопросу о сегрегации и десегрегации. Необходимо серьезно подумать о развитии социетальной политической ответственности как функции от внутреннего прогресса и изменившегося международного положения. Явления типа маккартизма можно понять лишь как проявление особой чувствительности к символическим отголоскам *коммунизма* (независимо от его реалистических угроз).

Аналитическое различение факторов в рамках схемы эмпирического варьирования дает возможность добиться большей точности в освещении вопросов воздействия. Так, технические процессы, связанные с физической средой, в корне отличаются по своей значимости от процессов функционального действия индивидов и коллективных субъединиц на основе их мотивационных склонностей. Предполагается, например, что в этом отношении в Америке не так давно имел место некий существенный сдвиг — по терминологии Рисмана, от *внутрь направленного* (*inner-directed*) к *направленному на другое* (*other-directed*) или *закат протестанской этики*, по терминологии Клакхон (38).

Обе интеграции предполагают уход от трудового сотрудничества в сферу личных интересов. Несмотря на то, что при обсуждении подобных проблем часто пользуются ценностной терминологией, данная проблема относится скорее к уровню мотивирования функционального вклада. Лежит ли в основе указанного явления некое изменение социетальной ценностной системы на более высоком уровне контроля — этот вопрос может быть вычленен здесь аналитически.

Согласно нашему определению, изменение в структуре социальной системы есть изменение в ее нормативной культуре. На самом общем уровне оно состоит в изменении высшей ценностной системы. Начиная с этого уровня, через посредство ряда дифференциаций, сегментаций и спецификаций изменение охватывает нормативную культуру подсистем все более низкого порядка, все более специфических как в функциональном, так и в ситуативном плане. В результате последовательного ряда спецификаций мы оказываемся в конце концов на уровне роли и, следовательно, на уровне психологической мотивации индивида. Я придерживаюсь того мнения, что всякое достаточно глубокое нарушение ведет к широкому распространению нарушений в сфере ролевой мотивации индивидов и при наличии необходимых условий приводит к структурным изменениям по крайней мере в этой области. Но ни широкое распространение симптомов, ни существенные структурные изменения мотивационных систем не означают, что преобразованию подверглись все уровни иерархии контроля, в том числе уровень высшей ценностной системы.

Рассматривая общую проблему воздействия, следует помнить, что любая структурно вычлененная подсистема общества никогда не бывает простой и полностью интегрированной. Кроме того, все эти различные подсистемы нашпигованы одними и теми же структурными компонентами, между тем даже минимальная целостность требует хоть какой-то согласованности между ценностями и нормами высоких и низких уровней спецификации и функциональной дифференциации. Подобные соображения помогают понять, почему процессы изменения часто протекают одновременно на нескольких уровнях системы, а влияния передаются в ней от одного уровня контроля к другому.

Характерным примером могут служить здесь современные слабо развитые общества. Если основным содержанием происходящих в них процессов мы полагаем экономическое развитие (т. е. индустриализацию), то внешнему (входному) ценностному воздействию подвергаются в первую очередь их политический и культурный уровни, которые в обыч-

ном аналитическом смысле не являются экономическими. В сфере политических и культурных воздействий главную роль играют связи слаборазвитых обществ с обществами, обладающими высокоразвитой экономикой.

Широкие волнения, не утихающие по сей день, направлены прежде всего на завоевание национальной независимости и власти, о чем свидетельствует острая чувствительность к негативному символу *империализм*. Думается, что эффект такого преобладания политических интересов распространяется далее по двум направлениям: в направлении экономического развития, выполняющего инструментальную роль по отношению к политической власти (а также роль символа коллективных достижений), и в направлении развития функциональных ценностных систем, связанных с политической властью и экономической производительностью. Эти высшие ценности все еще оказываются четко противопоставленными ценностям, занимающим аналогичное положение в обществах, используемых при этом в качестве моделей политического и экономического развития. Важным символическим выражением этого факта является повсеместно распространенное обвинение западных обществ в материализме. В то же время утверждается, что, например, Индия может каким-то образом овладеть всеми преимуществами развитой индустриализации, не заражаясь материалистическими ценностями западного мира. Далее, вопреки эксплицитному содержанию марксистской идеологии, часто высказывается утверждение, что коммунизм, вследствие своего коллективизма, менее материалистичен, нежели так называемый *капитализм*, хотя для коммунистических обществ в гораздо большей мере характерна исключительная заинтересованность в экономическом развитии, чем для какого бы то ни было капиталистического общества. Существенным моментом подобных утверждений является тенденция сохранить ценности самого высшего уровня, открывая в то же время дорогу радикальным изменениям на следующем уровне ценностной спецификации, т. е. на уровне основных функциональных подсистем (39).

Трудно представить, что это может не привести в конечном счете к радикальным напряжениям. Однако здесь имеется двойная идеологическая защита, поскольку политическое и экономическое развитие носит инструментальный характер, а скрытый конфликт преодолевается посредством символов типа *социализм*. Отсюда следует существенный аналитический вывод, согласно которому импульс, вызывающий радикальное преобразование нормативных уровней, вряд ли возможен в отсутствии по крайней мере двух категорий входа. Это, во-первых, реальная политическая неполноценность общества, подвергнутого воздействию, представленная символически как *колониальная зависимость*, во-вторых, наличие в его социальной среде некоей модели реорганизации, приемлемой с инструментальной точки зрения. Что же касается функциональных ценностей этой модели, то они поначалу могут приниматься частично, без особых последствий для высшего ценностного уровня данной системы (40).

Типы процессов структурного изменения

Следует наконец подумать о выделении более или менее существенных обобщенных типов процессов изменения, обнаруживаемых на структурном уровне. Институционализация нормативной культуры предполагает ее интернализацию личностными структурами членов данного коллектива, а это, в свою очередь, означает, что институционализация находит свое воплощение в иррациональных пластах мотивационной организации. Поэтому нельзя ограничивать воздействие на субъекта простой презентацией тех разумных преимуществ, которыми обладает данное определение внешней ситуации.

Отношение между нормативной культурой и личностью в рамках социальной структуры выражается фундаментальным противопоставлением интегративных механизмов двух типов. К первому типу относятся распределительные механизмы, которые, функционируя через посредство денег, власти и т.п., определяют соотношение преимуществ и неудобств в ситуации действующей единицы. Механизмы второго типа (например, интегративная коммуникация) воздействуют на мотивационное состояние единицы, определяя ее желания и оставляя в стороне вопрос о способах достижения желаемого.

Структурное изменение (в нашем смысле) может произойти лишь под воздействием напряжений, которые захватывают этот уровень системы поведенческого контроля.

Коль скоро напряжение имеет место, весь вопрос состоит в том, удастся ли преобразующему импульсу *перескочить водораздел* или он отступит, подчиняясь противоборствующему воздействию со стороны механизмов социального контроля.

На этом уровне напряжение всегда представлено целым рядом симптомов нарушения, отмеченных признаками психологической иррациональности. Эти признаки организуются по двухполюсным шкалам надежды и страха, *жаждущей мысли* и *тревоги*, отклоняясь от реалистического среднего значения либо в ту, либо в другую сторону. В психологическом плане это возвращает нас к амбивалентной структуре побуждения к отклонению, о которой упоминалось выше.

Направления такой положительно-отрицательной поляризации определяются в структурных терминах возможных отклонений (41). Наиболее важными переменными являются полярные признаки активность-пассивность, принудительное отчуждение — принудительное подчинение, которые дают различные типы бунтарства, ухода от жизни, *ритуализма* и принудительного исполнения. Другими словами, мы вступаем здесь в область фантастических представлений и утопического прожектерства об идеальных будущих и идеализированных прошлых состояниях, о безоблачном, ничем не омраченном существовании в условиях устойчивого статус-кво, а также об устранении источников беспокойства без радикального изменения старой структуры. Каждой точке шкалы надежд должны соответствовать определенные участки шкалы тревоги.

Этими мотивационными компонентами характеризуются симптомы любых нарушений в институционализированных социальных структурах. За какими символами они закрепляются — зависит от соответствующих системных отношений и ситуаций. На социетальном уровне утопический элемент нетрудно обнаружить в символе *коммунизм*, если понимать его как термин, обозначающий реально существующий тип общества; с другой стороны, укажем на какую-нибудь совершенную систему *свободного предпринимательства*. Социально регрессивная идеализация нереалистически воспринимаемого прошлого проявляется в таких символах, как, например, простой, неиспорченный *американизм* маккартистов или Volkgemeinschaft (народные общества) немецкого романтизма (особенно в его крайней нацистской версии). Такие символы, как *империализм*, *капитализм* и *коммунизм* концентрируют вокруг себя иррациональную тревогу и агрессивность.

Там, где нарушение сосредоточивается на некоторых других уровнях социальной системы, мы обнаруживаем уже иное символическое содержание. *Авторитаризм* и *конформизм* могут служить хорошим примером *тревожных* символов, широко распространенных в нашем обществе. Некоторые из такого рода иррациональных символов выполняют в социальных системах функции, аналогичные функциям психологических механизмов защиты. Эквиваленты замещения и проекции мы имеем в случаях, когда нарушение в какой-нибудь системе относят на счет экзогенных систем (в частности, на счет систем того же порядка), между тем как соответствующее побуждение во многом является результатом внутренних напряжений. В самом деле, замещение и/или проекция на личность продуктов внутреннего напряжения в социальной системе в значительной мере обусловливает, например, приписывание злой воли *правящим кругам*.

Процесс, который характеризуется только что схематически описанными структурными типами симптомов нарушения, может и не вести к изменениям в социальной структуре. Произойдет ли изменение — зависит от соотношения нарушающих и противоборствующих сил, т. е. от соотношения действий, совершаемых в ответ на нарушение, и ответных санкций, вызванных этими действиями в эндогенных и экзогенных источниках. Для того чтобы это положение не было тавтологией, его необходимо содержательно интерпретировать, определив сущность упомянутых действий и санкций, а также стратегическую значимость такого содержания с точки зрения равновесия системы.

Структурное изменение возможно лишь после того, как напряжение внутри институционализированной структуры достигнет определенного уровня. Источником напряжения может служить технический, экономический или политический уровень; если, однако, система столкнулась на этих уровнях с какими-то трудноразрешимыми задачами, сам по себе этот факт ни в коем случае не может исчерпывающе

объяснить структурное изменение. Чтобы получить такое объяснение, необходимо проследить, как отражаются эти напряжения на высших уровнях системы контроля.

Адекватное объяснение структурного изменения нельзя получить также на основе одной только силы напряжения, даже если уже достигнут институциональный уровень. Структурное изменение не единственное, во что может вылиться напряжение в системе. Напряжение может быть устранено работой механизмов контроля, которые в этом случае обеспечивают неприкосновенность структуры; оно может быть снято изоляцией нарушающих сил, ценой некоторых ухудшений в функционировании системы; и наконец, естественным следствием напряжения может оказаться полный распад системы.

Помимо обобщенного соотношения нарушающих и контролирующих действий по признаку силы-слабости можно выделить еще ряд факторов, в немалой мере способствующих структурному изменению. Сюда прежде всего входят следующие. 1. Механизмы, позволяющие преодолевать сопротивление, неизбежно оказываемое институционализированными структурными образцами (в частности, право) при отказе от них. Всесокрушающая мощь или политическое насилие могут создавать весьма сильные напряжения; однако в отсутствии такого рода механизмов они ведут лишь к сопротивлению — активному либо пассивному, пусть даже это сопротивление безнадежно с реалистической точки зрения (42). В случае эндогенного источника центральными факторами является соотношение положительных и отрицательных симптомов нарушения. Например, если перевес на стороне негативного компонента, институционализация нового образца будет сдерживаться тревогой и агрессивностью. 2. Положительные реакции на нарушение должны вступать в комбинации, несущие в себе адекватные конструктивные возможности. Компонент отчуждения должен быть достаточно сильным для того, чтобы побуждать к обособлению от прежних образцов. При этом, однако, он не должен быть столь тесно связан с негативными компонентами, чтобы побуждать к одному только разрушительному поведению. В то же время излишняя пассивность может привести лишь к капитуляции. 3. Структурное изменение предполагает наличие модели нового образца, подлежащего институционализации, которая может порождаться как эндогенными, так и экзогенными источниками. В ходе социализации ребенка его родители, старшие товарищи, учителя и т. д. выполняют функцию *ролевых моделей*. Их личности и действия воплощают при этом образцы ценностей и норм, которые должны быть интернализованы ребенком. Отсутствие такой модели исключает возможность социализации. 4. Система ответных санкций, вызванных поведением единиц в переходных фазах, должна осуществлять выборочное подкрепление, т. е. вознаграждать действия, соответствующие новой модели, и лишать вознаграждения все действия, совершаемые на основе старого образца. Кроме того, на протяжении известного периода времени эта система должна сохранять свою стройность и непротиворечивость, поскольку от нее зависит установление соответствий между ценностями единиц и их личными интересами, что представляет собой необходимое условие институционализации.

Социализация ребенка фактически представляет собой процесс структурного изменения, охватывающий известную совокупность структурных компонентов социальной системы, а именно, систему индивидуальных ролей. Следует отметить, что наша общая концепция во многом обязана своим происхождением этому частному случаю (43). Все, что относится к процессу социализации, можно распространить на следующий уровень. Из утверждения, согласно которому в процессе социализации ребенок интернализует новые роли, вытекает, что социальные системы, в которых осуществляется этот процесс (например, система мать-ребенок и нуклеарная семья), подвергаются структурным изменениям. Так, нуклеарная семья с одним ребенком в структурном смысле не является той же системой, что и семья с двумя детьми юношеского возраста и одним грудным младенцем, хотя с какой-то другой точки зрения она может оставаться той же самой семьей.

Впрочем, в качестве более общей иллюстрации социологического анализа больше подходят два других типа процессов структурного изменения, близких к социетальному уровню. Мы выбрали два процесса, в одном из которых *модель* является по преимуществу эндогенной по отношению к системе, а в другом — экзогенной. Первый из них оказы-

вает воздействие на уровень первичных функциональных подсистем. Его называют обычно процессом «структурной дифференциации». Второй процесс ведет к изменению ценностной системы на социетальном уровне.

Процесс обособления профессиональных ролей от родственных

В предшествующем изложении мы часто ссылались на относительную *функциональную диффузность* многих социальных структур. Процесс функциональной дифференциации представляет собой фундаментальный тип социального изменения, заключающий в себе идею эволюции таких структур. Его влияние на тип подсистемы заключает в себе нечто большее, нежели ее усложнение: от структурной дифференциации зависит, например, гибкость распределения ресурсов. Установление такой зависимости требует применения интегративных механизмов более высокого порядка, которые заменяют контроль, встроенный в диффузные структуры, более специализированным контролем через посредство рынков, систем власти и т. п.

Лучшим примером структурной дифференциации является, вероятно, дифференциация *идеальных* (см. ниже) профессиональных ролей, ранее встроенных в родственные структуры, которые пользовались при этом исключительными аскриптивными правами на услуги функционально эквивалентные этим ролям. На уровне ролевой структуры такое изменение означает распадение одной роли, выполнявшейся индивидом в одном только родственном коллективе (возможно, дифференцированном изнутри), на две роли в двух различных коллективах, т. е. в родственной группе и в нанимающей организации (44).

Первичной предпосылкой изменения является освобождение от прежнего образца (45). Иначе говоря, сохранение прежнего образа действий неизменно ведет к известным убыткам. Предположим, что эти убытки терпит индивид и его родственный коллектив. Они могут выражаться в ухудшении ранее ожидавшихся рыночных условий, а также в наличии новых соблазнительных возможностей, недоступных в рамках старой структуры. Такого рода ощутимый и продолжительный убыток вызовет в конечном счете те симптомы расстройства, о которых мы уже говорили.

Для предотвращения чрезмерной консолидации негативных компонентов в сфере ответных реакций на нарушение необходимо, чтобы в дополнение к убыткам, к которым ведет сохранение старого образца, имелся еще соответствующий уровень институционализированной терпимости и поддержки. Для того, чтобы раз и навсегда избавиться от устарелых традиций, нет необходимости в чересчур сильных воздействиях. Во время промышленной революции в Англии, как показал Смелсер, такая институционализированная терпимость распространялась на реальные возможности промышленной организации, в значительной мере сохранившиеся в рамках старой патриархальной системы, на компромиссные организационные модели, позволяющие хлопчатобумажным фабрикам использовать в качестве рабочих единиц целые семьи, и на ту значительную поддержку, которой пользовались ценности старого образа жизни со стороны *романтической* идеологии.

Следующая предпосылка структурного изменения состоит в демонстрации какой-нибудь позитивной модели, предлагающей новый порядок трудового сотрудничества, прежде всего на уровне непосредственной практической организации. Такая модель может, например, предусматривать организацию фабрик и предоставление должностей, что сулит рабочему и его домочадцам известные выгоды, т. е. различного рода вознаграждения, включая, помимо всего прочего, также и денежные. Однако все дело теперь в том, чтобы каким-то образом узаконить эту новую модель в терминах практических ценностей.

Смелсер указывает на особое значение того факта, что структурным изменениям ролевой организации рабочей силы в Англии конца XVIII столетия предшествовало (и некоторое время сопутствовало) заметное оживление протестантской религии, имевшее место в этом географическом районе земного шара и именно в той части человечества, которая населяла этот район. Согласно знаменитой гипотезе Вебера, протестанство узаконило как заботу человека о собственной выгоде, так и его более широкое эффективное участие в выполнении общественной инструментальной функции. Если говорить о более непосредственных факторах, то главным оправданием фабричной системы явилась возросшая производственная эффективность. В типичном для трудя-

щегося класса домашнем хозяйстве имелась и реальная перспектива иной организации труда, и возможность узаконения этого нового способа организации на основе прочно институционализированной религиозной традиции. Это преобразование, которое сказывалось прежде всего в неуклонном росте реальной заработной платы, явившемся, в свою очередь, прямым следствием высокой производительной мощности новой индустрии, непрерывно поддерживалось устойчивой системой особых санкций (46).

Итогом указанного процесса явилось объединение новой весьма обширной группы рабочей силы трудящегося класса в фабричную систему, окончательная дифференциация профессиональных ролей и их почти полное освобождение от функций семейного экономического производства. Труд в помещении фабрики с целью индивидуального заработка и подчинение прежде всего фабричной, а не родственной дисциплине — такова была характерная структурная черта этого итога. Смелсер показывает, что рабочего не так-то легко было прельстить заработком, более приличным по сравнению с тем, который ему могли бы предложить в разных других местах: сначала для этого надо было радикально преобразовать институциональную структуру родственной системы трудящегося класса.

Что касается структурных последствий рассматриваемого процесса в рамках более широкой социетальной модели, то здесь особо важная роль выполнялась эндогенными источниками изменения. Нет необходимости сомневаться в справедливости общераспространенного убеждения, согласно которому непосредственным импульсом изменений послужили механические изобретения. И все же внедрение этого импульса на уровнях, оказавших давление на структуру профессиональных ролей, было в основном делом предпринимателей (некоторые из них — Аркрайт, например — были также и изобретателями). Однако узаконение новых возможностей могло быть следствием соответствующей спецификации ценностной системы, к тому времени прочно институционализированной. Существенно то, что в этой системе рост экономической производительности оценивался как положительный фактор, и тем самым оправдывались радикальные нарушения институциональных структур более низкого уровня, которые открывали доступ к использованию этих новых возможностей. Узаконенные заботы о собственной выгоде представляют собой лишь один из компонентов более обширного комплекса, сконцентрированного вокруг оценки производительности.

Различие между процессом структурной дифференциации и процессом изменения ценностной системы общества относительно. В сложных обществах процессы дифференциации непрерывно протекают на сравнительно низких уровнях спецификации и сравнительно высоких уровнях структурной сегментации. Обособление профессиональных ролей от родственных следует, однако, отнести к числу процессов, отражающихся не только непосредственно на тех структурах, в которых они протекают, но и на структуре общества в целом. Ясно, что речь идет здесь о функции, выполнение которой принимает широкий размах в случае разделения труда и, следовательно, расширения рынков. Она выдвигает на первый план целый ряд новых проблем, касающихся института контракта и условий найма, включая предпосылки организации союзов крупного масштаба и коллективной купли-продажи, а также ряд других вопросов, связанных с положением трудящихся классов. Социальный процесс, равный по своим масштабам и по своей экономической значимости росту хлопчатобумажной текстильной промышленности в Англии вплоть приблизительно до 1840 года, не может не производить глубоких изменений в структуре общества. Неудивительно, что его возмущающий эффект складывался прежде всего из бурных коллизий в сфере национальной политики и из заметного *кипения* в области религии. В то же время эти изменения не были связаны с введением на национальном уровне какой-либо новой ценностной системы, т. к. основания протестантства закладывались в XVI и XVII столетиях; в тот же период определялось его место в системе английских национальных ценностей.

Изменение в социетальной ценностной системе

На высоком нормативном уровне можно выделить два основных типа структурного изменения. К первому, уже описанному, относятся изменения, в ходе которых центральный компонент новой модели проникает в общество извне. Как указывалось выше, такого рода изменения имеют место в современных малоразвитых обще-

ствах. В какой-то мере это распространяется на все случаи индустриализации, имевшие место после промышленной революции в Англии, включая индустриализацию Соединенных Штатов.

В принятии английской модели свободного предпринимательства Америка пошла дальше других стран, причем она внесла в эту модель некоторые важные уточнения. Это можно отнести в первую очередь за счет того, что в начале XIX века в нашей стране была прочно институционализирована ценностная система, в основном уходящая своими корнями в этику аскетической протестантской религии; кроме того, структурное место религии было твердо установлено конституционным отделением церкви от государства, которое подготовило почву для процветания сектантского плюрализма. Следовательно, английская модель не ставила перед американским обществом серьезных проблем, касающихся ценностной ориентации, т. к. оно было значительно ближе к исконной культуре аскетической ветви протестантства — важнейшего и самого непосредственного фактора индустриализации, — нежели Англия. В нашей стране сущность проблемы заключалась в процессе структурной дифференциации. В деле распространения индустриализации важную роль сыграли многие религиозные движения, в особенности движения возрожденческого толка, по своей сущности напоминающие методизм, распространявшийся на севере Англии в конце XVIII века.

В этом, вероятно, состоит одна из главных причин, по которой политические органы чаще всего оставались в стороне от процесса индустриализации, хотя в сравнении с Англией политические органы Соединенных Штатов выполняли более значительную роль — они, например, щедро субсидировали строительство железных дорог. В сущности, проблема того, как добиться всеобщего принятия функциональных ценностей, необходимых для индустриализации, не стояла здесь достаточно остро, как это имело место в малоразвитых районах и даже в большинстве стран континентальной Европы. Не так уже случаен, по-видимому, тот факт, что и Япония, и Советский Союз, несмотря на все их различие, прошли стадию индустриализации в условиях усиленного правительственного давления. В обоих случаях особое значение придавалось идеологическому оправданию необходимости этого для ценностных достижений. В Японии чрезвычайно важную роль сыграли националистические стороны религиозной традиции санто (47). В случае Советского Союза революционная мощь коммунистического движения была пересажена на почву русской социальной структуры, в которой всегда было ярко выражено преобладание государственных интересов над личными, гораздо ярче, чем это имеет место в большинстве стран Запада. Коммунистическая партия функционировала как основной орган идеологического воздействия. Пользуясь утопической концепцией коммунизма, она внедряла ценности, необходимые для принятия высоких обязательств, связанных с повышением экономической производительности, — ценности, которые, по-видимому, были сравнительно слабо развиты в дореволюционной России.

Сочетание настоятельной практической необходимости с отсутствием соответствующего ценностного обязательства на функциональном уровне — вот главная причина того, что в процессе индустриализации слаборазвитых стран столь значительную роль играют правительственные учреждения и *социализм* как идеологический символ. Даже непреклонный авторитаризм коммунистической организационной практики проявляет в данных обстоятельствах несвойственную для себя уступчивость, т. к. здесь наличествует одновременно и фактор настоятельной необходимости (кстати, не столь остро ощущаемый в нашем обществе), и — что, по-видимому, еще более важно — необходимость создать противовес тому упорному противодействию, которое встречает изменение привычных ценностей в условиях неизбежной при этом амбивалентной структуры (48). Преобразования, составляющие второй из основных типов социетальных ценностных изменений, имеют место в том случае, когда общество, не имея возможности получить культурную модель из экзогенных источников, вынуждено разрабатывать ее самостоятельно, как того требуют интересы его социальной системы. Именно к этой ситуации применима знаменитая категория харизматической инновации, принадлежащая Максу Веберу. В центре такого изменения должны находиться религиозные аспекты культурной системы. При этом наделяется иным значением общественная жизнь индивида и изменяется характер самого общества.

Сложный процесс общественного развития, предполагающий взаимодействие и взаимозависимость социальной и культурной системы, может привести к какому-нибудь культурному изменению, способному преобразовать ценности социетального уровня. Соображения, подобные тем, обзор которых содержится в подборке Вебера о классах, сословных группах и религии, имеют ко всему этому непосредственное отношение в той мере, в какой они касаются общества. Сюда также относятся вопросы, касающиеся системы действия в целом и воздействий на нее со стороны экзогенной среды. Особая роль, выполняемая при этом харизматической личностью, может потребовать решения специфических проблем персонологической теории, не сводимых ни к социологии, ни к области культуры.

Указанный процесс выражается в институционализации новых религиозных ценностей. Первый из возникающих здесь вопросов касается спецификации ценностей при переводе их с культурного уровня на уровень социальной системы, т. е. определения смысла данных культурных предпосылок для того типа общества, который признан желательным. Другая узловая проблема связана с процессами, посредством которых можно склонить стратегически наиболее важные элементы данной популяции к мотивационному подчинению этим ценностям, коль скоро в наличии имеется некоторая их совокупность. Иначе говоря, те элементы, которые призваны создать подъемную силу, необходимую для распространения институционализации ценностей на все существенно важные уровни спецификации и функционально дифференцированные области данного общества, должны быть социализированы в условиях по-новому определенной ситуации.

Уместно упомянуть здесь еще о некоторых моментах. Носители новых ценностей должны учреждаться каким-то таким образом, чтобы они могли быть вновь поглощены старой системой. Религиозные или полурелигиозные движения, церкви и т. д. должны быть структурно независимы от верховного политически организованного коллектива. Утвердившись, новые ценности могут быть институционализированы в светском обществе только в том случае, если их носители добьются решающего влияния на правящие элементы верховной политической системы — посредством ли превращения этих элементов, посредством ли их инфильтрации или революционным путем. В эпоху раннего средневековья церковь в Европе была главным средоточием ценностей, которые легли затем в основу деятельности современного западного общества. Развитие и укрепление этих ценностей происходило главным образом в рамках религиозных орденов. Этого бы не произошло, если бы церковь и ее ордена являлись попросту частью политической организации. Находясь в ином, более зависимом положении, церковь не сумела бы подчинить упорствующий политический свет столь значительному числу своих ценностей, как это имело место в период от Григория VII до Иннокентия III. Нельзя сказать, что при этом не наблюдалось довольно заметного взаимопроникновения политического и религиозного руководства; однако базисный принцип отделения церкви от государства, подвергаясь значительному напряжению, оставался в силе.

Этим, конечно, далеко не исчерпывается все, что можно было бы сказать и обсудить в связи с процессом социального изменения, требующего институционализации новых ценностей на социетальном уровне. Мы полагаем, однако, что наш анализ вполне достаточен для того, чтобы составить общее представление о природе этого процесса.

V. Заключение

Наш очерк, хоть он и может показаться слишком объемным по сравнению с решаемой им задачей, является, очевидно, лишь небольшим наброском, притом весьма предварительным по своему характеру. На данный период времени конкретный автор, пользуясь наиболее конструктивными с его собственной точки зрения методами, сформулировал в нем свои взгляды на некоторые сложные проблемы и научные задачи, которые так или иначе должны быть включены в анализ социальных систем. Постоянно проводится мысль, что социология — как теоретическая, так и эмпирическая — находится на ран-

ней ступени своего развития. Мы считаем поэтому, что всякому положению, сформулированному пусть даже схематически, представителем нашего поколения, самой его природой предназначено быть вытесненным каким-то другим положением, и притом в довольно-таки скором будущем. Любая другая точка зрения будет противоречить тому непреложному факту, что по природе своей наука — вещь развивающаяся: если она остановится в своем развитии и застрянет на какой-нибудь конкретной совокупности *доктрин*, она перестанет существовать как наука.

Мы убеждены в истинности этого утверждения. Оно не означает, как это иногда предполагается, что в социологической теории, равно как и в прочих науках, в отношении любого вопроса имеется бесконечное множество в равной мере законных позиций: это эклектизм, двойник крайнего культурного релятивизма, пересаженного в более обширную сферу социологии науки. Такого рода предпосылка прямо противоречила бы нашему твердому убеждению, что в сегодняшней социологии идет процесс кристаллизации и структурирования теоретических проблем, а также процесс кумулятивного развития аналитической мысли, направленной на их разрешение.

Предлагая настоящий теоретический разбор — по необходимости селективный и незавершенный, но лучший из всех, которые мы можем дать в настоящее время, — мы добросовестно пытались избегнуть Сциллы догматизма. Однако не менее опасной представляется нам Харибда того гуманного эклектизма, общепринятого в современных дискуссиях по крайней мере в качестве предпосылки, согласно которому в нашей области *все течет, все изменяется*, или *все дело вкуса* (*you pays your money and you takes your chouce*) и, стало быть, мы якобы не можем серьезно говорить о наличии у нас каких бы то ни было более или менее обобщенных квалификационных критериев теоретического совершенства (49).

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) С точки зрения автора, такой труд имел бы форму достаточно глубокого пересмотра его более ранней книги «Социальная система» («The Social Sistem», 1951), результаты которого составили бы книгу более объемную, нежели исходная (более 550 стр.).

(2) У меня самого это убеждение прочно утвердилось в ходе работы над трудом «Структура социального действия» («The Structure of Social Action»), упомянутым выше. Это исследование посвящено в первую очередь четырем наиболее видным деятелям в области теории социальных систем, принадлежавшим к поколению 1890–1915 годов — Альфреду Маршаллу, Вильфредо Парето, Эмилю Дюркгейму и Максу Веберу. Судя по вторичным литературным источникам, которые были доступны в тот период, они, казалось бы, придерживаются различных точек зрения: невозможно отыскать других четырех мыслителей, для которых дело обстояло бы иначе. Однако, тем не менее, возможно показать, что их основные концептуальные схемы пересекаются на базе общей системы отсчета, а на некоторых уровнях — на базе общей независимой теоретической схемы. Эта универсальная схема вышла за рамки их теоретических изысканий: пройдя дальнейшую существенную разработку, она заняла точно такое же центральное место в последующих исследованиях.

(3) В самом общем смысле социология должна была бы иметь отношение ко всем живым организмам, поскольку они взаимодействуют; однако для целей настоящего исследования нет необходимости выходить за рамки взаимодействия человеческих особей.

(4) В данном контексте термин *аналитический* ни в коем случае не может быть опущен. Всякое конкретное поведение есть поведение индивидов, и всякая теория взаимодействия неизбежно сталкивается с компонентами поведения индивидов. Но это совсем не то, что мы назвали выше *аналитически изолированным* индивидом. Некоторые версии эмпиристской методологии в психологии стремятся стереть это насущно важное различие, истолковывая психологию не как науку, рассматривающую аналитически определенного индивида или некую его подсистему, а как *науку о поведении*. Ясно, что подобная концепция обращает социологию в один из типов *прикладной психологии*.

(5) См. *Kroeber A.L., Parsons T.* The Concepts of Culture and Social System // American Sociological Review. Oct., 1958. (А.Л. Кребер, Т.Парсонс. Понятия культуры и социальной системы). См. русский перевод в данном сборнике.

(6) Это различие между организмом и личностью (аналитически определенными) не было включено в общий анализ систем действия, предложенный Парсонсом и Шилзом в работе «К вопросу об общей теории действия» (1951) («Toward a General Theory of Action»). Его ценность подчеркивалась в ходе последующей разработки. Наиболее полную формулировку этого различия содержит работа Парсонса «Подход к построению психологической теории с точки зрения теории действия» в кн. З.Коха «Курс научной психологии», т. III (*Koch S.* (ed.) Psychology: A Study of a Science, vol. III, N.Y., 1959).

(7) Этот взгляд получил свою наиболее полную разработку в труде «Экономика и общество» (Economy and Society). В связи с политикой он подвергается несколько более глубокому разбору в работе «Голосование» и равновесие американской политической системы», помещенной в сб.: Э.Бэрник и Дж.Бродбек, Поведение голосующего американца — см. «Техническое примечание» (*Burdick T., Brodbeck A.V.* American Voting Behavior. Glencoe, 1959).

(8) Кроме того, наш анализ, конечно, явно формируется в терминах действия, а не в терминах той физиологии, которой так увлекаются многие психологи-бихевиористы.

(9) Этот вопрос носит сугубо технический характер и не подлежит обсуждению в данной работе. Мы, однако, будем считать, что социальная система в аналитическом смысле не связана с физической средой непосредственным и прямым взаимодействием типа вход-выход: всякое такое взаимодействие, которое играет решающую роль с эмпирической точки зрения, опосредствовано *поведенческим организмом*.

(10) Когда мы говорим, что образец системы имеет тенденцию оставаться постоянным, мы вкладываем в это утверждение аналитический смысл. Выходы в окружающие системы не нуждаются в сохранении постоянства в этом смысле, и их изменения могут нарушать отношение к окружающей системе. Так, научное исследование, будучи стабильно институционализировано в структурном смысле, может тем не менее длительное время служить источником нового знания, выход которого является динамическим фактором взаимообмена системы с ее ситуацией.

(11) См. статью *Parsons T.* McCarthyism and American Social Tension // Yale Review. Winter, 1955. (Т.Парсонс. Маккартизм и социальное напряжение в Америке, сб. «Структура и процесс в современном обществе»).

(12) Следует отметить, что приводимая выше формулировка функции адаптации тщательно избегает каких-либо выражений, связанных с представлениями о центральной роли *пассивного* приспособления в понятии адаптации. Адаптация соотносится с ценностями и целями системы. «Хорошая адаптация» может состоять либо в пассивном принятии условий при минимизации риска, либо в активном овладении условиями. Включение активного овладения в понятие адаптации является одной из наиболее важных тенденций в развитии биологической теории последних лет. Следует упомянуть о существенной связи между функциональными категориями достижения цели и адаптации, с одной стороны, и старыми категориями целей и средств — с другой. Можно сказать, что важное различение целей и средств является частным случаем более общего различия функций достижения цели и адаптации в применении к личностной системе. Пытаясь втиснуть в эти рамки анализ социального поведения, утилитарная теория совершила два промаха: она, во-первых, сузила его до масштабов личности (прежде всего отрицая за социальными системами самостоятельное аналитическое значение), и, во-вторых, не обратила внимание на самостоятельное значение функций сохранения образца и интеграции самих социальных систем.

(13) Важное значение адаптивной гибкости для функционирования семьи как системы хорошо проиллюстрировано в исследовании Роберта Энджелла «Семья и экономический кризис» (*Angell R.* The Family Encounters the Depression. N.Y.: Chas. Scribner's Sons, 1936).

(14) Согласно этому критерию, система вроде католической церкви обществом не является. Она, очевидно, переплетается, выходя одновременно за их рамки, с целым рядом различных обществ, в которых ее ценности институционализированы более или менее полно и которые включают в свой состав коллективы, являющиеся ее ячейками. Однако церковь, будучи в первую очередь культурно ориентированной социальной системой, сама по себе способна удовлетворять не слишком большому числу функциональных требований общества — это касается главным образом политических и экономических потребностей. Подобным же образом даже *мировое правительство* (если, конечно, подобное когда-либо будет иметь место в действительности) само по себе не обязательно должно составлять *мировое общество*, хотя для его эф-

фективности понадобится такой уровень нормативной интеграции, который сделает проблематичным сохранение достаточно высокой изолированности, традиционно ассоциируемой нами с понятием *национального общества*.

(15) Ср. *Parsons T.* The Principal Structures of Community / Friederich C.J. Ed. Community. Nomos, vol. 2, 1959, а также *Parsons T.* Structure and Process in Modern Societies, ch. 8. Free Press, 1959 (Т.Парсонс. Структура и процесс в современных обществах. 1959. гл. 8).

(16) Нелишне было бы отметить, что, допуская детерминирование институционализированных ценностей органами, не полностью им контролируемыми, верховный политический коллектив идет на определенный риск. Поэтому сравнительно полная институционализация любого явления, подобного отделению церкви от государства, указывает, по-видимому, на то, что институционализация ценностей завершена. Факты тоталитарного режима, имеющие место в наши дни, можно отчасти понять как проявление надежности такой институционализации. Тоталитарные партии, следовательно, функционально эквивалентны *церквям*, хоть они и могут сконцентрировать свои ценности на некотором нетрансцендентальном уровне — например, на так называемом *экономическом*. Все это имеет целью установить определенное отношение к правительству, типичное для менее дифференцированного состояния верховного коллектива, нежели то, которое характерно для современного Запада.

(17) Например, услуги органов, взимающих налог, часто приходятся не по душе их *потребителям* — налогоплательщикам; тем не менее они в институциональном плане регулируются точно так же, как отношения между продавцами и покупателями на обычном коммерческом рынке.

(18) Земля представляет собой особый предельный случай как вследствие того, что она не производится, так и потому, что местонахождение каждого данного ее участка фиксировано раз и навсегда.

(19) Весьма специализированные рынки типа Нью-йоркской фондовой биржи, где доступ ограничивается особыми группами *профессионалов*, не составляют в действительности исключения из этого правила.

(20) В обоих случаях важно не путать неравномерность как характеристику одних только *потребляющих* единиц с неравномерностью, характерной для общества в целом. Даже социалистическое общество, вводя абсолютную равномерность дохода для всех хозяйственных единиц, возлагает эффективный контроль над большей частью экономических ресурсов общества на свои специализированные органы производства. Подобным же образом в условиях *совершенного* демократического строя все взрослые граждане в равной мере могут быть наделены властью воздействовать на выбор руководства и на весьма обобщенные пункты правительственного курса. Однако, когда речь идет об оперативной стороне коллективной деятельности, контроль над властью должен быть по возможности сосредоточен в руках организаций и руководящих единиц, несущих особую ответственность за выполнение политической функции. В противном случае нельзя было бы говорить о дифференциации политической функции.

21) Эти рассуждения показывают, что голосование есть, в буквальном смысле, осуществление власти, основывающееся на институционализации авторитета избирателей. Иначе говоря, после того, как каждый избиратель зарегистрировал свое собственное решение на избирательном пункте, сложный итог полученного множества индивидуальных решений налагает институциональные обязательства на коллектив в целом. Развязка наиболее драматична в том случае, когда выборы завершаются сменой состава администрации, так что группа должностных лиц должна освободить свои учреждения для членов оппозиции. Если принять во внимание те средства, которые находятся в руках правительства, то становится ясно, что связано это с весьма чувствительным самоотречением, в особенности когда указанная группа должностных лиц убеждена, как это часто бывает, что члены оппозиции чуть ли не негодяи. Можно понять те колоссальные трудности, которые были преодолены в процессе институционализации данного образца.

(22) Для социолога критерием подлинной ценности не может быть ее *абсолютность*. В социальной и культурной системах, в соответствии с нашим анализом, должны наличествовать иерархические ряды ценностей, каждая из которых определяется своим местом в иерархии. Система, управляемая единственной, единичной, абсолютной ценностью, представляет собой предельный случай; такая система *не от мира сего* в прямом смысле слова.

(23) *Durkheim E.* Elementary Forms of the Religious Life. Introduction (Э.Дюркгейм. Элементарные формы религиозной жизни. Введение, 1926).

(24) Здесь мы не имеем возможности останавливаться на этом положении более подробно. Читатель, который интересуется его следствиями, может обратиться к работе Парсонса и Смелсера «Экономика и общество» (*Parsons T. Smelser.* Economy and Society, в особ. гл. II). В этом исследовании анализировалась, однако, не система действия в целом (т. е. не взаимообмен четырех первичных подсистем), а лишь ее первичные социетальные подсистемы.

(25) Это предположение, которое многим читателям может показаться странным, не является, однако, случайным. Оно во многом обязано своим происхождением моим дискуссиям с д-ром Джеймсом Олдзом по поводу применения в теории действия его открытий, касающихся участия механизма удовольствия в регуляции поведения, включая анатомический субстрат этого механизма в структуре мозга.

(26) Эти предположения (и прежде всего предположение, согласно которому удовольствие, как обобщенный механизм контроля над поведением, а не специфический вход, необходимый для сохранения метаболического равновесия, — как, например, пища, — является наиболее существенным моментом явлений подкрепления) основываются в первую очередь на исследования д-ра Олдза. См. его работу «Самостимуляция мозга» (*Olds D.* Self — Stimulation of the Brain. Science. Feb. 14, 1958).

(27) Я мог бы отметить в скобках, что аналитическое различие между удовлетворением стремлений и удовольствием или, в общем случае, подкреплением, играет фундаментальную роль, которая, как правило, в значительной мере игнорировалась психологией. На нем, как мне кажется, строится центральная ось теории Фрейда — противопоставление *принципа удовольствия принципу реальности.* См. Парсонс «Социальная структура и развитие личности» (*Parsons T.* Social Structure and the Develoment of Personality // Psychiatry. Nov., 1958).

(28) Эти взгляды заимствованы у Фрейда и Г.А.Мюррея. Мой собственный подход наиболее полно сформулирован в работе «Семья, социализация и процесс взаимодействия» (Family, Socialization and Interaction Process, ch. 2. Free Press, 1957), а также (в несколько видоизмененном и расширенном виде) в статье «Социальная структура и развитие личности» (Social Structure and the Development of Personality // Psychiatry. Nov., 1958). Несмотря на существенные эмпирические различия между социальными структурами различных обществ, эта общая трехфазовая парадигма ранней социализации, отмеченная развитием и преодолением трех структурных моделей (оральной, эдиповой и подростковой), представляет собой константу, которая преодолевает культурную относительность.

29) Рынки в современном смысле этого слова появляются лишь на определенных уровнях общей дифференциации социальной структуры. На менее дифференцированных уровнях функциональные эквиваленты подобных распределительных процессов воплощены в функционально диффузных структурах. В этом случае использование ресурсов является, вероятно, гораздо менее текучим и гораздо ближе соответствует благодаря аскрипциям с конкретными коллективными единицами.

(30) *Barnard C.I.* The Functions of the Executive. Harvard Univ. Press, Cambridge, 1938 (Честер И.Барнард, Функции исполнительной власти); *Schumpeter I.A.* The Theory of Economic Development (И.А.Шумпетер, Теория экономического развития).

(31) Примером может служить здесь структура, в главных чертах устанавливающая отношение к студентам со стороны преподавателя колледжа или университета. В современном обществе социологу было бы, например, не так-то просто взять и *повесить вывеску* (т. е. заняться частной практикой. — Прим. перев.) в надежде произвести впечатление на искушенных студентов, а также зарабатывать себе на жизнь за их счет, предлагая им в порядке очереди перспективы трудоустройства, на которые они могут рассчитывать в качестве специалистов.

(32) Это, конечно, не означает, что факт жизни и смерти данного конкретного лица не имеет дальнейших социальных последствий.

(33) См. Parsons and Smelser. Op. cit., p. 156.

(34) *Дюркгейм Э.* Разделение общественного труда, кн.1, гл. VII.

(35) Исследования Олдза показывают, что в поведенческой психологии отношение удовлетворения стремлений к удовольствию теоретически аналогично отношению между приобретением в собственность некоего физического

товара и деньгами. Не пища и предметы потребления, а удовольствие и деньги — вот первичные категории вознаграждения.

(36) В случаях, которые сюда относятся, установки отклоняющиеся от институционализированных ожиданий, амбивалентны. Иначе говоря, проблема институционализации новых ожиданий отличается аналитически от проблем реализации ожиданий, уже институционализированных. См. *Parsons T.* The Social System. Free Press, 1951 (Т.Парсонс «Социальная система», гл.VII).

(37) О важности данного аспекта Дюркгеймова анализа не так давно напомнил нам Шнore. См. *Schnore L.* Social Morphology and Human Ecology // American Journal of Sociology. May, 1958. P. 620–634 (*Лео Шнore* «Социальная морфология и экология человека». Май, 1958. С. 620–634).

(38) *Riesman D.* «The Lonely Crowd, Clyde Kluckhohn», Have There Been Descernible Shifts in American Values during the Past Generation? // The American Style / Elting Morrison (ed.). N.Y.: Harper, 1958. P. 145–217. Я пытался более полно осветить эти проблемы в работе The Link between Character and Society (with Winston White) // Culture and Social Character: The Work of David Riesman Reviewed / Lipset and Lowenthal (eds.). Glencoe: Free Press, 1961.

(39) Дальнейший анализ этих проблем содержится в статье «Размышления по поводу социологической схемы экономического развития» (Some Reflections on the Sociological Framework of Economic Development // Structure and Process in Modern Societies, ch. III. Glencoe: Free Press, 1959).

(40) Естественно, что в целостную картину функционирования общества экономические факторы производства с необходимостью вписываются в виде входов либо из других обществ, либо из других *систем*, действующих на территории данного общества, — таких как мотивация, капитал и т. д. Однако для явления, которое Ростоу называет феноменом *снятия* (*take off* phenomenon) такие входы, как настоятельная политическая необходимость и функциональные ценностные обязательства, играют, вследствие своего соотношения с иерархической структурой социальных систем, гораздо более значительную роль, нежели доступность адекватных факторов производства в прямом экономическом смысле.

(41) См. *Мертон Р.* Социальная структура и анализ // Социология преступности. М.,1964 и *Parsons T.* The Social System, ch. VII. Free Press. 1951.

(42) Венгерский кризис 1956 года в некоторых отношениях удовлетворяет, как нам кажется, этой модели, если иметь в виду институционализацию новых образцов сталинистского коммунизма. Особое значение в данной связи имеют, по-видимому, социальные эквиваленты механизмов лечения, основанные на терпимости и поддержке.

(43) Иначе говоря, наши предположения во многом основываются на исследованиях Фрейда. См. *Parsons T., Olds D.* Op. cit. 4, ch. IV., *Parsons T., Bales.* Family, Socialization and Interaction Process. Free Press, 1955, а также *Parsons T.* Social Structure and the Development of Personality: Freud's Contribution to the Integration of Psychology and Sociology // Psychiatry. Nov., 1958.

(44) Протекание этого процесса на уровне *рабочего класса* наиболее основательно проанализировано, как мне кажется, в работе: *Smelser N.J.* Social Change or the Industrial Revolution. Univ. of Chicago Press, 1959.

(45) Общая схема процесса дифференциации, которой мы, с некоторыми пропусками, придерживаемся в данной работе, была предложена в исследовании *Parsons T., Smelser N.J.* Economy and Society. Free Press, 1959. Ее гораздо более глубокая разработка и гораздо более широкие приложения содержатся в приводимой выше работе Смелсера.

(46) Ярким примером издержек, к которым ведет процесс преобразования при отсутствии необходимого соотношения между указанными факторами, может служить трагическая судьба английских ткачей, работавших в этот период на ручных станках. Первоначальным толчком послужило радикальное увеличение производительности труда в области прядения, которое привело к резкому возрастанию притока пряжи и поставило перед ткачеством серьезные дополнительные задачи. Эти задачи не могли быть решены в тот период путем реорганизации ткачества, поскольку нужные для этого изобретения, а также другие необходимые условия реорганизации появились лишь позднее. Основным результатом явилось поэтому чрезмерное распространение ткацкого труда на основе старой социальной структуры. Когда на смену ручному станку пришел механический, труд ткачей, не перестроившихся на новый лад, получил полную отставку. Неудивительно, что

эта группа была основным источником волнений в Северной Англии. Смелсер (там же) рассматривает этот случай более детально.

(47) Вопросы преобладания политики в японском обществе и ее роль в индустриализации Японии, а также ее отношение к религиозному фону освещаются в работе: *Belloch R.N.* Tokugawa Religion. Glencoe: Free Press, 1957.

(48) Наиболее примечательный пример неудачи, к которой может привести попытка преодоления таких противодействий, особенно в том случае, когда не удается обеспечить терпимость и поддержку, необходимые для более или менее безболезненного отказа от старых ценностей, мы имеем, по-видимому, в случае русского крестьянства. Тот очевидный факт, что сельское хозяйство является самым уязвимым местом советского производства, восходит, по-видимому, к тем в высшей степени принудительным процедурам, которые были приняты в программе коллективизации. См. *Bauer, Inkels, Kluckhohn.* How the Soviet System Works. Harvard Press, 1957.

(49) Уместно напомнить читателю, что настоящий очерк писался в конце лета — начале осени 1958 года. За прошедший период (т. е. с того времени по январь 1961 года) произошли заметные сдвиги, так что если бы этот очерк писался двумя годами позже, он был бы написан несколько иначе и, мы надеемся, лучше. В тот период, однако, мы были лишены возможности взяться за его основательный пересмотр. Заинтересованного читателя мы отсылаем к двум работам, где нашли себе место некоторые из тех теоретических разработок, которые мы имеем в виду. Это: Pattern Variables Revised: a Reponse to Professor Dubin // American Sociological Review. Aug., 1960; «The Point of View of the Author» в последней главе книги: Max Black (ed.) The Social Theories Talcott Parsons. N.Y., 1961.

Понятие культуры и социальной системы

А.Кребер, Т.Парсонс (из журнала «American Sociological Review», vol. 23, № 5, 1958)

Среди антропологов и социологов существуют немалые разногласия по поводу понятий **культура** и **общество** или **социальная система**. Отсутствие согласованности внутри каждой из этих дисциплин и между ними привело к семантическим спорам относительно того, какие данные охватываются каждым из этих понятий. И, что гораздо важнее, такая неразбериха препятствует процессу теоретического сближения этих наук.

Еще существуют социологи и антропологи, которые не считают это различие необходимым на том основании, что все человеческое поведение есть социо-культурное явление, обладающее как социальным, так и культурным аспектом одновременно. Но даже тогда, когда это различие, ставшее уже общим местом, признается ими, они стремятся исходить из определенной первичности того ряда явлений, который их больше интересует. Социологи стремятся рассматривать все культурные явления как результат спонтанного или производного развития, причины которого заложены в социальных системах. Антропологи чаще имеют дело с холистическим бытием и поэтому часто начинают с тотальных систем культуры, а затем переходят к категоризации социальных структур просто как частей культуры. («Социальная антропология», вероятно, представляет собой такую отклонившуюся от антропологии ветвь, в которой предпочтение оказывается социологическим гипотезам).

Цель настоящего заявления состоит в том, чтобы показать, что с точки зрения методологической первичности каждая из этих гипотез пользуется преимуществом *a priori*, и ни одна из них не может быть признана более истинной на современном уровне знаний. Отделение культурного аспекта от социетального не может считаться классификацией конкретного или эмпирически-дискретного ряда явлений. Это различные системы, при помощи которых абстрагируются или отбираются аналитически отличные ряды компонентов из одних и тех же конкретных явлений. Утверждения, сделанные по поводу отношений внутри системы культуры, относятся к другому порядку, нежели утверждения, сделанные на основании системы социетальных отношений. Ни одна из этих систем не может быть полностью переведена на язык другой — т. е. порядок отношений внутри одной не зависит от порядка отношений в другой. Пристальное внимание к этой независимости намного увеличивает степень аналитической точности. Короче, мы полагаем, что это аналитическое различение должно постоянно иметься в виду, и предубеждения, заключенные в вопросах о том, что более *важно*, *правильно* или *фундаментально*, вообще не имеют смысла.

Исторически возможно проследить два следующих аналитических различения, которые способствовали большей точности анализа. Первая дифференциация состояла в разделении предмета в соответствии со схемой наследственность — среда. По крайней мере, в англоязычных странах весьма важным моментом является биологически ориентированное мышление поколения, последовавшего за публикацией «Происхождения видов» Дарвина. Внутри этого направления социальные ученые пытались определить сферу своего исследования в принятом в то время значении этого термина. Понятие *культуры* у Тэйлора и *социального* у Спенсера были важными попытками сформулировать такую сферу суперорганических явлений. Итак, организм был отнесен к биологическим наукам, а культура-общество (как пока еще более или менее недифференцированные) — к социокультурным.

В этот период становления обеих дисциплин понятия культуры и общества употреблялись приблизительно в одном и том же значении в большинстве основных работ. В антропологической традиции Тэйлор и Боас употребляли термин *культура* для обозначения того тотального человеческого поведения (включая его символические и знаковые продукты), которое не зависело от генетической конституции и биологических характеристик организмов. Ключевыми идеями были идеи преемственности, творчества, аккумуляции и передачи культуры независимо от биологической наследственности. С социологической стороны Конт, Спенсер, Вебер и Дюркгейм говорили об обществе в том же значении, в каком Тэйлор писал о культуре.

Это понятие *культуры-и-общества* употреблялось в течение довольно значительного периода, а дифференциация между антропологией и социологией осуществлялась не концептуально, а операционально. Антропологи стремились ограничить свои исследования дописьменными обществами, а социологи концентрировали внимание на современных (в особенности на своих собственных) обществах. Тогда не казалось необходимым идти сколько-нибудь дальше. Сейчас, как мы считаем, знания и интересы уже настолько дифференцировались, что необходимо провести дальнейшее различение и закрепить его в повседневном употреблении соответствующих профессиональных групп. Такая потребность наметилась в практике многих антропологов, говорящих о социальной организации, как об одном из главных сегментов или ответвлений культуры, и у некоторых социологов — в выделении таких категорий, как *ценности*, *идеология*, *наука*, *искусство*, как феноменов, отличных от социальной структуры.

Таким образом родилось (или рождается) второе аналитическое различение. Мы предполагаем, что полезно определить понятие **культура** в большинстве употреблений более узко, чем это вообще принято в традиции американской антропологии, ограничивая его конкретный смысл передаваемыми и создаваемыми содержаниями и типами ценностей, идей и других символически значимых систем как факторов, формирующих человеческое поведение, и артефактов, проявляющихся (производимых) в поведении. С другой стороны, мы предлагаем использовать термин **общество**, или более обще — **социальная система**, специально для обозначения релациональной (связанной с отношениями) системы взаимодействия индивидов и коллективов. Выражение *носитель культуры* следует понимать как эллипс, означающий *член общества культуры X*. Одним из указаний на независимость этих двух рядов являются высокоорганизованные общества насекомых, обладающие, в лучшем случае, минимальным рудиментарным компонентом культуры в только что определенном узком смысле слова.

Попутно мы можем заметить, что подобное аналитическое различение возникло и по отношению к более старому понятию организма по другую сторону очерченной выше границы, отделившей социальные науки от биологических. Там, где некогда термин *организм* использовался и для биологического и для психологического аспектов, в последнее время пришли к необходимости различения специфически психологического компонента и просто биологического. Так, термин *личность* стал широко применяться как подходящий или излюбленный термин для выражения этого различения.

Вместе с тем, говорить об аналитической независимости культуры и социальной системы, конечно, не значит утверждать, что эти две системы никак не связаны или что не могут быть применены различные подходы к анализу этой связи. Часто бывает выгодно считать постоянными либо культурные, либо социетальные аспекты одного и того же конкретного явления, уделяя в то же время пристальное внимание другому. При условии обеспечения этого различия между ними споры о правоте того или иного подхода становятся пустой тратой времени. Важная работа протекает в обоих аспектах. Несомненно, что самое выгодное — это развить обе линии мышления, оценивая их с точки зрения того, насколько каждая способствует увеличению нашего понимания указанных явлений. Однако, во-вторых, исходя из критерия получения таким образом более точного знания, мы можем со временем выявить и то, в какой сфере каждый тип концептуализации более применим и продуктивен. С помощью некоторой процедуры подобного рода мы улучшаем наше понимание их связи между собой, так что нам не придется считать либо то, либо другое постоянным, если плодотворнее будет не делать этого.

Поэтому в споре о том, лучше ли культура понимается из перспективы общества или общество из перспективы культуры, мы предлагаем перемирие. Как в известном случае с наследственностью и средой здесь больше нет вопроса о том, какова важность каждого из аспектов: вопрос состоит в том, как каждый из них работает и как они взаимосвязаны. Традиционные подходы антропологии и социологии должны размещаться в общем континууме, ведущем к дифференцированному, но в конечном счете, совместному наступлению на проблемы в промежуточных сферах, представляющих интерес для обеих наук.

Социальная система и культура

(Введение к IV главе антологии «Theories of Society», vol. II, № 4, 1961).

Речь здесь пойдет о второй, наиболее рельефно очерченной *пограничной зоне* социальных систем, а именно о той зоне, где моделирование (patterning) социального взаимодействия сочленяется с культурной системой, которая сама по себе является одной из первичных подсистем общей системы действия. Основная система отсчета, в рамках которой мы рассматриваем их взаимоотношения, представлена нами выше (см. «Очерк социальной системы»). Здесь мы примем эту идею в качестве исходного пункта (1).

Согласно этой идее действие человека организовано на основе стандартизации *значений* объектов и ориентаций на объекты в мире человеческого опыта (2).

Термин *значение* (meaning) в употребляемом здесь смысле следует понимать как отношенческую (релациональную) категорию. Он предполагает наличие как некого *познающего* или (если мы хотим избежать познавательного оттенка в терминологии) *ориентирующегося* субъекта или актора, так и некого объекта или даже системы, которая охватывает, с одной стороны, некоторое множество акторов, а с другой — некоторое множество объектов. Ориентации на объекты считаются структурированными, или, пользуясь общепринятым в культурном контексте термином, *стандартизированными*. Другими словами, между ориентациями на различные дискретные объекты и классы объектов, а также между имеющими эти ориентации различными акторами и категориями акторов, наличествуют элементы *согласованности*, *порядка* или *связанности*. В этом смысле структура

культурных значений образует *основу* всякой системы действия, в отличие от совокупности ситуативных условий, влияющих на ее функционирование.

Ранее различение между внешним и внутренним анализом любой системы действия было представлено в качестве одной из двух главных осей анализа систем действия вообще. Значение этого различения обусловлено тем, что система действия, как и всякая живая система, является *открытой* системой, непрерывно взаимодействующей с внешней ситуацией, или средой, посредством взаимообмена с ней, описываемого при помощи понятий *вход* и *выход*. Одним из примеров такого взаимодействия является получение живым организмом пищи и воздуха на входе и отдача физической энергии в процессе манипулирования окружающими объектами на выходе.

Всякая такая система, рассмотренная и как целое, и как совокупность структурно-дифференцированных единиц того или иного рода, вовлекается в эти процессы взаимообмена. Некоторые ее структуры и функции специализируются в процессе взаимообмена с наличной ситуацией. Это те внешне ориентированные структуры и функции, которые мы связываем с **достижением цели** и **адаптацией**. Другие структуры и функции специализируются в связи с внутренним состоянием системы; формы такой специализации сравнительно независимы от прямого воздействия со стороны ситуации. Эти структуры и функции связаны, во-первых, с сохранением тех **состояний** единиц, которые обеспечивают условия эффективного взаимодействия этих единиц с другими единицами и с внешней ситуацией; во-вторых, они связаны с взаимодействием единиц на основе их взаимной совместимости и взаимного усиления, т. е. с тем, что мы называли **сохранением образца** и **интеграцией**. Эти две совокупности структур и функций хотя и взаимосвязаны, однако каждая из них отлична от прочих.

Используя понятие *значения*, которое мы определили выше как ведущую категорию культурного контекста, мы можем в каком-то смысле трактовать общеизвестное и фундаментальное различие между познающим субъектом и познаваемым объектом как особый случай различения внутреннего и внешнего. Однако различение субъекта и объекта наиболее широко использовалось в анализе познавательных структур, т. е. в анализе *знания*. Чтобы гарантировать себя от появления какого бы то ни было познавательного оттенка, мы будем говорить об ориентации на основе значения; в качестве же главной системы отсчета мы воспользуемся **различием между значениями объектов, на которые ориентируются, (внешний аспект культурной системы), и значениями ориентаций, имеющихся у акторов (ее внутренний аспект).**

Таким образом, две из наших четырех характеристик разновидностей культурных систем могут быть определены как характеристики значения объектов для ориентирующихся акторов. Две других представляют собой характеристики ориентаций на эти значения, т. е. характеристики структурированных состояний ориентирующихся *субъектов*, абстрагированных от частных признаков объектов и тех их специфических классов, на которые эти субъекты ориентируются. Прежде чем перейти к рассмотрению культурной системы, отметим дополнительно еще один момент. Многие исследователи, трактуя культуру как систему *неизменных объектов* (*eternal objects*) (3), делают особое ударение на элементе **образца**. Как бы ни была велика роль, выполняемая этим элементом в детерминировании действия, культура, понятая исключительно на его основе, была бы лишена статуса системы действия в том смысле, в каком системами действия являются поведенческие организмы, личности и социальные системы. Элемент образца представляет собой подлинно центральный, но не единственный аспект культуры. Он, в широком смысле, охватывает структурный компонент культурных систем, *содержание* этих систем и подсистему сохранения образца. Мы полагаем, что анализ этой культурной структуры входит в число задач, стоящих перед такими формальными дисциплинами, как логика, математика, структурная лингвистика, систематика стилистической формы, изучение чисто логической структуры теологической системы и формальный анализ правовых норм.

Насколько культурная система является системой действия в прямом смысле этого слова, лучше всего видно при сравнении ее с социальной системой. Как и любая другая система действия, социальная система предполагает организацию **всех** компонентов, так или иначе включающихся в действие. Социальная система характеризуется не своими предельными компонентами, а тем, что организация этих

предельных компонентов концентрируется вокруг социального взаимодействия (выражающегося в потребностях функционирующих систем). С аналитической точки зрения она не зависит от требований функционирования личности или от культурной целостности, хотя и находится с ними в отношениях взаимозависимости. Если функции культуры настолько важны, насколько это нам представляется, то из общих предпосылок теории действия следует, что существенно важные культурные образцы, т. е. комплексы значения, могут порождаться и/или сохраняться в качестве доступных ресурсов для действия в других системах только в том случае, если имеют место процессы действия, направленные преимущественно на создание и/или сохранение таких образцов. Эти процессы (точно так же, как, например, жизнь индивида в качестве личности) могут быть частью *общества*, однако с аналитической точки зрения культурную подсистему действия следует отличать от социальной системы, связанной с отношениями взаимодействия. Поддержание религиозной ориентации посредством функционирования церкви можно рассматривать как случай взаимопроникновения культурной и социальной систем. Однако церковь может расцениваться как коллективность, преимущественно относящаяся к культуре, т. е. в первую очередь как культурная *система действия*, и уже во вторую — как социальная система. Подобным же образом организация научного исследования рассматривается прежде всего как культурное явление, и только затем — как социальное, поскольку научная деятельность сталкивается с проблемой взаимодействия.

Мы будем считать, что культурные образцы являются центром организации всей совокупности подсистем в системе действия. Ведущая роль этого центра отличает культурную систему от социальной и личностной систем, а также от поведенческого организма.

Характеристики культурного разнообразия

Прежде всего рассмотрим две направленные вовне характеристики культурной системы, т. е. характеристики, соответствующие категориям **значений объектов**, и отличных от них **образцов ориентации на объекты**. Эти направленные вовне характеристики связаны с адаптацией и достижением цели (или являются их частными случаями) в том смысле, в каком эти понятия нередко применяются в общей теории действия. Имея дело со значениями объектов, следует, однако, помнить, что указанные аспекты, или подсистемы культурных систем представляют собой части более обширного целого. Рассматриваемые значения не просто связаны с объектами: как и все прочие категории человеческой культуры, они являются по своей природе релациональными (*отношенческими*). Иначе говоря, эти значения представляются значениями объектов, *воспринятых* через человеческие интересы и с точки зрения этих *интересов*.

Первая из ориентированных вовне характеристик — ориентация на объекты, рассматриваемые в качестве объектов познания в эмпирическом смысле, т. е. в качестве объектов научного знания или тех типов здравого смысла, которые предшествуют научному уровню сложного знания, образуя его основу.

Точки или зоны внутри этой характеристики можно определить и выделить на основе уровней обобщения культурных компонентов, образующих некую основную массу научного знания, т. е. на основе структурных компонентов систем эмпирического познания. Эта шкала уровней представляет собой особый случай иерархии контроля в кибернетическом смысле (см. об этом в «Очерке социальной системы»). В данном случае искомые различия основываются на понятиях, четко установленных в области методологии науки.

Культурно структурированным компонентом низшего порядка из числа тех, которые образуют основную массу эмпирического знания, является сумма упорядоченных или как-то кодифицированных (т. е. классифицированных) знаний о фактах (т. е. о данных, каким-либо образом установленных эмпирически). В этом смысле факты суть **утверждения**, касающиеся эмпирических феноменов, а не сами эти феномены; феномены относятся к ситуации, внешней по отношению к культурной системе; они представляют собой части объектов, на которые ориентирован познающий, но **не значения** этих объектов.

Компонент второго порядка связан с решением эмпирических проблем. Данные, или утверждения о факте, можно организовать таким образом, чтобы они по своему значе-

нию выходили за пределы данного феномена и учитывали валидность самих фактов. Это предполагает обращение к какому-то конкретному основанию, на котором базируется интерес к внешним явлениям или системам объектов; это предполагает также учет важности проблем, научно релевантных основной системе культурного порядка, т. е. порядка, имеющего место в теоретических системах. Научные данные образуют сырой материал, на основе которого могут решаться те или иные проблемы, однако факты не говорят сами за себя: они должны быть организованы, обработаны и соотнесены с теорией.

Компонентом третьего порядка является структура самой теории. Она, как уже говорилось, представляет собой систему культурного порядка, соответствующую схеме организации культурных систем вообще. По отношению к эмпирическому знанию ее первичной функцией является интеграция. Это та первичная основа, на которой разного рода факты, относящиеся к различным объектам и их аспектам, могут быть взаимно соотнесены в рамках упорядоченной системы, образовав тем самым свод знаний, в отличие от простого перечня предметов информации.

Следует провести еще одно различие между самой теорией и предпосылками более высокого порядка, на которых базируется теоретическая система. Предпосылки более высокого порядка — это *простые* понятия, которые не подвергались эмпирической оценке, но положены в основу формулировки проблем в исследованиях. Эти предпосылки приводят к проблемным областям логики и эпистемологии, связывающих науку с философией. При наличии единого ряда терминов рассматриваемый уровень образует систему отсчета, в пределах которой некая теоретическая схема *имеет смысл*. Теория — это совокупность обобщенных высказываний относительно эмпирических феноменов внутри некоторой системы отсчета. Один из возможных примеров — система отсчета классической механики, в которой имеются такие понятия, как частица, движение, скорость в пространстве и времени. Другой пример — система отсчета *действия*, включающая такие понятия, как актор, ситуация, цели, ценности и т. п.

Эти четыре компонента научной методологии образуют нечто большее, нежели список или каталог. Они могут быть организованы по крайней мере тремя различными способами. Для нас наибольшую ценность представляет иерархия, которая использовалась в качестве основы предыдущего изложения. Данные, относящиеся к указанным компонентам, образуют в этой познавательной схеме низший уровень значений внешних объектов. Проблемы, далее, образуют следующий уровень: значимость фактов с точки зрения проблем трансформирует основу для организации множества утверждений о фактах в комплекс более высокого порядка. В процессе исследования формулировка проблем является непосредственной основой для упорядочения известной фактической информации, и далее — для попыток определения новых фактов там, где имеются проблемы в познании. Однако в более обширной культурной системе проблемы могут иметь различные значения; кроме того, их могут связывать взаимоотношения различных порядков. Тем не менее, поскольку в содержании проблемы преобладает научный компонент, значение его основывается прежде всего на той роли, которую играет решение данной проблемы для некоторой теоретической системы; это тем более верно для соотносительного значения различных проблем. Наконец, сама теория соотносится с уровнем системы отсчета, эмпирически не верифицируемой, но необходимой для того, чтобы придать известные значения как проблеме, так и самой теории. Этот иерархический порядок является порядком **уровней обобщения концептуальных компонентов**. Он представляет собой также и иерархию контроля в том смысле, что значимость проблем контролирует интерес к значению фактов, а значимость частных проблем контролируется их местом в теории, тогда как общая система отсчета контролирует значимость теоретической системы. Имеет место, однако, и обратная зависимость. Поскольку некая проблема, обладающая научной значимостью, не решена на основе установленных данных, она не решена научно; теория, справедливость которой не доказана путем решения принципиальных эмпирических проблем, вытекающих из нее, лишена научного статуса; общей системе отсчета, которая не может служить в качестве каркаса эмпирической научной теории и связанных с ней проблем, нет места в науке.

Другое основание для организации наших компонентов связано с различением внешнего и внутреннего в применении к рассматриваемой культурной подсистеме (а не в куль-

туре в целом). Первые два компонента образуют **эмпирические** компоненты научной системы знания; эти компоненты постоянно выделяются «эмпириками». Они представляют собой «силовые» или «высокоэнергетические» подсистемы эмпирического когнитивного аспекта культуры, условия, без которых невозможно развитие более высокого порядка. В отличие от них, теории и системы отсчета образуют теоретические (4) компоненты. Это *низкоэнергетические* компоненты: сами по себе они не могут представить в наше распоряжение никаких эмпирических данных, однако контролируют и организуют эти существенные процессы. С точки зрения культуры, теории и системы отсчета являются внутренними компонентами культурной подсистемы эмпирического познания.

Третья форма организации представляет собой особый случай противопоставления инструментального и консуматорного аспектов систем действия. В рамках эмпирического познания она может быть описана как различие между *методологическими* элементами и *результатами*. Процесс исследования содержит в себе два уровня *методологии*. Один из них образует стандарты и процедуры для сбора и оценки данных; другой — *логика науки* — касается критериев, применяемых при формировании и использовании систем отсчета, в особенности по отношению к теории, но также и к другим компонентам. Взятые сами по себе методы не играют, однако, особой роли: с точки зрения результатов, получению которых они содействуют, их значение является инструментальным. Имеется два основных класса научно значимых результатов — решение частных эмпирических проблем и конструирование теории. С точки зрения этих продуктов и должен оцениваться успех исследовательских усилий.

Вышеприведенный анализ основан на классификации компонентов систем эмпирического познания. Он пересекается с другой существенно важной классификацией — с классификацией объектов эмпирического познания. В свете теории действия эти объекты могут быть классифицированы (в восходящем иерархическом порядке) как физические, биологические, психологические, социальные и культурные. Это тоже кибернетическая иерархия. Примечательна высокая степень соответствия между категориями, которые представляются приемлемыми в наши дни, и категориями, предложенными Контом более чем столетие тому назад в его классификации наук.

К концу XIX века западная наука вступила в фазу, когда особой популярностью пользовался *редукционизм*, сводившийся к утверждению, что все эмпирические феномены можно *в конечном счете* объяснить в терминах и системе отсчета физической теории. Последующее развитие науки показало несостоятельность этого утверждения. Сюда относится прежде всего развитие эволюционного мышления в биологии, развитие теории информации и кибернетики, использующих понятие функции и цели, а также сравнительно независимое развитие теории в области психологии, социологии и культурологии.

В соответствии с общим релациональным характером всех культурных систем и подсистем различия между указанными категориями следует рассматривать в двух аспектах. Один из них касается *внутренней* основы этих различий — в данном случае такой основой являются **уровни организации** систем. Иными словами, организм есть организация физико-химических компонентов; личность есть организация компонентов организмов, обладающих поведением; общество — организация взаимодействия личностей и т. д. Физические феномены сами по себе не являются компонентами систем действия: они образуют совокупность условий, составляющих субстрат этих систем. По отношению к физической среде организмы образуют адаптивную подсистему, для действия, личности — подсистему достижения цели, для общества — интегративную подсистему, а для культурных систем — подсистему сохранения образца.

Другой аспект релационального характера данной объективной классификации касается оснований, на которые опирается интерес к различным категориям объектов. Как покажет последующее рассмотрение, он имеет одновременно и катектический, и оценочный аспекты, которые будут рассмотрены как соответствующие характеристики организации культуры.

Рассмотренные подобным образом культурные объекты попадают на верхнюю ступень иерархии. Их структуру в качестве элементов составляют **образцы соответствую-**

щей культурной системы действия. В случае эмпирических систем объектов таким элементом — культурным образцом — является либо теория соответствующих наук, либо донаучные схемы обобщенной концептуализации, определяющие ориентации на эмпирические объекты как на объекты познания, а не катексиса. Этот культурно-объективный компонент распадается на два существенно важных подкласса — на *формальное* теоретическое содержание концептуальных схем эмпирических наук и на содержание формальных дисциплин, как это описано выше.

Рассматриваемая с точки зрения места, занимаемого ею в более общей системе культуры, теория становится приемлемой в том случае, если она находит себе опору в ориентациях на значения, имеющиеся в данной системе. Именно здесь она должна найти свое философское обоснование в области логики и эпистемологии. В этом пункте наука по самой своей природе зависит от ненаучных соображений, определяющих ее значение в человеческом действии. Кроме того, имеются предельные реальности эмпирического мира. В соответствии с целями настоящего изложения мы рассматриваем сказанное как определение линии соприкосновения данной подсистемы культурной системы с другими подсистемами действия и, через их опосредование, с физическим миром.

Другая характеристика, определяющая отношение культурных систем к внешним объектам, также предполагает относительное преобладание в них значений тех или иных компонентов. В данном случае объекты обладают значением для целевой ориентации систем действия. Иначе говоря, объекты получают свою значимость как стабилизаторы в условиях какого-либо нарушения или напряжения в отношениях между системой действия и соответствующими частями ее ситуации или среды. В психологии это часто описывается как *катексис* объектов. Мы будем пользоваться этим термином несколько шире, обозначая им любую категорию значения какого-либо объекта, связанную с его ведущей ролью с точки зрения достижения цели или блокирования такого достижения.

Подобного рода попытка теоретической систематизации в данной области несколько необычна. Поэтому мы прежде всего предлагаем совокупность категорий, в которых формулируется соотношение между основными ориентациями и модальностями соответствующих объектов на уровне общей системы действия. При этом мы будем пользоваться терминологией, имеющей прямые соответствия в области психологии. В качестве ключевого термина будет, в частности, использован термин **катексис.** Затем мы попытаемся заново изложить полученные результаты в терминах, соответствующих тому уровню культурной системы, где в качестве объектов выступают **экспрессивные символы.**

В этом случае на уровне общей системы действия низшим уровнем *катектического значения* объекта является его трактовка как *объекта-средства*, или, согласно экономической терминологии, полезного объекта. Следующий уровень составляет его трактовка как *целевого объекта* с точки зрения данной личности: консуматорным значением для указанной системы обладает достижение или сохранение данной системой некоторого специфического отношения к этому объекту. Индивид может «притягиваться» к такому объекту. Эти две категории катектического значения играют важную роль на самом элементарном уровне отношений единиц и их взаимодействия.

Однако отношения катектической системы не ограничиваются рамками двух указанных уровней: их ограниченность этими рамками уменьшается в той мере, в какой возрастает протяженность данной системы в пространстве и времени. Над *консуматорным* уровнем располагается уровень *включенности*, или *приверженности*. Наилучшей иллюстрацией является здесь взаимодействие отдельных индивидов. Несмотря на то, что *другой* (в качестве лица, выполняющего роль) может быть «катектирован» *эго* как объект, в минимальной мере наделенный культурными компонентами более высокого уровня, *серьезное*, продолжительное и стабильное отношение, коль скоро таковое установлено, с необходимостью будет порождать нормативную структуру **общепринятых** значений. Один из аспектов этого явления состоит в том, что *другой* и *эго* объединяются, образуя **коллектив** (в социологическом смысле). В дополнение к значению *другого* как отдельной личности для *эго* имеет значение также их совместное участие в одном коллективе, т. е. приверженность к коллективу, включающему как *эго*, так и *другого* (5). Принцип, находящий свое выра-

жение в этом взаимодействии между людьми, может быть применим для любой системы действия, соотнесенной с некоторым объектом, рассматриваемым в окружающей его среде. Мы должны принять во внимание как значение дополнительного объекта, находящегося на том же уровне катектического значения, что и рассматриваемый актор, так и значение объекта, образованного ими, (а также возможно, другими акторами и объектами) в процессе их взаимодействия. Это последнее значение представляет собой значение включенности, приверженности или членства, в отличие от значения притяжения или консумации.

Упорядоченная совокупность, охватываемая каждым данным процессом взаимодействия, будь то совокупность организмов, субъектов или коллективов, во всех случаях представляет собой часть более обширной системы, в рамках которой она трактуется как подсистема (т. е. в своем *значимом бытии*). Поэтому у катексиса имеется и более высокий уровень — уровень объекта, образованного процессом взаимодействия, а также уровень некоторой концепции об объекте (или множестве объектов), который считается *вышестоящим* по отношению к этому взаимодействию и осуществляющим контроль (в известном нормативном смысле) над этим последним. Здесь находится источник узаконивания ценностей и норм общества как системы. В когнитивном плане этот объект обычно рассматривается как неэмпирический; в катектическом — как объект всеобщего уважения, возможно даже поклонения. Для социальных систем более низкого порядка, чем общество, он является по существу высшим объектом мотивационного обязательства, который располагается над обязательствами более низкого порядка и регулирует их. Принимаемые на себя (и предписываемые) обязанности могут варьироваться в чрезвычайно широких масштабах, начиная от незначительных деталей и кончая самыми общими ориентациями. Однако для существования более детализированных норм следует аналитически постулировать какой-то особый механизм, например, механизм *выявления*. Рассматриваемому объекту во всех случаях присущ некоторый обобщенный аспект, который аналитически можно отделить от частных деталей. Следовательно, этот высший уровень можно описать как катексис объекта **всеобщего уважения**, имеющий место на уровне, расположенном выше уровня узаконивания детализированной системы обязанностей, управляющей действиями рассматриваемых единиц.

Высший уровень любой из шкал обобщения, описанной для каждой из культурных характеристик, заключает в себе определенный общий принцип. В случае эмпирических когнитивных образцов должна быть какая-то неэмпирическая основа для эмпирического знания. Для катектического значения катексис некоторого порядка или источника узаконивания уже является *чисто* катектическим. Аналогично можно интерпретировать следующие два случая. Предельная основа эмпирического когнитивного значения сама по себе не может быть эмпирической: она сливается с ориентационным основанием значения. Точно также предельная основа катектического значения неотделима от оценочной ориентации, к рассмотрению которой мы переходим.

Таким образом, существует характеристика культурных систем, исходящая из приоритета или важности значений объектов катексиса. Объекты, которые должны быть «использованы» в качестве средств для достижения целей, единиц, находящихся вне них, являются низшими в этой упорядоченной последовательности. Прямо над ними располагаются объекты того же уровня, что и сама действующая система; целью является *устойчивая связь* с таким объектом, т. е. установление отношения, которое предполагает **взаимность**, имеющую катектическое значение, как это бывает, например, в любовных отношениях между людьми. Далее располагается еще более *объемный* объект **приверженности**: он охватывается двумя (и более) взаимодействующими подсистемами. Прототипом такого объекта является социальный коллектив. На самой верхней ступени находится выходящий за пределы взаимодействия объект наивысшего порядка, который является и источником узаконивания норм, и объектом всеобщего уважения. Эта характеристика носит название **уровня общности катектической устойчивой связи**.

Рассмотренное выше взаимное пересечение компонентов эмпирического знания и классификации объектов существенным образом связано с иерархией катектических или экспрессивных образцов-компонентов. Данное отношение вытекает из особого значения, которое имеет для

человека достижение цели. В силу того, что в типичном случае объектом устойчивой связи является некоторое другое лицо, уровень катектической устойчивой связи или мотивационного обязательства имеет, в частности, отношение к личностям как к объектам. Это заставляет думать, что полезные объекты являются, как правило, объектами биологическими и физическими: типичный случай — это собственное тело, рассматриваемое как совокупность средств для достижения личностных целей. По-видимому, это различие лежит в основе весьма распространенного протеста против того, чтобы считать людей прежде всего средством достижения некоторой цели, а не самими целями; в то же время трактовка физических объектов как средств обычно признается законной.

Объекты включения являются, как правило, социальными объектами, например, коллективами. Объекты всеобщего уважения суть культурные объекты, которые познавательным путем часто могут наделяться некоторым неэмпирическим статусом.

Проблема статуса этих категорий объектов оказывается тесно связанной с вопросами символизма. Символизм будет рассматриваться позднее; теперь же мы займемся основными с точки зрения действия категориями значения объектов, принимающих формы катексиса или достижения цели. В этой области мы находим отношение, типичное для общей классификации объектов. Как мы увидим позднее, другие категории объектов также могут служить в качестве символов для каждой из этих форм значения.

Подобно компонентам эмпирического знания, категории катектического значения объектов могут быть сведены в упорядоченную последовательность на иных основаниях, нежели уровни общности. Важную роль играют два других основания. Первое из них представляет собой частный случай дифференциации по принципу внешнее — внутреннее. Компоненты более низких порядков (объекты трактуются здесь либо как полезные, либо как объекты с устойчивой связью) безусловно являются внешними. Введенное Фрейдом понятие катексиса приемлемо здесь прежде всего по отношению к категории устойчивой связи. Было, однако, показано (в частности Олдзом), что мотивирующая сила, порождаемая катексисом объекта-цели, распространяется на катексис объектов-средств, выполняющих инструментальную роль в процессе достижения цели (6).

С соответствующей точки зрения две другие категории находятся на некотором ином уровне, который можно рассматривать в плане внутреннего отнесения. Они не являются категориями прямого значения объектов как источников удовлетворения или полезности; они суть категории культурной системы, в рамках которой получают значение специфические случаи удовлетворения. Чтобы быть последовательно значимыми, устойчивые связи с конкретными лицами должны иметь место в рамках социально организованных коллективов, и эти коллективы должны быть *узаконены* на языке объектов всеобщего уважения. Этой категории значений соответствует, возможно, термин Фрейда *идентификация*, а не катексис или устойчивая связь с объектом (7).

В основе второго принципа организации лежат инструментально консуматорные различия. Две внешние категории могут служить типичным примером этого противопоставления, т. к. оно в точности соответствует мотивационному или катектическому значению как объектов достижения цели, так и полезных объектов. Его можно было бы описать также в терминах различия между вознаграждениями и средствами. Однако в каком-то смысле включение также является категорией вознаграждения (вознаграждение *принятием*), тогда как отношения к объектам всеобщего уважения не могут в том же смысле иметь консуматорного значения, которое прежде всего является основой возбуждения действия. В религиозном контексте оно часто описывается как некий источник *силы*.

Вышеназванные категории формулировались на уровне общей структуры действия без учета тех специфических признаков, которые появляются на уровне культуры. В случае культуры центральным моментом будет само значение, а не эмпирические признаки конкретного отношения к объекту; центральное место займут здесь символы, а не действительные объекты катексиса, полезности и т.п. Как мы увидим далее, символ должен значимо соотносится со своим «реальным» референтом; однако, если бы ориентирующийся актор одинаково относился и к символу, и к его референту, то различие между ними оказалось бы излишним. Так,

если концепция божественного *отцовства* символична, отношение верующего к своему богу в каком-то смысле должно быть, конечно, аналогично отношению ребенка к своему отцу; однако это отношение может быть подлинным символом только в том случае, если оно фактически не является отношением ребенка к отцу в эмпирическом смысле.

Следовательно, культурные категории, которые сюда относятся, суть категории экспрессивного символизма, в отличие от внутреннего свойственного катексису интереса к *реальным* объектам. Допустив, что экспрессивная символизация в некотором смысле параллельна эмпирическому знанию, можно предложить классификацию компонентов систем такой символизации. Центральной категорией будет категория символического содержания, включая символы, которые, как ожидается, станут объектами катексиса вместо *реальных* объектов. Примером может служить изображение Мадонны с младенцем в живописи Возрождения, отражавшее определенный тип реалистических социальных отношений, которые играли весьма важную роль в обществе того времени. Эта картина по своему «значению» представляет собой нечто большее, нежели просто яркое изображение реальной матери с ребенком. Средствами, необходимыми для того, чтобы создать такое символическое изображение, являются используемые художником технические устройства и процедуры, которые, как и факты ученого, организованы и кодифицированы; но это не просто специально разученный *спектакль* с холстом, красками и кистью. Данный символ, созданный при помощи технических средств, приобретает свое художественное значение лишь включаясь в системы значения образцов более высокого порядка. Это, по-видимому, и есть то, что имеют в виду историки и критики искусства, обращаясь к вопросам *формы* и *стиля*. Последние представляют собой специфически *эстетические* компоненты символизации, в известном смысле несводимые непосредственно к уровням содержания и техники; благодаря этим компонентам символизация приобретает экспрессивную значимость, выходящую за рамки частного случая или реальных референтов.

Внешне-внутренняя ось дифференциации — это, в сущности, ось, соединяющая конкретную символизацию с кодами, в рамках которых должно интерпретироваться ее значение. Это различие, как мы скоро убедимся, является весьма существенным в связи с проблемами языка. С другой стороны, инструментально-консуматорная дифференциация аналогична оси, которая соединяет, если речь идет о науке, методы науки с ее результатами. В данном случае можно говорить о различии между первичными ресурсами, имеющимися в распоряжении художника, т. е. между техникой и нормативными образцами стиля и желаемыми результатами, представляющими собой сравнительно эффективные конкретные символические образования и образцы формы, которые обобщают отношения между целостными компонентами более специфических символов.

По двум только что описанным характеристикам компоненты значения как объекта (внутреннего или символического) предшествуют значению определенного вида ориентации, т. е. *установки* действующей системы.

Рассматривая этот последний аспект культурной *картины*, мы будем проводить различие между двумя характеристиками, которые являются приложениями к области культуры соответственно двух более общих понятий — интеграции и сохранения образца.

По отношению к культуре интеграция является в сущности формой ориентации, которую мы называем *оценкой*. Распространяясь на мир объектов, интеграция охватывает: 1) оценку стоимостей (т. е. выход, представляемый объектами-средствами) по отношению к их эмпирическим свойствам (т. е. условиям их производства и использования) и 2) оценку целей действия (т. е. сравнительную значимость различных целевых объектов) как желательных, так и нежелательных по своей природе. На культурном уровне эти исключительно важные категории играют роль стандартов, приложимых к оценочным суждениям.

Эти два контекста оценки подчиняются, однако, контекстам более высокого порядка, первичная функция которых состоит в ранговом упорядочивании моральных принципов (или стандартов), в соответствии с которыми получает свое значение оценка конкретизированных целей и средств.

Указанные моральные принципы — это, в сущности, принципы, соответствующие *интересам* каждого из четы-

рех главных компонентов, или характеристик культурной ориентации. Таким образом, в случае эмпирического познания речь идет о стандартах эмпирической достоверности. В контексте экспрессивной символизации такими принципами будут стандарты экспрессивной адекватности; в оценочном контексте, а также в контексте моральной целостности и обоснования предельных значений, ими будет то, что могло бы быть названо философской глубиной и адекватностью. Следует отметить, что с точки зрения культурной системы в целом все стандарты наделены **моральной** значимостью, т. к. они касаются приоритетной системы выполнения обязательств, которые берут на себя культурно ориентированные акторы.

Высший оценочный уровень предполагает к тому же обращение к возможностям интерпретации значений опыта или реальности, выходящим за пределы каждого из этих различных уровней оценочного стандарта. В случае оценочного контекста эта последняя категория подводит к центральным проблемам значения, на которых Вебер строил свой анализ социологии религии. Как и прочие самые верхние уровни, высший уровень оценочной ориентации с необходимостью предполагает наличие таких соотнесений, которые выходят за пределы оценки.

Третья характеристика культурного разнообразия охватывает, таким образом, иерархию образцов оценки, т. е. **уровней оценочного приоритета**. В основе этой категории лежат оценки стоимости **внутри** данной оперативной подсистемы действия; затем следуют оценки целей внутри данной системы. Над ними располагаются оценки стандартов, управляющие достижением этих целей. В верхней точке иерархии находится оценка возможных видов значения реальности, например, значения ее как некоего поприща, благоприятствующего «мировым» достижениям, как некоторой упорядоченной системы, к которой должно быть приспособлено человеческое действие и т.п.

Оценочная подсистема особенно тесно связана с классификацией объектов через субкатегорию жизненных сфер. В области действия эти сферы определяются как подсистемы более общей системы действия. Ведущая роль может быть закреплена тогда за *интересами*, касающимися организма, личности, общества или культуры. Имеют место взаимоотношения различной степени сложности, однако, минимальный образец, минимальная организация предполагает наличие некоторой шкалы приоритета, влияние которой на оценку целей действия и затрат должно быть определено. Такое разграничение даст в результате схему оценочного санкционирования мотивационных обязательств посредством катексиса и идентификации.

Данный аспект культурных систем особенно важен для социологии. Именно в этом пункте следует анализировать культурную сторону ценностных систем, чтобы подвести фундамент под понятие системы социальных ценностей, которая является категорией высшего уровня в структуре социальных систем.

Помимо иерархии уровней общности имеются еще два основания для организации оценочных образцов, соотносящихся с основаниями, рассмотренными выше для двух других случаев. В данном случае различие внешнего и внутреннего является различием между императивными действиями и образцами выбора (или селекции). Первые представляют собой категории, касающиеся последствий выборов высокого уровня, производимых на основе вторых (образцов выбора). Эти последствия могут быть вызваны особенностями реальной ситуации выбора, тогда как оценочные компоненты выбора могут абстрагироваться от этих особенностей. Обязательство к принятию конкретных целей предполагает, таким образом, необходимость снизить затраты, пожертвовав прежде всего другими целями, которые, возможно, были бы вполне достижимы, если бы не данное обязательство.

Инструментально-консуматорное различие принимает здесь форму различия между образцами оценочной рациональности и цели. Один из типов или уровней рациональности касается максимизации результатов при минимальных затратах (именно это имел в виду Вебер, говоря о Zweckrationalitat [целевая рациональность, целесообразность — *прим. перевод.*]). Сюда относится экономическая рациональность, а также рациональное стремление к политической власти и к использованию ее. Рациональность иного рода, связанная с выражением в действии типов предельного значения, представляет собой то, что обозначалось Вебером как Wertrationalitat (ценностная рациональ-

ность — *прим. перевод.*), т. е. буквальное следование смыслу наивысших ценностных обязательств.

Цели действия — это осознанные намерения. Однако обязательства принимать альтернативные моральные принципы могут оцениваться лишь на уровне, более высоком с нормативной точки зрения: согласно этим обязательствам предпочтение отдается тому или иному основному типу культурного образца или интереса.

Четвертая характеристика культурного разнообразия касается в сущности самих **оснований** ориентаций на значения. Она связана с наиболее общими чертами мировоззрения или с определениями условий человеческого существования, которые лежат в основе ориентаций на более частные проблемы. Эти ориентации также могут быть иерархически упорядочены в соответствии с основаниями значения. Низшая категория касается ориентации, определяющей значение выполнения обязательств или достижения (индивидуального либо коллективного). Проделанный Вебером анализ понятия труда по *призванию* как выполнения заповеди прославлять Господа, внося свою лепту в созидание царствия его на земле, является классическим примером в этой области. В других религиозных традициях ведущую роль среди типов значения, придаваемого результату, приобрела практика благочестия или аскетизма.

Второй уровень рассматриваемой иерархии касается значения различных сфер, в которых только что упомянутые акты выполнения (обязательств) и достижения могут претворяться в жизнь. Так, предписание претворить в жизнь волю через действие можно интерпретировать как действие, состоящее либо в благочестивых поступках, либо в попытках переконструировать организацию *мира сего* путем участия в созидании царства божьего на земле. Другая альтернатива — *совершенствование* индивидуальной личности без специального обращения к социальному контексту ее существования. На этом уровне концепции значения с необходимостью уходят своими корнями в третий, еще более высокий уровень, а именно в идею природного **порядка** в универсуме (в нормативном — с человеческой точки зрения — смысле). Иначе говоря, должно существовать предельно полнозначное понятие, отделяющее то, что согласуется с природой вещей, от того, что ведет к беспорядку (disorder) (8).

Высшим уровнем проблем, связанных со значением, является уровень концепций предельной реальности (в религиозно-философском смысле). Этот уровень касается главных предпосылок, из которых вырастают неэмпирические компоненты общей системы убеждений каждой культуры.

Этот уровень следует охарактеризовать как предел познаваемого. С логической точки зрения, он заключает в себе предпосылки, на которых должны покоится более низкие уровни обязательств к признанию значения, однако нет нужды полагать, что любое предельное обоснование значения ограничено лишь некоторым когнитивным контекстом. Этот наивысший уровень знаменует собой предельный пункт, в котором познание, катексис и оценка, являясь в некотором роде формами **дифференциации** внутри некоей общей матрицы, сливаются воедино.

В данном случае, как и в трех других, мы имеем четырехступенчатую иерархию предельных оснований значения. Это следующие четыре уровня: значение выполнения (обязательства), значение выполнения его в различных жизненных сферах; значение порядка, санкционирующего выбор таких сфер; и значение того основного фундамента, который замещает все прочие уровни (включая порядок узаконивания), образуя их основу.

В этом случае различие внешнего и внутреннего имеет место между образцами, определяющими значения различных типов эмпирического (или, в религиозном смысле, мирского) выполнения (обязательств), и образцами, определяющими трансцендентные основы значения такого выполнения. Существует много самых разных типов достижения. Однако каждый из них представляет собой значимое действие эмпирически реальных акторов, независимо от того, является ли оно в высшей степени утилитарным, аскетическим или благочестивым; достижение есть нечто, совершаемое человеком. С другой стороны, идеи порядка и бытия не могут быть продуктами человеческой деятельности: это суть понятия основ, в соответствии с которыми действия человека и конкретные ситуации, в которых эти действия совершаются, могут в конечном счете получить свое значение и оправдание.

В данном случае наличествует инструментально-консуматорное различие между основаниями обязательства и ос-

нованиями законности. Узаконивание происходит на двух уровнях. Более высокий из них представляет собой уровень самой общей идеи порядка — в том виде, в каком она анализируется Кеннетом Берком в его обсуждении «Книги Бытия». Однако чтобы конкретное действие было эффективным, эта идея должна быть расширена путем конкретизации объекта, наделенного узаконенным авторитетом, который на высшем уровне значения может выступить как воля божества или своего рода *диалектика истории*. Обязательства располагаются, соответственно, на уровне идеи бытия, которая в чем-то может быть похожа на религиозную идею судьбы, а также на уровне образа действий, ожидаемых от индивида.

Каждый образец культурной ориентации характеризуется своими *положениями* по отношению к любой из четырех перечисленных сфер, а также, в явной или скрытой форме, своими компонентами на каждом из различаемых выше иерархических уровней. Исходя из подобной классификации, можно, прийти к целому ряду типологий. Например, там, где когнитивные значения объектов преобладают над другими компонентами, мы имеем систему **эмпирических убеждений**. Там, где преобладают катектические значения объектов, мы имеем систему **экспрессивных символов**. Там, где ведущую роль выполняют оценочные аспекты ориентации, предполагается наличие **ценностных образцов**. В системах **экзистенционального убеждения** обоснование ориентации на значение преобладает над другими компонентами культурной ориентации в целом.

Язык как фундамент культуры

Прежде чем приступить к более общему анализу взаимопроникновения и взаимосвязанности социальных и культурных компонентов систем действия, мы попытаемся применить вышеприведенное описание характеристик культурных систем к фундаментальному культурному феномену языка и затем сформулировать некоторые существенные идеи относительно символизма. Тесная взаимосвязь между языком и человеческим обществом проявляется во всецело социальном характере языка — язык не может быть выработан изолированным индивидом, — а также в том факте, что человеческие социальные системы находятся в универсальной зависимости от лингвистической символизации и коммуникации.

Язык — это наиболее общий и элементарный механизм коммуникации, а также социальной интеграции на культурном уровне организации действия. Язык образует единую и важнейшую матрицу, из которой дифференцировались другие общие механизмы (хоть эта матрица и не является единственной в своем роде: думается, что изобразительное искусство и музыка сравнительно независимы от языка). Язык должен, следовательно, обладать структурой, непосредственно сопоставимой со структурой других подобных механизмов (например денег), которые в данной связи лучше известны социологам.

Считается, как правило, что первичными функциями языка являются функции выражения и коммуникации. Очевидно, что в данном контексте коммуникация оттесняет выражение на второй план. Т. к. язык является первичным средством коммуникации культурного уровня, он может служить также в качестве средства выражения. Коммуникация — это в первую очередь функция социальных систем, а выражение — функция личности как системы.

Сравнение языка с деньгами приводит к установлению еще одного важного различия, применимого к языку. Со времен экономиков-классиков принято проводить различие между деньгами как средством обмена и деньгами как мерой стоимости. Будучи средством обмена, деньги находятся в обращении: они расходуются одной социальной единицей и приобретаются другой. При помощи такого процесса обращения осуществляется распределение ресурсов (именно оно является функцией рынка), однако само это средство не потребляется. Расходуя деньги, одна единица общества создает обстоятельства, которые влияют на действия других единиц. Подобным же образом посредством языка порождаются высказывания и передаются сообщения от одной единицы социальной системы к другим. Высказывание, возникающее в таких обстоятельствах, где его могут понять другие, приводит к необратимым последствиям. Актор неизбежно расходует имеющийся у него запас высказываний, т. е. сказав нечто, он менее свободен говорить далее все, что ему заблагорассудится: он должен нести известного рода

ответственность за содержание и смысл своих предыдущих высказываний. Сообщения, следовательно, являются своего рода *средством обращения*. Однако *язык* не «потребляется» в процессе своего использования. В этом смысле он не является ресурсом.

Деньги же не только средство обращения, но и мера стоимости. Они представляют собой институционализированную совокупность форм и правил, посредством которых выражаются намерения, а также создаются и принимаются обязательства. В социальной системе они выполняют интегрирующие функции: именно денежные стандарты (т. е. значения денежной единицы) дают возможность сравнивать различные товары, способствуя тем самым их более или менее рациональному распределению между разными претендентами.

На некотором еще более обобщенном, точнее диффузном и недифференцированном, уровне язык также содержит некую совокупность правил и форм, посредством которых в процессе социального общения выражаются намерения, а также создаются и принимаются (или отвергаются) обязательства. Для того чтобы иметь силу, денежное предложение должно быть сформулировано в терминах институционализированного средства, т. е. в монете или в ее эквивалентах. Подобным же образом, лингвистическое высказывание действительно лишь в том случае, если оно выражено на языке данной культуры: в противном случае оно не будет понято. Это обусловливает необходимость согласования с нормативными образцами (т. е. отсутствие в речи комбинаций и последовательностей звуков, не организованных соответствующим образом).

Итак, различие между функциями денег как средства обмена и меры соответствует различию между функциями языка как сообщения и кода, которое обычно проводится лингвистами.

Здесь обнаруживается еще одна важная параллель. Будучи социальным феноменом, деньги являются по существу механизмом коммуникации; подобно прочим формам коммуникации, их функционирование связано с использованием физических средств передачи. Классическое физическое средство — благородные металлы, один или несколько. Однако торговля благородными металлами сама по себе не является денежным обменом. Обмениваемые единицы должны быть стандартизированы и категоризированы в качестве *монет*, входящих в определенную систему наименований. Иными словами, стандартизированная металлическая единица должна функционировать прежде всего на основе своего денежного значения, а не только в силу своих физических свойств и товарной стоимости. Согласно терминологии Дюркгейма, денежная стоимость есть своего рода *надстроенный элемент* по отношению к товарной стоимости металла. Когда такое абстрагирование заходит достаточно далеко, монета становится символом.

Денежная единица — это чрезвычайно высоко обобщенная категория значения (например, *вообще* доллар или *вообще* фунт стерлингов). Отделение значения от физической основы существенно важно: в современных денежных системах монеты или даже *наличный расчет*, употребляются лишь в немногих реальных обменных сделках. Главный компонент наличного расчета — банкнота — представляет собой письмо, адресованное *тому, кого оно может касаться*. Однако процесс обращения банковских депозитов и других кредитных инструментов, где физические средства передачи являются чисто лингвистическими (если они рассматриваются как элементы языка), играет важную роль. Параллель с языком очевидна. В начале любой язык использует с качестве средства передачи процессы, связанные с функционированием звука. С развитием письма имеет место переход к совершенно иному физическому средству передачи. Тем не менее нет лингвиста, который взялся бы утверждать, что устный и письменный суть два разных языка.

В механизмах коммуникации — как в деньгах, так и в языке — наличествует определенное физическое средство передачи. В случае языка таким средством первично является фонетическая система, где имеют место образцы организации, которые выходят за рамки простого использования наличных физических возможностей, образуют жестко управляемую систему их организованного применения. Эта организация физических процессов систематически сочленяется затем с организацией на уровне значения. Только потому, что физические акты (т. е. выработка организованных образцов звука и переход из рук в руки особым обра-

зом стандартизированных кусочков металла или других средств передачи) обладают стандартизированными значениями, они могут выступать в качестве высказываний, которые несут в себе сообщения, или в качестве денежных сделок, которые налагают обязательства или освобождают от них. Если этим актам произнесения или передачи хотят придать определенное значение, они должны соответствовать определенной систематически организованной нормативной системе, которая может быть абстрагирована от конкретных актов производства звуков или перехода металла из рук в руки.

В случае языка физические средства передачи сообщения выступают в виде фонетических средств — области **взаимопроникновения** фонетической и семантической систем. В случае денег процессы конкретных сделок (при посредстве ли металла, ассигнаций или путем манипулирования бухгалтерскими счетами) являются, собственно, областью взаимопроникновения физического средства обмена и значимого содержания, задаваемого институтом денег. Рассматривая речь, лингвисты включают в нее оба взаимопроникающих аспекта. Подобным же образом, когда экономисты говорят о деньгах как о средстве обмена, они имеют в виду феномены, которые заключают в себе как физические средства передачи, так и значение различных аспектов процесса, использующего эти средства.

Рассматриваемый феномен не ограничивается, однако, указанной областью взаимопроникновения — ни в случае денег, ни в случае языка. В случае денег имеет место измерение стоимостного аспекта. Сложная статистическая оценка валовой национальной продукции формируется в денежных терминах (продукция на сумму ... млрд долларов в год). Но при таком использовании денег сделки отсутствуют, доллары не переходят из рук в руки. Подобным же образом лингвист может анализировать содержание образцов высказываний, в которых на самом деле ничего не сообщается. В лингвистике это есть различие между использованием языка и уровнем *метаязыка* (9), где язык используется прежде всего для того, чтобы рассматривать сам язык, а не вещи. Деньги *говорят о вещах* в ходе обычных экономических процессов, но экономисты также рассуждают об экономике в денежных терминах.

Между деньгами и языком имеется еще одна параллель. Внутри каждого из двух уровней, которые мы здесь различаем, можно, в свою очередь, выделить различные аспекты. В случае денег имеются два основных аспекта на уровне средств. Один из них — совокупность денег как обобщенного средства и, следовательно, как своего рода приспособления, которое может быть использовано в бесконечно разнообразных целях. Такое использование денежной единицы предполагает ее стандартизацию и взаимозаменяемость конкретных единиц, которые игнорируют незначительные различия в деталях (например, доллар — это доллар, независимо от того, будет ли ассигнация старой или новой, мятой или гладкой). Подобным же образом какое-либо произнесенное слово (например *кошка*) является одним и тем же словом в довольно значительном диапазоне варьирования реальных фонетических процессов. Другими словами, средство, функционирующее в процессе коммуникации, которая имеет место в определенной обобщенной системе, должно быть достаточно стандартизированным; тогда стороны, использующие его в целях коммуникации, будут знать, чем они оперируют, не вдаваясь предварительно в исследование частностей. Примером может служить случай, когда проблема значения *смещается вверх*. Слова и предложения, произнесенные в ходе дипломатической коммуникации, записываются, и обращение к этой записи может обычно решит спор относительно того, какие именно слова и предложения употреблялись. Вопрос состоит далее в следующем: означают ли они то, что хотел сказать говорящий. Подобным образом в современных денежных системах большей частью не возникает споров относительно того, сколько долларов было предложено или получено в действительности, однако, остаются проблемы, касающиеся достоинства определенных форм кредита, ценных бумаг и т. п.

Одним из главных аспектов этого уровня является обобщенная стандартизация средства передачи как физико-семантической целостности. Еще один важный аспект состоит в гибкой способности этого средства передачи удовлетворять потребности, диктуемые различными обстоятельствами и ситуациями. Тот факт, что в языке имеется стандартизованная фонетико-семантическая система, не имеет смысла с точки зрения говорящего, если она не дает

ему возможности говорить конкретным собеседникам в конкретных ситуациях то, что ему хочется, вызывая тем самым реакции, значимые с его точки зрения. Иными словами, системе должна быть присуща комбинаторная гибкость, позволяющая достичь конкретных целей путем использования средств, доступных в специфических комбинациях в условиях определенной ситуации. Можно сказать, пользуясь терминами, введенными в процессе предыдущего рассмотрения, что такое средство передачи должно обладать как аспектом адаптации, так и аспектом достижения цели.

Эффективность, в которой это средство содействует осуществлению коммуникации, зависит от **комбинации** указанных двух аспектов. В случае денег такая эффективность может быть продемонстрирована наиболее непосредственно путем противопоставления денежного обмена обмену товаров. В процессе товарообмена владелец товара, представляющего ценность для других, может через обмен получить нечто, представляющее ценность для него самого. Для этого он должен найти (в конкретной ситуации и в определенном отрезке времени) кого-нибудь имеющего то, что нужно владельцу товара, кто хотел бы иметь то, что есть у этого владельца, и пожелал бы произвести обмен в данный конкретный момент времени, согласившись при этом на определенные условия. Влияние денег на формирование рыночной системы состоит во внедрении целого ряда совершенно новых степеней свободы в ситуации обмена.

Там, где используются деньги, имеются четыре такие степени свободы. Во-первых, получатель денег не обязан сразу же израсходовать их на приобретение какого-нибудь конкретного товара или конкретной услуги. Во-вторых, при приобретении товаров и услуг он не обязан пользоваться каким бы то ни было конкретным источником снабжения — он волен искать их где угодно. В-третьих, он не обязан расходовать деньги в определенное время или в течение определенного периода времени — он имеет право ждать сколько угодно. Наконец, он не обязан заранее принимать какие бы то ни было конкретные условия — его решение относительно этих условий может зависеть от конкретной ситуации и от соответствующих обстоятельств.

В случае языка уместно сравнение лингвистической и долингвистической знаковой коммуникации. Подлинная и важная коммуникация может иметь место без использования лингвистических символов. Но, если акты передачи значения не являются частью стандартизированного кода, а должны интерпретироваться ad hoc в зависимости от их специфических поведенческих и физических средств в данном конкретном контексте, то тогда будут отсутствовать степени свободы, доступные при использовании языка. Рассмотрим эту проблему на уровне, который лингвисты называют иногда *лексическим*, т. е. на уровне значения морфем и организованных компонентов высказываний, которые, будучи взяты сами по себе, понятны по значению и могут быть определены. Во-первых, обладание такими лексическими символами, входящими в лингвистический репертуар говорящего (т. е. знание им этих символов), не обязывает человека, говорящего на определенном языке, использовать данное слово или данное словосочетание всего лишь одним конкретным способом, т. е. передавать некоторое специфическое значение определенному собеседнику. И слово, и словосочетание — взаимозаменяемые единицы: их можно помещать различными способами во множество различных сообщений, адресуя разным людям.

Во-вторых, используя элементы лексического репертуара, можно вызвать реакции со стороны неограниченного числа собеседников, т. е. потенциально — со стороны всех, кто говорит на данном языке. В-третьих, на использование указанного репертуара не налагаются специфические временные ограничения, говорящий волен говорить тогда, когда ему заблагорассудится. В-четвертых, беседа является процессом взаимного приспособления, в котором некая стандартизованная совокупность лингвистических средств, общих для обоих партнеров, может применяться для достижения предельно конкретизированных целей коммуникативного налаживания взаимопонимания по конкретным вопросам. **Комбинация** стандартизированности репертуара и его гибкой приспособляемости к конкретным употреблениям дает возможность достичь таких важнейших степеней свободы, посредством которых преодолевается ограниченность долингвистической знаковой коммуникации.

Имеются проблемы, которые касаются точности соответствия. Якобсон и Халле (10) рассматривают в плоскости семантики фонетический и лексический уровень

организации языка. В таком же примерно смысле можно говорить как о том, что денежные фонды образуют чрезвычайно обобщенный ресурс или средство, в высшей степени независимые от какого бы то ни было конкретного применения, так и о том, что могут составляться конкретизированные комбинации, в которых уместны более специфические элементы. Различие между деньгами и языком состоит в том, что язык является самым общим механизмом коммуникации на культурном уровне, тогда как деньги представляют собой в высшей степени специализированный механизм. Поэтому многие различия, необходимые в процессе анализа языка, несущественны для анализа денег, которые, будучи специализированы в весьма высокой мере, обладают сравнительной простой структурой.

Вышеприведенное рассмотрение касалось компонентов сообщений, точнее, участия в сообщениях компонентов языка и денег соответственно. С точки зрения общего анализа культуры они образуют **объекты**, на которые ориентируются акторы. Но рассматриваемые в качестве системы, такие компоненты могут быть полностью культурными только в том случае, если они организованы в совокупность компонентов-образцов, являющихся компонентами ориентации, а не объектами как таковыми. В случае денег это предполагает наличие меры стоимостного аспекта, который, в свою очередь, может быть разбит на: 1) меру стоимости (value) и 2) меру затрат. Исчисление объема национальной валовой продукции представляет собой пример использования денег в качестве меры стоимости. Идея денег используется в нем как логическая схема для утверждения некоторого количественного факта относительно экономики. Доллары как объекты не имеются при этом в виду. Однако в денежной экономике должен существовать способ опосредования отношений между уровнем и процессами реального расходования и приобретения доллара отдельными единицами в ходе экономического процесса. Функциональный контекст — это контекст, известный в экономической теории как распределение ресурсов, в процессе которого деньги функционируют на правах **стандарта распределения**, например, когда высказывается некоторое предположение относительно платежеспособности. Реальные денежные единицы, являясь в то же время объектами, контролируют распределение ресурсов (в том смысле, в каком понимают его экономисты), но и сами эти денежные единицы также должны быть распределены. Сырье и факторы производства дефицитны; это утверждение с необходимостью распространяется и на деньги как на объект. Таким образом, денежные расходы представляют в наше распоряжение первичный критерий для распределения некоторых фундаментальных категорий текущих ресурсов в ходе социального процесса. На распределение могут влиять многие неэкономические факторы, но оно представляет собой канал, который опосредует эти воздействия. Указанный аспект денег фундаментальным образом связан с институциональными комплексами договора, найма и собственности.

В лингвистической структуре этим двум аспектам денег соответствуют такие аспекты, как *стиль* (первичный *образец формы* языка, как он назван Уорфом и его последователями), или *фразеологический* образец, как называют его Якобсон и Халле, а также *синтаксический* уровень по терминологии Якобсона и Халле, который включает в себя грамматику. Что касается первого из них (первичного образца формы), то со времен Уорфа принято считать, что каждый язык по-своему категоризирует мир опыта своих носителей; это, однако, происходит на уровне, не зависящем от частных признаков, которыми наделены морфемы, словарь и фонология данного языка. В языковой структуре этот уровень выполняет роль, которую можно, по-видимому, сопоставить с ролью, выполняемой в социальной системе уровнем высших ценностей. Т. к. он не специфичен ни с точки зрения функционирования внутри системы, ни с точки зрения частных применений и ситуаций, тот факт, что он составляет существенный аспект структуры, часто остается без внимания. Проведенный Уорфом анализ того контраста, который имеется на данном уровне между языком хопи и европейскими языками, является классическим.

Однако такого рода дух, или самая общая ориентация языка не детерминирует речевой процесс непосредственно. Должен наличествовать некоторый промежуточный уровень правил употребления и комбинирования лексических элементов. Эти правила образуют нормативную структуру, составляющую основу для организации указанных компонентов, включая процессы модификации их собственных форм,

как это имеет место в случае грамматических категорий рода и падежа. Подобно тому, как в случае языка фразеология выполняет роль, аналогичную роли ценностей в социальной системе, точно также синтаксический уровень языка аналогичен, по-видимому, институционализированным формам социальной системы (с формальной точки зрения наиболее полно разработанным и кодифицированным в рамках правовой системы) и деньгам как стандарту распределения.

В дополнение к специфическим категориям, которые были сформулированы в связи с характеристиками культурных систем, а также в связи с точками, расположенными вдоль них, имеется еще три первичных способа организации рассматриваемых компонентов: иерархия контроля, внешне-внутренняя ось и инструментально-консуматорная ось. Мы попытаемся применить к языку этот более общий метод, разработанный в связи с анализом культурных систем.

Если рассматривать язык прежде всего как семантическую систему, сформулированную в терминах значения, мы получим общее соответствие с нашим способом анализа культуры в целом. Хотя лингвисты все еще не пришли к соглашению по целому ряду важных пунктов, существование иерархии контроля (в нашем смысле) не подлежит, однако, никакому сомнению. Нашей схеме наиболее близка формулировка Якобсона и Халле, которые обращаются к иерархии, охватывающей (от низшего уровня к высшему) морфемные, лексические, синтаксические и фразеологические элементы языка. Это почти точно соответствует четырем функциональным категориям, описанным выше.

Соответствующая иерархия представлена и в области фонологии. Д-р Делл У.Хаймз (D.W.Hymes), формулируя эту иерархию, выделяет в восходящем порядке категории звуков, фонем, (фонетических) слогов и интонационных парадигм. Морфема составляет главную точку сочленения фонетической и семантической систем, в которой она представляет собой звуковой образец, несущий некий компонент сообщения. (С методической точки зрения этот вопрос относится к области морфофонемики — учения о фонемных формах морфем.) Можно сказать поэтому, что она входит как в ту, так и в другую классификацию.

Помимо этого, Якобсон и Халле, а также — несколько другим способом — Хаймз, подчеркивают различие между двумя разными аспектами организации лингвистических систем. В нескольких отличных контекстах Якобсон и Халле пользуются для обозначения этого различия тремя разными парами терминов: смежность — подобие, сочетание — выбор и метонимия — метафора. Мы полагаем, что та ось организации, которую они обозначают как смежность, сочетание и метонимия, очень близко соответствует внешне-внутренней оси (в том смысле, в каком эта последняя использовалась в вышеприведенном рассмотрении), тогда как ось подобие — выбор — метафора соответствует инструментально-консуматорной оси.

Якобсон и Халле указывают в первую очередь на тот факт, что слова (и прочие лексические, а также, предположительно, морфемные единицы) получают свое более точное значение из *контекста*, в котором они употребляются (т. е. в зависимости от способов, посредством которых они встроены в более высокие лингвистические упорядоченности согласно нормативной системе данного языка). Это отношение к контексту является центральным моментом одного из двух типов афазии (нарушение смежности), который они рассматривают. Однако как на более высоких, так и на более низких уровнях смежности или контекстуальности те компоненты, которые, являясь *ресурсами* языка, сами по себе не организованы в целях конкретного использования, должны быть организованы посредством селективных процессов, чтобы образовать связанные сообщения. Вдоль этой оси организации сосредотачиваются афотические нарушения и иного типа расстройства подобия.

Хаймз подчеркивает различие между той формой организации, в которой компоненты встречаются **одновременно** вместе в пределах единицы более высокого порядка (например, характерные признаки в фонемах, морфемы в словах), что эквивалентно, по нашему мнению, отношениям смежности, и той формой организации, в которой компоненты представлены **иерархически** (например, фонемы в слогах, синтаксические конструкции в высказываниях).

Кроме того, по крайней мере предполагается, что эти две формы организации играют заметную роль на альтернативных ступенях в более общей иерархии контроля. Если эти предположения подтверждаются в результате более внимательного анализа, то представляется, что предложен-

ный выше анализ компонентов культурных систем в полной мере применим к языку.

Схема, в рамках которой язык рассматривается нами как прототипная культурная система, может помочь выяснению вопроса, связанного с понятием символа. Во-первых, термин *символ* употреблялся в двух смыслах: он трактовался и как объект, и как категория *значения*. Различие между объектным и ориентационным аспектами культурной системы (как и всякой системы действия) является одной из главных осей предлагаемого здесь анализа. Имеются веские (с точки зрения указанной схемы) причины, по которым техническое употребление понятия *символ* должно быть ограничено категориями объектов и не должно распространяться на категории ориентационного образца.

Но не все объекты являются символами. Символы следует рассматривать как особую категорию объектов, которые четко различаются по месту, занимаемому каждым из них в культурных системах. Это суть **объекты, наделенные значением на некотором конкретном минимальном уровне общности** в соответствующей системе значений. Это обобщение значения освобождает символы от связи с частными признаками контекста (под этим углом зрения мы уже рассматривали степени свободы, имеющие место в процессах речи и денежного обмена). Символ должен быть объектом, наделенным значением, достаточно обобщенным для того, чтобы его производство и восприятие могли удовлетворять чрезвычайно разнообразным образцам; при этом значения конкретных символов не должны зависеть от частных особенностей контекста, в котором эти символы употребляются: они должны интерпретироваться согласно месту данных символов в культурно обобщенном коде.

С этой точки зрения морфемные и лексические элементы языка образуют системы символов, чего не наблюдается в случае синтаксических и фразеологических элементов. Лингвистический символ является типичным объектом с обобщенным значением, т. к. комбинирование звуков (или в случае письменного языка — зрительных объектов) почти полностью лишено смысла, если оставить в стороне имеющиеся в данном языке конвенции. Вследствие этого они не в состоянии функционировать в качестве символов (т. е. выражать и передавать значение) без обращения к несимволическому ориентационному компоненту языка.

Следовательно, символический статус объекта зависит в каком-то смысле от ослабления связи его значения с внутренней значимостью свойств самого объекта. По выражению Дюркгейма, его значение должно надстраиваться над этой внутренней значимостью. Например, *отец* как символ является символом именно потому, что он не просто функционально эквивалентен реальному отцу, но, будучи взят в качестве эмпирической социальной категории отношений между отцом и ребенком, репрезентирует факты, нехарактерные для этого отношения. Указанное различие принадлежит одному из уровней общности. В терминах теории действия значение *фигуры отца* является универсалистическим по отношению к партикуляристичности реального отношения между отцом и ребенком: нет необходимости в том, чтобы фигура отца находилась (в указанном смысле) в партикуляристическом отношении к субъекту. Символ *Бог-Отец* является типичным примером употребления слова *отец* в качестве символа. Вследствие того, что реальные родственные отношения с божеством невозможны, символизация этих отношений становится необходимой и значимой.

В известном смысле было бы разумно, следуя общепринятому словоупотреблению, рассматривать символы как особый класс знаков (относя, однако, знак к числу объектов, наделенных значением). Но знаки как таковые не обязательно должны находиться на том уровне общности значения, который играет ведущую роль применительно к понятию символа. Большинство знаков участвует в коммуникативном *товарообмене*: они являются исключительной принадлежностью контекста между коммуницирующими индивидами.

В системах действия язык прежде всего занимает место в области отношений между культурной и социальной системой. Это объясняется в первую очередь ролью языка как самого обобщенного механизма, опосредующего человеческое общение. В общей системе действия он выполняет в основном социальную функцию, поскольку коммуникация и социальное взаимодействие неразрывно связаны друг с другом. Язык, следовательно, образует основу взаимопроникновения социальной и культурной систем.

Вход из культурной системы в социальную представляют в первую очередь культурные образцы, или схемы, от

которых зависит организация эмпирического знания. В ответ на это социальная система прежде всего осуществляет на выходе институционализацию этих образцов, т. е. их автоматическое принятие в качестве способа мышления и общения между членами данного общества. Язык является важнейшим механизмом опосредования такого взаимопроникновения. Нормативная структура языка (т. е. его ориентационные компоненты) — его первичный вклад в культуру; значения лингвистических символов (т. е. лексические и фонемические компоненты) — его социетальный вклад.

В ходе социетальной эволюции от языка отделились другие, более специализированные, механизмы, опосредующие взаимодействие. Одно из оснований различия между ними состоит в том, что механизмы типа денег и политической власти более специализированы и являются по своему характеру и по своей функции скорее интерсоциетальными, нежели культурными. Но эти механизмы зависят от достижения *символических* уровней культурного обобщения, которое, в свою очередь, требует освобождения от аскриптивной фиксации ресурсов, контролируемых этими уровнями. В общих чертах природа данного процесса известна на примере денег. В историческом плане можно выделить два основных этапа: развитие рынков для обмена потребительскими товарами через посредство денег и развитие рынков для факторов производства. В случае политической власти эквивалентом потребительских товаров являются специфические решения, принимаемые руководством данного коллектива. Власть может возникнуть в качестве обобщенного средства только в том случае, когда имеется институционализированное обобщение поддержки такому руководству и когда поддерживающие элементы действительно имеют возможность выбирать между альтернативами, существующими в политике и руководстве.

Роль языка как матрицы, из которой в ходе социально-культурного исторического процесса развились наиболее специализированные механизмы, можно сравнивать с определенными этапами развития индивида. Здесь имеется поразительное соотношение между усвоением языка и прочими аспектами социализации ребенка. Природа и значение процесса ранней идентификации с матерью (матрица, из которой развивается более дифференцированная мотивационная система) установлены достаточно хорошо. Т. к. обычно этот процесс достигает своей высшей точки к концу первого года жизни, интересно, что за ним как правило, почти тотчас же следует усвоение языка. Успешная идентификация является, по-видимому, первичным условием развития способности к усвоению языка. Разговорный язык становится основой когнитивного обучения и развития поведенческих навыков, связанных с ним наиболее непосредственно. В образованных обществах этот порядок затем повторяется; за последующей радикальной мотивационной реорганизацией личностной системы (т. е. вслед за стадией Эдипова перехода) следует усвоение письменного языка как культурной основы когнитивного обучения (развития соответствующих навыков) более высокого порядка. Хотя здесь и необходимы дальнейшие уточнения, данный случай может служить подлинным примером того, что *онтогенез повторяет филогенез* (т. е. примером отношения, наличие которого твердо установлено биологической теорией).

Некоторые соотношения культурных и социальных систем

Сложность социальной и культурной систем заставили нас предпослать анализу их взаимозависимости и взаимопроникновения раздел, в котором рассматриваются проблемы, касающиеся культурной системы. Взаимоотношения указанных систем также сложны, и мы будем иметь возможность остановиться здесь лишь на тех из них, которые являются наиболее важными.

Исходный пункт анализа отношений составляют два фундаментальных утверждения. Первое из них гласит, что один из основных компонентов культурной системы, а именно, оценочный, обладает стратегической важностью для общества. Культурные ценности образуют главный культурный компонент структуры социальных систем. Согласно второму утверждению, ценностный образец может стать структурной частью социальной системы только в том случае, если он институционализирован, иначе говоря, только в случае установления его стабильного отношения с областью взаимодействия.

Место языка как матрицы культурных систем позволяет настаивать с достаточным на то основанием на социальном характере всякой культуры более высокого порядка. **Коммуникация** — деятельность, которая является источником и носителем как созидания, так и сохранения культуры. Без большого числа единиц и сложной организации невозможны сложные системы коммуникации и, стало быть, культурная стандартизация содержания и средств передачи. Оценочные компоненты — это те части культурной системы, которые формируются в связи с функцией интегрирования вечных объектов (т. е. образцов в культурных системах) с требованиями актуальной коммуникации. В общей системе действия в аналогичном положении находятся социальные системы, особенно когда они выступают в качестве структуры и процессов действия, опосредующих отношения между культурными системами и личностями индивидов. Оценочные образцы играют решающую роль в процессе институционализации в социальных системах, тогда как катектические образцы и экспрессивная символизация имеют аналогичное значение в качестве первичных культурных компонентов, усваиваемых личностями. Эта тема слишком сложна, чтобы развивать ее здесь дальше.

По самой природе структуры культурных систем, как мы ее понимаем, оценочные образцы не могут стоять особняком: хотя они и регулируют интеграцию, они сами должны быть интегрированы, во-первых, с другими компонентами той же культурной системы, на уровне культурного содержания, и, во-вторых, с требованиями оперативной эффективности в системах действия, отличных от культурной. *Институционализация* позволяет этим оценочным образцам выполнять эти условия интеграции в качестве эффективно функционирующего компонента эмпирической системы действия.

Наиболее значимым для содержания образца самой культурной системы является отношение его к ориентациям на значения, т. к. последние находятся на более высоком уровне иерархии, нежели ценности. Они представляют собой культурные предпосылки ценностей социальной системы. Именно понятия, располагающиеся на уровне ориентаций на значения, дают возможность понять оценочные обязательства, сформулированные в ценностной системе. Имеются, однако, три других решающих условия, которые должны выполняться, если мы хотим, чтобы ценностный образец, будучи значимым, являлся одновременно оперативной основой контроля действия. Во-первых, следует выяснить природу оцениваемых объектов и их эмпирическое отношение друг к другу. Социетальные ценности отличаются от других ценностей тем, что рассматривают общества в качестве **объекта оценки**. Для того, чтобы дать окончательную оценку, необходимо располагать критериями или стандартами, а также достаточно четко сформулированной концепцией объектов, подлежащих оценке (т. е. надо знать, **что именно** оценивается).

Далее, для того чтобы оценка представляла собой нечто большее, чем определенная концепция желаемого, люди должны быть мотивированы **принимать на себя обязательства** реализовать данный ценностный образец в конкретном действии. Эта проблема касается интернализации ценностей личностями. Наконец, для того чтобы можно было реализовать ценностный образец, должна существовать возможность мобилизации **поведенческих** ресурсов, в первую очередь ресурсов, используемых организмом в его связи с физической средой.

Культурные предпосылки действуют через ситуативную конкретизацию **смысла** значений предпосылок более высокого порядка (т. е. комплексов объектов, которые сами по себе ограничивают обращение к более высоким уровням обобщения). Так, человеческое общество всегда состоит из смертных человеческих особей, которые, появляясь на свет грудными младенцами, требуют ухода и социализации и которые должны находиться в отношениях взаимозависимости с другими особями на протяжении своего жизненного пути, строго ограниченного по длительности. К некоторым аспектам ориентации значения эти требования могут не иметь никакого отношения. Однако если упомянутые предпосылки призваны служить основаниями для ценностей, которые доступны пониманию реальных человеческих особей, они должны каким-то образом *решать* проблемы, выдвигаемые указанными требованиями. Так, все религиозные системы неминуемо сталкиваются с проблемой смерти. Если бы не существовало биологической смертности и если бы смерть не была неизбежна, то тогда открылся бы доступ

еще к одному ряду потенциальных ценностей. Как ни одна из институционализированных до сих пор религий не бралась бороться со смертью (религия претендует лишь на ее *преодоление*), точно так же ни одна наука не осмелилась по сей день объявить о том, что она способна устранить смерть и сделать реальных человеческих особей бессмертными в буквальном смысле этого слова.

Конкретизация состоит в **последовательном** рассмотрении релевантности фундаментальных требований, от который зависит осуществление ориентаций на значения. В этом ряду конкретизаций оценка играет решающую роль, т. к. именно она представляет собой тот пункт, где должны взвешиваться значимость множества неизбежно разнообразных и специфических требований. Так, жизненный путь человеческого индивида ограничивается в среднем семидесятью годами, тогда как любое общество существует несравненно дольше. В каком случае самопожертвование со стороны определенного индивида может помочь обществу продлить свое существование? При каких условиях это самопожертвование может быть оправдано с точки зрения ценностей?

Такой последовательный ряд вопросов должен связывать культурные предпосылки с институционализированными ценностными образцами. Когда данная культура институционализирована в социальных системах, эти проблемы существенным образом соотносятся с двумя рядами факторов. Наиболее четкие оценки должны быть оправданы или узаконены путем соотнесения с ориентациями на значения, занимающими в данной культуре более высокие уровни, независимо от того, каким образом эти ориентации сочленяются. Однако социальная система, как и любая другая система действия, является *действующей*: она существует во времени, постоянно имея в виду интересы, связанные с длительной временной перспективой, которые выходят за рамки более кратковременных интересов разного рода единиц и подсистем. Поэтому **преемственность** основных культурных компонентов системы представляет собой центральный вопрос. Радикальная смена ценностей приводит общество к глубокому кризису, т. к. она предполагает повсеместное его переструктурирование. Социальная система, следовательно, обращается к двоякого рода источникам узаконивания своих ценностей: вышележащие источники узаконивают ее ценности на основе значения, а позади и впереди лежащие — узаконивают их на основе временно́й преемственности, т. е. с точки зрения пригодности традиций прошлого для разрешения сложных проблем, с которыми общество сталкивается в настоящем и будет сталкиваться в предполагаемом будущем.

Первым из важнейших свойств ценностной системы является ее постигаемость с точки зрения ориентаций на значения более высокого порядка и органической связи с общественными традициями. Во-вторых, как мы уже отмечали, четко выраженная оценочная ориентация невозможна при отсутствии ясного определения того, что подлежит оценке. Такое определение включает в себя когнитивную формулировку как свойств и качеств данного специфического объекта оценки, так и того эмпирического многообразия, которое окружает этот объект. Как уже отмечалось, в случае социальных ценностей социальная система как объект стоит в центре проблемы *определения ситуации*. Но прежде всего общество следует рассматривать в его детерминированных (т. е. упорядоченных) отношениях к другим категориям объектов эмпирического мира — к социальным системам, личностям, организмам, а также к физическому миру и ко всякой неэмпирической предельной матрице, которую можно было бы считать когнитивно значимой. Указанные соображения предполагают, что в структуре *социальной теории* (в эмпирическом смысле) должно быть нечто, входящее в более обширную систему культурных ориентаций, включающих в себя также и социетальную ценностную систему. Такая теория, будучи непосредственно связана с ценностями как с совокупностью предположительно обоснованных предписаний, касающихся реализации этих ценностей, а также с *рационализацией* этих предписаний, может быть описана в качестве интеграта научного и ценностного подходов (11). Совокупность убеждений, связывающих ценностную систему с ее основаниями, лежащими в области ориентаций на значения более высокого порядка (т. е. в их культурных предпосылках), можно описать как **философию**, образующую основу культурной системы.

Третий центральный компонент институционализации социальной ценностной системы представляет из себя куль-

турный элемент мотивационного обязательства отдельных лиц реализовать определенные ценности. Важнейшим механизмом, обеспечивающим такие обязательства, является **интернализация** систем социальных объектов данного общества в процессе социализации индивида. Предполагается, что эти системы социальных объектов, образующие социальную среду в процессе социализации, являются структурированными, и стандартизация их структуры — предпосылка институционализации социетальных ценностей.

Из сказанного выше следует, что процесс последовательного катексиса все более и более сложных систем (и следовательно, систем все более высокого порядка), охватывающих те или иные социальные объекты, ipso facto является процессом встраивания нормативной культуры, заключенной в этих системах, в структуру личностей, образующих общество, поскольку эти системы объектов в конечном счете действительно интернализуются.

В области когнитивных определений оцениваемых объектов легко могут вырабатываться *идеологические искажения*. Интернализация этих ценностей нормативной культуры во многом благоприятствует развитию отчуждения и последующей мотивации отклоняющегося или нестандартного поведения как регрессивного, так и направленного на внедрение творческих нововведений.

Еще одна — последняя — область институционализации связана с полезными ценностями и со средствами реализации ценностей, которыми располагает социальная система. Мы полагаем, что здесь происходит структурирование пластичности организмов с целью максимального расширения сферы социально полезных навыков. Т. к. этот компонент находится на низшей ступени в иерархии контроля, указанные навыки имеют менее непосредственное отношение к реализации ценностей, нежели любой другой компонент из числа рассмотренных выше. Тем не менее, личность, обязавшаяся реализовать определенные ценности, может действовать эффективно только в том случае, если в момент столкновения с реальной ситуацией она обладает навыками, необходимыми для перевода своих мотивационных обязательств в решения и реальное поведение. Одним из таких весьма важных навыков является навык коммуникации.

Институционализация культурных систем может осуществляться по-разному. Социальные системы находятся в зависимости от культурных систем, которые в них частично институционализированы; однако, обратное влияние также играет чрезвычайно важную роль. Под воздействием напряжений в структуре личности и общества нередко происходит отчуждение от обязательств реализовать те или иные институционализированные ценности; это приводит к различного рода отклонениями от нормы, принятой в данном обществе. В развивающемся обществе, если даже не затрагивается ценностная система более высокого порядка, структуры, расположенные на более низких уровнях, могут утратить способность удовлетворять требованиям ситуации, обусловливающим необходимость процесса структурной дифференциации. Это определяет как изменение ценностей на нижнем уровне конкретизации, так и последующее напряжение, отчуждение и смену обязательств. На всех, и особенно на высоких, уровнях напряжения, вызываемого обязательствами и структурными давлениями, могут затруднять сохранение упорядоченной когнитивной картины данной системы. По-видимому, **идеологическое искажение** отражает некоторое неравновесие, существующее между когнитивными стандартами культуры и мотивационными императивами, уравновешивающими обязательства с другими компонентами личности, а также между собой. Подобные же воздействия со стороны общества должны анализироваться в связи с рационализацией образцов значения институционализированных ценностей.

В известном смысле социальную систему можно представить как систему, пронизанную нитями культурных дефиниций, которые оказывают разнонаправленные воздействия, ни в коем случае не являющиеся ни однотипными, ни взаимно координированными. Предпосылкам (значениям) центральной ценностной системы может быть присуще некоторое внутреннее направление изменения. Когнитивные определения системы как объекта могут подвергаться различного рода изменениям и искажениям. Для личностей разного типа обязательства не являются одинаково статическими. Отношения общества к навыкам организма и к пониманию среды структурно нормируются. В каждом из этих случаев мы имеем взаимодействие, а не просто односторон-

не направленный процесс; все участвующие в нем факторы вступают в отношения обратной связи, оказывая другу на друга сложные воздействия.

Ниже мы рассмотрим вопрос о том, в какой мере возможны какие бы то ни было общие утверждения в связи с проблемой направленности изменения, распространяющегося одновременно на культурную и социальную системы. В дальнейшем мы будем говорить также о том, какое отношение к проблемам социологии знания может иметь данный тип анализа взаимозависимости двух указанных систем.

Классификация культурного материала

Теоретическая трактовка таких тем, а также функционально дифференцированных частей культурной системы отстает пока что от анализа социальной структуры. Так обстоит дело сегодня. Мы, таким образом, лишены возможности дать очерк проблемной области, в столь же значительной мере выходящий за пределы основных ориентировочных соображений, как это имело место в случае социальной структуры.

Культурный фундамент взаимодействия

Наиболее важный исходный пункт, а именно: включенность проблем значений (и, следовательно, функций знаков и символов) в элементарные процессы социального взаимодействия, связывается в данной области с именем Дж.Мида. Этот отправной пункт является центральным для анализа культурного уровня значений. Для того чтобы функционировать в качестве механизма, стабилизирующего процессы взаимодействия, культурная система должна в достаточной мере быть способной к партикуляризации указаний и предписаний, в соответствии как с конкретными требованиями ситуации, в которую помещен индивидуальный актор, так и с задачами, выполнения которых от него ожидают. В рамках процесса взаимодействия должна содержаться возможность адаптации к значительной дифференциации ролей и задач, выполняемых его участниками. Эти партикуляризованные значения знаков и символов должны быть, кроме того, понятны как исполнителю каждой отдельной роли, так и его партнерам. Лишь на основе такого предположения возможно взаимное соотнесение санкции и действий, которое составляет самую суть интеграции системы взаимодействия.

Взаимопонимание и взаимное соотнесение санкции и действий (установление наказания, соответствующего преступлению, если перефразировать Гильберта) предполагают наличие некоторого общего компонента значения. Этот компонент — общие категории, классы понятий и т.п., а также компоненты грамматические, синтаксические и фразеологические, образующие структуру языков, через которые опосредуется взаимодействие. По отношению к эмпирической культуре это именно тот теоретический компонент культурных структур, который имелся здесь в виду. Должны наличествовать сопоставимые элементы *обобщенного образца* также и в других, функционально более дифференцированных компонентах.

Эти соображения приводят к существенно важным выводам. Все культурные системы с необходимостью образуют структурный ряд отношений конкретных и общих значений; в некоторой точке этого ряда должен существовать соответствующий разрыв между ориентацией субъекта и модальностью объекта. Этот разрыв обнаруживается, как правило, в точке перехода от символического соотнесения с частностями (т. е. объектами и классами объектов) к соотнесению с образцами и основаниями *значений*. Решающее различие между уровнями воли индивида и коллектива, участвующих в регуляции поведения реальных человеческих особей, с одной стороны, и уровнем институционализированных образцов (в частности, нормативного содержания правовых систем) — с другой, и есть как раз тот фактор социальной структуры, который способствует осуществлению типов поведения безотносительно к конкретным группам, лицам или действиям.

Особенно существенным в этом отношении является тезис, согласно которому компоненты, располагающиеся на более высоких структурных уровнях социальной системы, состоят из институционализированной культуры, прежде всего в виде ее оценочных *форм*. Можно, стало быть, предполагать, что здесь проходит основная разграничительная

линия с другими сторонами и компонентами культурных систем, т. к. с точки зрения культуры социальная структура представляет собой частный случай. Эта линия просматривается и в языке. Ее мы находим и в области научной методологии. Древняя контроверза о важности теории предполагает наличие этой общей системы отсчета. Эмпирический элемент науки, сам по себе обладающий сложной системой уровней и соотнесений, включает в себя подробные сведения о свойствах объектов и различиях между объектами и классами объектов. Эти детализированные знания могут быть упорядоченными лишь на некотором теоретическом основании, выходящем за пределы указанного (более конкретизированного) уровня соотнесения путем введения уровня концептуализации, связанного с предположениями, лежащими в основе их. Этот уровень можно считать чуть ли не математическим аспектом структуры теоретической системы (12).

Математика представляет собой особенно важный пример. Она является особого рода метаязыком, в котором нет десигнативных имен, а имеются лишь абстрактные символы, которые могут обозначать любые произвольным образом выбранные категории данных об объектах, удовлетворяющих формальным дефинитивным требованиям. Математическая система, следовательно, такая система, в которой ориентационный компонент культурного содержания максимально приближается к некоторому пределу. Эта система должна иметь свои иксы и игреки, но все это — на самом высшем уровне бессодержательной абстракции. Математика органически присутствует во всякой систематизации формального содержания концептуальных схем.

Культурным системам присущи, по-видимому, известные общие характеристики, которые нужно принять в качестве эксплицитной системы отсчета, пригодной для анализа всех систем действия, в особенности же систем, отличных от культурной. Это справедливо в первую очередь по отношению к тем характеристикам, которые уходят своими корнями в основное противопоставление объективного и ориентационного, состоящее, как уже говорилось, в том, что ориентационные компоненты во всех случаях занимают на шкале общности более высокое положение, чем соотнесения с объектами в том смысле, в каком употребляется здесь термин *более высокий*. Как отмечалось, в этом вопросе заключена проблема символизма.

Образцы культуры

Далее рассматриваются важнейшие черты *образцов культуры*. Здесь существенно, чтобы культурная система представляла собой способ **организации** компонентов системы действия по шкале значений от более высокого порядка компонентов к более низкому. Будучи применен к любому культурному элементу социальной системы, этот критерий указывает на то, что первым существенным свойством культурной подсистемы является **общепринятость** оперативных единиц социальной системы соответствующих значений. Отсутствие этой общепринятости говорит о плохой интеграции социальной системы. Ошибкой было бы полагать, что эта общепринятость разумеется сама собой, о чем свидетельствует хотя бы известный феномен *разговоров невпопад*, замещающий подчас подлинную коммуникацию.

Однако в каждый момент значения являются не только более или менее общепринятыми. Они могут передаваться от одной единицы системы к другой, а также от системы к системе. Коммуникация значения обладает особым свойством, не присущим другим процессам переноса или взаимообмена, которые имеют место в ходе социального взаимодействия. Это свойство состоит в том, что усвоение значения, например понимание, не влечет за собой никаких потерь для субъекта, осуществившего передачу. Мы говорим также о *реальных обязательствах*, которым подобное качество не присуще. Так, имущественные права не могут быть одновременно переданы другому лицу и сохранены; так же обстоит дело и в случае механизмов, опосредующих разного рода сделки (в случае денег например). Передавая же информацию другому лицу, передающий не утрачивает знания о ней; это справедливо, по-видимому, для всех процессов усвоения значений (соответственно — обучения им). Это означает, что передача значения (коль скоро она ориентирована на единицу, не *ознакомившуюся* предварительно с его содержанием) расширяет сферу только что упомянутой общепринятости. Поскольку *владение* образцом значения есть способ организации системы действия, диффузия значения предполагает расширение сферы образцов организации. Следует помнить, что диффузия должна быть интерпретирована и что она зависит от условий, поддающихся точному определению (13).

Будучи характерным признаком культурных образцов, *общепринятость* предполагает наличие компонентов, содержащих элемент общности или единообразия. В качестве механизма ситуативная ориентация (т. е. ориентация на системы объектов) должна включать в себя элементы дифференциации. Если даже значения общеприняты в том смысле, что знаки и символы доступны пониманию, использование этих знаков и символов в ходе процессов действия и взаимодействия предполагает, что они различаются по степени соответствия их определенным объектам и обстоятельствам. Это обусловливает важность как конкретных, так и общих компонентов. Более того, культурная система должна обладать некоторой способностью, позволяющей ей углубить дифференциацию. В противном случае она будет неспособна выполнить функции контроля во все более дифференцирующейся системе действия — системе, подверженной изменению, которое не случайно, а вполне направленным образом привносит в один и тот же образец организации во все более обширную и сложную совокупность объективных компонентов, имеющихся в ситуации действия. Такой процесс неизбежно означает как дифференциацию ориентационных (и объективных) компонентов в данное время, так и возможность для их дальнейшей дифференциации. Однако только введения новых слов для обозначения новых классов объектов недостаточно, если развитие языка должно находиться в соответствии с возрастающей сложностью общества и культуры. На синтаксическом и фразеологическом уровнях должны наличествовать новые способы говорения, если то новое, что должно быть сказано, является достаточно сложным. Точно так же для науки недостаточно одного только накопления все возрастающего числа конкретных фактов: сумма знаний, достигшая теоретической структуры более высокого уровня, должна быть реорганизована. Так, переломные стадии развития науки часто бывают отмечены открытием новых фактов; если, однако, эти открытия действительно являются решающими, они, как правило, ведут к радикальной реорганизации более высоких теоретических уровней.

Подобные соображения подводят к последнему общему свойству культурных систем — к свойству, сыгравшему центральную роль в разработке темы, представленной в публикуемых здесь работах. Мы имеем в виду способность культурных систем к кумулятивному развитию.

Здесь важно подчеркнуть, что интерес современных социальных наук к проблемам культуры (по крайней мере в Западной Европе) уходит своими корнями в биологическую теорию эволюции, что и вызвало целый ряд эволюционных интерпретаций процесса социального изменения. Первоочередная теоретическая задача состояла в том, чтобы отделить культурные факторы человеческой эволюции от биологических. Насущно важным здесь оказалось развитие самой биологической теории, в частности идея о том, что приобретенные особенности не могут передаваться по наследству. Это помогло провести четкое различение между генетической наследственностью и тем, что впоследствии иногда называлось *социальной наследственностью*, как бы трудно ни было последовательно проводить это различение во многих специальных эмпирических областях.

Передача культуры без потерь на уровне обобщенных образцов, а также через обучение на более конкретизированных уровнях, является одним из фундаментальных условий ее кумулятивных возможностей. Путем социализации поколений, сменяющих друг друга в рамках данной культуры, могут сохраняться новшества, вводимые предшествующими поколениями, с тем чтобы обеспечить основания для последующих новшеств.

Из вышеприведенного анализа видно, что в основе кумулятивного развития культуры прежде всего лежит ее способность подниматься на все более высокие уровни общности и формировать именно ориентационные типовые компоненты каждой данной культурной системы или подсистемы. Иначе говоря, культурная система более высокого уровня вырабатывает некоторую типовую систему, способную охватить более обширную область конкретизированных значений, а также более дифференцированную систему значений, чем система более низкого порядка; она, в результате, охватывает более *широкую область*, содержащую качественно более разнородные виды конкретизированных значений.

Наиболее тщательно проанализированным и всесторонне осмысленным примером указанного процесса является развитие научного знания, а именно структуры теорий. Наука — кумулятивный компонент усложненных культурных

систем более высокого порядка. Говоря о проблеме общности научной теории, мы хотим, в частности, подчеркнуть что в отношениях между уровнями общности существует относительная непрерывность, но такой взгляд на сумму научных знаний не согласуется с имевшей широкое применение до самого последнего времени концепцией научного прогресса как процесса чисто аддитивного накопления все большего числа дискретных единиц фактического знания. Несмотря на важную роль этого аддитивного компонента, он составляет лишь один из аспектов (а именно аспект экстенсивный) более обширной и сложной культурной системы. Теперь мы сконцентрируем свое внимание на том аспекте уровня общности теоретической ориентации (абстрагируясь от более низкого и более высокого уровней), в котором движение от более низкого уровня к более высокому предполагает **реорганизацию** данной совокупности знаний. Такого рода прерывность имеет место при смене теоретических **систем** в истории науки, например, переход от астрономии Птолемея к системе Коперника и далее от Ньютона к Эйнштейну. Таким образом, знаменитый эксперимент Майкельсона-Морли сыграл выдающуюся роль не потому, что он продемонстрировал еще один ранее неизвестный факт теоретического знания, а вследствие того, что он сделал очевидной необходимость радикальной теоретической реорганизации, показав то, что нельзя было втиснуть в рамки господствовавшего в то время теоретического образца.

Многие склонны были утверждать (чаще в имплицитной, нежели в эксплицитной форме), что кумуляция есть свойство, присущее исключительно науке, а также донаучным эмпирическим компонентам знания. Этот распространенный взгляд был частично обусловлен методологией эмпиризма, которая рассматривала кумуляцию как количественно аддитивный или линейный процесс. Само по себе признание той важной роли, которую выполняет различение уровней организации в научном знании, дает право усомнится в справедливости этого положения.

Коль скоро мы собираемся продолжить данное рассмотрение, следует, однако, остановится на проблеме внутренней дифференциации системы культуры. Рассмотрев этот вопрос, мы вернемся к более общему вопросу, касающемуся кумулятивности.

Функциональная дифференциация культурных систем

В основе предлагаемой здесь функциональной классификации лежит описанная выше схема характеристик разнообразия культурных систем. Каждый из основных типов культурных подсистем касается в основном тех проблем, которые сосредоточены вокруг соответствующей характеристики. Имеются в виду следующие характеристики: уровень когнитивной общности, уровень общности катектического значения, оценочный уровень предельного обоснования значений.

Типичными культурными подсистемами, в которых на первый план выдвигается когнитивная общность, являются системы научного знания, в особенности их теоретические компоненты. В процессе развития обществ и культур обычно достигается все более высокий уровень дифференциации. Уделяя большое внимание в «Элементарных формах религиозной жизни» эпистемологическим требованиям, Дюркгейм предположил, что как научное знание, так и философская мысль развились из некоторой матрицы религиозных ориентаций; мы согласны с тем, что под таким углом зрения может быть освещено множество проблем, связанных с прослеживанием всякой подобной эволюции. Еще одним примером может служить совокупность противоречий относительно места ценностей в социальной науке, в особенности относительно разграничения ценностной позиции, занимаемой исследователем, и канонами объективности его суждений; противоречия эти раздирали социальную науку Запада в течение последних пятидесяти лет. Ранее проблема отграничения оценочной культуры от культуры эмпирически познавательной не возникала столь отчетливо в области человеческого поведения. В течение же последнего пятидесятилетия соответствующие эмпирические дисциплины достигли той стадии развития, на которой такая дифференциация становится делом первостепенной важности. В данном случае, как и во многих случаях дифференциации институционализированных структур, процесс дифференциации не был безболезненным. На этой основе скорее чем на какой-либо иной социология превратилась в первостепенно проблемную область.

В соответствии с поставленной целью мы несколько изменили порядок рассмотрения (по сравнению с предыдущим разделом). Вместо обычного рассмотрения внешней ориентации на мир объектов мы будем сопоставлять научные системы с ориентациями на лежащие в их основе значения, которые участвуют вместе с эмпирическим познанием в *институционализированном* отношении к действию. Эмпирически когнитивные системы и системы ориентаций на значения связаны с тем, что можно было бы назвать *экзистенциальным* отнесением (хотя для систем значения это отнесение является неэмпирическим или философским). Эти системы, таким образом, являются инструментальными в том смысле, что они, в отличие от экспрессивных символов и интеграции, сами по себе не удовлетворяют интересы единиц системы действия.

Эти подсистемы культуры формулируют, в смысле Вебера, ответы на *значимые проблемы*, лежащие в основе главных религиозных и философских систем. Экзистенциональные образцы ориентации на проблемные значения составляют, далее, второй главный тип подсистем культуры. Эти образцы формируют основные предпосылки, определяющие конфигурацию структуры данной культуры. Лишь на самых высоких уровнях культурной дифференциации они четко и эксплицитно отделяются от других компонентов, в частности от ценностей и разного рода элементов экспрессивного символизма. В общем, они, по терминологии Клакхон, представляют собой имплицитную часть культуры, хотя главные философские и теологические движения время от времени формулировали их и в эксплицитной форме.

Аспект культуры, имеющий прежде всего мотивационное или консуматорное значение, связан с подсистемами того типа, которые, в отличие от отношения к объектам, касаются в первую очередь ориентации (выше такие системы были названы образцами оценки). Этот компонент культурных систем в нашем рассмотрении постоянно выдвигался на первый план в виду той особой и решающей роли, которую он выполняет относительно структуры социальных систем. Выяснение этого отношения зависит от четкого аналитического разграничения культурной и социальной систем в целом, а также различных подсистем культуры. Взаимопроникновение культурной и социальной систем ни в коей мере не исключает разграничение различных подсистем, наоборот, оно подчеркивает важность такого разграничения. Необходимо сохранять четкое различие между ценностными образцами и прочими подсистемами той же культурной системы, несмотря на то, что они могут быть нечетко дифференцированы от подсистем других типов (как это часто бывает в конкретных социальных системах).

Итак, в результате нашего предыдущего рассмотрения ценностные образцы были представлены как образцы для оценки проблем стоимости; целей действия, производимого оперативными единицами в системе действия; более обобщенных моральных принципов, которые управляют действием; и, на высшем уровне общности, как образцы различных компонентов *реальности*, в которую уходит своим корнями само значение. Оценочные образцы предполагают наличие ориентаций на объекты; и эти оценки самого общества образуют системы социетальных ценностей, которые формируют точку отсчета, имеющую столь важное значение для нашего теоретического анализа.

Последний из важнейших классов культурных подсистем связан с ведущей ролью выражений катектической устойчивой связи с объектами и классами объектов. Общие соображения по поводу функций и значимости знаков и символов, а также по поводу их соотношения с ориентационными компонентами, применимы также и здесь. По причинам, которые уже указывались, мы рассматриваем эту категорию подсистем культуры как категорию **экспрессивной символизации**. Типичными частными примерами экспрессивной символизации являются разные виды искусства. Их можно отнести к этой категории, элиминировав предварительно три другие. В сложных культурах произведения искусства четко отграничиваются от научного знания. Они стремятся отразить или *описать* эмпирическую действительность лишь в определенных — самых крайних — ее проявлениях, не пользуясь образцами, организованными путем аналитического обобщения научной теории. Во-вторых, если говорить о ценностных образцах, то искусство по самой природе не несет в себе оценочных суждений или обязательств; искусством можно наслаждаться и искусство можно ценить ради него самого. Наконец, несмотря на то, что искусство, подобно всем другим образцам ориентации,

в известном смысле уходит своими корнями в ориентации на значения, сами по себе произведения искусства не являются попытками сочленения этих основ (подобное сочленение лежит в области таких когнитивных дисциплин, как философия и теология). Произведения искусства — это скорее попытки создания адекватных форм выражения, а также манипулирование объектами для созидания таких форм выражения.

Искусство, подобно всем другим компонентам культурных систем, предполагает наличие как конкретизированных знаков и символов, так и обобщенных образцов, которые каким-то образом организуют использование этих знаков и символов и управляют им. Чаще всего эти обобщенные образцы называют *формой* и *стилем*, которые в случае языка соответствуют, согласно нашему предположению, грамматике, синтаксису и фразеологии.

С точки зрения задач, которые мы здесь решаем, особенно важен вопрос о месте религии в общей системе действия. Мы не считаем, что *религия* принадлежит какой-либо первичной подсистеме действия: мы рассматриваем ее в качестве феномена, соотносящегося с тремя подсистемами — культурной, личностной и социальной — и в известной степени интегрирующего их. Организм и физическая среда не связаны с религией непосредственно, они представляют собой факторы, обусловливающие и потенциально способствующие религии и (или) с ней интерферирующие. Кроме того, то, что обычно называется «религией» в менее дифференцированных социо-культурных системах, по своей роли весьма отличается от религии, как она описывается в более высоко дифференцированных системах.

Религия в более общем смысле (т. е. как фактор, организующий высшие уровни ориентации действия) уходит своими корнями в наиболее обобщенные ориентации на значения. Однако когда речь идет о действии, сочленяющем эти ориентации *ради них самих*, то оно носит скорее философский, чем религиозный характер.

Религиозная ориентация выходит за эти рамки в том смысле, что предполагает наличие *обязательства* в реальных контекстах действия. Это не просто «теоретизирование» или «спекуляция». Именно это, по-видимому, имеется в виду в знаменитом изречении Дюркгейма относительно религии.

Указанные обязательства могут быть двух типов. Первый тип — обязательства личности, которые в силу очевидности обладают прежде всего катектической значимостью. В религиозном плане этому адекватен самый высокий уровень обязательства личности, включающий в себя отношение *обобщенного уважения*, или, согласно религиозной терминологии, *поклонения*. С точки зрения личности в религиозной ориентации наличествует установка личностного обязательства на высший «объект» уважения. Этот объект (или их система) относительно эмпирических объектов должен представлять собой некую сущность, допускающую лишь **символизацию**, но не «описание» посредством эмпирических объектов. Центральная установка, соответствующая этому, обычно называется *верой*; эквивалентный этому личностный вход называется *оправданием*.

Другой тип обязательства является моральным, или оценочным. Т. к. оценочная культура сосредоточивается прежде всего вокруг ценностей, институционализированных в данном обществе, проблема моральной законности социетальных ценностей играет решающую роль во всех системах религиозной ориентации. Однако несмотря на то, что религиозная ориентация может состоять как в принятии этих ценностей, так и в их отвержении, основание, на котором они базируются, никогда не является чисто внутренней принадлежностью социальной системы: оно постоянно предполагает наличие такого общего уровня соотнесения, с которым связаны личностные, органические, культурные и (в известном смысле) неэмпирические рассмотрения.

Понятие *вечности* выражает, по-видимому, высший уровень относительности *преходящих* вещей, который может быть сформулирован. Знаменитая формула sub specie aeternitatis, в которой Спиноза выразил свой взгляд на видение вещей, является, следовательно, формулировкой религиозного отношения к моральным проблемам.

Сказанное здесь можно, вероятно, понять в том смысле, что религия есть феномен **общей** системы действия, который нельзя разбить на частные (культурные, личностные или социальные) компоненты. Однако в используемой здесь системе отсчета религия концентрируется преимущественно в области культуры.

По существу речь должна идти лишь о трех из четырех различаемых здесь основных категорий: об эмпирических экзистенциональных образцах, о ценностных образцах и о *религиозных убеждениях*. Даже эта последняя категория, как показывает приводившееся выше соображение, не является *чистой* категорией: она отклоняется от чистых образцов ориентации на значения в сфере религии и соединяется частично с ценностными образцами. Такое выделение оправдано тем фактом, что в имеющемся материале редко можно встретить *чистый* тип, и его не следует трактовать в терминах, которые достаточно легко связываются с социологическими проблемами. Проблемы значения и ориентации на значения оказали внушительное давление на общества и их ценностные системы, в значительной мере повлияв, как мы полагаем, на их развитие (в первую очередь через религиозные убеждения).

Частично можно включить сюда аналитическую категорию ценностных образцов. Отчасти она получает трактовку, когда речь идет об интеграции религии и социальной структуры. Эта категория рассматривается также в связи с вопросами социализации, отклонения и социального контроля. Для создания логической симметрии было бы желательно подключить сюда работы, посвященные этой области, но не связанные с религиозными и философскими убеждениями. Имеется, однако, одна существенная трудность. Лишь в течение последнего времени (уже после того поколения авторов, из сочинений которых заимствовано большинство помещенных в нашем сборнике текстов) стало возможным говорить о возникновении четкого различия между самими культурными ценностями и их включениями в социальные структуры через институционализацию, а также в личность через интернализацию (14). Вот почему анализ проблем, связанных с проблемами ценностей, имеет такое значение. Он связан с экспрессивным символизмом (15). За период времени, охватываемый данной хрестоматией, теория экспрессивного символизма (имеющая непосредственное отношение к стоящим здесь задачам) получила наименее интенсивное развитие по сравнению с другими отраслями теории культурных систем; действительно, она и в наши дни остается наименее развитой из этих отраслей. Мы, тем не менее, сочли эту область исключительно важной и попытались отразить в хрестоматии некоторые точки отсчета, наиболее важные для начальных стадий развития теорий. Мы поместили здесь небольшое число текстов, представляющих наиболее значительные интеллектуальные течения, которые, мы надеемся, могут снабдить нас исходными пунктами для плодотворных теоретических изысканий.

Проблема культурной аккумуляции

Выше уже задавался вопрос относительно того, содержит ли в себе культура потенциальные возможности кумулятивного развития. Мы рассматривали тогда научное знание как полностью дифференцированную форму когнитивной эмпирической культуры. С традиционной точки зрения научное знание всегда являлось типичным примером аккумуляции. Однако этот взгляд основывался частично на несостоятельной точке зрения, согласно которой процесс аккумуляции в этой области — это в первую очередь (или даже исключительно) аддитивная аккумуляция дискретных единиц фактуального знания. Мы показали необходимость наличия уровня обобщенной теории для последовательной реорганизации суммы знаний, что существенно усложняет картину, вводя образец, характеризующийся вместо чисто линейного понятия непрерывной аккумуляции качественно иными дискретными уровнями обобщения. Это усложнение не подрывает, однако, общего убеждения в реальности мироздания и не умаляет значения научного прогресса. Наоборот, мы чувствуем, что эта идея получает, таким образом, гораздо более солидное обоснование, чем то, которое может быть получено, исходя из понятий аддитивности. Очевидно, что космология Ньютона представляет собой прогресс по сравнению с системой Птолемея, однако, и соответствующие им концептуальные схемы были по-разному структурированы.

Имеется тенденция рассматривать три сферы культуры, отличные от научного знания, как некумулятивные. Ни одна из них в ходе своего развития не является аддитивной. Существует необъяснимая преемственность форм искусства, ценностных систем и неэмпирических систем убеждений.

Позиция Макса Вебера представляла наиболее значительное исключение из тенденции принять либо линейную

кумуляцию, либо полную прерывность. Его частично интерпретируют как радикального релятивиста, особенно в вопросах, касающихся ценностей и обоснования ориентаций на значения. Он, однако, постулировал некий единый фундаментальный тип *примитивной* религии, который, можно полагать, неизменно предшествует распространению философии. Он, далее, допускал наличие известного процесса рационализации, который тем или иным образом пронизывает все отрасли культуры. Ясно, что он не постулировал единый линейный процесс культурного развития, приняв идею *ветвящегося дерева*. Анализируя наиболее фундаментальные религиозные ориентации, он, однако, не считал, что это ветвление является результатом случайного собрания обособленных типов. Сформулированное им представляет, по меньшей мере, очерк систематической типологии. Первичными осями этой типологии явились как разделение ориентаций, направленных на потусторонний мир (other-worldly) и на посюсторонний мир (inner-worldly), так и различение аскетизма и мистицизма (в специфически Веберовском смысле). Так, он трактовал кальвинизм как крайнюю разновидность посюстороннего аскетизма, а буддизм — как полярную противоположность кальвинизма, т. е. как потусторонний мистицизм. Широкое использование Вебером идеи рационализации, которая распространялась им даже на искусство, могут проиллюстрировать его работы о развитии западной музыки, где идея рационализации подчеркивалась особо (16).

Таким образом, в исследованиях Вебера имеются определенные предпосылки для признания кумуляции в культурном развитии. У Дюркгейма также имелись определенные идеи в этой области, хотя они и не отличались у него ни столь полной согласованностью, ни охватом столь обширного сравнительного материала, как это имело место у Вебера (17).

Кребер в своей работе «Конфигурация культурного роста» представляет другую линию развития научной мысли. Он демонстрирует важность относительно прерывных фаз в развитии науки, подчеркивая значение качественных элементов, которые мы уже здесь рассматривали, и допуская, что наука сопоставима с искусством в бóльшей мере, чем это обычно считается. Так, например, в конце XVI и в течение XVII в. наблюдалось завершение одной из фаз теоретической реорганизации физической науки (Кеплер — Коперник — Галилей — Ньютон), в результате которой был установлен некоторый образец. Этот образец не подвергался существенным преобразованиям до тех пор, пока в XIX столетии исследованиями Максвелла не было положено начало новой фазе, которая, в свою очередь, достигла своей кульминации лишь с созданием теории относительности Эйнштейна и квантовой теории. Можно полагать, что указанные соображения — каждое со своей стороны — свидетельствуют о наличии более глубокого сходства между образцами, принадлежащими этим различным сферам культуры, чем это может показаться на первый взгляд.

В четко сформулированной эволюционной точке зрения на трактовку проблем упорядочения материала для анализа социальных структур имеются два центральных положения — частично имплицитные. Во-первых, структуру социальных систем образуют институционализированные образцы культуры. Во-вторых, эта культура концентрируется вокруг ценностных систем. Ранние социальные эволюционисты, вроде Кондорсе, Конта и Спенсера, имели тенденцию принимать науку за подтип культуры (прежде всего с эволюционной точки зрения) — и не проводили четких различий между эмпирически когнитивными, оценочными и т.п. компонентами культурных систем.

Коль скоро институционализированные ценности данного общества формируют тот основной центр, в котором происходит сочленение культурной и социальной систем, всякая идея социальной эволюции — которая по самой своей природе предполагает некоторую кумулятивную направленность — реальна лишь в том случае, если ценности системы (в их культурном качестве) получают заметное развитие. Отрицание такой возможности является основным заблуждением современной антропологической школы, которая исходит из идеи *культурного релятивизма*. Это направление сочетает в себе культуризм бенедиктианских (имеется в виду Рут Бенедикт — *прим. ред.*) убеждений с функционализмом, связанным, в первую очередь, с именем Радклифф-Брауна (хотя достоверность этой связи можно поставить под сомнение). Такой акцент был оправданным в интересах изучения частных свойств различных ценностных

систем на различных уровнях и в разного рода конкретных социальных обстановках. Аналогичным образом историк науки обращает пристальное внимание на частные свойства разных теоретических систем. Однако точка зрения, согласно которой системы культурных ценностей не выстраиваются в соответствии с эволюционным прогрессом, находит в этом ничуть не более сильное подтверждение, чем та, которая вывод об отсутствии прогресса в науке могла бы найти в факте наличия элементов прерывистости в отношениях между теоретическими научными системами.

Система отсчета, используемая для анализа эволюционной последовательности ценностных систем, представлена в понятии шкалы уровней общности оценочных приоритетов. Эта последовательность может быть, в сущности, сформулирована в терминах возникновения и решения проблем оценки, включая проблему распространения оценочной сферы. Например, можно ли рассматривать многие явления физического мира просто как *данные*, как часть *человеческой судьбы* или же они должны оцениваться с точки зрения возможности контроля? Можно ли, далее, считать насущным для проблемы оценки вопрос о том, рассматриваются ли общества, отличные от данного, просто как часть среды, в которой живет это общество, или они представляют возможность значимо соотнести их образ жизни с нашим (18)?

Превзойдя известные масштабы, такого рода распространение теряет свою значимость, если только оно не сопровождается и не направляется процессом дифференциации, т. е. установлением различий в ходе категоризации разнородных частей мира объектов, например при разделении объектов на физические и социальные, а этих последних — на *мотивированные* личности и социальные системы, которые в данном смысле не *действуют* самостоятельно. Наконец: всякий процесс дифференциации подводит к проблемам интеграции. С точки зрения культуры интеграция вновь дифференцированных компонентов предполагает восхождение на более высокий уровень обобщения организации культурных компонентов. Это есть процесс *повышения* путем преодоления ряда *уровней обобщения*, наличие которых подчеркивалось здесь неоднократно. Мы настаиваем на том, что эта общая парадигма применима к системам оценки в той же мере, что и к системам эмпирического познания. Упомянутое повышение является, однако, фактором, непосредственно образующим структуру общества.

Между системами двух указанных типов существует двоякого рода взаимозависимость. С эмпирической точки зрения они представляют собой компоненты одной и той же культурной системы; кроме того, посредством институционализации и интернализации они объединены в рамках одних и тех же внекультурных систем действия общества и личности подсистемой культурной системы. Было бы странно, если бы когнитивные подсистемы культурной системы подвергались высокой степени дифференциации по уровням обобщения, тогда как ценностная система представляла бы собой полностью аморфную структуру без такой дифференциации уровней. Следовательно, в ходе социальной эволюции должен иметь место процесс повышения обобщенности ценностных систем, параллельный процессу повышения систем эмпирического знания.

Чтобы правильно понять сказанное, не следует думать, что здесь повторяется *позитивистская* ошибка, состоящая в устранении всякого аналитического различия между научным знанием и ценностными системами (19). Способы объединения этих последних с внекультурными компонентами социальных систем, особенно с требованиями, исходящими из поведения организмов, и с мотивационными требованиями, исходящими от личностей, не относятся к науке. Имеет место еще некоторое вторичное соотношение: как уже отмечалось, на определенных уровнях социокультурного развития сами социальные системы могут стать объектами систематически кодифицированного эмпирического знания.

Коль скоро мы решились распространить общий принцип аккумуляции с систем эмпирического знания на институционализированные системы ценностей, логично было бы распространить его далее, на два других важнейших аспекта системы культуры. Вебер первый выявил как тесные связи между ценностными системами (особенно относящимися к экономическим функциям внутри обществ), так и их корни, лежащие в ориентациях на значения. Эта тема была важнейшей в принятом Вебером генеральном плане сравнительного изучения религии и общества. Между этими основными ориентациями имеются не только качественные

различия. Для того чтобы соответствовать требованиям анализа с точки зрения культуры, они должны быть упорядочены на шкале уровней обобщенности — в направлении, намеченном в нашей формулировке, об измерении обоснованности значений. Таким образом, должны существовать значения объектов-средств, целей, систем порядка, а также первичных основ, из которых развиваются системы порядка. Кроме того, сфера рассмотрения развитой системы должна быть более высокой, чем для системы более примитивной. Д-р Роберт Белла упоминает о процессе *философского прорыва* (20), лежащем в основе развития основных *мировых религий*; по-видимому, это как раз и есть процесс **реорганизации** ориентаций на значения на высшем уровне культурной общности. Экзистенциональная **болезнь** нашего времени может быть с успехом связана с подобным процессом, структурные линии которого в настоящее время если и различаются, то довольно смутно (21).

Вопрос о кумуляции в области экспрессивной символизации (т. е. в области искусства) до последнего времени намеренно не рассматривался, что вытекало из общепринятой тенденции ссылаться на искусство как на типичный случай, подтверждающий непримиримость идеи кумулятивного развития. Такого рода анализ особенно труден, т. к. во всех системах действия катектическое отношение к ситуативным объектам является наиболее конкретизированным из всех основных отношений. Инструментальное отношение к средствам (например, к полезным объектам) обладает, напротив, более обобщенным значением — так же, как это имеет место в случае обоснования катексисов в их отношении к интегративным проблемам системы, с которой они связаны (т. е. в случае соотношения социальной системы с ее институционализированными нормами).

Можно, следовательно, ожидать, что катектическо-художественное обобщение будет принимать особые формы, четко дифференцировыанные от форм эмпирического познания, ориентации на значения и даже от форм оценки. Думается, что в этом смысле некоторый особый способ *конденсации* значения представляет собой основной момент эстетических или оценочных образцов. Т. к. данное обобщение ориентировано на объект, разумно было бы предположить, что оно имеет в качестве своей частной цели особый интерес к символам, и, стало быть, удобнее производить обобщение посредством типизации символов, чем символизации образцов. Символизм сновидений в трактовке Фрейда (случай, находящийся в особом отношении к личностной системе) является, по-видимому, прототипом художественного символизма. Он представляет собой в высшей степени концентрированное выражение поразительного богатства ассоциаций, связанных с прагматическим опытом и ожиданиями (22).

Один из факторов, мешающих увидеть в искусстве элемент обобщения, обусловлен общераспространенной тенденцией подчеркивать важность художественного символизма как такового. Когда помимо особенностей соотнесения, общих для всего катектического поля значений, ставится акцент и на каком-либо из более низких уровней обобщенности какой бы то ни было культурной подсистемы, легко не обратить внимания на элементы, соответствующие синтаксическому и фразеологическому уровням языка или общей теории науки.

В случае искусства такими уровнями являются форма и стиль. Общепризнанно в этой области, что, даже работы, именуемые *реалистическими*, весьма далеки от непосредственной репрезентации своего предмета. Посредством выбора, сжатия, символизации и типизированного упорядочивания компонентов небольшой объем может вмещать гораздо больше значений, чем это возможно в реальной жизни. Исключения составляют лишь самые значительные переживания и события.

Развитие форм искусства нельзя истолковать как аддитивный процесс последовательного изобретения все новых символов. Символы играют в искусстве решающую роль, и одна из основных задач их анализа состоит в выяснении особенностей художественных символов, отличных от характеристик, играющих особо важную роль в науке и философии.

Один из важнейших пунктов, касающихся символизма в искусстве, ярко заявлен у Берка (23). Он состоит в многообразии сочетаний, в которых участвует один и тот же символ или символический комплекс. Берк подчеркивает одновременное присутствие в греческой трагедии гражданского и религиозного уровней, причем последний, по сравнению с первым, является в некотором смысле *ар-*

хаическим субстратом значений. Такой порядок многообразного сочетания символов сохраняется, по-видимому, и в случае катектической символизации в личностной сфере. Это было показано в связи с интерпретацией сновидений в духе Фрейда и используется, как правило, при интерпретации данных, полученных в результате психоанализа. Именно в образцах упорядочения, участвующих в организации этих многообразных символических сочетаний, следует искать элементы обобщенной типизации, содержащейся в системах экспрессивного символизма.

Две проблемы являются здесь центральными: в каком смысле можно говорить об упорядочении подобных систем образов в какой-то ряд уровней общности и каким образом связаны они с другими компонентами культурной системы в целом? Во втором случае наиболее важными и заметными являются связи с религиозными убеждениями и с системой символов. Случай, проанализированный Берком, можно считать типичным; в художественных системах всегда имеется некоторый более четко различимый уровень, где центральная роль принадлежит символизации, и некоторый исторически предшествующий ей (т. е. более ранний с точки зрения развития культуры) субстрат, являющийся менее обобщенным на шкале *усложнения* и стоящий ближе к религиозным традициям, чем элементы более высокого уровня.

С этим тесно связаны пути вычленения искусства из религиозной матрицы. Образцы формы, отделяющиеся от религии, являются в указанном смысле более общими, чем те образцы, которые присущи религии. Учет указанных факторов должен помочь нам более основательно разместить искусство в общем процессе структурной дифференциации систем действия, т. к. этот процесс составляет основу образцов интеграции более высокого уровня. Феномен *релятивизации относительности* (упоминающийся в связи с тремя другими культурными подсистемами) служит по сути дела ключом к решению проблемы кумулирования в области экспрессивной символизации. Впечатление бессистемного плюрализма во многом проистекает из трактовки образцов стиля, которые рассматриваются в изоляции как от культурной системы, частью которой они являются, так и от общества. Строгий учет и теоретический (сравнительный и эволюционный) анализ обоих этих контекстов неизбежно приводит к выводу, что экспрессивный символизм является неотъемлемой частью целостного социо-культурного комплекса.

Здесь уместен, вероятно, следующий пример (24). Европейская музыка подверглась радикальному преобразованию в процессе перехода от Генделя и Моцарта, затем Бетховена, к образцам XIX столетия. Заслуга Бетховена далеко не исчерпывается изобретением нескольких новых музыкальных приемов и фокусов, неизвестных его предшественникам. Он провел радикальную реорганизацию музыкальной формы, которая, особенно ярко бросаясь в глаза в области симфонической музыки, проявляется в контрасте между третьей, «Героической», симфонией и первыми двумя, гораздо более моцартовскими симфониями. Это привело к возникновению нового диапазона и новой энергии для выражения (прежде всего для выражения сильных эмоций и конфликтов), которые не были присущи в высшей степени целостному, но более ограниченному музыкальному стилю XVIII столетия. Неоднократно отмечалось, что культурное изменение было связано с французской революцией и эпохой Наполеона, т. е. с распадом аристократического общества старорежимной Европы. В рамках одного из важнейших видов искусства Бетховен открыл возможности выражения эмоций, сопоставимые в некоторых отношениях с теми возможностями, которые Фрейд открыл на уровне науки спустя почти столетие.

Общий анализ культурных систем дает основание полагать, что принцип кумулятивности развития присущ внутренней природе культурных систем в целом, а не только их эмпирическим когнитивным компонентам и подсистемам. Это развитие не является, однако, простым аддитивным или линейным процессом; если рассматривать его по отношению к уровням общности, оно в некотором отношении представляет собой *ступенчатый* процесс. Если же рассматривать его на основе неизбежно сложных отношений между различными подсистемами более обширной культурной системы, оно в известном смысле будет, вероятно, *спиральным* процессом. Такое усложнение является в известной мере результатом зависимости этих подсистем от сложных взаимных отношений с другими, внекультурными системами действия. Здесь не место анализировать многочисленные

усложненные взаимоотношения. Отрицание этих взаимоотношений — вот главная оплошность, в которой повинны ранние эволюционисты, работавшие в культурной и социальной областях. Однако на основании того факта, что взаимоотношения неизбежно усложнены, нельзя утверждать категорически, что их анализ не имеет своего законного места в социальной науке. Напротив, учитывая их должным образом, мы тем самым создадим одно из важнейших оснований для дальнейшего прогресса социальной науки, которая в определенных теоретических моментах застряла, по-видимому, на мертвой точке.

Указанные соображения сохраняют свою значимость и за пределами социологических интересов. Должно быть, однако, ясно, что правильное понимание общих черт природы структуры и функционирования культурных систем имеет решающее значение для теории социальных систем. В заключении нашего настоящего введения мы попытаемся скомбинировать некоторые из указанных предпосылок анализа социальных систем в их отношении к культурным системам путем краткого рассмотрения одной области исследования, которая привлекает к себе самое пристальное внимание со стороны социологов, а именно, области *социологии знания*.

Социология знания и социология культуры

Социология знания является важнейшим и единственным центром, вокруг которого сосредоточилось рассмотрение социологических проблем, касающихся взаимоотношений между культурными и социальными системами. Эта область, возникшая в Германии и названная там *социологией знания*, связана прежде всего с именем Карла Маннгейма. Эта область заняла в Германии весьма важное место: ее особое положение непосредственно вызвано преобладанием в немецкой социологии той версии коллективистской традиции, которая исходила из идеалистической философии.

В своих наиболее крайних формах идеалистический историзм стремился к полному отождествлению культурных и социальных систем, приходя в конечном счете, как это имело место у Дильтея и Зомбарта, к своего рода культурному эманационализму, считающему, что он *актуализирует себя сам* через *исторический процесс*. Эта тенденция впервые была поставлена под серьезное сомнение марксистской концепцией исторического материализма, в которой постулировалась как независимость, так и ведущая роль комплекса факторов, которые Маркс назвал производственными отношениями, но которые довольно туманно и неопределенно были соотнесены с некоторой *надстройкой* убеждений, ценностей, идеологий и т. п. Проблема соотношения идеальных и реальных факторов (в указанном смысле) стала в Германии объектом наиболее пристального рассмотрения, например в исследованиях Макса Вебера, Макса Шелера и Альфреда Вебера.

По нашему мнению, наиболее значительный вклад в решение указанной проблемы сделан Максом Вебером. Это верно прежде всего потому, что он, пытаясь подкрепить свою версию аналитического различия между упомянутыми факторами, провел ряд сравнительных исследований, руководящая идея которых диктовалась логикой экспериментального метода, иначе говоря, он стремился эмпирически продемонстрировать независимость варьирования. Таким образом, он вырвался из рамок господствовавших в ту пору в Германии тенденций, в соответствии с которыми утверждалось, что прослеживание исторических последовательностей и акцент на внутренней *индивидуальности* феноменов, доведенный до такой степени, что отрицалась уместность сравнительного метода, являются единственно необходимыми или даже единственно возможными требованиями с точки зрения *понимания*. Несмотря на то, что концептуальный вклад Вебера был подвергнут чрезвычайно тщательной и многоплановой разработке, многие фундаментальные теоретические проблемы его научного наследия все еще остаются нерешенными. Эти спорные вопросы имеют прямое отношение к проблеме культурной кумулятивности, которая обсуждалась в последней главе настоящего введения. Сам Вебер проявлял нерешительность по некоторым из этих пунктов.

Подходя к *определению интеллектуальной ситуации*, рассматривать проблему следует исходя из ее философского обоснования. Эпистемологический релятивизм Маннгейма нанес удар в самую чувствительную точку данной концептуальной структуры. Можно сказать, что в целом это было едва ли не последнее отчаянное сопротивление исторического релятивизма, которое усиливалось об-

щей идеалистической тенденцией и в то же время запутывалось во все увеличивающихся трудностях. Релятивизм Маннгейма, как бы ни был он оправдан с точки зрения конкретных концептуальных моделей, особенно в сферах идеологии и религиозных убеждений, если его рассматривать в радикальном эпистемологическом смысле, приводит к несостоятельной позиции, полностью несовместимой с основаниями науки в области человеческого действия. В этом важнейшем пункте Маннгейм проявил нерешительность, тогда как мнение Макса Вебера было здесь в высшей степени четким и оправданным, несмотря на то, что он не довел свою позицию до логического завершения (25).

Рассматривая целостное развитие социальной мысли на протяжении последних 150 лет, мы находим поразительное сходство между логической структурой данной дилеммы, с одной стороны, и логической структурой знаменитой проблемы среды и наследственности — с другой. Здесь имеется точно такая же дихотомическая логика и все та же тенденция формулировать проблему в виде противопоставления, т. е. доказывать, что реально значимым является **либо** одно, **либо** другое. В общем и целом к выходу из подобного тупика можно придти, разрабатывая теорию в двух направлениях, проиллюстрированных выше, т. е. в связи с проблемой независимости образцов культуры от биологической наследственности. Первое из этих существенных направлений состоит в признании как **аналитического** характера рассматриваемых категорий, так и связанной с этим несостоятельности материализации этих категорий в качестве конкретных сущностей, исключающей добавление других факторов в конкретные эмпирические системы. Так, тот факт, что планета Земля является частицей с точки зрения аналитической механики, не мешает ее поверхности служить в то же время физической средой для живых существ. Бесполезно спорить о том, какая из этих концептуализаций является *подлинной*. Второе главное направление состоит в признании того факта, что дальнейший прогресс требует дифференциации используемых в рассматриваемой области концептуальных схем, и она происходит по обе стороны исходной дихотомии. Эти два пункта являются ключевыми в нашем подходе к проблеме социологии знания. Первичным исходным пунктом является существование некоторого глубокого различия между культурной и социальной системами. Однако в традиционной германской трактовке реальных факторов аспект социальной системы часто совмещался с физическими, биологическими и психологическими компонентами (26). Об этом свидетельствуют многочисленные двусмысленные употребления терминов *материальный* и *материалистический*. Наша точка зрения, следовательно, состоит в том, что различение культурных и социальных систем, а также отличие этих систем от других систем действия, а именно от личностей и поведенческих организмов (и, кроме того, от мира *физического*), является существенно важным.

Во-вторых, считая, что различение данных систем является аналитическим, мы имеем возможность разработать концепцию, в рамках которой культурные и социальные системы рассматриваются не просто как *отдельные* и не только как *взаимозависимые*, но и как **взаимопроникающие**. Неудачная попытка выявить проблему взаимопроникновения является одним из главных источников тех трудностей, в которых запутались дискуссии вокруг социологии знания. Ключом к рассматриваемому отношению служит положение, которое повторялось здесь неоднократно — типизация структуры социальных систем состоит в институционализированной культуре. Если принять это за аксиому, то на известном уровне теряет свой смысл вопрос о том, *которая из них важнее*.

Имеется также и обратное отношение. Его можно выразить следующим образом: культурные **проблемы**, вытекающие из того факта, что человеческие особи организованы в социальные системы, нельзя сформулировать, находясь на *чисто* культурной точке зрения. Эти проблемы касаются конкретных требований, налагаемых на функционирование социальных систем, которые являются точно такими же категориями действительности, как и все то, что можно было бы назвать *жесткой, плотной, физической материей*. Существенный момент состоит в том, что определенные аспекты культурных систем не могут быть поняты безотносительно к фактам социальных систем, и наоборот, социальные системы не могут анализироваться без от-

несения к культуре. В этом смысле культурная и социальная системы не могут быть *отделены* друг от друга, однако, они могут различаться и трактоваться как аналитически независимые. Бесконечные неясности, возникшие в связи с марксистской формулой *производственных отношений*, представляют классический пример указанной проблемы. Предельной точкой является здесь тот несомненный факт, отмечавшийся самим Марксом, что нормативная структура правовой системы должна включаться в производственные отношения. Но является ли она *материальным фактором*? Мы понимаем, что на данном уровне дихотомия материального и идеального просто не может быть конкретно применена. Правовые нормы образуют один из компонентов **институционализированной культуры**. В качестве институционализированных правовые нормы представляют собой часть социальной системы; в качестве же культуры они *идеальны* (в нормативном смысле). Тенденция противопоставлять реальное идеальному призвана была затушевать тот факт, что социальная система в действительности представляет собой совокупность механизмов, посредством которых культурные факторы связываются с эмпирическими (и стало быть, с *материальными* в некотором роде) системами действительности. Взаимопроникновение этих двух систем, а также наличие между ними отношений контроля и *обусловливания* составляет в известном смысле важнейшую черту систем действия (27).

На третьем месте стоит проблема концептуальной дифференциации. В социологии знания имелась тенденция рассматривать культуру в целом как недифференцированную категорию. По крайней мере в некоторых случаях эта тенденция проявилась в том, что в качестве прототипа культуры выбиралась экспрессивная символизация, которая в большей мере, чем другие компоненты, делала акцент на личности в ее катектическом аспекте (в отличие от более инструментальных ориентаций). Если в общей структуре культурных систем и должна иметь место какая-то селективность (как она описана выше), то такое акцентирование ее привело бы к максимизации элемента релятивизма.

Элементом культурных систем, который имеет наиболее прямое структурное или коллективное значение для социальных систем, является элемент оценки, особенно связанный с ценностями социальной системы. Этот компонент является несколько менее релятивистским, чем экспрессивная символизация, однако в некоторых ценностных системах он связан с этой символизацией более тесно, чем в других. Признавая значимость такой вариабельности, мы, однако, будем и в дальнейшем подчеркивать стратегическое значение оценочного аспекта культуры для социальной системы, а также важность различия между оценочными и экспрессивными компонентами культурных систем.

Однако наш анализ настоятельно требует введения еще одного различия. К нему приводит сама терминология, которой мы здесь пользуемся, а именно, термин ***социология знания***. *Знание* — одно из многих весьма двусмысленных слов, которое широко используется в рассматриваемой области. Иногда оно обозначает культуру в целом, однако, его употребление чаще всего исключает из этой категории художественное выражение и его оценку (подчеркивая важность положения, согласно которому следует различать оценивание и *познавание* [evaluating and *knowing*]). В английском языке слово *знание [knowledge]* тесно связано с наукой, с **эмпирическим** знанием. Однако немецкое слово Wissen имеет более широкое значение и в несколько измененной форме Wissenschaft обозначает нечто почти тождественное *дисциплине*. Можно, таким образом, почти полностью приравнять знание к усложненному анализу всякой культурной подсистемы (или к анализу в терминах такой подсистемы). Однако в соответствии с предложенной выше схемой следует как и прежде провести два существенных различия: во-первых, существуют преимущественно (но не исключительно) непознавательные — экспрессивные и оценочные — отрасли культуры, и, во-вторых, эмпирические познавательные отрасли, а также отрасли, формулирующие ориентации, основанные на значениях. В науках о действии особенно часто смешивались культурные ориентации на эмпирические объекты со структурами ориентаций на значения (в смысле Вебера).

Эти различия образуют лишь первый этап процесса концептуальной дифференциации культуры, существенной для разработки всякого четкого и значимого анализа социологии культуры, интерпретированного здесь как анализ взаимозависимости и взаимопроникновения социаль-

ной и культурной систем или их подсистем. Но если концептуальная дифференциация существенно важна в случае культурной системы, то так же обстоит дело и в случае системы социальной.

Будучи чрезвычайно увлечен идеей взаимосвязи определенных образцов (которую он считал своим великим открытием), Маннгейм был склонен принять в своих исследованиях марксистский уровень анализа функционирования социальных систем.

В его работе вообще не нашел серьезного применения тот гораздо более высокий уровень теоретической дифференциации, до которого поднялся Макс Вебер. Кроме того, Маннгейм был склонен отводить чрезмерно важную роль понятию класса. В одной из своих частных тем, Маннгейм, однако, основывался на веберовских предпосылках: а, именно, на идее относительно особых черт, которыми наделены *интеллектуалы* в современном обществе. Несмотря на неполноту анализа, вклад Маннгейма в эту область значителен и интересен.

Итак, в настоящем введении мы предложили очерк основных путей внутренней дифференциации культурных систем относительно других подсистем действия.

Всякая адекватная трактовка *социологии культуры* должна, на наш взгляд, открыто признать как разделение, ставящее эти системы по обе стороны указанной разграничительной линии, так и неизбежно сложные взаимоотношения, связанные с взаимопроникновением и взаимозависимостью двух указанных систем. В заключение мы можем предложить лишь несколько направлений анализа, которые уже отчасти разработаны и представляются многообещающими.

Путаница — особенно в англоязычном мире — реже всего возникает там, где внимание концентрируется на эмпирическом знании, которое представляет собой аспект культуры. Как будет показано, одна из основных ориентаций здесь состоит в принадлежащем Малиновскому четком различении между примитивными прототипами науки и рациональной технологией. Важные начинания, заложенные в этой области исследованиями Вебера, были развиты затем Мертоном и Барбером (28). Важно отметить здесь, что в целом по отношению к конкретному содержанию следует выделить три различных аспекта социологии научного знания. Один из них касается условий, связанных с сохранением данного уровня научного знания (частично культурной традиции), а также управлением достаточно большими и стратегически размещенными элементами народонаселения. Это непосредственно связано с комплексом сохранения образца в данном обществе, в данной культуре и — по отношению к отдельным контингентам народонаселения — в процессе социализации, которую удобно рассматривать со стороны образования. Второй комплекс — это комплекс технологический. Он связан с социологическими условиями реализации эмпирического знания в таких сферах социальной культуры, которые, как таковые, не касаются в первую очередь ее созидания и сохранения. Многочисленные факты, имеющиеся, например, в области здравоохранения, показывают, насколько широкое распространение получили условия, препятствующие использованию *легко* доступного знания (29). Не следует забывать и о том, что развитие техники в течение примерно последнего столетия — с тем колоссальным воздействием, которое оно оказало на повседневную жизнь миллионов людей — явилось не просто результатом доступности фундаментального знания. Оно зависит от сложной совокупности условий, наличествующих в социальной системе и связанных со структурными характеристиками *индустриальных обществ* (30).

Третий аспект социологии знания касается условий научной продуктивности. Этот аспект сложным образом связан с уровнем личности; однако выдающаяся роль *гения* не должна затемнять важность социальной среды, в которой совершается исследование. Это окружение находится в тесных отношениях взаимозависимости с культурными факторами за пределами самой науки, в особенности, по-видимому, с определенными ситуациями, включающими значения. Ярким примером могут служить связи между пуританством и физической наукой — гипотеза, выдвинутая Вебером и развитая Мертоном.

Рассматриваемая область усложняется и предстает в особом ракурсе, когда объектом научного наблюдения и анализа является поведение человеческой особи, в частности, ее личностные, социальные и культурные системы. Анализ условий, предваряющих возникновение социологии, который проделал Надель, служит прекрасным примером исследования

в указанной сфере социологии знания. Другой классический пример — самонаблюдение индивидов, или *интроспекция*. Радикальные бихевиористы прошлого столетия отказывались признать за ней всякий научный статус; тем не менее их отказ не может более служить основанием для отрицания за ней такого статуса. Успешная интроспекция точно также зависит от поддающихся определению условий, как и получение объективно эмпирического знания любого другого типа. В общем, как мы уже подчеркивали, разработка научного знания в области человеческого действия с необходимостью является поздней и особенно трудной сферой в эволюции эмпирической научной культуры.

Один из главных источников трудностей, стоящих перед поведенческой наукой, а также один из тех центров, вокруг которого концентрируются ее проблемы и потенциальные возможности, лежит в ее связи с идеологией. Как уже отмечалось, идеологию следует рассматривать как способ стандартизации ориентаций, который связывает эмпирические знания в области действия с оценочными компонентами. Исторически она действительно представляет собой своего рода центр, вокруг которого сосредоточены проблемы социологии знания.

Трудности, возникающие при попытке примирится с *вторжением* оценочного компонента в область объективной науки, послужили одним из решающих толчков, давших начало релятивизму Маннгейма.

Ценности занимают самое видное место в сфере взаимопроникновения социальной и культурной систем. Этот компонент культуры действительно наиболее непосредственно участвует в образовании самой социальной системы. Для того чтобы социология являлась наукой, необходима основательная разработка проблемы основных отношений между трактовкой социальных систем как объектов научного наблюдения и анализа и рассмотрением ценностей, которые присущи социологам как членам общества, ориентирующим свое собственное поведение в соответствии с ценностями, институционализированными в них(в особенности, когда они враждебно настроены по отношению к ценностям, доминирующим на данном этапе). Маннгейм, следовательно, указал на подлинно центральный момент проблемы взаимоотношений между социальной наукой как социальным феноменом и все той же социальной наукой в ее соотношении с культурой, т. е. в качестве подсистемы культуры, независимой от общества. На уровне институционализации культуры проблема идеологии является функциональной проблемой социальных систем, прямо аналогичной дюркеймовской проблеме органической солидарности, рассматриваемой на уровне внутренней организации самой социальной системы. Однако, для того, чтобы выполнить задачу, которую ставит перед социологией эта центральная проблема идеологии, необходима гораздо более дифференцированная схема анализа, чем та, которой располагали Маннгейм и его более или менее непосредственные последователи.

В данной связи особенно важно различать два уровня анализа этой проблемы. Первый уровень анализа касается связи между ценностями и научным анализом общества, в котором эти ценности институционализированы на **уровне интеграции самой культурной системы**. Эта проблемная область близко соответствует тому, что Маннгейм называл *общей проблемой идеологии*. Пользуясь, однако, терминами, заимствованными у Макса Вебера и фон Шельтинга, мы можем утверждать, во-первых, что для того, чтобы эта проблема была интегрирована с ценностной системой, институционализированной в обществе, в структуре соответствующей части социальной науки должна быть предусмотрена возможность выбора в соответствии с критериями значимости, которой обладают данные проблемы для данных ценностей. Вебер называл это принципом Wertbezichtung, что можно перевести как *ценностное соответствие*. Во-вторых, наличие этого элемента релятивности по отношению к ценностям не исключает применение научных канонов объективности. Указанный элемент релятивности связан с выбором на основе значимости проблем, а не с нарушениями стандартов, применяемых для оценки решения этих проблем. Процесс ратификации подчиняется тому, что Вебер назвал *логической схемой доказательства*, которая не является культурно релятивной в указанном смысле. Чтобы не спутать эту проблемную область с областью проблем, которые будут рассматриваться во вторую очередь, мы предполагаем не использовать в данной связи слово *идеология*, употребляя вместо него термин *ценностно-научный интеграт культуры*.

Проблемы, образующие вторую совокупность, касаются взаимодействия культурной и социальной систем, а не

структуры культурной системы как таковой. Наличие в социальной системе структурных напряжений дает возможность выявить и объяснить элементы выбора, а также элементы нарушения, имеющие место в понятиях, используемых для описания социальной системы. Критерии, позволяющие утверждать о существовании такой *вторичной* селекции и отклонении понятий, должны служить стандартами социальных дисциплин, сформулированных в терминах ценностно-научного интеграта. Название *идеология*, соответствующее *частной идеологии* Маннгейма, будет закреплено за оценочным понятием социальной системы или за ее аспектами и подсистемами, которые, судя по этим стандартам, **отклоняются** от ценностно-научного интеграта *идеального типа* данной культуры. Объяснение идеологической селекции и нарушения применения понятий следует, далее, искать в селективной и частичной институционализации ценностей в социальной системе, а также во взаимоотношениях между этими ценностями и другими компонентами социальной системы, например, мотивационными *интересами*, интегративной коммуникацией и ее требованиями и т. д. (31).

Тип проблем, касающихся культурных соотнесений более высокого порядка, которые заключены в рамках физической науки, можно проиллюстрировать отношением пуританства к науке в Англии XVII века. Данное отношение аналогично отношению между ценностями и религиозными обоснованиями, на которые — в смысле ориентаций — эти ценности опираются. Вебер в своем анализе отношений этики аскетического протестантизма к *капитализму* и ко всему ценностному комплексу, лежащему в основе современных индустриальных обществ и институционализированному в этих обществах, поставил эту проблему наиболее плодотворно. К настоящему времени было проведено достаточно полное сравнительное изучение, показавшее, что отношение между аскетическим протестантизмом и социальной организацией не является ни простым, ни эксклюзивным (32).

Это, однако, недостаточно веская причина для того, чтобы отрицать наличие здесь какой-то ни было существенной связи.

Вебер исчерпывающим образом документировал свою проницательную догадку относительно этого обратного отношения в своих обширных рассуждениях по поводу отношений между религией и социальным статусом.

Социальные группы различных типов проявляют неодинаковую восприимчивость по отношению к призывам различных религиозных ориентаций, в особенности же к факту их врастания в различные понятия, лежащие в основе значений. Это, однако, один из многочисленных случаев, показывающий, что если одна совокупность факторов зависит от какой-то другой, то это не дает основания отрицать важность **взаимозависимости** (или, по словам Вебера, *другого конца каузальной цепи*).

Рассматривая место религии в общем комплексе отношений, имеющих место в культурных и социальных системах, мы предположили наличие здесь чрезвычайно важного трехстороннего отношения между аспектами культуры, на которых основываются ориентации и узакониваются ценности данного общества. На высшем культурном уровне это дает комплекс отношений, аналогичный дюркгеймовскому понятию механической солидарности на уровне внутренней структуры общества, а также механизмам социального контроля. Здесь, как и в любой другой области, социология культуры должна принимать во внимание сложные взаимоотношения между обществом и культурой на основе социетальных ценностей, а также формы зависимости такого обоснования от индивидуальных обязательств. В данной связи социологию религии удобнее всего рассматривать в основном как одно из ответвлений социологии культуры.

Социология религии (и во многом философии) занимается изучением проблемы *знания* в одном из тех пониманий, которые имеются в немецкой традиции, т. е. изучением ориентации в контексте *проблем значения*. Она одновременно связана с проблемами, касающимися четвертой из наших основных культурных подсистем — экспрессивной символизации. Мы показали, что на вершине иерархии объектов катексиса располагается понятие объектов *всеобщего уважения* или *поклонения*. Выяснение предпосылок такого упорядочения привело бы к проблемам социологии искусства (а также к требованию обобщения этого опыта).

Мы надеемся, что настоящее рассмотрение, которое исходит из проблем социологии знания, выполнило свою функцию, показав, что некоторые аналитические соображения, предполагавшиеся в разделах, открывающих данное введение, имеют прямое отношение к более актуаль-

ным проблемам социологии культуры (т. е. к изучению взаимозависимости и взаимопроникновения социальной и культурной систем).

Заслугой Маннгейма является то, что он выделил самую главную проблему — проблему идеологии в качестве наиболее важной области отношений между социальной наукой и ценностными системами общества, подчеркнув важное значение сопутствующих методологических проблем. Это было продолжением дискуссии, в которой столь значительной вехой оказалась статья М.Вебера, посвященная объективности знания в социальных науках (33). Маннгейм приковал внимание к целому комплексу проблем, намеченных Вебером в ходе рассмотрения проблем религиозных значений, как оснований ценностных систем и личностных обязательств (религиозных интересов) индивидов. Нам кажется, что ни социология знания, ни веберовская версия социологии религии, взятые в отдельности, не образуют адекватных оснований для более общей аналитической схемы. Обе они должны найти свое место в рамках более общей социологии культуры, где все компоненты обеих рассматриваемых здесь систем окажутся взаимозависимыми.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Этим введением я особенно обязан доктору Роберту Н. Белла (Dr. Robert N. Bellah). Многие из представленных здесь идей возникли из разговоров с ним, и его побуждающая к развитию критика, которой подверглась первая редакция этой рукописи, привела к основательной ее переработке.

(2) Трудно переводимое немецкое понятие Sinnzusammenhänge является в этой связи особенно выразительным.

(3) Эта фраза принадлежит Вайтхеду (Whitehead). Этого же взгляда придерживался и автор как в своей работе «Структура социального действия» («The Structure of Social Action, 1937), так и в написанной в соавторстве с Шилзом (Shils) статье в сборнике «Toward a General Theory of Action». Но по мере дальнейшей теоретической работы эта точка зрения более не представляется уже адекватной и претерпела изменения, которые очевидны из изложения материала в следующих параграфах данной работы.

(4) Существует двойственность в обычном употреблении понятия *[theory] теория*. Понятие часто используется для обозначения того, что ниже я назвал решением проблемы, например, *теория молодежной делинквентности*. В настоящем контексте я подразумеваю под *теорией* логическую систему абстрактных *утверждений*, абсолютно лишенных прямого эмпирического содержания. Прототипом является система дифференциального исчисления, составляющая теорию классической механики.

(5) Важность различения более чем одного уровня *идентификации* для процессов социализации индивидуума обсуждается в работе Парсонса: Social Structure and the Development of Personality // Psychiatry. Nov., 1958.

(6) См.: *Olds J.* The Growth and Structure of Motives, ch. III. Free Press, 1957. А также (Парсонс) *Parsons T.* The Theory of Symbolism in Relation to Action // Working Papers in the theory of action, ch. II. Free Press, 1953.

(7) Соображения в пользу выбора этого понятия развиты в: Парсонс «Social Structure and the Development of Personality», цитированное издание.

(8) Классический анализ структуры и значения концепции полного смысла порядка (meaning order) в настоящем смысле дан Кеннетом Берком в кн.: On the First Chapters of Genesis. Daedalus, Summer, 1958.

(9) *Jacobson R., Halle M.* Fundamen tals of Language. The Hague: Mouton & Co., 1956.

(10) Там же, стр. 77.

(11) Поскольку этот культурно обусловленный интеграт характеризуется дальнейшим отбором и искажением, которые относятся к структурированному напряжению в обществе, мне хотелось бы говорить здесь об идеологии. См.: *Parsons T.* An Approach to the Sociology of Knowledge // Proceedings of the Forth World Congress of Sociology, vol. IV, 1961.

(12) Там же.

(13) В центре проводившегося выше сравнения языка с деньгами находилось различие между культурно-структурным аспектом механизмов коммуникации и определенными условиями и последствиями их оперативного использования. Культурная структура и значения могут, конечно, передаваться без потерь (в случае языка это применимо к конкретизированным сообщениям, а не просто к знанию самого языка). Однако в контексте конкретного социального взаимодействия акт говорения (устного или письменного) имеет свои последствия. Поэтому свобода го-

ворящего сказать все, что ему заблагорассудится, существенным образом ограничена. Иными словами, реальный процесс речи связан с затратами: какие-то ранее доступные альтернативы приносятся в жертву, коль скоро в данном случае обязательны неизвестные актору формулировки. Так, нарушение условий контракта или невыполнение обещания, например, диффамация, могут расцениваться как преступление, дающее основание для судебного преследования. Точно также деньги перестают быть собственностью, когда они израсходованы.

(14) См. коротенькую заметку относительно развития и роли указанного разграничения культурных и социальных систем А.Кребера и Т.Парсонса «Понятие культуры и социальной системы». Русский перевод статьи помещен в данном сборнике, впервые опубликована в «ASR», т. 23, №5, 1958 г. Издатели обязаны этим пунктом д-ру Клифорду Греетцу (Калифорнийский университет, Беркли), который упорно настаивал на необходимости включения в хрестоматию материалов по экспрессивному символизму и помог нам при подборе текстов.

(15) Здесь издатели также обязаны доктору Клиффорду Греетцу из Калифорнийского университета в Беркли, твердо настоявшему на включении материалов об экспрессивном символизме и помогавшему нам в отборе материалов.

(16) *Weber M.* Wirtshaft und Gesellshaft. 2d ed. Tülingen: J.C.B.Mohk, 1956.

(17) Об этой фазе работ Дюркгейма см.: *Robert N. Bollah.* Durkheim and History // American Sociological Review. 1959.

(18) Следовательно, этноцентризм может рассматриваться как характерная черта *примитивных* обществ, связанных с дописьменными, построенными на родственных связях социальными структурами и т. д. Под *этноцентризмом* мы понимаем представление, взятое без доказательств о том, что *наш образ жизни* является соответственно правильным и единственно возможным.

(19) Общая *позитивистская* идея об осуществимости *научной этики* не относится к занятой нами здесь позиции. Сказать, что кумулятивная модель, достигая высокого уровня обобщения, разделяется и наукой, и ценностными (evaluative) понятиями, не значит сказать, что последние могут адекватно основываться на первых в смысле логической выводимости их из научных обобщений, рассматриваемых как постулаты. *Этику* мы рассматриваем на культурном уровне как часть гораздо более разветвленной системы культурного содержания, частично независимого, но вместе с тем и взаимозависимого по отношению не только к науке, но и к катектическому моделированию (patterning), а также к обязательствам (commitments) и ориентациям значений.

(20) В неопубликованной работе «Religion and Politics in Modern Asia». Это понятие было использовано такими историками культуры и философии, как Генри Франкформ и Георг Миш.

(21) По существу вышеупомянутый аргумент вводит понятие *«относительность относительности»* для всех трех обсуждаемых культурных систем. Это значит, что на широком сравнительном уровне обобщения их следует считать подлежащими взаимной интеграции. Таким образом, современную науку нельзя рассматривать как часть той же культурной системы, к которой относится примитивная религия, но она определенно связана с Западным Христианством, в особенности с аскетическим Протестантством и его более поздними культурными производными.

(22) Представляется, что одной из наиболее интересных работ, посвященных исследованию разветвлений систем ассоциаций значения из нескольких разных уровней, а также значимости фактора обобщения, является еще неопубликованная рукопись Кеннета Берка «Поэтика», в которой в качестве исходного пункта использованы трагедии Софокла. Сравнительно богатый анализ таких разветвлений с ярко выраженной эстетической точки зрения предоставлен в его работе: Eric H.Erikson. Young Man Luther.

(23) Там же.

(24) Пример этот был предложен доктором Клиффордом Греетцом в личной беседе.

(25) Классический анализ этих вопросов содержится в работе Александра фон Шелтинга, где широко рассматривается проблема *социологической относительности* в исследованиях Маннгейма: *Alexandre von Schelting.* Max Webers Wissengeschaftslehre. К сожалению, эта работа никогда не переводилась на английский язык.

(26) Таким образом, с исторической точки зрения, проблема личности по вполне понятным причинам не оставалась без внимания в рассматриваемой немецкой историчес-

кой традиции. Это была Kultur (культура) или Seist (дух) против Gesellschaft (общества).

(27) Основной вклад Дюркгейма состоял, очевидно, в том, что он полностью понял и разъяснил это отношение.

(28) *Merton R.K.* Science, Technology and Society // Seventeenth-century England. Bernard Barber Science and Social Order. Glencoe, Free Press, 1952.

(29) Внушительный компендиум таких фактов находится в: Health, Culture and Community / Paul B.D. (ed.). N.Y.: Russell Sage Foundation, 1955.

(30) См.: *Parsons T.* Structure and Process in Modern Societies, ch. IV. Free Press, 1959.

(31) Эта концепция идеологии используется также в кн.: *Sutton Harris, Kaysen, Tobin.* The American Business Creed. Cambridge: Harward Univ. Press,1957. Мной была предпринята попытка более детальной разработки оснований упомянутого различения проблемных областей и анализа каждой из них в их взаимосвязи в «An Approach to the Sociology of Knowledge», цит. изд.

(32) См.: *Bellah.* Tokugawa Religion. Free Press; *Geetz C.* Religion in Jawa. Free Press, 1960; *Laudes D.S.* Religion and Enterprise. The Case of the French Textile Industry, unpublished manuscript.

(33) *Weber M.* The Mening of «Ethical Naitrality in Sociology and Economics»; Max Weber on the Methodology of the Social Sciences (thoms. and ed. by E.A.Shils and H.A.Finch. Glencoe: Free Press, 1999).

Общества

(SOCIETIES. Evolutionary and comparative perspectives. Talcott Parsons, Harvard University, Prentice–Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1966; Prentice–Hall Foundatione of modern sociology series, Alex Inkeles, Editor.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда редактор «Серии Основ современной социологии», Алекс Инкельс, предложил автору сделать свой вклад в эту серию книгой, которая была бы посвящена обществу в целом как социальной системе, то это было очень заманчивое предложение. Выполнить же его оказалось неожиданно трудно. Само собою разумелось, что подход, изложенный в данной книге должен быть сравнительным, что все теоретические достижения социологии должны быть мобилизованы для анализа не только взаимосвязей различных составных частей общества, но также и сил, вызывающих изменения в его структуре, а следовательно, также и изменения типа общества и изменения различных обществ.

Если бы в данной книге мы сделали, однако, ударение на сравнительном рассмотрении проблем, то это вступило бы в прямое противоречие с рассмотрением вопросов социальной эволюции, а это последнее было признано обязательным, так что уклониться от него было невозможно. Все это еще более усложнилось тем, что ученые-обществоведы занимаются сравнительными проблемами, та же часть книги, где говорится об их исследованиях, с большой опреде-

ленностью и настойчивостью выдвигала проблемы эволюции. Эти трудности были вызваны также и новыми достижениями в унификации научной теории, в частности, в данном случае — биологической и социальной.

Это вызвало некоторые проблемы, касающиеся отбора эмпирического материала и его теоретического упорядочения и анализа. Очевидно, что для того, чтобы провести более или менее полный *настоящий* анализ этих проблем, потребовался бы обширный трактат, возможно, объемом в несколько томов. Определенные ограничения в размерах томов данной серии работ не позволили провести такого анализа. Лимит и так был сильно превышен, редактор и издатель любезно согласились пропустить весь материал при определенной реорганизации, которая позволила бы разделить его на два тома данной серии. Разделение было проведено в терминах эволюционных этапов. Данный том ограничивается разбором основных обществ, которые классифицируются как *повышенного типа промежуточные*, они включают два *общества-парника*, которые разбираются в 6-ой главе, а именно — древний Израиль и классическую Грецию. Продолжением должна явиться «Система современных обществ», описывающая систему, характерную только для одного времени и места — для Европы в период после средних веков, хотя, разумеется, ее основные структурные модели в настоящее время существуют вне Европы. Два тома, таким образом, оказались относительно независимыми друг от друга, так что их можно читать отдельно один от другого. Более же общие идеи автора, касающиеся проблемы сравнительного и эволюционного анализа обществ, могут быть лучше уяснены при чтении того и другого тома вместе.

Работы такого характера, в особенности если они выходят за рамки рассматриваемого периода, с необходимостью включают в себя большие куски из исследований других авторов, критически переработанные самим автором данной работы. Алекс Инкельс как редактор данной серии был того же мнения и поддерживал меня, так же как и все сотрудники Прентис-Холла, с которыми мне приходилось иметь дело. Особенно обязан я мисс Констанс Беррон, которая в качестве моего секретаря была в первую очередь ответственна за прохождение рукописи по инстанциям. Также я чувствую себя должником Виктора Лидза, чьи услуги были совершенно незаменимыми. В качестве моего помощника в исследованиях он явился главным лицом, участвовавшем в поисках и отборе литературы. В ходе длительного обсуждения проблем, касавшихся сбора и интерпретации материала, он сделал чрезвычайно много для того, чтобы анализ был ясным и систематичным. И наконец, он отредактировал весь рукописный материал с точки зрения ясности изложения и стиля. Без его помощи данная книга в таком виде никогда не была бы написана.

Талкотт Парсонс

I. Изучение общества

Серия книг под общим названием «Основы современной социологии», частью которой является и эта небольшая книга, занимается обществом и его составными частями со многих точек зрения и на многих уровнях. В некоторых работах рассматриваются главным образом небольшие элементы общества, такие как семья, местная община, в других же — такие специальные предметы, как теория и метод исследования. Данная работа стоит в этой серии несколько особняком, она рассматривает наиболее всеобъемлющую единицу, которую обычно изучают социологи — **общество как целое**. Существует, по-видимому, колоссальное многообразие типов обществ, ранжированных самым различным образом: от примитивных обществ с крайне малой шкалой до новых сверхнациональных обществ США и Советского Союза. Кроме того, на приблизительно эквивалентных уровнях развития существует огромное число вариантов: от аскриптивной жесткости традиционной индийской кастовой системы до относительно открытой и допускающей мобильность системы Китайской империи. В этом очерке мы попытаемся как-то упорядочить этот весьма сложный объект.

Рассмотрение общества как целого ни в коем случае не исчерпывает возможностей эмпирического применения понятия *социальная система*. Многие социальные системы, такие как местная община, школа, предпринимательская фирма и единица родства — это не общество, а подсистемы общества. Таким образом, в достаточно плюралистическом

мире многие социальные системы, которые являются *частными* системами, если говорить о понятии *общество*, могут быть частью более чем одного общества. Наиболее простые случаи — это взаимопереплетающееся членство в различных группах. Так, миграция ядерной семьи делает ее постепенно структурной единицей того общества, в которое она движется. Однако же остается много связей со *старой родиной*. Вместе с мигрирующей семьей они образуют социальные системы, которые связывают друг с другом или частично накладывают друг на друга два или более общества. То же самое можно сказать о фирме предпринимателей, о профессиональных ассоциациях, церкви и других организациях, которые сохраняют свои *ответвления* в двух или более странах. И, наконец, в некотором смысле общество — это и самая широкая социальная система, и часть еще более широкой интернациональной или интерсоциальной системы.

Понятие *общество* мы будем обсуждать еще подробнее в последующих главах. В данном же случае достаточно сказать, что общество — это по сравнению с другими наиболее *самодостаточный* (self-sufficient) тип социальной системы. Обществу в гораздо большей степени внутренне присуще все необходимое для независимого существования, чем таким единицам, как фирма, которая слишком специализирована, или *христианская церковь*, которая слишком свободно организована для того, чтобы функционировать согласованно, как единое общество. Поэтому единицы общества, поскольку они дифференцированы или сегментированы, более зависят от других единиц того же самого общества, чем от единиц других обществ.

По причинам, которые мы будем разбирать ниже, общество — это первая *политически организованная* инстанция, если применить здесь выражение Roscoe Found. Должна соблюдаться лояльность как к духу общины, так и к некоторому *корпоративному агентству* такого рода, который мы обычно расцениваем как правительственный, и должен быть установлен сравнительно эффективный нормативный порядок внутри определенной территориальной области.

В нашем исследовании обществ мы будем руководствоваться как эволюционной, так и сравнительной точками зрения. Это помогает создать представление о человеке как о некотором интеграле органического мира, человеческого общества и культуры, который следует анализировать в общей системе координат, применимых к жизненному процессу. Будем мы использовать дополнительно его *биологическое* измерение или нет, принцип эволюции твердо установлен в применении к миру всего живого. Следует включить сюда также социальный аспект человеческой жизни. Такие основные понятия органической эволюции как изменение, отбор, адаптация, дифференциация, интеграция, находятся в центре нашего внимания в качестве необходимого добавления к социальным и культурным сторонам проблемы.

Социально-культурная эволюция, как и эволюция органическая, протекает посредством изменения и дифференциации от простых к сравнительно более сложным формам. Но в противоположность некоторым прежним концепциям в этой области этот процесс идет не по единой четко определенной линии, но на каждом уровне в него включается все большее разнообразие различных форм и типов (1). Однако если смотреть на этот процесс в целом, то становится очевидным, что формы, кажущиеся одинаковыми на данном этапе и в данных обстоятельствах, не одинаковы с точки зрения их возможностей содействовать дальнейшему эволюционному развитию. Бесконечное разнообразие человеческих стандартов действия — один из наиболее важных фактов человеческого существования.

Под этим углом зрения можно обозначить четыре взаимозависимых и тем не менее в определенных отношениях независимых аспекта той проблемы, которая стоит перед нами. Во-первых, мы должны использовать общую концептуальную схему социальной системы, которая лежит в основе любого социологического анализа, независимо от размеров и функционального значения исходной системы относительно других систем.

Во-вторых, мы должны рассматривать те проблемы общества, которые возникают по той причине, что общество является таким типом социальной системы, который предполагает более сильный контроль за действием, чем все другие, и который поэтому обладает особыми чертами, требующимися социальной системе вообще (2).

В-третьих, мы должны коснуться эволюционного развития обществ как в целом, так и их основных структурных

частей. Мы займемся последовательностью изменяющихся структурных стандартов, которые характерны для общества, как социальной системы в процессе его эволюции, а также — насколько позволят нам наши знания и объем книги — теми процессами, благодаря которым обеспечиваются переходы. Мы надеемся изобразить некоторые сравнительно согласованные между собой модели порядка, понимаемого в таком смысле.

Наконец, мы должны также рассмотреть вариабельность как проблему отличную от проблемы эволюционных этапов и результата, но взаимосвязанную с ними. Тот факт, что культурное, физическое, биологическое, психологическое и социальное окружение обществ, а также других социальных систем в высшей степени разнообразно, дает достаточное основание для того, чтобы ожидать, что общества, будучи независимыми от этих факторов окружения, будучи автономными, должны и рассматриваться по-другому. Некоторые подходы к специфике изменений, находящихся на различных этапах эволюции, ее причин и возможностей ее дальнейшего развития существенны для таких исследований, как наше.

В следующей главе будет изложена очень общая — и предварительная — схема, в которой эволюция обществ делится на три этапа: общества первобытные, переходные и современные. Субстантивный анализ, который проводится в этой книге, охватывает только первые две категории. Кроме того, большая часть его посвящена переходным обществам, отчасти потому, что они обнаруживают и большее количество изменений, и более значительные изменения, чем первобытные общества, а отчасти потому, что пограничная с нами дисциплина — социальная антропология — уже исследовала первобытные общества и в интенсивном, и в экстенсивном разрезе. Существует множество антропологических исследований, которые демонстрируют как сравнительный, так и эволюционные подходы к первобытным обществам. Переходные же общества исследовались главным образом археологами, историками, лингвистами и другими учеными, которые ориентировались скорее на отдельные цивилизации или же на отдельные аспекты социально-культурной структуры, чем на более общий аспект исследования.

Автор данной работы уже подготовил и продолжение ее, которое будет издано в серии «Основы современной социологии» под названием «Система современных обществ». Эти книги могут быть прочитаны и отдельно друг от друга, но обе они рассматривают (очень широко) одну и ту же большую эмпирическую проблему. Таким образом, тот, кто прочтет оба тома, может надеяться на то, что он лучше уяснит некоторые особенности этой проблемы. Итак, теперь объясним причины того, почему общее рассмотрение социального эволюционного процесса было разделено на две части.

По мнению автора, главные организационные модели обществ того типа, который следует рассматривать как современный, связаны общим происхождением. Это выражается в том, что общества Западной Европы рассматриваются как развивающиеся на средневековой основе, которая возникла после распада западной Римской империи. До сих пор главные структурные особенности других современных обществ в основе своей имели диффузию, распространяющуюся от этой исходной точки, хотя часто они вносили много важных структурных новаций (вариантов), которых не было в старых западноевропейских системах. Наиболее *развитыми* из этих обществ являются Соединенные Штаты и Советский Союз, европейское происхождение которых очевидно, а также Япония, модернизация которой совершенно явно была реакцией на воздействие европейско-американской системы, однако могли иметь большое влияние и местные элементы.

Это положение, подчеркивающее уникальность оригинального развития современного типа общества на Западе, выдвигает ряд проблем, касающихся объективности исследования, поскольку исследователь есть часть той системы, которую он пытается оценивать. Но наше подчеркивание факта общего происхождения может иметь также и преимущества, а именно: оно позволяет рассматривать главные современные общества в системе, которую они образуют, т. е. в системе более широкой и дифференцированной, чем какое-либо одно общество.

По-видимому, изменения первобытных и переходных обществ не следует вообще рассматривать как нечто, происходящее в больших системах в смысле современной системы, такое рассмотрение не принесло бы пользы. Эта осо-

бенность и обусловила естественный разрыв между предметом первой и предметом второй книги. Кроме того, она вызвала целый ряд производных проблем, касающихся интерпретации, которые направили наше внимание на обсуждение переходных обществ более высокого типа — проблем, значение которых классически продемонстрировал Макс Вебер.

Амплитуда изменения в переходных обществах повышенного типа очень велика, об этом говорят контрасты между Китайской империей в период ее расцвета, индийской кастовой системой, мусульманскими царствами и Римской империей. Все эти общества образуют **очень** высоко развитые цивилизации. Но почему же тогда переход к осовремениванию не имел места ни в одной из «восточных» переходных цивилизаций повышенного типа? И, напротив, какое сочетание факторов вызвало события, послужившие переходом к наиболее радикальной структурной регрессии в истории большей части этих обществ, в частности «упадок» Западной Римской империи и восстановление на ее территориях более или менее «архаических» социальных образований в период раннего средневековья? Это историко-интерпретативная точка зрения, отличающаяся от точки зрения систематически-теоретической, которой мы руководствовались в исследовании, изложенном в настоящей работе, также как и в продолжении ее.

II. Понятие *общество*: его составные части и взаимоотношения между ними

Как мы уже указывали, общество — это особый вид социальной системы. Мы рассматриваем социальную систему как одну из первичных подсистем системы человеческого **действия**, другие первичные подсистемы — это организм, обладающий поведением (behavioral organism), личность индивида и культурная система (3).

Общая концептуальная схема действия

Действие включает структуры и процессы, посредством которых человеческие индивиды продуцируют осмысленные намерения и применяют их, более или менее успешно, в конкретных ситуациях. Мир *сознательного* (meaningful) предполагает символический или культурный уровень представления (representation) или отношения (reference). Намерения и использование (implement ation), взятые вместе, предполагают возможность для системы действия — коллективного или индивидуального — изменить свои отношения с ситуацией или с окружением в желаемом направлении.

Мы предпочитаем термин *действие* термину *поведение*, т. к. нас интересуют не физические проявления поведения сами по себе, а их стандартизация, их стандартизованные осознанные результаты (физические, культурные и прочие), от инструментов до произведений искусства, а также механизмы и процессы, которые контролируют такую стандартизацию.

Человеческое действие в этом смысле «окультурено» и намерения, касающиеся действий, оформляются в терминах **символических** систем (включая и коды, посредством которых они действуют в моделях и которые сосредоточены в том, что наиболее универсально для всех человеческих обществ, — в языке).

В некотором смысле любое действие есть действие индивидов. Однако же как организм, так и культурная система включают в себя существенные элементы, которые не могут быть исследованы на уровне индивида.

Для организма первичный структурный референт — это не анатомия отдельного организма, а **тип вида** [генотип] (4). Этот тип сам по себе не существует, он действует через генетические конструкции отдельных индивидуальных организмов, которые включают в себя и изменяющиеся комбинации генетических материальных характеристик видов, и результаты действия различных окружающих условий. Однако важные индивидуальные различия могут входить в детерминацию отдельного действия, это общие стандарты больших человеческих групп, включающие разделение их на два пола, которые образуют большие органические подстраты действия.

Было бы неправильно, если бы мы сказали, что генетическая конструкция организма изменяется под влиянием окружающих условий. Генетическая конституция, скорее содержит в себе общую *ориентацию*, которая развивается отдельными анатомическими структурами, психологически-

ми механизмами и поведенческими стандартами во взаимодействии с факторами окружения на протяжении всей жизни организма. Факторы окружения можно анализировать с помощью двух категорий: во-первых, их ответственности за ненаследственные элементы физического организма; во-вторых, их ответственности за элементы, вводимые посредством обучения в систему, обладающую поведением. Это та категория, на которой мы, главным образом, и сосредоточимся. Хотя организм, по-видимому, способен обучаться и непосредственно от окружения, при отсутствии других организмов, обладающих поведением, теория действия в первую очередь занимается обучением, при котором другие организмы того же самого вида представляют наиболее значительную характеристику общего окружения.

Символически **организованные культурные модели**, как и все другие компоненты живых систем, возникли несомненно благодаря эволюции. Таким образом, человеческий лингвистический *уровень* их развития — это явление по существу уникальное, свойственное только человеку. Способность обучаться и использовать язык совершенно очевидно зависит от особой генетической конституции человека, поскольку обнаружилась неспособность всех попыток обучить им другие виды, в особенности приматов и *говорящих* птиц (5). Но генетически обусловлена только эта общая способность, а не отдельные символические системы, которые в настоящее время используются, развиваются и которым обучаются в тех или иных человеческих группах.

Кроме того, несмотря на общую способность человеческих организмов к обучению и следовательно, к созданию культурных элементов, ни один индивид не способен создать культурную систему. **Главные стандарты культурной системы** изменяются только на протяжении многих поколений, и они всегда являются общими для сравнительно больших групп; они никогда не бывают специфичными для одного или нескольких индивидов. Поэтому они всегда усваиваются индивидом, который может творчески вносить в них изменения (или разрушение) только по второстепенным вопросам. Таким образом, более общие культурные стандарты обеспечивают системы действия в высшей степени стабильной структурной опорой, аналогичной той опоре, которую дает ему генетический материал типа вида, заключающейся в элементах действия, приобретаемых посредством обучения, так же как гены дают врожденные элементы (6).

В рамках, которые образованы, с одной стороны, генетическим типом вида, с другой же — стандартизацией культуры, лежат возможности данных индивидов и групп создавать независимо структурированные системы, обладающие поведением. Поскольку актор генетически является человеком и поскольку его обучение имеет место в контексте той или иной культурной системы, его система поведения (которую я буду называть его личностью), прошедшая процесс обучения, имеет некоторые общие черты с другими личностями, например язык, которым он обычно говорит. В то же время его организм и окружение этого организма — физическое, социальное и культурное — всегда в определенных отношениях уникальны.

А потому его собственная система поведения будет **уникальным вариантом** культуры и ее отдельных стандартов действия. Поэтому очень важно рассмотреть систему личности как систему, не сводимую ни к организму, ни к культуре — то, что обучено, не является ни частью *структуры* организма в обычном смысле этого слова, ни характеристикой культурной системы. Это **аналитически независимая система** (7).

Протекающий в тесном взаимодействии с личностями общающихся между собой индивидов и стандартами культурной системы процесс социального взаимодействия образует четвертую систему, которая аналитически независима ни от личностных, ни от культурных систем, ни от организма (8). Эта независимость наиболее очевидна по отношению к требованиям интеграции, что ставит под угрозу систему социальных отношений, потому что ей присуще способность к конфликту и дезорганизации. Эта проблема известна под названием **проблемы порядка** в обществе, в классической форме изложенной Томасом Гоббсом (9). Система взаимодействия образует социальную систему, подсистему действия, которой мы главным образом и будем заниматься в нашей работе.

Приведенная выше классификация четырех в высшей степени обобщенных подсистем человеческого действия — организм, личностная социальная система и культурная си-

стема — это применение общей парадигмы, которая может быть использована в сфере действия и которую я буду использовать ниже для анализа социальных систем. Эта парадигма позволяет анализировать **любую систему** действия в терминах следующих четырех функциональных категорий: 1) сохранения высших *управляющих* или контролирующих стандартов системы; 2) внутренней интеграции системы; 3) ее ориентации на сохранение целей по отношению к окружению; 4) ее общей адаптации к широко понимаемым условиям окружения, т. е. не-действия, физического окружения. Внутри систем действия культурные системы специализируются на сохранении стандартов, социальные системы — на функции интеграции единиц действия (человеческих индивидов, или, точнее, личностей, занимающих те или иные роли), системы личности — на достижении целей, а организм, обладающий поведением — на адаптации (см. табл. 1, стр. 827).

Понятие социальной системы

Поскольку социальные системы создаются взаимодействием человеческих индивидов, каждый член такой системы является **одновременно актором** (обладающими целями, идеями, установками и т. д.) и **объектом** ориентации как для других акторов, так и для себя самого. Система взаимодействия, таким образом, **это аналитический аспект, который можно абстрагировать** от совокупности всех процессов действия участников этой системы. И в то же время эти *индивиды* являются организмами, личностями и участниками культурных систем.

В результате такой интерпретации каждая из трех других систем (система культуры, система личности и система организма, обладающего поведением) образует составную часть окружения — можно сказать **любого** окружения — социальной системы. Поскольку такие системы служат окружением самого действия, они стоят вверху и внизу общей иерархии факторов, контролирующих действие в мире живого. Это соотношение показано на таблице 1.

В этой иерархии ниже действия находится физико-органическое окружение, включающее подвиды человеческих организмов и *не обладающие поведением* компоненты человеческих организмов. Это особенно важный предел действия, потому что, будучи людьми, мы познаем физический мир **только** через этот организм. Наш ум ничего не будет знать о внешнем физическом объекте, пока мы не воспримем его посредством физических процессов и умственных *процессов*, информирующих о нем. Но в таком психологическом смысле физический объект — это аспект действия.

В принципе то же самое можно сказать и применительно к окружению, находящемуся выше действия — к *конечной реальности*, с которой мы имеем дело в конечном счете, рассматривая то, что Вебер называл *проблемами значения*, т. е. зла и страдания, временности человеческой жизни и пр. *Идеи* этой сферы в качестве культурных объектов — это в некотором смысле символические *репрезентации* (например, понятия целей, тотемов, сверхъестественного) конечной реальности, но сами по себе такой реальностью не являются.

Главным принципом организации живых систем является то, что их структуры дифференцированы в соответствии с различными требованиями, которые предъявляет им окружение. Так, биологические функции дыхания, переваривания пищи, движения и переработки информации базируются на дифференцированных системах органов, каждая из которых специализирована и приспособлена к требованиям некоторых отношений между организмом и средой. Мы будем использовать этот принцип для организации нашего анализа социальных систем.

Мы будем рассматривать социальные системы в их связях с наиболее важными из их окружений. Я утверждаю, что функциональная дифференциация трех подсистем действия (исключая отсюда социальную): культурной системы, системы личности и организма, обладающего поведением, и сочетание двух из них с двумя окружениями системы действия в целом, имеет очень большое значение для анализа различий социальных систем. Другими словами, мой анализ будет строиться на основании фундаментальных отношений системы — окружения (см. табл. 1).

В функциональных терминах нашей парадигмы социальная система — это **интегративная** подсистема действия в целом. Три другие подсистемы действия по отношению к ней создают основное ее окружение. Следовательно, при

анализе общества или других социальных систем можно применить изложенный выше принцип.

Мы убедимся, что три первичные подсистемы общества (табл. 2, колонка III, стр. 828) функционально специализированы на своих взаимоотношениях с тремя главными видами окружения социальной системы (табл. 2, колонка IV), каждая из них наиболее тесно связана с одним из этих окружений. Любая из этих трех подсистем общества может быть следовательно рассмотрена как непосредственное окружение подсистемы, которая является интегративной сутью общества (табл. 2, колонка II). Мы воспользуемся этим дуалистическим применением парадигмы для выявления нашей общей теоретической схемы, а также при анализе отдельных обществ и ходе изложения (10).

Понятие общества

При определении общества мы можем воспользоваться критерием, который восходит к Аристотелю. Общество есть такой тип социальной системы во всей совокупности социальных систем, которая достигла высшей степени *самодостаточности* в отношениях со своим окружением.

Это определение имеет в виду абстрактную систему, для которой другие столь же абстрактные подсистемы действия являются первичными окружениями. Такая точка зрения резко противоречит нашему обыденному представлению об обществе как о некотором образовании, состоящем из конкретных человеческих индивидов. Организмы и личности членов общества были бы тогда чем-то внутренним для общества, а не частью окружения. Мы не будем здесь разбирать достоинства обоих этих взглядов на общество, но читателю должно быть ясно, как мы используем их в данной работе.

При таком понимании критерий *самодостаточности* можно разложить на пять субкритериев, так что каждый из них окажется связанным с одним из пяти окружений социальной системы: «конечной реальностью», культурными системами, системами личности, организмами, обладающими поведением и физико-органическим окружением. *Самодостаточность* общества зависит от гармоничной комбинации контроля этого общества за его отношениями со всеми пятью окружениями и состояния его внутренней интеграции.

Мы обратимся теперь к иерархии контроля, который организует взаимоотношения аналитически выделенных систем. Она включает **кибернетический аспект** контроля, посредством которого системы, имеющие много информации, но мало энергии регулируют другие системы, имеющие много энергии, но мало информации (табл. 1, колонка V) (11). Так, запрограммированные следствия механических операций (например, в стиральной машине) могут контролироваться регулирующим выключателем, использующим очень немного энергии по сравнению с той энергией, которую в то же самое время используют движущиеся части машины или которая необходима для нагревания в ней воды. Другой пример — ген и тот контроль, который он осуществляет за синтезом протеина и другими аспектами метаболизма клеток.

Структуры культурной системы поставлены лицом к лицу с конечной реальностью при осознанной ориентации относительно остального окружения, а также системы действия, физического мира, организмов, личностей и социальных систем. В кибернетическом смысле она выше всех внутри системы действия, социальная система — рангом ниже, а личность и организм расположены относительно них еще ниже. Физическое окружение является первичным в смысле **условий**, которые отличны от организационного смысла. Поскольку физические факторы не контролируются кибернетически системами, стоящими на порядок выше, мы вынуждены к ним приспосабливаться, иначе человеческая жизнь исчезнет с лица земли. Человек зависит от кислорода, пищи, приемлемой для него температуры и т. д., и всем нам хорошо известны примеры такой зависимости.

Поскольку мы наметили рассмотрение в широкой эволюционной перспективе, то из несоциальных подсистем действия мы будем больше всего заниматься культурной системой. В течение долгого времени и в очень разнообразных условиях возникли формы социальной организации, которые обладают очень большими адаптивными способностями. Их общие характеристики становятся все более устойчивыми к изменениям, которые совершаются под влиянием узких, частных причин, которые действуют через посредство отдельных физических обстоятельств или индивидуальных организмов или же различий в типах личностей. В обществах более высокого типа индивидуальных личностей даже гораздо больше, несмотря на то что структура и про-

цессы такого общества меньше зависят от индивидуальной идиосинкразии. Таким образом, мы должны сосредоточиться на структурах кибернетически более высокого порядка — на культурной системе — для того, чтобы установить основные источники изменений, совершающихся в широком масштабе.

Социальные общины и их окружения (12)

Суть общества как системы — это стандартизованный нормативный порядок, благодаря которому жизнь популяции организована на коллективных основаниях. Общество, поскольку оно так упорядоченно, содержит в себе ценности, а также дифференцированные и специализированные нормы и правила, которые все нуждаются в культурных референтах для того, чтобы быть осмысленными и узаконенными. Общество, поскольку оно является коллективом, выдвигает стандартизованную концепцию принадлежности к нему, согласно которой и различаются индивиды, входящие в это общество и не входящие в него. Проблемы, касающиеся *юрисдикции* нормативной системы, могут создать такое положение вещей, что статус, «подходящий под рубрику» нормативных обязанностей, не будет точно совпадать со статусом принадлежности, т. к. принуждение нормативной системы по природе своей связано с контролем (например, благодаря «полицейской функции») *санкций*, применяемых только теми и только против тех, кто в настоящее время живет на данной территории (13). Если эти проблемы не достигли критического уровня, социальный коллектив может действовать эффективно, как единица, которая распоряжается своими субколлективами и следовательно может их изменять.

Говоря об обществе как коллективе, мы назвали одним из образцов общества социальную общину (community). Она образована как нормативной системой порядка, так и статусами, правами и обязанностями, которые принадлежат ее членам и которые могут быть различными в зависимости от характера групп внутри данной общины. Чтобы существовать и развиваться, социальная община должна сохранять и укреплять интеграцию общей культурной ориентации, в общем (хотя и не обязательно единообразно и единодушно) разделяемую ее членами как основу своей социальной идентичности. Этот вопрос затрагивает ее связь с культурной системой, находящейся на порядок выше. Вместе с тем, она должна в соответствии с обстоятельствами систематически интегрировать организмы своих членов (и их отношения с физической средой), а также их личности. Все эти факторы находятся в сложной зависимости друг от друга, и каждый из них является центром для кристаллизации социального механизма совершенно особого рода.

Культурная система как среда, окружающая общество (14)

Главная функциональная необходимость интеграции общества с культурной системой — это установление **законности** нормативного порядка общества. Эти системы законов определяют (см. Basic Problems and Approaches. N.Y.: The Free Press of Glencoe, 1964) права членов общины и запреты, с которыми они обязаны считаться.

Прежде всего требует узаконения возможность использования силы (power), но это не исключительное требование. Современное понимание законности не предполагает с необходимостью добавочную *мораль* в современном смысле этого слова. Однако оно предполагает, что в некоторых отношениях *справедливо* поступать в соответствии с институционализированным порядком.

Функция законности независима от **оперативных** функций социальной системы. Не существует такого нормативного порядка, который был бы всегда законен **сам по себе** в том смысле, что его разрешения и запреты, касающиеся образа жизни, **были бы просто правильны или же неправильны** и не подлежали никакому обсуждению. Он всегда адекватно узаконивается ссылкой на необходимость, которую испытывают низшие уровни иерархии контроля, т. е. тем, что нечто **должно** делаться **таким-то** образом потому, что стабильность и даже жизнеспособность системы зависит от этого.

Но **степень** независимости (обоснованной в культуре) принципов, на которых базируются законность и оперативные механизмы более низкого порядка (такие как бюрократическая организация и экономический рынок), в разных обществах весьма различна. В общем и целом возрастание такой независимости — главное направление эволюционного процесса, заключающееся в дифференциации культурных структур и процессов от социальных. Несмотря на то, что она расположена именно на этой линии развития, сис-

тема узаконения всегда основана на упорядоченных отношениях с конечной реальностью и сознательно ставится в зависимость от этого. То есть ее обоснование в некотором смысле всегда религиозно. В первобытных обществах действительно налицо небольшая дифференциация между структурой общества в целом и его религиозной организацией. В обществах более высокого типа зависимость социальных и культурных систем друг от друга в религиозном и юридическом контекстах предполагает сильно специализированные и очень усложненные структуры.

Культурные ценностные модели обеспечивают наиболее прямую связь социальной и культурной систем в узаконении нормативного порядка общества. Вид законности, в свою очередь, базируется на религиозных ориентациях. По мере все большей дифференциации культурных систем другие культурные структуры начинают приобретать все более независимое значение, в частности искусство, особым образом связанное с анатомией личности и эмпирической познавательной деятельностью, которая на более высоком уровне превращается в науку.

Личность как среда, окружающая общество

Отношение общества к системе личности коренным образом отличается от его отношения к культурной системе, потому что личность (подобно организму, обладающему поведением, и физико-органическому окружению) стоит ниже социальной системы в кибернетической иерархии. Общество как система и каждая из образующих его единиц — это результат обусловливающих их обстоятельств, которые являются в то же время и возможностями их осуществления, в каждом из трех контекстов. Поведение, социальные системы которого включают в себя некоторый теоретический аспект, в других аспектах всегда есть поведение каких-то живых человеческих организмов. Каждый такой организм в любой данный момент расположен в физическом пространстве, которое может быть изменено только благодаря физическому движению. Таким образом, экологический аспект отношений индивидов и их действий по отношению друг к другу никогда нельзя полностью исключить. Подобный подход применим и к органическим процессам, и к личностям, которые функционируют и развиваются. И те и другие, таким образом, постоянно присутствуют в качестве факторов конкретного действия. Поправки, связанные с воздействием личности, организма, обладающего поведением и физико-органической среды, принимаются в расчет при рассмотрении действительных организаций и функционирования социальных систем во многих сложных пересекающихся между собою измерениях, что требует тонкого анализа и постоянно усложняет исследования ученых, работающих в области общественных наук.

Главная функциональная проблема касается отношения социальной системы к системе личности, включая обучение, развитие и сохранение на протяжении всего жизненного цикла адекватной мотивации участия в социально признанных и контролируемых моделях действия. И напротив, обществу, следовательно, должно быть адекватным образом гарантировано со стороны его членов получение именно таких моделей действия, если оно постоянно продолжает находиться в процессе функционирования как социальная система. Эту связь осуществляет социализация, целый комплекс процессов, посредством которых индивиды становятся членами социальной общины и сохраняют этот статус.

Поскольку личность — это подвергнутая обучению организация индивида, обладающего поведением, процесс социализации всегда имеет огромное значение для ее формирования и функционирования. Успешная социализация требует, чтобы социальное и культурное обучение было эффективно мотивировано посредством воздействия на механизмы удовольствия данного организма. Следовательно, оно зависит от относительно постоянных, тесных связей между детьми и взрослыми людьми, собственные эротические мотивы и связи которых также требуют глубокого подкрепления. Этот комплекс необходимых условий, который мы начали гораздо лучше понимать благодаря Фрейду, представляет собою существенно важный аспект функционирования систем родства во всех человеческих обществах. Родство всегда заключается в упорядочении эротических отношений взрослых, их статусов по отношению к своим предполагаемым детям, статусов нового поколения и самого процесса социализации (15). Он присутствует во всех обществах, как бы сильно ни различались они своими формами и связями с другими структурными комплексами.

Система родства требует некоторого порядка повседневной жизни, который включает как органические, так и

психологические и социальные факторы. Здесь существует зона интеграции между системами поведения, личности, а также социальной системой, с одной стороны, и физической средой, с другой. Последнее включает институционализацию **места жительства**, т. е. размещения и формирования социальной единицы, которую мы будем называть **домашнее хозяйство**. Члены одного и того же домашнего хозяйства — это люди, которые живут вместе, образуя особую единицу. У них общее определенное место жительства, физически упорядоченное, такое как изба или дом, или же на временном месте жительства — лагерь. В большей части обществ люди обычно спят, приготавливают и потребляют пищу, а также отправляют большую часть формально одобренных сексуальных функций в этом физическом и социальном окружении. Единица «домашнее хозяйство», при всем ее разнообразии, по-видимому, основная единица солидарности в социальной системе.

Хотя формы ее бесконечно разнообразны, статус взрослого во всех обществах включает в себя некоторый объем личной ответственности. Индивид выполняет работу в некотором контексте коллективной организации. В результате длительного эволюционного процесса это выполнение институционализируется в современных обществах прежде всего вокруг профессиональной роли в коллективе, предназначенном для определенной функции, или в бюрократической организации. В любом случае **первичное** функциональное отношение взрослого индивида и общества, в котором он живет, связана с тем вкладом, который вносит индивид, выполняя свою работу, и с тем удовлетворением или вознаграждением, которые он за это получает. В достаточно дифференцированных обществах способность к деятельности превращается в мобильные ресурсы общества, которые можно мобилизовать благодаря рынку. Когда эта ступень достигнута, можно говорить о деятельности как о *выходе* (output) экономического процесса, пригодном для *потребления* в неэкономических обстоятельствах.

Для большей части людей в большей части обществ место жительства не отделено от места работы. Когда такая дифференциация имеет место (главным образом в городских общинах более высокого типа), тогда эти два места образуют ось размещения наиболее привычной для индивида жизни. Кроме того, эти два места должны быть достаточно доступны — функциональное требование, на которое ориентируется главная экологическая структура современных городов.

Все разнообразие функциональных отношений личности с ее окружением должно рассматриваться в других контекстах в связи с социальной системой. Тот факт, что индивид признает ценности и поддерживает их, в первую очередь зависит от культурной системы и в особенности от того, как она связана с обществом через религию. Поддержание мотивации на соответствующем уровне включает в себя главным образом социальные структуры, связанные с социализацией и отчасти — с родством. И хотя физическое здоровье — это уже другой вопрос, однако оно все-таки входит как составная часть в важную, но неясную сферу психического здоровья и воли больного к восстановлению своего здоровья. По-видимому, не существует общества без механизма поддержания мотивации, который действует через «терапевтические» процедуры особого рода (16). В большей части обществ эти процедуры являются преимущественно религиозными или магическими, но в современных обществах они вырабатываются прикладной наукой. В любом случае они радикально не отрываются от родства в масштабе всего общества, скорее вообще терапия обеспечивается родственными отношениями, которые являются главной базой, гарантирующей личность.

Может показаться удивительным, что отношение личности к социальной системе, социально структурированное тем, что мы называем деятельностью (service), дает главную **единицу для политического** аспекта обществ (17). Политические структуры связаны с организацией коллективного действия для достижения целей, определенных коллективно, независимо от того, происходит это в масштабе всего общества или в более узком масштабе и определены ли они территориально или функционально. Прогрессивное политическое развитие требует дифференциации статусов взрослого населения на некотором основании, представляющем собою комбинацию двух составных частей. Первая — степени ответственности за коллективно координированное действие, она образует основу институтов лидерства и власти (authority). Вторая связана с уровнями компетенции, основанной на знаниях, умениях и т.п. и предполагает, что при коллективных обсуждениях большее значение имеют те, кто более компетентен. Отделение политической систе-

мы от матрицы социальной общины заключается в институционализации иерархически расположенных статусов в обоих этих контекстах, часто в очень сложных комбинациях. Связь таких статусов с религиозным лидерством, в частности разграничения лидерства в религиозном и политическом контекстах, в настоящее время может быть очень сложным делом. Императив законности не только социального порядка, но также и политической власти, в частности, показывает основную часть этой сложности.

Если спуститься ниже, следуя кибернетической иерархии, то там существуют другие основания для возникновения сложностей. Как мы уже указывали выше, сохранение нормативного порядка предполагает, что он будет обеспечиваться в различных отношениях; должна существовать значительная — хотя она часто бывает весьма несовершенна — согласованность ожиданий, предъявляемых к поведению (behavioral expectation) и подтверждаемых ценностями и нормами. Самое главное условие такой согласованности — интернализация ценностей и норм общества его членами, т. к. такая социализация лежит в основе консенсуса, составляющего базис социальной общины. В свою очередь социализация, для того чтобы она могла стать основанием консенсуса, должна опираться на связующие людей интересы, преимущественно экономические и политические. Тем не менее ни одно общество не может сохранить свою стабильность в условиях различных чрезвычайных обстоятельств и напряжений, если системы интересов его членов не будут основаны на солидарности, на интернализованных ими лояльности и обязанностях.

Даже при наличии консенсуса и переплетенности интересов (intermeshing interests) всегда существует необходимость некоторого механизма **принуждения**. Эта необходимость связана, в свою очередь, с необходимостью авторитарной интерпретации (authoritative interpret) институционализированных нормативных обязанностей. Следовательно, все общества имеют какие-то узаконенные процедуры, посредством которых могут быть установлены справедливость и несправедливость без применения насилия и посредством которых те, кто считается неправым, могут быть ограничены при помощи воздействия на их разум, интересы или чувства со стороны других.

В силу указанного выше территориального включения в определенное место жительства и место работы, религиозные и политические организации и иные факторы поддержания нормативного порядка не могут быть отделены от контроля за деятельностью внутри некоторой территориальной области. Функция управления должна включать ответственность за обеспечение **территориальной интеграции** нормативного порядка общества. Этот императив имеет как внутренний, так и внешний аспект. Первый касается состояния принудительно проводимых общих норм и облегчения выполнения различными единицами их важнейших функций в обществе. Второй касается предупреждения разрушительного влияния на общину людей, которые не являются ее членами. В силу локально-органических условий, которые мы уже рассмотрели, эти два аспекта имеют одно общее свойство: для **максимального устранения** разрушительного влияния используется физическая сила (18). Использование силы принимает различные формы, преимущественно обороны от населения сопредельной территории и лишения свободы (заключение в тюрьму) тех, кто находится внутри данной территории. Контроль или нейтрализация организованного использования силы — одна из функциональных необходимостей укрепления социальной общины. В более глубоко дифференцированных обществах всегда присутствует в некоторой степени монополизация правительством этой социально организованной силы.

Таким образом, первая необходимость, которую испытывает общество по отношению к личности члена данного общества — это мотивация его участия (participation), включая сюда также и его согласие с требованиями нормативного порядка данного общества. Эту необходимость можно рассматривать на трех уровнях. Это, во-первых, самое общее согласие с главными ценностными моделями, что прямо связывается с религиозными ориентациями. Во-вторых, это *субстрат* личности, который с самого начала процесса социализации связан с эротическим комплексом и мотивационным значением родства и других интимных отношений. В-третьих, это уровень, более прямо связанный с трудом и инструментальными видами деятельности, которые отличаются от частных целей и ситуаций. Эти уровни личности приблизительно сопоставимы с *супер-эго*, *ид* и *эго*, по классификации Фрейда.

Кроме того, связь личности с организмом и включенность организма в физический мир действуют в двух релевантных контекстах, на которые мы указывали. Первое

касается органических процессов в целом — это адекватное условие функционирования личности, особенно в связи с комплексами родства, места жительства и здоровья. Второе — связь принуждения с использованием физической силы и проблема сохранения интеграции социального нормативного порядка на различных территориях.

Организм и физическое окружение как среда, окружающая общество

Рассмотрение связи социальной системы с ее органической базой и через нее с физическим миром должно начаться с рассмотрения физических требований органической жизни. Основные проблемы здесь — обеспечение пищей и жилищем, но и многие другие факторы создают проблемы во всех известных нам обществах. Техника, выросшая из сравнительно простых инструментов и навыков первобытных людей в очень сложные системы, характерные для современности, является социально организованной способностью контролировать и изменять предметы физического окружения в соответствии с желаниями или нуждами человека. В некоторых случаях социальная организация может заключаться в простом обучении навыкам отдельных ремесленников, которые работают самостоятельно. Но даже и в этих случаях, если развивается техника, ремесленнику становится невыгодно быть совершенно изолированным от тех, кто занимается подобным ремеслом, оставаясь связанным только с мастером, который его обучает. Кроме того, если его труд специализируется, он должен иметь какие-то организованные отношения с потребителями его продукта, а также, очень возможно, с источниками сырья и инструментов. Иными словами, не может быть ремесла, полностью изолированного от социальной организации.

Технологические процессы объективно способствуют сближению нужд и желаний людей. Они зависят от культурной системы через посредство своей **техники** (19) — некоторое добавление, которое вносит человек в общую сумму технических знаний своего общества, служит всегда увеличению их, а не создает особой *новой системы*. Кроме того, технические задачи всегда выполняются социально определенной **ролью**. Результаты в большинстве случаев — хотя отнюдь не всегда — это результаты **коллективно** организованных процессов, а не труда отдельного индивида. Таким образом, некоторые исполнительные или же координирующие функции должны выполняться в огромном разнообразии социальных отношений потребителями, снабженцами, рабочими, исследователями и т. п.

Техника, следовательно, есть первичный физический референт того комплекса, который включает в себя **экономику** в качестве первичного референта социальной системы. Экономика — это аспект социальной системы, ее функции состоят не только в том, чтобы социально упорядочивать технологические процедуры, но, что гораздо важнее, в том, чтобы включать их в социальную систему и контролировать их в интересах социальных единиц, будь то индивиды или коллективы (20). Институциональные комплексы собственности, договора и регулирования сроков найма — это важные интегрирующие элементы в данной сфере. Наиболее определенные экономические аспекты этого комплекса в примитивных и архаических обществах рассеяны в диффузных структурах, где доминируют родство, религия или политические интересы. При определенных условиях, однако, возникает рынок одновременно с развитием денежной системы как средством обмена (21).

Технологическую организацию, таким образом, следует рассматривать как пограничную систему между обществом, как системой, и физико-органической средой. Экономика является главной структурой, обеспечивающей связь в социальной общине. Согласно традиции в экономической теории строго подчеркивается, что главной ее функцией является **размещение (распределение)**. Ресурсы должны распределяться с целью удовлетворить огромное многообразие желаний, которые существуют в **любом** обществе, и возможности удовлетворения желаний должны распределяться между различными категориями населения. Технологическая точка зрения, как социально организованная, таким образом применима для реализации трудовых усилий (services). Когда эти трудовые усилия индивидов превращаются в мобильные и **распределяемые** богатства, становится неизбежным включение их в экономическую категорию, соединяя их с благами в формуле экономистов *блага и услуги* (goods and services). Они включены (посредством найма) в действующую организацию, однако они оказываются вовлеченными в то, что в аналитических терминах яв-

ляется политически функционирующими организационными процессами, ориентированными на достижение конкретных целей общества или релевантных субколлективов.

Такая постановка вопроса предполагает, что технология включает целый комплекс территориальных референтов, параллельных месту жительства. И действительно, они отдифференцировались от комплекса места жительства только на поздних этапах социальной эволюции. Наибольшее значение из них имеет вопрос о размещении *промышленности*. Поскольку люди выполняют различные профессиональные и рабочие роли, они должны работать **там, где** их услуги необходимы, и такое размещение должно координироваться с факторами, касающимися места жительства. Однако это размещение зависит также от близости к сырью и оборудованию и от распределения готового продукта. Промышленность, в строгом смысле этого слова, представляет собою как раз тот случай, когда экономические точки зрения получают преимущество. Но и проблемы размещения правительственной администрации или же специального религиозного персонала также можно проанализировать приблизительно в тех же самых терминах.

Социальная община и самодостаточность

Определенный порядок (приоритет) контроля характерен для связи между социальными подсистемами, которые связывают общество с его различными окружениями и саму социальную общину. Социальная община зависит от расположенной на порядок выше **культурной** системы ориентаций, которая является прежде всего источником законности ее нормативного порядка. Этот порядок, следовательно, образует референт более высокого порядка по отношению к экономической и политической подсистемам, которые более прямо связаны соответственно с личностью и физико-органическими видами окружений. В политической области приоритет социального нормативного порядка наиболее ярко выступает в функции принуждения (22) и в необходимости для агентов (представителей) общества осуществлять некоторый наивысший контроль за санкционированием посредством физического принуждения не потому, что физическая сила является таким кибернетическим контролером, а потому, что ее **следует** контролировать на более высоких уровнях. В экономической области этому соответствует необходимость институционального контроля за экономическими процессами в обществе (т. е. за распределением). И тот и другой случаи, следовательно, указывают на значение **нормативного контроля** за организмом и физическим окружением. Сила и другие физико-органические факторы, когда их используют в качестве санкций, гораздо больше способствуют обеспечению коллективных процессов, чем они могли бы это делать, будучи *необходимостью, обусловленной обстоятельствами*. Подобным же образом приоритет экономических точек зрения по сравнению с технологическими — вопросов о том, **что** следует производить **(и для кого)**, по сравнению с вопросами о том, **как** это производить — главное условие действительной полезности технологии (23).

Теперь можно суммировать все производные критерии *самодостаточности*, которые мы использовали при определении понятия *общество*. Общество должно представлять социальную **общину**, которая имела бы соответствующую степень интеграции или солидарности и особый статус принадлежности. Это не устраняет отношений контроля или симбиоза элементов популяции, только частично интегрированных в социальную общину, как, например, евреи в диаспоре, но должно существовать ядро из более сильно интегрированных членов.

Такая община является *несущей конструкцией* для культурной системы, достаточно генерализованной и интегрированной, чтобы узаконить нормативный порядок. Для такого узаконения необходима система конституирующего символизма, которая основывается на тождественности и солидарности общины, а также на убеждениях, ритуале и других культурных компонентах, которые являются воплощением такого символизма. Культурные системы обычно гораздо шире какого бы то ни было общества и его общинной организации, хотя, если взять некоторую область, включающую в себя много обществ, культурные системы могут постепенно переходить друг в друга. «Самодостаточность» общества в этом контексте, таким образом, заключается в институционализации им достаточного количества культурных компонентов для того, чтобы достаточно сносно обеспечить свои **социальные** нужды. Разумеется, отношения

между обществами с одними и теми же или же тесно связанными системами культуры рождают целый ряд особых вопросов. Некоторые из них мы рассмотрим ниже.

Этот элемент коллективной организации требует добавочного критерия «самодостаточности». «Самодостаточность» вовсе не означает, что все ролевые включения всех членов находятся внутри данного общества. Однако общество должно обладать достаточным набором ролевых возможностей, чтобы индивид мог обеспечить свои основные потребности на всех стадиях жизненного цикла, не выходя за пределы общества, а также для того, чтобы само общество могло удовлетворять свои собственные потребности. Монашеские ордена, соблюдавшие безбрачие, не удовлетворяют этому критерию, потому что они не могут пополняться новыми членами, которые рождались бы внутри ордена, не допуская нарушения основных норм.

Мы показали, что обеспечение нормативного порядка в коллективно организованной популяции предполагает контроль в некоторой территориальной области. Это очень важное требование с точки зрения интеграции управляющих институтов. Кроме того, это основной довод в пользу того, что такие функционально специфические коллективы, как церковь и общество предпринимателей, нельзя назвать обществом. По отношению же к членам как индивидам социальная «самодостаточность», следовательно, требует — и это требование имеет, по-видимому, наибольшее значение — адекватного контроля за мотивационной включенностью (commitments). За некоторыми, впрочем, естественным образом ограниченными, исключениями (например, основание новых колоний) это означает требование, чтобы состав общества пополнялся за счет рождения и социализации в первую очередь через систему родства, однако же многое в этом отношении можно сделать через систему формального образования и другие механизмы. Процесс пополнения в целом можно рассматривать как механизм социального контроля за структурами личности членов общества.

Наконец «самодостаточность» подразумевает адекватный контроль за экономико-технологическим комплексом, так что физическое окружение может быть использовано в качестве базы, откуда черпаются ресурсы, целесообразно и планомерно. Этот контроль перекрещивается с политическим контролем определенной территории и с контролем за отношениями принадлежности в комплексе родство — место жительства.

Ни один из этих субкритериев «самодостаточности» не является главным, если не принимать во внимание их общих отношений в кибернетической и условной иерархиях. Недостаточность какого-нибудь одного из них или какой-либо комбинации этих критериев может привести к дезорганизации общества или к состоянию хронической нестабильности или жесткости, что воспрепятствовало бы дальнейшей эволюции. Таким образом, эта схема может быть иногда полезна при объяснении перерывов, которые наступают в процессе эволюции.

Структурные компоненты общества

Описывая выше отношения общества с его окружением, мы пользовались относительно систематической классификацией структурных компонентов. Нам кажется очень важным четкое выявление этой схемы, потому что она лежит в основе всего дальнейшего изложения.

Наше первоначальное определение социальной общины подчеркивало взаимодействие двух факторов, а именно: **нормативного порядка** и **коллективно** организованной популяции. Для того, чтобы достичь главных целей, которые мы поставили себе при анализе обществ, нет необходимости расширять нашу классификацию компонентов сверх того, что мы проведем единственное разграничение внутри каждого из этих факторов. В каждом из факторов мы выделим те аспекты, которые в первую очередь являются внутренними для социальной общины, и те, которые преимущественно связывают ее с окружающими ее системами.

С нормативной точки зрения мы можем выделить **нормы и ценности**. Ценности — в общепринятом смысле (24) — мы рассматриваем как элемент, по преимуществу связывающий социальную и культурную системы. Нормы же в основном социальны. Они имеют значение регуляторов социальных процессов и отношений, но не олицетворяют принципов, которые были бы пригодны для **социальной** организации или даже для отдельной социальной системы. В обществах наиболее высокого типа структурным фокусом норм является юридическая система.

С точки зрения организованной популяции, **коллектив** — это категория интрасоциальной структуры, а роль — категория пограничной структуры. Релевантное пограничное отношение связывает социальную систему с личностью ее отдельного члена. Граница с физико-органическим комплексом — это такая граница, которая не требует в данном контексте более тонкой классифицирующей концептуализации, хотя результаты действия и личности, и социальной системы влияют на организм как через процессы социализации, через обучение, так и различными другими способами.

Эти четыре структурные категории — ценности, нормы, коллективы и роли — можно соотнести с нашей общей функциональной парадигмой (25). Ценности преобладают в моделях, поддерживающих функционирование социальной системы. Нормы по преимуществу интегративны; они регулируют огромное разнообразие процессов, которые способствуют соблюдению общепризнанных ценностей. Функционирование коллектива в первую очередь связано с достижением актуальной цели во имя социальной системы. Когда индивиды выполняют **социально** важные функции, они выполняют их как члены коллектива. Наконец, функция роли в социальной системе по преимуществу адаптивна. Это становится особенно ясным на категории работы (service) как способности выполнять ролевые виды деятельности, имеющие ценность, что является самым главным общим адаптивным ресурсом любого общества, хотя эти ресурсы должны координироваться с культурными, органическими и физическими ресурсами.

Любая конкретная структурная единица социальной системы всегда является комбинацией всех четырех компонентов: представленная здесь классификация содержит **компоненты, а не типы**. Часто мы говорим о роли или коллективе так, как если бы они были конкретной реальностью, но они, строго говоря, не что иное, как эллиптическое высказывание. Нет коллективов без ролей входящих в них членов и, напротив, нет такой роли, которая не являлась бы частью коллектива. Нет такой роли и такого коллектива, которые не *регулировались* бы нормами и не характеризовались бы соблюдением ценностных моделей. Для целей теоретического анализа мы можем абстрагировать, например, ценностные компоненты от структуры и описывать их как **культурные** объекты, но если их использовать конкретно в качестве категорий социальной структуры, они всегда соотносятся с компонентами социальных систем, которые **в свою очередь** содержат все три компонента других типов.

Тем не менее четыре категории компонентов в данном случае являются независимыми переменными. Зная ценностную модель коллектива, например, невозможно заключить, какова композиция его ролей. Конечно, в некоторых весьма редких случаях содержания двух или более типов компонентов изменяются одновременно так, что содержание одного из них может быть непосредственно выведено из содержания другого, но такие случаи нехарактерны.

Таким образом, **одни и те же** ценностные модели образуют структурные части огромного множества разнообразных единиц или подсистем общества и часто создают несколько уровней в структурных иерархиях. И **одни и те же** нормы часто имеют значение для функционирования различных видов действующих единиц. Следовательно, законное право собственности включает в себя общие нормативные элементы, является ли носителем этого права семья, религиозная организация или же коммерческая фирма. Разумеется, нормы дифференцированы в зависимости от ситуаций и функций, но основы их дифференциации совершенно другие, чем основы дифференциации коллективов или ролей. Таким образом, оказывается, что **любой** коллектив, находящийся в определенной ситуации и выполняющий определенную функцию, будет регулироваться определенной нормой, **независимо** от всех других его особенностей. И, наконец, такое независимое изменение характерно также и для ролей, например, роли исполнителей и руководителей, а некоторые типы профессиональных ролей одинаковы для многих видов коллективов, а не только для какого-нибудь одного из них.

Тот же основной принцип независимости изменения применим и к отношению социальной системы с системами, составляющими ее окружение. Это — человек в роли, а не конкретный индивид вообще, который является членом коллектива и даже социальной общины. Например, я — член некоторых международных коллективов, которые не являются частью американской социальной общи-

ны. Многогранный характер ролей, совмещаемых одним и тем же индивидом — главная посылка социологической теории, и это постоянно необходимо иметь в виду. По мере того, как общество развивается, ролевое многообразие приобретает все большее значение, и это характерно для любого общества.

Процесс и изменение

Фраза «эволюционная и сравнительная точки зрения» вынесена в подзаголовок этой книги. Схема структурных категорий, уже описанная нами, послужит главным референтом для сравнительного аспекта нашего эмпирического анализа. Эволюция же — это краткое обобщающее положение, касающееся типа процесса изменения. Прежде чем мы приступим к эмпирическим проблемам, нам следует кратко изложить точку зрения на процесс, изменение и концепцию социальной эволюции.

Тип процесса, характерного для социальной системы, мы называем **взаимодействием** (26). В отличие от действия (action), этот процесс должен сосредоточиваться на символических уровнях. Это означает, по существу, лингвистический уровень выражения и коммуникации. Концепция общего уровня обоснована, потому что эти факторы, которые мы называем речью и письмом, связаны со многими другими значительными вещами, такими как «жестикуляция», физическое «воплощение» целей и т. д. Кроме того, существует символическое средство взаимодействия несколько иного типа, чем язык, а именно деньги, которые, по-видимому, являются все же скорее специфическим языком, а не средством коммуникации, которое существенным образом отличалось бы от него.

Язык — это не только агрегация символов, которые использовались в прошлом, это **система** символов, которая имеет значение **кода** (27). Лингвистический код — это структура **нормативная**, параллельная той, которая компонует социальные ценности и нормы. В действительности ее, по-видимому, следует рассматривать как особый случай нормы, если при этом принимать во внимание ее культурный аспект в отличие от социального.

Процессы коммуникации, как правило, воздействуют на реципиентов информации, хотя в какой степени это воздействие является воздействием, предполагавшимся коммуникатором, всегда проблематично. Информация на входе может стимулировать информацию на выходе, которая в каком-то смысле является ответом. Однако может иметь место и отсутствие ответа, в частности, когда некоторая информация «передается» (например, напечатана в газете) таким образом, что «любой человек» может заметить ее, а может и не заметить, может отреагировать на нее, а может и не отреагировать.

Тот процесс, который приводит к ответу, каким-то образом связанному с одним или более коммуникативными *входами*, можно назвать *решением*. Этот процесс имеет место внутри данного *черного ящика*, личности данного актора. Поскольку коммуникация — это часть социального процесса, личность действует **в какой-то роли**, характер которой зависит от ее отношений с действительными и потенциальными реципиентами данной информации и с источниками, которые посылают ей коммуникативные импульсы.

Хотя решение, по-видимому, может быть ответом и на отдельную информацию, оно является достаточно эллиптическим для того, чтобы рассматривать его как следствие единственного стимула. Решение — **всегда** следствие **комбинации** факторов, среди которых имеется только один непосредственный импульс. Весь социальный процесс в целом можно представить себе как комбинацию и рекомбинацию переменных, факторов коммуникации.

Например, использование силы (power) можно представить как коммуникацию решения, следствия которого обязательны для коллектива и для действий всех его членов, которых данное решение касается. Так, подготавливая свою армейскую единицу к наступлению, офицер отдает команду, которая должна привести в действие всю сложную систему поведения отряда солдат. При этом не вызывает сомнения тот факт, что такие кибернетические **коммуникативные процессы** могут успешно протекать **только** в таких контекстах, в которых **институциональные структуры** осуществляют строгий контроль за различными факторами, которые мы уже рассматривали выше (28).

Более конкретно можно будет представить себе социальные процессы только после того, как в последующих гла-

вах данной книги будут рассмотрены отдельные примеры, касающиеся конкретных обществ. Процесс особого рода, которому посвящена данная книга — это **изменение**. Хотя все процессы что-то изменяют, нам необходимо, чтобы достигнуть поставленных в данной работе целей, выделить из всех процессов именно те, которые изменяют социальные структуры. Совершенно очевидно, что для того, чтобы **поддерживать** функционирование любой социальной системы, необходимо наличие множества сложных процессов. Если люди, входящие в данное общество, не будут ничего делать, то это общество очень быстро прекратит свое существование.

На самом высшем теоретическом уровне нет никакого различия между процессами, которые обеспечивают сохранение системы, и теми процессами, которые обеспечивают ее изменение. Различия заключаются в интенсивности, размещении и организации «элементарных» компонентов отдельных процессов по отношению к той структуре, на которую они действуют. Но когда мы описываем харизматическую революцию или развитие бюрократической системы как процессы, мы говорим о них не на таком элементарном уровне, мы обобщаем много сложных комбинаций элементарных процессов. Разумеется, мы не будем делать это во многих отношениях отчасти потому, что размеры книги не позволяют нам рассматривать проблемы более детально, а отчасти потому, что нам не хватает знаний обо многих из тех процессов, о которых пойдет речь.

Парадигма эволюционного изменения

Наиболее важным типом из всех процессов изменения с эволюционной точки зрения является **повышение способности к адаптации** как для обществ с новым типом структуры, так и, благодаря культурной диффузии, а также влиянию других факторов, для других обществ и, по-видимому, на более поздних этапах их развития. Некоторые общества сыграли роль как бы теплицы, в которой развились другие общества, приобретшие огромное значение уже много времени спустя после того, как общества-«теплицы» перестали существовать. Древний Израиль и классическая Греция недолго просуществовали в качестве отдельных, политически независимых обществ, но они внесли очень существенный вклад в систему современных обществ.

Тем не менее как развитие этих «теплиц», так и случаи более непосредственного усиления способности к адаптации (например, возникновение бюрократических организаций большого масштаба в некоторых империях) можно, по-видимому, проанализировать в терминах общей парадигмы, которую я здесь привожу в самом простом виде и буду более подробно развертывать в последующих главах.

Во-первых, существует процесс **дифференциации**. Единица, подсистема либо же категория единиц или подсистем, занимающая свое определенное место в обществе, делится на единицы или подсистемы (как правило, на две), которые отличаются **как** по структуре, так и по функциональному значению внутри более широкой системы. Когда берут в качестве примера семью, то непременно указывают на то, что домашнее хозяйство, организованное по признаку родства, в обществах, где доминирует крестьянство, является одновременно и единицей места жительства, и первичной ячейкой сельскохозяйственного производства. В некоторых обществах, однако, наиболее продуктивно труд выполняется на специализированных предприятиях, таких как мастерские, заводы, конторы, где работают люди, являющиеся **одновременно** и членами семей, ведущих отдельное домашнее хозяйство. Эти два ряда ролей и коллективов дифференцировались, и их функции разделились. Должна была также произойти дифференциация на уровне норм и некоторая специализация общих ценностных моделей для применения их в различных ситуациях.

Если дифференциация способствует созданию уравновешенной, более развитой системы, каждое новое выделение подструктуры (например, выделение в выше описанном случае производящей организации) должно повышать адаптивную способность к выполнению данной подсистемой ее **первичной** функции по сравнению с ее способностью выполнять те же функции в первоначальной, более диффузной структуре. Так, производство различных благ, как правило, более эффективно на предприятиях, чем в домашних хозяйствах. Можно назвать этот процесс ступенью **повышения адаптации** в общем цикле эволюционного изменения. О нем можно говорить как на уровне роли, так и на уровне коллектива. Люди, принимающие участие (в этом процессе), точно так же, как и коллектив в целом, могут достигать большей производительности, чем до сих пор, если

измерять это соотношение какой-то стоимостью конечного продукта. Наличие таких изменений не означает, что прежняя единица («место жительства») «утратила свои функции» во всей их совокупности. Домашнее хозяйство более не является значительным производственным предприятием, но другие свои функции оно теперь может выполнять гораздо лучше, чем до сих пор.

Процессы дифференциации, таким образом, ставят перед нами новые проблемы, касающиеся **интеграции** системы. Действия двух (или более) категорий структурных единиц должны координироваться теперь там, где до сих пор существовала только одна единица. Следовательно, в системах, которые осуществляют использование профессионального труда (in employment-occupational systems), отец семейства уже более не является контролером производства в **своей роли, обусловленной родством**. Значит, производящая организация должна создавать систему власти, которая **не укладывается** в отношения родства, а коллективы производственные и группирующиеся вокруг домашнего хозяйства должны координироваться внутри более широкой системы — например, благодаря изменению в структуре местной общины.

Улучшение адаптации, таким образом, требует, чтобы специализирующиеся функциональные способности были свободны от рамок, налагаемых аскрипцией внутри более диффузных структурных единиц. Это есть, следовательно, использование более **общих** ресурсов, которые независимы от аскриптивных источников. Поэтому дифференциация и процессы улучшения адаптации могут потребовать включения в статус членов данной общинной системы ранее не входивших в нее групп, которые приобрели теперь узаконенные возможности «способствовать» функционированию данной системы (29). Вероятно, наиболее общеизвестным и частым случаем проявления этого являются системы, разделенные на выше и ниже расположенные классы, в которых *высший* класс монополизировал статус «настоящих» членов общества, относясь к низшему классу — поскольку он вообще к нему как-то относится — как к классу граждан второго сорта (as a second-class citizenty). Процессы дифференциации и усовершенствования способности к адаптации увеличивают трудности, возникающие при попытках сохранить такую простую дихотомию. Дифференциация, в частности в случае, когда она касается производства и возникает острая необходимость в интеграции вновь разделившихся подсистем, требует, с другой стороны, включения элементов, которые ранее были внешними по отношению к данной системе.

Последний компонент процесса изменения касается его связи с системой ценностей данного общества. Любая система ценностей характеризуется особым типом **модели**, так что, будучи институционализирована, она утверждает в качестве желательного **общий тип социальной системы**. Посредством того, что мы назовем спецификацией, такая общая оценка со всеми ее последствиями «накладывается» и на различные дифференцировавшиеся подсистемы и сегментальные единицы. Следовательно, ценностная ориентация, свойственная отдельному коллективу, роли или комплексу норм — это не модель, общая для всей системы, а адаптированное, специализированное «применение» ее.

Система или подсистема, подвергшаяся процессу дифференциации, порождает функциональную проблему, которая является противоположностью проблеме спецификации, а именно: установление варианта ценностной модели, которая соответствовала бы новому, только что возникшему **типу** систем. Поскольку это, как правило, более сложный вид, чем тот, что ему предшествовал, его ценностная модель должна находиться на более высоком уровне **обобщения**, чтобы узаконить большее разнообразие целей и функций ее субъединиц. Но процесс генерализации часто наталкивается на некоторые трудности, потому что приверженность к ценностной модели часто ощущается различными группами как приверженность к ее содержанию на первичном, более низком уровне обобщения. Эти трудности можно назвать *фундаментализмом*. Для фундаменталистов необходимость более широкого обобщения оценочных стандартов выливается в отказ от *истинных, конкретных* стандартов. Множество разнообразных конфликтов завязывается именно вокруг этих проблем (30).

Состояние любого данного общества и, более того, система связанных между собою обществ (как, например, существовавшие на Среднем и Ближнем Востоке общества городов-государств античного периода) — это сложный результат последовательных циклов, включающих в себя эти (и другие) процессы изменений. Такая результирующая на

некотором одинаковом (для всех обществ) этапе общего процесса будет иметь тенденцию создавать целый спектр типов, отличающихся друг от друга соответственно различным ситуациям, в которых находятся эти общества, степени их интеграции, функциональному месту, занимаемому ими в более широкой системе.

Некоторые варианты внутри определенного типа обществ, более общие характеристики которых сходны между собою, будут иметь больше возможностей проходить дополнительные эволюционные этапы. Другие же могут задерживаться в своем развитии внутренними конфликтами и другими трудностями, так что они оказываются в состоянии только поддерживать себя на прежнем уровне или даже деградируют. Но среди них могут быть, как мы указывали выше, некоторые наиболее перспективные общества с точки зрения появления в них компонентов, имеющих огромную непреходящую ценность.

Когда в каком-то месте пестрого разнообразия обществ возникает «прорыв» в развитии, то последующий процесс инновации, я полагаю, будет всегда отражаться нашей парадигмой эволюционного изменения. Такой прорыв ставит общество, в котором он произошел, на совершенно другой уровень способности к адаптации в некоторых жизненно важных отношениях, изменяя систему его конкурентных отношений с другими обществами. Вообще говоря, такого рода ситуация открывает для обществ, не получивших данного нововведения непосредственно, четыре возможности. Нововведение попросту может быть ликвидировано другими обществами, более сильными, хотя, может быть, и менее прогрессивными. Хотя, если это нововведение — культурного характера, его трудно ликвидировать полностью, и оно может иметь огромное значение даже после того, как общество, которое его породило, будет разрушено. Во-вторых, пределы, поставленные конкуренцией, могут быть преодолены посредством адаптации нововведения. Существующее у слабо развитых обществ стремление к *модернизации* — это как раз такой очевидный и важный пример.

Третья альтернатива — возведение убежища для себя, в котором общество, изолированное от окружающего мира, могло бы поддерживать свою старую структуру в относительно сохранном состоянии. И последняя возможность — утеря себя самого посредством дезинтеграции и абсорбции другими большими социальными системами. Эти возможности — только названия типов, и могут иметь место многие сложные их комбинации и оттенки.

Дифференциация подсистем общества

Теперь следует рассмотреть общие схемы, по которым, по-видимому, протекает дифференциация в обществе. В силу кибернетического характера социальных систем эта схема должна быть **функциональной**. **Возрастание сложности** систем, поскольку это не простая сегментация, приводит к развитию подсистем, которые специализируются на конкретных функциях в действии данной подсистемы как целого и интегративных механизмов, которые связывают между собою функционально дифференцированные подсистемы.

Для наших целей очень важно проанализировать функцию двух главных уровней: общей системы действия и социальной системы. Каждый уровень может потенциально увеличивать степень дифференциации своих подсистем в направлении четырех функциональных референтов, которые мы очертили.

Наиболее существенные процессы эволюции, начиная с первобытных социальных условий, касаются общего уровня действия, в частности связи между культурной и социальной системами. Но некоторые связи организмов с технологией и системы личности с политической организацией, показывают, что две другие главные подсистемы действия также оказывают фундаментальное влияние.

В следующей главе мы попытаемся доказать, что очень низкий уровень дифференциации между этими четырьмя подсистемами — вероятно, приближающийся к минимальному уровню из тех, которые согласуются с человеческими способами действия — это отличительный критерий наиболее примитивного типа общества.

Дифференциация культурной и социальной систем на ранних этапах своего развития наиболее отчетливо выражается в области религии в виде огромной «дистанции», возникающей между богом и человеческим существом (31). Эта дифференциация появляется в первобытных обществах более высокого типа, получая еще большее развитие в древних обществах и достигая принципиально нового уровня в том, что Беллах называет *историческими* религиями (32).

Параллельный процесс дифференциации можно проследить между личностью и обществом относительно степени автономии индивидов. Организм начинает дифференцироваться от общества где-то между уровнем технологии и уровнем экономических процессов, и эта дифференциация касается распределения мобильных ресурсов и потребительских благ, которые «присваиваются» и производятся, а также факторов производства.

Когда мы выше рисовали схему интерсистемных отношений, мы предполагали, что этот процесс дифференциации на уровне общей системы действия будет стимулироваться свойственными обществу как системе процессами и сам будет их стимулировать. То, что мы называем системой поддержания моделей в обществе — система по преимуществу **культурная**, в ее фокусе находится прямая связь с культурой. Она сначала четко дифференцируется от других социальных подсистем, последние утверждают себя как ярко выраженные *мирские* сферы, которые, хотя и узакониваются в религиозных терминах, не являются частью религиозной системы. Этот процесс приводит к *отделению церкви от государства*, который и завершается полностью до того, как христианство вступает в свою позднеримскую стадию.

Создание автономной юридической системы — это, по-видимому, наиболее важный показатель дифференциации между интегративной системой общества, сосредоточенной в социальной общине, и государством, которое занимается выбором, упорядочением и достижением коллективных целей, а не сохранением солидарности (включая сюда и порядок) как таковой. Изо всех систем прошлого общество Древнего Рима сделало наибольшие успехи в этом направлении.

Наконец, экономика стремится отдифференцироваться не только от технологии, но также от государства и от того способа сохранения моделей, который связан с родством. Деньги и рынок — вот наиболее важные институциональные комплексы, участвующие в дифференциации экономики. По-видимому, различия между Месопотамией и обществом Древней Греции означали наиболее ранние этапы этого институционального развития, но было много и последующих этапов при переходе к современным системам.

Схема-образец четырех функций и наш анализ тенденции социальных систем дифференцироваться на четыре первичные подсистемы — это основная нить всего анализа в целом (33). Когда же в поле зрения окажется более чем четыре основных подсистемы, мы будем считать их как одну или как комбинацию, достигая этого тремя путями. Во-первых, всякое значительное явление можно сегментировать, а не дифференцировать. Во-вторых, можно ввести не один уровень референтов систем, а более. Например, институты родства включают в себя особую интеграцию социальных компонентов, размещенных в подсистеме поддержания моделей, и личности, а следовательно, функционально менее дифференцированы, чем такие структуры, как современные университеты или церкви. В третьих, существует различное распределение значения между функционально значимыми компонентами, так что важное типологическое разделение может быть проведено **внутри** сравнительно хорошо дифференцированной подсистемы, такой как экономика или государство. Часто это происходит в результате пересечения с элементами, находящимися на других уровнях системы или в других подсистемах того же самого уровня.

Отсюда ясно, что выше приведенная классификация в своей основе является аналитической, а не конкретной (34). Любая отдельная подсистема общества может включать в себя все три типа сложности в конкретной комбинации. Это, однако, не имеет значения для чисто теоретических целей, т. е. стремления разрешить проблему чисто аналитическим путем. И хотя тому типу системы, который мы анализируем, соответствует очень сложная конкретная специфика, исходные точки подсистем общества — поддержание модели, интеграция, политика и экономика — можно рассматривать как важный аналитический инструмент нашего анализа в целом.

Этапы эволюции обществ

Эволюционная точка зрения предполагает как критерий эволюционного направления, так и эволюционную схему этапов. Мы обозначили фактор направления как увеличение общей способности к адаптации, намеренно взяв его из теории органической эволюции. В заключительных главах это получит развернутую интерпретацию.

Осталось рассмотреть проблему этапов. Мы вовсе не считаем, что эволюция общества — это континуум или пря-

молинейный процесс, но мы можем различить самые общие уровни достигнутые в процессе эволюции, не прослеживая всего огромного разнообразия факторов, из которого эти уровни складываются. Для вполне определенных целей, которые преследует данная книга, нам достаточно разграничить три очень общих эволюционных уровня, которые мы назовем **первобытным, переходным и современным.** Данная книга сосредоточивается на рассмотрении первых двух категорий, оставляя рассмотрение третьей из них на будущее. Некоторая произвольность присутствует в любой конкретной схеме этапов, а потому внутри этих двух достаточно общих категорий, которые мы будем рассматривать ниже, мы посчитали необходимым сделать, в свою очередь, еще подразделения (35).

Критерий деления, или водораздел, между главными этапами в нашей классификации базируется на критических точках развития, выражающихся в элементах нормативных структур. Для превращения первобытного общества в общество переходного типа главная линия развития заключается в языке, который является в первую очередь компонентом культурной системы. При превращении общества переходного типа в современное общество критической точкой развития является институционализация кодов нормативного порядка, находящихся внутри социальной системы и концентрирующихся в юридической системе.

И в том и в другом случаях критериями служат скорее определенные привычные выражения, указывающие на тот сложный предмет, о котором идет речь. **Письменный язык,** этот фокус критической стадии развития первобытного общества, усиливает дифференциацию социальной и культурной систем и существенно увеличивает объем и влияние последней из них. Основное символическое содержание культуры с появлением письменности может быть воплощено в формы, которые не зависят от конкретного контекста взаимодействий. Появляется возможность несравненно более широкой и сильной культурной диффузии как в пространстве (если говорить о популяциях), так и во времени. Это создает явление «радиовещания» т. е. ориентацию сообщений на неопределенную аудиторию, на всех тех, кто читает на данном языке и может случайным образом натолкнуться на этот документ. Кроме того, ограничение временем не накладывается на данное сообщение. Только письменная культура может обладать **историей** в смысле осознания, основанного на документальных свидетельствах, прошлых событий, которые до сих пор хранились только в памяти живущих и в неясных устных сказаниях.

Существует много этапов и аспектов развития и институционализации письменного языка и письменности (36). Ранние этапы, известны; в частности в тех обществах, которые мы называем древними, ограничивались тем, что *искусством* письма обладали малые группы, используя его для специфических целей, чаще всего исключительно религиозных и магических. Вторым важным критическим этапом развития, по-видимому, критерием продвижения вперед обществ переходного типа, является институционализация грамотности для всех взрослых мужчин высшего класса. Такие общества, как правило, организуют свою культуру как ряд исключительно важных, обычно духовных книг, знание которых ожидается ото всех «образованных» людей. Только в современных обществах стало возможно институционализировать грамотность для всего взрослого населения, что на самом деле указывает на то, что начался второй основной этап современности.

Письменный язык и доступность документов способствовали стабилизации огромного большинства социальных отношений. Например, сроки договорных соглашений не зависели больше от ненадежной памяти партнеров или же свидетелей, но они могли быть записаны и в любой необходимый момент с ними можно было свериться. Значение такой стабильности трудно переоценить. Несомненно, что это стало главным условием роста объема и сложности многих компонентов социальной организации.

Одновременно письменность является источником гибкости и возможности нововведений. Однако часто «классические» документы создают основу для жесткого традиционализма. Наличие документов, «правильных» с официальной точки зрения, дает возможность гораздо более успешно и глубоко анализировать соответствующие культурные проблемы. Если данный документ нормативен для некоторой сферы действия, он сразу же ставит перед нами проблему: как в конкретной ситуации могли быть действительно выполнены его предписания. И кроме всего, письменные документы создают базу для аккумуляции культурных достижений, они позволяют более точно определить отличи-

тельные признаки вносимых нововведений, чем это делала устная традиция.

В то время как письменность увеличивает независимость культурной системы от некоторых условий в обществе, закон, который создается на соответствующих уровнях, увеличивает независимость нормативных компонентов структуры общества от стечений обстоятельств, создаваемых политическими и экономическими интересами, и от действующих через них личностных, органических факторов и факторов физического окружения.

Вопрос о том типе закона, институционализация которого означает превращение обществ переходного типа в современные общества, в высшей степени сложен. Ясно, что его организация должна быть в высшей степени абстрактной в соответствии с универсалистскими принципами. Это именно тот фактор, который прежде всего устраняет такую импозантную систему, как закон Талмуда или закон традиционного Ислама из права, классически называемого «современным». Им не хватало того уровня обобщения, который Вебер называл **формальной рациональностью** (37). Современные юридические системы должны также сильно акцентировать фактор **образа действия** (процедуры), который отличает их от предписаний и стандартов. Только на основе преимущества, отдаваемого процедуре, данная система может справляться с неисчерпаемым разнообразием меняющихся обстоятельств и случаев, не прибегая к конкретным решениям.

Как мы увидим, римское право периода империи более всего приближалось к системам типа, предшествующего современному, смягчая наиболее «формальные» аспекты своих требований, и, разумеется, внесло очень важный вклад в возникшие позднее современные системы. Но достаточной исходной точки для возникновения «современных» структур в Римской империи, собственно, не было. Следует предположить, что это была первая попытка достигнуть уровня такой институционализации права в римском обществе. Римская империя не создала достаточно интегрированной социальной общины, и ей не удалось приобщить все большие этнические, территориальные и религиозные группы к единому, основному нормативному порядку, обязательному для всего общества под властью правительства Римской империи.

ПРИМЕЧАНИЕ

(1) В биологической теории изменение рассматривается как главный фактор в эволюционном процессе на любом уровне развития. Проглядев его фундаментальное значение, ранние социальные эволюционисты очень быстро потеряли истинно эволюционную точку зрения на процесс развития.

(2) См.: *Parsons T.* Social Systems and Subsystems // International Encyclopedia of the Social Sciences.

(3) Читателю может помочь при разборе всего последующего изложения обращение к таблицам 1 и 2, приложенным к данной главе, которые представляют графические взаимоотношения между этими системами.

(4) Хорошими современными обзорами эволюционной биологии являются: *Simpson G.G.* The Neaning of Evolution. New Haven: Yale Univeraity Press, 1950; *Nayr E.* Animal Species and Evolution. Cambrige: Harvard Univ. Press, 1963.

(5) См. главу V в книге: Worlds and Things by *Biger Brown* (Glencoe: Free Press, 1958).

(6) Эту точку зрения разделяет Альфред Эмерсон в статье: Homeostasis and Compatison of Sysema // Boy Grinker (ed.). Toward a Unified Theory of Human Behavior. N.Y.: Basic Books, 1956. P. 147–1162, especially p. 152.

(7) Наиболее подробное обсуждение отношений личности к другим подсистемам действия содержится в кн.: *Pitts J.R.* «Introduct» on to Part Three of «Theories of Society», *Parsons T.*, Shils *E.A.*, *Haegele K.D.* and *Pitts J.R.* (eds.), N.Y.: Free Press of Glencoe, 1961.

(8) «Some Fundamental Categories of the Theory of Action» — (общий коллективный очерк), а также: «Values, Motives and System of Action» — работа Талкотта Парсонса и Эдварда Шилза в составе сборника 1951 г. Toward a General Theory of Action. Cambridge: Harvard Univ. Press 1951. См. также: *Parsons T.* «Interaction» in the forthcoming International Encyclopedia of the Social Sciences.

(9) Я воспользовался точкой зрения Гоббса как наиболее пригодной в качестве исходной точки для моего собственного подхода к теории социальных систем. См.: *Parsons T.* Structure of Social Action. N.Y.: Mcgraw-Hall, 1937.

(10) См.: *Parsons T.* «Social Systems and Subsystems» in the forthcoming International Encyclopedia of the Social Sciences.

(11) Теория кибернетики была разработана сначала Норбертом Винером в «Кибернетике» (Cybernetics. Cambridge: The M.I.T. Press, 1948, ed., 1961) и была применена к социальным проблемам в его работе: The Human use of Human Beingns. Garden City: Anchor B., 1954. Хорошее изложение основных ее положений для ученых, работающих в сфере общественных наук дал: *Deutsch K.W.* The Nerves of Government. N.Y.: Free Press of Glencoe, 1963.

(12) Этот раздел касается соотношения колонок II, III и IV в таблице № 2.

(13) *Parsons T.* Some Reflections on the Place of Force in Social Processes// Harry Eckstein (ed.) Internal War: Basic Problems and Approaches. N.Y.: The Free Press of Glencoe, 1964.

(14) Следующие три раздела касаются отношений, существующих между третьей и четвертой колонками в таблице № 2.

(15) См.: *Parsons T., Bales R.*, Family, Socialization, and Interaction Process. Glencoe: The Free Press, 1955.

(16) *Nelson B.* Self-Images and Systems of Spiritual Direction in the History of European Civilization//The Quest for Self-Control/ Klausner S.Z. (ed.). N.Y.: The Free Press of Glencoe, 1965.

(17) *Parsons T.* The Political Aspect of Social Structure and Process// Varieties of Political Theory /David Easton (ed.) (Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, 1966).

(18) *Parsons T.* Some Reflections on the Place of Force in Social Process. Op. cit. (См. сноску № 13).

(19) Навык — это в значительной степени интернализация некоторых элементов культуры организмом.

(20) *Parsons T., Smelser N.J.* Economy and Society. Glencoe. The Free Press, 1956.

(21) *Smelser N.J.* Social Change in the Industrial Revolution. Chicago. University of Chicago Press, 1957.

(22) Акцент на принуждении здесь связан с условиями обеспечения нормативного порядка. Когда достижение коллективных целей, как мы показывали выше, оказывается под вопросом, акцент переносится на эффективную мобилизацию трудовых и материальных ресурсов. Это связано с тем, что адекватный нормативный порядок в политической системе — условие эффективной мобилизации для достижения целей.

(23) Естественно, этот приоритет не мешает нам включить отношения между уровнями двух видов. Конечно, технологическое нововведение, которое приводит к появлению нового продукта, может «стимулировать» спрос на этот продукт. Но это изменение всегда порождает вновь проблему распределения на экономическом уровне. Обосновано ли это с точки зрения альтернативных способов, которыми могут быть использованы соответствующие ресурсы?

(24) Важно не смешивать употребление в этом смысле с употреблением в смысле объекты, которые имеют ценность (valued objects), которого придерживаются такие теоретики как Томас и Знанецкий, Лассвел, Истон и Хоманс.

(25) *Parsons T.* General Theory of Sociology //Sociology Today / Merton R.K., Broom L., Leonard S., Cottrell J. (ed.) N.Y.: Basic Books, 1959, and Harper Torchbooks, 1965.

(26) *Parsons T.* «Interaction», op. cit.

(27) *Jacoson R., Halle M.* Fundamentals of Language. Hague: Mounton, 1956; *Chomsky N.* Syntactic Structures. Hague: Mounton, 1957.

(28) Я выдвигал это положение и прежде в двух работах, посвященных более сложным проблемам, возникающим при концептуализации социального процесса; см.: On the Concept of Influence // Public Opinion Quarterly. Spring, 1963; On the Concept of Politic Power // Proceedings of the American Philosophical Society. June, 1963.

(29) Это может вылиться в расширение масштаба общины для того, чтобы вновь выделившиеся элементы могли отделиться, например, младшая ветвь семьи выделяется на новое место жительства.

(30) Этот анализ процесса эволюционного изменения является ревизией схемы помещенной в: Some Considerations on The Theory of Social Change // Rural Sociology. Sept., 1961, P. 219–239.

(31) *Hubert H., Mauss M.* Sacrifice: It's Nature and Function. Chicago: University of Chicago Press, 1964.

(32) См. об этом ниже: главы IV и V, а также: *Bellah R.N.* Religious Evolution // American Sociological Review. June, 1964.

(33) См.: *Parsons T.* General Introduction // Theories of Society, part II (см. прим. 7).

(34) Т. е. это следует из теоретических отношений, представленных в таблице 2, преимущественно в колонках I, II, III.

(35) Беллах в своей известной статье «Эволюция религии» пользуется схемой, содержащей пять основных этапов, ко-

торые не перекликаются отчетливо с данной схемой. Отчасти потому, что у нас были разные подходы. Беллах занимался более конкретно культурными, а не социальными факторами. Но я думаю, что различие наших схем вытекает также и из различия наших теоретических точек зрения.

(36) См.: *Goody J., Watt I.* The Consequences of Literacy // Comparative Studies in Society and History. April, 1963.

(37) См.: Max Weber on Law in Economy and Society /Rheinstein M.(ed.). Cambridge: Harvard University Press, 1954, especially ch. 8.

Текст к таблице №1.

Таблица №1 представляет основные связи между социальной системой и всеми системами, составляющими ее окружение, согласно той функциональной схеме, которой мы пользовались в тексте. В колонке I перечислены функциональные категории, интерпретированные здесь для общего уровня действия. В колонке II социальная система выделена из других, сопутствующих ей интегративных функций внутри системы действия. Колонка III, связанная с колонкой IV в таблице №2, перечисляет два окружения, внутри которых функционируют системы — постольку, поскольку они здесь вычленены, — а именно: физико-органическое окружение, связь с которым опосредуется организмом, обладающим поведением; и окружение, которое мы назвали «конечной реальностью», связи с которой опосредованы искусственными символическими системами (например, религиозными компонентами) культурной системы. Наконец, колонка V показывает два направления, в которых идет влияние факторов на данные системы. Стрела, направленная вверх, показывает иерархию условий на любом данном кумулятивном уровне из тех, что расположены выше, по известной формуле — «необходимы, но недостаточны». Стрела, направленная вниз, означает иерархию контролирующих факторов в кибернетическом смысле этого слова. По мере того, как мы опускаемся вниз, контроль над все более и более необходимыми условиями делает возможным осуществление моделей, планов и программ. Системы расположенные в данном порядке на более высоких уровнях, обладают большей информацией, в то время как те, которые расположены ниже, обладают более высокой энергией.

Текст к таблице №2.

Таблица №2 схематически представляет совокупность отношений, которые мы обрисовали в тексте, касаясь первичной структуры общества как системы и сосредоточив свое

Таблица 1

Подсистемы действия

I	II	III	IV	V
Функции в общих системах действия		Интерактивные окружения (среда) социальных систем	Окружения (среда) действия	Кибернетические связи
Сохранение модели		Культурная система	"Предельная реальность"	Внешняя точка информации (контроль)
Интеграция	Социальная система			Иерархия контролирующих факторов
Достижение целей		Система личности		Иерархия обусловливающих факторов
Адаптация		Поведенческий организм	Физико-органическая среда	Высокая энергия (Условия)

Таблица 2

Социальная община и ее среда (environments)

рассмотрение на определенном месте некоторой социальной общины. Колонка I перечисляет четыре первичных функциональных категории соответственно их месту в кибернетической иерархии контроля. Связанная с колонкой I колонка II представляет социальную общину как интегративную подсистему общества, т. е. как теоретически определенную подсистему, характеризующуюся преобладанием интегративной функции в большой системе. Колонка III показывает три другие теоретические основные подсистемы (функции которых также даны в связи с колонкой I), служащие окружением социальной общины, которые являются внутренними по отношению к обществу как социальной системе. Они находятся в процессе взаимного обмена материалом и готовым продуктом (input-output interchenge), и у них есть некоторые сферы взаимного пересечения друг с другом. Колонка IV описывает в таком же порядке другие первичные подсистемы действия (не социальную систему), показывая их как то, что в свою очередь образует окружение социальной системы, предполагая тот же самый порядок взаимообмена и интерпретации, но при другом конкретном содержании. Наклонные линии показывают, что вся социальная система в целом, а не отдельные ее подсистемы, включена в этот взаимообмен с окружениями, в которых протекает действие. Наконец, колонка V перечисляет те функциональные категории, по которым дифференцируются системы действия, на этот раз в контексте общей системы действия, а не в контексте данной социальной системы, как это было сделано в колонке I.

Содержание

Предисловие 3

ТОЧКА ЗРЕНИЯ АВТОРА 15
Перевод Е. Молодцовой и В. Степанова

СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА 73

Глава 1. *Перевод Г. Беляевой*
Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем 75

Глава 2. *Перевод В. Чесноковой*
Главные точки отсчета и структурные компоненты теории социальных систем 96

Глава 3. *Перевод В. Тапилиной*
Структура социальной системы: организация компонентов в субсистемы 147

Глава 4. *Перевод В. Герчикова*
Структура социальной системы: инвариантные точки отсчета структурной дифференциации и вариации обществ 197

Глава 5. *Перевод В. Чесноковой*
Структура социальной системы: конкретные различия и изменения в структуре обществ 241

Глава 6. *Перевод В. Чесноковой*
Обучение социально-ролевым ожиданиям и механизмы социализации мотивации 303

Глава 7. *Перевод Н. Осиповой*
Девиантное (отклоняющееся) поведение и механизмы социального контроля 360

Глава 8. *Перевод В. Чесноковой*
Система убеждений и социальная система: проблема «роли идей» 452

РОЛЬ ИДЕЙ В СОЦИАЛЬНОМ ДЕЙСТВИИ 521
Перевод И. Бакштейна

ОЧЕРК СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 543
Перевод А. Харраша

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 687
Перевод А. Харраша

СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА И КУЛЬТУРА 693
Перевод А. Харраша

ОБЩЕСТВА 777
Перевод В. Чесноковой

Научное издание

Талкотт **П**арсонс

О социальных системах

Компьютерная верстка: *А. Щукин*
Корректор: *О. Орлова*

Изд. лиц. № 065723 от 10.03.98.
ООО «Академический Проект»

111399, Москва, ул. Мартеновская, 3, стр. 4
Санитарно-эпидемиологическое заключение Департамента государственного эпидемиологического надзора
№ 77.99.04.953.П.002217.08.01 от 24.08.2001 г.

По вопросам приобретения книги просим обращаться в ООО «Трикста»:
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3, стр. 4
Тел./факс: (095) 305•60•88; тел. 305•37•02.
E-mail: progect@ropnet.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-093, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.07.02.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура Мысль. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,68. Тираж 3000 экз.
Заказ № 389.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ГИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.